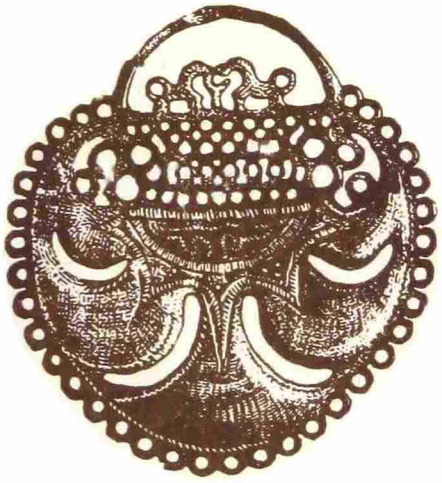
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· «НАУКА» ·
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1975

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Формозов (Москва). Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии 5
В. П. Третьяков (Ленинград). В защиту единства волосовских древностей 14
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа» 23
А. Т. Рамишвили (Тбилиси). О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья 36
Н. А. Фролова (Москва). О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI 45
М. Б. Щукин (Ленинград). О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян 57
Р. Г. Фахрутдинов (Казань). Еще раз о столице домонгольской Булгарии 71
В. Л. Егоров (Москва). О времени возникновения Казани 80
К 70-летию со дня рождения С. В. Киселева 88

Публикации

А. П. Савчук (Киев). Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье 92
Н. О. Бадер (Москва). Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) 99
Г. А. Чернов (Москва). Устьхейягинское древнее поселение на р. Коротаихе 112
Е. Н. Черных (Москва). Аи-бунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах (исследования 1971, 1972 и 1974 гг.) 132
А. Д. Пряхин (Воронеж). О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья 154
В. В. Евдокимов (Кустанай). Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол 163

© Издательство «Наука».
«Советская археология», 1975 г.

М. Ф. Косарев, Т. М. Потемкина (Москва). Поселение Ишкуль I 173
Б. Ю. Михлин (Донецк). Сарматское погребение в Южном Донбассе . . . 185
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия) 193
Ю. Л. Щапова (Москва). Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве 209
И. К. Лабутина, О. А. Кондратьева (Псков, Ленинград). Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове 223
П. А. Раппопорт (Ленинград). Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске 235

Заметки

С. В. Кузьминых, В. С. Патрушев (Москва). Литейная форма из Акозино 249
И. Б. Васильев (Куйбышев). Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии 250
В. А. Петренко (Грозный). Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия) 256
Е. П. Казаков (Казань). Два погребения Чишминского могильника 259
Л. Г. Колесникова (Севастополь). Погребение воина на некрополе Херсонеса 264
В. А. Буров (Москва). «Муж добръ Есифъ Давыдович» 267
Г. Н. Иванова (Красноярский край). Рейнская керамика из раскопок во Пскове 274
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане 276
А. К. Станюкович, А. Г. Атавин (Москва). Простейший полевой зонд для археологических разведок 280

Критика и библиография

В. А. Шнирельман (Москва). Проблема происхождения натуфийской культуры (обзор литературы) 283
И. И. Артеменко (Киев). Ch. Strahm. Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. Acta Bernesia VI. Bern, 1971 293
Э. А. Сымонович (Москва). І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972 . . 297
И. П. Русанова (Москва). І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972 . . 301
Г. М. Буров (Симферополь). К вопросу о происхождении коми (в связи с опубликованием монографии Э. А. Савельевой) 304

Хроника

Г. Н. Лисицына (Москва). 3-й международный симпозиум по палеоэтноботанике 311
Минаева Татьяна Максимовна 313
Степанов Павел Дмитриевич 314
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1975 год 316

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 4
1975

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

A. A. Formozov (Moscou). Quelques résultats et problèmes dans des recherches de l'histoire de l'archéologie 5
V. P. Trétiakov (Léningrad). En faveur de l'unité des antiquités de la culture de Volossovo 14
M. D. Khlobystina (Léningrad). Questions concernant l'étude de la structure des communautés andronoviennes du type alakoulien 23
A. T. Ramichvili (Tbilissi). La destination des stations à céramique décorée par impression de tissu, du littoral nord de la mer Noire 36
N. A. Frolova (Moscou). Sur l'époque du règne des rois du Bospore Radamses et Rhescuporis VI 45
M. B. Chtchoukine (Léningrad). Quelques problèmes concernant la culture de Tcherniakhovo et l'origine des Slaves 57
R. G. Fakhroutdinov (Kazan). Reparlons de la capitale prémongole de la Bulgarie volgienne 71
V. L. Egorov (Moscou). Sur l'époque de la fondation de Kazan 80
Pour le 70ème anniversaire de la naissance de S. V. Kissélév 88

Publications

A. P. Savtchouk (Kiev). De nouveaux monuments mésolithiques sur le cours moyen du Dniepr 92
N. O. Bader (Moscou). Un établissement des premiers agriculteurs: Tell-Sotto (d'après les fouilles de 1971, 1973—1974) 99
G. A. Tchernov (Moscou). Etablissement prehistorique d'Oustkhéïaghine, sur la rivière Korotaïkha 112
E. N. Tchernykh (Moscou). Aï-bounar, une mine de cuivre du IVe millénaire avant notre ère, dans les Balkans (fouilles de 1971, 1972 et 1974) 132
A. D. Priakhine (Voronej). Les établissements de la communauté abachévienne dans les régions sud-ouest de la moyenne Volga 154
V. V. Evdokimov (Koustanaï). Nouvelles fouilles dans l'établissement d'Alexéiévo, sur la rivière Tobol 163
M. F. Kossarev et T. M. Potemkina (Moscou). L'établissement d'Ipkoul I . . 173
B. Iou. Mikhline (Donetzk). Une sépulture sarmate dans le Donbass méridional 185
V. A. Lekvinadzé (Tbilissi). Une riche sépulture de la fin du IVe siècle, à Ouréki (Géorgie) 193
Iou. L. Chtchapova (Moscou). De nouveaux détails pour contribuer à l'histoire des mosaïques de la cathédrale Ouspenski à Kiev 209
I. K. Laboutina et O. A. Kondratiéva (Pskov, Léningrad). Plaques représentant le Centaure et un animal fabuleux, trouvées dans les fouilles de Pskov 223
P. A. Rappoport (Léningrad). La cathédrale du monastère de la Trinité à Klovka (Smolensk) 235

Notices

S. V. Kouzminykh et V. S. Patrouchev (Moscou). Un moule provenant d'Akozino 249
I. B. Vassiliev (Kouïbychev). L'établissement de Douvanievskoïé, en Bachkirie (fin de l'Age du Bronze) 250
V. A. Petrenko (Grozny). Un trésor de harnachements pour chevaux provenant des fouilles du deuxième oppidum de Khankala (Tchétchéno-Ingouchétia) . . 256

E. P. Kazakov (Kazan). Deux inhumations de la sépulture de Tchichminskoïé . . . 259
L. G. Kolesnikova (Sébastopol). Inhumation d'un guerrier dans la nécropole de Chersonèse . . . 264
V. A. Bourov (Moscou). «Iéssif Davydovitch, homme de bien.» . . . 267
G. N. Ivanova (région de Krasnoïarsk). Céramique rhénane provenant des fouilles de Pskov . . . 274
Iou. A. Zadnéprovski (Léningrad). Un lieu d'inhumation de pasteurs du XIIIe s. au XIV s., à Ferghana . . . 276
A. K. Stanioukovitch et A. G. Atavine (Moscou). Une très simple sonde pour les investigations archéologiques . . . 280

Critique et bibliographie

V. A. Chnirelmane (Moscou). Le problème des origines de la culture natoufienne (aperçu de littérature) . . . 283
I. I. Artémenko (Kiev). Ch. Strahm. Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. Acta Bernesia VI, Bern, 1971 . . . 293
E. A. Symonovitch (Moscou). I. S. Vinokour. Histoire et culture der tribus tcherniakoviennes de la région comprise entre le Dniestr et le Dniepr (du IIess. au Ve s. de n. è.). Kiev, 1972 . . . 297
I. P. Roussanova (Moscou). I. S. Vinokour. Histoire et culture des tribus tcherniakoviennes de la région comprise entre le Dniestr et le Dniepr (du IIe s. au Ve s. de n. è.). Kiev, 1972 . . . 301
G. M. Bourov (Simféropol). Le problème de l'origine des Komis (à l'occasion de la publication de la monographie de E. A. Saviéliéva) . . . 304

Actualites Archeologiques

G. N. Lissitsyna (Moscou). Le IIIéme Symposium international de paléoethnobotanique . . . 311
Minaieva T. M. . . . 313
Stepanov P. D. . . . 314

А. А. ФОРМОЗОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ

За последние десятилетия в нашей стране заметно оживился интерес к историографии. В Академии наук СССР создан Научный совет по истории исторической науки. Вышло четыре тома обобщающих «Очерков истории исторической науки в СССР» [1] и великолепный библиографический справочник по дореволюционной историографии, охватывающий свыше 11 000 названий [2]. Основана серия ежегодников «История и историки». Наряду с многочисленными статьями на те же темы опубликованы учебники и курсы лекций по историографии и ценные монографические труды.

Этот растущий интерес к историографии нашел свое отражение и в смежных с археологией науках. Институт этнографии АН СССР выпустил в свет шесть историографических сборников [3], книги М. Г. Левина [4] и С. А. Токарева [5].

И. Г. Спасский опубликовал содержательные статьи о прошлом русской нумизматики [6]. Вышло восемь сборников, посвященных истории музейного дела в России и СССР [7].

Нельзя сказать, что наши археологи остались совершенно равнодушны к этому направлению науки. То тут, то там публикуются статьи по истории археологии в России. Написаны и монографии, характеризующие развитие отдельных разделов в нашей области знаний. Трехтомный обзор исследований палеолита Сибири и окружающих ее районов защищен В. Е. Ларичевым в качестве докторской диссертации [8]. Кандидатскими диссертациями стали сводки по истории археологии в Прибайкалье Н. Д. Архипова [9] и по истории изучения каменного века в Средней Азии — М. Д. Джуракулова [10].

И все же приходится признать, что исследование истории своей науки у советских археологов большого развития не получило. У нас все еще

---

[1] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I—IV. М., 1955—1966.

[2] История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

[3] Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, т. I—VI. М., 1956—1974 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 30, 85, 91, 94, 95, 102).

[4] *М. Г. Левин.* Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.

[5] *С. А. Токарев.* История русской этнографии. Дооктябрьский период. М., 1966.

[6] *И. Г. Спасский.* Очерки по истории русской нумизматики. ТГИМ, 25, 1955, стр. 34—108; *его же.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк минцкабинета — отдела нумизматики. «Нумизматика и эпиграфика», VIII, 1970, стр. 123—234.

[7] Труды НИИ музееведения, I (История музейного дела в СССР). М., 1957; II, 1961; VII, 1962; Очерки истории музейного дела в России, т. II. М., 1960; Очерки истории музейного дела в СССР, V, М., 1963; VI, 1968; VII, 1971; Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры, 22, 1970.

[8] *В. Е. Ларичев.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I—II. Новосибирск, 1969—1972.

[9] *Н. Д. Архипов.* История становления и развития археологической науки в Прибайкалье (XVIII в.— 1940 г.). Автореф. канд. дис., М., 1973.

[10] *М. Джуракулов.* История изучения каменного века в Средней Азии. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1966.

пет книги «История русской археологии», равноценной сводке С. А. Токарева, хотя, казалось бы, при наличии четырехтомной «Истории русской этнографии» академика А. Н. Пыпина более актуальным было бы создание историографии именно археологии, а не этнографии[11]. В обобщающих трудах советских археологов историографические главы занимают значительное место в очень редких случаях. Пожалуй, только в книгах П. И. Борисковского, М. К. Каргера и А. П. Окладникова эти главы имеют самостоятельное значение и носят исследовательский характер[12]. Напротив, в получивших заслуженное признание трудах Н. Н. Воронина, С. В. Киселева, С. П. Толстова историографические введения сводятся к двум-трем страницам и имеют сугубо справочное значение[13]. В ценной монографии В. Ф. Гайдукевича, посвященной истории Боспорского царства, исследующегося русской наукой чуть ли не двести лет, историографическая глава отсутствует вовсе[14]. Была забыта, к сожалению, и никак не отмечена юбилейная дата — столетие основания Археологической комиссии (1859—1959 г.) — учреждения, непосредственно предшествовавшего центральному археологическому учреждению СССР — ордена Трудового Красного Знамени Институту археологии Академии наук СССР. История Археологической комиссии в отличие от истории Московского и Русского археологических обществ так и не написана.

В нашей литературе мы нередко встречаемся с недостаточным знакомством с работами предшественников. Бывает, что какая-нибудь плодотворная идея, высказанная достаточно давно, приписывается авторам последних сводок на данную тему. Так, В. И. Сарианиди называет крупнейшим достижением В. М. Массона мысль о двух зонах первобытной Средней Азии — зоне земледельцев в предгорьях и зоне охотников и рыболовов, переходящих к скотоводству, в степях и пустынях[15]. Между тем эта мысль вовсе не выдвинута В. М. Массоном в 1964 г., а фигурировала еще более двадцати лет назад в докладах С. П. Толстова[16].

Г. Н. Матюшин считает замечательным открытием Е. Н. Черных вывод о том, что медные и бронзовые изделия проникали на Русскую равнину сперва с Кавказа, а позднее с Урала[17], хотя это обобщение было сделано еще в довоенные годы и опубликовано О. А. Кривцовой-Граковой в 1955 г.[18]

Каковы же причины меньшего внимания к историографии у археологов, чем у историков, этнографов, нумизматов? Дело, видимо, в специфике самой археологической науки. Каждый год, каждый полевой сезон увеличивает объем ее источников, тогда как фонд источников у историков (если не говорить о материалах по текущему столетию) относительно стабилен. Совершенствуется методика раскопок и камеральной обработки коллекций. Труды наших предшественников уже не удовлетворяют нас с методической стороны. Более того, археологи, работающие не один десяток лет, замечают, как быстро устаревают их собственные книги и статьи.

---

[11] Пока заменой такой книги могут служить главы по истории русской археологии в первых трех частях «Очерков истории исторической науки в СССР», написанные А. В. Арциховским и созданные на основе историографического курса, читающегося им на кафедре археологии МГУ.

[12] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА, 40, 1953, стр. 11—29; *М. К. Каргер.* Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 11—62; *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 13—50.

[13] *Н. Н. Воронин,* Зодчество Северо-Восточной Руси XI—XV вв., т. I. М., 1961, стр. 9—15; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 5—9; *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 7—10.

[14] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949.

[15] *В. И. Сарианиди.* Рецензия на кн.: *В. М. Массон.* Средняя Азия и древний Восток. ВДИ, 1970, 1, стр. 158.

[16] *С. П. Толстов.* Аральский узел этногонического процесса. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 309.

[17] *Г. Н. Матюшин.* У колыбели истории. М., 1972, стр. 34.

[18] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 50—69.

Отсюда возникает представление о ценности исследований только последнего десятилетия, только нынешнего поколения ученых, о том, что все, сделанное в начале XX, а тем более в XIX и XVIII вв., сейчас уже не имеет никакого значения. Так ли это? Рассмотрим некоторые аспекты работы в области истории археологии и покажем важность этого направления исследований.

Целый ряд археологических находок, сделанных в прошлом, сохраняет свою уникальность и поныне. В 1741 г. академик Г. Байер описал две золотые диадемы, украшенные драгоценными камнями, найденные около Казани [19]. До сих пор эти произведения североитальянских мастеров IX в. остались единственными среди находок в Поволжье и недавно заняли важное место в сводке В. П. Даркевича [20]. В равной мере не утратили своего значения вещи из сибирской коллекции Петра I [21], клады ювелирных изделий киевской эпохи, обнаруженные в самом Киеве в 1787, 1824, 1827, 1841, 1842, 1846 гг., в Старой Рязани — в 1822 г., и в других пунктах — в 1807, 1822, 1823, 1836, 1837 и последующих годах [22]. Одна из задач археологов — сбор сведений об археологических находках, сделанных в прошлом, но остающихся ценными и для составления археологических карт, и для статистики, и сами по себе.

Зачастую старые коллекции до нас не дошли, но сохранились рисунки, позволяющие судить об исчезнувших древностях. Так, Д. Г. Мессершмидт зарисовал в 1723 г. каменные изваяния, найденные на р. Тубе и вскоре разбитые местным населением. Несмотря на непрекращающиеся в течение 250 лет исследования в Минусинской котловине данный тип изваяний не встретился больше ни разу. Перед нами важный документ о монументальной скульптуре, видимо, тагарского времени [23]. Е. Н. Дмитриева и В. П. Левашева проанализировали зарисовки древних вещей из Сибири, сделанные для В. де Геннина в 1734 г., и выявили таким путем интересные материалы о памятниках разных этапов эпохи металла [24]. О. И. Бич извлекла из дневников П. Дюбрюкса сведения об уничтоженной ныне части некрополя Пантикапея [25].

Внимание археологов должна привлечь не только содержащаяся в старых источниках информация о погибших памятниках, но и старинные описания и рисунки древностей, уцелевших до сего дня. Сравнение их прежнего состояния с теперешним оказывается очень любопытным. Так, сопоставление снятой в конце XVII столетия копии Ирбитской писаницы бронзового века с нынешним ее состоянием позволило В. Н. Чернецову опровергнуть многократно высказывавшееся мнение о быстром разрушении росписей охрой на открытых скалах [26]. Весьма ценным для изучения античного города был проведенный А. Н. Карасевым анализ планов Ольвии, снятых в начале XIX в. [27] Еще больше дало изучение карт Гераклейского полуострова и планов Херсонеса конца XVIII — начала XIX в.,

---

[19] *T. S. Bayer.* De doubus diadematibus in Museo Imperatorio. «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», VIII, Petropoli, 1741, p. 378—387.

[20] *В. П. Даркевич.* Произведения западноевропейского художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е — 1—57, 1966, стр. 7, 8.

[21] *С. И. Руденко.* Сибирская коллекция Петра I. САИ, Д — 3—9, 1962.

[22] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 80, 81, 90, 92, 102, 103, 105—107, 116, 123, 125, 140, 143—146.

[23] *D. G. Messerschmidt.* Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil II. Berlin, 1964, Taf. I; *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 201.

[24] *Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашева.* Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. СА, 1965, 2, стр. 225—236.

[25] *О. И. Бич.* Первые раскопки некрополя Пантикапея. МИА, 69, 1959, стр. 296—321.

[26] *В. Н. Чернецов.* Наскальные изображения Урала. САИ, В — 4—12(2), 1971, стр. 9—22.

[27] *А. Н. Карасев.* Планы Ольвии XIX века как источник для исторической топографии города. МИА, 50, 1956, стр. 9—34.

прежде всего плана Анания Строкова 1786 г., запечатлевшего границы античных земледельческих участков-клеров до интенсивной разборки камня жителями Севастополя [28].

Число примеров нетрудно увеличить, но возникает вопрос — так ли много было зафиксировано археологических находок в XVIII или первой половине XIX в., не исчерпаны ли уже эти материалы? Безусловно, нет! Очень много можно разыскать в архивах. В Архиве Академии наук СССР в Ленинграде хранятся десятки зарисовок вещей, составлявших первое собрание Петровской кунсткамеры. Тут мы найдем керамику, украшения и оружие из сибирских курганов и бронзовый алтарь семиреченского типа, финские шумящие привески и использованные в XVIII в. при постройке церкви каменные скульптуры Кондуйского городка в Забайкалье (не учтенные в работах об этом памятнике), изразцы из золотоордынских городов в Поволжье и серию античных светильников, богатейшую коллекцию китайских зеркал и произведения западноевропейских средневековых ювелиров и т. д., и т. п. [29] Чрезвычайно богаты археологическими материалами так называемые «портфели Миллера» — колоссальный фонд записей, ведшихся Г. Ф. Миллером во время сибирской экспедиции 1733—1743 гг. и позднее [30].

Немало даст и обследование старой литературы. Сейчас, после выхода в свет трех превосходных справочников по археологической библиографии советского времени, в библиотеке Академии наук СССР обсуждается вопрос о создании такой же библиографии и для дореволюционной эпохи. Высказываются сомнения — нужен ли подобный справочник. Хочется заверить сомневающихся, что работа эта будет важна для всех археологов. Специалисты, может быть, знают статьи, напечатанные в «Известиях Археологической Комиссии» или «Записках Одесского общества истории и древностей», но мало кто заглядывает в поисках материалов в другие издания — публикации местных отделов Русского географического общества, «Губернские ведомости», журналы начала XIX в. Между тем там рассеяны многочисленные сведения об археологических памятниках, нередко не утратившие значения и поныне. Чтобы справочник по дореволюционной археологической библиографии, нужный нам всем, был создан, потребуется большая работа и, думается, не только коллектива составителей из библиотеки ЛОИА во главе с Т. Н. Заднепровской, но и многих добровольных помощников, хорошо знающих литературу по тому или иному вопросу. Прежде всего необходимо определить круг источников и наметить структуру издания. Ведь структура, принятая для справочников по современной археологической библиографии, в данном случае явно не подойдет. В дореволюционной периодике не меньше информации об археологических открытиях за рубежом, чем о находках в России. Материалы об археологических памятниках вкраплены во всевозможные путевые записки, в изобилии печатавшиеся в XVIII и XIX вв.

Наряду с обследованием старых публикаций и архивов для извлечения сведений об археологических памятниках необходимо создание хроник археологических исследований в отдельных районах нашей страны. В Сибири раскопки ведутся свыше 250 лет, в Крыму и на Северном Кавказе — около 200. Что было сделано в каждом пункте нашими предшественниками, мы представляем себе плохо. Полезны старые книги К. Э. Гриневича с хроникой исследований в Херсонесе и Ю. Ю. Марти — с хроникой раско-

---

[28] *В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 36—38.

[29] Архив АН СССР в Ленинграде, р. IX, оп. 4. Изданы только отдельные рисунки. См.: *Т. В. Станюкович.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.— Л., 1953, рис. 4; *Т. К. Шафрановская.* О сокровищах Петровской кунсткамеры (по рисункам XVIII в.). СЭ, 1965, 2, стр. 147—156, рис. 1—6; *А. А. Формозов,* Ук. соч., рис. 40.

[30] Хранятся в ЦГАДА. См.: *Н. В. Голицын.* Портфели Миллера. М., 1899.

пок около Керчи и на Тамани [31], но эти издания нуждаются во многих дополнениях, и не только для последних 45 лет, и к тому же стали библиографической редкостью. Сейчас сотрудник Керченского музея Д. С. Кириллин работает над историей раскопок на Керченском полуострове и на Тамани [32]. Несомненно, нужны такие же хроники-обзоры и для археологических исследований в Ольвии, Киеве, Новгороде и других пунктах. В связи с подготовкой к изданию материалов новостроечной Красноярской экспедиции Э. Б. Вадецкая и М. А. Дэвлет провели большую работу по систематизации данных о раскопках в Минусинской котловине за два с половиной столетия. Публикация их труда весьма желательна.

Еще одной, и едва ли не важнейшей, задачей истории археологии является анализ идей и методов наших предшественников. Важно не только то, что они нашли, но и то, какие цели ставили они при своих исследованиях, как их осуществляли. В этом направлении сделано у нас очень мало. Вышедшие в 40-е годы монографии В. Т. Илларионова по палеолиту [33] и С. А. Семенова-Зусера по скифской проблеме [34] представляют собою скорее аннотированные библиографии, чем подлинно историографические исследования. Тот же упрек может быть сделан и по отношению к новейшей сводке В. Е. Ларичева. Она, безусловно, полезна, особенно в разделах, касающихся территории зарубежных стран, но в ней много чисто компилятивных частей, составленных из археологических отчетов, и мало настоящей историографии. Страница за страницей заполняются такими, например, сведениями: «Как показал дальнейший осмотр, участок № 3 Афонтовой горы расположен в 150 *м* к северо-востоку от участка 2. Здесь в палево-серой лессовидной супеси на глубине 2—2,5 *м* от поверхности Г. П. Сосновский нашел расколотые человеком кости животных и пластины от зубов мамонта. Участки № 4 и 5 сколько-нибудь интересных находок не дали, чтобы можно было планировать здесь раскопки» [35]. Напротив, крайне необходимого разбора работ отдельных ученых в двухтомнике В. Е. Ларичева мы не увидим. В начале XX в. в захолустной Кяхте сложился кружок краеведов, сделавший большой вклад и в археологию Забайкалья. Статьи Ю. Д. Талько-Гринцевича, А. П. Мостица, П. С. Михно и других аккуратно перечислены В. Е. Ларичевым. Но кто были эти люди — политические ссыльные, представители прогрессивной местной интеллигенции, добропорядочные уездные чиновники? Какие задачи ставили они при своих поисках? Ответа на эти вопросы в книге нет, хотя это отнюдь не безразлично для понимания места кружка в истории сибирской археологии. В 20-е годы в Сибири было два центра изучения каменного века — Красноярск и Иркутск. В Красноярске работал молодой Г. П. Сосновский, в Иркутске — проф. Б. Э. Петри и его юные ученики (Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, А. П. Окладников). Основные достижения этих исследователей В. Е. Ларичевым названы, но и тут без ответа остаются неминуемо напрашивающиеся вопросы: различалась ли в чем-нибудь методика красноярских и иркутских археологов? Какую школу прошел Г. П. Сосновский? Что дали ему позднейший переезд в Ленинград и работа в коллективе, возглавлявшемся П. П. Ефименко? и т. д. и т. п. Аналогичные вопросы возникают при чтении любого раздела книги В. Е. Ларичева, и это показывает, что задачи историографической

---

[31] *Ю. Ю. Марти.* Сто лет керченского музея. Керчь, 1926; *К. Э. Гриневич.* Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927.

[32] Пока опубликованы тезисы его довольно спорного доклада об Ашике: *Д. С. Кириллин.* О роли и месте А. Б. Ашика в развитии отечественной скифо-античной археологии. «ИА АН СССР. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.» М., 1972, стр. 344, 345. Ранее исторический обзор раскопок в районе Керчи был подготовлен В. Д. Блаватским, но, к сожалению, напечатан не был.

[33] *В. Т. Илларионов.* Опыт историографии палеолита СССР. Горький, 1947.

[34] *С. А. Семенов-Зусер.* Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

[35] *В. Е. Ларичев.* Ук. соч., ч. II, стр. 31.

работы поняты им узко, в справочно-библиографическом, а не в исследовательском плане.

У нас мало статей о творческом пути выдающихся русских археологов. Создалось парадоксальное положение, когда на русском языке существует три книги об археологе-дилетанте Генрихе Шлимане (переводная и две оригинальных, из них одна вышла вторым изданием, написана и четвертая) [36], тогда как книг об отечественных ученых-археологах — нет. Недавно вслед за книгой Г. Штоля о Шлимане переведена и его книга о Карле Хуманне, не сделавшем даже тех шагов к научному исследованию, на которые оказался способен Шлиман. Заслуга перед наукой этого инженера-дорожника сводится к тому, что он выломал из стены турецкой крепости остатки Пергамского алтаря. Из послесловия к книге мы узнаем, что это не единственная публикация о Хуманне. Издана даже переписка, связанная с его предприятием [37].

Между тем нет уверенности, что редакция «Жизни замечательных людей» или издательство «Наука», выпустившие книги Г. Штоля, захотели бы напечатать биографии, скажем, И. Е. Забелина или Н. И. Веселовского. А ведь в истории русской археологии нетрудно найти блестящие полевые открытия, достойные внимания самого широкого круга читателей. Есть в ней и такие трагические эпизоды, как гибель В. В. Шкорпила от рук керченских кладоискателей. Опыт занимательного рассказа об археологах прошлого показывает, что на этом материале можно создать и интересные, и полезные в познавательном отношении книги. Назову популярные книги В. Е. Ларичева об исследователях сибирского палеолита И. Д. Черском, Н. Ф. Кащенко, И. Т. Савенкове, о краеведах Приморья Палладии Кафарове, Ф. Ф. Буссе, И. А. Лопатине, впервые выявивших там яркие средневековые памятники [38], и брошюру И. Б. Брашинского о раскопках античных некрополей и скифских курганов в XIX в. [39]

Но идя по пути занимательности, легко потерять основное — представление о месте в истории науки того или иного ученого. Это случилось, как мне кажется, с И. Шаповалом — автором книги о Д. И. Эварницком, где рассказ о видном историке и археологе подменен сборником анекдотов о колоритном чудаке, позировавшем Репину для «Запорожцев» [40].

Хорошо, если у нас будут популярные книги о И. Е. Забелине и Н. И. Веселовском, но еще нужнее их научные биографии. Не менее желательно издание работ о П. Дюбрюксе и И. А. Стемпковском, З. Ходаковском и Д. Я. Самоквасове, А. А. Спицыне и В. А. Городцове, Б. В. Фармаковском. Это касается и старшего поколения советских археологов, например, Б. С. Жукова, Б. А. Куфтина, А. А. Миллера, М. И. Артамонова, С. А. Теплоухова, С. И. Руденко, С. В. Киселева. Исключительно интересным был бы сравнительный анализ деятельности таких ученых, как П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. Н. Замятнин. Каждый из них шел своим путем в науке. Взаимоотношения их были сложны. Но вместе они создали признанную во всем мире советскую школу по изучению палеолита [41].

Важные сведения содержатся в некрологах и юбилейных статьях. Разумеется, никому не нужны трафаретные фразы о «расцвете творческих сил» или «удивительной скромности» юбиляра или покойника, но сплошь

---

[36] *Д. И. Егоров.* Генрих Шлиман. Пг., 1923; *М. Л. Мейерович.* Шлиман, 1-е изд., 1938, 2-е изд., М., 1966; *Г. Штоль.* Шлиман. М., 1965. (Новую книгу о Шлимане подготовил к печати Л. С. Клейн).

[37] *Г. Штоль.* Боги и гиганты. М., 1971.

[38] *В. Е. Ларичев.* Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966; *его же.* Охотники за мамонтами. Новосибирск, 1968.

[39] *И. Б. Брашинский.* Сокровища скифских царей. М., 1967.

[40] *И. Шаповал.* В поисках сокровищ. М., 1968.

[41] Интересная попытка сопоставления научных взглядов П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина содержалась в докладе Г. П. Григорьева на заседании сектора палеолита ИА АН СССР в 1968 г.

и рядом такие статьи — единственная форма подведения итогов работы ученого. Уместно вспомнить здесь сказанное некогда И. Ю. Крачковским: «Не траурным звоном отдаются у нас слова некрологов. Мы оглядываемся назад, чтобы определить расстояние, которое прошли, а впереди предстоит длинный бесконечный путь, и туда, вперед, зовет нас учитель» [42].

Существенно и то, что биографические данные о человеке легче собрать по свежим следам, чем много лет спустя. Б. А. Латынину пришлось провести специальные архивные изыскания, чтобы указать дату смерти крупнейшего археолога, члена-корреспондента Академии наук А. А. Спицына, умершего в 1931 г. Что же говорить об ученых меньшего масштаба! Краткие биографии и по возможности полные библиографии наших ученых публиковать надо. Еще нужнее анализ творческого пути ведущих исследователей, объективный, оценивающий труд ученого на широком фоне. Примером такого анализа может служить статья М. И. Артамонова памяти И. И. Ляпушкина. Дать всестороннюю беспристрастную оценку деятельности археологов предшествующих поколений — наш моральный долг перед ними. Из таких статей постепенно может сложиться история советской археологии. Многие ее эпизоды (например, расцвет краеведения в 20-е годы) почти незнакомы современному поколению археологов.

Еще важнее, чем очерки об отдельных ученых, работы, характеризующие развитие тех или иных крупных разделов науки. Сущность любого явления можно понять, лишь зная его историю и историю его изучения. Сейчас ученые четче, чем раньше, сознают, что научные труды — не абсолютная истина в последней инстанции, не создание бесстрастных механизмов, а дело рук человеческих, на котором отпечатались и особенности личности исследователя, и дух эпохи, и свойственный ей взгляд на мир. Можно сказать, что каждое поколение археологов видело в памятниках древности то, что подсказывала ему эпоха. Это поучительно для нас, ибо благодаря этому мы понимаем ограниченность собственного восприятия материала и знакомимся с иными возможностями его осмысления, существовавшими в прошлом.

Интересный анализ старой археологической литературы под этим углом зрения проведен в Англии (С. Пигготт, Г. Дэниэл), Франции (А. Ламенг-Эмперер), Польской Народной Республике (Анджей Абрамович) [43]. То, что писалось на близкие темы у нас, теперь сильно устарело. В 30-х годах в любой археологической работе М. Г. Худяков видел ответ на требования торгового капитала [44]. В 40-х годах из контекста старых книг и статей нередко вырывались отдельные цитаты и при произвольном монтировании одних и замалчивании других высказываний создавалась легенда о прозрениях, опередивших свою эпоху на целые века. Для примера напомню о статье Д. М. Гурвича «Ломоносов и археология», где утверждалось, что великий энциклопедист смотрел на древнерусское искусство почти так же, как на него стали смотреть в XX в. В действительности же в бумагах М. В. Ломоносова говорилось вовсе не об изучении древнерусской живописи, а лишь об изготовлении копий с портретов князей и царей для иллюстрирования «Краткого Российского летописца» [45]. Совершенно

---

[42] *В. А. Гордлевский.* Игнатий Юлианович Крачковский. Избр. соч., т. IV. М., 1968 стр. 127.

[43] *S. Piggott.* Prehistory and romantic movement. Antiquity, vol. XI, 1937, 41, стр. 31—38; *Glyn E. Daniel.* A Hundred Years of archaeology. London, 1952; *Idem.* The origins and growth of archaeology. London, 1967; *A. Laming-Emperaire.* Origines de l'archeologie préhistorique en France. Paris, 1964; *A. Abramowicz.* Wiek Archeologii. Warszawa, 1967.

[44] *М. Г. Худяков.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. М., 1933.

[45] *Д. М. Гурвич.* Ломоносов и археология. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 119—122; Ср.: *М. В. Ломоносов.* Представление в канцелярию Академии наук о посылке живописца для снятия копий с древних живописных изображений. Полн. собр. соч., т. 9, 1955, стр. 407.

очевидно, что мы должны не вырывать из контекста почему-то удобные для нас фразы, а изучать всю систему взглядов ученого, не модернизируя их, а определяя их подлинное соотношение с наукой того времени и этапами ее развития в будущем.

Не вполне удовлетворяет меня сегодня и моя книга 1961 г. «Очерки по истории русской археологии». Основная посылка книги, что историю нашей археологии надо воспринимать как страницу в истории русской культуры, а не обособленно, представляется правильной. Но эта посылка понималась черезчур прямолинейно. Такие факты, как знакомство А. С. Пушкина с трудами З. Ходаковского или участие Д. Н. Мамина-Сибиряка в археологическом изучении Урала, сами по себе интересны, но дело, конечно, не в этих эпизодах. Не так уже важно встречался Стемпковский с Пушкиным или нет. Главное в том, что Стемпковский был человеком того же времени и в его деятельности отразились и идеи европейского просветительства, и стиль сентиментализма, и дыхание освободительной войны против Наполеона и т. д. С полным правом можно говорить об археологии эпохи романтизма или периода позитивизма, как это делает А. Абрамович в применении к польским ученым. Анализ прошлого русского археологии под этим углом зрения еще впереди.

За последние годы определенное развитие получило и изучение психологии творчества ученых. Первые опыты в этом направлении на материалах нашей науки сделаны Б. А. Фроловым [46]. Они не кажутся мне очень удачными. Чувствуется стремление преувеличить достижения героев очерка. Ошибка И. Д. Черского, относившего находки керамики к палеолитическому слою Иркутской стоянки, выдается за его величайшее открытие, предвосхитившее недавние наблюдения в Долних Вестоницах. Достаточно случайные черты в биографии ученого (например, любовь И. Д. Черского к танцам) слишком прямо связываются с результатами его исследований. Все же я думаю, что анализ истории русской археологии в психологическом плане небесполезен и нуждается в дальнейшей разработке.

До сих пор у нас шла речь только об изучении истории русской науки. Но наши специалисты могут немало сделать для истории археологии и у других народов СССР и за рубежом. Историей археологии на Украине успешно занимались М. Ю. и А. Т. Брайчевские [47], в Белоруссии — Л. В. Алексеев [48], в Узбекистане — Б. В. Лунин [49]. В свое время С. Н. Замятнин и П. И. Борисковский опубликовали прекрасный очерк о Габриэле де Мортилье [50]. Основные этапы истории археологии в Европе освещены в книгах А. Л. Монгайта [51]. Рассказ об открытии и признании палеолитической живописи, основанный на ряде зарубежных сводок, напечатал Б. А. Фролов [52]. При этом критическая оценка различных течений в зару-

---

[46] *Б. А. Фролов.* Первые исследователи сибирского палеолита. ВИ, 1973, 5, стр. 214—220.

[47] *М. Ю. Брайчевський.* Видатний український археолог (до 40-річчя з дня смерті В. В. Хвойки). Вісник АН УРСР, 1954, 11, стр. 53—61; *А. Т. Брайчевская.* Т. Г. Шевченко и археологическая наука. СА, 1964, 3, стр. 3—7.

[48] *Л. В. Алексеев.* Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения. СА, 1967, 4, стр. 146—163; *его же.* Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX — начале XX в. СА, 1968, 3, стр. 85—100.

[49] *Б. В. Лунин.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958; *его же.* Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Павлан Аскаров. Изв. АН Узб. ССР, сер. обществ. наук, 1960, 6, стр. 66—76.

[50] *П. И. Борисковский и С. Н. Замятнин.* Габриэль де Мортилье. ПИДО, 1934, 7—8, стр. 88—107.

[51] *А. Л. Монгайт.* Каменный век Европы. М., 1973, стр. 10—59; *А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966, стр. 9—134.

[52] *Б. А. Фролов.* Открытие и признание наскальных изображений ледниковой эпохи. Сб. «Научное открытие и его восприятие». М., 1971, стр. 194—235.

бежной археологии очень важна для развертывающейся сейчас работы в области теории нашей науки.

Я остановился очень коротко на отдельных направлениях, в которых может изучаться история археологии, но, думается, и сказанного достаточно для того, чтобы не согласиться с мнением о ненужности разработки данной темы. Не сомневаюсь, что все, кто уделит долю своего внимания изучению прошлого нашей науки, не будут считать это время потерянным. Они обогатятся и ценными забытыми материалами, и неожиданными подходами к ним, и важными мыслями о путях познания ранних этапов истории.

A. A. Formozov

CERTAINS RESULTATS ET PROBLEMES DES RECHERCHES DANS LE DOMAINE DE L'HISTOIRE DE L'ARCHEOLOGIE

Résumé

Cet article contient une revue critique des publications soviétiques parues ces derniers dix ans sur l'histoire de l'archéologie. Dans ce domaine, l'auteur envisage les tâches suivantes: 1) relever les renseignements contenus dans la littérature ancienne et les documents d'archives sur les découvertes archéologiques faites dans le passé; 2) établir la chronique des investigations archéologiques pour les régions où les fouilles sont menées depuis plusieurs dizaines d'années; 3) analyser les idées et les méthodes des archéologues du XIXe s. et du début du XXe s., et rédiger leurs biographies.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

В ЗАЩИТУ ЕДИНСТВА ВОЛОСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

(По поводу статьи А. Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?»)

В журнале «Советская археология» (1974, 2, стр. 27—33) опубликована статья А. Л. Никитина «Существовала ли волосовская культура?». Автор кратко характеризует высказанные к настоящему времени точки зрения относительно существа этой культуры, места происхождения и передвижения ее носителей. В итоге А. Л. Никитин приходит к выводу, что памятники, причисленные исследователями к единой волосовской археологической культуре, следует подразделить на две разновременные группы, одна из которых, названная им волосово-1, в древности занимала территорию к северу от верховьев Волги и частично бассейн Оки и вела свое происхождение из Прибалтики и верховьев Днепра (стр. 32), вторая — волосово-II — была распространена в Поволжье и прилегающих к нему районах (стр. 32).

А. Л. Никитин датирует волосово-I IV тысячелетием до н. э.— первой половиной III тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют, по его мнению, радиокарбоновые даты (4300±240 и 4340±40) горизонтов, перекрывающих волосовский слой в одной из западин на стоянке Польцо. Волосово-II датируется им II тысячелетием до н. э. Здесь автор следует за О. Н. Бадером, А. Х. Халиковым и И. К. Цветковой (стр. 32).

Кроме того, А. Л. Никитин полагает, что выделенные им комплексы волосово-I и волосово-II не связаны друг с другом генетически, о чем якобы свидетельствует различие материалов на отнесенных к этим комплексам, памятниках. По его мнению, волосово-I характеризуется следующими признаками: круглодонной керамикой (1) [1], изготовленной из глины с раковинной или растительной примесью (2). Сосуды лепились от руки, способом «выколачивания» (3). Они украшались зубчатым и рамчатым штампами (4), оттиски которых покрывали всю поверхность изделий (5), Этот комплекс, по мысли А. Л. Никитина, характеризуется также наличием на стоянках сегментовидных и листовидных ножей (6), кремневой скульптуры (7), украшений из сланца (8), янтаря(9) и овальных наземных жилищ, слегка углубленных в землю (10). Всего — 10 признаков (стр. 31). Волосово-II, по А. Л. Никитину, характеризуется плоскодонными горшками (1), изготовленными из глины, к которой добавлялись шамот, песок, иногда раковина (2). Сосуды изготовлялись способом кольцевого налепа (3), украшались зубчатым штампом, нарезками и вдавлениями (4), причем орнамент наносился лишь у венчика и донышка изделия (5). Кроме того, для этого комплекса, по мнению А. Л. Никитина, характерны

[1] Здесь и далее цифры в скобках соответствуют порядковому номеру в перечне признаков (всего 11), выделенных А. Л. Никитиным для основных памятников «волосовской культуры» при характеристике комплексов «волосово-I» и «волосово-II». См. *А. Л. Никитин.* Существовала ли волосовская культура? СА, 1974, 2, стр. 31, таблица.

предметы из меди и бронзы (6) и прямоугольные глубокие землянки с выходами и переходами (7). Всего — семь признаков (стр. 31).

К первому комплексу А. Л. Никитин относит такие стоянки, как Бологое, Кончанское, Модлона, Волосово, на оз. Сахтыш, Польцо, Языково, Николо-Перевоз (стр. 30, 32), ко второму — стоянки Вашутино, Рождественская, Борань, Станок, Владычино, Панфилово, Подборица-Щербининская (стр. 32, 33).

Гипотеза А. Л. Никитина не может не привлечь к себе внимания, поскольку нарушает традиционную периодизацию древностей Поволжья, поречья Оки и прилегающих районов, впервые установленную Б. С. Жуковым [2], развитую в работах А. Я. Брюсова [3], О. Н. Бадера [4], Д. А. Крайнова [5] и др. Основой гипотезы А. Л. Никитина является подразделение волосовских материалов на два хронологических и генетически не связанных друг с другом комплекса. Проследим, насколько основательно это подразделение, исходя из анализа памятников, упомянутых А. Л. Никитиным.

Первая группа памятников (по А. Л. Никитину — волосово-I). Бологое [6]. При исследовании этой стоянки П. А. Путятиным обнаружен комплекс находок, которые А. А. Спицын справедливо сравнивал с волосовскими. Он включает фрагменты круглодонной посуды (1), изготовленной из глины с «густой примесью из разнообразных растительных волокон и мелких птичьих перьев, а нередко также с примесью крупной раковины» (2) [7]. Сосуды изготовлялись от руки. Техника «выколачивания» не применялась (3). Среди элементов орнамента — зубчатый и рамчатый штампы, округлые вдавления, нарезки (4). Узоры наносились по всему горшку (5). Изделия из камня представлены сегментовидными и листовидными ножами (6) и другими находками. Кремневой скульптуры (7), украшений из сланца (8), янтаря (9) и остатков жилищ (10) [8] не найдено.

Таким образом, материалы поселения Бологое включают лишь 4 (из 10) признаков, характерных для комплекса волосово-I — форму сосудов, примеси, систему орнаментации (сплошное украшение стенок сосуда), сегментовидные и листовидные ножи. Остальные черты, о которых пишет А. Л. Никитин, для данного материала не характерны (техника «выколачивания» сосудов, кремневая скульптура, украшения из сланца, янтарь, жилища, гораздо большее количество элементов орнамента).

Кончанское [9]. Коллекция находок этого поселения состоит из обломков толстостенных круглодонных сосудов (1), изготовленных ручным способом из глины с примесью толченой раковины (2). Техника «выколачивания» (3) не фиксируется. Элементами орнамента служат оттиски гребенчатого и рамчатого штампов, округлые вдавления (4). Узоры заполняли все стенки сосудов (5). В ходе раскопок найдены поделки из янтаря (9). Сегментовидных и листовидных ножей (6), кремневой скульптуры

---

[2] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1, 1929, стр. 54—77.

[3] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

[4] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

[5] *Д. А. Крайнов.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 3—19.

[6] *А. А. Спицын.* Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 239—277.

[7] Там же, стр. 252.

[8] На стр. 253 в этой работе А. А. Спицына упоминаются «котловины с суживающимся дном, которые могли служить основанием жилищ». Но форма, размеры, глубина этих впадин не указаны. Учитывая методику исследования Бологовской стоянки, согласно которой каждый культурный слой изучался П. А. Путятиным «подвижной траншеей с помощью просеивания земли через металлическое сито», трудно сказать что-либо определенное по поводу этих впадин.

[9] *Н. К. Рерих.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 14—43.

(7), украшений из сланца (8) и жилищ (10) на стоянке не обнаружено. Из этого перечня видно, что материалы Кончанского не полностью соответствуют волосову-I. Общими здесь являются форма сосудов и примеси к глиняному тесту, сплошное украшение стенок сосудов, наличие янтаря, т. е. четыре признака. Остальные признаки, как и в коллекции Бологого, не характерны для волосова-I (техника «выколачивания» сосудов, кремневая скульптура, украшения из сланца, жилище, сегментовидные и листовидные ножи, большее число элементов орнамента).

Модлона[10]. Керамика этого двуслойного поселения представлена обломками лепной круглодонной посуды (1) с примесью раковины (2). Техника «выколачивания» (3) ни А. Я. Брюсовым, ни С. В. Ошибкиной не отмечается. Элементами орнамента служили оттиски гребенчатого и рамчатого штампов, вдавления различной формы, нарезки (4), причем узоры наносились по всем стенкам сосудов (5). Кроме того, на данном поселении обнаружены кремневые фигурки (7) и янтарь (9). Сегментовидных и листовидных ножей (6), украшений из сланца, овальных, слегка углубленных в землю жилищ (10) на стоянке не найдено. Следовательно, в строгом соответствии с перечнем признаков, характеризующих волосово-I (по А. Л. Никитину), на стоянке Модлона мы видим лишь форму сосудов и примеси к глиняному тесту, принцип сплошного заполнения узорами стенок сосуда, наличие кремневой скульптуры и янтаря (пять признаков).

Волосово[11]. Коллекция представлена фрагментами круглодонных сосудов (1), изготовленных от руки из глины, к которой примешивалась толченая раковина (2). Техника «выколачивания» не отмечена (3). Сосуды орнаментировались оттисками гребенчатого и рамчатого штампов, нарезками, всевозможными вдавлениями (4). Узоры наносились по всему полю горшка (5). В коллекцию Волосовской стоянки входят кремневые фигурки (7), украшения из сланца (8). Сегментовидных ножей (6) и янтаря (9) здесь нет. Нет и овальных наземных жилищ (10). Б. С. Жуков отметил наличие четырехугольной полуземлянки[12], что нехарактерно, по А. Л. Никитину, для волосова-I. Нетрудно заметить, что и материалы Волосовской стоянки не включают всех признаков волосова-I. Общими здесь являются лишь форма сосудов и примеси к глиняному тесту, сплошное покрытие стенок горшка орнаментом, кремневые фигурки и украшения из сланца (пять общих черт).

Поселения на оз. Сахтыш[13]. О волосовских материалах сахтышских стоянок в литературе пока нет сколько-нибудь подробных сведений. Об

---

[10] *А. Я. Брюсов.* Отчет о работах 1938—1939 гг. Тр. ГИМ, XII, 1941; *его же.* Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951; *С. В. Ошибкина.* Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре. СА, 1966, 4, стр. 27—37.

[11] *А. С. Уваров.* Археология России. Каменный период, т. I и II. М., 1881; *П. П. Кудрявцев.* К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки. Тр. СПб. общества естествоиспытания, т. XIV, вып. 1, СПб., 1883; *В. М. Иверсен.* Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; *его же.* Заметка о Волосовской стоянке. Вестн. археологии и истории, т. XII, СПб., 1900; *А. А. Спицын.* Из собрания Н. К. Рериха (фигурки из кремня). ЗОРСА, т. VII, вып. 2, СПб., 1907; *В. А. Городцов.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. Древности, т. XXIV, М., 1914; *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен..., стр. 79 сл.

[12] *Б. С. Жуков.* Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции. Изв. Ассоциации н.-и. институтов при физико-математическом факультете I МГУ, вып. I—II, 1928, стр. 274.

[13] *Д. А. Крайнов.* Изучение территории Верхнего Поволжья. АО — 1965, М., 1966, стр. 54—57; *его же.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции. АО — 1968, М., 1969; *его же.* Исследования Верхневолжской экспедиции. АО — 1970, М., 1971, стр. 34—36; *его же.* Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях. АО — 1971. М., 1972, стр. 48—50; *его же.* Исследования Верхневолжской экспедиции. АО — 1972, М., 1973, стр. 68, 69; *его же.* Результаты работ

этих обширных коллекциях мы знаем главным образом лишь из кратких информаций, опубликованных в сборниках «Археологические открытия», в тезисах докладов на пленумах Института археологии АН СССР. Тем не менее сейчас можно утверждать, что материалы сахтышских стоянок не соответствуют всем признакам, указанным А. Л. Никитиным в качестве характерных для волосова-I. Посуда с сахтышских стоянок не изготавливалась техникой «выколачивания» (3), элементами орнамента (4) кроме зубчатого и рамчатого штампов служили нарезки и ямочные вдавления. В коллекциях отсутствуют сегментовидные ножи (6). При исследовании сахтышских волосовских горизонтов не обнаружено остатков овальных наземных жилищ (10). С признаками волосово-I, по А. Л. Никитину, сахтышские материалы роднят лишь примеси к глиняному тесту (2), янтарь (9), кремневые скульптурки (7) и украшения из сланца (8).

По-видимому, то же самое можно сказать и об остальных поселениях, отнесенных А. Л. Никитиным к группе волосово-I. Их материалы остаются практически неопубликованными [14], но доступны для осмотра в фондах ГИМ и Калининского областного краеведческого музея. Так, на стоянках Языково и Николо-Перевоз не обнаружены украшения из сланца (8), сегментовидные ножи (6). Посуда здесь украшалась гораздо большим количеством элементов орнамента, по А. Л. Никитину, чем керамика волосово-I (кроме штампов употреблялись узоры из вдавлений и нарезок). При ее изготовлении не применялось «выколачивание». Интересны обломки тигля с каплями выплавленной меди [15] в волосовском горизонте поселения Языково. По А. Л. Никитину, эти находки чужды комплексу волосово-I и характерны лишь для памятников волосово-II.

В итоге нашего обзора материалов стоянок, отнесенных А. Л. Никитиным к группе волосово-I, нетрудно заметить, что они не соответствуют полностью характеристике, на которой настаивает автор рецензируемой статьи. Общность с волосовым-I здесь проявляется не более чем на 50%, а этого, безусловно, мало, чтобы убедить читателя в существовании комплекса волосово-I.

Вторая группа памятников (по А. Л. Никитину — волосово-II). Рассмотрим материалы второй группы поселений.

Вашутинская стоянка [16]. Найдены фрагменты плоскодонных сосудов (1), изготовленных из глины с растительной примесью (2) способом кольцевого налепа (3). Элементами орнамента (4) служили оттиски гребенки, нарезки, вдавления, а также отпечатки рамчатого штампа, не характерные, по А. Л. Никитину, для волосова-II. Орнамент наносился (5) не только у венчика и донышка сосуда, но и по стенкам. Изделий из металла (6)

Верхневолжской экспедиции. АО — 1973, М., 1974, стр. 59, 60; *его же*. Результаты работ Верхневолжской экспедиции за 1964 год. Тезисы. докл. на пленуме Ин-та археологии АН СССР за 1966 г. Секция неолита и бронзы. М., 1966, стр. 31—34; *его же*. Стоянка и могильник Сахтыш VIII. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 46—55; *Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая*. Археологические исследования в Верхнем Поволжье. АО — 1966, М., 1967, стр. 21, 22; *они же*. Исследования в Верхнем Поволжье. АО — 1967, М., 1968, стр. 23; *они же*. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 29—39.

[14] *Б. С. Жуков*. Теория хронологических и территориальных модификаций...; *О. Н. Бадер*. Археологические работы у деревни Языково и на озере Скорбеж летом 1935 года в связи с вопросом о древнем лапоноидном компоненте в антропологическом типе современного населения Восточной Европы. Антропологический журнал, № 2, 1936, стр. 257—262; *В. М. Раушенбах*. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 28—37; *Ю. Н. Урбан*. Исследование энеолитических памятников в Калининской области. АО — 1970 г., М., 1971, стр. 39; *его же*. Раскопки стоянки Языково I. АО — 1972, М., 1973, стр. 97, 98; *его же*. Раскопки у дер. Языково. АО — 1973, М., 1974, стр. 83, 84; *И. Г. Портнягин, Ю. Н. Урбан*. Работы Калининского отряда. АО — 1971, М., 1972, стр. 51—53.

[15] *Ю. Н. Урбан*. Раскопки у дер. Языково, стр. 84.

[16] *И. К. Цветкова*. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переяславля-Залесского. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 48—55.

на стоянке не найдено. Интересно полуподземное жилище прямоугольных очертаний (7). В итоге этого перечня мы видим, что из семи компонентов, характеризующих комплекс волосово-II, на Вашутинской стоянке имеются лишь три. Это плоскодонные горшки, изготовленные способом кольцевого налепа, и жилище. Оостальные компоненты нехарактерны для волосова-II (примеси, система орнаментации, отсутствие изделий из металла, большее количество элементов орнамента).

Рождественская стоянка[17]. На этом памятнике найдены обломки плоскодонных сосудов (1), изготовленных из глины, к которой добавлялись «песок, шамот, толченая раковина, растительные примеси, перья птиц, изредка даже кости рыб», причем «толченая раковина встречается реже» (2) [18]. Посуда изготовлялась кольцевым налепом (3), орнаментировалась не только оттисками гребенки, нарезками, вдавлениями, но и отпечатками рамчатого штампа (4), причем узоры располагались как у венчика и донышка, так и на стенках сосудов (5). Изделий из металла (6) и остатков жилищ (7) на Рождественской стоянке не найдено. Таким образом, из семи компонентов волосова-II в материалах рассматриваемого памятника представлены лишь два: плоскодонные сосуды, изготовленные способом кольцевого налепа. Система орнаментации, количество элементов орнамента, равно как и количество используемых примесей к тесту, из которого лепились горшки, здесь иные. А изделий из металла и жилищ не найдено.

Борань[19]. На поселении Борань нет фрагментов, которые бы позволили судить о форме сосудов, в частности об их днищах (1). Керамика лепилась от руки, приемом кольцевого налепа (2), в качестве примесей использовалась растертая трава, а не шамот, песок и раковина (3). Элементами орнамента кроме оттиска гребенки, нарезок и ямок служили кружковые вдавления и отпечатки рамчатого штампа (4), причем узоры наносились не только у края и донышка, но и по стенкам сосуда (5). Изделий из металла (6) и достоверных сведений о жилых остатках (7) мы не имеем. Следовательно, материалы этого поселения и комплекс волосово-II связывает главным образом техника кольцевого налепа при изготовлении сосудов. Остальные же компоненты или вообще не соответствуют волосову-II, или более разнообразны (например, количество элементов орнамента).

Подборица-Щербининская[20]. Материалы этого поселения представлены обломками плоскодонных сосудов (1), при изготовлении которых использовалась глина «с растительной примесью. Только на полу жилища было найдено несколько обломков сосудов из глины с примесью толченой раковины» (2) [21]. Горшки лепились способом кольцевого налепа (3). Они украшались отпечатками гребенки, нарезками, ямочными вдавлениями, кружками (4), т. е. более богато, чем посуда волосова-II, по А. Л. Никитину, причем орнамент наносился не только у венчика и донышка, но и по стенкам сосуда (5). В ходе раскопок на стоянке Подборица-Щербининская открыто жилище четырехугольных очертаний, углубленное в землю (7). Найдены также украшения из бронзы (6), хотя, строго говоря, они могут быть связаны и с обломками абашевской керамики, найденной на этой же стоянке. Кроме того, в материалах Подборицы-Щербининской представлен кремневый сегментовидный нож[22] — изделие, с точки зрения А. Л. Никитина, характерное не для памятников волосова-II, к которым он относит эту стоянку, а для волосова-I. В целом при сравнении находок с Подборицы-Щербининской и компонентов, составляющих комплекс волосово-II,

[17] *А. Л. Никитин.* Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, 1, стр. 257—264.

[18] Там же, стр. 259.

[19] *Н. Н. Гурина.* Неолитическое поселение Борань. МИА, 79, 1960, стр. 188—238; *ее же.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 87 сл.

[20] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, 2, стр. 172—185.

[21] Там же, стр. 179.

[22] Там же, стр. 177.

общими являются лишь плоскодонные сосуды, изготовленные способом кольцевого налепа, подчетырехугольные полуземлянки и, может быть, изделия из бронзы. Примеси в глиняном тесте, количество элементов орнамента и система орнаментации здесь иные.

Владычино. Поселение Владычино исследовалось О. Н. Бадером в 20-х годах, а в последние годы раскапывалось И. К. Цветковой [23]. В коллекции этой стоянки представлены обломки плоскодонных сосудов (1), изготовленных из глины, к которой примешивалась толченая раковина, но не шамот и песок (2). Они изготовлялись способом кольцевого налепа (3). Среди орнаментальных мотивов видны не только отпечатки гребенчатого штампа, нарезки и вдавления, но и кружки, а также отпечатки рамчатого штампа (4), причем узоры заполняли все стенки сосуда. Они не группировались лишь у венчиков и донышек (5). Найденные здесь металлические изделия (6) связываются с фатьяновскими, а не волосовскими древностями [24]. Остатки жилищ (7) пока неизвестны. Таким образом, Владычинскую стоянку с комплексом волосово-II связывают лишь плоскодонные сосуды, изготовленные способом кольцевого налепа. Остальные компоненты (примеси в глиняном тесте, элементы и система орнаментации посуды и т. п.) иные по сравнению с таковыми из волосова-II.

Станок [25]. На этой стоянке были обнаружены фрагменты изготовленных кольцевым налепом (3) плоскодонных (1) сосудов с примесью в тесте растертой травы, реже толченой раковины (2). Посуда орнаментировалась оттисками гребенки, нарезками и отпечатками рамчатого штампа (4), расположенными по всей поверхности изделий. Предметов из металла (6) и остатков жилых сооружений (7) на стоянке Станок I не найдено. Обращают на себя внимание сланцевые подвески [26], нетипичные, по А. Л. Никитину, для этого круга памятников, якобы обычные лишь для волосова-I. Судя по находкам с данного поселения, можно заключить, что их связь с комплексом волосово-II проявляется лишь в форме сосудов и способе их изготовления. Остальные компоненты культуры (примеси в глиняном тесте, элементы орнамента, их расположение на стенках сосуда) имеют ряд отличий. Изделий из металла и жилищ на стоянке не обнаружено. Присутствие здесь сланцевых украшений также не позволяет относить этот памятник к комплексу волосово-II. Таким образом, материалы поселений, составляющие, по А. Л. Никитину, волосово-II, не подтверждают его гипотезы о возможности выделения этого комплекса, поскольку, как мы попытались отметить выше, общность этих материалов с каждым из памятников с волосова-II не превышает 40—50%.

Показателен в данной связи анализ материалов Панфиловской стоянки. А. Л. Никитин рассматривает их как нечто единое, следуя здесь за работой В. А. Городцова 1926 г. (стр. 31) [27]. Действительно, при раскопках В. А. Городцова в Панфилове была найдена лепная плоскодонная керамика, изготовленная способом кольцевого налепа и орнаментированная лишь по венчику, изделия из металла и остатки полуземлянок (все семь признаков!). Но ведь это не только волосовские находки! В Панфилове представлена и сетчатая, и другие виды керамики. С какой серией фрагментов связаны изделия из металла — неизвестно. А собственно волосовская керамика с этого памятника по форме сосудов, технологии их изготовления и орнаментации четко подразделяется на две хронологически

---

[23] *И. К. Цветкова.* Стоянка и могильник у дер. Владычино. АО — 1970, М., 1971, стр. 59, 60.

[24] *О. Н. Бадер.* Фатьяновский металл и его среднеевропейские связи. Sbornik Narodniho muzea v Praze, XX, № 1—2, 1966, стр. 79—83.

[25] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа..., стр. 109—118.

[26] Там же, стр. 118, рис. 26, *1—2.*

[27] *В. А. Городцов.* Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского гос. обл. музея, 2, Владимир, 1926.

разные подгруппы, что уже отмечалось в литературе[28]. Следовательно, якобы единый комплекс (волосово-II) находок с этой стоянки в действительности распадается на самые различные, разновременные коллекции древностей.

Итак, мы приходим к выводу, что комплексов волосово-I и волосово-II, по А. Л. Никитину, фактически не существует. Больше того, анализ материалов перечисленных выше поселений свидетельствует о их сходстве. Об этом свидетельствуют в первую очередь сосуды, изготовленные способом кольцевого налепа из глины с примесью толченой раковины и растительных волокон, украшенные одними и теми же элементами орнамента, где основную роль играют оттиски гребенчатого и рамчатого штампов, нарезки и ямочные вдавления. Единство волосовских древностей подтверждается и сходством жилых построек, представляющих собой углубленные полуземлянки, соединенные друг с другом переходами. Это важнейшие этнокультурные показатели!

Конечно, сходство волосовских памятников не абсолютно. Эти древности занимают обширную территорию, включающую Среднее Поволжье, Волго-Окское междуречье, Каргополье, бассейн р. Мсты. Расселившись на таком пространстве, волосовские племена не могли сохранить в первоначальном виде облик своей материальной культуры. Исходя из анализа керамики, мы можем говорить о средневолжском, окском и северном (Верхнее Поволжье и районы к северу от него) вариантах волосовских древностей. По орудиям труда волосовские поселения можно подразделить на средневолжский и волго-окский варианты. К северу же от Волги расположены памятники (Бологое, Кончанское, Модлона и др.) со своеобразными чертами в коллекциях орудий труда каждого из них, что объясняется различием сырьевой базы, используемой при изготовлении этих орудий[29]. Мы можем говорить и о хронологических модификациях волосовских древностей. Но все это памятники, оставленные этнически единым населением. Противореча своей собственной гипотезе относительно подразделения волосовских памятников на чуждые друг другу волосово-I и волосово-II, сам А. Л. Никитин признает: «Достоверно одно: к настоящему времени существует много археологических памятников (поселений, стоянок, слоев на инокультурных памятниках), схожих по форме, орнаменту, технике изготовления сосудов, кремневому инвентарю и прочим находкам. Сходство проявляется как в совокупности этих признаков, так и между однимдвумя наиболее яркими» (стр. 29).

Нам представляется, что основной причиной попытки подразделить волосовские древности на чуждые друг другу комплексы являются итоги полевых исследований на стоянке Польцо, проведенных А. Л. Никитиным. Здесь кроме культурного слоя эпохи металла была частично обследована впадина, где волосовская керамика залегала ниже ямочно-гребенчатой, датированной первой половиной — серединой III тысячелетия до н. э. Это послужило причиной того, что волосовские материалы на этой стоянке были отнесены к чрезвычайно раннему времени — IV тысячелетию до н. э.— на тысячу лет более древнему, чем традиционные представления о хронологии волосова (стр. 32). Попытка объяснить эту необычную дату волосовских находок, по-видимому, и привела А. Л. Никитина к мысли о том, что волосовские памятники подразделяются на два хронологически различных и генетически не связанных друг с другом комплекса.

Между тем стратиграфию во впадине стоянки Польцо можно объяснить без попытки хронологического и культурного членения волосовских древностей, тем более что мы видели — это членение нельзя признать удач-

---

[28] *В. П. Третьяков.* Волосовская керамика Панфиловской стоянки. СА, 1967, 1, стр. 233—235.

[29] *В. П. Третьяков.* Из истории волосовских племен. Доклад на Секторе неолита и бронзы ИА АН СССР в феврале 1970 г.

ным. В 1953 г. была опубликована статья А. Я. Брюсова, касающаяся принципов датирования материалов эпохи неолита [30]. А. Я. Брюсов отмечал, что на многослойных памятниках в пределах жилищ могут наблюдаться случаи так называемой обратной стратиграфии, когда более древние наслоения оказываются лежащими выше позднейших горизонтов. Это явление не должно вызывать удивления, так как когда на краю котлована (жилища) оказываются два (или более) культурных наслоения и они разрушаются естественным (смыв, оползень) или искусственным(выравнивание поверхности, засыпка ям) путем, то в нижнюю часть котлована прежде всего попадает тот материал, который лежал выше и лишь после этого — горизонты с более древними находками. Причем, пишет А. Я. Брюсов, в том случае, если котлован является остатком жилища, то на его полу, еще до разрушения культурных наслоений вне котлована, могут отложиться изделия тех обитателей данной стоянки, которые и создали это жилище (отрыли котлован). Нам представляется, что случаи, описанные А. Я. Брюсовым, применимы и для стоянки Польцо. Они объясняют причины залегания ямочно-гребенчатой керамики над волосовской в пределах впадины на этом памятнике.

Случаи обратной стратиграфии известны в археологической практике. Об этом автору этот строк рассказывал В. П. Левенок (деснинские стоянки). Мне приходилось наблюдать подобную ситуацию при раскопках Большой Хостинской пещеры (экспедиция И. И. Коробкова) в 1968 г., где в шурфе, удаленном от входа в пещеру приблизительно на 80—100 *м*, палеолитический слой перекрывал горизонт с неолитическими находками.

Отрицание существования комплексов волосово-I и волосово-II в значительной степени снимает и второй вопрос, поставленный в работе А. Л. Никитина,— вопрос о происхождении волосовских древностей с территории Прибалтики (стр. 30—32) [31]. Дело в том, что все волосовские памятники к северо-западу от Волги А. Л. Никитин считает ранними (волосово-I), синхронными прибалтийским неолитическим (на основании разработок А. Я. Брюсова, выше мы отрицали возможность столь ранних датировок). В Поволжье и на Оке, по его мнению, бытовали ранние и поздние поселения. С точки зрения А. Л. Никитина, этого достаточно, чтобы первоначальную территорию расселения их обитателей искать именно на северо-западе. Он подкреплял свою гипотезу тем, что Волго-Камье в эпоху неолита — раннего металла было якобы слабо заселено, что делало невозможным расселение из этого района. Кроме того, по мнению А. Л. Никитина, направление расселения волосовских племен должно соответствовать направлению распространения прибалтийского янтаря. В Прибалтике, пишет А. Л. Никитин, искони изготавливали керамику с раковинной примесью, что якобы также связывает прибалтийские и волосовские материалы.

Однако мнение о слабой заселенности Волго-Камья в эпоху неолита неосновательно. Работами Камской, Нижнекамской, Татарской, Марийской, Чебоксарской и других экспедиций в Волго-Камье выявлены десятки памятников эпохи нового каменного века. Их в настоящее время известно во много раз больше, чем в Прибалтике!

---

[30] *А. Я. Брюсов.* Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953, стр. 19 сл.

[31] По А. Л. Никитину, областью возможного возникновения волосовских древностей является также Верхнее Поднепровье. Это совсем не понятно. В верховьях Днепра в эпоху неолита бытовала верхнеднепровская археологическая культура, по своим материалам не имеющая ничего общего с волосовом. См.: *А. Н. Лявданский.* Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. IV, вып. 3, Смоленск, 1927; *И. М. Тюрина.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. М., 1967; *ее же.* Неолит Верхнего Поднепровья. СА, 1970, 3, стр. 40—49; *ее же.* К вопросу о неолите Смоленщины. КСИА АН СССР, 126, 1971, стр. 115—119.

Далее. Совершенно непонятно, почему этнические сдвиги обязательно должны соответствовать направлению путей обмена. Кроме Прибалтики центрами распространения различных видов сырья в эпоху неолита — раннего металла были Беломорье (янтарь) [32], Верхнее Поволжье (кремень), северо-западная Белоруссия (кремень), Приладожье (олонецкий сланец) и т. д. Но ведь эти районы не рассматриваются в качестве центров расселения древних племен! Что же касается одинаковых примесей в глиняном тесте сосудов на прибалтийских и волосовских стоянках, то также можно заметить, что в данном случае вряд ли уместны какие-либо выводы этнического порядка. Примесь раковины в эпоху неолита была известна чрезвычайно широко — в низовьях Днепра, Дона и Волги, ее вряд ли можно рассматривать как этнокультурный показатель [33].

Наконец, в Прибалтике в настоящее время не известны волосовские памятники. В прилегающих к ней районах они известны лишь в незначительном количестве (Кончанское, Репище). Материальная культура прибалтийских и волосовских древностей в достаточной степени различается. Так что говорить о прибалтийском происхождении волосовских материалов неправомерно.

V. P. Trétiakov

EN FAVEUR DE L'UNITÉ DES ANTIQUITÉS DE LA CULTURE DE VOLOSSOVO

Résumé

Cet article est centré sur la critique de l'hypothèse de Nikitine A. L. (SA N 2, 1974) qui partage les antiquités de la culture de Volossovo en deux groupes ethniques différénts. En analysant les monuments de Volossovo, l'auteur fait la preuve de l'unité de leur culture matériele, et se prononoce eu faveur de l'origine orientale de cette culture.

---

[32] *А. А. Кулатов.* Древняя история архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла. Автореф. канд. дис. Л., 1971, стр. 19. Может быть, волосовцы пользовались беломорским янтарем?

[33] *В. П. Третьяков.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, стр. 15, 16.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ АНДРОНОВСКИХ ОБЩИН «АЛАКУЛЬСКОГО ТИПА»

Несмотря на интенсивные полевые изыскания и плодотворную дискуссию последних, лет, повлекшие за собой корректировку типологической схемы и уточнение периодизации андроновской культуры, квалифицируемой в качестве культурно-исторической общности [1], социологическая модель последней остается малоразработанной. Очевидный классификационно-типологический уклон [2] в исследованиях оставляет фактически за рамками исследования обширный круг вопросов, связанный с социально-идеологическими и этногенетическими аспектами андроновской проблемы. Перед исследователями продолжают стоять задачи как всесторонней разработки палеосоциологической панорамы андроновской общности в целом, так и поиска причин локального своеобразия отдельных комплексов, а также объединяемых в территориально-культурные общности регионов. В связи с изучением памятников алакульского круга и проблемой выявления их местной, энеолитической основы приобретают интерес вопросы специфики погребального обряда как отражения форм семьи и общины. Исходя из материалов классических для андроноведения [3] комплексов (могильники Алексеевский, Алакульский, Тасты-Бутак), коррелируя данные обряда в целом с особенностями инвентаря и свидетельствами антропологии, попытаемся представить особенности семейно-социальной структуры андроновской общины «алакульского типа».

За Алексеевкой на Тоболе [4] в специальной литературе утвердилось представление как о хронологически компактном [5] трехчленном комплексе — поселении, могильнике и «жертвенном месте». В связи с накоплением данных по различным видам детских захоронений бронзового века интерпретация алексеевского «жертвенного места» требует пересмотра. Обратим внимание на такие факты, как взаимопроникновение детских погребений на смыкающееся с могильником «жертвенное место» (№ 14—20), а сосудов последнего — в среду детских погребений могильника (кв. 1—15, 2—11) [6]. Отметим размещение не менее трети сосудов «жертвенного ме-

[1] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; *Э. А. Федорова-Давыдова.* К проблеме андроновской культуры. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973; *Е. Е. Кузьмина.* Периодизация андроновских могильников Еленовского микрорайона. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964; *М. Ф. Косарев.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. СА, 1972, 4.

[2] *В. С. Стоколос.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.

[3] 40-летняя давность разработки андроновской тематики, ее связь с рядом кардинальных историко-культурных и этнолингвистических проблем делает допустимым применение такого обобщающего термина.

[4] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948.

[5] Новейшие раскопки андроновских поселений Зауралья (Чернореченское I и др.), Северного Казахстана (Ильинка I на Ишиме) опровергают традиционное представление об однослойности Алексеевского поселения.

[6] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., табл. I.

ста» компактными группами, по два-три экземпляра (в кв. 1-8, 15; 1-10, 11; II-8, IV-9, IV, V-4, VI-7, 9, VII-3, VIII-4), а также покрытие сосудов «крышками», что характерно для андроновского погребального ритуала [7]. Показательно далее, что некоторые сосуды «жертвенного места» сопровождаются овечьими астрагалами (№ 43), типичными для погребений мальчиков, бусами. Интересны находки детских молочных зубов (именно так фиксируется погребение № 14), в то время как и на площади могильника от некоторых детских могил также сохранился лишь инвентарь, а костяки истлели (№ 11). Все эти данные, как представляется, позволяют поставить вопрос о том, что так называемое жертвенное место является не беспрецедентным в культурах евразийской степной бронзы памятником, где «основной обряд жертвоприношения заключался в зарывании в песчаную почву холма горшков с пищей...» [8], а групповым кладбищем детей раннего возраста, на котором в условиях развеваемого песчаного грунта при незначительной глубине ям сохранялись отдельные детские костяки. Можно попытаться и предположительно восстановить первоначальное число захоронений, учитывая как одинарную, так и групповую постановку сосудов,— возможно, оно составляло около 40.

Несомненное своеобразие детской части Алексеевского могильника придает присутствие «жертвенных ям»: в центре холма — яма А (кости овец, керамика), на западной оконечности — яма Б (кости крупного скота, керамика), ямы В — Ж — на восточном склоне имели растительные остатки; все содержимое этих «первобытных алтарей» было пережжено [9]. Учитывая размещение ям на возвышенности — одной на вершине, рядом с округлой, ритуальной (?), площадкой, других по направлению восхода и заката солнца,— можно предполагать, что подобное расположение предопределялось поклонением одухотворяемым животным и растительным силам природы, связанным с солярно-астральным культом, осуществляемым посредством единого огневого ритуала. Сокровенный смысл этих культов может быть расшифрован как реализация идеи возрождения жизни, приумножения, общего плодородия. Примечательно, что подобный сакральный комплекс сопутствовал именно детскому кладбищу, что могло наглядно иллюстрировать глубоко диалектическое по своей сути, хотя и воплощенное в натуралистично-материальной форме первобытной обрядности, представление о единстве сущности природы и человека как неотъемлемых составных частей окружающего мира. Таким образом, Алексеевский холм в целом представлял собой яркий погребально-обрядовый комплекс, связанный, очевидно, с соляризированными культами плодородия.

Обряд сепаратного погребения детей был достаточно широко распространен по всей территории обнаружения андроновских памятников с обрядом трупоположения. Так, близкой аналогией Алексеевки можно считать памятник у с. Петровка на Ишиме, именуемый авторами раскопок, очевидно по сходству с тобольским комплексом, «жертвенным местом» [10]. Топографические и почвенные условия обоих местонахождений близки, а все 25 «ямок» Петровки (часть срыта карьером) размерами соответствуют очертаниям детских андроновских могил: длина 0,8—1,2 *м* при ширине 0,4—0,8 *м*, причем в северо-западном («головном») конце стоит от одного до трех сосудов, близких по типу алексеевским. Аналогичная алексеевской картина прослеживается, очевидно, и в Раскатихе на Тоболе, являющейся наряду с Петровкой также детским грунтовым могильником [11]. Еще один

---

[7] Там же.
[8] Там же, стр. 72.
[9] Там же, стр. 72, 73.
[10] *Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович.* Работы в Северном Казахстане. АО-1968, М., 1969, стр. 405.
[11] *Т. М. Потемкина.* Раскопки у с. Раскатиха на реке Тоболе. Сб. «Из истории Южного Урала и Зауралья», 4, Челябинск, 1969.

грунтовый могильник (до 30 могил) раскопан на Верхней Оби (Большая Речка). Некоторые детские кладбища имеют кольцевые выкладки: «детские курганы» Южной Сибири — Сухое озеро IA (25 могил) и Нижняя Черная III (24 могилы), Каракудук в Семиречье (25 могил), Хабарное в Южном Зауралье (курган 15, 28 могил). В с. Бакланском на Миассе детские могилы (около 35), возможно, были отмечены земляными холмиками; во всяком случае, одно погребение было совершено в срубе [12]. Отметим далее, что во всех случаях, кроме Петровки, Раскатихи, Большой Речки и Бакланского, где взрослый могильник остался неизвестен, и Алексеевки, где взрослый могильник, непосредственно примыкавший к детскому, имел исключительно женские захоронения [13], прочие детские андроновские кладбища сопровождались взрослыми могильниками смешанного типа [14]. Можно предполагать, что в Алексеевке детские могилы были специально выделены, в прочих же памятниках дети захоранивались как на специальном кладбище, так и совместно со взрослыми. Это заставляет поставить вопрос об особой, вероятно ритуальной по своей древнейшей основе, роли, которая отводилась детским могильникам в системе социально-идеологической структуры андроновской общины. На материалах практически полностью раскопанных кладбищ (Средний Енисей, Хабарное) можно выделить определенное количество могил (около 30) на каждом из них, которые разнообразной ориентировкой по странам света, расположением на возвышенностях или специально созданном кургане и, наконец, тенденцией кругового расположения могил могут быть связаны со сферой солярно-астральных культов. Последние, как мы знаем, связаны для культур евразийской степной бронзы с разработкой начальных астрофизических закономерностей [15].

Несмотря на то что часть Алексеевки не была исследована, имеющийся материал — компактно группирующиеся могилы женщин и детей — показывает, что структура могильника выдержана в принципе половозрастной дифференциации: дети, женщины, мужчины и, вероятно, подростки погребались на групповых соприкасающихся кладбищах. Аналогии не только показывают реальность именно такой топографии Алексеевки, но и позволяют говорить о соответствии подобного построения весьма архаичным социальным и обрядовым формам. Действительно, наиболее ранние из могущих быть упомянутыми могильников, составленных по принципу половозрастной группировки, из известных в евразийской степи находим в позднем надпорожском мезолите, который предшествовал одной из наиболее выразительных и оригинальных по своей общественно-социальной структуре древнескотоводческих культур причерноморского юга — днепро-донецкой [16]. В надпорожских могильниках мужчины погребались отдельно от женщин и детей в групповых (близких по возрастному составу) захоронениях, однако остается неясным для ранних памятников (Васильевка 1) [17], погребались ли дети совместно с женщинами (предполагаем, исходя из дальнейшей эволюции обряда, что не погребались).

[12] *М. Н. Грязнов.* История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Б. Речка. МИА, 48, 1956; *Г. А. Максименков.* Раскопки в долине р. Черновой. АО-1965, М., 1966; *его же.* Отчет о раскопках 1964 г. Архив ИА, Р-1, 2958; *А. Г. Максимова.* Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук. Тр. ИИАЭ, 12, Алма-Ата, 1961; *Э. А. Федорова-Давыдова.* Ук. соч.; Андроновская культура, САИ, ВЗ-2, М., 1966, стр. 20, рис. 1.

[13] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 64—66. Могилы 10—12 являются, по-видимому, оконечностью детской части могильника.

[14] Андроновская культура. САИ, ВЗ-2.

[15] Об этом позволяют судить также разносторонние данные петроглифики и монументального искусства: *А. А. Формозов.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969; Сб. «Первобытное искусство». Новосибирск, 1971.

[16] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968; *его же.* Новые раскопки неолитических могильников в Надпорожье. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.». Киев, 1968.

[17] *А. Д. Столяр.* 1-й Васильевский мезолитический могильник. «Археологический сборник», 1. Л., 1959.

В более поздних могильниках (Васильевка 3) [18], где могилы группируются по признаку пола, занимая определенную часть площади могильника, также сепаратно погребается основная масса детей. В некоторых днепродонецких могильниках сохраняется архаичная традиция коллективного детского погребения (мог. Лысая Гора) [19]. Аналогичный момент глубокой половозрастной дифференцированности нашел отражение в погребальном обряде и некоторых раннескотоводческих культур [20] бронзового века, из которых назовем наиболее выразительный для нашей темы пример — детские коллективные могилы, составившие самостоятельное кладбище в раннем Тулхарском могильнике, памятнике среднеазиатской степной бронзы, имеющем андроновские аналогии [21].

Историко-генетический аспект изучения коллективных однополых погребений тесно связан с вопросом развития архаичных социальных структур типа дородовой, «материнской» общины, базировавшейся в своем истоке на принципах дуально-классной брачной системы [22]. Можно предположить, что побудительной причиной появления древнейших групповых однополых погребений, объединения их в относительно крупные кладбища, опять-таки на основе сепаратного захоронения полов, а также, что особо подчеркнем, детей, могла явиться производственная консолидация коллектива в связи с социально-экономической необходимостью сложения достаточно весомого по числу членов общественного объединения. Рыболовство, позднее примитивное скотоводство могли явиться теми отраслями первобытного хозяйства, которые стимулировали прогрессивный процесс сплочения общественно-производственного коллектива, в котором должна была практиковаться половозрастная разграниченность определенных трудовых сфер. Реликтовые формы эпохи древнейших родовых институтов должны были быть весьма живучи, поскольку трудно предполагать, что погребальным обрядом фиксировались нормы, абсолютно чуждые, никак не созвучные реальным процессам в жизни его современников, хотя при этом необходимо иметь в виду определенную традиционность, закономерную пережиточность погребального ритуала. Все это затрудняет категоричность выводов относительно Алексеевского могильника, сложившегося на основе погребального обряда, базировавшегося, очевидно, на упомянутых древнейших общественно-идеологических нормах. Остается предположить, что социально-экономический уровень общины, оставившей Алексеевский могильник, общины, знакомой с разведением крупного и мелкого рогатого скота, примитивным земледелием и косьбой трав, т. е. практиковавшей достаточно развитое натуральное хозяйство, оставался в чем-то созвучен той далекой архаике, которая нашла отражение в создании сепаратного детского кладбища с его ритуальными ямами-жертвенниками, группового захоронения женщин и, очевидно, мужчин. Непосредственное смыкание женской и детской территорий кладбища как будто предопределяет вывод о матрилинейности данного коллектива. Наконец, и с чисто ритуальной стороны Алексеевский могильник представляется весьма ранним андроновским комплексом: грунтовой тип могильных ям, их чашеобразно скругленное дно, отсутствие костей животных при погребенных, сильная скорченность костяков, а также неустойчивая ориентировка соответствуют ранним обрядовым формам.

---

[18] *Д. Я. Телегин.* Третий Васильевский могильник. КСИА, АН УССР, 1957, 7.

[19] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-Донецька культура...

[20] Раннескотоводческими принято именовать соответствующие культуры эпохи развитой бронзы, тогда как древнейшие скотоводческие культуры неолита — энеолита типа днепро-донецкой, древнеямной и др. будет более обоснованно именовать древнескотоводческими.

[21] *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968.

[22] *Н. А. Бутинов.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968; *Ю. И. Семенов.* Проблема начального этапа родового общества. Там же.

Встает закономерный вопрос: в какой мере возможно согласовать сделанные выводы с материалами лежащего в непосредственной близости Алексеевского поселения? На поселении вскрыто несколько землянок весьма крупного размера, площадью от 135 до 255 $м^2$ [23], предназначавшихся, по замечанию О. А. Кривцовой-Граковой, «по-видимому, для очень больших семей», что естественным образом могло бы найти соответствие в представлении о коллективе, оставившем могильник, как достаточно крупном общественном объединении, в котором отсутствуют признаки выделения малой семьи в качестве производственно обособленной единицы, нет также признаков и характерного деления на так называемые большие семьи. Можно предположить, что такое жилище могло вмещать группу типа родового клана, базировавшегося на определенной системе родства, предположительно по материнской линии (учитывая материалы могильника). А. О. Кривцова-Гракова подчеркивала выдающийся характер некоторых женских погребений, снабженных обильным инвентарем, а также чрезвычайно крупной посудой (№ 13 и погребение из раскопок Б. В. Соколова). Значительную ясность в вопросы идентификации материалов могильника и поселения должна внести работа по уточнению стратиграфической шкалы Алексеевки, с учетом накопленных за четыре десятилетия, прошедших со времени ее раскопок, современных материалов по андроновским жилищам. Действительно, такие моменты, как вопрос соотношения двух видов очагов, обнаружение ямок от столбов под некоторыми очагами и в основании землянок, очевидное вертикальное членение хозяйственных ям с их скоплениями разнородных остатков и водруженными сверху сосудами «ивановского типа» — все это немаловажные детали, из которых складывается сложная картина продолжительного и далеко не единовременного обитания землянок [24]. Вывод о вероятной синхронности могильника периоду первоначального заселения поселка, характеризующегося раннеалакульскими керамическими формами [25], будет, по-видимому, в наибольшей мере соответствовать современному состоянию вопроса.

В Алакульском могильнике, содержащем более 60 курганов, было исследовано только два [26], однако и они дают существенный материал по нашей теме. Курган № 8 имеет две центральные могилы. В могиле 2 погребены «взрослые» мужчина и женщина, в могиле 7 — «молодой» мужчина и «девушка-подросток лет 15»; последовательность захоронений в первой могиле не устанавливается, во второй они произведены одновременно. Можно предположить, что могила 7 содержала погребение «вождя», человека активного возраста, организационного главы коллектива, о чем свидетельствуют как местоположение могилы, так и приданный погребенному «знак власти» — бронзовая булава, а также факт одновременного захоронения с женщиной [27]. Однако возрастными старейшинами, «парой-родоначальницей» коллектива должна была, по-видимому, являться пара людей зрелого возраста, погребенных в соседней могиле. Мера родства между людьми обоих основных захоронений археологически не может быть под-

---

[23] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 76.

[24] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 78. Автор называет многие существенные стратиграфические проблемы, и в частности процесс образования землянки 4, которая вместе с землянкой 1 возникла «раньше, при основании поселения» (там же, стр. 100).

[25] Ранняя алексеевская керамика находит аналогии в североказахстанской посуде «петровского типа» (названа по упоминавшему комплексу на Ишиме), получающей развитие в сосудах типа Алакульского могильника (*Г. Б. Зданович.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. «Вопросы археологии Урала», 12. Свердловск, 1973, стр. 26, 27, 40, 41, рис. 2 и табл. III).

[26] *К. В. Сальников.* Курганы на озере Алакуль. МИА, 24, 1952.

[27] По-видимому, не обязательно традиционно предполагать в погребенной женщине «насильственно» умерщвленную «наложницу», патриархальную рабыню,— судя по соответствию возрастов обоих умерших, количеству и разнообразию сопровождавших ее украшений, она могла являться именно женой погибшего воина, последовавшей за ним добровольно.

тверждена, хотя и может найти логическое обоснование в соотношении возрастов погребенных, соседском расположении могил. Остальные семь могил кургана содержат исключительно детские захоронения. Исходя из общего количества и возраста погребенных детей (девять человек: шесть, судя по величине могилы, «младенцев», дети 6 и 8 лет и один более старшего возраста — длина ямы 1,37 *м*), все они могли, предположительно, являться детьми пар, погребенных в основных могилах. Индивидуальные погребения взрослых и подростков в кургане отстутствуют. Практически одновременная смерть возглавлявших коллектив пар (стратиграфически основные могилы очень близки по времени сооружения) повлекла, возможно, за собой присоединение оставшейся в живых части коллектива к другому родственному объединению. Разумеется, это только одно из допущений, призванных дать объяснение «незавершенности» Алакульского кургана 8 [28], что представляет разительный контраст с перенасыщенным захоронениями курганом 13. Судя по присутствию в кургане 8 двух парных разнополых захоронений, коллектив, оставивший эту коллективную усыпальницу, мог представлять собой совокупность определенного количества брачных пар, малых семей родственников, возможно, уже объединявшихся в «большую семью», состоявшую из двух-трех поколений. К сожалению, вопрос о линейности в структуре такого семейного объединения трудно поставить на материале этого кургана, однако отметим все же некоторые характерные моменты: отсутствие в одной могиле взрослого и детского захоронения, компактное, групповое размещение детских могил, опоясывающих полукругом могилы взрослых.

Курган 13 Алакуля имеет 41 могильную яму [29]. **Тройные погребения** занимают две самые крупные могилы кургана, расположенные в южном и северном его секторах (№ 2, 28). Первая, площадью более 8 *м*^{2}, содержала погребение «пожилой женщины и двоих мужчин», сопровождаемое двумя конскими костяками, а также черепом и ногами коровы. Вторая могила имела погребения «взрослых» мужчины и женщины, и еще одно «очень молодого субъекта, чьи... берцовые, лучевые, локтевые кости, ключица и шейные позвонки... сильно окрашены окисью меди» [30], т. е., очевидно, молодой девушки в богатом уборе бронзовых украшений. **Погребения женщин** находятся в трех могилах: «женщина 40—50 лет» в могиле 1 и женщины, судя по сопроводительному инвентарю, в могилах 23 и 29 в северном секторе кургана (окись меди на лучевой кости погр. 23, пастовая и бронзовая бусы при погр. 29) [31]. **Погребения подростков** совершены в могилах 20, 21, 26. В могиле 9 — погребение «девочки-подростка» не менее 1,5 *м* роста (площадь могилы 1,85×1,27 *м*), известное выдающимся числом украшений, не граблепное в отличие от прочих. В могиле 20 (2,27×1,6 *м*) кости принадлежали «очень молодому человеку, может быть, подростку»; № 21 (1,65×1,3 *м*) — сильно разграбленное, но, судя по размеру, также погребение подростка; в могиле 26 (1,9×1,1 *м*) найдено «несколько мелких костей молодого человека» [32]. **Погребения детей** — самая многочисленная группа, 28 захоронений, обнаруженных в могилах 4—7, 12, 13—19, 22, 24, 25, 27, 30—41 [33]. Вне групп могут быть названы два

---

[28] *К. В. Сальников.* Курганы на озере Алакуль, рис. 2.
[29] Там же, рис. 4.
[30] Там же, стр. 56, 57, 61.
[31] Там же, стр. 56, 60, 61.
[32] Там же, стр. 58—61.
[33] Судя по размерам могильных ям, большинство которых не достигало и 1 *м*, среди детских преобладали захоронения детей в возрасте от одного года, а могилы 13, 35, возможно, принадлежали новорожденным. Могила длиной 1,55 *м* принадлежала девочке 7—8 лет, а длиной 1,12 *м* — девочке 5—7 лет. Группировка детей по полу, очевидно, отсутствовала. Детские могилы группируются в южном секторе кургана 13, так же как и в кургане 8. Основная смертность приходилась, очевидно, на возраст до пяти лет, наименьшая — на возраст старший детский и особенно подростковый.

погребения: № 8 — «очень молодая женщина» и «ребенок лет семи» и № 3 — остатки костей «взрослого субъекта», в инвентаре — черепки [34].

Обращаясь к рассмотрению совместных захоронений кургана 13, отметим, что исследователей привлекают, к сожалению, по преимуществу поздние формы разнополых погребений, одной из наиболее показательных и ярких разновидностей которых, парным **разнополым погребениям,** посвящена обширная литература [35]. При постановке вопроса о сложении формы парного разнополого погребения следует, очевидно, обратить внимание на существование более древнего по своей социальной и обрядовой структуре типа совместных разнополых погребений, наблюдаемых в двух видах: мужчина и две женщины и двое мужчин и женщина. Можно предположить, что подобные тройные погребения явились своего рода промежуточным структурным звеном между двумя основными типами групповых захоронений: парными (групповыми) однополыми и парными разнополыми, знаменующими две принципиально отличные семейно-брачные структуры, в первом случае базирующуюся на дуально-классной в своем истоке системе, во втором — на прогрессивно укрепляющейся форме малой семьи, первоначально складывающейся в рамках ранних родовых структур. Хотя тройные погребения и отразили в своей форме реликты древнейшего типа брачных отношений между «братьями» и «сестрами» по брачно-возрастному классу, в них одновременно нашла выражение новая обрядовая форма, допускавшая совместное захоронение разнополых субъектов. Диалектически противоречивой чертой тройных погребений является и то, что в них архаичная форма группового погребения приобрела новое социальное содержание, поскольку, как можно видеть по древнейшим образцам таких погребений, они содержали захоронение не рядовых общинников, но выдающихся по общественному положению людей — первобытных старейшин, общинных жрецов («колдунов»; термин «шаман», обычно применяемый к подобным погребениям, представляется неоправданной модернизацией). Этим же обстоятельством, очевидно, объясняется и редкая встречаемость тройных погребений.

Древнейшие образцы тройных погребений в форме погребения мужчины и двух женщин можно обнаружить в Кубенине (№ 1—3, два с культовым инвентарем и одно безынвентарное), на Оленьем острове Онежского озера (№ 55—57, два с культовым инвентарем, одно с рядовым, окружены четырьмя мужскими погребениями), а также на Оленьем острове Баренцова моря (№ IV, V, IX и 1—3, первое тройное сооружено на мужском погребении с «шаманской колотушкой» и ребенком, второе окружено четырьмя мужскими погребениями) [36]. Прочие погребения Оленеостровских могильников, в особенности онежского, более раннего, весьма архаичны по обряду, они включают помимо индивидуальных парные и групповые однополые захоронения, погребения мужчины и ребенка (основная масса детских могил отсутствует на этих кладбищах взрослых), а также древнейшие парные разнополые погребения — первые археологические свидетельства существования малой семьи в рамках крупной родовой общины рыболовов и охотников.

---

[34] Там же, стр. 57, 58. Предполагаем, что в могиле 3 погребена женщина, тем более что располагается она в южном секторе, среди детских могил. Если же допустить, что это мужское погребение, то оно будет единственным для обоих курганов Алакуля.

[35] Критические обзоры см.: *В. С. Сорокин.* Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, 4; *М. А. Итина.* Могильник бронзового века Кокча 3. М., 1961; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963, стр. 290, 291; *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, стр. 119.

[36] *М. Е. Фосс.* Погребения на стоянке Кубенино. Тр. ГИМ, VIII, 1938; *Н. Н. Гурина.* Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 302, рис. 27; *А. В. Шмидт.* Древний могильник на Кольском заливе. МКЭИ, 23, 1930, стр. 129, 130; *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, 39, 1953, рис. 3.

Тройные погребения эпохи энеолита — бронзового века продолжают сохранять характер исключительности, в них ярко выступает доминантная позиция мужчины — «патриарха», привилегированное положение общинного «колдуна» (обе эти общественные функции оказываются разделенными) — такие могилы находим среди «соседских» могил глазковской культуры Прибайкалья, ее южносибирского аналога — окуневской культуры Среднего Енисея, в тасхазинских памятниках бассейна Абакана, наконец, в классических катакомбных памятниках Прикубанья, Северного Причерноморья и Крыма [37]. Из андроновских минусинских памятников назовем тройное погребение в ограде 24 Каменки II, из зауральских — могилу 28 кургана 13 Алакуля. Второе женское захоронение алакульской могилы принадлежало, очевидно, молодой девушке, имевшей много украшений, что, как можно заметить, было типично для подростков, едва достигших возраста зрелости, но уже считавшихся взрослыми, способными вступать в брак (мог. 7 кург. 8, мог. 9 кург. 13). У древних скотоводов среднеевропейской полосы, носителей фатьяновской культуры, чьи ранние могильники имеют такие архаичные черты, как групповые однополые погребения, погребения мужчины и ребенка, а также сепаратные погребения детей и женщин, в Большневском могильнике встречено погребение мужчины среднего возраста в сопровождении двух молодых женщин и ребенка [38].

Тройные погребения в форме захоронения двух мужчин и одной женщины по своему структурно-социальному генезису должны быть сходны с рассмотренными выше, однако встречены они преимущественно в памятниках энеолита — бронзового века, что объясняется скорее всего не столько фрагментарностью данных, но характерным для названной эпохи процессом консолидации общинной патриархальной власти, сплочением общинного ядра взрослых мужчин-воинов. В Тимофеевском фатьяновском могильнике имеется выразительный комплекс, где погребены «воины-пастухи» и «жена вождя» (№ 1, 2, 15), в Балановском могильнике — это могила 6, соседствующая с коллективной могилой 5 с четырьмя взрослыми погребениями (пол не установлен), в карасукском могильнике Каменка II на Среднем Енисее — могила 2 ограды 9 [39]. Тройная могила южного сектора кургана 13 Алакуля занимала главенствующее положение в кургане. Действительно, общественная значимость погребенных в ней взрослых мужчин подчеркнута не только совместным погребением с женщиной (судя по возрасту, женою одного из умерших) [40], но и сопровождением их конскими костяками. При женщине находилась туша коровы, тогда как для прочих могил более характерно положение костей овцы. Не исключено, что в таких мужских погребениях следует видеть могилы братьев, нельзя исключать также и вероятность существования обычая побратимства, объединяющего мужчин узами ритуального родства — такие интерпретации повлекли бы ряд любопытных выводов относительно роли конных воинов-мужчин в общинном руководстве. Женщины из таких погребений могли быть, по-видимому, подобно женщинам из выдающихся парных разнополых захоронений, как женами в социальном значении этого понятия, так и в иных случаях «патриархальными» рабынями — все определяла, по-видимому, конкретная ситуация.

---

[37] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955; стр. 235; История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968, гл. 2, § 4; *М. Д. Хлобыстина.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири. СА, 1973, 1, стр. 30, 34, 35.

[38] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972, стр. 184.

[39] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 200—202; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник, стр. 292; *М. Д. Хлобыстина.* Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников. СА, 1970, 1, стр. 122—124, рис. 2.

[40] Для ранних форм тройных погребений, очевидно, нельзя исключать также и вероятность форм группового брака.

Показательной особенностью курганов Алакуля представляется отсутствие в них индивидуальных погребений взрослых мужчин. Однако если все мужчины оказываются погребенными в разнополых захоронениях, то имеется несколько индивидуальных женских могил. Возможно, их существование следует объяснять обычаем взаимного подхоранивания во времена создания Алакульских курганов. Наиболее значительной из женских могил представляется центральная, непосредственно соседящая с погребением двух мужчин и женщины. Судя по ее местоположению, а также близости возрастов женщин из обеих центральных могил, можно предположить, что перед нами захоронение близких родственниц, возможно, сестер, бывших супругами мужчин из основного погребения. Исходя из существования под курганными насыпями Алакуля по существу сепаратных детских кладбищ (погребения подростков также территориально сконцентрированы), отсутствия совместных захоронений взрослых и детей, а также присутствия формы «тройных» погребений (т. е. мужчины, очевидно, не подхоранивались к женщинам, что наблюдается и по некоторым южносибирским окуневским могильникам), можно видеть в коллективе, оставившем Алакульские курганы, достаточно архаичную по своим показателям общественную структуру, в которой мог практиковаться матрилинейный счет родства, что, разумеется, не исключало доминантной общественной позиции мужчины. Погребения под курганами, кости домашних животных при погребенных, а также названные особенности общественной структуры коллектива позволяют говорить о более зрелой ступени социально-экономического развития общины Алакуля по сравнению с Алексеевским комплексом.

Могильник Тасты-Бутак I территориально делится на две группы [41]: западную (ограды № 1—23) и восточную (ограды № 24—57), которые, как можно предположить из погребального обряда и инвентаря, а также особенностей группировок погребенных, соответствуют последовательным этапам развития этого памятника. Действительно, обратим внимание на появление в восточной группе сосудов в форме «стаканчиков», некоторых новых орнаментов на керамике, а из бронзовых изделий — ножичков, браслет со спиралевидно закрученными концами, орнаментированных бляшек, тогда как в западной группе имеются из бронзы лишь простые, «выпукло-вогнутые в сечении» браслеты, пронизки; характерные амулеты из клыка медведя [42].

Ядро могильника составляют несколько оград с коллективными захоронениями. **Погребения женщин и детей** совершены в ограде 10, где центральная могила взрослой женщины сопровождается погребениями четырех детей в возрасте от 2 до 13—14 лет [43], в ограде 14, где молодая женщина (возможно, с ребенком) сопровождается пятью детскими могилами, и в ограде 19, в которой погребена зрелая женщина с трехлетним ребенком, окруженная погребениями детей в возрасте от 9 до 4—5 лет (последним погребен пятилетний ребенок). Можно предполагать, что перед нами могилы матерей, объединенных с детьми погребальной оградой, причем, по-видимому, допускалось взаимное подхоранивание в пределах ограды. По возрастной амплитуде погребенных видно, что едва ли не ежегодно рождение ребенка было типичным явлением для этого первобытного коллектива, причем, как уже отмечалось исследователями [44], наибольший про-

---

[41] *В. С. Сорокин.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962. Обе группы рассматриваются как территориальные (стр. 40).

[42] Там же, табл. XXXVII, XXXVIII, 1—4, 6—8 — западная группа; табл. XXXVIII, *5, 9—22,* XXXIX—XLII — восточная группа.

[43] Погребение 13—14-летней девочки как сопроводительное к материнскому свидетельствует о предположительном рубеже брачного возраста. В ограде 39 девочка примерно 10 лет сопровождает мужчину как супруга.

[44] *В. П. Алексеев.* Палеодемография СССР. СА, 1972, 1, стр. 11—15.

цент смертности приходился на первые месяцы, и годы жизни. **Коллективные погребения детей** совершены в оградах № 17, 18, располагающихся вблизи оград первой группы [45]. Возможны два предположения: либо это незавершенные ограды рассмотренного выше типа, либо, что также не исключено, самостоятельная разновидность. В восточной группе такие захоронения совершены в ограде 35; в конце существования могильника, в ограде 52, погребены двое детей [46]. Группа с коллективными погребениями детей архаична по своей обрядовой форме, не менее показательно и ее размещение в едином территориальном комплексе с погребениями женщин и детей, а также с погребением трех женщин в ограде 13 [47].

Мы подошли к характеристике чрезвычайно любопытного явления, в массовой форме проявившегося именно в Тасты-Бутаке,— это **парные разнополые погребения детей,** которые по аналогии с могилами взрослых могут рассматриваться как погребения «детей-супругов». В таких могилах дети погребены лицом друг к другу, мальчики на левом, а девочки на правом боку, как взрослые в парных погребениях, причем поскольку погребения одновременны, то, видимо, один из детей умерщвлялся в результате смерти своего «брачного партнера» (ограды № 2, 6, 20, 22, 25 и, возможно, 12, 36). Очевидно, перед нами проявление обычая, когда дети едва ли не с рождения бывают «обещаны» друг другу в супруги, и не в силу прихоти родителей, как можно проследить по поздним этнографическим данным, но в результате определенных закономерностей, регулирующих брачные нормы данной общины, предопределяющих их в брачные партнеры. По существу ограды с «детьми-супругами» занимают классификационно промежуточное положение между группой оград с коллективными погребениями детей и группой оград с парными разнополыми погребениями взрослых. Интересны сочетания таких оригинальных захоронений с прочими: ограды с женщинами-матерями не встречены в сочетаниях с этой группой погребений, тогда как они сочетаются в едином комплексе с могилами детей, мужскими и, что особенно любопытно, с погребением мужчины и 12-летней девочки, также малолетней супруги (№ 22). Существование формы погребения с парными разнополыми захоронениями детей свидетельствует о разнообразии путей развития статуса малой семьи, о тенденции к охвату брачными нормами даже столь ранних возрастных категорий [48]. Очевидно, вопрос об этих своеобразных погребениях требует разрешения с привлечением широких аналогий; в этой связи упомянем аналогичные могилы в раннекарасукском могильнике Хара-Хая, в Усть-Сыде [49].

Парные разнополые погребения взрослых составляют группу, привлекшую наибольшее внимание исследователя [50]. Может быть намечена следующая группировка погребений: одновременное захоронение (№ 22, 23, 38, 39, 43, 48), разновременное захоронение (№ 4, 36, 30) и третья выделяемая нами группа — это могилы, первоначально предназначавшиеся для парного погребения, но оставшиеся наполовину незаполненными (№ 26, 37, 44, 49, 50, 55). Остановимся на последней группе, поскольку первые две рассмотрены В. С. Сорокиным с достаточной полнотой. Могилы, наполовину незавершенные, известны и в прочих памятниках, их встречаем в южносибирском Ораке, хорезмийской Кокче 3 (№ 98, 101, 13), могиль-

---

[45] *В. С. Сорокин.* Могильник бронзовой эпохи..., табл. XXI, XXXIII, стр. 16, 17.

[46] В восточной группе более типичны индивидуальные могилы детей.

[47] *В. С. Сорокин.* Ук. соч., стр. 15, табл. VIII. В этой ограде заключено три женских погребения со своеобразным инвентарем: 50 бус при старшей женщине, зуб хищника при второй.

[48] Это обусловливалось широкой детской смертностью, что порождало стремление к наиболее раннему вступлению в брак и деторождению, хотя практические последствия такой тенденции были сугубо отрицательными.

[49] *С. В. Киселев.* Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937; *Л. Р. Кызласов.* Карасукский могильник Хара-Хая. СА, 1971, 3.

[50] *В. С. Сорокин.* Могильник бронзовой эпохи..., стр. 101—112.

никах с развитой системой взаимного подхоранивания. Признавая названные шесть погребений Тасты-Бутака незавершенными парными разнополыми, что следует из величины ямы, положения погребенного и размещения инвентаря [51], мы вынуждены будем признать искусственно созданными такие вопросы, как причина захоронения некоторых взрослых «одиночных» женщин на правом боку (№ 37, 49, 55). Естественно, отпадает и вопрос о «многожействе», якобы весьма типичном для тасты-бутакской общины [52]. В данном вопросе за отправную точку были взяты, как представляется, не реальные материалы могильника, а этнографические параллели, весьма привлекательные своим экзотическим своеобразием, но далекие от проблемы андроновских семейно-общинных отношений. Помимо названных рассмотрим еще два погребения, отнесенные автором раскопок к категории «одиночных»: могила мужчины, лежащего на левом боку (№ 45), и симметрично помещенная к северу от нее могила женщины, лежащей на правом боку (№ 46) [53]. Возможны два предположения: либо это могилы супругов, либо незавершенные парные погребения; первое представляется более вероятным. Отметим далее, что каменные ящики, появляющиеся в восточной группе могильника, создавались, как кажется, по преимуществу для определенных видов захоронений: это комплекс из могил № 45 и 46, погребения мужчины или женщины в незавершенном парном погребении (№ 26, 37, 44, 49, 50, 55). Однако любопытно, что мужчины с малолетними «женами» в могилах № 39 и 43 лежат в грунтовых могилах. Как исключение, каменный ящик был сооружен для индивидуального погребения старухи (№ 47), а также для кремации взрослого (№ 53).

Если взрослые замужние женщины Тасты-бутака, а также «девочки-супруги» захоранивались на правом боку и ряд аналогичных погребений находится в незавершенных могилах, то некоторые женщины подобно мужчинам погребались на левом боку. В. С. Сорокин часть из них относит к категории «одиночных» погребений [54]. Однако если подходить к названным могилам с непременным учетом комплекса, в котором они обнаружены, то станет очевидна недопустимость рассмотрения их как индивидуальных. Действительно, в могилах 5 ограды 10, 4 ограды 14, 3 ограды 19 женщины лежат на левом боку, видимо, потому, что они погребены не в паре с мужчиной, а в едином комплексе с коллективными детскими погребениями. На левом же боку погребены женщины, подхоронение мужчин к которым по тем или иным причинам, очевидно, не предусматривалось: старуха в могиле 47; девушка в могиле 40; женщина в ограде 13; верхнее женское погребение в ограде 44, имеющее следы насильственной смерти, безынвентарное; женщина в парном разнополом (?) погребении 30, имеющем необычную для могильника ориентировку. Представляется, таким образом, что вопрос о взаимосвязи положения женщины в могилу на тот или иной бок и ее родовой принадлежности не может быть поставлен на имеющемся материале в такой форме, как это сделано В. С. Сорокиным [55], т. е. без учета существования незавершенных парных разнополых погребений, комплексов с могилами женщины и детей, по искусственно созданным соответствиям между этнографией африканских скотоводческих племен и особенностями андроновской культуры алакульского круга [56]. Из таблицы 4 публикации Тасты-Бутака следует, что на правом боку погребались женщины из парных погребений (исключение — № 32 между двух

---

[51] Там же, табл. XVIII, XXIII, XXXI, XXXII, XXXV, рис. 4, *1—3*.

[52] Там же, табл. 4, стр. 91, 119.

[53] Там же, стр. 24, табл. XXIX, рис. 1.

[54] Там же, табл. 4.

[55] Там же, стр. 119, 120.

[56] Там же, стр. 112—119. Уровень социально-экономического развития банту представляется несопоставимо развитым в сравнении с общиной Тасты-Бутака; более реальны «индоарийские» параллели, предложенные Е. Е. Кузьминой по изучении памятников Оренбуржья.

детских могил восточной группы), на левом — мужчины и все прочие, и эту обрядовую особенность затруднительно трактовать в плане родовой принадлежности погребенных без опасения впасть в несоответствия как фактологического, так и чисто теоретического плана, поскольку нам неизвестна форма рода, форма счета «родства», соблюдавшаяся данным коллективом. Действительно, присутствие разнополых погребений с обычаем взаимного подхоранивания [57] как будто должно свидетельствовать о далеко зашедшем развитии «патриархальных» отношений, патрилинейности общины. Однако такая предпосылка окажется чисто логическим построением, если в своей попытке реконструкции мы выдвинем на передний план наличие целого комплекса коллективных оград с архаичной обрядовой группировкой погребенных, находящей аналогии в особенностях структуры Алексеевки и Алакуля. Осторожнее будет предположить достаточно развитую малосемейную структуру тасты-бутакской общины, усложненную, особенно судя по могилам западной группы, традицией матрилинейности. Западная группа выглядит более сложной по своим палеосоциологическим показателям: в ней отсутствуют незавершенные разнополые погребения, отмечается абсолютное большинство оград с коллективными погребениями, а также с могилами «детей-супругов». В восточной группе обряд явно эволюционирует, отражая, по-видимому, развитие форм семьи и общины.

Вопрос о признаках архаичных социальных структур по материалам памятников алакульского круга представляется одной из немаловажных проблемных задач в деле изучения этих памятников как автохтонных андроновских. Традиционный ракурс палеосоциологических исследований андроновских памятников лежит в русле рассмотрения проблемы парных разнополых погребений. Однако представляется, что эта немаловажная проблема должна быть на современном материале и этапе изучения поставлена в зависимость от рассмотрения семейно-социальной структуры «андроновского» общества в целом, от комплексного изучения особенностей могильников и по возможности их корреляции с данными по жилищам и поселениям. Архаичные моменты в структуре памятников алакульского круга, очевидно, далеко не случайны, их следует, по-видимому, искать в особенностях примитивной экономики этих общин, их коренных связях с энеолитическими памятниками. Именно названная традиционность социально-экономического развития алакульского общества и побуждает обратиться к сопоставлениям с культурными объектами, территориально удаленными, но раскрывающими тем не менее истоки некоторых социально-идеологических явлений в структуре общин «алакульского типа». Поскольку вопросы хронологии андроновских комплексов алакульского круга находятся в стадии разработки, было бы несколько преждевременным говорить об определенных временных соотношениях и соответствиях относительно трех рассмотренных выше памятников, являющихся своего рода эталонными объектами изучения андроновской общности в целом. Однако следует подчеркнуть, что андроновские общины «алакульского типа», очевидно, не являлись однотипными общественными образованиями, существовали известные вариации, которые мы и пытались наметить.

---

[57] Большое число незавершенных могил находит объяснение в повторных, очевидно, браках взрослых и малолетних (№ 39, 43, 48).

M. D. Khlobystina

QUESTIONS CONCERNANT L'ETUDE DE LA STRUCTURE DES COMMUNAUTES ANDRONOVIENNES DU TYPE ALAKOULIEN

Résumé

L'étude des différents aspects de la vie sociale des tribus des premiers pasteurs, qui ont laissé des monuments du type andronovien sur une vaste étendue steppique et sylvo — steppique, depuis la région transouralienne jusqu'au cours moyen de l'Iénisseï (milieu de la seconde moitié du IIème millénaire av, n. ère), comporte un large ensemble de problèmes liés aux traits archaïques de la structure familiale et communautaire. L'exemple des trois sépultures andronoviennes classiques d'Alexéiévo, d'Alakoul et de Tasty — boutak montre nettement des analogies avec les formes des inhumations et sépultures des anciens pasteurs des stéppes du littoral de la mer Noire, aussi bien qu'avec certaines cultures prépastorales (sépultures des rives du Dniepr à inhumations séparées des sexes, inhumation d'un homme avec deux femmes, et de deux hommes avec une femme, lieux de sépulture collectifs d'enfants). On peut croire à des éléments de matriarcat dans les premiers monuments andronoviens, et à la diffusion de lieux de sépulture réservés aux enfants, liés aux cultes astro — solaires de la fécondité, et disposés probablement en fonction de certaines lois astronomiques. L'élaboration d'une vue d'ensemble de la structure sociale des collectivités primitives de l'époque énéolithique — Age du Bronze de la steppe eurasienne permettra de déceler les lois générales de l'ordre social, idéologique, culturel et historique en s'appuyant sur l'exemple du développement de la société des premiers pasteurs.

А. Т. РАМИШВИЛИ

О НАЗНАЧЕНИИ СТОЯНОК С «ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКОЙ» ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Стоянки с «текстильной керамикой» встречаются вдоль побережья Западной Грузии от устья р. Чорохи до Гагры. Эти памятники, относящиеся главным образом к первой половине I тысячелетия до н. э., уже многие годы привлекают внимание специалистов. В исследованиях, посвященных прибрежным стоянкам Причерноморья, справедливо указывается на связь этих стоянок с приморскими дюнами. На дюнах культурные наслоения встречаются отдельными гнездами и состоят из многочисленных обломков глиняных рожков и «текстильной керамики» (ванночек с отпечатками ткани на поверхности). Отмечается также, что приморские стоянки являлись не обыкновенными поселениями, а были связаны с определенной сферой производственной деятельности [1]. Вопрос о назначении стоянок с «текстильной керамикой» является предметом рассмотрения данной статьи. Наши суждения основаны на результатах как ранее проведенных исследований приморских стоянок, так и археологических раскопок, проведенных нами в Пичвнари (Кобулети) [2].

Еще Л. Н. Соловьев указывал, что на подобных памятниках между песчаными слоями встречаются линзы морской гальки. Видимо, тогда не удалось установить их характер [3]. Между третьим и четвертыми слоями Пичвнарской стоянки была выявлена галечная прослойка морского наноса, которая постепенно опускалась с востока на запад, т. е. к морю [4]. Очевидно, эти стоянки были расположены так близко к морю, что оно временами затопляло их. По-видимому, такая близость соответствовала определенным практическим целям. В Пичвнари впервые на подобных памятниках получена сравнительно ясная картина культурных остатков отдельных гнезд. Последние расположены в прибрежной полосе с небольшими промежутками на расстоянии 1,5—2 *км*. Приморские стоянки многослойны. В Пичвнари выявлено шесть культурных горизонтов, содержащих несколько прослоек. Культурные слои разделены довольно мощными стерильными пла-

---

[1] *А. А. Иессен.* Сухумская экспедиция ГАИМК. СА, III, 1937, стр. 251, 252; *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, стр. 279—282; *его же.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. Тр. АбГМ, вып. 1. Сухуми, 1947, стр. 23—50; *Н. В. Хоштария.* Археологические исследования Уреки. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I. Тбилиси, 1955, стр. 26—30; *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, стр. 247, 287 и др.

[2] *А. Т. Рамишвили.* Прибрежные стоянки Причерноморья в Кобулетском районе (на груз. яз.). Тр. Батумского НИИ, III. Тбилиси, 1964; *его же.* Древние стоянки на песчаной дюне в Пичвнари (на груз. яз.). Памятники Юго-Западной Грузии, 1. Тбилиси, 1964; *его же.* Юго-Восточное Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971; *его же.* К датировке прибрежных стоянок в Пичвнари (на груз. яз.). Мацне, 1974, 2; *его же.* Археологические раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960—1964 и 1967 гг. СА, 1975, 1.

[3] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, стр. 226.

[4] *А. Т. Рамишвили.* Ук. соч., стр. 138, рис. 1Б.

стами [5]. Образование стерильных прослоек между хронологически не столь уж отделенными культурными слоями в совокупности с распространением стоянок на большие расстояния должно указывать на периодическое перемещение обитателей этих стоянок вдоль берега. В противном случае, в условиях почти непрерывной деятельности человека, трудно было бы представить образование стерильных слоев такой мощности.

Обращает на себя внимание исключительная многочисленность обломков глиняных ванночек с отпечатками ткани и без них. По-видимому, этот факт должен указывать на прямую связь этих сосудов с основным занятием обитателей приморских стоянок. Высказывалось мнение, что ванночки с отпечатками ткани использовались для выварки соли из морской воды [6].

В литературе высказано несколько предположений о характере и назначении прибрежных стоянок. Как уже указывалось, исследователи единодушно отмечают, что эти стоянки не являются обыкновенными поселениями. Вполне справедливо считается, что сельское хозяйство или же рыболовство не было основным занятием обитателей приморских стоянок. Такой интерпретации противоречит ряд особенностей этих памятников, о которых речь пойдет ниже.

В настоящее время превалирует мнение, что приморские стоянки Грузии были связаны с добычей соли из морской воды. Это предположение, как уже указывалось, впервые было выдвинуто Л. Н. Соловьевым [7] — первым исследователем этих памятников. Н. В. Хоштария допускала, что до II тысячелетия до н. э. для этих стоянок близость к морю определялась его значением как источника соли. С конца II тысячелетия до н. э., по ее мнению, здесь должны были добывать магнетитовые пески [8]. В последнее время высказано еще одно предположение, согласно которому прибрежные стоянки представляются племенными культовыми центрами [9].

А. Ю. Кахидзе в своей работе о пичвнарских памятниках античного времени высказывает сомнение о связи ваннообразных сосудов с обогащением магнетитовых песков и тем самым, видимо, считает малообоснованной связь приморских стоянок с добычей магнетита. Он склонен видеть в приморских стоянках «мощные наслоения духовной культуры племен земледельцев и металлургов приморской полосы». По его мнению, причерноморские дюны должны были служить «общеплеменным культовым местом», куда в определенное время года стекались жители окрестных поселений и выполняли религиозные ритуалы, связанные с культом быка, льна или божества моря [10].

Одно перечисление предполагаемых культов свидетельствует о поверхностном характере этого предположения. Действительно, оно выдвинуто автором как бы мимоходом во вступительной части работы, посвященной античным памятникам Кобулети — Пичвнари. Единственным доказательством для указанного предположения А. Ю. Кахидзе служат выявленные нами в Пичвнари жертвенники и характерные для подобных памятников глиняные рожки, которые часто связывают с культом быка. Безусловно, указанные факты говорят об отправлении обитателями стоянок определенных культовых обрядов, но, нужно полагать, они должны были служить успеху основной их деятельности. Даже если представить себе, что

[5] Там же, стр. 138, рис. 1, 2, 4.

[6] *Л. Н. Соловьев.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире, стр. 23—50; *его же.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, стр 281—284; *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., стр. 287—290.

[7] *Л. Н. Соловьев.* Следы древнего соляного промысла...

[8] *Н. В. Хоштариа.* Ук. соч., стр. 29, 30.

[9] *А. Ю. Кахидзе.* К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху (Кобулети — Пичвнари). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1965, стр. 8, 9; *его же.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети — Пичвнари). Тбилиси, 1971, стр. 32, 33 (на груз. яз.).

[10] Там же.

на данной ступени общественного развития возникали специальные племенные культовые центры, то трудно объяснить, почему они отдельными гнездами растянуты (на 1,5—2 *км*) вдоль побережья в опасной близости к морю, которое временами разрушало их.

Более убедительным кажется мнение о связи приморских стоянок с добычей соли из морской воды. Это предположение Л. Н. Соловьева [11] в дальнейшем получило почти всеобщее признание [12]. Основными аргументами в пользу обсуждаемого предположения служат непосредственная близость к морю и определенное сходство ванночек с «текстильной» поверхностью с глиняными сосудами для выпаривания соли из концентрированных рассолов у восточноафриканского племени массаи и четырехугольными железными сковородами (так называемые чрены или црены) древнерусских соляных варниц [13].

Авторы рассматриваемой гипотезы считают, что соль первоначально выпаривали из морской воды естественным путем; с этой целью использовалось понижение за береговым валом, куда в специально прокопанный ров шторм нагонял морскую воду. В жаркие летние дни стоячая в низине вода испарялась естественным путем. В дальнейшем из полученной рапы будто бы соль вываривалась на огне в ванночках с текстильными отпечатками, укрепленных над костром при помощи глиняных рожков [14].

С первого взгляда тут как будто все логично и достоверно, однако после внимательного изучения данных, приведенных в пользу рассматриваемого предположения, у нас возникает ряд возражений, которые не позволяют согласиться с этим мнением.

Как было отмечено, для естественного выпаривания морской воды предусматривается проводка траншеи в береговом валу. При этом считается, что низменность позади прибрежного вала должна быть ниже уровня моря, так как иначе вода не удержится во впадине. Если еще можно представить подготовку такого бассейна для первого слоя пичвнарских стоянок (хотя и этот слой находился на 1 *м* выше современного уровня воды), то это трудно допустить для верхних слоев, расположенных на 7—8 *м* выше уровня моря. По нашему мнению, практически невозможно было бы произвести земляные работы соответствующего объема, тем более что после каждого шторма приходилось бы все проделывать заново.

Предполагается, что ванночки над костром ставились на глиняные рожки круглого сечения диаметром около 3 *см*, якобы имевшие высоту 40—50 *см*. Целые рожки указанных размеров пока не обнаружены. Да и вряд ли возможно, чтобы они были такой высоты при сечении около 3 *см* [15]. Высота известных до сих пор рожков, пригодных для практиче-

---

[11] *Л. Н. Соловьев.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире; *его же.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.

[12] *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., II, стр. 288 сл.; *О. М. Джапаридзе.* Разведывательная экспедиция Гурии, ВГМГ, XVI-В. Тбилиси, 1950, стр. 118—121; *М. М. Трапш.* Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Тр. АбИЯЛИ, XXIX. Сухуми, 1948, стр. 185 сл.; *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, 1, стр. 113—126; *П. П. Закарая, В. А. Леквинадзе.* Предварительный отчет раскопок 1968—1969 гг. в Чаквинджe и Гудава. Археологические экспедиции ГМГ, II. Тбилиси, 1971, стр. 106, 107.

[13] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, стр. 281—284, рис. 12 (ссылка на: *Karl Weule.* Leitfaden der Völkerkunde. Leipzig. Wien, 1912, стр. 106, табл. 104, рис. 5); *Б. А. Куфтин.* Ук. соч., стр. 289.

[14] *Л. Н. Соловьев.* Ук. соч., стр. 282, 283.

[15] Рожки этой группы не следует путать с массивными роговидными столбиками прямоугольного сечения (размером минимум 4×5 *см*), которые, как установлено в Пичвнари, употреблялись при составлении жертвенников и имели высоту до 50 *см* (см. *А. Т. Рамишвили.* Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960—1964 и 1967 гг., рис. 6, *1, 21*). Тут же следует отметить, что количество обнаруженных обломков массивных рожков явно не соответствует тому объему, который следовало ожидать при использовании этих рожков с практической целью вообще и особенно для поддержки ванночек.

ских целей, не превышает 20 *см*. Обломки подобных рожков встречаются очень часто [16].

По мнению авторов рассматриваемого предположения, для окончательного выпаривания рассола использовались ванночки с отпечатками ткани. Как это отмечалось и другими авторами [17], они отличаются слабым обжигом и непрочностью черепка. Поэтому сомнительно, чтобы установленные на четырех роговидных столбиках, они могли выдержать не только тяжесть рассола, но даже и собственную. Не отличаются большой прочностью и черепки ванночек второго типа. Последние имеют вдобавок овальную форму, что затрудняет их установку над костром.

Если ванночки с текстильной поверхностью действительно были использованы для варки соли, то хотя бы часть черепков этих сосудов должна была бы иметь следы огня, но среди многочисленных обломков, найденных в Пичвнари, ни у одного не оказалось явных признаков повторного обжига. То же можно сказать и о глиняных рожках.

Противоречит обсуждаемой интерпретации приморских стоянок и характер памятника — совокупность его топографии и культурных отложений. Как уже отмечалось, мы предполагаем, что обитатели приморских стоянок временами перемещались вдоль побережья. Иначе даже трудно допустить одновременное существование стоянки на всем ее протяжении вдоль берега. Если наше предположение соответствует действительности, то, безусловно, эти перемещения имели связь с основным занятием обитателей стоянок. Этим занятием в таком случае не мог быть соляной промысел, ибо для этого незачем было перемещаться вдоль берега.

И наконец, по нашему мнению, связь приморских стоянок с добычей соли категорически отвергает один из недавно открытых памятников на левом берегу Окуми, в окрестностях сел. Гудава на Абхазском побережье [18]. Здесь выявлен песчаный холм сравнительно малых размеров, содержащий многочисленные фрагменты «текстильной керамики» и глиняных рожков. Он расположен на расстоянии нескольких сот метров от побережья. Видимо, и во время образования культурных слоев этот холм находился примерно на таком же расстоянии от моря. Основой для данного предположения послужил засвидетельствованный в разрезе берега р. Окуми глиняный грунт почти двухметровой толщины. Немаловажен и факт существования на прибрежном песчаном валу приморской стоянки с «текстильной керамикой». Следует отметить и то, что культурные отложения последнего, по-видимому, древнее соответствующих слоев холма у р. Окуми. Все это, по нашему мнению, указывает на то, что культурные остатки этого холма, а следовательно, и характерная для приморских стоянок так называемая текстильная керамика и глиняные рожки вовсе не связаны с добычей соли из морской воды.

Теперь рассмотрим еще одно предположение, выдвинутое в свое время Н. В. Хоштарией в связи с изучением Урекской стоянки. По ее мнению, с конца II тысячелетия до н. э. стоянки береговых валов служили для добычи сырья из прибрежных магнетитоносных песков. Основанием для данного предположения в первую очередь послужил тот факт, что пески Причерноморья Грузии содержат магнетит. По сведениям автора IV в. до н. э. Аристотеля, сырье для халибского и амисского железа добывалось при промывке песков, приносимых реками. Обращалось также внимание на немаловажный факт расположения подобных памятников у пресной воды рек и болот. Кроме того, в связи с находками «железоплавильных

[16] *Л. Н. Соловьев.* Ук. соч., стр. 279; *А. Т. Рамишвили.* Ук. соч., рис. 6, *8—20*.

[17] *Л. Н. Соловьев.* Ук. соч., стр. 279, 280; *Н. В. Хоштариа.* Ук. соч., стр. 31.

[18] Памятник открыт Ингурской археологической экспедицией (руководитель Г. К. Григолиа) Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГрузССР и частично исследован археологической экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Культурные слои с так называемой текстильной керамикой были интерпретированы как соляные промыслы. См. *П. П. Закарая, В. А. Леквинадзе.* Ук. соч., стр. 106, 107.

горнов» на территории Анасеули, в окрестностях г. Махарадзе, было высказано мнение, что источником сырья для указанных горнов мог служить магнетит, содержащийся в песках рек Натанеби и Бжужи с ее притоками [19].

К сожалению, указанное предположение не получило дальнейшего развития. Перечисленные довольно логичные доводы не были подкреплены соответствующим анализом характера приморских стоянок и остались лишь на уровне остроумных догадок. Эта интересная мысль фактически была забыта. Даже Н. В. Хоштариа не вспомнила о ней в своем отчете о проведенных работах на аналогичном памятнике в Пичвнари и в последующей работе, где также имеются рассуждения о приморских стоянках Грузии [20]. Не предполагал добычу магнетита на приморских стоянках и И. А. Гзелишвили, с именем которого связано изучение мощного центра железной металлургии Юго-Восточного Причерноморья, хотя, по его мнению, в исследованных им железоплавильных печах в качестве сырья использовались магнетитовые пески. Не упоминает о приморских стоянках и Д. А. Хахутайшвили, посвятивший специальные статьи вопросам древней металлургии железа в Колхиде [21].

Проведенные в 1960—1967 гг. археологические исследования приморской стоянки в Пичвнари (Кобулети), тщательное изучение всей известной по этому вопросу научной литературы, ознакомление с другими аналогичными памятниками Причерноморья Грузии позволили выявить ряд фактов для обоснования предположения о связи изучаемых памятников с добычей магнетита путем флотации прибрежных магнетитоносных песков.

Закавказье считается районом залежей самой высококачественной во всей Передней Азии железной руды. Здесь имеются как магнетитовые, так и гематитовые залежи, которые послужили основой развития древнейшей металлургии железа [22]. Принято считать, что древнейшие железные предметы изготовлялись из железа, выплавленного из магнетитовых песков. Полагают, что первое железо случайно было получено во время добычи золота из песков [23]. Древнейший способ добычи золота был довольно простым: золотоносные пески промывали в проточной воде, которая уносила сравнительно легкий песок, а более тяжелые частицы золота оставались на месте [24].

Как известно, древние авторы легенду о золотом руне связывали с добычей золота в Колхиде. Страбон, описывая сванов, сообщает: «Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда и сложилась, говорят, басня о золотом руне» [25].

---

[19] *Н. В. Хоштариа.* Ук. соч., стр. 28, 29 и 72, 73; ср. Археология Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 250, 251 (на груз. яз.).

[20] *Н. В. Хоштариа.* Археологические раскопки в Пичвнари. Газ. «Батумский рабочий», 1957, 7.IV, № 69; *ее же.* Цихидзири. Тбилиси, 1962, стр. 36—45 (на груз. яз.).

[21] *И. А. Гзелишвили.* Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964; *его же.* Основные итоги раскопок железоплавильных мастерских, выявленных в Аджарии в 1960—1961 гг. Памятники Юго-Западной Грузии, I. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.); *И. А. Гзелишвили, Д. А. Хахутайшвили.* Древнейший очаг производства железа в нижнем течении р. Чорохи и археологическая разведка в Гонио-Апсаросе, там же (на груз. яз.); *Д. А. Хахутайшвили.* У истоков железной металлургии Колхиды, там же (на груз. яз.).

[22] Минеральные ресурсы ССР Грузии. Тифлис, 1933, стр. 213 сл.; *H. Quiring.* Die Erzgründlager der ältesten Eisenerzeugung. «Zeitschrift für praktische Geologie». August, 1933, S. 128—131.

[23] *H. Quiring.* Op. cit., S. 128—130; *R. I. Forbes.* Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950, S. 403, 404.

[24] *А. Лукас.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 356.

[25] *Страбон.* География, XI, 11, 19 (*В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб., 1893, стр. 138).

Аппиан указывает: «Многие источники, текущие с Кавказа, несут с собою незаметный золотой песок; окрестные жители, погружая в воду густошерстные овечьи шкуры, собирают пристающий к ним золотой песок; быть может, такого рода было и золотое руно Эита» [26].

Реальность сведений древних авторов в какой-то мере подтверждается и тем фактом, что этот древний, литературно засвидетельствованный способ добычи золота сохранился в этнографической действительности Сванетии почти до самого последнего времени [27]. Поскольку известное сказание об аргонавтах и золотом руне связывается с добычей золота в древней Колхиде, можно предполагать, что в Колхиде золото указанным способом добывали по крайней мере со второй половины II тысячелетия до н. э. [28] И если первоначальное использование магнетитовых песков было непосредственно связано с разработкой золотоносных песков, то в древней Колхиде должны были существовать соответствующие предпосылки.

Косвенным доказательством разработки в древней Колхиде причерноморских магнетитоносных песков может служить выявление в Юго-Восточном Причерноморье синхронного с приморскими стоянками мощного центра железной металлургии. Первые сведения о железоплавильных мастерских принадлежат О. М. Джапаридзе и Н. В. Хоштариа, но так как им не удалось произвести соответствующие раскопки, ничего не было известно о характере и датировке этих мастерских. Было высказано лишь предположение (Н. В. Хоштариа) о возможном использовании магнетита в качестве сырья [29]. В дальнейшем на территории современной Гурии и Аджарии были выявлены остатки нескольких десятков железоплавильных мастерских. Часть из них была изучена путем археологических раскопок. Установлено, что они в основном датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. Высказано также предположение, что здесь в качестве сырья использовались магнетитовые пески [30]. Со своей стороны добавим, что подтверждением этого может послужить и расположение указанных мастерских вблизи побережья.

О разработке магнетитовых песков в Причерноморье сохранилось сведение Аристотеля: «Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот, по одним рассказам, просто промывают и плавят на огне, а по другим — образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят» [31]. Это письменное свидетельство должно отображать действительность, значительно предшествовавшую IV в. до н. э., так как к этому времени она успела уже превратиться в

---

[26] *Аппиан.* Войны с Митридатом, 103 (*В. В. Латышев.* Там же, т. I, вып. II. СПб., 1896, стр. 531).

[27] *Л. Бочоришвили.* Златокузнечество в Сванетии. Вестник АН ГрузССР, т. VII, 5. Тбилиси, 1964, стр. 285 (на груз. яз.).

[28] Грузинские ученые не разделяют мнения, что Колхида и золотое руно в сказание об аргонавтах включены после VIII в. до н. э. (см. *А. А. Ельницкий.* Знания древних о северных странах. М., 1961, стр. 12—14; *Р. Хенинг.* Неведомые земли. М., 1961, стр. 37—39) и считают их ведущими мотивами и в древнейших вариантах сказания об аргонавтах (см. *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 19; *А. Урушадзе.* Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах. Тбилиси, 1964, стр. 7 сл. (на груз. яз.); *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, стр. 11—23 (на груз. яз.); *Т. К. Микеладзе.* К генезису взаимоотношений грузинских племен и греческого мира. Сообщения отделения общественных наук АН ГрузССР, II. Тбилиси 1960, стр. 169—172 (на груз. яз.); *его же.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974, 76—88 (на груз. яз.).

[29] *О. М. Джапаридзе.* Ук. соч., стр. 111 (на груз. яз.); *Н. В. Хоштариа.* Археологическое исследование Уреки, стр. 72; Археология Грузии, стр. 250, 251.

[30] *И. А. Гзелишвили.* Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.

[31] *Аристотель.* О чудесных слухах, 48 (*В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ч. I, вып. II, стр. 380).

«чудесный слух». Хотя эти сведения относятся к районам, расположенным южнее Грузии, существование магнетитовых песков и мощной железной металлургии в Причерноморье Грузии делает его реальным и для изучаемого района.

По сведению Аристотеля, сырье для выплавки железа получали при промывке магнетитоносных песков. Следует полагать, что магнетит добывали на месте естественного скопления этих песков. Симптоматично, что изучаемые памятники находятся именно в местах скопления магнетитоносных песков. Заслуживает внимания и то, что эти стоянки, как правило, встречаются вблизи рек, что обеспечивало приморские стоянки водой, необходимой для промывки песков.

При изучении приморских стоянок немаловажное значение имеет уяснение характера скоплений магнетитоносных песков. Их сосредоточенность у самого берега моря объясняют действием трех факторов: приносом рек, прибоем морских волн и морским течением. О постоянстве характера песков и содержания в них магнетита свидетельствуют специальные наблюдения. В скважинах глубиной до 10 *м* местами на известковых горизонтах выявлены пропласты, состоящие из чистого магнетитового песка, образованные в зависимости от характера действия прибоя. На всем протяжении грузинского Причерноморья магнетитовый железняк образует или уединенные массы, или слои, тянущиеся на значительное расстояние. Местами мощность этих осадков достигает 12 *см*. Особенно богат магнетитовыми песками район Уреки. Довольно мощные скопления магнетита встречаются у Кобулети и Очамчире [32]

Таким образом, существование с древнейших времен традиции разработки золотоносных песков, наличие в приморской полосе железоплавильных мастерских, выплавляющих предположительно магнетитовую руду, сведения Аристотеля о добыче в Причерноморье сырья для выплавки железа промывкой магнетитоносных песков и, наконец, расположение приморских стоянок в районах скопления магнетитовых песков рядом с реками являются косвенными данными, позволяющими предположить связь приморских стоянок с добычей сырья путем флотации магнетитоносных песков.

Выше отмечалось, что магнетитоносные скопления встречаются прослойками определенной мощности или отдельными массами. Разумеется, в результате интенсивной разработки магнетитоносных песков через определенное время появилась необходимость поиска новых рудоносных участков. В дальнейшем море вновь наносило на обработанные места новые слои магнетита, что обуславливало возвращение на прежние места. Подобная интерпретация хорошо объясняет и близость стоянок к морю, несущему необходимое для производства сырье. По нашему мнению, лишь таким образом можно объяснить перемещение приморских стоянок вдоль побережья и их распространение на большие расстояния и наличие между культурными слоями стерильных прослоек, которые возникали в указанных промежутках.

Исключительная многочисленность глиняных ванночек справедливо считается свидетельством связи этих сосудов с основным занятием обитателей стоянок. Практическое назначение сосудов, по нашему мнению, подтверждается и тем, что кроме ванночек массового производства (размером приблизительно 50×20×15 *см*) изредка встречаются ванночки большого размера (приблизительно 100×50×50 *см*) и миниатюрные, которые не могли иметь практических функций и должны были иметь культовое назначение. Ванночки среднего размера пригодны для промывки песка. Надо полагать, что наполненные магнетитоносным песком ванночки ставили под проточную воду, которая из стоков, специально сделанных в венчике сосудов, выносила более легкую породу, а магнетит оседал на дне. Ван-

[32] Минеральные ресурсы ССР Грузии. Тифлис, 1933, стр. 244, 246, 248, 254.

почки не отличались особой прочностью, хотя обитатели стоянок пользовались довольно высококачественной бытовой посудой. Заметная многочисленность рожков сравнительно малых размеров наводит на мысль, что во всяком случае определенная их часть имела практическое значение. Действительно, рожки с соответствующей развилкой могли служить опорой для более прочной установки ванночек на грунте. Другая же часть этих рожков могла быть использована в качестве подставок для желобов, подводящих к ванночкам воду.

В предложенной интерпретации приморских стоянок самым неясным является вопрос подачи воды для промывки песков. Высказано предположение, что для этой цели использовались реки и болота, рядом с которыми обычно и встречаются стоянки. Трудно допустить, что воду к ванночкам подносили вручную, так как физически невозможно таким способом обеспечить промывку целого прииска. Кроме того, для этой цели более эффективной является проточная вода. Поэтому, по нашему мнению, ее должны были подводить специальными гидротехническими сооружениями. Пока еще нет никаких прямых доказательств для подтверждения этого предположения, но если учесть, что материальная культура и этнографический быт Колхиды сохранили памятники сложных оросительных систем с акведуками, каналами и деревянными желобами, возраст которых насчитывает по несколько столетий, а также способы строительства подобных систем и весьма интересную их топонимику [33], то наше предположение, выглядит вполне приемлемо.

Как говорилось выше, определенная часть глиняных рожков носила культовый характер. Судя по данным Пичвнари, массивные рожки употреблялись для устройства жертвенников. Культовый характер, вероятно, имели и меньшие рожки с орнаментированной поверхностью и деталями, явно не практического характера. Высказано предположение, что эти рожки связаны с культом быка [34].

Культ быка на Кавказе, и в частности в Грузии, распространен еще с эпохи энеолита [35]. Обычно этот культ связывают с божеством плодородия и изобилия, содействовавшего как размножению и благополучию человека и его домашних животных, так и обилию создаваемых им продуктов. В Грузии до последнего времени сохранились пережитки этого культа в виде божества — женщины Барбале [36].

Обитатели приморских стоянок, вероятно, тоже рассчитывали на содействие своих божеств. Возможно, что глиняные рожки и выложенные из них жертвенники, по представлению древних жителей, должны были способствовать успеху в хозяйственной деятельности, в частности добыче магнетита. Как уже отмечалось, приморские пески неодинаково насыщены магнетитом. Для обитателей стоянок степень содержания магнетита в песках была, очевидно, связана с волей божества изобилия. Поэтому, чтобы заслужить его благосклонность, они, вероятно, выполняли определенные ритуалы. Не исключено, что частью этих ритуалов являлось подношение

[33] *Д. З. Бакрадзе.* Историко-археологический очерк Карской области. ИКО ИРГО, VII, № 1. Тифлис, 1881, стр. 196; *И. Я. Марр.* Батуми, Артвин, Карс как исторические узлы международных отношений Кавказа. Пг., 1922, стр. 15, 16; *И. Ш. Чиджавадзе.* Горное земледелие (полеводство) в Аджарии (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1966, стр. 21, 22; *его же.* Из истории земледельческого быта в Аджарии. Тбилиси, 1971, стр. 89—103, 113—121 (на груз. яз.)

[34] *О. М. Джапаридзе.* Ук. соч., стр. 118, 119; *И. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 34—37.

[35] *Б. А. Куфтин.* К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. ВГМГ, XIV-В. Тбилиси, 1947, стр. 69—74; *Г. Ф. Гобеджишвили.* Холм Пацар-гора близ г. Сталинири. «Мимомхилвели», II, Тбилиси, 1951, стр. 256—262.

[36] *В. В. Бардавелидзе.* Из истории древнейших верований грузинов (божество барбар-бабар). Тбилиси, 1941, стр. 33, 42 (на груз. яз.); *ее же.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 191, 192 сл.; *Г. С. Читая.* Мотыжная культура в Западной Грузии (Колхиды). Тр. Института истории им. И. А. Джавахишвили, IV, вып. II. Тбилиси, 1959, стр. 159 (на груз. яз.).

к жертвенникам моделей ванночек, наполненных чистым магнетитом. Возможно также, что с этой целью у каждой или же у определенной группы ванночек ставили отдельные рожки. Нам кажется заслуживающим внимания и тот факт, что характер предполагаемого культа соответствует обрядам промысловой магии, к которой прибегали лишь в тех сферах хозяйственной деятельности, где успех в значительной мере зависел от случайных обстоятельств и где человек не мог полностью рассчитывать на собственные силы [37].

В заключение следует особо подчеркнуть, что, по нашему мнению, основным аргументом выдвинутого предположения о характере и назначении приморских стоянок может стать упомянутый выше песчаный холм на берегу р. Окуми. Этот отдаленный от моря холм, содержавший абсолютно идентичные с приморскими стоянками культурные остатки, возвышается на месте выноса рекой магнетитоносного песка. В отличие от приморских стоянок, растянутых вдоль побережья на большие расстояния, он компактен. При нашей интерпретации назначения подобных памятников, это вполне закономерно — обитатели приморских стоянок в поисках более богатых залежей магнетита в своем распоряжении имели лишь маленькую бухту, куда река и по сегодняшний день наносит магнетитовые пески.

Таким образом, более вероятной выглядит связь приморских стоянок с добычей сырья из магнетитоносных песков. Безусловно, дальнейшее исследование подобных стоянок позволит основательно проверить достоверность нашего предположения.

A. T. Ramichvili

LA DESTINATION DES STATIONS A CERAMIQUE DECOREE PAR IMPRESSION DE TISSU DU LITTORAL NORD DE LA MER NOIRE

Résumé

Les stations à céramique décorée par impression de tissu, lesquelles remontent en général à la première moitié du Ier millénaire av. n. ère, se rencontrent dans la zone côtière de la Géorgie occidentale. Quelques savants (dont L. N. Soloviev et B. A. Kouftine) pensent que les habitants de ces stations obtenaient du sel à partir de l'eau de mer. N. V. Khochtaria estimait que depuis la fin du IIe millénaire, dans ces stations on se livrait en outre à l'extraction de sables de magnétite; mais cette supposition n'était pas fondée. Selon une troisième hypothèse, les stations côtières auraient été des centres cultuels tribals. Le présent article essaie de rattacher l'apparition de ces stations à l'extraction de minerai de magnétite à partir des sables côtiers. L'existence depuis les temps les plus reculés de traditions pour le traitement des sables aurifères, la présence sur le littoral de fonderies contemporaines des monuments étudiés — ateliers qui auraient traités le minerai de magnétite (selon I. A. Grdzélichvili et D. A. Khakhoutaïchvili); les témoignages d'Aristote concernant l'extraction sur le littoral de la mer Noire de minerai pour obtenir du fer par le lavage des sables de magnétite; enfin l'emplacement des stations côtières dans les régions de concentration maximale des sables magnétifères, à proximité des cours d'eau, tout ceci prouve indirectement l'existence d'un rapport entre les stations côtières et l'extraction du minerai pour obtenir du fer au moyen de la flottation des sables côtiers. Le voisinage immédiat de ces stations du bord de la mer, les épaisses strates stériles entre les couches culturelles proches par l'âge, le déplacement périodique des stations le long du rivage, ainsi que la quantité exceptionnelle de tessons de céramique à impression de tissu, les plus caractéristiques pour ce genre de monuments (récipients portant à la surface l'empreinte d'un textile), et de rhytons d'argile, témoignent également en faveur du type d'occupation de leurs occupants: l'extraction de minerai à partir des sables magnétifères.

---

[37] *С. А. Токарев.* Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 53.

Н. А. ФРОЛОВА

О ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ РАДАМСАДА И РИСКУПОРИДА VI

В нумизматической литературе по истории чеканки позднего Боспора упрочилось мнение, что Радамсад выпускал свои «статеры» с 606 по 615 г. боспорской эры (309—318 гг. н. э.), Рискупорид VI — с конца 615 по 633 г. б. э. (318—336 гг. н. э.) [1]. Между тем в коллекции Британского музея, в собрании монет Национального музея в Копенгагене, в коллекции монет, хранящейся в Государственном Историческом музее, имеются «статеры» Радамсада с датой ΘIX (619 г. б. э.). Известны и «статеры» последнего боспорского царя Рискупорида VI, датированные 611—613, 638, 639 гг. б. э. (ГИМ). Уже само существование этих «статеров» подвергает сомнению правильность имеющегося определения времени правления Радамсада и Рискупорида VI. Нет необходимости лишний раз упоминать о том, какую ценность в качестве исторического источника представляют собой «статеры», датированные годами боспорской эры. Малочисленность эпиграфических сведений о Радамсаде [2] и Рискупориде VI [3] придает особое значение «статерам», выпущенным от их имени. Становится очевидным, что только изучение «статеров» Радамсада и Рискупорида VI позволит восстановить историю их правления.

Итак, считается, что последние выпуски Радамсада приходятся на 615 г. б. э., а первые выпуски Рискупорида VI — на конец 615 г. б. э. [4] Тем самым отрицается факт совместного правления Радамсада и Рискупорида VI, засвидетельствованный надписью, в которой названы имена обоих правителей (КБН, 66). В связи с этим чрезвычайный интерес представляют их «статеры». Монеты с именем Радамсада и датой 615 г. б. э. обычны. Их часто находят среди кладового и раскопочного материалов [5]. «Статеры» 616 г. б. э. редки, хотя известны еще с конца XIX в. [6] Четыре экземпляра монет Радамсада 616 г. б. э. были найдены в Тараканташском кладе [7]. А. Н. Зограф отмечал, что в собрании Гос. Эрмитажа есть «статеры» Радамсада, в дате которых на месте единиц стоит знак F, при-

---

[1] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. КСИИМК, 66, 1956, стр. 108 сл.; *его же.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 334 сл.; *его же.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора. ВВ, XXV. М., 1964, стр. 178; *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Клад 1962 г. из Кеп. НЭ, VII, 1968, стр. 78 сл.

[2] КБН, 65, 66.

[3] КБН, 1112, 66.

[4] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам хронологии. ВВ, XXV, стр. 178.

[5] *А. Стевен.* Тараканташский клад. ИТУАК, 43. Симферополь, 1909, стр. 101. (5 экз); *Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад 1946 г. ВДИ, 1949, 2, стр. 76, № 39—46 (8 экз.); *Д. Б. Шелов.* Феодосийский клад монет. ВДИ, 1950, 2, стр. 135, № 35, 36 (2 экз.); *К. В. Голенко.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.). НЭ, I, 1962, стр. 260, № 144—149 (6 экз.); *его же.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. ВВ, XXVII, 1967, стр. 268 (2 экз.); *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 102, № 238—241 (4 экз.).

[6] *Б. В. Кене.* Описание музеума покойного князя В. В. Кочубея. т. II. СПб., 1857, стр. 365, № 13, 14.

[7] *А. Стевен.* Ук. соч., стр. 101.

Таблица I

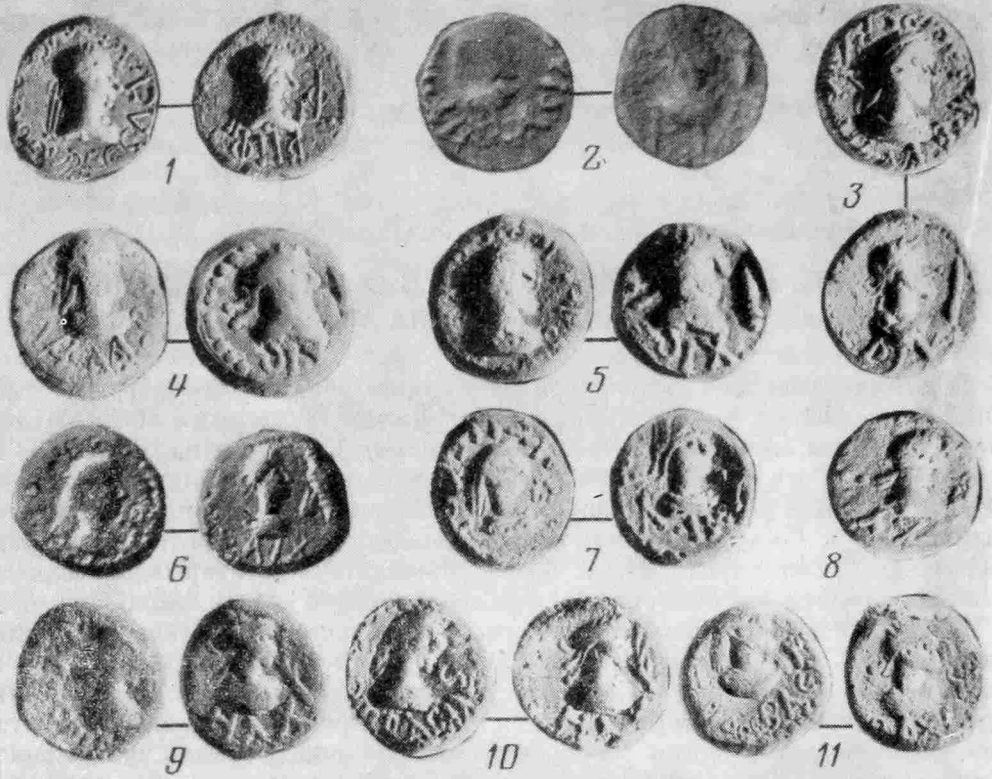


Таблица II

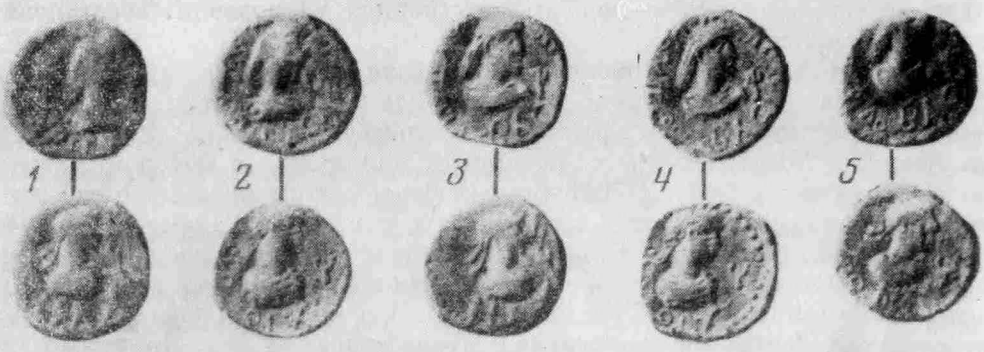


Таблица III

нимаемый им за цифру 6 [8]. Исходя из этого, А. Н. Зограф считал возможным говорить о выпуске «статеров» Радамсада в 616 г. [9]. Монеты с подобным написанием дат были найдены в Тиритакском кладе 1946 г. и отнесены Л. П. Харко к 616 г. [10] В коллекции Исторического музея хранятся три экземпляра монет Радамсада 616 г. б. э. (ГИМ, № 5480, 5484, 5521; вес 6,67; 6,98; 7,08 *г*) (табл. I, *2*) .

Монеты Радамсада 617 г. б. э. были известны А. М. Подшивалову [11], но до сего времени они не встречены ни среди раскопочного материала, ни в кладах. Что же касается «статеров» Радамсада 619 г. б. э. (ΘIX), то в настоящее время их насчитывается более 10. «Статеры» с датой ΘIX (619 г. б. э.) были известны Б. В. Кене [12], А. В. Орешникову [13], Х. Х. Гилю [14]. Один экземпляр хранится в собрании Британского музея [15], один экземпляр — в коллекции Национального музея в Копенгагене [16], один был найден в Таракташском кладе [17], об одном экземпляре, с отчетливо видимой буквой Θ (9) на месте единиц, писал П. О. Карышковский [18]. В коллекции ГИМ имеются пять экземпляров монет Радамсада в датой ΘIX (ГИМ, № 5527—5531; вес 6,97; 7,47; 5,70; 7,35; 7,44 *г*) (табл. I, *4*, *5*).

Х. Х. Гиль при издании своего экземпляра монеты 619 г. опубликовал вторую монету из своего собрания, на которой, по его мнению, буква Θ (9) была переделана в В (2) [19]. По аналогии с этим случаем он предложил считать, что резчик при вырезании в штемпеле года ΘIX ошибся, а затем поправил. Замечание Х. Х. Гиля верно по отношению только к одному экземпляру, чеканенному исправленным штемпелем. А. Н. Зограф именно так и воспринял замечание Х. Х. Гиля, когда писал, что Гиль был прав, «считая дату 619 г. на одном из штемпелей ошибкой, подвергшейся исправлению» [20]. Несмотря на то что существуют и другие штемпели оборотных сторон монет 619 г. (ГИМ, № 5527—5531), высказывание Х. Х. Гиля об ошибке резчика на одной монете распространилось на все «статеры» Радамсада с датой ΘIX. Помимо этого мнения для доказательства того, что в 619 г. Радамсад не мог выпускать свои «статеры», было предложено

---

[8] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 212.

[9] Там же.

[10] *Л. П. Харко.* Ук. соч., стр. 76, № 47.

[11] *А. М. Подшивалов.* Московский Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет, вып. I. М., 1887, стр. 47, № 303.

[12] *Б. В. Кене.* Ук. соч., стр. 365.

[13] *А. В. Орешников.* Каталог собрания графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1887, стр. 120, № 788 (1 экз.).

[14] *Х. Х. Гиль.* Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, 1891, табл. VII, 83 (1 экз.).

[15] *W. Wroth.* Catalogue of the coins in the British Museum vol. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the kingdom of Bosporus. London, 1889, стр. 79, № 1, табл. XVIII, *9* (далее BMC).

[16] Sylloge Numorum Graecorum. The royal collection of coins and Medals Danish National Museum vol. Bosporus — Bithynia. Copenhagen, 1944, табл. 3, № 92.

[17] *А. Стевен.* Ук. соч., стр. 101.

[18] *П. О. Карышковский.* Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». ВДИ, 1953, 1, стр. 111.

[19] *Х. Х. Гиль.* Новые приобретения..., табл. VII, *84*.

[20] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 121.

Таблица I. «Статеры» боспорских царей: № 1, 8 — Фофорса; *2—5* — Радамсада; *6, 7, 9—11* — Рискупорида VI (ГИМ)

Таблица II. Фототаблица из ст. К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. КСИИМК, 66, 1956, стр. 112, рис. 16. По К. В. Голенко, «статеры» Рискупорида VI: № 1—618 г.б.э., 2—619 г.; 3—618 г; 4—619 г.; № 5—619 г.б.э.

Таблица III. «Статеры» Рискупорида VI из собрания ГИМ: № 1—638 г.б.э.; 2—619 г.; 3—638 г.; 4—619 г.; 5—639 г.б.э.

рассматривать монеты 619 г. как отчеканенные в 612—614 гг. б. э.[21] При этом был применен метод сравнения монет по штемпелям. Но сравнивались, к сожалению, только лицевые стороны монет. Один из штемпелей лицевой стороны монеты 619 г. был обнаружен среди монет 614 г., т. е. с датой ΔIX на оборотной стороне (табл. I, *3*). Из того факта, что монеты с датой ΔIX и ΘIX оказались чеканенными одними и теми же штемпелями лицевых сторон, делался вывод, что монеты с датой ΘIX (619) являются выпуском 614 г. б. э., а тэту (Θ) предложили считать необычным начертанием дельты[22]. Но когда оказалось, что лицевая сторона еще одного «статера» Радамсада 619 г. из музея в Копенгагене[23] чеканена тем же штемпелем, что и монета Радамсада 612 г.[24], «статеры» Радамсада с буквами ΘIX получили новую датировку — 612—614 гг. б. э.[25]. В таком случае, если основывать свои выводы при датировке монет только на факте существования одинаковых штемпелей лицевых сторон, обнаружение одинаковых штемпелей лицевых сторон среди монет Радамсада 619 г. и среди монет других лет чеканки позволит предложить им любую датировку от 606 до 615 г. б. э.

Следует обратить особое внимание на то, что только наличие одного и того же штемпеля оборотной стороны с отчетливо различимой датой годов боспорской эры дает возможность датировать этим же годом другой «статер» того же штемпеля оборотной стороны, дата на котором по какой-либо причине не видна. Определять время выпуска боспорских «статеров» на основании одного лишь сходства штемпелей лицевых сторон — недопустимая ошибка. Можно лишь говорить об использовании одного штемпеля лицевой стороны в течение нескольких лет. Примеров этому явлению в боспорской нумизматике много. Показательна в этом плане чеканка Савромата II (174—210 гг. н. э.). Имеются, например, штемпели лицевых сторон, которые использовались в течение 5, 8, 10 лет. (Штемпель л. с. «статера» 476 г. б. э. употреблялся при чеканке монет в 483 г. б. э.; штемпель л. с. «статера» 493 г. б. э. употреблялся еще в 503 г. б. э., т. е. на протяжении 10 лет.) В Херсонесе есть случаи использования одного штемпеля лицевой стороны для чеканки тетрасария в течение 16 лет[26]. Поэтому следует признать правильной датировку монет Радамсада с буквами ΘIX — 619 г. б. э., как и предлагали ранее Б. В. Кене, А. В. Орешников, А. Стевен, В. Росс, П. О. Карышковский[27].

Таким образом, сведения о совместном правлении Радамсада и Рискупорида, содержащиеся в надписи КБН, 66, подтверждаются и нумизматическими данными.

Как было сказано выше, время правления Рискупорида VI ведут с конца 615 по 633 г. б. э.[28] Между тем известны монеты Рискупорида VI с датой AIX (611), найденные во втором Патрэйском кладе[29] и Кепском кладе 1962 г.[30] (табл. I, *6*). Помимо этих трех экземпляров существуют еще монеты Рискупорида, дата на которых написана как ΛIX (табл. I, *7*).

---

[21] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI, стр. 108, 109.

[22] Там же; *К. В. Голенко.* К датировке одной группы монет Фофорса. СА, 1958, 2, стр. 263.

[23] SNG, табл. 3, № 92.

[24] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI..., стр. 108, 109.

[25] Там же.

[26] *В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. НЭ, IV, 1963, стр. 9, прим. 14.

[27] *Б. В. Кене.* Ук. соч., стр. 365; *А. В. Орешников.* Каталог..., стр. 120, № 788; *А. Стевен.* Ук. соч., стр. 101; *W. Wroth.* BMC, 1889, стр. 79, № 1; *П. О. Карышковский.* Ук. соч., стр. 111.

[28] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Клад 1962 г. из Кеп, стр. 78.

[29] *К. В. Голенко.* Второй Патрэйский клад монет. НЭ, I, 1962, стр. 278, № 309.

[30] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 115, № 499, 500.

«Статеры» с этой датой, известные ранее Б. В. Кене [31], А. В. Орешникову [32], В. Россу [33], датировались ими 610 г. б. э. Подобная монета с датой ΛIX имеется в Гос. Эрмитаже, три экземпляра хранятся в собрании ГИМ (№ 5684, вес 4,78 *г*, № 6064, вес 5,79 *г*, № 5874, вес 5,90 *г*), и еще одна монета была найдена при раскопках в Керчи и опубликована А. Н. Зографом [34].

При ее издании А. Н. Зограф указывал, что эта монета представляет собой деградированный до чистой меди «статер» Рискупорида VI, экземпляр хорошей сохранности, но очень грубого исполнения, в силу чего полностью сохранившаяся на нем дата не может быть прочтена с уверенностью [35]. В примечании к этой фразе, объясняя свои затруднения в чтении даты ΛIX на этой монете, А. Н. Зограф сообщал, что чтению даты ΛIX как AIX (611) или ΔIX (614) препятствует отсутствие достоверных «статеров» Рискупорида VI с этими годами, так как начинаются таковые лишь с 615 г. б. э. [36] Остановимся на этом высказывании для того, чтобы обратить особое внимание на то обстоятельство, что прочтению даты на монете А. Н. Зографу помешало отсутствие достоверных «статеров» 611 или 614 гг. б. э. Но такие монеты с четко видимой датой AIX (611) теперь найдены в Патрэйском кладе 1951 г. [37] (табл. I, *6*). При публикации клада дата на этой монете была прочтена не как 611 г. б. э., хотя и было отмечено, что монета хорошей сохранности и буквы AIX видны, а как 621 г. б. э. [38] Написание даты AIX (611) было расценено как пример искажения даты, на которой вместо каппы (K=20) вырезана иота (I=10), и вся дата в целом была признана за ошибку резчика [39]. То же самое произошло с двумя другими монетами из Кепского клада 1962 г., на оборотной стороне которых были помещены буквы AIX [40]. В списке монет клада отмечено, что на монете виден год AIX [41], но, ссылаясь на ранее опубликованные материалы [42], на монете по-прежнему видят искажение даты, что и дает возможность датировать ее не 611, а 621 г. б. э. [43] Для доказательства правильности интерпретации четкой даты AIX (611) как AKX (621) был применен метод сравнения монет по штемпелям, но, как будет показано ниже, решающим элементом при передатировке монет было наличие опять-таки общего штемпеля лицевой стороны. Сравнивался штемпель лицевой стороны монеты AIX=№ 309 из Патрэйского клада 1951 г. (табл. I, *6*) со штемпелем лицевой стороны монеты из Кепского клада № 501. Дата на оборотной стороне монеты из Кеп (№ 501) не видна [44]. Но эта «недатированная» монета из Кеп (№ 501) имеет одинаковый штемпель оборотной стороны с другой монетой из Кепского клада [45], на которой стоит дата AKX (621). Ход рассуждения был прост: если недатированная монета из Кеп № 501 имеет одинаковый штемпель оборотной стороны с монетой 621 г., следовательно, она выпущена в 621 г. б. э. Далее, если, как только что было установлено, педатированная монета из Кеп № 501

---

[31] *Б. В. Кене.* Ук. соч., стр. 344, № 2.
[32] *А. В. Орешников.* Каталог..., стр. 120, № 790.
[33] *W. Wroth.* Ук. соч., стр. 80, № 1, табл. XVIII, *10*.
[34] *А. Н. Зограф.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, 4, 1941, стр. 157, рис. 1; стр. 172, № 295.
[35] Там же, стр. 157.
[36] Там же, стр. 157, прим. 1.
[37] *К. В. Голенко.* Второй Патрэйский клад, табл. IX, № 309.
[38] Там же, стр. 230.
[39] Там же, стр. 278, № 309; *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора. ВВ, XXV, 1964, стр. 182.
[40] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 115, № 499, 500.
[41] Там же, стр. 79.
[42] *К. В. Голенко.* Второй Патрэйский клад..., стр. 230.
[43] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 79.
[44] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора, стр. 183, № 7, 8, рис. 7, 8.
[45] Там же, рис. 8.

чеканена в 621 г., то и монета из Патрэя с датой AIX (611) чеканена в 621 г., потому что обе они чеканены одним штемпелем лицевой стороны. Следовательно, по мнению автора, на оборотной стороне монеты из Патрэя № 309 дата AIX (611) вырезана неправильно, и поэтому монета датируется 621 г.б.э. [46]

Но почему в таком случае на тех же основаниях, т. е. на основании сходства штемпелей лицевых сторон монет № 309 и 501, не датировать монету из Кеп № 501 611 г., ведь дата AIX отчетливо различима на монете из Патрэя № 309? Этого сделать нельзя, так как штемпели оборотных сторон этих монет различны. Поэтому приходится считать, что дата на монете № 309 (AIX) остается неизменной и определяет время первого выпуска «статеров» Рискупорида VI — 611 г. б. э. (314 г. н. э.). Итак, известно уже три экземпляра монет с датой AIX (Патрэй 1951 г., № 309; Кепы 1962 г., № 499, 500).

Помимо этих хорошо выполненных монет 611 г. имеются грубые отчеканенные деградированные «статеры» из меди с небрежными надписями. Их считают варварскими подражаниями [47]. Но возможно, следует все-таки видеть в них выпуски регулярного боспорского чекана, как предлагает чешский нумизмат Е. Похитонов [48]. Подобное явление, т. е. выпуски во второй половине II в. н. э. деградированных образцов херсонесских монет, В. А. Анохин считает также продукцией городского монетного двора [49]. Его выводы основаны на факте находок «варварских подражаний» совместно с другими хорошими херсонесскими монетами при раскопках города и его некрополя [50]. На Боспоре наблюдается та же самая картина. «Варварские подражания» находят в кладах позднебоспорских монет и в археологических слоях исследуемых боспорских городов. Что же касается деградированных боспорских «статеров» с буквами ΛIX, то из-за того, что монеты с датой ΛIX чеканены общим штемпелем лицевой стороны с монетами 621, 624 гг. б. э., их датировали 621 г. б. э., видя в дате ΛIX искаженное «неосмысленное» начертание года [51]. В отношении несостоятельности датировки «статеров», опирающейся лишь на сходство штемпелей лицевых сторон, при совершенно разных датах, стоящих на их оборотных сторонах, говорить не приходится. Нужно отвергнуть предположения о неосмысленности начертания года ΛIX, так как располагаем теперь достоверными монетами AIX (611). Поэтому можно видеть в дате ΛIX написание букв AIX, тем более что подобная форма альфы известна на Боспоре давно. Например, на монетах Савромата II (ГИМ, 498), Рискупорида III (Париж, Национальная библиотека, № 270). На монетах Фофорса, выпущенных в 601 г. б. э., стоит дата ΛX (ГИМ, 5433, вес 7,96 *г*; табл. I, *8*). Во втором Патрэйском кладе были найдены четыре «статера» Фофорса с датой ΛX, и при их датировке 601 г. б. э. это написание альфы не вызывало сомнений [52].

Помимо монет 611 г. имеются «статеры» с именем Рискупорида, выпущенные в 612 г. б. э. Статеры 612 г. б. э. найдены в Тиритакском кладе 1946 г. (2 экз.) [53] и в Феодосийском кладе (1 экз.) [54]. Так как экземпляр, происходящий из Феодосийского клада, очень хорошей сохранности, что и было отмечено при публикации клада [55], вряд ли могут быть сомнения

---

[46] Там же, стр. 182.

[47] *А. Н. Зограф.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия, стр. 157, рис. 1.

[48] *E. Pochitonov.* Několik poznamek k posloupnosti poslednich bosporských králů. Numismatický Sbornik, VII. Praha, 1962, стр. 37—39.

[49] *В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. НЭ, IV, 1963, стр. 53.

[50] Там же.

[51] *К. В. Голенко.* О необычных монетах Рискупорида VI. КСИА АН УССР, 6, 1956, стр. 58; *его же.* К некоторым вопросам..., стр. 181.

[52] *Он же.* Второй Патрэйский клад..., стр. 257, № 112—114, табл. IV, *112*.

[53] *Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад..., стр. 84, № 49, 50.

[54] *Д. Б. Шелов.* Феодосийский клад..., стр. 135, № 38.

[55] Там же.

в правильности его датировки 612 г. Но в свое время это определение не было принято на том основании, что издатели Тиритакского и Феодосийского кладов ошиблись при чтении знака единиц в обозначении года [56]. Между тем подобные монеты Рискупорида с датой BIX (612) найдены и при археологических работах в Фанагории [57]. Четыре экземпляра «статеров» 613 г. б. э. разных штемпелей с именем Рискупорида были известны А. В. Орешникову [58]. Один экземпляр был среди монет Феодосийского клада [59] и один «статер» 613 г. найден в Фанагории [60]. Но чеканка монет Рискупоридом VI в 613 г. б. э. также опровергается на основании сходства лицевых сторон «статеров» 613 и 616—617 гг. и возможного сдвига штемпелей оборотных сторон на монетах 612—613 гг. б. э. [61] Но судя по тому, что в «Каталоге Уварова» А. В. Орешников опубликовал еще и «статер» Рискупорида VI с датой ZIX (617) [62], приходится предположить, что им все-таки различались монеты с буквами ГIX и ZIX. Что же касается утверждения, что монеты 612 и 613 гг. б. э. «чеканены общим штампом лицевой стороны с монетами 616 и 617 гг.» [63], то оно не опирается ни на какие фактические данные и документально ничем не подтверждено и подтвердиться не может. Это становится ясно из самого хода рассуждений: «Просмотр монет Тиритакского клада, а также находящихся в собрании Государственного Исторического музея (где хранятся описанные А. В. Орешниковым экземпляры) и Государственного Эрмитажа убедил нас в том, что, за одним исключением, все монеты, относимые к 612 и 613 гг., чеканены в действительности в 616 и 617 гг. В этом можно удостовериться при сравнении их с монетами 616 и 617 гг., среди которых обязательно попадутся экземпляры, чеканенные общим штампом лицевой стороны» [64]. Если говорить отдельно о «статерах» 612 и 613 гг., то нужно указать, что в Тиритакском кладе действительно есть два экземпляра «статеров» 612 г. и возможно, что они имеют общий штемпель лицевой стороны с какими-то «статерами» 616—617 гг. Но из этого факта нельзя делать вывод о том, что они и чеканены в 616—617 гг., потому что решающее значение при датировке монет должно иметь только сходство оборотных сторон, на которых проставлены годы боспорской эры. На оборотных сторонах монет Тиритакского клада стоят даты BIX и ЯIX [65].

Обратимся теперь к «статерам» Рискупорида 613 г. О них упоминается в «Каталоге Уварова», но при этом не указывается их вес и они не воспроизводятся фототипически. Найти их среди «статеров» Рискупорида VI, хранящихся в ГИМ, невозможно. К тому же неизвестно, поступили ли эти «статеры» в Исторический музей вообще. В настоящее время в коллекции ГИМ нет «статеров» Рискупорида 613 г. б. э. В Тиритакском кладе их нет, а Феодосийский клад не был указан среди просмотренных, так же как и «статер» 613 г. из раскопок в Фанагории. Между тем о «статере» 613 г. из Фанагории сказано, что он хорошей сохранности [66]. Это обстоятельство позволяет предполагать правильность его определения и оставить за «статерами» с буквами ГIX (613) их дату выпуска — 613 г. б. э.

«Статеры» Рискупорида 614 г. б. э. неизвестны. Но начиная с 615 г. б. э. до 627 г. «статеры» Рискупорида VI образуют непрерывные ряды [67]. Та-

---

[56] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам..., стр. 109.
[57] *Д. Б. Шелов.* Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. НЭ, III, 1962, стр. 118, № 1117.
[58] *А. В. Орешников.* Каталог..., стр. 120, № 791—794.
[59] *Д. Б. Шелов.* Феодосийский клад..., стр. 135, № 39.
[60] *Он же.* Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг., стр. 116, № 1062.
[61] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам..., стр. 110.
[62] *А. В. Орешников.* Каталог..., стр. 120, № 797.
[63] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам..., стр. 109, 110.
[64] Там же, стр. 110.
[65] *Л. П. Харко.* Ук. соч., стр. 76, № 49, 50.
[66] *Д. Б. Шелов.* Находки монет в Фанагории..., стр. 116, № 1062.
[67] *А. И. Зограф.* Ук. соч., стр. 212.

ким образом, совместное правление Радамсада и Рискупорида VI подтверждается и нумизматическими данными. А. Н. Зограф считал возможным говорить о разделении власти над Боспором между Радамсадом и Рискупоридом VI на протяжении 615 и 616 гг. б. э.[68] Л. П. Харко и Д. Б. Шелов увеличивали этот промежуток до пяти лет (612—616 гг.)[69], но «статеры» Радамсада и Рискупорида, выпущенные в 611, 612, 613, 615 616 и 619 гг., заставляют предположить, что их совместное правление на Боспоре было в 611—616 и 619 гг. б. э. (314—319 и 322 гг. н. э.). Однако чеканка их не была одинаково интенсивной во все годы. Начиная с 616 г. б. э. выпуски «статеров» Радамсада уменьшаются. Если от 615 г. в коллекции ГИМ монет Радамсада 17 экземпляров, а Рискупорида 615 г. три экземпляра, то «статеров» Радамсада 616 г. только шесть экземпляров, в то время как «статеров» Рискупорида VI 616 г. 19 экземпляров. От 617 г. б. э. нет достоверных «статеров» Радамсада, кроме одного экземпляра, известного по литературе[70], а «статеров» Рискупорида 617 г. в собрании ГИМ 43 экземпляра. От 618 г. б. э. «статеров» Рискупорида VI 36 экземпляров (ГИМ), «статеры» Радамсада 618 г., по-видимому, не чеканились. 619 г. б. э. (322 г. н. э.) — последний год совместного правления на Боспоре Радамсада и Рискупорида VI. Следовательно, 620 г. б. э. (323 г. н. э.) — первый год единоличного правления Рискупорида VI. А. Н. Зограф считал, что чеканка Рискупорида продолжалась без перерывов до 629 г. б. э. «Статер» этого года находился в коллекции ГЭ[71]. В собрании ГИМ имеется один экземпляр «статера» 630 г. б. э. (ГИМ, 5844, вес 8,47 *г*), один экземпляр 631 г. б. э. (ГИМ, 6068; вес 7,41 *г*). Монеты 632 г. не найдены.

Существует мнение, что чеканка монет Рискупоридом VI заканчивается в 633 г. б. э.[72] Но еще с конца прошлого века известны «статеры» Рискупорида VI с датами НΛХ (638 г. б. э.) и ΘΛХ (639 г. б. э.). Одна монета 638 г. б. э. была опубликована А. М. Подшиваловым[73]. Два экземпляра 638 г. хранятся в собрании Исторического музея (ГИМ, 5771—5772, вес 7,90; 7,65 г; табл. I, *9*, *10*). Один «статер» этого года происходит из Тиритакского клада 1946 г. Описывая его, Л. П. Харко читает дату как 628 г. б. э.[74] Семь экземпляров «статеров» с буквами НΛХ (638 г.) найдены были в Кепском кладе 1962 г.[75] Кроме этих монет еще один экземпляр с датой НΛХ происходит из клада, найденного в Анапском районе[76] (вес 7,7 *г*). Автор отмечает, что дата НΛХ хорошо видна, но, ссылаясь на прежние датировки[77], относит его к 618 г.

«Статер» с именем Рискупорида и буквами ΘΛХ (639) на оборотной стороне впервые был опубликован А. В. Орешниковым[78]. Хранится в Историческом музее, № 5770, вес 7,08 *г* (табл. I, *11*). Еще один «статер» с датой ΘΛХ найден был в Тиритакском кладе. При публикации его Л. П. Харко счел нужным отметить, что вновь найденный экземпляр с датой ΘΛХ

---

[68] Там же, стр. 212.

[69] *Л. П. Харко.* Ук. соч., стр. 81; *Д. Б. Шелов.* Феодосийский клад..., стр. 139.

[70] *А. М. Подшивалов.* Московский Публичный и Румянцевский музеи, стр. 47, № 303; *П. П. Сабатье.* Керчь и Боспор. СПб., 1851, стр. 85 (указывает три экземпляра с датой 617 г. из Керченского музея, но проверить правильность его сведений невозможно).

[71] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 212.

[72] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 81.

[73] *A. M. Podschiwalov.* Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. M., 1882, стр. 24, № 79, табл. II, *43*.

[74] *Л. П. Харко.* Ук. соч., стр. 77, № 195.

[75] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 79, № 318—324, табл. VIII, № 318, 319, 324.

[76] *А. И. Салов.* Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район). СА, 1975, 3.

[77] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., табл. VIII, *324*.

[78] *А. В. Орешников.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского, НС, II. М., 1913, стр. 47, табл. I, *13*.

несомненно чеканен той же парой штемпелей, что и экземпляр, изданный А. В. Орешниковым [79]. А. Н. Зографу описанные выше монеты с датами НΛХ и ΘΛХ были известны только по литературе. Считая, что последний выпуск монет на Боспоре представлен «статерами» 629 г. б. э., он полагал, что «статеры», снабженные датами 631, 638, 639 гг., представляют неправильные чтения, так как буквы Λ и К очень легко смешать [80]. Но уже к 1960 г. стало известно о нескольких экземплярах «статеров» с датой ГΛХ (633) [81]. До находки Кепского клада 1962 г. в датах на этих «статерах» предполагалось искаженное написание буквы, стоящей на месте знака десятков, по аналогии с монетами НΛХ и ΘΛХ, и они датировались 623 г. б. э. [82] Вопрос о датировке этих «статеров» оставался открытым и после публикации Патрэйского клада 1961 г. Дата на трех экземплярах «статеров» из Патрэйского клада поставлена была под вопросом ГΛХ (633?) г. б. э. [83], потому что «статеры» с датой 633 г. «полностью повторяли один из типов монет 623 г. б. э.» [84]. Но несколько позднее они все-таки стали датироваться 633 г. б. э., «так как среди всех статеров выпуска 623 г. Рискупорида VI не нашлось ни одного штемпеля лицевой стороны, который был бы идентичен штемпелям лицевых сторон статеров с буквами ГΛХ (633)» [85]. Поэтому «статер» с датой ГΛХ из раскопок Пантикапея [86] и монета из Кепского клада 1962 г. получили, наконец, правильное определение — 633 г. б. э.

Таким образом, 633 г. б. э. (336 г. н. э.) стал считаться последним годом чеканки Рискупорида VI [87]. То, что Рискупорид правил после 630 г. б. э., подтверждается и надписью КБН, 1112, где излагаемое событие (сооружение оборонительной стены) происходит в 632 г. н. э. [88] Установив, что правильность присутствия буквы Λ=30 в датах на оборотных сторонах «статеров» Рискупорида VI уже признана исследователями, вернемся к «статерам» с буквами НΛХ и ΘΛХ.

Опираясь на высказывание А. Н. Зографа, не знавшего в то время о существовании «статеров» 633 г. б. э. и считавшего, что на «статерах» с датой НΛХ и ΘΛХ вместо каппы вырезана ламбда, в датах этих «статеров» по-прежнему видят лишь бессмысленные сочетания знаков [89] и датируют до сих пор 618 и 619 гг. б. э. [90] Предлогом для подобной датировки послужило кажущееся наличие общих штемпелей лицевых сторон среди монет с датами 618 и 619 гг. б. э. [91] На этом вопросе следует остановиться особо, так как правильное его решение чрезвычайно важно для истории боспорской чеканки.

Итак, для доказательства того, что «статеры» с датами НΛХ (638) и ΘΛХ (639) выпущены в 618 и 619 гг., приводится пять монет (табл. II, *1—5*), которые представлены на приведенной выше таблице.

Ход доказательств таков: «Рассмотрение лицевых сторон монет (рис. 16, *1*, *3*, *5*) убеждает в том, что они чеканились общими штампами с монетами, публикуемыми на рис. 16, *2*, *4*, и одним штампом оборотной

---

[79] *Л. П. Харко.* Ук. соч., стр. 84, № 48.

[80] *А. Н. Зограф.* Ук. соч., стр. 212.

[81] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 125, № 739 с указанием литературы, в которой опубликованы «статеры» с датой 633 г. б. э.

[82] *К. В. Голенко.* Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе. СА, 1957, 2, стр. 202.

[83] *Он же.* Второй Патрэйский клад, стр. 231, табл. I, прим. 1; стр. 288, № 395—397.

[84] Там же, стр. 235.

[85] *К. В. Голенко.* К хронологии заключительных монетных выпусков, стр. 336—338.

[86] *К. В. Голенко, Д. Б. Шелов.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. НиСф, I. Киев, 1963, стр. 12, прим. 50; стр. 58, № 673.

[87] Там же, стр. 22.

[88] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 464.

[89] *К. В. Голенко.* К некоторым вопросам..., стр. 182.

[90] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., стр. 79.

[91] *К. В. Голенко.* К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора, стр. 336.

стороны, на котором год изображен без искажения и ясно читается как 619 (ΘΙΧ). Поэтому их следует отнести к 619 г.» [92] Разберемся в этом вопросе. Действительно, среди этих пяти «статеров» можно обнаружить экземпляры, чеканенные одним штемпелем лицевой стороны. Но при этом следует внести поправки, которые существенно изменят выводы о выпуске всех пяти экземпляров в 618—619 гг. Во-первых, в том виде, в котором они даны на таблице в статье К. В. Голенко [93], лицевые стороны монет № 1, 3, 5 чеканены двумя разными штемпелями лицевой стороны (ср. табл. II, *1, 3, 5*). На одном штемпеле дифферентом является венок (№ 1), а на другом (№ 3—5) — трезубец. Равным образом, монеты № 2, 4 чеканены разными штемпелями лицевых сторон (ср. табл. II, *2, 4*). Что же касается предполагаемого одного штемпеля оборотной стороны для всех пяти экземпляров рассматриваемых «статеров», то и здесь это заявление не может подтвердиться, потому что на их оборотных сторонах три разные даты (ср. табл. II, *1, 2, 5*) и два дифферента: № 1 — еще с конца прошлого века все видели на монете буквы НΛΧ, считая только помещение ламбды за ошибку резчика, и ветвь. № 2 — ясно видны буквы ΘΙΧ (619), двузубец. № 3 — предполагается, что на монете стоят буквы ΗΙΧ (618) и ветвь. № 4 — ясно видны ΘΙΧ, двузубец. № 5 — предполагается дата ΘΙΧ, хотя А. В. Орешников читал ΘΛΧ, А. Н. Зограф и Л. П. Харко — ΘΚΧ, и двузубец.

Исходя из приведенных выше данных, нельзя утверждать, что все пять монет чеканены единым штемпелем оборотной стороны и выпущены поэтому в 619 г. б. э. Во-первых, необходимо указать, что на таблице, предназначенной для доказательства чеканки монет № 1, 3, 5 одним и тем же штемпелем лицевой стороны, что и «статеры» № 2, 4, лицевые стороны монет № 2 и 3 просто перепутаны. Если возвратить им их прежний облик (табл. III, *1—5*) и сравнить вновь, то получится, что № 1 (венок — ветвь, НΛΧ) чеканена одной парой штемпелей с монетой № 3 (венок — ветвь, НΛΧ, а не ΗΙΧ, как предполагалось). Оборотные стороны данных монет сходны до мельчайших деталей, что и позволяет говорить о едином штемпеле оборотной стороны. Это обстоятельство позволяет считать, что на монете № 3 стоит дата НΛΧ (638). Далее, «статеры» № 1, 3 (венок — ветвь, НΛΧ) нельзя сравнивать со «статерами» № 2, 4 (трезубец — двузубец, ΘΙΧ), так как монеты чеканены двумя разными парами штемпелей. Отсюда ясно, что монеты с датой НΛΧ никак не могут быть датированы ни 618, ни 619 гг., как было предложено [94]. Остается еще монета № 5 (трезубец — двузубец, ΘΛΧ). Лицевая сторона ее действительно чеканена общим штемпелем с монетой № 4 (трезубец — двузубец, ΘΙΧ). Но из этого факта нельзя делать вывод, что оборотная сторона монеты № 5 должна иметь дату ΘΙΧ (619). Более того, А. Н. Зограф видел в букве, стоящей на месте десятков, каппу (К=20), потому что ему не были известны монеты, выпущенные после 630 г. б. э. Следом за ним Л. П. Харко датировал монеты с датой ΘΛΧ, найденные в Тиритакском кладе, 629 г. Но ни А. Н. Зограф, ни Л. П. Харко не видели на ней даты ΘΙΧ, хотя «статеры» 619 г. им были известны. Зная достоверные монеты, в дате которых присутствуют буквы Λ=30, можно считать их выпущенными в 639 г. б. э. К сожалению, экземпляр, изданный А. В. Орешниковым и хранящийся в ГИМ, плохой сохранности. «Статер» из Тиритакского клада одной пары штемпелей, поэтому до тех пор, пока не будут найдены другие экземпляры с четко различимой датой, их нельзя использовать для решения такого важного вопроса, как вопрос о конце боспорского чекана.

Имея в виду достаточное количество монет с датой 638 г. б. э., происходящих из кладов (9 экз.) и хранящихся в ГИМ (2 экз.), следует при-

---

[92] *Он же.* К некоторым вопросам..., стр. 112, 113.
[93] Там же, рис. 16, *1—5*.
[94] Там же.

знать их выпуск в 638 г. б. э. (341 г. н. э.) последней эмиссией «статеров» на Боспоре. В связи с этим датировка кладов Тиритакского 1946 г.[95], Кепского 1962 г.[96], Анапского 1972[97], в которых найдены «статеры» 638 г. б. э., должна быть пересмотрена.

В заключение хочется обратить внимание на серьезность вопроса о варварских подражаниях боспорским медным «статерам». До тех пор пока не будет дано вполне обоснованного ответа на вопросы, кем, где, когда, с какой целью были отчеканены эти грубо выполненные «статеры», почему их находят в кладах боспорских монет и в археологических слоях исследуемых боспорских городов, до тех пор, по-видимому, их нужно рассматривать как монеты, выпущенные на Боспорском монетном дворе. Иначе как объяснить появление подражания «статеру» Фофорса с буквами ЯПФ= =582 г. б. э. (табл. I, *1*), если Фофорс, как полагают, не правил в 582 г. б. э.? В кладах в основном находят «статеры» 583 г. б. э., но извест-

№	Штемпель лицевой стороны	Штемпель оборотной стороны	Дата	Издание	Примечания
1	Венок	Ветвь	НΛХ 638 г.б.э.	Голенко, КСИИМК, 66, рис. 16, *1*	Хранится в ГИМ, № 5772
2	»	Двузубец	ΘIX 619 г.б.э.	КСИИМК, 66, рис. 16, *2*	Лицевая сторона этого экземпляра принадлежит «статеру» – № 3 (КСИИМК, 66, рис. 16, *3*), на котором дата НΛХ, хранится в ГИМ, № 5771
3	Трезубец	Ветвь	618	КСИИМК, 66, рис. 16, *3*	Лицевая сторона этого экземпляра принадлежит «статеру» – № 2 (ГИМ, 5572), КСИИМК, 66, рис. 16, 2; на оборотной стороне дата НΛХ, а не НIX, как утверждается
4	»	Двузубец	ΘIX 619	КСИИМК, 66, рис. 16, *4*	Второй Патрэйский клад 1951 г., № 188, ГИМ
5	»	»	ΘIX 619	КСИИМК, 66, рис. 16, *5*	А. В. Орешников, НС, II, 1913, стр. 47, табл. I, *13*, ГИМ, 5770

но уже несколько экземпляров 582 г. б. э.[98] Возможно, будет правильнее на основании этих «статеров», считающихся «варварскими подражаниями», датировать начало правления Фофорса 582 г. б. э., если нельзя ответить, кто же были те варвары, которые так хорошо знали все происходящее на Боспоре, что опережали боспорские события.

Итак, зная о существовании достоверных «статеров» Радамсада 616 и 619 гг. б. э., следует считать концом правления Радамсада на Боспоре 619 г. б. э. (322 г. н. э.). Учитывая «статеры» Рискупорида VI 611, 612, 613 гг. б. э., найденные в Патрэйском кладе 1951 г., в Тиритакском и Феодосийском кладах, а также и при раскопках столицы Боспора Пантикапея, приходится признать 611 г. б. э. (314 г. н. э.) первым годом совместного правления на Боспоре Радамсада и Рискупорида VI. Факт разделения власти на Боспоре между Радамсадом и Рискупоридом, засвидетельствованный надписью КБН, 66, найденной на Таманском полуострове, под-

[95] *Л. П. Харко.* Тиритакский монетный клад 1946 г. датируется 629 г. б. э., так как в нем имеются две монеты с датой ΘΛХ (639 г. б. э.), которые отнесены были к 629 г. б. э.

[96] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч.

[97] *А. И. Салов.* Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район). СА, 1975, 3.

[98] *К. В. Голенко.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса. МАПП, вып. 2. Одесса, 1959, стр. 187 сл., табл. XXXII, *1, 2*.

утверждается, таким образом, и «статерами» обоих царей, выпускаемыми на Боспоре в течение 611—613, 615—616 и 619 гг. б. э.

Конец чеканки «статеров» Рискупоридом VI, определяемый 633 г. б. э., дает возможность считать, что в штемпелях оборотных сторон «статеров» Рискупорида VI с датами ΗΛΧ и ΘΛΧ нет случайной замены буквы Κ (=20) буквой Λ (=30). Хорошая сохранность «статеров» с датами ΗΛΧ (638 г. б. э.), найденных в Тиритакском, Кепском и Анапском кладах, подтверждает безошибочность написания даты — 638 г. б. э. (341 г. н. э.) — и позволяет отнести выпуск последних денежных эмиссий на Боспоре к 638 г. б. э. (341 г. н. э.). Но если будут найдены «статеры» хорошей сохранности с датой ΘΛΧ (639), то придется считать 342 г. н. э. последним годом выпуска боспорских «статеров», какими бы штемпелями лицевых сторон прежних лет чеканки они ни были чеканены, так как только даты боспорской эры, поставленные на оборотных сторонах «статеров», имеют определяющее значение при их атрибуции.

N. A. Frolova

SUR L'EPOQUE DU REGNE DES ROIS DU BOSPORE RADAMSES ET RHESCUPORIS VI

Résumé

Radamses et Rhescuporis sont les derniers rois du Bospore dont fassent mention des inscriptions du IVe s. de n. ère (KBN, 65, 66, 1112). La chronologie de leurs règnes ne peut être établie que grâce à la numismatique. Selon certains, Radamses a régné au Bospore de 606 à 615 de l'ère bosporienne (309—318 de notre ère); et Rhescuporis VI serait monté sur le trône à la fin de 615. Ceci réfute un règne commun de Radamses et Rhescuporis VI, attesté par l'inscription KBN, 66. Cependant, les statères de Radamses de 616 (ère bosp.), conservés dans les collections de l'Ermitage et du Musée d'Histoire à Moscou, et qui ont été trouvés dans les trésors de Taraktach et de Tiritaka, ainsi que les statères de Radamses portant la date de ΘIX (619 de l'ére bosph.), qui se trouvent dans les collections du Musée Britannique, du Musée de Copenhague, du Musée d'Histoire à Moscou; enfin, le statère provenant du trésor de Taraktach, permettent de croire que Radamses a battu monnaie de 606 à 619 de l'ère bosph. (309—322 de n. è.). On connaît aussi des statères de Rhescuporis des années suivantes: portant la date AIX (611), provenant du trésor de Patreï (1951) et de celui de Képy (1962); les statères de 612 (è. bosp.) des trésors de Tiritaka, de Féodosia et de Phanagoria. De 615 à 629 de l'ère bosphorienne, les statères de Rhescuporis sont frappés régulièrement. Ainsi, la division du pouvoir au Bospore entre Radamses et Rhescuporis VI, en 611—613, 615—616 et 619 de l'ère bosp., est confirmée par la numismatique. L'année 633 a été établie comme celle de la fin du règne de Rhescuporis VI. Mais il existe des statères portant la date de ΗΛΧ (au Musée d'Histoire, provenant des trésors de Tiritaka, de Képy (1962), et d'Anapa) et de ΘΛΧ (au Musée d'Histoire, trésor de Tiritaka). A. N. Zograf et L. P. Kharko, qui ignoraient à ce moment la présence dans ces trésors de monnaies de 633, ont daté ces stateres de 628 et 629 de l'è. bosp., estimant que la lettre lambda inscrite (Λ=30) était erronée. Mais comme le règne de Rhescuporis VI après 630 est attesté par l'inscription KBN, 112, ainsi que par les statères de 633 de l'è. b., il faut considérer exactes les dates ΗΛΧ portées sur les statères, et faire dater de 638 (è. b.) (341 de n. è.) la fin de la frappe bosporienne, jusqu'à ce qu'on ait trouvé des statères de 639 de l'ère bosporienne (342 de n. è.) en bon état de conservation.

М. Б. ЩУКИН

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

(по поводу статей Э. А. Рикмана, И. С. Винокура, В. В. Седова и И. Вернера)

Счастливое стечение обстоятельств или замысел редакции «Советской археологии» свели вместе в четвертом номере журнала за 1972 г. четыре статьи, тесно смыкающихся друг с другом в кругу затронутых в них проблем и вопросов [1]. И это оказалось безусловно очень интересным и плодотворным начинанием журнала, поскольку сопоставление приводимых в этих работах объективных данных, а также позиций и отдельных положений авторов, отражающих современный уровень исследований, вызывает определенную реакцию читателя, будит его мысль и, возможно, будет еще долго служить стимулом к новым исследованиям в области славяно-черняховской проблематики. В частности, побудили они и автора настоящих строк высказать некоторые соображения.

Поскольку положение черняховской культуры отнюдь не безразлично для более кардинального вопроса происхождения славян, сначала обратимся к рассмотрению этой культуры в освещении ее указанными авторами.

Статья Э. А. Рикмана затрагивает по сути дела несколько более широкий круг вопросов, чем он определен в заглавии. Если в заглавии речь идет о датировках импортных вещей, то во втором разделе статьи — уже о датировках памятников черняховской культуры. Рассмотрев хронологию амфор, стеклянных сосудов, фибул и ряда других категорий вещей, автор приходит к заключению, что есть некоторые данные, позволяющие говорить о II в. н. э. как начальной дате этой культуры.

Думаю, что для достаточно строгого доказательства существования культуры, скажем, во II в. мы должны иметь закрытые комплексы с вещами II в. н. э., причем для абсолютно корректного доказательства эти вещи должны выступать в сочетании друг с другом — фибулы II в. с оружием II в., гребни II в. с импортами II в. и т. д. Если мы и находим вещи, бытовавшие на протяжении, скажем, второй половины II и начала III в., в сочетании с таковыми же III в. или даже предметы, бытовавшие на протяжении всего II в., с вещами, характерными для рубежа II—III вв. и начала III в., то время комплексов, где они сочетаются, определяется периодом их сосуществования. Весь же период бытования тех или иных категорий материала, особенно если это вещи интернационального характера, с широким ареалом, не может быть перенесен на культуру в целом без дополнительной на то аргументации. Важно то, в каких сочетаниях, в каких комплексах они выступают внутри культуры. Этот принцип достаточ-

[1] *Э. А. Рикман.* Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья; *И. Вернер.* К происхождению и распространению антов и склавенов; *В. В. Седов.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья; *И. С. Винокур.* Лесостепные племена II—V вв. н. э. и их роль в истории Юго-Восточной Европы. СА, 1972, 4.

но широко известен, и при нарушении его мы получаем то, что в естественных науках называется недостаточной чистотой эксперимента. «Чистый эксперимент» не всегда и не для всякой культуры возможен, но тогда и выводы наши не столь надежны. Стремление же к чистоте и корректности — требование любой науки, даже такой неточной, как археология.

«Некоторые небольшие возможности для признания II в. начальным этапом существования черняховской культуры дает изучение фибул»,— пишет Э. А. Рикман [2]. Однако ни одного комплекса с фибулами II в. не приводится. Двучленная лучковая фибула с расширенной ножкой найдена в Будештах на поселении вне комплекса [3]. А. К. Амброз указывает для таких фибул широкую дату II—III вв. [4], однако закрытыми комплексами преимущественно подтверждается вторая половина II—III вв., причем комплексов III в. значительно больше.

В Чернореченском могильнике аналогичная фибула найдена с монетой 238—244 гг. [5], в Пантикапее в гробнице 3 — с монетой 268 г. [6], в Тиритаке в могиле 19 — с монетой 262 г. [7] И только один комплекс более ранний — погребение 16 Черпорсченского могильника с прорезными эмалевыми брошами и монетой 161—180 гг. [8] Находки лучковых фибул известны и в других датированных комплексах III в. (Котово [9], Калиновка [10], Суслы [11], Богодар [12]). Наконец, в ближайшем окружении Будешт, в Днестровско-Дунайском междуречье, их тоже находят в комплексах III в. [13]

Что же касается фибул с высоким держателем иглы и фибул с декоративными нарезными кольцами (Хучи и Ханска-Лутэрия) [14], то они представляют не самые ранние варианты двух взаимоперекрещивающихся групп фибул северного происхождения. Генезис их, впрочем, не совсем ясен, но датировки в достаточной мере определенны. Они появляются не ранее стадии C_1(150—260), особенно широко представлены в C_2(260—315) и в C_3(315—350) и полностью отсутствуют в стадии B_2(70—170). Они нехарактерны даже для переходной стадии B_2/C_1(150—200), хотя отдельные находки для C_{1a} известны [15]. Такая хронология их не новость — А. К. Амброз датировал эти группы тоже начиная с III в. [16] Таким образом, на основании этих фибул можно говорить лишь о конце II в. и никак не о более раннем времени. К этим же группам фибул относятся находки из Будешт и Мангонешты — Василика, так называемые «Монструозо». Они могли бы даже представлять более ранние варианты, чем фибулы из Хучи и длинная пружина фибулы из Ханска-Лутэрия, и относиться к периоду C_1, но найдены они тоже вне комплексов [17].

---

[2] *Э. А. Рикман.* Ук. соч., стр. 97.

[3] *Э. А. Рикман.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 31, «У жилища 6», стр. 11, рис. 37, *1.*

[4] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, 1966, вып. Д 1—30, стр. 52, 53.

[5] *В. П. Бабенчиков.* Чернореченский могильник. АП УССР, 1963, XIII, стр. 97—100.

[6] ОАК за 1864 г., стр. 90, рис. 153.

[7] *В. Ф. Гайдукевич.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). МИА, 1959, 69, стр. 223, рис. 95, *3.*

[8] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стр. 102, 103.

[9] *И. П. Берхин.* О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. АСбГЭ, 1961, 2.

[10] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, 60, рис. 62, *3.*

[11] *П. С. Рыков.* Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 22.

[12] *Н. Н. Гущина.* Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье (по фондам ГИМ). Тр. ГИМ, 40, 1966, стр. 74—79.

[13] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 53.

[14] *Э. А. Рикман.* Вопрос датировки..., стр. 97, рис. 7, *14, 18.*

[15] *K. Godłowski.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, Pl. II, *2—3*; V, 7; VII, *4, 5*; XI, *1—5*; XX, *1, 2, 10*; III, *22—23*; VI, *29*; XI, *31*; XV, *6*; Fig. 18, 19.

[16] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 85—90.

[17] *Э. А. Рикман.* Памятник..., рис. 37, *4*; *N. Moroşan.* O filulă particulară germanică din epoca emperialo-romană găsită in Basarabia. Chişinău, 1935, p. 6; *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 73, 74; *H. J. Eggers.* Zur Absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im

Все упомянутые фибулы действительно могут соответствовать раннему этапу развития черняховской культуры, периоду ее формирования, только приходится этот этап не на II в. в целом, а на конец II — первую половину III в., на время, когда начинают бытовать и некоторые другие изделия, характерные для этой культуры.

Значительно более веским аргументом в пользу II в. являются приводимые Э. А. Рикманом данные о находках амфорных обломков «группы Балцаты» на поселениях Днестровско-Прутского междуречья [18]. Амфоры эти уже получили в литературе наименование «неапольских», так же как амфоры «группы Олонешты» условно именуют «танаисскими» [19]. Этой терминологией и будем пользоваться.

Хронология «неапольских» амфор устанавливается достаточно надежно двумя закрытыми комплексами в Мирмекии [20], погребением II в. в Первомайском [21], а также погребением 216 в Заветном [22] и никаких возражений не вызывает. Однако датировка комплекса в Неаполе Скифском [23] и находки в Танаисе [24] позволяют продлить эту дату и на начало III в. н. э., т. е. эти амфоры частично синхронны и рассматривавшимся выше фибулам.

Но основной период бытования «неапольских» амфор приходится еще на середину или вторую половину II в., и, казалось бы, существование черняховской культуры в это время можно было бы считать доказанным. Однако трудно удержаться и от ряда недоуменных вопросов. Если черняховская культура уже оформилась к середине II в. н. э., то почему из всего набора датирующих вещей фигурирует только одна категория — амфоры. Почему не находим мы стеклянных сосудов соответствующего времени, ведь стекло широко представлено в черняховской культуре? Почему нет фибул II в., типов, имеющих очень широкое распространение, таких, как глазчатые фибулы «прусского» варианта, фибулы V группы Альмгрена, эмалевые круглые и ромбовидные броши, трубовидные фибулы, сильно профилированные с ребром на дужке и т. д. Интересующее нас время — это, по современной европейской системе хронологии, стадия B_2(70—170). Почему в составе черняховских комплексов нет ни одной находки, диагностирующей эту стадию [25]? Почему среди гребней черняховской культуры нет ни одного однослойного, характерного для этой стадии, а представлены лишь более поздние трехслойные? Почему импорты этого времени встречаются в сарматских памятниках и их нет в черняховских [26] этой же территории? Почему весь набор датирующих вещей относится уже к следующим этапам развития? Для III—IV вв., а в основном для стадий C_2, C_3 и D, мы действительно имеем пласт сонаходок. Продемонстрировать это было бы нетрудно, да это достаточно видно и из статьи Э. А. Рикмана.

---

freien Germanien. «Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz», 2. Jhg., 1955, Abb. 3, *46*.

[18] *Э. А. Рикман.* Вопросы датировки..., стр. 88, 89.

[19] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, стр. 117; *М. Б. Щукин.* Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, 2.

[20] *В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 1952, 25, стр. 70, рис. 64 (с монетами от Рискупорида II (68—92) до Евпатора (154—170)); *В. Ф. Гайдукевич.* Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. КСИА АН СССР, 1963, 95, рис. 8, стр. 25 (с монетой Савромата I (93—123)).

[21] *Э. А. Рикман, К. Г. Хынку.* Погребение II в. н. э. у с. Первомайск. В сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 35—38.

[22] Фонды Бахчисарайского историко-археологического музея.

[23] *А. Н. Карасев.* Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, 1951, XXXVII, рис. 55*б*.

[24] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 117.

[25] *K. Godłowski.* Op. cit., Pl. I; V, *1—20*; VI, *1—28*; X; XVIII, *1—26*: *T. Liana.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. WA, t. XXXV, z. 4, 1971, Tabl. V.

[26] *В. В. Кропоткин.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, Д1—27, М., 1970, № 819, стр. 95; № 840 и 850; стр. 97, № 851; стр. 98; *М. Б. Щукин.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой. АСбГЭ, 14, 1972, стр. 46, 47.

Получается, что почти 100 лет черняховцы жили без единой фибулы, без единого гребня, без единого стеклянного и бронзового сосуда, без украшений и пряжек. На всех крупнейших могильниках черняховской культуры они еще не совершали погребений. Так можно ли говорить о том, что во II в. их культура уже сформировалась? Можно ли перенести весь комплекс черняховской культуры во II в. на основании только одной категории находок? Смущает и еще один момент. В Молдавии, по данным Э. А. Рикмана, совсем нет самых распространенных в черняховской культуре других территорий амфор «инкерманского» типа, весьма близких по форме и некоторым деталям оформления амфорам «неапольским» [27].

Если все фрагменты «неапольских» амфор определены верно (по отдельным фрагментам визуально различать типы светлоглиняных узкогорлых амфор зачастую бывает почти невозможно) и если есть уверенность в однослойности всех этих поселений, то в руках Э. А. Рикмана интересное открытие, быть может, та самая ниточка, потянув за которую, удастся в какой-то мере распутать сложный клубок взаимодействий различных групп населения Пруто-Днестровского междуречья и всей Юго-Восточной Европы накануне формирования такого сложного гетерогенного образования, как черняховская культура. Ведь и сам период формирования черняховской культуры, начавшийся, по моим наблюдениям, где-то в 70—80 гг. II в. и закончившийся в 60—70 гг. III в. [28], и предшествующее время очень бедно представлены памятниками. Вычленение еще одной группы древностей, особенно если удалось бы найти могильники, соответствующие этим поселениям, было бы существенным вкладом в изучаемую проблему. Простое же включение их в черняховскую культуру представляется слишком легким решением вопроса, лишает возможности проследить ход формирования этой культуры и в конечном итоге может привести к искажению наших представлений о реальном ходе исторических событий, что, на мой взгляд, и произошло в статье И. С. Винокура. Этот автор не считает необходимым доказывать чем-либо существование черняховской культуры во II в. Он просто ссылается на мнение В. В. Хвойко, полагая, что его аргументация вполне достаточна, хотя специального обоснования хронологии мы не найдем в работах первооткрывателя черняховской культуры. Сегодня точность датировок 70-летней давности в рамках целого столетия нас не может уже удовлетворить. Археологи научились оперировать периодами по 20—30 лет. И поэтому, когда говорится «II в. или V в.», то возникает вопрос: о чем идет речь — о II в. или V в. в целом, о его середине, конце или начале? Для реконструкции исторической картины это отнюдь не одно и то же. Возникает вопрос этот и при чтении статьи И. С. Винокура. Если он имеет в виду конец II и начало Vв. (т. е. в конечном итоге не совсем точно можно записать как II—V вв.), то с этим вполне можно согласиться, понимая, однако, что в таком случае сюда включаются и период формирования культуры, и период ее распада.

Насколько важно в данном случае точно установить датировки, видно из следующего: в середине II в. н. э., на рубеже стадий B_2 и C_1, намечается тенденция движения носителей культуры вельбарско-цецельской [29]

---

[27] *М. Б. Щукин.* Об амфорах черняховской культуры. «Сборник докладов на IX и X всесоюзных археологических студенческих конференциях». М., 1968, стр. 76—79; *его же.* Вопросы хронологии...

[28] *М. Б. Щукин.* «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дис. Л., 1971.

[29] Термин «культура вельбарско-цецельская» предложен совсем недавно Р. Волангевичем (*R. Wołągiewicz.* Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulturze wielbarskiej. «Studia Archaeologica Pomeranica», 1974, S. 129—152). В его понимании это поздненеримский вариант культуры вельбарской соответствует культуре восточнопоморско-мазовецкой К. Годловского (*K. Godłowski.* Op. cit., p. 34—41). Раннеримский вариант вельбарской культуры, культура вельбарско-любовидцкая, соответствует тому, что раньше называлось «готo-гепидской» культурой и рассматривалось как поздний вариант оксывской, иногда и с переносом последнего наименования. Думается, терми-

в юго-восточном направлении. К этому времени относятся и ранние комплексы могильника этой культуры Брест — Тришин [30].

В конце II в. происходит движение и пшеворских племен в южном и юго-восточном направлении [31]. К середине III в., по письменным данным, готы появляются на побережье Черного моря и в Подунавье. Действуют здесь же и другие германские племена — герулы, тайфалы, затем гепиды. Если движение поморских и мазовецких племен соответствует движению готов (при этом вовсе не обязательно, что именно готам принадлежат погребения могильника Брест — Тришин; вельбарская культура довольно сложное, многокомпонентное образование, а в движение готов были вовлечены и другие, в том числе негерманские группы), то на Волыни и в Подолии они должны были столкнуться с каким-то местным населением. По мнению И. С. Винокура, там уже жили носители сформировавшейся черняховской культуры. Однако самый ранний черняховский памятник, называемый им Ружичанским могильником, начинает функционировать по его мнению, тоже в конце II в. [32], т. е. одновременно с этим движением, а не раньше. Для того чтобы доказать, что движение носителей вельбарско-цецельской культуры не сыграло никакой роли в формировании черняховской культуры, нужно продемонстрировать пласт черняховских памятников II в.— его середины и первой половины, т. е. памятников стадии B_2, до появления здесь элементов, общих с культурами вельбарской и пшеворской. Ссылки на датировку В. В. Хвойко здесь мало. В работе И. С. Винокура мы не находим конкретного материала, подтверждающего его положение.

Сказанное отнюдь не означает, что черняховская культура непосредственно вытекает из вельбарской культуры. Процесс значительно более сложен. Здесь происходит взаимодействие самых разных элементов — вельбарских, пшеворских, сарматских, позднезарубинецких,— из сплава которых образуется совсем новое явление — черняховская культура [33]. Что касается участия в этом процессе носителей зарубинецкой культуры, то речь в данном случае может идти лишь о таких ее поздних проявлениях, которые представлены на могильниках Рахны [34], Гриневичи-Вельки [35], на поселении Лютеж [36], поскольку от классических зарубинецких древностей Среднего Поднепровья и Полесья черняховскую культуру отделяют по крайней мере 150 лет [37]. В силу этого проводимое И. С. Винокуром сопоставление черняховских жилищ с зарубинецкими недостаточно корректно. Больше оснований было бы для сопоставления их с жилищами пшеворской культуры. Но и эта культура не может рассматриваться в качестве

нология Р. Волангевича наиболее удачна, поскольку он избегает и методической ошибки этнического этикетирования археологической культуры, и ненужных ассоциаций с культурами более раннего времени — оксывской и восточнопоморской. До работы К. Годловского мазовецкие памятники вельбарско-цецельской культуры часто рассматривали как пшеворские, хотя эти культуры существенно различаются отсутствием или наличием оружия, обрядом погребения, набором керамики и т. д.

[30] *J. V. Kuharenko.* Le problème de la civilisation «gotho-gépide» en Polésie et en Volhynie. «Acta baltico-slavica», 1967, 5, p. 19—40.

[31] *M. Smiszko.* Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego v Malopolsce Wshodniej. Lwów, 1932; *K. Godłowski.* Die Przeworsk-Kultur der mittleren und späten Kaiserzeit. ZfA, 2—68—2, S. 262; *K. Godłowski.* Niektóre węzlowe problemy badań nad kultura przeworską, w okresie rzymskim. «Prace Archeologiczne», т. 8, 1967, str. 82—84; *V. Budinsky-Krička.* Vychadnoslovenska nizina v praveku. AR, 13, 1961, str. 46.

[32] *И. С. Винокур.* Ук. соч., стр. 139.

[33] *М. Б. Щукин.* Европейская Сарматия..., стр. 14—16.

[34] *П. І. Хавлюк.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. «Археологія», 1974, 4, стр. 89—95.

[35] *Z. Szmit.* Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wielkich kolo Bielska Podlaskiego. WA, VII, 1922.

[36] *В. И. Бидзиля и С. П. Пачкова.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, стр. 51—75.

[37] *М. Б. Щукин.* Сарматские памятники..., стр. 49—52; *Е. В. Максимов.* Про датування зарубинецької культури. «Археологія», 1971, 1, стр. 76.

местной подосновы черняховской культуры Днепровско-Днестровского междуречья. Самые восточные памятники ее сосредоточены в верховьях Днестра, и их появление там совпадает по времени с движением вельбарской культуры [38]. Можно предположить, что в начале III в. эти два потока встретились в районах волыно-подольского пограничья и в сложной обстановке первой половины III в., времени активности дружин северных варваров на Черном море и на Балканах, произошло слияние разнородных элементов в некий единый в культурном отношении сплав — черняховскую культуру.

И. С. Винокур ставит очень интересный и важный вопрос о взаимодействии пришлого германского населения с местной средой, привлекая в качестве параллелей взаимодействие с местным населением тех же готов спустя 300 лет в Италии, Галлии и Испании. Однако для того чтобы рассмотреть этот вопрос на конкретном материале, нужно составить достаточно яспое впечатление о том обществе, о том населении, с которым готы столкнулись в Северном Причерноморье. Время их появления там известно — начало III в. Следовательно, для разрешения поставленного И. С. Винокуром вопроса следует вычленить памятники II в., «до готов», и сопоставить затем с памятниками «после появления готов» — III—IV вв. Такого анализа мы в статье И. С. Винокура не находим. Проблема, таким образом, упирается опять в тот же момент, о котором говорилось выше,— вычленение, поиски памятников II в. и тщательное их изучение. Без этого ни проблема генезиса черняховской культуры, ни готская проблема не могут быть разрешены.

Смущают в статье И. С. Винокура и некоторые другие утверждения, в частности тезис автора об удаленности северных и северо-западных племен от «прогрессивного» влияния античной цивилизации и римских провинций [39]. Достаточно беглого взгляда на карту Европы, чтобы убедиться, что от римских кастеллов на Среднем Дунае, скажем, от Виндобоны или Аквинкума до Польского Поморья ненамного дальше, чем от побережья Черного моря до Волыни, а от низовий Рейна до Дании много ближе. Обилие же импортов, найденных на этих землях (число их больше, чем в лесостепной части Восточной Европы), показывает, что «прогрессивное воздействие античного мира на северные племена» было достаточно сильным. Нет оснований говорить и о «бедности» или более низком социальном развитии носителей вельбарской или пшеворской культур. Иллюзия эта возникает у И. С. Винокура именно из-за сопоставления разновременных явлений черняховской культуры III—IV вв. и ее северо-западных соседей в I—II вв. Воздействие же античных центров Северного Причерноморья на формирование черняховской культуры тоже не следует преувеличивать. Большинство из них в это время лежало в развалинах или жизнь на них едва теплилась [40].

Не очень удачен термин «гото-гепиды», поскольку это хотя и родственные племена, но продвигавшиеся к югу в разное время, находившиеся чаще во враждебных отношениях и имеющие весьма различные судьбы. Что же касается перерастания черняховской культуры в раннеславянскую, то заключения И. С. Винокура базируются на материалах многослойных поселений, что всегда оставляет место для скептицизма в отношении таких выводов. Хотя сам по себе факт участия какой-то части черняховского населения в процессе формирования культуры ранних славян не исключается, но в названной работе утверждение, что «основным ядром среди населения II—V вв. н. э. на территории Юго-Восточной Европы, в лесостепном Днестровско-Днепровском междуречье, были местные восточно-

---

[38] *M. Śmiszko.* Op. cit.; *М. Б. Щукин.* Европейская Сарматия...
[39] *И. С. Винокур.* Ук. соч., стр. 131.
[40] *V. F. Gajdukewitč.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 459, 496.

славянские племена» [41], остается, к сожалению, лишь делом горячей убежденности его автора.

Позиция В. В. Седова в этом отношении выглядит более реалистической. Им сделана попытка найти в составе черняховской культуры конкретную группу памятников, которую можно было бы связать со славянами. Попытка, давно назревшая, заслуживающая всяческого уважения, поскольку венедам, с которыми воевал Германарих, и антам, с которыми воевал Винитарий, в конце IV в. должны в конечном итоге найтись археологические соответствия. Возможно, их следует искать и в составе самой черняховской культуры. До сих пор попытки членения черняховской культуры не были особенно успешны, и над выделением особого варианта в границах, очерченных В. В. Седовым, следует серьезно подумать. Не очень удачным представляется только его название. Это скорее подольско-днепровский вариант, чем среднеднепровский. Да и включает он в себя такие разные памятники, как Косаново и Компанийцы, Черняхов и Журовка, Ружичанка и Привольное. Большие сомнения вызывает также тезис о преобладании здесь пшеворских элементов и о формировании его на базе пшеворской культуры. Дело в том, что В. В. Седов опирался на работы Г. Ф. Никитиной [42], Н. М. Кравченко [43] и В. В. Кропоткина [44], выделивших пшеворские элементы в составе черняховской культуры. Но с тех пор произошли изменения. Польские исследователи рассматривают теперь пшеворскую культуру позднеримского времени в более узких территориальных рамках, чем раньше. Так, памятники Восточной Мазовии, воспринимавшиеся как пшеворские, ныне включены в состав недавно выделенной культуры восточнопоморско-мазовецкой или вельбарско-цецельской [45]. В результате оказывается, что целый ряд элементов, воспринимавшихся как пшеворские, в действительности характеризует памятники поморско-мазовецкие или они являются общими для обеих культур, поскольку в Мазовии последняя впитала в себя пшеворский субстрат и оказала к тому же влияние на пшеворскую культуру в целом.

Так, миски с маленькими Х-видными ручками, превращающимися иногда в псевдоручки-налепы,— элемент не пшеворский, а вельбарско-цецельский. Именно для этой культуры характерен и обряд вторичного обжига сосудов, помещаемых в погребение. Почти все погребения могильника Брест — Тришин совершены по этому обряду. Носителями вельбарско-цецельской культуры, а не пшеворцами, как полагает В. В. Кропоткин, были привнесены в черняховскую культуру и грушевидные янтарные подвески. К. Годловский специально отмечает, что эти подвески долго не проникают в пшеворский регион, хотя встречаются к востоку и даже к югу от него [46]. Не совсем верно рассматривать и обряд погребения в обширных ямах с рассыпанными по всей площади кальцинированными косточками как сугубо пшеворский. Для стадий, предшествовавших формированию черняховской культуры — и для B_2 и для C_1,— пшеворцам был больше свойствен обряд погребения в урне, постепенное вытеснение которого безурновыми погребениями начинается со стадии C_2 [47]. Зато подобные обшир-

---

[41] *И. С. Винокур.* Ук. соч., стр. 143.

[42] *Г. Ф. Никитина.* Население лесостепной полосы Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965.

[43] *Н. М. Кравченко.* К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 44—51.

[44] *В. В. Кропоткин.* Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры). «Slavia antiqua», XVIII, 1971, str. 197—205.

[45] *K. Godłowski.* The Chronology...; *K. Godłowski.* Die Przeworsk-Kultur...; *E. Okulicz.* Studia nad przemianami kulturowymi... «Archeologia Polski», t. XV, z. 2, 1970, str. 419—492; *R. Wołągiewicz.* Op. cit.

[46] *K. Godłowsky.* Die Przeworsk-Kultur..., S. 265, 266.

[47] Ibid., S. 267.

ные ямы мы находим в позднезарубинецком могильнике Рахны [48]. Что же касается такого обряда, при котором границы отдельных погребений проследить трудно и могильник представляет собой как бы сплошной слой сожжений (близкое явление мы наблюдаем в Косанове и Компанийцах), то в Польше он появляется лишь на самой заключительной стадии развития пшевора, в добродзеньской группе [49]. По времени это несколько позже упомянутых черняховских могильников.

Если мы внесем соответствующие коррективы в карты В. В. Седова, то нетрудно убедиться, что больше оснований говорить о происхождении подольско-днепровской группы от культуры вельбарско-цецельской, чем от пшеворской; во всяком случае, элементов ее здесь значительно больше, и эта мысль не столь уж неприемлема, как кажется В. В. Седову (рис. 1). Если же картографировать явления, действительно общие у черняховцев с пшеворцами, в частности погребения с оружием, а из всех культур стадий B_2 и C_1 такой обряд был свойствен почти исключительно пшеворцам, то большинство из них окажется вне зоны, очерченной В. В. Седовым (рис. 2).

В. В. Седов утверждает, что для подольско-днепровской группы характерны жилища-полуземлянки [50]. Это тоже не совсем верно. Здесь преобладают именно большие наземные жилища, северное происхождение которых было достаточно убедительно показано М. А. Тихановой [51] (Ягнятин, Жуковцы, Ерковцы, Дедовщина, Турия, Ново-Липовское, Николаевка, Кут, Волошское, Лески, Радуцковка, Максимовка и др.). Их ровно в два раза больше, чем полуземлянок. И если уж говорить о сходстве материалов пшеворской и черняховской культур, то следует прежде всего обратить внимание на верхнеднестровскую группу памятников, исследуемых В. Д. Бараном [52]. В. В. Седов почему-то совсем не рассматривает эту группу.

И наконец, в цепи доказательств пшевор — подольско-днепровская группа — пеньковка — славяне X—XII вв. одним из слабых является первое звено. Славянская принадлежность пшевора принимается как аксиома, без доказательств. «Польские исследователи считают, что носителями пшеворской культуры были венеды-славяне. Прямых археологических доказательств в пользу этого мнения нет. Однако совокупность исторических, археологических, лингвистических и топонимических наблюдений позволяет полагать, что среди населения пшеворского ареала должны быть славяне» [53]. Это все, что сказано в пользу исходного тезиса всей гипотезы В. В. Седова. Будем надеяться, что в ближайшее время вся совокупность исторических и прочих наблюдений будет представлена на суд читателей, пока же это положение остается в достаточной мере шатким. И в среде польских исследователей далеко не все поддерживали и поддерживают выдвинутую Ю. Костшевским и его школой концепцию о венедской принадлежности пшеворской культуры, исходным пунктом которой является тезис о славянской принадлежности лужицкой культуры. При современном состоянии науки этническая атрибуция столь удаленных культур вряд ли достаточно реальна.

---

[48] *П. І. Хавлюк.* Ук. соч.

[49] *K. Godlowski.* Die Przeworsk-Kultur..., S. 267—272.

[50] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 124.

[51] *М. А. Тиханова.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 89—94; *ее же.* К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. «Studia Archaeologice in memoriam Harri Moora», Tallinn, 1970, S. 202—206.

[52] *В. Д. Баран.* До пітання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу. МДАПВ, 3, 1961; *В. Баран.* Поселення перших століть нашої ери біля с. Черепин. Київ, 1961; *В. Д. Баран.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, 116, 1964; *В. Д. Баран.* Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу. В сб. «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969.

[53] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 121.

Гипотеза о венедской принадлежности пшевора имела смысл при двух условиях: во-первых, что данные Плиния, Тацита и Птолемея о венедах отражают приблизительно одну и ту же реальность первых веков нашей эры; во-вторых, в случае единства культур пшеворской и оксывской. Венеды Плиния и Птолемея помещаются в Поморье и на территорию оксывской культуры. Однако последними исследованиями оба эти условия по-

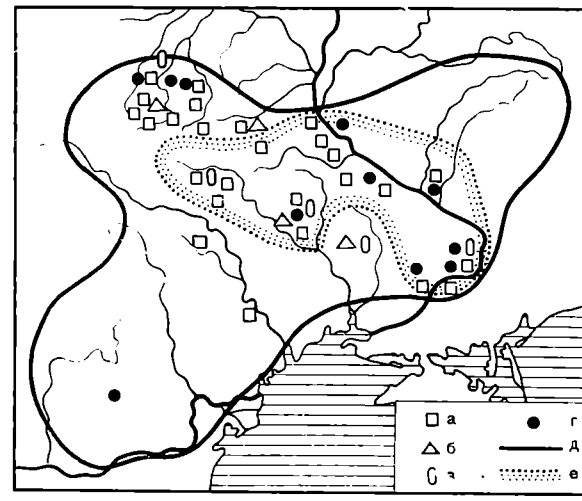


Рис. 1. Элементы вельбарско-цецельские в черняховской культуре

а — сосуды с маленькими ушками и псевдоушками, *б* — кружки с большой ручкой, *в* — грушевидные янтарные подвески, *г* — погребения со вторично обожженной керамикой, *д* — границы черняховской культуры, *е* — границы подольско-днепровского варианта

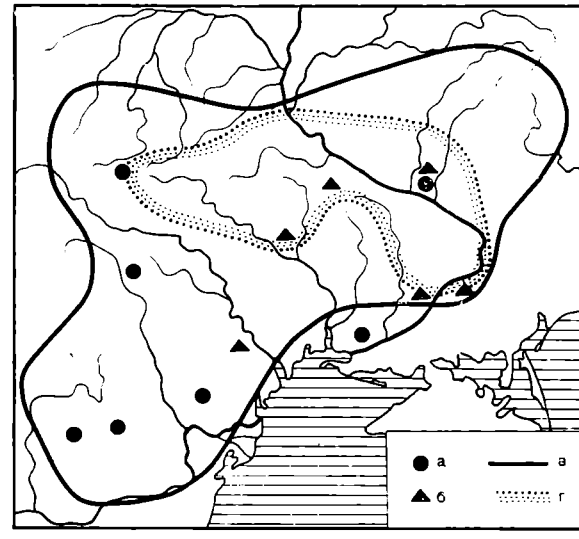


Рис. 2. Элементы пшеворские в черняховской культуре

а — погребения с оружием, *б* — керамика, имеющая аналогии в пшеворской культуре, *в* — границы черняховской культуры, *г* — границы подольско-днепровского варианта

колеблены. Данные Плиния и Птолемея могут относиться к более раннему времени и к более восточным территориям [54]. Относительное единство пшеворской и оксывской культур допустимо лишь для эпохи позднего латена. Трансформация оксывской культуры в I в. н. э. привела к полному отрыву ее от южного соседа и превращению в культуру вельбарскую. Пшеворская же культура в ее новых, более узких границах достаточно убедительно сопоставляется с лугиями, а весь круг археологических культур Восточной Германии и Польши в римское время — с понятием «Свевия» [55].

[54] *Д. А. Мачинский.* Древние славяне в первые века н. э. по данным античных письменных источников и археологии. Докл. на совместном заседании НПО и ОИПК Гос. Эрмитажа 20 ноября 1970 г.; *его же.* К вопросу о венедах Плиния Старшего. В сб. «Из истории мировой культуры». Л., 1973.

[55] *K. Godłowski.* Die Przeworsk-Kultur..., S. 266; *K. Godłowski.* Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Środkowej. Докл. на конф. «Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europe Środkowej w okresie wpływów rzymskich», Краков, сентябрь 1972 г.

Таким образом, тезис о венедской принадлежности пшевора, исходный тезис построения В. В. Седова, ныне оказался под ударом. Если же совокупность исторических, археологических, лингвистических и прочих данных и приведет к выводу, что в среде пшеворского ареала должны быть славяне, то перед исследователями встанет задача, аналогичная той, которую пытался решить В. В. Седов выделением подольско-днепровского варианта черняховской культуры, задача найти этим славянам археологический эквивалент.

Недостаточно надежно связаны и звенья цепи Черняхов-Пеньковка. Возможно, ряд форм керамики группы Пеньковка произошел от лепных черняховских сосудов, но на сегодня это положение продемонстрировано не с большей убедительностью, чем типологическая цепочка П. Н. Третьякова, выводящего их из поднезарубинецких древностей Подесенья. Хотя и последняя гипотеза не выглядит неуязвимой из-за недостаточности датирующего материала.

Все сказанное не уменьшает достоинств в целом очень интересной работы В. В. Седова, где сделан ряд весьма тонких наблюдений и сопоставлений, затронут и поставлен целый ряд проблем. Думается, что этой статье суждено еще долго будить мысль исследователей, быть своего рода генератором идей. Более того, вероятно, многие процессы, отмеченные автором, имели место и в действительности, хотя, быть может, в другой акцентировке.

Одним из наиболее интересных моментов является наблюдаемое В. В. Седовым сходство узколицего антропологического типа славян, похороненных в могильных ямах, с носителями черняховской культуры и обитателями Среднего Поднепровья в скифское время. Хотя все три группы отделены друг от друга огромными промежутками времени и археологически такую преемственность проследить не удается, сам по себе этот факт, если выводы автора верны, нуждается в объяснении. Думается, что здесь нашла свое отражение константная часть исторического процесса, в котором всегда взаимодействуют две стороны. Одна из них — постоянная изменчивость, постоянное развитие и смена социальных институтов, этносоциальных организмов и образований, перемены политические, хозяйственные, культурные, лингвистические и пр. А другая сторона — это то, что при всех переменах та или иная часть населения сохраняется, несет в себе некую константу. В антропологических признаках это, вероятно, отражается с большой очевидностью и чаще, чем в культуре и в языке. При этом все три характеристики — антропологический тип, язык и культура — совпадают друг с другом не всегда и почти всегда не полностью.

Вопрос заключается в том, когда, при какой из многочисленных перемен и инноваций эти мезодолихокраны с узким лицом и мезоринным носом заговорили на славянском языке. В. В. Седов полагает, что это произошло в рамках черняховской культуры. И это было бы так, если бы ему удалось избежать в рассуждениях тех подводных камней, о которых речь шла выше. Но это могло произойти и раньше, при контакте носителей зарубинецкой культуры, если допустить, что она славянская (а в пользу этого ровно столько же данных, сколько и в пользу славянской принадлежности пшевора) с местным скифским субстратом. Но могло это произойти и позже, в V в., уже после конца черняховской культуры, при столкновении ираноязычной ее части с пришлым славянским населением или со славянской ее частью. Могло это произойти и при столкновении со славянами остатков сармато-аланских племен, не входивших в черняховскую культуру, с носителями пастырской или волынцевской культур. Различных версий можно предложить достаточно много. Не думаю, чтобы их можно было бы сегодня обосновать на конкретном материале с большей убедительностью, чем версию В. В. Седова, но бреши в его рассуждениях не делают и ее очевидной. Следует признать, что для решения вопроса нам не хватает еще каких-то пока не найденных данных.

Различные равновероятные и столь же труднодоказуемые версии можно предложить и для объяснения двух волн топонимики в Полесье и Волыни. Позиция В. В. Никонова в этом вопросе отличается значительно большей осторожностью [56], чем позиция В. В. Седова. Среди интересных замечаний В. В. Седова мне особенно плодотворным представляется одно, перекликающееся в какой-то мере с идеями И. Вернера: «Зарубинецкие племена, кажется, были носителями окраинного диалекта, занимавшего в некоторой степени промежуточное положение между славянскими и западнобалтскими (прусо-ятвяжскими), поэтому в зависимости от обстоятельств они могли стать и балтами и славянами» [57],— пишет В. В. Седов. Сходные соображения относительно зарубинецкой культуры высказывал несколько раньше и П. Н. Третьяков [58].

Не знаю, так ли уж это справедливо в отношении собственно зарубинецкой культуры, но если допустить возможность существования таких балто-славянских групп, готовых превратиться то ли в балтов, то ли в славян, не только в зарубинецкое время, но и позже, накануне сформирования славянской культуры VI в., не поможет ли нам это избавиться от «чар балтийства», о которых пишет И. Вернер, и найти в лесной зоне исходные точки славянской культуры или во всяком случае существенные компоненты ее, например прототипы керамики пражского типа?

Здесь нельзя обойти молчанием чрезвычайно интересную и, я бы сказал, изящную в своей логичности гипотезу И. Вернера. Работа эта заслуживает самого пристального внимания со стороны советских археологов и детального рассмотрения всех ее положений специалистами. Но поскольку в целом сюжеты, о которых говорит И. Вернер, лежат уже вне компетенции автора этих строк, ограничимся лишь некоторыми беглыми замечаниями о перспективах, открывающихся перед исследователями в связи с этой гипотезой.

На мой взгляд, И. Вернером сделано чрезвычайно интересное и верное наблюдение: памятники типа Колочин — Тушемля, рассматривавшиеся обычно как синхронные Корчаку и Пеньковке, в действительности предшествуют последним во времени и пространстве [59]. Во всяком случае, начало их относится к более раннему времени. Более того, добавим, что известны находки, не только указывающие на вторую половину V — первую половину VI в., на время, для которого в лесостепи мы пока не имеем определенного пласта памятников, но и вещи, указывающие на связи этого населения с Подунавьем [60].

Боюсь, однако, что продемонстрировать на имеющихся материалах лесной зоны хиатус для VI—VII вв. (а скорее следовало бы говорить о второй половине VI—VII в.) сегодня еще трудно. Отсутствие могильников и ничтожное количество датирующих вещей в комплексах делает эту задачу почти неразрешимой. Вероятно, в данном случае может помочь новый петрохронологический метод датировки керамики, предложенный О. Ю. Круг [61]. Правда, точность его пока недостаточно велика — учитывается ошибка, равная приблизительно ±1 век [62], т. е. дата будет в интервале около трех веков, но при статистической обработке большого количества измеренных образцов можно получить удовлетворительные резуль-

---

[56] *В. В. Никонов.* Две волны в топонимии Полесья. В сб. «Полесье». М., 1968, стр. 193—205.

[57] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 125.

[58] *П. Н. Третьяков.* Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, 1, стр. 45.

[59] *И. Вернер.* Ук. соч., стр. 110—112.

[60] *Е. А. Шмидт.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. В сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 63—70; *А. К. Амброз.* Южные художественные связи поселения Верхнего Поднепровья в VI в. Там же, стр. 70—75.

[61] *О. Ю. Круг.* Петрохронология — новый метод абсолютной датировки древней керамики. СА, 1972, 4, стр. 193.

[62] *О. Ю. Круг.* Ук. соч., стр. 195; табл. на стр. 197.

таты. Во всяком случае, хронологическое расчленение материалов лесной зоны сейчас самая актуальная задача, и следует для этого попытаться использовать все методы, хотя полной уверенности, что при этом получится искомый И. Вернером хиатус, нет.

Назревает также необходимость расчленения древностей лесной зоны на более мелкие территориальные группы. Объединение же столь различных памятников, как Абидня, Тушемля и Колочин, в одну культурную группу допустимо лишь при построении рабочей гипотезы в самом общем виде (такую рабочую гипотезу и предлагает И. Вернер). В дальнейшем, при конкретной разработке материалов, такое объединение, по всей вероятности, перестанет удовлетворять. Не исключено, однако, что и тогда задача не разрешится полностью. Если можно допустить развитие форм керамики Тушемли — Колочина в пеньковские (хотя это положение тоже нуждается в доказательствах), то сложнее вывести из этих форм пражский тип, керамику Корчака. И остается только надеяться, что в лесной зоне будут обнаружены древности, дающие нам предшествующий этап развития славянской культуры в чистом виде, или же нам останется вслед за В. В. Седовым и И. П. Русановой искать эти истоки в более западных областях, в конечном итоге в составе пшеворской культуры [63].

И. Вернер полагает, что в Полесье и на Волыни уже «достаточно трудно найти место для обитания славян между балтами и восточными германцами в III и IV вв.» [64]. Однако такое место есть. Если нанести на карту памятники днепро-двинской культуры, почепской культуры, культуры штрихованной керамики и волынской группы полей погребения, то между ними останется довольно обширная зона, почти полностью лишенная пока памятников. Она охватывает почти весь бассейн Припяти, во всяком случае нижние течения ее левых и правых притоков, а Убороть и Уж полностью. Сюда же входит излучина в нижнем течении Немана и Поднепровье между Березиной и Припятью (рис. 3). В восточной части этого «белого пятна» Л. Д. Поболю известны некоторые «позднезарубинецкие» памятники типа Абидни, но по имеющимся публикациям о них трудно составить ясное представление [65]. Но даже и с учетом этого обстоятельства зона археологической пустоты остается достаточно обширной, чтобы здесь могла разместиться целая археологическая культура [66].

Трудно, конечно, предвидеть, какого рода памятники будут здесь открыты. Не исключено, что не будет найдено ничего нового или что это действительно пограничная зона пустоты и все поиски будут безрезультатны, но проведение специальных полевых изысканий в этом районе так или иначе представляется весьма насущной задачей.

---

[63] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 127; *И. П. Русанова.* Доклад на конференции ИА АН УССР, Ужгород, май 1970 г. Поскольку памятники пшеворской культуры, содержащие отдельные формы, напоминающие пражский тип, по времени предшествуют черняховским поселениям верховьев Днестра и Западного Буга, что я пытался показать в названной работе, и последние развиваются на пшеворской основе и с постоянным взаимодействием с этой культурой, то вполне возможен следующий ход рассуждений. В составе пшевора имеются пока не локализованные славянские (?) группы с керамикой, близкой керамике пражского типа. В ходе экспансии пшевора в конце II—III вв. в юго-восточном направлении они концентрируются в верховьях Днестра, входя в состав черняховской культуры. С концом ее они теряют черняховский облик, трансформируясь в культуру типа Корчак и занимая новые территории. В ходе этих рассуждений — два слабых места. Во-первых, такой группы в пшеворе пока нет, есть лишь отдельные сосуды в типично пшеворском окружении. Во-вторых, остается хронологический разрыв между черняховскими и славянскими памятниками Верхнего Поднестровья.

[64] *И. Вернер.* Ук. соч., стр. 110.

[65] *Л. Д. Поболь.* Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей эры. «I Miedzynarodowy kongres archeologii slowianskiej», t. II, 1969, стр. 306—324; *его же.* Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. БД, Минск, 1969, стр. 103—108.

[66] О значимости такого рода зон археологической трудноуловимости в истории раннего славянства говорит Д. А. Мачинский (*Д. А. Мачинский.* К вопросу о территории...).

Советскими исследователями для различных культур лесной зоны зафиксированы какие-то изменения, приходящиеся приблизительно на середину I тысячелетия н. э.: прекращение культуры штриховой керамики и превращение ее в культуру типа Банцеровского городища, оставление населением городищ и переходов на селища и др. [67] Ни точное время, ни

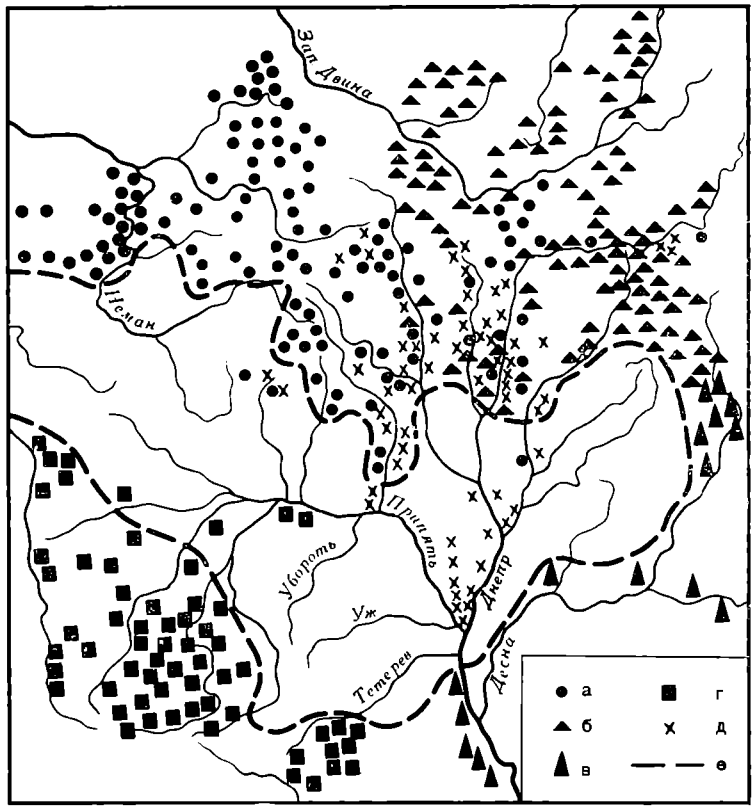


Рис. 3. Карта археологических памятников II—IV вв. Полесья, Волыни и Верхнего Поднепровья

а — памятники культуры штрихованной керамики (по В. В. Седову), *б* — памятники днепро-двинской культуры (по В. В. Седову), *в* — памятники почепской культуры (по П. Н. Третьякову) и «киевского» типа, *г* — памятники поморско-мазовецкие и волынской группы (по Ю. В. Кухаренко), *д* — позднезарубинецкие памятники (по Л. Д. Поболю), *е* — границы «белого пятна» относительной археологической пустоты

причины этих изменений не удается пока выяснить. Не исключено, что эти изменения и формирование культуры ранних славян с дальнейшей их экспансией к югу находятся в определенной связи. Во всяком случае, до тех пор пока мы не разберемся с событиями и процессами, протекавшими в первой половине I тысячелетия н. э. в лесной зоне, ни проблема генезиса славянской культуры VI—VII вв., ни проблема происхождения славян в целом не будут полностью разрешены.

---

[67] *В. В. Седов.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 18—25, 28; *А. Г. Митрофанов.* Банцеровское городище. БД, Минск, 1967, стр. 243—261, и другие работы.

M. B. Chtchoukine

QUELQUES PROBLEMES CONCERNANT LA CULTURE DE TCHERNIAKHOVO ET L'ORIGINE DES SLAVES

Résumé

Cet article est consacré à l'examen de quatre études sur la culture de Tcherniakhovo et sur la problème de l'origine des Slaves, études publiées dans la revue «Archéologie Soviétique» (№ 4, 1972). L'auteur s'élève contre l'opinion de E. A. Rikmane, qui a voulu donné le IIème siècle comme la plus ancienne date de la culture tcherniakhovienne, étant donné que les pièces fournies par lui ne forment pas un ensemble. On est fondé à indiquer seulement la fin du IIe s. Tant qu'on n'a pas isolé et étudié les antiquités du IIe s., il est difficile de parler des rapports et du caractère de l'interaction de la population venue du nord — ouest à la fin du IIe s. et au IIIe s. et de la population locale. En prenant le IIe s. comme point de départ de la culture tcherniakhovienne, I. S. Vinokour s'est ôté la possibilité d'examiner sur des documents concrets la question posée par lui concernant cette interaction. Dans la série des preuves étayant l'hypothèse de V. V. Siédov sur l'origine de la variante Dniepr moyen, choisie par lui, de la culture tcherniakhovienne comme issue de la culture pchévorienne, et sur son appartenance slave, le côté le plus faible est l'élément initial: le principe adopté a priori sur l'attribution aux Slaves de la culture de Pchévorsk. Beaucoup d'éléments pchévoriens, cartographiés par lui dans la culture tcherniakhovienne, sont plus caractéristiques pour la culture de Velbarsko — Tsetselsk, alors que des traits tout à fait pchévoriens (armes dans les sépultures) se trouvent hors du cadre de la variante Dniepr moyen (ill. 1, 2). L'article de I. Werner présente de l'intérêt et mérite d'être examiné à part. Ici, on doit se borner à remarquer que I. Werner n'a pas complétement raison d'affirmer qu'aux IIIe s. et IVe s. il ne serait pas resté de place pour les Slaves entre les Baltes et les Germains. La carte des monuments de cette époque présente une grande tache blanche dans le bassin du Pripet (ill. 3).

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

ЕЩЕ РАЗ О СТОЛИЦЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ БУЛГАРИИ

Опубликовав на своих страницах в дискуссионном порядке статью А. Х. Халикова «О столице домонгольской Булгарии» [1], журнал «Советская археология» пригласил широкий круг исследователей принять участие в этой дискуссии. Еще раньше в журнале вышла статья ныне покойного А. П. Смирнова, где этот крупнейший советский булгаровед приводил убедительные выводы в пользу установившейся точки зрения о том, что столицей Волжской Булгарии в X—XI вв. был Булгар, а в XII — начале XIII в.— Биляр [2]. Позиция А. П. Смирнова была поддержана нами в статье, где проанализирована совокупность источников X—XIII вв., имеющих прямое отношение к истории ранних столиц волжских булгар [3]. Статья была вызвана появлением большого числа выступлений А. Х. Халикова в периодической печати Татарии.

В предлагаемой работе мы постараемся обратить внимание читателей на тот круг вопросов, которые подняты в названной выше дискуссионной статье А. Х. Халикова, а также в его некоторых поздних работах. Естественно, мы не будем повторять тех положений, которые освещены в нашей первой статье. Как и в своих газетных статьях, А. Х. Халиков в упомянутой работе проводит мысль о том, что столицей Волжской Булгарии с X в. становится Биляр (Буляр), построенный, по его мнению, с помощью арабских мастеров в год прибытия посольства халифа в 922 г. А. Х. Халиков пишет, что этот город носил и другое название — Булгар, к тому же с летописным наименованием «Великий город»: «По-видимому, и столица страны называлась Булгаром с эпитетом «Великий город»». «Изучение совокупности археологических и письменных источников позволяет утверждать, что уже с X в., вероятно с 922 г., столицей Волжской Булгарии был Великий город на р. М. Черемшан, называвшийся в X—XIII вв. одновременно и городом Булгаром» [4].

Обратимся вначале к археологическим источникам и попытаемся проследить, свидетельствуют ли они о том, что столицей Волжской Булгарии с X в. становится город, представленный Билярским городищем на р. Малый Черемшан. По мнению А. Х. Халикова, расположение этого города в географическом центре государства говорит о том, что именно он был столицей. Прямо скажем, суждение довольно странное. Очевидно, не было

От редакции

Этой статьей журнал «Советская археология» заканчивает дискуссию о столице домонгольской Булгарии. Дискуссия может быть продолжена только после получения новых, более убедительных находок, которые могли бы подкрепить ту или иную точку зрения.

[1] *А. Х. Халиков.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1973, 3.

[2] *А. П. Смирнов.* О столице государства волжских булгар. СА, 1972, 1.

[3] *Р. Г. Фахрутдинов.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1974, 2 (в статье допущена корректорская ошибка: слово «Булгар» в 15 строке сверху на стр. 142 следует читать «Буляр»).

[4] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 83, 84.

в истории и нет сейчас ни одного государства со столицей, расположенной именно в географическом центре. Для столицы важна не географическая середина, а удобное торговое и стратегическое расположение (берега больших рек, выход к морю и т. п.). Именно на таком месте, выгодном с точки зрения экономических и военных интересов первого феодального государства в Северо-Восточной Европе с момента своего возникновения, и была расположена его первая столица. Это город Булгар на Волге недалеко от места впадения в нее Камы. Да и насчет расположения Билярского городища в географическом центре государства А. Х. Халиков абсолютно неправ. Оно находится как раз в восточной части территории Волжской Булгарии X—XI вв. Следовательно, мнение автора по данному вопросу глубоко противоречиво.

Далее А. Х. Халиков утверждает, что планировка Билярского городища в первую очередь близка к планировке столичных городов Дунайской Болгарии, Средней Азии и Южной Сибири (Плиски, Преслав, Баласагун, Отрар), для которых, пишет он, характерно членение на внутренний и внешний город; это, говорит автор, дает право утверждать, что с самого начала город, представленный Билярским городищем, строился как столица [5]. Трудно согласиться и с таким мнением. Никем еще не доказано, что признаком столичности указанных городов является разделение их на две части. Такой вопрос никогда, кажется, не стоял в средневековой археологии. Более того, как на Руси, так и в самой Волжской Булгарии есть ряд городов с разделением на внутренний и внешний города, т. е. городище в центре городища, однако они никогда не были столицами этих государств. Относительно Билярского городища следует отметить, что еще полностью не определена социальная топография города. Трудно предположить, что внутренний город был кремлем. Скорее всего вначале существовал только этот город, о чем свидетельствуют археологические данные (сравнительно позднее сооружение обороны внешнего города, наличие на территории внутреннего города большого числа остатков производственных комплексов).

В своей статье А. Х. Халиков приводит довольно большое число археологических материалов из раскопок Билярского городища, свидетельствующих, как он пишет, о возникновении всего города в X в. Однако в датировке городища автор допускает заметные неточности. Так, говоря о времени сооружения внешней обороны (точнее ее внутреннего вала), он неверно ссылается на наши работы 1968 г. на VI раскопе, где якобы были вскрыты остатки ранних укреплений, воздвигнутых на стерильной почве, «очевидно, в начале строительства города» [6]. Ничего этого не было. Они представляют собой полусгнившие остатки упавших деревянных надваловых конструкций и дополнительных креплений земляной части вала. К тому же разрез вала показал, что он сооружен на слое, содержащем материалы в целом домонгольского периода.

Нам хочется особо подчеркнуть, что строительство города (в данном случае внутреннего города) с начала X в. нисколько не означает, что он был построен как столица. Приведенные А. Х. Халиковым новые материалы, довольно интересные с точки зрения ранней истории булгарского города, могут свидетельствовать о начальной дате Буляра вообще как города. Кстати, и для подтверждения мнения о сооружении города с начала X в. автор обращается к ненадежным источникам. Так, ссылаясь на С. М. Шпилевского, он говорит, что «с территории Билярского городища происходят два клада куфических монет IX—X вв.» [7]. С. М. Шпилевский этого не писал. Он указывал, что в середине XIX в. близ Билярска дважды были сделаны находки куфических монет, имеющих отношение ко вре-

[5] Там же, стр. 93.
[6] Там же, стр. 86.
[7] Там же, стр. 92.

мени с 739 по 906 г.[8] Следовательно, это не клад, а находки, и связывать их конкретно с Билярским городищем затруднительно. Естественно, эти монеты не могут говорить о возникновении города, тем более столицы, с начала X в., а говорят лишь о заселенности этих мест, причем не с IX—X вв., а еще с VIII в. К тому же они не чеканены в Буляре, и вообще они не булгарские.

Для подтверждения своей мысли о постройке Буляра с X в. как столицы государства А. Х. Халиков обращается к письменным источникам. Прежде всего он пользуется Ибн-Фадланом и говорит, что булгарский хан Алмуш с помощью арабских мастеров построил себе столицу на Черемшане в 922 г. В предыдущей статье мы уже подробно говорили о том, как на самом деле это было: хотя халиф в своем письме предварительно сообщил Алмушу о высылке ему 4000 динаров, которые должны были получить в Хорезме по пути в Волжскую Булгарию, однако они не были получены. Все это предельно ясно сказано у Ибн Фадлана, и поэтому нет никакой необходимости искажать его сведения и предполагать о строительстве в 922 г. столицы на Черемшане. Утверждение А. Х. Халикова о том, что Алмуш «заявил о своей решимости построить эту крепость на собственные средства»[9], и при этом ссылка на А. П. Ковалевского, издателя Ибн Фадлана, не имеет под собой реальной почвы. Вот подлинные слова Алмуша: «Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро и золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я хотел только получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом»[10]. Следовательно, тут ни о каком решении построить крепость и конкретно «эту крепость» (т. е. Буляр), как утверждает А. Х. Халиков, речи не было. Слова Алмуша «если бы я захотел построить крепость» говорят именно о том, что он еще не решил строить ее. И дальше у Ибн-Фадлана нет ни единого слова о строительстве крепости. Поэтому теряет смысл дальнейшее отождествление А. Х. Халиковым упомянутой Ибн-Фадланом речки Джаушыр (где, в сущности, состоялся съезд булгарских князей по принятию ислама) с рекой Малый Черемшан, на берегу которой расположено Билярское городище. Невозможно согласиться с А. Х. Халиковым, предполагающим лингвистическое сходство названий речки Джаушыр и реки Малый Черемшан (по-татарски — Чирмешан): первая часть слова Чирмешан («чирме») соответствует второй части слова Джаушыр («шыр»), т. е. и «чирме» и «шыр», по А. Х. Халикову, означают «чишму» (небольшая река, ручей)[11]. Следует отметить, что в татарском языке таких слов нет. Поэтому перевод слова Джаушыр как «большая речка» («джау», по А. Х. Халикову,— «большой», что, конечно, неверно) также не имеет успеха. Необходимо отметить противоречие у автора и в данном вопросе. Если Джаушыр этимологически означает «большую речку»[12], то, по Ибн-Фадлану, она имела ширину всего пять локтей (т. е. 2 *м*), глубину до пупа, местами до ключицы, а наибольшую глубину — в рост человека[13]. Словом, это была небольшая речка. Малый Черемшан никак не соответствует этому описанию; не только в районе Билярска, но и выше по течению река намного шире и глубже (местами ширина до 20—25 *м*). В связи с названиями рек необходимо обратить внимание на одну важную деталь: река Черемшан у Ибн-Фадлана называется Джарамсан. Правда, так он называет Большой Че-

---

[8] *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 364.

[9] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 94.

[10] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 141.

[11] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 95. Кстати, «чишма» в татарском языке означает не реку или ручей, а родник или ключ.

[12] Слова «большая» и «речка» несовместимы друг с другом. Большой бывает только река, а речка бывает маленькой.

[13] *А. П. Ковалевский.* Ук. соч., стр. 139.

ремшан, куда впадает Малый Черемшан; но ведь обе они называются одинаково — Черемшан. Почему же они по-разному назывались при Ибн-Фадлане: одна — Джарамсан, другая — Джаушыр?

Таким образом, предположение А. Х. Халикова о строительстве столицы на Черемшане в 922 г. никакими источниками не подтверждается. Поэтому и его ссылка на Ш. Марджани и А. Ю. Якубовского, предполагавших будто бы о таком строительстве, неубедительна. Дело в том, что эти крупные историки, если даже предполагали о строительстве города после посещения Булгарии арабским посольством, то делали это очень осторожно и, самое главное, вели разговор не о Билярском, а о Булгарском городище на Волге.

Если уж обращаться к авторитетам, то надо привлечь и выдающегося советского востоковеда И. Ю. Крачковского, у которого есть ценнейшее сведение о том, что аль-Балхи написал свое единственное произведение «Ашкял аль билад» (или «Сувар аль акалим») в 920—921 гг.[14] У аль-Балхи, как известно, имеется первое сообщение о наличии в Волжской Булгарии двух городов — Булгара и Сувара. Следовательно, Булгар был уже до Ибн-Фадлана (а по Халикову, этим именем назывался город на Черемшане). Следует особо подчеркнуть, что известие аль-Балхи является уникальным и ясно свидетельствует о наличии до 922 г. города Булгара; этим же именем называлось и государство: «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 000 человек»[15].

А. Х. Халиков пытается связать известные исторические сообщения арабских географов в X—XI вв. о городе Булгаре с Билярским городищем, выдвигая тезис о том, что уже с X в. было два города с названием Булгар, т. е. Булгар на Волге и Булгар на Черемшане («Великий город»), но столицей, по его мнению, был последний[16]. При этом он делает ссылку на аль-Балхи, который якобы писал о наличии у булгар трех городов — Сувара и двух Булгаров, а его, мол, повторили аль-Истахри и Ибн-Хаукаль[17]. Ничего подобного у этих авторов нет. Аль-Балхи, как мы видели выше, с самого начала своего рассказа четко и ясно упоминает только два города: Булгар и Сувар. Другое его выражение «Внешний Булгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт государства» не говорит о наличии второго Булгара, т. е. Буляра на Черемшане. Вопрос о «внешнем Булгаре» мы осветили в предыдущей статье, приводя в конечном счете интересную мысль академика Б. Д. Грекова и Н. Ф. Калинина о том, что под этим именем следует подразумевать Ага-Базар, торговую пристань города Булгара на Волге[18]. Добавим, что расстояние от Ага-Базара до Булгара всего 6 *км*, тогда как до Буляра более 100 *км*. Спрашивается: к чему столице государства, которое держало в своих руках крупную международную торговлю, надо было иметь такую отдаленную торговую пристань, «главнейший торговый пункт государства»? Ни аль-Истахри, ни Ибн-Хаукаль о внешнем («третьем», по А. Х. Халикову) Булгаре не писали, они лишь отметили буквально следующее: «внутренние булгары же суть христиане» (аль-Истахри), «между внутренними булгарами находятся христиане и мусульмане» (Ибн-Хаукаль)[19]. Д. А. Хвольсон писал, что здесь

[14] *И. Ю. Крачковский.* Избранные сочинения, т. IV. М.— Л., 1957, стр. 195.

[15] *Д. А. Хвольсон.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 82.

[16] В первых работах он еще не писал о двух Булгарах; он просто писал, что остатками известного города Булгара является Билярское городище.

[17] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 96.

[18] *Р. Г. Фахрутдинов.* Ук. соч., стр. 138.

[19] *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 193, 218.

речь идет о дунайских болгарах [20]. Что касается сообщения Ибн-Хаукаля о Булгаре, то там речь идет только об одном городе: «Булгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же он был потому, что был гаванью этих государств» [21]. Здесь, несомненно, говорится о единственном Булгаре на Волге, который был действительно небольшим в домонгольский период и, конечно, со своим Ага-Базаром был гаванью, речным портом на Волге. В этой связи уместно вспомнить известные слова тех же аль-Балхи, аль-Истахри и Ибн-Хаукаля о Киеве, «который больше Булгара» [22]. Здесь снова речь идет о Булгаре, ибо он в самом деле меньше Киева. Становится понятным, почему обошел А. Х. Халиков это важное сообщение: тогда у него получилось бы серьезное противоречие, потому что Буляр — Великий город (он же Булгар, по его утверждениям) возникает с начала X в. как столица со всей своей огромной площадью, т. е. и внутренний и внешний города. А они, вместе взятые, больше Киева [23].

Использование А. Х. Халиковым другого автора X в.—Мукаддеси в вопросе о «двух Булгарах» также неудачно. Мукаддеси отмечал у булгар два города — Булгар и Сувар, причем, как он пишет, «Булгар лежит у реки Итил (Волги) и находится ближе к морю, чем к столице» (Д. А. Хвольсон говорит, что сообщение о море и столице непонятно). Далее Мукаддеси сообщает о третьем городе (,د — Х. д. р.), который «лежит на одном берегу другой реки», больше двух упомянутых городов; жители его впервые были евреями (т. е. иудеями), потом стали мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но теперь возвратились в свой город [24]. А. Х. Халиков делает здесь перестановку выражений и находит таким образом второй Булгар. «Один из Булгаров (скорее всего на р. Черемшан),— пишет он и далее приводит слова Мукаддеси о ,د ,— лежит у реки Итиля...» ставит от себя слово «другой». Поэтому следующее его утверждение: «Затем Мукаддеси добавляет, что первый город больше обоих других городов, т. е. Булгара на Итиле и Сувара» [25] — не отражает истинных слов современника. Необходимо заметить, что сам же А. Х. Халиков раньше толковал сообщения Мукаддеси совершенно иначе, размещая Буляр на «обоих берегах реки» [26], а не «на одном берегу другой реки».

В статье А. Х. Халикова приведена «Схема расположения основных городов Волжской Булгарии X—XI вв.» [27], где обозначены Сувар и два

---

[20] *Д. А. Хвольсон.* Ук. соч., стр. 83.

[21] *А. Я. Гаркави.* Ук. соч., стр. 218.

[22] Там же, стр. 193, 220, 276.

[23] Периметр древнего Киева составлял 4600 *м* (*Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1961, стр. 131). Периметр же всего Билярского городища составляет почти 11 *км* (10 800 *м*).

[24] *Д. А. Хвольсон.* Ук. соч., стр. 84. В работе Б. Д. Грекова и Н. Ф. Калинина дан другой перевод этого места из сообщений Мукаддеси. Слово د на основе арабского словаря Ахтари переведено не как название нового города, а как «луга» и связано с Суваром (*Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин.* Булгарское государство до монгольского завоевания. Материалы по истории Татарии, вып. I. Казань, 1948, стр. 148).

В отношении Х.д.р. нам хочется высказать иную точку зрения и предполагать в нем город Итиль, вернее, его восточную часть. К этому вынудили нас два обстоятельства. Во-первых, Х.д.р. по правилам арабского письма произносится как Хадар или его можно произнести Хазар, ибо «д» и «з» в арабском языке взаимозаменимы (ср. Ибн-Фадлан, он же Ибн-Фазлан). В некоторых источниках восточная часть Итиля называется Хазаран (Ибн-Хаукаль). Во-вторых, слова Мукаддеси о том, что жители Х.д.р. вначале были иудеями, а затем стали мусульманами, напоминает именно этнический состав Итиля. За недостатком места не будем подробно развивать эту мысль, сошлемся только на работу М. И. Артамонова «История Хазар» (Л., 1962, стр. 431 сл.), где она подробно обоснована.

[25] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 96.

[26] Газета «Советская Татария», 9 августа 1967 г.

[27] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 97.

Булгара: Булгар — Бряхимов и Булгар — Великий город. С понятиями Бряхимов и Великий город мы впервые встречаемся в русских летописях лишь в XII в., начиная с 1164 г. Это общеизвестные факты. Правда, автор делает оговорку и предполагает, что Булгару на Волге было присвоено имя Бряхимов (Ибрахим) еще в начале XI в., когда в Булгарии правил эмир Ибрахим (сообщение Бейхаки о посылке Ибрахимом ибн-Мухаммедом денег на строительство соборных мечетей в Хоросане) [28]. Тогда снова возникает законный вопрос: почему же правитель Булгарии правил в маленьком Булгаре, а не в Великом городе, столице государства? Ведь по настойчивым утверждениям самого А. Х. Халикова, столица страны в продолжение всего домонгольского периода находилась в Буляре — Великом городе.

На той же схеме автором сделана неудачная попытка восстановления исторической топографии центральных районов Булгарии в сфере трех указанных городов: Булгара, Сувара и Буляра. При этом он ссылается на следующее сообщение географа XI в. аль-Марвази: «У них (булгар) два города, один из них называется Сувар, а другой называется Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов». Отсюда А. Х. Халиков делает вывод, что речь идет о расстоянии между Суваром и Буляром, а не между Суваром и Булгаром [29]. Данный тезис автор пытается аргументировать тем, что день сухопутного пути в арабских источниках составляет примерно 48—50 *км*, следовательно, заключает А. Х. Халиков, путь между Суваром и Буляром «в деталях полностью соответствует сведениям Марвази». Однако едва ли это так. В. М. Беркутов, подробно исследовав мусульманские источники IX—XVI вв., пришел к выводу, что длина одного дня сухопутного пути в Поволжье, в том числе и у волжских булгар, составлял 35 *км* [30]. Если мы учтем, что расстояние между Булгаром и Суваром почти 70 *км* (а не 42 *км*, как пишет А. Х. Халиков), то именно оно соответствует сведениям Марвази. Необходимо также отметить, что выражение аль-Марвази «по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» свидетельствует как раз о пути между Булгарским и Суварским городищами. Для того чтобы из Булгара попасть в Сувар, нужно через с. Три Озера (место летней ставки хана Алмуша) выйти к нижнему течению р. Утки, оттуда мимо таких известных раннебулгарских городищ, как Танкеевское I, Шмелевское, Кокрятьское, по правобережью реки подняться до ее верхнего течения. Весь берег Утки на данном пути от Танкеевки до Сувара чересполосно, а ближе к Сувару — сильно и густо залесен. Среди указанных городищ имеются крупные памятники; площадь Шмелевского городища, например, составляет 282 600 $м^2$, а Кокрятьского — 772 800 $м^2$. Между Маклашеевским (пониже по реке) и Танкеевским II, между Танкеевским I и Шмелевским городищами в лесу имеются остатки целой оборонительной линии в виде земляного вала [31]. К тому же весь этот район отличается чрезвычайным богатством раннебулгарских памятников. Словом, все говорит за то, что здесь в старину проходил путь между двумя известными городами (кстати, тут и в настоящее время имеется большая дорога, несмотря на то что этот район является пограничным между Татарской АССР и Ульяновской обл.). К сожалению, эти данные исторической и современной топографии преднамеренно не учтены в схеме А. Х. Халикова, а расстояние между Булгаром и Суваром отмечено прямой, укороченной линией. В то

---

[28] Там же, стр. 96.

[29] Там же, стр. 97, 98.

[30] *В. М. Беркутов.* Булгаро-татарские меры длины и протяженности. Казань, 1964, стр. 9, 12.

[31] *Р. Г. Фахрутдинов.* К вопросу об оборонных укреплениях домонгольской Булгарии. «Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Археологический сборник». Л., 1964, стр. 112.

же время путь между Суваром и Буляром до Черемшана указан там, где автору хотелось бы найти особенности, отмеченные аль-Марвази, хотя в действительности там их нет: ни берега реки [32], ни густых зарослей, ни оборонительных укреплений. Между прочим, это очень неудобный путь между Суваром и Буляром, и едва ли там раньше была подходящая дорога. Из Сувара в современный Билярск надо ехать, выбирая дороги севернее пути, отмеченного А. Х. Халиковым, и это пространство не соответствует описанию арабского географа.

Не может не вызвать также определенных сомнений размещение А. Х. Халиковым некоторых булгарских племен, например баранджаров и берсула, на р. Малый Черемшан. Баранджаров, упомянутых Ибн-Фадланом, автор связывает с некоторыми топонимами у Билярского городища: речка Баранка, русские села Николаевский Баран, Арбузов Баран, русско-татарское село Крещеный (Красный) Баран. Почему тогда не упомянуть в этой связи речку Баранку, татарские села Старый и Новый Баран в верховьях р. Майны, недалеко от Сувара? Село Старый Баран вообще знаменито своей древностью, оно богато легендами о построении села древними булгарами; булгарское начало этого большого населенного пункта прослеживается и археологически [33]. Кроме того, мы должны учесть, что баранджары, по Ибн-Фадлану, были в ближайшем окружении хана Алмуша, а Алмуш обитал, как известно, в районе современных Трех Озер, и Ибн-Фадлан видел баранджаров до перекочевки Алмуша на речку Джаушыр (по А. Х. Халикову — Черемшан). Нам кажется, что ссылка на татарскую рукопись, которая указывает, что «народ в Бюляре назывался Барадж», сходный якобы с баранджарами [34], также не решает вопроса. В рукописи говорится, что дракон по имени Барадж выгнал жителей города, расположенного в устье р. Зай. Тогда они переселились, пришли от г. Булгария (Булгар? — *Р. Ф.*), основали новый город на р. Бюлар, этому городу и себе присвоили название «Бюлар», а также избрали себе «уран» (знак, герб) по имени Барадж» [35]. Следовательно, люди вначале жили в устье Зая, потом в Булгаре, лишь затем основали город Бюлар. Вообще, название «Барадж» присуще не только окрестности Билярска. В 1971 г. на р. Шешме, параллельной Заю, нам пришлось услышать предания о каком-то Барадж-хане. Хочется отметить, что вопрос, можно ли связывать баранджаров с современными топонимами «Баран» или с неясными «Барадж» из легенд, и в целом этимологию слова «баранджар» должны решить лингвисты.

То же самое можно было бы сказать о племени берсула, известного из сообщений Ибн-Русте, которое А. Х. Халиков также связывает с бассейном Малого Черемшана. Для этой цели он пытается использовать работу Б. Д. Грекова и Н. Ф. Калинина, которые, пишет он, локализовали берсула — серебряных булгар «на реках Ахтае и Малом Черемшане» [36]. Указанные авторы писали, что серебряных булгар «можно приурочить к местности недалеко от Булгарского городища, то есть в самом сердце Булгарии» [37]. С этими серебряными булгарами они связывают также Нухратское городище на Ахтае и памятники в его округе. Таким образом, у них нет ни слова о Малом Черемшане и районе Билярска. Пользуясь случаем, хочется отметить, что, очевидно, уже давно пора отказаться от произвольного цитирования источников и высказываний предшествующих исследователей, что, к сожалению, часто встречается в работах А. Х. Халикова.

---

[32] Между Суваром и Черемшаном реки нет.

[33] *Р. Г. Фахрутдинов.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии. СА, 1969, 1, стр. 229, 230.

[34] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 95.

[35] *С. М. Шпилевский.* Ук. соч., стр. 57.

[36] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 95.

[37] *Б. Д. Греков, Н. Ф. Калинин.* Ук. соч., стр. 107.

Относительно места обитания племени берсула уместно было бы упомянуть Н. И. Ашмарина, помещающего это племя на р. Берсут в правобережье Камы [38]. Вообще, отождествление берсула с серебряными булгарами, следует полагать, неверно. Его проводили некоторые исследователи, обращаясь к модной в свое время яфетической теории Н. Я. Марра, и писали, что «бер» (первая часть слова берсула) и «сер» (от русского слова серебряные) идентичны. Ошибочность такого суждения налицо. Известно, что «серебряные булгары» являются русским переводом предполагаемого племени «нухратские булгары» (нухрат — это серебро). Берсула и нухраты, таким образом, различные племена.

Вопросу выяснения названия города Буляра посвящено в статье А. Х. Халикова отдельное место. Его концепция вкратце сводится к следующему. Город на Черемшане, названный с самого начала X в. Булгаром с эпитетом «великий» [39], одновременно носит названия «Билар», «Балар», также в значении «великий», «знатный». Трансформация Билар — Балар — Булгар имеет и иную параллель: Булар — Балар — Булгар. Билар (он же Билер, Биляр) трактуется как «великий» («би» — знатный и «ляр» — приставка множественности) [40]. Тот же «великий» идет и от первой части слова «Балар» по аль-Гарнати [41]: «Бал», а также «Бала» по-персидски означают «великий». Одновременно дается и другая трактовка: «великий» от слов «биек» (т. е. высокий,— *Р. Ф.*) и «Биеклэр шэхэре» (т. е. город высоких — *Р. Ф.*) или даже город «бийев» — город великих, знатных, подобно тому как «боили», «боляри» у дунайских болгар (параллель «би» или «бай», т. е. богатый, у булгаро-татар) [42]. Вот такая русско-татарско-«персидская» плюс дунайско-болгарская (южнославянская) лингвистическая головоломка. В этой связи хочется вспомнить объяснение самим же А. Х. Халиковым этимологии «булгар» от слова «буре» (волк) [43].

Город, представленный в настоящее время Билярским городищем, носил в древности свое тюркское, т. е. булгарское, позднее татарское название Булэр (русское произношение Буляр, Булар, Бюлар). Так оно названо в тех сохранившихся письменных источниках и фольклорных материалах, в которых упоминается этот город [44]. Выяснение значения этого слова — будущее дело тюркологов.

«Биляр» же является современным русским названием древнего города, несколько измененным вследствие того, что прошло довольно много времени с момента исчезновения города до прихода в те края русских в XVII в. Отсюда название русского села Билярск, где находится данное городище. Таким же немного измененным современным татарским произношением является Билэр (татары-мишари, основное тюркское население окрестностей Билярска, как и в целом Западного Закамья, переселились туда в начале XVIII в.).

Что касается русского летописного выражения «Великий город», то надо полагать, что оно едва ли является переводом тюркского, подлинного названия города. Известно, что русские летописи называли великим не только данный булгарский город, но и свои русские города. Причем значе-

---

[38] *Н. И. Ашмарин.* Булгары и чуваши. ИОАИЭ, т. XVIII, вып. 1—3, Казань, 1902, стр. 106.

[39] Отметим, между прочим, что история знает лишь один великий Булгар. Это город Булгар золотоордынского периода, летописные «Болгары Великие», упоминаемые с 1395 г.

[40] Би+ляр (лэр) не может означать «великий». Это значит: би (князь или феодал) во множественном числе, т. е. князья, феодалы.

[41] Однако аль-Гарнати этим словом называет ученого человека, а не город. См.: *О. Г. Большаков, А. Л. Монгайт.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, стр. 31.

[42] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 98, 99; *его же.* Столицата на Волжска България от домонголско време. «Археология», кн. 1, София, 1973, стр. 23.

[43] *А. Х. Халиков.* Маклашеевская всадница. СА, 1971, 1, стр. 116.

[44] См. об этом подробнее: *Р. Г. Фахрутдинов.* Ук. соч., стр. 136.

ние определения «Великий город» надо понимать в смысле большого, обширного, превышающего другие. В таком значении объяснено слово «великий» и в словаре В. Даля: «Великий — превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой»[45]. Именно таким большим по сравнению с другими, самым крупным среди остальных булгарских городов становится Буляр с XII в. (его площадь достигает 573 *га*), и не случайно, что с этого периода, точнее с 1164 г., русские летописи начинают называть его великим. Следует полагать, что это слово одновременно символизировало и значение столицы, каковой был Буляр в XII — первой половине XIII в.

R. G. Fakhroutdinov

REPARLONS DE LA CAPITALE PREMONGOLE DE LA BULGARIE VOLGIENNE

Résumé

Cet article fait écho à l'invitation lancée par la revue «Archéologie Soviétique» à prendre part à une discussion concernant la capitale prémongole de la Bulgarie volgienne. Notre revue a ouvert les débats en publiant l'article de A. KH. Khalikov (SA, 1973, 3) où ce dernier affirmait que la capitale de l'Etat bulgare, depuis le début du Xe s. jusqu'à l'invasion mongole, était la ville de Biliar (Bouliar), bâtie avec l'aide des artisans arabes l'année où vint l'ambassade du khalif. L'auteur du présent article, développant les points touchés dans une communication précédente (SA, 1974, 2), défend la conception établie dans l'historiographie soviétique et étrangère, selon laquelle la capitale de la Bulgarie prémongole, aux Xe et XIe ss., était la ville de Bolgar, et aurait été du XIIe s. à la première moitié du XIIIe s. la ville de Bouliar. L'auteur se prononce catégoriquement contre les conceptions de A. KH. Khalikov sur l'existence en Bulgarie volgienne, dès le début du Xe s., de deux villes de Boulgar (dont l'une serait Briakhimov, et l'autre Véliki Gorod), et contre la datation de l'ancienne ville fortifiée de Biliar, c.à.d. de toute la ville dans et hors les murs, au début du Xe s.; contre l'interprétation erronée faite par A. KH. Khalikov de plusieurs renseignements fournis par la géographie arabe classique sur les questions des premières villes de la Bulgarie volgienne, de la topographie historique des régions centrales de la Bulgarie, de la répartition de divers groupes tribals, du nom de la ville constituée par l'oppidum de Biliar. On donne ici des exemples de fausses interprétations par A. Kh. Khalikov des sources et des opinions de ses prédécesseurs.

---

[45] *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 175. Необходимо отметить, что слово «великий» применено русскими летописями не только для Буляра, но и для ряда других городов Волжской Булгарии и позднее Казанского ханства. Это названные выше «Болгары Великие» XIV в., города и крепости XVI в. по р. Казанке и в целом на территории ханства. «Великие крепости у них поделаны и в лесу чашча великая»,— пишут летописи про сильно укрепленные татарские города-крепости в районе труднопроходимых болотистых лесов, сообщая о походе русских князей в сентябре 1552 г. в глубь Заказанья (ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, стр. 211, 507; т. XXIX, М., 1965, стр. 102, 197). Казанский летописец также сообщает, что при завоевании казанской земли войска Грозного взяли «в десять дний великих же и малых острогов 30» (ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стр. 126).

В. Л. ЕГОРОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАЗАНИ

О времени основания города Казани до сих пор не существует единого мнения, что объясняется неполнотой сведений письменных источников, а подчас и явной противоречивостью сообщаемых ими фактов. Отсутствие булгарских и казанских исторических сочинений, современных существованию этих государств, делает наиболее важными источниками по этому вопросу русские летописные материалы. К сожалению, сообщаемые в них факты касаются в основном русско-булгарских, а позднее русско-татарских политических взаимоотношений, давая минимальную информацию о внутренних событиях в этих государствах. В результате исследований временем возникновения Казани, по трем основным версиям, считают: 1) конец XII в.; 2) время правления золотоордынского хана Бату (1242—1255 гг.); 3) конец XIV в. [1] К этому следует добавить, что иногда основание современной Казани относят ко времени возникновения так называемой Иски-Казани. Последняя представляет собой в настоящее время остатки цитадели с двойным валом (Камаевское городище) и расположенного здесь же селища (Урматское), являющегося остатками собственно городских кварталов. Археологический памятник, получивший в устной народной традиции название «Иски-Казань», находится в 45 *км* от современной Казани, т. е. он является самостоятельным городом, дата основания которого не имеет никакого отношения ко времени возникновения Казани.

Выяснение вопроса о времени основания Казани требует рассмотрения всех трех имеющихся точек зрения.

Первая из них, относящая начало города к XII в., базируется в основном на сообщении, имеющемся в «Казанской истории» («История о Казанском царстве», «Казанский летописец») [2]. Источник этот относится к 60-м годам XVI в. и во многом несет в себе черты художественного произведения. Основание города Казани излагается в нем следующим образом: «Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов, оттуду же прииде царь, именем Саин Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685 и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме». Далее следует чисто художественный рассказ о несметном количестве обитавших на этом месте змей и их истреблении, после чего «царь возгради на месте том Казань... И бысть Казань столный град вместо Брягова» [3]. Приведенная здесь дата основания города (1177 г.) имеется не во всех списках Казанской истории; список, положенный в основу издания 1903 г., сообщает о 1172 г. [4], в других же списках вообще нет никакой даты [5].

[1] Библиографию вопроса см.: *Р. Г. Фахрутдинов.* Задачи археологического изучения Казанского ханства. СА, 1973, 4, стр. 113—122.

[2] ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903; Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954; Сказание о царстве Казанском. Вступительная статья, переложение и примечания Н. В. Водовозова. М., 1959.

[3] Казанская история, стр. 47, 48.

[4] ПСРЛ, т. XIX, стб. 10.

[5] Там же.

Последнее представляется наиболее близким к оригиналу рукописи этого произведения, так как во вступлении к нему автор откровенно признается, что «о первом зачале царьства Казанского в кое время, како зачася, и не обретох в летописцех руских, но мало в казанских видех. И много же речью пытах и от искуснейших людей руских: ин глаголаше тако, ин глаголаше инак, ни един же ведая истинны» [6]. В позднейших списках с оригинала скорее всего и нашло отражение мнение мыслящих «тако» или «инак» и вставивших в первоначальный текст конкретную дату. Дата эта находится в вопиющем противоречии с излагаемыми в источнике фактами, связанными с основанием Казани. О булгарском царе XII в. Саине не говорится ни в одном из более ранних источников. Впервые это прозвище зафиксировано в восточных источниках XIII—XIV вв. исключительно в применении к золотоордынскому хану Бату. Это почтительное прозвище (справедливый, добрый) носил только Бату [7]. И оно очень характерно именно для исконно монгольской традиции титулования, основная черта которой — точность и лаконизм. Волжские же булгары вместе с исламом восприняли традиции мусульманской титулатуры, отличавшейся пространностью и пышностью, примером чего может служить ряд булгарских эпитафий [8]. Нужно добавить также, что после исчезновения Золотой Орды многие из степных князьков XV—XVI вв. добавляли к своему имени приставку «Саин», пытаясь тем самым хоть в чем-то сравниться с хорошо известным в степях и уже ставшим легендарным ханом.

Более того, из дальнейшего текста источника становится совершенно ясно, что «царь, именем Саин Болгарский» вовсе не правитель Волжской Булгарии XII в., а золотоордынский хан: «И любяше царь (Саин.— *В. Е.*), и часто сам от столнаго своего града Сарая (!) приходяше и живяше в нем» (т. е. в Казани) [9].

Наконец, особый интерес при выяснении вопроса о «Саине Болгарском» представляет рассмотрение текста заключительной части предыдущей главы. Здесь приводится явно вымышленный рассказ о смерти Бату и о том, что ему наследовал хан «Саин Ординский». Далее сообщается о решении этого хана совершить карательную экспедицию на Русь. Однако русские князья улаживают конфликт мирным путем, и «Саин Ординский», не дойдя до русской границы, решает основать здесь город и ищет подходящее для него место. На этом глава заканчивается, и совершенно неожиданно в первой же фразе следующей главы вместо «Саина Ординского» появляется «Саин Болгарский»: «Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов, оттуду же прииде царь, именем Саин Болгарский» [10]. Фраза эта резко нарушает связность повествования и вступает в противоречие с предыдущим текстом. Неожиданное превращение вымышленного преемника Бату «Саина Ординского» в столь же легендарного «Саина Болгарского», а также никак не вытекающее из предыдущего контекста упоминание Брягова позволяют утверждать, что эта фраза является вставкой в первоначальный текст, причем сделанной довольно неуклюже. В связи с этим список, изданный в Казани [11], где полностью отсутствует фраза о «Саине Болгарском» и логическая связь рассказа о «Саине Ординском» не прерывается, представляется более близким к авторскому оригиналу. Нет в нем и конкретной даты основания Казани, что также более

---

[6] Казанская история, стр. 44.

[7] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884.

[8] *Г. В. Юсупов.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960.

[9] Казанская история, стр. 48.

[10] Там же, стр. 46, 47.

[11] Сказание о зачатии царства Казанского. Изд. Ф. Т. Васильева, Казань, 1902, разворот листа 10.

соответствует признанию автора о встреченных трудностях при установлении истины.

Слова разбираемого отрывка «и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки» совершенно не соответствуют исторической географии XII в. В это время р. Казанка никак не могла быть «самой украиной руской», так как граница русских земель XII в. проходила в нескольких сотнях километров севернее, в районе р. Оки. Позднее, в XIV в., она несколько передвинулась на юг и установилась по берегу р. Суры, но все же достаточно далеко от места возникновения Казани. Подобное искажение границ сделано автором явно преднамеренно в соответствии с политической ситуацией XVI в., создавшейся после разгрома Казанского ханства. Тенденция эта ярко проступает и в начале повествования, где сказано: «Руская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань, продолжающеся в долину с единого от Нова града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарьских (рубежов) и до Камы реки... все же то держава и область Киевская и Владимерская, по тех же ныне Московская» [12].

В заключение разбираемого отрывка сообщается: «...и бысть Казань столный град место Брягова». Эти слова также невозможно отнести к Казани XII в. Город Брягов отождествляется исследователями с Булгаром Великим [13], бывшим столицей Волжской Булгарии до XII в. и в XIII — XIV вв. В XII в. столица была перенесена из Булгара в Биляр [14]. Факты эти известны хорошо не только из сообщений русских летописей, но и подтверждаются археологическими раскопками. Таким образом, Казань не только в XII в., но и в XIII—XIV вв. не могла быть столицей Волжской Булгарии.

Небезынтересно в связи с разбираемым вопросом о возникновении Казани в XII в. рассмотреть и общую политическую ситуацию, в которой находилось булгарское государство этого времени. По сообщениям летописей, русские князья на всем протяжении этого столетия предпринимают против Булгарии ряд крупных походов, заканчивавшихся захватом и разгромом булгарских поселений и городов. Наиболее крупные из них относятся к 1120, 1172 и 1184 гг. [15] Одним из организаторов активной антибулгарской политики был Андрей Боголюбский, в связи с чем некоторые исследователи справедливо отмечают заинтересованность булгар в устранении этого князя и поддержку с их стороны заговора против него. В обширном летописном некрологе одной из основных заслуг Андрея Боголюбского называются неоднократные победы его над булгарскими полками [16]. Столь активная антибулгарская направленность русской политики в XII в. привела к тому, что основная территория Волжской Булгарии находилась в Закамье и расширение ее шло исключительно к югу. Это отмечается А. П. Смирновым и подтверждается археологическими исследованиями Предкамья Н. Ф. Калининым, пришедшим к выводу об освоении булгарами Предкамья в основном в XIII—XIV вв. [17] Правда, Р. Г. Фахрутдинов сообщает об обнаружении в последние годы пяти домонгольских селищ в бассейне р. Казанки [18]. Однако датировка их носит сугубо предварительный характер и основывается на подъемном материале, а не на раскопках.

---

[12] Казанская история, стр. 44.

[13] *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 118—124; *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 167.

[14] *Р. Г. Фахрутдинов.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1974, 2, стр. 131.

[15] ПСРЛ. т. II. СПб., 1908, стб. 286, 564, 565, 625.

[16] Там же, стб. 590.

[17] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 44—46; *Н. Ф. Калинин.* К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 г. Изв. КФАН СССР. Сер. гуманит. наук, № 2, Казань, 1957, стр. 202.

[18] *Р. Г. Фахрутдинов.* Задачи археологического изучения Казанского ханства, стр. 120.

Одним из характерных показателей ощутимости для булгар военных ударов с севера является перенос в XII в. столицы государства из Булгара в Биляр [19], находящийся в глубине булгарской земли и в стороне от Волги.

Скупые сведения источников позволяют судить и о напряженной междоусобной борьбе внутри самой Волжской Булгарии. Об этом свидетельствует привлечение одним из булгарских князей половцев в качестве пособников в борьбе против другого феодала [20]. Постоянная угроза нападений с севера и внутренние усобицы ни в коей мере не способствовали в XII в. освоению булгарами значительных территорий на правобережье Камы и особенно вдоль Волги. В этот период освоение предкамских земель могло осуществляться ими лишь в районах, значительно удаленных от Волги, побережье которой было очень неспокойным в военном отношении.

При рассмотрении данного вопроса представляют интерес и данные средневековой картографии. Одна из подробнейших карт этого района, составленная в середине XIV в. итальянскими купцами Пицигани, размещает булгарские города исключительно в Закамье и вдоль течения Камы [21]. К северу же от Камы, на берегу Волги, помещен лишь один город — Кострома. Отсутствует Казань и на карте Каталонского атласа 1375 г., и на карте Фра-Мауро начала XV в., базировавшейся в основном на сведениях двух предыдущих карт [22].

Из сказанного выше с определенностью вытекает, что основание Казани в XII в. не подтверждается ни источниками, ни анализом политической ситуации того времени. Об отнесении возникновения Казани ко времени правления золотоордынского хана Бату нет прямых сообщений в письменных источниках. Разве что за такое известие можно принять разбиравшийся выше отрывок из Казанской истории, естественно, не беря во внимание приведенную в нем дату 1177 г. Во время правления Бату действительно начинается постепенное оживление городской жизни, развитие которой было прервано монголо-татарским нашествием. Бату закладывает на Нижней Волге свою столицу Сарай. В степях, особенно у переправ через крупные реки, появляются небольшие поселки, населенные пригнанными сюда русскими и булгарами.

Однако начальный период правления Бату характеризуется не закладкой новых, а восстановлением старых городов в связи с неотложной необходимостью скорейшего создания оседлого административного центра государства. Этим центром Бату временно избрал г. Булгар, где началась чеканка первых золотоордынских монет. С этого времени происходит быстрое развитие города, что подтверждается письменными и археологическими источниками. Булгар XIII—XIV вв. являлся крупнейшим торгово-ремесленным центром, о чем свидетельствуют хотя бы два таких факта. В 1376 г. великий князь Дмитрий Иванович сажает своего даругу и таможенника не в каком-нибудь городе на Волге, а именно в Булгаре [23]. В 1382 г. Тохтамыш посылает отряд для захвата русских купцов и конфискации их товаров также именно в Булгар [24]. Иными словами, Булгар XIII—XIV вв. был признанным международным центром торговли на территории Волжской Булгарии; второго подобного ему центра в этом районе Волги не было.

---

[19] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 45, 46; *Р. Г. Фахрутдинов.* О столице домонгольской Булгарии.

[20] ПСРЛ, т. I. Л., 1926, стб. 389.

[21] *Ф. К. Брун.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Зап. Новороссийск. ун-та, т. 9, Одесса, 1873.

[22] Там же; *Ф. Ф. Чекалин.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро. Тр. Саратовск. уч. архивной комис., т. II, вып. 2, Саратов, 1890.

[23] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 116.

[24] Там же, стб. 123.

В обстоятельных летописных рассказах о походах ушкуйников 1360, 1366, 1374, 1375 гг. также постоянно фигурирует Булгар, Казань же не упомянута ни разу [25].

Не последнее место в ряду свидетельств о времени основания Казани принадлежит и археологическим материалам. К сожалению, проводившиеся здесь раскопки явно недостаточны для освещения этого вопроса. Стратиграфические разрезы раскопов не опубликованы, как не опубликованы и сами находки. Только на основании найденных во время этих работ нескольких обломков глиняных сосудов желто-красного цвета с густым полосчатым лощением невозможно точно датировать слой, в котором они залегали. Во-первых, керамика точно такого же типа была распространена и в XII—XIII, и в XIV в. Она очень часто встречается на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья XIII—XIV вв. Во-вторых, по разработанной для археологии Волжской Булгарии А. П. Смирновым методике, керамический материал может служить приемлемым аргументом для датировки культурного слоя лишь в массовом количестве (сотни и тысячи экземпляров). В-третьих, характерно отсутствие на исследованных участках лепной керамики, являющейся ярким показателем архаичности слоя [26]. Таким образом, отнесение возникновения Казани к XIII в. также более чем проблематично.

Что же касается существования Казани в XIV в., то это признается сторонниками всех трех точек зрения на время ее основания. Различие здесь состоит лишь в том, что сторонники возникновения Казани в XII или XIII в. считают город к этому времени уже вполне оформившимся и развитым, а сторонники основания города в XIV в. представляют его к этому времени в стадии начального развития. Отсутствие убедительных аргументов в пользу возникновения Казани в XII или XIII в. сводит суть вопроса к возможно более точной конкретизации времени основания города на протяжении XIV в. Его бесспорное существование в XIV в. подтверждается надежными летописными свидетельствами. Наиболее раннее из них содержится в Рогожской летописи под 1391 г. [27] при описании похода ушкуйников, разграбивших Жукотин (Джукетау) и Казань. Сообщение это повторяется в Симеоновской летописи и Московском своде 1479 г. [28] Второй раз Казань фигурирует в Новгородской IV летописи под 1395 г. [29] при описании большого похода русских войск, сопровождавшегося разгромом Булгара, Жукотина, Казани, Керменчука. Таким образом, в последнее десятилетие XIV в. Казань уже представляется крепостью или городом, значение которого не могли недооценить русские войска.

Отсутствие каких-либо других сведений о Казани, позволяющих конкретизировать время ее возникновения, побуждает обратиться к рассмотрению общей ситуации, сложившейся в этом районе во второй половине XIV в.

Внутренний кризис, который переживала Золотая Орда с 1360 по 1380 г., отразился и на ее составной части — Волжской Булгарии. Отдельные крупные золотоордынские феодалы, не желавшие подчиняться Мамаю, но и не имевшие достаточных сил для борьбы с ним, предпочитали покинуть степные районы государства и уйти на его окраины. Владетель Бельджамена (русск. Бездеж) Тагай «Наручадь ту страну отнял себе, ту живяше и пребываше» [30]. Наручадь — это золотоордынский город Мохши у современного Наровчата Пензенской области. Некий Секиз-бей обосно-

---

[25] Там же, стб. 69, 81, 106, 114.

[26] *Т. А. Хлебникова.* Гончарное производство волжских булгар X —начала XIII в. МИА, 111, 1962.

[27] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 160, 161.

[28] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 141; т. XXV. М.— Л.. 1949, стр. 219.

[29] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 380.

[30] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 70.

вался в районе южнее р. Пьяны, «обрывся рвом, ту седе» [31]. Булак-Тимур захватил Булгар и «отнял бо Волжьскы путь» [32]. Важные в экономическом и военном отношениях Булгар и сама Волга становятся предметом ожесточенной борьбы между Мамаем, сидевшими в Сарае ал-Джедид ханэми и отдельными феодалами, пытавшимися независимо править в Булгаре. В результате Волжская Булгария периода «великой замятни» становится одной из обособившихся от Золотой Орды территорий, что подтверждается анализом нумизматических данных [33]. Центром ее все это время продолжает оставаться г. Булгар [34].

Особый интерес для нашей темы представляют события, описанные в русских летописях под 1370 и 1376 гг. К 1370 г. власть в Булгаре захватывает местный князь Хасан или, как его называют летописцы, Осан. Сидящий в Сарае ал-Джедид хан решает вернуть себе эту область, посадив туда своего ставленника при помощи русских князей. Для этого к Дмитрию Константиновичу Суздальскому направляется посол хана. В результате суздальский князь, «собрав воя многы, посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василиа, а с ними посол царев именем Ачихожа, и посла я на Блъгарьского князя Осана. Осан же посла противу их с челобитием и с многыми дары, они же дары вземше, а на княжении посадиша Салтан Бакова сына и възратишася на Русь» [35].

В 1376 г. войска в район Волжской Булгарии направляет уже по своей инициативе великий князь Дмитрий Иванович: «Тое же зимы князь великий Дмитрий Иванович посла князя Дмитрия Михаиловича Волыньскаго ратию на безбожныя Блъгары, а князь Дмитрии Костянтинович Суждальскыи посла сына своего князя Василиа и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы. И приидоша к Блъгаром в великое говение месяца марта 16 день в понедельник на вербной недели, погании же Бесерменове изыдоша из града противу их и сташа на бои и начаша стреляти, а инии из града гром пущаху, страшаще нашу рать, а друзии самострельныя стрелы пущаху, а инии выехаша на вельблудех, кони наши полошающе, наши же никако не устрашаються грозы их, но крепко противу сташа на бои и устремишаяся нань единодушно и скочиша на них, они же окааннии побегоша в град свои, а наши после биючи и убиша их числом Бесермен 70. И высла из города князь Болгарскыи Осан и Махмат Солтан и добиста челом князю великому и другому 2000 рублев, а воеводам и ратем 3000 рублев. Наши же в возвратишася, всю свою волю вземше, а даригу и таможника посадиша, а ссуды и села и зимницы пожгоша, а люди посекоша и отъидоша с победою» [36].

На наш взгляд, эти два сообщения являются ключевыми в решении вопроса о времени возникновения Казани. В результате похода 1370 г. Мухаммед Султан сделался владетелем булгарской земли. Что же касается князя Хасана, то он сохранил себе жизнь, предложив «многие дары» и отказавшись от сопротивления. Мухаммед Султан, как ставленник сидевшего в Сарае ал-Джедид хана, понимая свою чуждость булгарской среде, предпочел не конфликтовать с местным князем Хасаном, а сделать его своим союзником-вассалом. Предположение о том, что оба князя остались в одном городе, т. е. Булгаре, крайне маловероятно. Скорее всего Мухаммед Султан выделил Хасану на определенных условиях феодального подчинения какой-то суюргал. Вряд ли он находился в исконно булгарских районах левобережья Камы, так как эти земли считались принадлежа-

---

[31] Там же, стб. 71.
[32] Там же, стб. 70.
[33] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Клады джучидских монет. Нумизматика и эпиграфика, т. I. М., 1960, стр. 117.
[34] *С. А. Янина.* Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопо́к и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.). МИА, 111, стр. 155.
[35] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 92.
[36] Там же, стб. 116, 117.

щими правителю Булгара или в определенной части составляли владения подчиненных ему феодалов. Территории, расположенные к югу от этих земель, были вовлечены в орбиту борьбы Мамая с ханами Сарая ал-Джедид и являлись в это время очень неспокойным районом. Восточные области Волжской Булгарии составляли уделы сильных жукотинских феодалов, ссора с которыми явно не могла способствовать упрочению положения Мухаммед Султана. Наиболее вероятно, что Хасан мог получить удел севернее правого притока Камы — р. Меши. Отдавая Хасану эти земли, малозаселенные (особенно вдоль Волги) по причине частых военных конфликтов с Русью, Мухаммед Султан, во-первых, сохранял хорошие отношения с крупными булгарскими феодалами, так как это не ущемляло их интересов, в основном ограничивавшихся Закамьем. Во-вторых, владельцем этого района, имевшего важное значение форпоста при возможных столкновениях с русскими князьями, становился их явный противник.

Для устройства своей резиденции и административного центра владений Хасан выбрал место недалеко от устья нынешней р. Казанки, в 120 *км* севернее Булгара. Основание города именно здесь имело два неоспоримых для того времени преимущества. Во-первых, город получал по р. Казанке выход к Волге и фактически находился на ней. Во-вторых, он был незаметен с Волги, так как отстоял от нее на расстоянии нескольких километров. Второго места, столь же удобного и отвечавшего таким требованиям, в этом районе волжского левобережья нет.

Благодаря расположению своих владений ближе всего к русской границе Хасан в 1376 г. первым узнает о приближении русской рати и вовремя предупреждает об опасности Мухаммед Султана. Именно это объясняет появление Хасана в Булгаре, а также хорошо и явно заблаговременно организованную оборону города («Бесерменове изыдоша из града противу их и сташа на бои и начаша стреляти, а инии из града гром пущаху, страшаще нашу рать, а друзии самострельныя стрелы пущаху, а инии выехаша на вельблудех, кони наши полошающе»). Вполне возможно также предположить, что как раз Хасан и явился виновником этого похода русских, проведенного явно в качестве ответной акции за какое-то неизвестное нам нападение на русские земли или избиение русских гостей на Волге.

За 20 лет (1370—1390 гг.) административный центр владений Хасана настолько вырос и приобрел известность, что в 1391 г. русский летописец упоминает его наряду с хорошо известным Жукотином. К этому же времени Булгар, неоднократно становившийся во второй половине XIV в. ареной ожесточенной борьбы, окончательно утрачивает свое значение [37].

Новый город, основанный булгарским князем Хасаном в 1370 г., получил имя своего основателя. Такой обычай, видимо, был широко распространен у волжских булгар. Специально занимавшийся этим вопросом Г. В. Юсупов отмечает очень большое количество населенных пунктов, названия которых образованы от личных имен, встречающихся в булгарских эпитафиях XIV в. [38] Несколько позднее, в процессе формирования татарского языка, произошла трансформация названия г. Хасан в привычное теперь Казань. Подобные звуковые переходы хорошо обоснованы исследованиями Г. В. Юсупова, выявившего четкую закономерность перехода булгарского «х» в более позднее татарское «к» [39] и булгарского «с» в более позднее татарское «з» [40]. Смягчение же конечного «н» в слове «Казань» скорее всего можно отнести за счет русского влияния.

[37] *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Булгара и его историческая топография. МИА, 42, 1954, стр. 322.

[38] *Г. В. Юсупов.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, стр. 218.

[39] *Г. В. Юсупов.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л., 1960, стр. 81, 82.

[40] Там же, стр. 83.

В заключение можно упомянуть чрезвычайно интересное каменное надгробие, найденное близ Казани и датированное Г. В. Юсуповым предположительно концом XIII в.[41] Текст его в значительной степени испорчен, дата стерта, однако сохранившиеся обрывки позволяют прочесть, что «это место погребения великого и знатного повелителя, помощника повелителей, эмира чтимого... победоносного... гордости рода... и веры, тени господа миров Хасан-бек сын Мир-махмуда». В этой эпитафии кроме имени обращают на себя внимание слова «помощник повелителей», так как Хасан действительно был вассалом Мухаммед Султана. Разработанность и пышность титулатуры эпитафии, а также употребление титула «эмир» характерны именно для второй половины XIV в., когда официальное делопроизводство и титулование в обязательном порядке исходило из арабо-персидских традиций. В пользу этой даты надгробия свидетельствуют также некоторые технические особенности его исполнения. Например, четкие прямоугольники строк, отделенные друг от друга чистыми полосами. Подобная компоновка надписей зарождается лишь в XIV в. и достигает своего расцвета в XV—XVI вв., когда чистые заглубленные полосы между строками превращаются в рельефные перекладины, отделяющие каждую строку от последующей[42].

V. L. Egorov

SUR L'EPOQUE DE LA FONDATION DE KAZAN

Résumé

Dans cet article on examine trois points de vue sur l'époque de la fondation de la ville de Kazan: le XIIe siècle, le XIIIe siècle ou le XIVe siècle. L'analyse des sources écrites et archéologiques montre qu'il n'existe pas de preuves convaincantes en faveur de cette fondation au XIIe s. ou au XIIIe s. L'auteur de l'article propose de considérer que la ville de Kazan a été fondée en 1370. Ceci découle de l'examen de témoignages indirects fournis par les chroniques russes.

[41] Там же, табл. 2.
[42] См. там же, например, надгробия № 53—57.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. КИСЕЛЕВА

Исполнилось 70 лет со дня рождения крупнейшего советского археолога и историка древнего мира, выдающегося организатора археологической науки, лауреата Государственной премии, члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук Сергея Владимировича Киселева. Его имя прочно вошло в историю отечественной науки как имя одного из лучших представителей советской археологической школы. Свыше 120 научных работ отражают широту кругозора, многогранность интересов и эрудицию автора. Исследования С. В. Киселева получили широкую известность и признание не только у отечественных, но и зарубежных ученых.

С. В. Киселев родился 17 июля 1905 г. в Мытищах в семье техника вагоностроительного завода.

По окончании средней школы в 1923 г. С. В. Киселев поступает в Московский государственный университет на историко-археологическое отделение. Научным руководителем его становится выдающийся ученый, воспитавший несколько поколений русских археологов, В. А. Городцов. В 1923 г. В. А. Городцов совершил по заданию Главнауки поездку по Сибири с целью обследования музеев. На него большое впечатление произвело богатство Южной Сибири археологическими памятниками, поразили огромные коллекции древностей, лежащие мертвым грузом на чердаке Минусинского музея. В то время были сделаны только первые шаги в отношении разработки хронологической периодизации памятников Южной Сибири (работы С. А. Теплоухова). В. А. Городцов ориентировал своего ученика С. В. Киселева на изучение этого далекого и малоисследованного края.

Еще совсем молодой, но уже необычайно целеустремленный и глубоко эрудированный ученый, С. В. Киселев с энергией и страстностью, свойственными его натуре, принялся за освоение материалов из Южной Сибири. Изучению далекого прошлого этого края он посвятил всю свою жизнь. В 1928 г., будучи аспирантом Научно-исследовательского института археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, С. В. Киселев произвел первые раскопки на Среднем Енисее, положившие начало планомерным многолетним полевым исследованиям.

Его первый полевой сезон 1928 г. без преувеличения можно назвать научным подвигом. При наличии скромных средств, часть из которых была сэкономлена от аспирантской стипендии, он произвел значительные по масштабам раскопки и проделал большой разведочный маршрут. Раскопки, с целью накопления контрольного материала, необходимого для систематизации и классификации уже имеющихся коллекций, были произведены около с. Кривинского, на Тагарском острове, в заимке Усть-Тесь, у с. Тесь на р. Тубе и у с. Кочергино.

Разведкой было зарегистрировано 17 курганов афанасьевской культуры, около 500 карасукской, 945 тагарских курганов, таштыкские и кыргызские погребальные сооружения и другие памятники. Результаты работ 1928 г. были полностью опубликованы. Коллекцию находок С. В. Киселев

передал в Минусинский музей. Эта новая группа источников явилась основой классификации археологических культур, в частности тагарской.

В 1929 г. по предложению и на средства Минусинского музея С. В. Киселев продолжил разведки и раскопки афанасьевских, карасукских, тагарских и таштыкских погребений на правом берегу Енисея, у сел Сыда, Усть-Сыда и Быстрая, тогда же им было сделано более 80 эстампажей писаниц. Анализу техники нанесения этих наскальных рисунков посвящена специальная статья, в которой С. В. Киселев подчеркнул значение наскальных изображений как иллюстративных памятников, существенно пополняющих наши сведения по быту различных групп древнего населения Южной Сибири.

Конец 20-х годов знаменуется пересмотром методологии старой науки, борьбой с влиянием буржуазной идеологии в археологии. В спорах, острых дискуссиях, преодолевая временные ошибки, молодое поколение археологов вырабатывало новую методику, создавало теоретическую базу советской археологической науки. В первых рядах создателей новой методики был С. В. Киселев. Для его работ с самого начала было характерно стремление к историзму, к широким обобщениям. Примером такого труда является его работа «Поселение», в которой развитие форм поселения от каменного века до средневековья он прослеживает в связи с общими закономерностями развития человеческого общества.

В 1930 г. С. В. Киселев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Минусинский неометалл». Работу в Государственном историческом музее он успешно совмещает с работой в Московском отделении ГАИМК.

Накопление и осмысление новых археологических материалов с территории Сибири позволили советским археологам перейти к разработке сложных социально-экономических вопросов истории сибирских племен.

Примером блестящего историко-археологического исследования является опубликованный в 1933 г. очерк С. В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее». Эта смелая, новаторская работа, в которой исторически обобщен огромный фактический материал, несмотря на некоторые ошибки социологического характера, сыграла большую положительную роль в развитии науки.

С 1930 г. в течение многих лет С. В. Киселев возглавлял работу Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ. Ежегодно экспедицией проводились планомерные археологические работы на Енисее и на Алтае, где были открыты и изучены памятники разных эпох от ранней бронзы до средневековья, многие из которых получили мировую известность.

Наряду с полевыми исследованиями, необычайно обогатившими источниковедческую базу, С. В. Киселев большое внимание уделял изучению музейных коллекций из раскопок своих предшественников и из случайных находок, заставляя говорить языком истории всю массу сибирских древностей.

В мае 1946 г. С. В. Киселев блестяще защитил докторскую диссертацию. В 1949 г. монография «Древняя история Южной Сибири» вышла в свет, выдержав второе издание в 1951 г., а ее автор был удостоен Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова. Эта работа явилась наиболее полным сводным трудом, обобщившим все предшествующие археологические исследования и охватывающим огромный хронологический период — около трех тысячелетий — от неолита до создания и расцвета средневековых государств вплоть до монгольского нашествия в XIII в. С. В. Киселев выделил основные этапы исторического пути, пройденного древним населением Южной Сибири, и показал своеобразие развития каждого из них. Значительное внимание в книге уделено местным особенностям хозяйства, быта и культуры древнего населения Южной Сибири. В то же время было показано, что культурное развитие происходило не изолированно от соседних цивилизаций, а в тесной связи с ними.

С. В. Киселев во многом пересмотрел господствовавшие представления и сделал ряд ценных выводов о путях развития и разложения родового строя и о возникновении феодальных отношений. Разрешив основные проблемы происхождения древнего населения и современных народов, прежде всего хакасов, С. В. Киселев воссоздал неписаную историю Южной Сибири. Рецензируя монографию С. В. Киселева, А. В. Арциховский писал, что «в изучении Южной Сибири книга С. В. Киселева открывает новую эру. Эпоха подготовительных работ (продолжавшаяся более ста лет) закончена, впервые написана древняя история этой страны; создать ее удалось только потому, что автор руководствовался методологией марксизма-ленинизма. Все будущие исследования Южной Сибири будут в течение многих десятилетий опираться на эту книгу».

Исследуя историю народов Южной Сибири на широком историческом фоне, С. В. Киселев все ближе подходил к разработке проблем древней и средневековой истории Центральной Азии. В 1946—1947 гг. он работал в Туве, в 1947—1949 гг. проводил раскопки на территории МНР, совершил две большие научные командировки в Китайскую Народную Республику.

В результате работ в Монголии комплексной археолого-этнографической экспедиции были зафиксированы сотни археологических памятников, открыта многослойная палеолитическая стоянка Мольтын ам (на берегу р. Орхона), изучены средневековые городища и города.

Двухлетние раскопки 1948—1949 гг. города Каракорума позволили окончательно решить вопрос о местонахождении этого города, выявить его план, детально охарактеризовать отдельные кварталы, что дало возможность ученым воссоздать социально-экономическое лицо монгольской столицы XIII в.

Наибольшую важность для решения давней дискуссии о дате основания города имели раскопки дворца Угэдея. Дата постройки этого дворца была известна по летописи, а в подстилающих дворец слоях С. В. Киселев обнаружил остатки буддийской кумирни с фресками, относящимися по стилю к XII — началу XIII в. По мнению С. В. Киселева, этот храм с фресками был современником Чингисхана.

Материалы раскопок подтвердили и прекрасно иллюстрировали описанные В. Рубруком три части города — административную с дворцом Угэдея в центре, ремесленные кварталы и торговую. В связи с широкими раскопками монгольского средневекового города С. В. Киселев смог впервые поставить на повестку дня вопрос глубокого теоретического значения о городах Центральной Азии в зоне преобладания кочевого феодального хозяйства. Во второй половине 50-х годов ту же тему анализа монгольского средневекового города как архитектурного ансамбля и как социально-экономического феномена С. В. Киселев продолжил при раскопках забайкальского «кондуйского городка».

Работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции были продолжены в 1954—1956 гг. В эти годы С. В. Киселев производил раскопки крупнейшего на Среднем Енисее Большого Салбыкского кургана. Небывалые по масштабам работы с применением землеройной техники проводились на очень высоком методическом уровне, сочетались с скрупулезной и тщательной фиксацией.

Раскопки Большого Салбыкского кургана, заключавшего семейный склеп вождя племени или союза племен, заставили пересмотреть ранее сложившееся представление об уровне развития тагарского общества.

В последние годы жизни С. В. Киселев начал работу над огромным по охвату археологического материала обобщающим трудом «Энеолит и бронзовый век Старого Света», в котором он задумал создать историческое обобщение по важнейшим периодам в истории человечества. Но окончить этот капитальный труд Сергей Владимирович не успел.

Широко известна преподавательская деятельность С. В. Киселева. С 1939 г. он состоял профессором кафедры археологии исторического фа-

культета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

С. В. Киселев был выдающимся организатором науки. С 1945 по 1951 г. он был заместителем директора Института истории материальной культуры, с 1951 г. и по день смерти заведовал сектором неолита и бронзы этого института. С 1950 по 1954 г. занимал должность ученого секретаря Президиума Академии наук СССР. В течение почти 10 лет он состоял членом бюро Отделения исторических наук СССР. С 1949 г. С. В. Киселев был главным редактором «Вестника древней истории».

В 1953 г. С. В. Киселев был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Научная и общественная деятельность С. В. Киселева получила высокую оценку, он был награжден правительством двумя орденами — орденом Ленина и «Знак Почета».

Многочисленные ученики и последователи Сергея Владимировича продолжают разрабатывать проблемы, впервые поднятые в его трудах, подтверждая на новых материалах его блестящий дар научного предвидения.

Публикации

А. П. САВЧУК

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

С 1949 г. автор ведет разведки на дюнных стоянках в районе Киева. Как и подавляющее большинство дюнных стоянок, обнаруженные памятники дают смешанный разновременный материал. Разбить кремневые орудия на хронологические группы нелегко. Легче всего выделяются изделия трипольской культуры, так как они хорошо изучены на многочисленных в Среднем Поднепровье поселениях и могильниках (софиевский тип) этой культуры. Сложнее обстоит дело с кремневыми орудиями, сопровождающими местную неолитическую, так называемую днепро-донецкую, керамику. Выделению их может помочь и метод горизонтальной стратиграфии, разработанный польскими археологами при исследовании мезолитических поселений.

Большое затруднение вызывает специфическая особенность наших памятников — дефицитность сырья, из-за чего широко использовался местный, валунный, плохого качества кремень. Техника выглядит «галечниковой». Почти неизвестны нуклеусы. Заготовки определяются по орудиям. В результате значительно ограничиваются возможности типолого-статистического метода, особенно при сравнении наиболее интересующих автора мезолитических изделий с местными палеолитическими памятниками, так как индексы оказываются несопоставимыми. Качественное отличие нашего мезолита в сравнении с местными палеолитом и неолитом выражается в наличии новых типов орудий, в частности примитивных наконечников для стрел, топоровидных орудий.

Среди пойменных местонахождений наиболее древними мы считаем такие, которые по своему кремню наиболее близки к позднему палеолиту. На наших материалах это можно видеть главные образом по отсутствию или незначительному присутствию геометрических форм. Весьма ярким примером такого рода является местонахождение около с. Таценки Обуховского р-на в долине р. Стугны, небольшого правого притока Днепра. Это небольшое островного характера песчаное возвышение посреди торфяника, занятое в значительной мере земляным карьером. Рядом авторов здесь к настоящему времени собрано до 4000 кремней [1]. Обращает на себя внимание редкое среди песчаных местонахождений соотношение геометрических и негеометрических микролитов: на 32 микропластинки с притупленным краем (кудлаевский тип) — лишь две трапеции. Никакие другие категории орудий, кроме скребков на отщепах и нуклевидных кусков со следами обработки, не составляют сколько-нибудь выразительных серий (рис. 1). Тем не менее это местонахождение широко известно и даже пс-

[1] *В. Н. Гладилин и В. Н. Станко.* Дополнительные данные о мезолитическом местонахождении Таценки. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.». Киев, 1971.

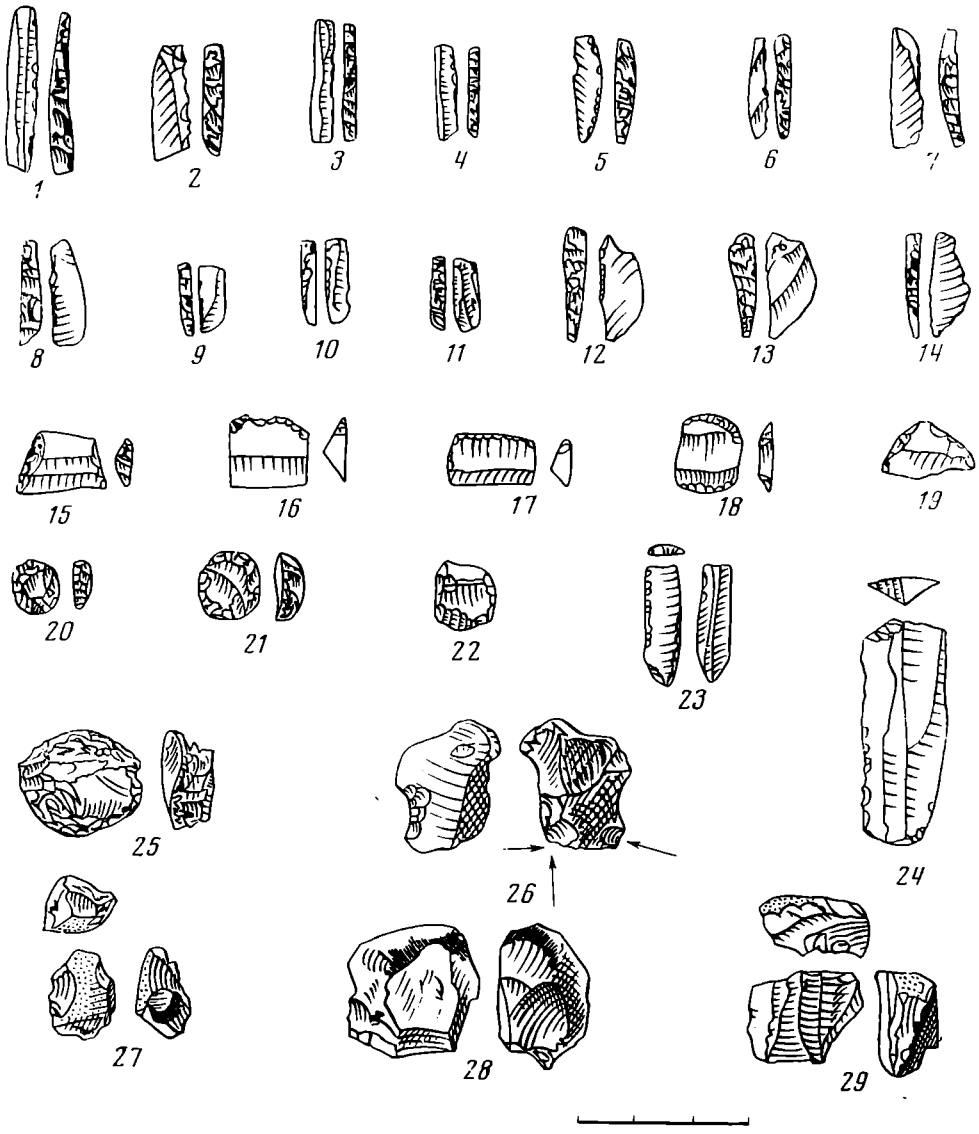


Рис. 1. Типичные находки кремневых изделий со стоянки Таценки. *1—14* — микропластинки с притупленной спинкой; *15—22, 24* — орудия на сечениях крупных пластин, *23* — микропластинка-вкладыш с круговой ретушью, *25—28* — орудия на нуклевидных кусках, *29* — микронуклеус

пользуется для синтетических построений [2]. Такой же комплекс микролитов известен под с. Селищем Барышевского р-на на р. Трубеже. Здесь в одном месте найдены миниатюрный нуклеус и до 10 микропластинок кудлаевского типа одинаковой с нуклеусом породы, очевидно остатки мастерской. Микролиты на сечениях более крупных пластин имеют лишь приближенно геометрические очертания. Наиболее выразителен треугольник на отщепе, здесь очень явственно проступает комплекс типа Таценков. Возле соседнего с. Пасечная на берегу Трубежа среди такого же небольшого количества кремня найден фрагмент костяного наконечника с пазом для вставки микропластинки с притупленной спинкой. Особый интерес вызывает находка, сделанная весной 1974 г. в долине Трубежа, возле с. Коржи Барышевского р-на, в урочище «Кут»; здесь найдена стоянка,

[2] *Stefan K. Kozlowski.* Zespoly typu Kudlajewka. Swiatowit, t. XXXIII, Warszawa, 1972.

слабо разрушенная выветриванием. Проведена зачистка на площади до 200 $м^2$ в месте скопления именно архаичного кремня. Удалось собрать свыше 1500 кремней. Среди них около 50 пластинок с притупленной спинкой, считая обломки. Целых изделий семь. Это прямоугольные вкладыши, находящие себе анологию в комплексе ближайшей позднепалеолитической стоянки Межиричи на Роси [3]. Найдены две трапеции. Типичны также мелкие скребки и нуклевидные орудия. Очевидно, в один ряд с вышеохарактеризованными комплексами можно поставить Белосороку в Белоруссии на Нижней Припяти, давшую только микропластинки, которую исследовавший этот памятник В. Ф. Исаенко относит к самому раннему мезолиту [4]. Следовательно, можно относить всю группу памятников к наиболее ранним в пойме, хотя их изучение еще только начинается.

К развитому мезолиту можно отнести большую часть местонахождений микролитического кремня. Наиболее ярким примером может служить урочище «Загай» около бывшего с. Козинцы Переяслав-Хмельницкого р-на в устье Трубежа (местность в настоящее время занята «Каневским морем»).

Территория урочища представляет собой возвышенный участок речного луга (высокая пойма, по геологической терминологии) площадью до 20 *га*, со всех сторон окруженный озерами и болотами — остатками древних русел, преимущественно Днепра. В 1957 г. поверхность урочища была распахана и всюду появилось огромное количество археологических находок. Вначале замечался кремень крупный, трипольский, многочисленные наконечники стрел времени бронзы. Однако по мере раздувания ветром пахотного слоя и скопления на дне молодых выдувов всего содержимого культурного слоя стал подыматься и более мелкий кремень. Такие сборы продолжались много лет, вплоть до последнего времени, постоянно чередуясь с зачистками, даже с просеиванием песка через решета, с повторными сборами на местах зачисток.

Всего на территории интересующего нас урочища обнаружено четыре пункта с мезолитическим кремнем, давшие в общей сложности до 3000 находок. Все эти пункты составляют обособленные скопления кремня, а не просто результаты сбора на определенной площади. Первый пункт — Козинцы I, он дал наиболее архаичный кремень. Как и все остальные, этот пункт расположен на краю массива. Находки сосредоточивались на площади в несколько квадратных метров. Скопление стало заметно, когда выдувание коснулось подпочвенного слоя. Мощные ортштейны свидетельствовали о нарушении земли в этом месте в древности и, очевидно, указывают на жилище, в пределах которого обрабатывался кремень.

После окончания всех работ была предпринята сплошная зачистка, убедившая, что скопление кремня исчерпано полностью. Оно представляло собой круглую в плане линзу диаметром 3 *м* при глубине от поверхности 0,5 *м*. Об одновременности скопления этих находок свидетельствовала одинаковая порода кремня большинства из них, соответствующая в общем валунной, но отличающаяся наиболее высоким качеством и имеющая желтый цвет. Всего кремней около 700, изделий и полуфабрикатов — 240. К полуфабрикатам мы относим главным образом нуклевидные куски, редкие нестандартные нуклеусы, обломки пластинок. Все они очень мелкие по размерам. О характере пластины приходится судить по орудиям. В конечном счете она представляется очень грубой. На такой пластине, а также близких ей отщепах изготовлено до 30 довольно выразительных резцов. Это самая большая серия среди всех известных в пойме Среднего Днепра комплексов. Среди резцов отмечаются боковые, срединные, на углу сломанной пластинки и такие, у которых резцовые выступы оформлены только

---

[3] *М. Г. Гладких.* Крем'яний інвентар пізньоналеолітичного поселення Межиріч. «Археологія», 1971, 3, стор. 59, рис. 1, *1—6*.

[4] *В. Ф. Исаенко.* Неолит Припятского Полесья. Автореф. канд. дис. Минск, 1973.

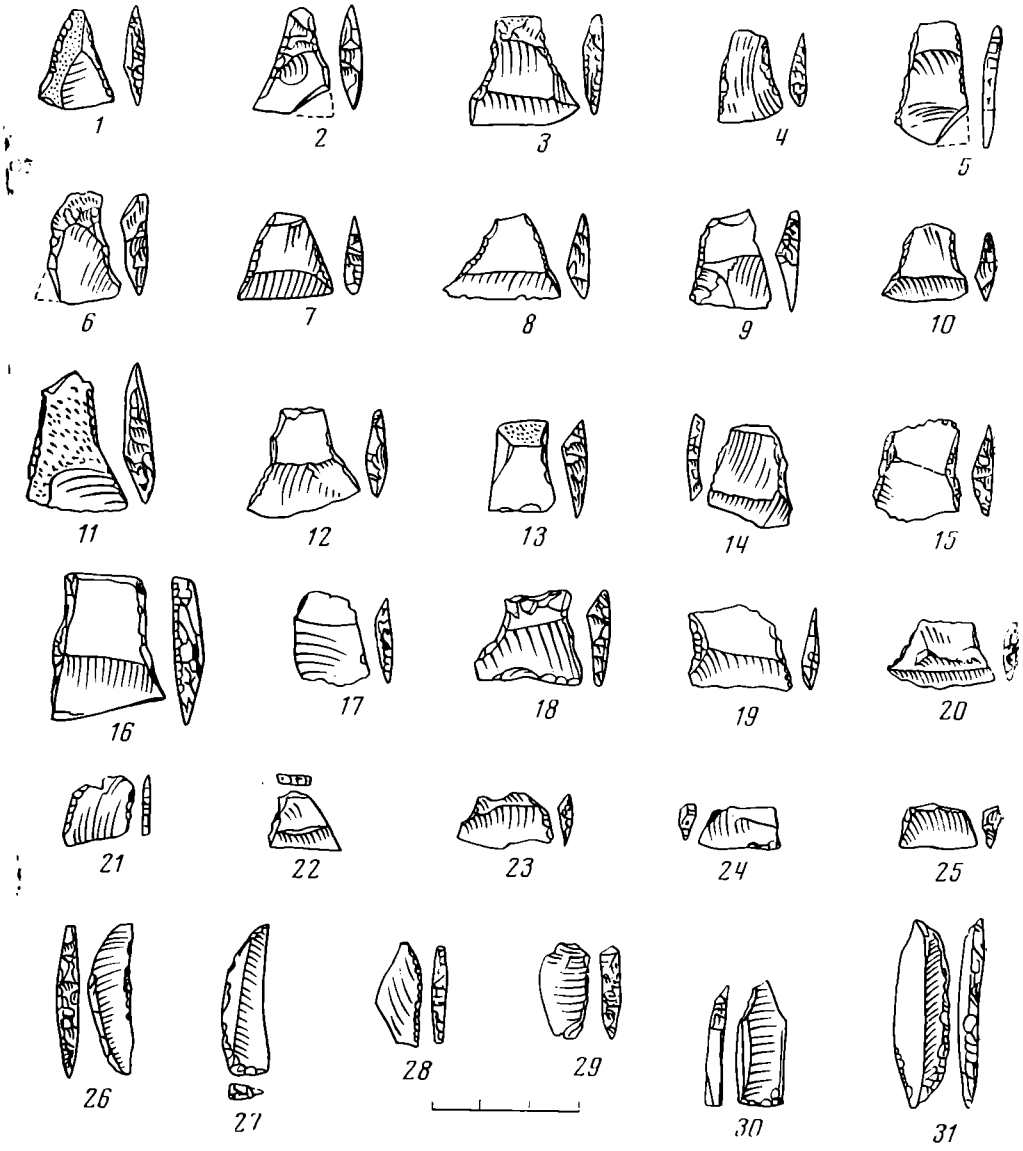


Рис. 2. Микролиты геометрических очертаний со стоянки Козинцы 1

1—25 — трапециевидные на сечениях пластин и отщепах, *26—31* — пластинки с притупленной спинкой

ретушью (на отщепах). В общем вся серия свидетельствует о вырождении этой палеолитической формы орудий. Очень интересны миниатюрные, как правило геометрических очертаний, пластинки с притупленной спинкой. Среди них два сегмента, один полусегмент-полутреугольник. Всего таких пластинок девять. Очень близки к ним две большие пластинки с притупленным краем. Эти наконечники или ножи напоминают наконечники типа гравет. Особенно типична для данного комплекса большая серия геометрических, хотя и не строго выдержанных, орудий на сечениях пластин и даже на отщепах, преимущественно формы трапеции. Трапеции преобладают удлиненные, высокие, характерные для лесной зоны, хотя часто такую удлиненность можно объяснить формой заготовки, отщепа. Всего трапеций насчитывается до 30. Эта серия орудий почти незаметно сливается с гораздо бо́льшими по количеству различными микролитами негеометрической формы (рис. 2). Все скребки сделаны на отщепах (50 экз.), однако

эта серия орудий также выделяется нечетко. К ней близко стоят некоторые нуклевидные куски, носящие следы обработки. Такие орудия по функции уже приближаются к топору, хотя служат не для рубки, а для грубого резания. Два орудия имеют удлиненную форму, рабочий край тянется по всему периметру. К тому же комплексу принадлежит микролит, напоминающий вырождающуюся форму наконечника для стрелы свидерского типа. Такие наконечники распространены в других комплексах и свойственны развитому мезолиту.

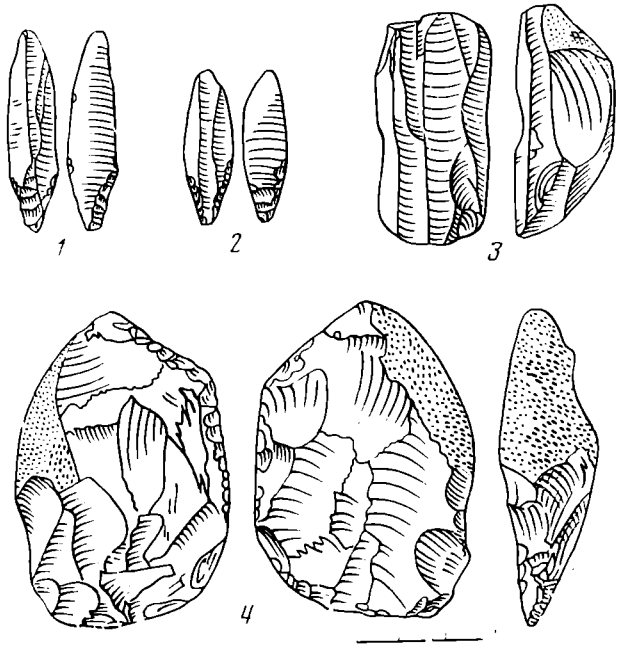


Рис. 3. Основные находки мезолитических кремневых изделий из котлована Каневской ГЭС

1, 2 — наконечники стрел, *3* — нуклеус, *4* — режущее орудие

Близко связан с охарактеризованным выше комплексом интересный «клад» грубых рубящих орудий, найденный на расстоянии около 60 *м* от пункта первого. Всего обнаружено восемь больших таких орудий, сложенных очень плотной кучкой, вероятно находившихся в небольшой ямке глубиной 60 *см*. Наиболее интересны два орудия с продольным рубящим краем, подправленным обивкой, и другим краем, предназначенным для захвата рукой, значительно более толстым. Тип этих в высшей степени примитивных орудий говорит как бы о полном незнакомстве с принципом действия клиновидного топора, в котором вся нагрузка приходится на поперечную часть[5]. Остальные орудия не имели рубящих краев, но следы употребления заметны. Порода кремня сравнительно качественная, близкая к первому скоплению, импортная. Данные орудия вместе с более мелкими нуклевидными можно рассматривать как местный прототип топора, они соответствуют также чопперообразным орудиям мезолитического времени на соседних территориях: Донетчина, Поднестровье.

Третье по счету скопление кремня, отстоящее от первого на 200 *м*, дало наиболее многочисленный материал, до 2000 предметов. Серия трапеций достигает 65 экз. Они другого типа, широкие. Изготовление трапеций на сечениях более крупных и правильных пластин с помощью подстругивания может рассматриваться как поздний признак. В целом же этот комплекс мало чем отличается от первого.

Среди других местонахождений развитого мезолита особого внимания заслуживают находки на месте строительства Каневской ГЭС, сосредоточенные в музее Каневского заповедника. Местными любителями было собрано здесь около 100 кремней. В их числе два свидероидных наконечника для стрел, шесть нуклеусов с преобладанием призматической формы, рубяще-режущие орудия (рис. 3), среди последних типичный (для Волыни) топорик с перехватом. Отсутствие в этом комплексе, так же как и в других, собранных в окрестностях Киева, пластинки с притупленной

[5] *А. П. Савчук.* Знахідки крем'яних знарядь на Переяславщині. «Археологічни дослідження на Україні в 1969 г.», Київ, 1972.

спинкой подтверждает наше наблюдение над группированием наконечников стрел и мелких пластинок вкладышей. К тому же культурному типу мы относим также известные по литературе местонахождения в южной части бассейна Среднего Днепра: Ахтырку по Ворскле и Б. Андрусовку на Тясмине. Всего местонахождений развитого мезолита в исследуемом районе около 10 (рис. 4) [6].

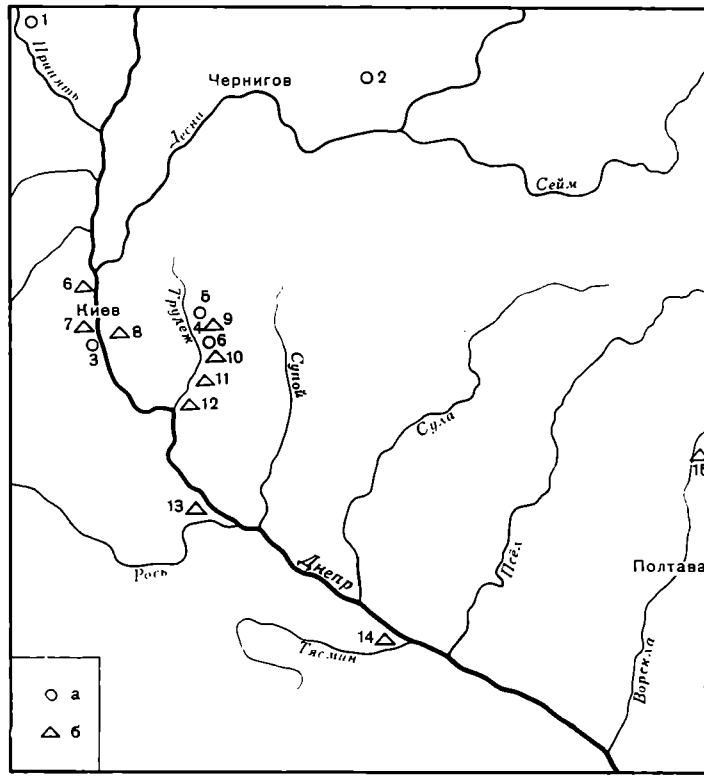


Рис. 4. Схематическая карта основных мезолитических памятников Среднего Поднепровья

а — местонахождение с преобладанием микропластинок кудлаевского типа, *б* — с преобладанием геометрических микролитов. Памятник: *1* — Белосорока, *2* — Кудлаевка, *3* — Таценки, *4* — Селище, *5* — Коржи (урочище «Кут»), *6, 7* — Водогонная станция и Виталиговская (по Д. Я. Телегину), *8* — Никольская слободка, *9* — Коржи (урочища «Бирки» и «Рябцы»), *10* — Пристромы, *11* — Волчков, *12* — Козинцы, *13* — Каневская ГЭС, *14* — Б. Андрусовка, *15* — Ахтырка (по М. Я. Рудинскому)

Поздний мезолит в типологическом отношении выделяется наименее четко. Пожалуй, наиболее существенная черта таких комплексов — почти полное отсутствие пластинок с притупленной спинкой. Совместное нахождение каких-либо микролитов с неолитической керамикой, по нашему мнению, ничего не дает для датировки, так как нами замечено, что находки такой керамики, даже самой ранней, по большей части не сопровождаются микролитами. Например, на площади огромного водохранилища Киевской ГЭС (длина 120 *км*) вообще не было найдено никаких микролитических комплексов. Даже отдельные микролиты известны в одном-двух случаях. Можно предположить, что днепро-донецкая керамика на интересующей нас территории связана преимущественно с кремнем трипольского типа.

[6] Часть из них описана в недавно опубликованной работе автора «Нові мезолітичні стоянки в Київському Подніпров'ї». «Археологія», 13, 1974.

Предложенный нами опыт систематизации находок микролитов в области Среднего Днепра позволяет, как нам кажется, лучше представить себе облик мезолита этого района.

A. P. Savtchouk

DE NOUVEAUX MONUMENTS MESOLITHIQUES SUR LE COURS MOYEN DU DNIEPR

Résumé

L'article est consacré aux nouvelles stations mésolithiques découvertes lors des prospections faites par l'auteur sur la rivière Troubej, dans la région du Dniepr moyen. Le trait distinctif des objets de ces stations est, dans une grande mesure, la pauvreté en matière première, due à l'éloignement des gisements, et la mauvaise qualité des silex erratiques locaux.

Н. О. БАДЕР

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЕЛЛЬ-СОТТО (ПО РАСКОПКАМ 1971, 1973—1974 ГГ.)

История раннеземледельческих культур Северной Месопотамии, дающая важные материалы для понимания процессов первоначального становления производящих форм хозяйства, вот уже несколько десятилетий привлекает внимание специалистов. Однако накопление фактических данных идет медленно. Важнейшими полевыми работами в этом районе остаются исследования С. Ллойда и Ф. Сафара на Телль-Хассуне [1], широкие разведочные работы Р. Брейдвуда в Иракском Курдистане и раскопки на поселении Джармо [2]. В последние годы эти работы дополнены исследованиями Шимшары [3], Телула-Телафата [4] и Умм-Дабагии [5].

Зачатки производящего хозяйства прослеживаются в Карим-Шахир и его аналогах (около 9000 лет до н. э.). Телль-Хассуна дает развитую культуру земледельцев и скотоводов (около 5000 лет до н. э.). Между ними находит свое место Джармо (7000—6000 лет до н. э.). Эта схема, однако, остается фрагментарной, многие звенья намеченной цепи — неизвестными.

Советская археологическая экспедиция избрала для исследования склоны Синджара и примыкающей к нему равнины. В этом экологически разнообразном районе можно было рассчитывать на памятники всех типов разного времени. Основные объекты исследования экспедиции — Ярым-тепе I и II — уже сейчас дали уникальные по богатству материалы, принадлежащие к хассунской и халафской культурам [6]. Автором в течение нескольких сезонов были предприняты небольшие разведки для выявления более древних памятников.

На левом берегу р. Абры в месте ее выхода на равнину, в 4—5 *км* к северо-западу от Ярым-тепе, В. И. Гуляевым обнаружено открытое мустьерское местонахождение. На западном склоне Синджара в одной из долин обследованы грот и мастерская на выходах кремня, названная Курси по имени близлежащего селения. Материал из грота дал орудия мезолитического облика. Мастерской, по-видимому, пользовались длительное время. Во всяком случае, жившие на равнине хассунцы также вынуждены были приносить кремень из предгорий.

В 1971 г. В. А. Башиловым и В. И. Гуляевым открыт холм Телль-Сотто в 2 *км* к западу от Ярым-тепе. В этом же году автор заложил на нем пробный раскоп, который дал своеобразный материал дохассунского времени. В 1974 г. в результате беглых разведок в радиусе 8—10 *км* вокруг

---

[1] *S. Lloyd, F. Safar.* Tell Hassuna. «Journal of Near Eastern Studies», Chicago, 1945. v. IV, N 4.

[2] *R. J. Braidwood and B. Hove.* Prehistorie investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.

[3] *P. Mortensen.* Tell Shimshara, the Hassuna Period. Historish — Fillosofishe Shrifter Danslue Videnshaberns 5/21, Copenhagen, 1970.

[4] *S. Fukai, K. Horiuchi and T. Matsutani.* Telul et Thalathat. Tokyo University Iraq — Iran Archaeological Expedition. Report II, 1970.

[5] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah, 1973. Preliminary report «Iraq», 1973, v. XXXV.

[6] *R. Munchajev, N. Merpert.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971) Sumer, v. 27, 1971. Baghdad, 1973.

базы экспедиции открыто 10 небольших хассунских памятников, по преимуществу с архаичным хассунским материалом на поверхности. Один из них, Кюллю-тепе I, наряду с архаичным хассунским, по предварительной оценке, содержал материал, близкий нижнему слою Телль-Сотто. Расширение этих рекогносцировок позволит выделить группу дохассунских памятников, представляющих наибольший интерес.

Телль-Сотто возвышается не более чем на 2,5 *м* над современной равниной, слегка вытянут с востока на запад; его протяженность по длинной оси не более 80 *м*. Холм распахивается. Культурный слой прослежен с поверхности до отметки — 3,80, т. е. более чем на 1 *м* ниже современного уровня окружающей равнины. Ямы, вырытые во время накопления нижнего слоя, уходят еще глубже.

Работы на Телль-Сотто велись автором в 1971, 1973 и 1974 гг. Первоначально была заложена ступенчатая траншея по длинной оси холма на восток от центра, длиной 25 и шириной 2 *м*. Она позволила, минимально разрушая памятник, составить достаточное представление о его стратиграфии, архитектуре и распространении находок. Особенно интересен был нижний слой, давший своеобразный, неизвестный ранее материал, существенно отличный от типично хассунского. В 1973 г. траншея была расширена в северо-восточной четверти холма. Общая площадь раскопа достигла 100 $м^2$. Опираясь на пробную траншею, было выявлено семь жилых слоев. В нижнем слое частично вскрыты остатки крупного жилого комплекса.

В 1974 г. продолжены раскопки периферийных квадратов в восточной части холма, что дало возможность полнее исследовать нижний культурный слой. Общая площадь раскопа достигла 200 $м^2$. Вся площадь вскрыта до основания холма. В результате трехлетних работ изучена восточная четверть холма. Остается неисследованным жилой комплекс нижнего культурного слоя, недостаточно представление о среднем, переходном горизонте, так как раскоп попал здесь на слабо застроенный участок.

Раскопки на Телль-Сотто проводились по методике, выработанной экспедицией во время широких работ на Ярым-тепе I [7]. Холм был разбит на 10-метровые квадраты, но раскопки и фиксация велись квадратами 2,5×2,5 *м*, с 20-сантиметровыми бровками между ними. Расчистка проводилась по слоям одновременно по всей площади. После вскрытия каждого слоя бровки снимались для зачистки и фиксации сооружений. Предварительную ориентацию в стратиграфии давали материалы пробной траншеи.

За единицу подразделения слоя принято отдельное помещение, между ними — жилая поверхность. Обычно сооружения непосредственно примыкали или перекрывали друг друга, в остальных случаях увязывались по жилым поверхностям между ними, последние часто маркируются гипсовыми полами.

Основу полевой документации составляют разрезы через 2,5 *м*. Сквозная нумерация вскрытых стен и точные этикетки в сочетании с частыми разрезами позволяют дробно расчленить весь материал — как архитектуру, так и керамику.

Наблюдения за развитием культурного слоя позволяют заключить, что в заселении памятника не было перерыва (рис. 1). На вскрытой площади выявлено семь культурных слоев. В отдельных случаях внутри этих слоев могут быть прослежены более мелкие, ограниченные по площади жилые поверхности или архитектурные перестройки. Все слои могут быть сгруппированы в четыре культурных горизонта.

Мощный нижний культурный слой (слой 7) без труда выделяется по остаткам большого, хорошо сохранившегося многокомнатного дома и примыкающим к нему жилым поверхностям; существовал длительное

---

[7] Подробнее см. *В. А. Башилов, А. В. Куза.* Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище, КСИА АН СССР, 152, 1975. В работе на ином материале успешно применены те же методы анализа и обобщения данных стратиграфии.

время, содержит ряд перестроек и может быть интерпретирован как отдельный культурный горизонт (горизонт IV).

Сооружения четвертого горизонта перекрываются мощной, широко распространенной свитой углистых и золистых линз, в которой выявлены мелкие культурные слои 4—6. Существенно, что углистые слои заполняют углубления вокруг большого дома нижнего слоя, т. е. их отложение началось вскоре после того, как он был разрушен. Золисто-углистые слои 4—6 могут быть выделены в третий культурный горизонт. На вскрытой его площади не прослежено крупных сооружений, которые увязывались бы в большие архитектурные комплексы. По преимуществу это отдельные печи и хозяйственные постройки. На протяжении существования углистого слоя участок несколько раз перестраивался, однако интенсивность слоя показывает, что его накопление не было длительным.

Горизонт зольников перекрывается суглинистыми слоями. В их основании широко распространен мощный гипсовый пол (слой 3), который объединяет несколько жилых и хозяйственных построек. И пол, и связанные с ним постройки уходят на нераскопанные участки. Весь комплекс, связанный со слоем 3, может быть сейчас выделен в горизонт II.

Верхний горизонт (горизонт I), сильно разрушенный, прослежен в центральной части холма. Он объединяет мелкие куски стен, гипсовых полов и золистых прослоек в пахотном слое и непосредственно под ним. Выразительных прослоек, по которым можно было бы объединить весь горизонт, не прослеживается; определенной маркирующей прослойки между первым и вторым горизонтом на вскрытой площади тоже нет. Лишь на некоторых небольших участках удалось зафиксировать фрагменты полов с непотревоженным материалом, содержащим стандартную резную хассунскую керамику. Бедный находками суглинок с абсолютными отметками 40—70 *см* пришлось выделить в нерасчлененный промежуточный слой.

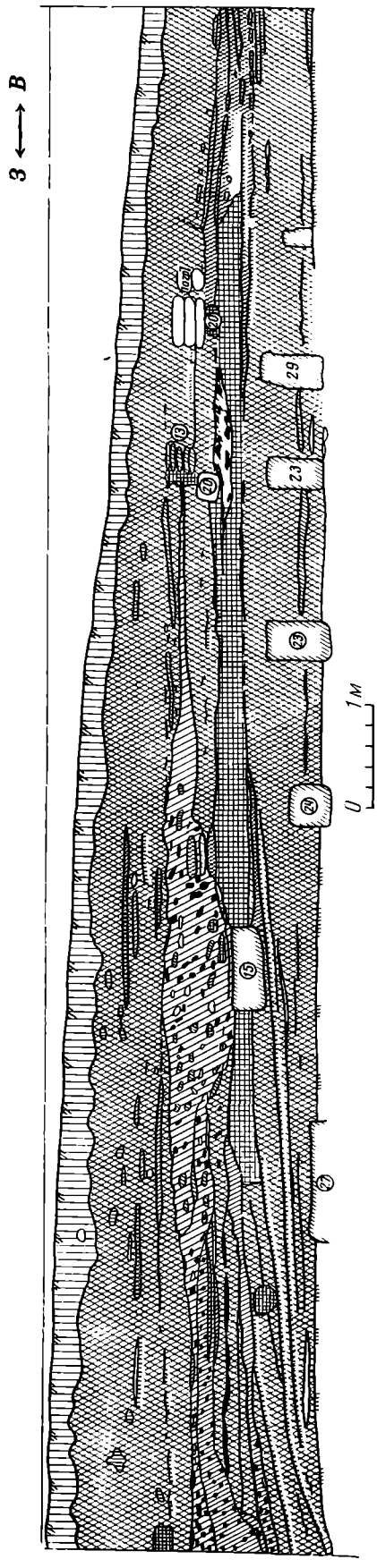


Рис. 1. Тель-Сотто, 1973 г. Разрез 8 через квадраты 10, 11

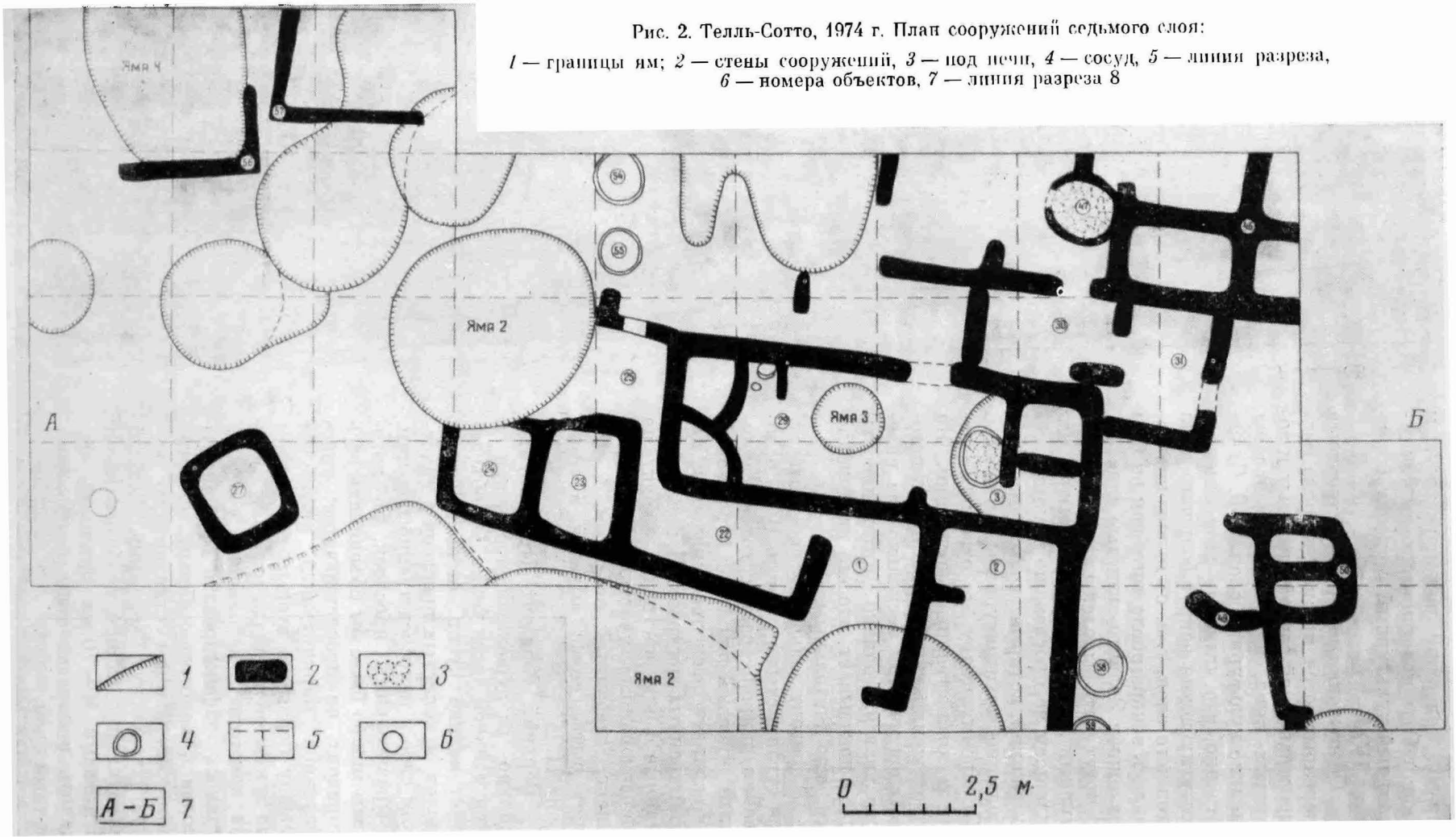


Рис. 2. Телль-Сотто, 1974 г. План сооружений седьмого слоя:

1 — границы ям; *2* — стены сооружений, *3* — под печи, *4* — сосуд, *5* — линия разреза, *6* — номера объектов, *7* — линия разреза 8

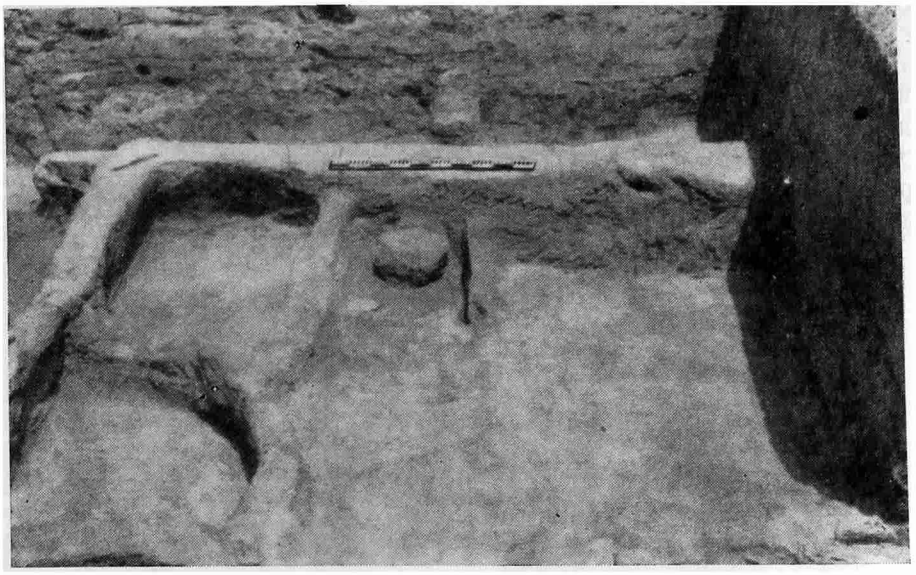


Рис. 3. Хозяйственный комплекс в жилом помещении 29 (слой 7)

На небольшой вскрытой площади можно сделать лишь предварительные выводы об архитектуре и планировке поселения. Сейчас зафиксировано около 50 различных сооружений — жилых комнат, печей, хранилищ, очагов, просто обрывков стен, однако лишь сооружения нижнего слоя 7 хорошо объединяются в большой жилой комплекс (рис. 2).

Как уже указывалось, первый горизонт почти целиком разрушен пахотой. Во втором горизонте вскрыто небольшое прямоугольное помещение с примыкающим мощным гипсовым полом и вмазанными в него хассунскими корчагами. Расчищен угол помещения, основная его часть уходит в не раскопанную пока площадь. Толщина вскрытой стены не превышает 30—40 *см*. В пределах того же квадрата выявлены остатки полуразрушенной прямой стены более 4 *м* длины. Оба сооружения не образуют единого комплекса, но сопоставляются стратиграфически. Развалины длинной стены, толстый гипсовый пол, уходящий в стенки раскопа, позволяют предположить существование более крупных жилых сооружений на невскрытой площади.

Третий горизонт также не дал пока единой планировки. Скопление на небольшой площади печей, очагов и круглых хранилищ, мощные зольники позволяют видеть в них остатки производственного комплекса. Одновременные ему жилые помещения могут быть обнаружены на неисследованной площади. Толщина стенок печей и хранилищ не превышает 40 *см*. При тщательной разборке стен в нескольких случаях удалось проследить их структуру — большие, до 70 *см* длины, и тонкие, 5—7 *см*, лепешки из глины с примесью соломы.

Нижний слой уже сейчас дал выразительную картину. Здесь вскрыта часть большого прямоугольного многокомнатного дома с длинным коридором или переулком между комнатами. Внутри комнат расчищены скопления костей животных, детские погребения в сосудах, хранилища для зерна в комплексе с зернотерками, очаги, скопления керамики и орудий труда (рис. 3). У наружных стен — вмазанные в пол глиняные корчаги-хранилища, печи, характерные сушилки для зерна. Исследование дома не закончено. Насколько сейчас можно судить, его планировка близка многокомнатным прямоугольным домам нижних слоев Ярым-тепе I.

Предварительно материал на Телль-Сотто может быть оценен следующим образом. Отдельные характерные халафские черепки с яркой рос-

писью собраны на поверхности и пока никак не могут быть увязаны со слоем. Первый культурный горизонт содержит стандартную хассунскую керамику с резным орнаментом и находит аналогии в верхних, до пятого включительно, слоях Ярым-тепе I [8].

Для второго горизонта характерны большие грубые хассунские корчаги, он находит аналогии в VI—VIII слоях Ярым-тепе I.

Третий культурный горизонт Телль-Сотто дает круглые сосуды с ребром и лощеную керамику, окрашенную охрой. Такое сочетание не встре-

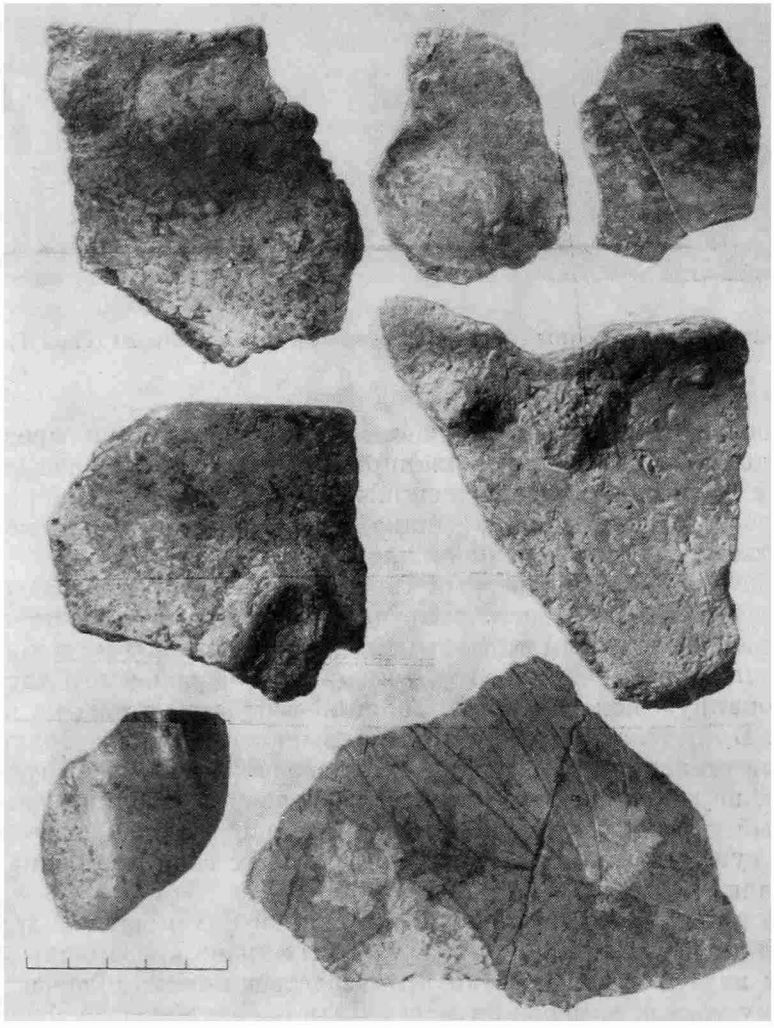


Рис. 4. Обломки посуды из слоя 7

чено на Телль-Хассуне, однако отмечено в нижних слоях Ярым-тепе I. Нижний слой Телль-Сотто древнее Ярым-тепе I и имеет ряд близких аналогий в Умм-Дабагии [9]. Среди характерных признаков нижнего слоя могут быть названы: монументальная архитектура, большое количество грубой ребристой кухонной керамики, в том числе с простыми и зооморфными налепами по венчику; грубые сосуды на поддонах, в том числе грубые блюда на поддонах; овальные корыта и прямоугольные сосуды; тонкостенная лощеная керамика, покрытая охрой (рис. 4, 5); большое количе-

[8] *Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. СА, 1971, № 3.

[9] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah 1971: A preliminary report. «Iraq», v. XXXIV, spring, 1972.

ство каменных сосудов; каменные браслеты и бусы, в том числе подвеска со скульптурным изображением барана (рис. 6); две глиняные женские статуэтки (рис. 7) и две зооморфные; среди орудий труда — представительная серия каменных клиновидных топориков, костяные шилья из обломков трубчатых костей, иглы, лощила, глиняные и каменные пряслица, глиняные пули для пращи (рис. 8).

Пока нет абсолютных датировок Телль-Сотто и Умм-Дабагии. Радиокарбонная дата Телафата XV — 5570±120 лет до н. э.[10] Р. Брейдвуд полу-

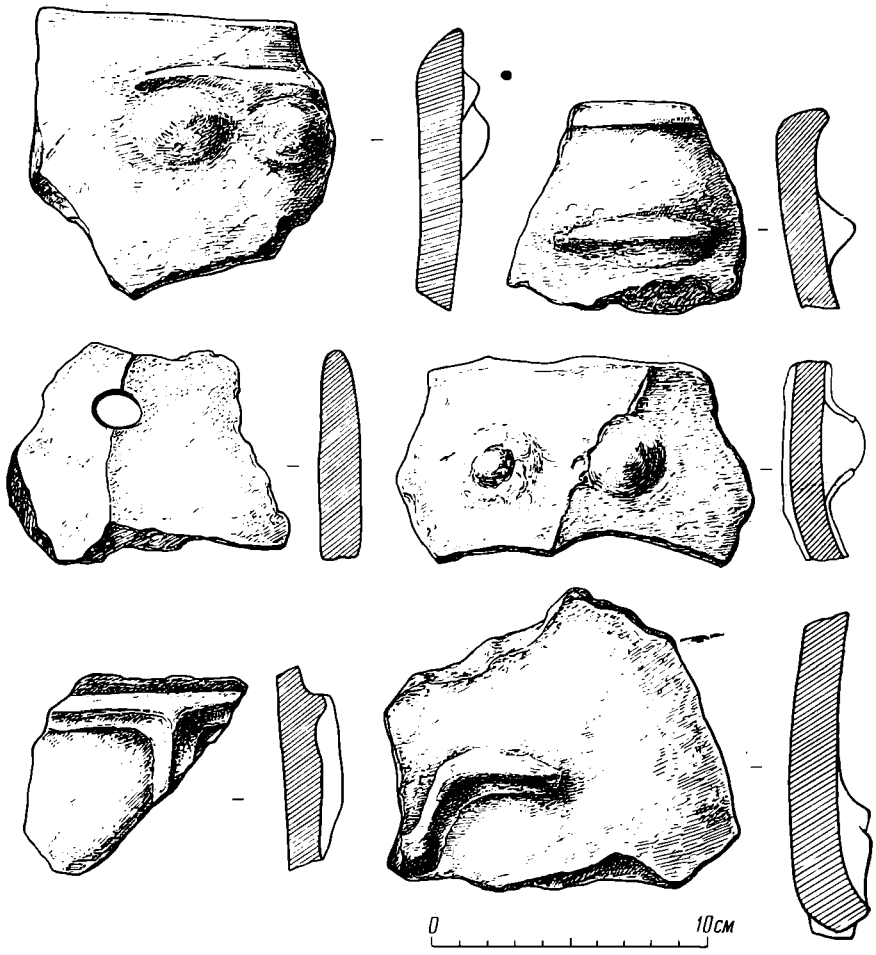


Рис. 5. Фрагменты сосудов с налепами на венчиках из слоя 7

чил для керамического слоя Джармо дату 6750 лет до н. э. По данным Ватерболка, тот же слой датируется временем около 6000 лет до н. э.[11]

Большой интерес представляют импортные вещи. В третьем горизонте Телль-Сотто найдено несколько мелких черепков, которые резко отличаются по цвету, тесту, характеру обжига от остального керамического комплекса. Эти черепки без орнамента или росписи, сочного темно-вишневого цвета по поверхности и в разломе, очень плотные, с примесью раковины в тесте и гладкой залощенной поверхностью. Два подобных черепка были найдены также в восьмом слое Ярым-тепе I. Н. Я. Мерперт объясняет их присутствие в нижних слоях Ярым-тепе I влиянием культуры Сотто, ко-

[10] *S. Fukai, K. Horiuchi and T. Matsutani.* «Telul eth Thalathat, The Excavation of Tell II», Tokyo University Iraq — Iran Archaeological Expedition. Report II, 1970.

[11] *H. T. Waterbolk.* Working with Radiocarbon Dates. Proceedings of the Prehistoric Society, v. 37, p. 15—33, 1971.

торую считает пришлой [12]. Однако и для Телль-Сотто вишневые черепки также совершенно чужды.

Растительные примеси в тесте характерны для хассунской керамики. Имеет растительные примеси и вся керамика из Телль-Сотто. Черная и красная лощеная тонкостенная керамика с примесью песка или толченой раковины широко распространена на раннеземледельческих памятниках Малой Азии. Близкие аналогии вишневым черепкам из Телль-Сотто и Ярым-тепе I можно найти в Мерсине XXVI [13], Чатал-Гуюке (сл. 2) [14],

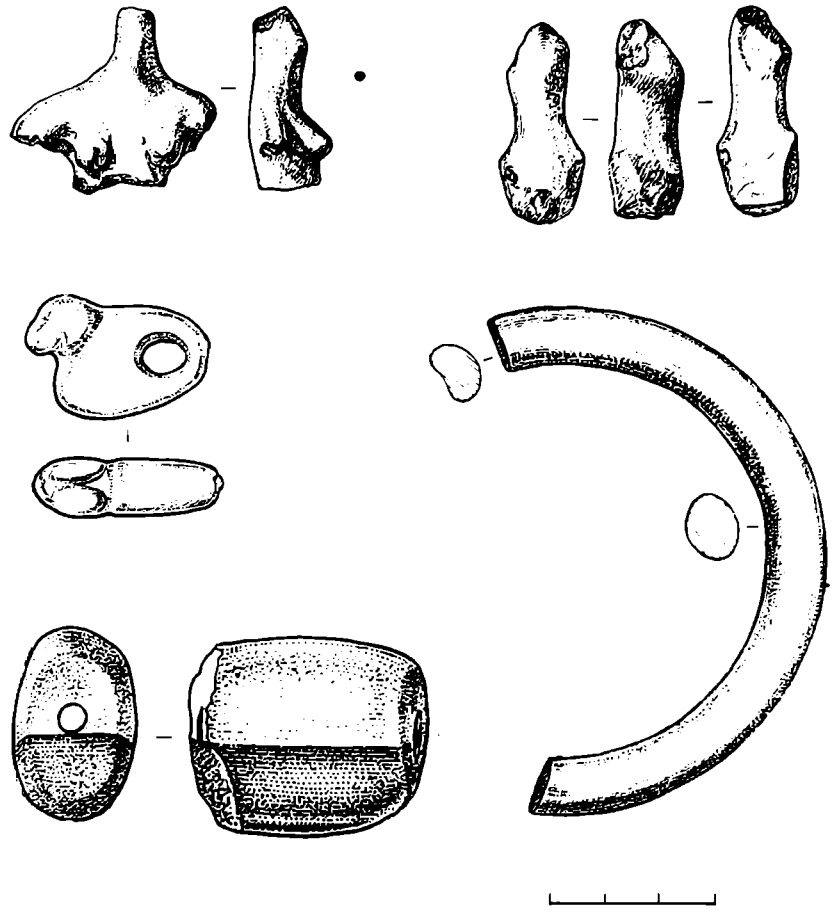


Рис. 6. Типичные женские статуэтки, каменные подвески, бусина, браслет из седьмого слоя

Сакча-Гезу (сл. 1, 2) [15]. Вишневые черепки никак не увязываются с массовой керамикой Телль-Сотто и, очевидно, являются импортными. Интересно, что в тех же слоях Телль-Сотто и Ярым-тепе I найден металл. Импорты не только дают представление о времени, но и подтверждают точную увязку Телль-Сотто и Ярым-тепе I.

До недавнего времени Телль-Хассуна считалась древнейшим земледельческим памятником в равнинной части Северного Ирака. Сейчас в том же районе, в Телль-Сотто и Умм-Дабагии, исследуются более древние и, как кажется, более яркие памятники.

---

[12] *R. Munchajev, N. Merpert.* Excavations at Yarim — Tepe, 1972, Sumer, v. XXIX, N I—II, 1973. Baghdad, p. 9.

[13] *J. Garstang.* Prehistoric Mersin. Oxford, 1953.

[14] *J. Mellaart.* Catal Hüyük, 1967.

[15] *J. P. Taylor, M. V. Williams and J. W. Waechter.* The Excavations at Saksé Gözu. «Iraq», v. XV, p. 2, 1950.

Д. Керкбрайт видит в Умм-Дабагии новую культуру, которая принесена с запада и чужеродна по отношению к местной хассунской культуре [16]. Н. Я. Мерперт выступил в поддержку этой точки зрения [17]. Д. Керкбрайт считает, что в начале VI тысячелетия в Верхнем Двуречье имели место значительные этнические передвижения, одно из них могло происходить из района Хабура на восток. Отражением этого процесса и является Умм-Дабагия. Более того, яркая, совершенная керамика Умм-Дабагии, по мнению Д. Керкбрайт, может представлять ранний этап халафской культуры, о которой еще пока так мало известно [18].

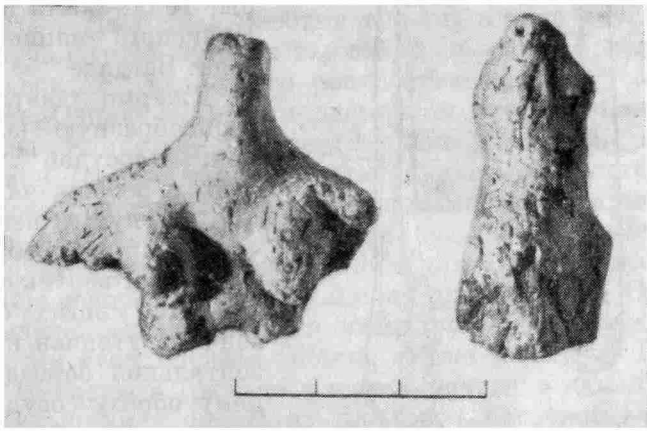


Рис. 7. Глиняные женские статуэтки из седьмого слоя

Действительно, по некоторым существенным признакам нижний слой Телль-Сотто отличается от архаичной хассуны из Телль-Хассуны, Ярым-тепе I, Телль-Сотто. Тонкостенная, лощеная, покрытая охрой керамика, зоо- и антропоморфные налепы на венчиках грубых сосудов, каменные сосуды, каменные браслеты, бусы, клиновидные шлифованные топорики, женские и зооморфные глиняные фигурки отличают культуру Телль-Сотто от архаичной хассуны. Однако после работ на Ярым-тепе представления о самой хассунской культуре существенно меняются, а третий горизонт Телль-Сотто дает ряд переходных черт в культуре.

Большие многокомнатные дома, столь типичные для Телль-Сотто и Умм-Дабагии, обнаружены сейчас и в нижних слоях Ярым-тепе I; они должны быть и в нижнем слое Телль-Хассуны. Женские статуэтки, по-видимому, достаточно архаичных форм представлены в коллекции из Телль-Хассуны.

Глиняная посуда хассуны и нижнего слоя Телль-Сотто очень близка по тесту и технике изготовления. Уже отмечалось, что вишневые черепки из Телль-Сотто и Ярым-тепе I резко отличаются по этим показателям от основной массы керамики, но говорят не о западном происхождении культуры Телль-Сотто, а о западных импортах. Грубая кухонная и тонкая посуда второго, третьего и четвертого горизонта Телль-Сотто имеет ряд переходных форм; особенно характерны различные ребристые сосуды и овальные корыта с рифленым дном.

Сказанное приводит к выводу, что нет достаточных оснований рассматривать нижний слой Телль-Сотто как самостоятельную культуру.

---

[16] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah, 1971, A preliminary report. Iraq, v. XXXIV, Spring 1972, p. 15.

[17] *R. Munchajev, N. Merpert.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971). Sumer, v. 27, 1971. Baghdad, 1973. p. 31, 32.

[18] *D. Kirkbride.* Umm Dabaghiyah, 1972, p. 15.

Между архаичной хассуной и Телль-Сотто может быть намечена генетическая связь. Телль-Сотто представляет неизвестный ранний этап хассуны, протохассуну. Телль-Хассуна, Телль-Сотто, Умм-Дабагия представляются раннеземледельческими памятниками одного культурного круга.

Большой интерес представляют аналогии Телль-Сотто и Джармо. Хронологический разрыв между Телль-Хассуной и Джармо затруднял их сопоставление. Работы на Телль-Сотто отчасти заполняют этот пробел. Коротко сравним коллекции Джармо, Телль-Хассуны, Телль-Сотто по материалам Иракского национального музея в Багдаде.

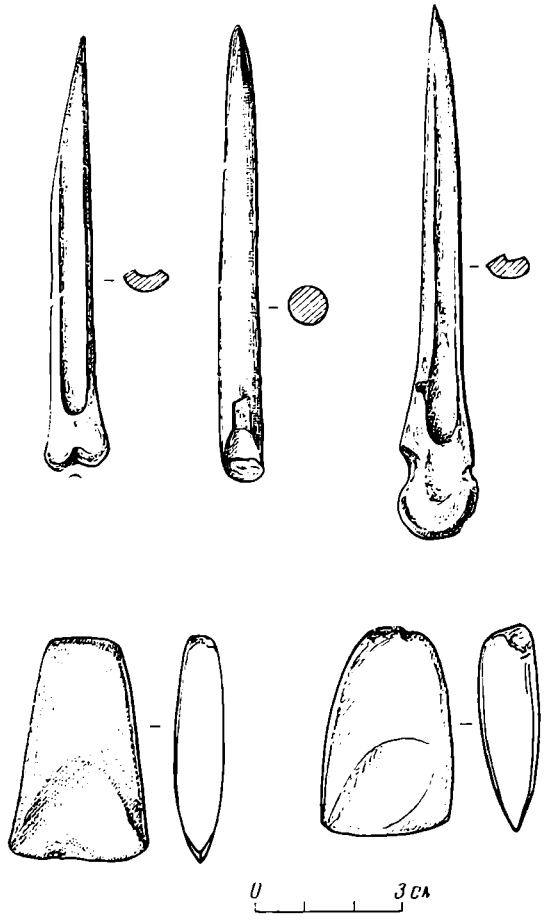


Рис. 8. Орудия труда из седьмого слоя

Джармо дает большую и разнообразную коллекцию каменных сосудов [19]. Среди них сосуды с ребром, чаши с прямым или отогнутым венчиком, в том числе чаши с ребром; стаканы с простым вертикальным венчиком. На многих сосудах край венчика утончен круговой горизонтальной бороздкой по верхнему обрезу сосуда. Днища сосудов округлые и плоские. Расплющенные днища и отогнутые венчики на каменных сосудах скорее всего повторяют глиняные прототипы. Если для Телль-Хассуны и Ярым-тепе I каменные сосуды в целом не характерны, в Телль-Сотто их много, по преимуществу обломки небольших сосудиков и мисок.

Керамика Джармо и Телль-Сотто при существенных различиях по ряду характерных признаков также может быть сближена. В Джармо едва ли не самую многочисленную группу составляют стенки ребристых сосудов, как грубых кухонных, так и мелких сосудиков и мисок из тщательно промешанной глины. В Телль-Сотто эта характерная форма доминирует. Пропорции и форма сосудов могут отличаться, однако само ребро распространено и тут и там. Среди грубых сосудов в Джармо встречаются большие овальные корыта, близкие аналогичным формам Телль-Сотто и Телль-Хассуны, но с гладким дном. У сосудов этого типа в Телль-Сотто дно изнутри покрыто защипами, в Ярым-тепе I и Телль-Хассуне — чаще рифленое. Для Джармо, как и архаичной хассуны, характерны небольшие грубые, плохо обожженные гладкие стаканы. В Джармо часты сосуды, как каменные, так и глиняные, овальной формы или даже четырехугольной формы. В Телль-Сотто сейчас найдена целая серия таких же сосудов.

Наряду с грубой керамикой в Джармо встречаются тонкие лощеные черепки. Некоторые из них сплошь покрыты охрой по наружной поверхности и по охре залощены. Охра, по-видимому, нанесена после обжига. Точно такой же прием характерен для лощеных черепков нижних слоев

[19] *R. J. Braidwood and B. Howe.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan, 1960.

Телль-Сотто. Один обломок крупного сосуда с заглаженной поверхностью покрыт росписью охрой в виде косых параллельных полос с утолщениями. В Телль-Сотто и Умм-Дабагии этот орнамент не встречен, он есть в Шимшаре [20], Тепе-Гуране [21] и других памятниках Иранского Курдистана [22]. В Джармо обращают на себя внимание каменные и глиняные сосуды с сильно уплощенным, как бы расплющенным венчиком. Такие же венчики встречаются на посуде нижних слоев Телль-Сотто.

Наконец, безусловно показательны налепы на сосудах Джармо и Телль-Сотто (рис. 5). Для Джармо наиболее характерен и широко распространен тонкий вертикальный, оттянутый вверх, с небольшим отверстием налеп по краю венчика. Эта деталь встречается как на глиняных, так и на каменных сосудах. Есть в Джармо и простые налепы в виде круглого бугорка. В отдельных случаях этот бугорок выдавлен нажатием изнутри сосуда.

Налепы на сосудах Телль-Сотто разнообразнее, есть зоо- и антропоморфные налепы. Однако основным элементом простых налепов и здесь остается бугорок. Единственный вертикальный «налеп» с отверстием встречен в Телль-Сотто на каменном стаканчике и стилистически совпадает с аналогичными налепами, так характерными для Джармо.

Обращают на себя внимание каменные бусы из Джармо, выставленные в экспозиции Багдадского музея,— каменные, уплощенные, овальные в плане, с тонким сверленым отверстием по длинной оси. Одна из бусин имеет слегка выделенные выемками концы, другая в плане приближается к ромбу. Аналогии этим формам можно также найти в Телль-Сотто и Телль-Хассуне. Найдены в Джармо и цилиндрические каменные бусы. Не менее интересна глиняная печать из Джармо с насечкой в виде прямых линий, которая также может служить прототипом глиняных и каменных хассунских печатей из Ярым-тепе I.

Каменные браслеты в Джармо очень многочисленны, гладкие и с орнаментом по наружному краю; круглые, овальные и прямоугольные в сечении. Каменный браслет из Телль-Сотто прямо сопоставляется с браслетами Джармо.

И в Джармо, и в Телль-Сотто распространены небольшие клиновидные топорики (рис. 8). Эта форма практически неотличима в том и другом памятниках. Обычно топорики полированы целиком, имеют широкое лезвие и узкий массивный обушок. Иногда лезвие заточено дополнительно в форме клина. В Джармо найдены также небольшие тесла, которых нет пока в Телль-Сотто.

Перечисленные примеры говорят об определенном культурном сходстве между нижним слоем Телль-Сотто и Джармо. Как уже отмечалось, последние радиокарбоновые даты позволяют хронологически сблизить эти памятники. Сейчас к этому же выводу приводит нас типологический анализ. Было бы соблазнительно видеть в этом сходстве генетическую связь, что, однако, нуждается еще в серьезной проверке на широком сравнительном материале. Напомним, что роспись косыми линиями с утолщениями, представленная в Джармо, распространена в Иранском Курдистане и отсутствует в Северной Месопотамии.

Одну из важных линий сопоставления Телль-Хассуны, Ярым-тепе I, Телль-Сотто, Джармо дает мелкая глиняная пластика.

В Ярым-тепе I подавляющее число статуэток приходится на пятый слой, ниже шестого слоя статуэток не найдено совсем. Тип стандартный —

---

[20] *Peder Mortensen.* Tell Shimshara. The Hassuna Period. Historisk — Filosofishe Shrifter Danske Videnshabernes 5(2). Copenhagen, 1970, fig. 96.

[21] *J. Meldgaard, P. Mortensen and H. Thrane.* Excavations of Tepe Guran, Luristan. «Acta Archaeologica», 1964, 34.

[22] См. также *Joan Oates.* The background and development of early farming communities in Mesepotamia and the Zagros. Proceedings of the Prehistoric Society, v. 39, 1973; fig. 2, plate XVII.

стилизованная форма с нерасчлененной расплющенной базой, чуть намеченной грудью и высокой оттянутой назад прической. Н. Я. Мерперт связывает появление статуэток в пятом слое Ярым-тепе I с самаррским влиянием [23]. Действительно, отсутствие исходных форм в нижних слоях этого богатого и широко раскопанного памятника требует объяснения. С другой стороны, статуэтки Телль-ас-Саввана также весьма своеобразны.

Естественно сопоставить хассунские статуэтки из Ярым-тепе I и самой Телль-Хассуны. Женские фигурки из Телль-Хассуны более разнообразны по типам [24]. Наиболее выразительную группу образуют стилизованные статуэтки ярымского типа. Помимо этой достаточно стандартной серии в фондах Багдадского музея хранится обломок торса стоящей фигурки с ногами, расчлененными прямой линией. Наконец, в экспозиции можно видеть две реалистически выполненные сидящие фигурки. У той и другой намечены руки и груди, в одном случае вылеплены ноги, в другом торс остался нерасчлененным. К сожалению, головы статуэток обломаны. Нам не удалось разделить этот материал стратиграфически. Типологически он делится на три группы: реалистические сидящие фигурки, стилизованная фигурка с расчлененными ногами, стилизованные фигурки ярымского типа. За исходную форму, по-видимому, могут быть приняты реалистические статуэтки. В фондах музея хранится и зооморфная фигурка из Телль-Хассуны. Голова и короткие ноги обломаны. Сохранилось длинное туловище с мощным грудным поясом.

В Телль-Сотто (горизонт IV) найдены две женские и две зооморфные фигурки (рис. 6, 7). Реалистическая фигурка из нижнего слоя типологически достаточно своеобразна. Сохранился бюст. Широкие покатые плечи, стройная шея, рельефные груди. Руки обломаны. Голова, по-видимому, была увенчана слегка оттянутой назад прической. Вторая фигурка стилизована. Расплющенный торс, едва намеченный бюст без рук, вытянутая голова в целом напоминают статуэтки ярымского типа. Одна из зооморфных фигурок близка уже описанной из Телль-Хассуны, другая представляет заготовку или плохо сохранившийся обломок головы. Таким образом, в Телль-Сотто встречены статуэтки более древние, чем в Ярым-тепе I; некоторые стилистические черты позволяют предположить в них исходные формы ярым-тепинского типа.

Наиболее разнообразную серию антропоморфных статуэток дает Джармо [25]. Реалистические головки с высокой прической, брови, нос и глаза выполнены аппликацией. Целая сидящая статуэтка с лицом, вылепленным в этой же технике. На затылке хорошо видна прическа. Защипами выделены груди; вдоль туловища налеплены тонкие руки. На массивном расплющенном торсе вертикальной линией выделены ноги.

Массивный торс сидячей статуэтки. Голова не сохранилась. Руки и грудь едва намечены. Ноги выделены так же, как в предыдущем случае. В целом фигурка гораздо более стилизована. На одной статуэтке с нерасчлененной расплющенной базой глаза и рот даны простыми прорезями. От реалистических или стилизованных статуэток отличаются схематичные крестовидные или цилиндрические с основанием в виде сапожка фигурки. Женские статуэтки Джармо, безусловно, во многом своеобразны. Однако и здесь, как в Телль-Хассуне, намечается эволюция от реалистических к стилизованным сидящим статуэткам с массивным расплющенным торсом.

Еще более многочисленны в Джармо зооморфные фигурки — на коротких ногах, с мощным грудным поясом и холкой; вздыбленная шерсть на спине подчеркнута защипами. Трудно с уверенностью сказать, кого они

---

[23] *R. Munchajev, N. Merpert.* The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971). Sumer, v. 27, 1971. Baghdad, 1973, p. 27.

[24] *S. Lloyd, F. Safar.* Tell Hassuna, 1945.

[25] *R. J. Braidwood and B. Howe.* Op. cit., 1960.

изображают. Фигурки со взъерошенной на загривке шерстью напоминают собак или кабанов.

Таким образом, Телль-Сотто представляет не новую культуру, перенесенную с запада, как это считает Д. Керкбрайт, а ранний, неизвестный ранее этап хассунской культуры. Н. Я. Мерперт сопоставляет нижние слои Ярым-тепе I с Телль-Хассуной I-А. С нашей точки зрения, они древнее и сопоставляются с третьим горизонтом Телль-Сотто. Оба памятника генетически связаны, значительное время сосуществовали, однако нижний слой Телль-Сотто древнее нижнего слоя Ярым-тепе I. Именно он показателен для этапа Сотто и прямо сопоставляется культурно и хронологически с Умм-Дабагией.

Значительное сходство материала из Телль-Сотто и Джармо позволяет культурно и хронологически сблизить эти памятники, однако вопрос об их генетической связи остается открытым.

N. O. Bader

UN ETABLISSEMENT DES PREMIERS AGRICULTEURS: TELL — SOTTO

(d'après les fouilles de 1971, 1973—1974)

Résumé

Cet article donne une appréciation préliminaire des travaux de la mission archéologique soviétique en Irak, à Tell — Sotto, établissement agricole primitif. On y a découvert quatre niveaux culturels. Les deux niveaux supérieurs renferment des vestiges de la culture standart et archaïque de Hassuna. A la base de la colline on a trouvé un ensemble original, très semblable à celui d'Umm-Dabaghiyah. Le troisième niveau présente un caractère transitoire. D. Kirkbride pense que la culture d'Umm-Dabaghiyah a une autre origine que la culture locale de Hassuna et la fait provenir de l'Occident. L'auteur du présent article essaie de prouver que la couche inférieure de Tell — Sotto est génetiquement liée à celle de Hassuna, et ne présente par une nouvelle culture, mais est une étape antérieure, inconnue jusqu'à présent, de la culture de Hassuna: la période Sotto.

Г. А. ЧЕРНОВ

УСТЬХЕЙЯГИНСКОЕ ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА р. КОРОТАИХЕ

Река Коротаиха протекает за полярным кругом с юго-востока на северо-запад вдоль хребта Пай-Хоя и впадает в Баренцево море. Она тянется более чем на 300 *км*, на всем ее протяжении встречаются стоянки древнего человека (рис. 1). Это самые северо-восточные стоянки в Большеземельской тундре. В последнее время на территории Большеземельской тундры энергично ведутся разведочные геологические работы. При разведках широко используют, кроме воздушного транспорта, вездеходы и тракторы, и в этих условиях, к сожалению, археологический материал гибнет.

Первые находки археологического материала на р. Коротаихе были сделаны автором еще в 1941 г. и описаны в 1951 г. [1] Повторное посещение Коротаихи в 1961 г., когда нами проводились здесь геологические исследования, позволило собрать богатый археологический материал. На протяжении 150 *км* только по одному правому берегу было обнаружено 47 стоянок, а на левых притоках Коротаихи — Падимейвис и Тарью — дополнительно к стоянкам 1941 г. найдено еще 11 [2].

Весь археологический материал был собран на песчаных яреях [3], раскопки не производились. Среди многочисленных стоянок древнего человека выделяется одно поселение, расположенное на правом берегу Коротаихи, в 400 *м* ниже устья Хейяги, там, где излучина реки подходит к третьей террасе (рис. 2).

На террасе, в 100 *м* от реки, находятся яреи, внешне ничем не отличающиеся от обычных для этой реки. Однако они примечательны тем, что здесь на чистых песках прослеживаются узкие полоски дерна, напоминающие очертания квадратов, прямоугольников и полуокружностей. Дерновые полоски почти все одинаковой ширины и лишь в двух местах расширяются вдвое. Отмечено всего два таких участках, сходных между собой (рис. 2).

Правильное расположение квадратов и других фигур наводит на мысль, что здесь существовали какие-то постройки, скорее всего полуземлянки. По-видимому, на этом месте в песок были врыты деревянные сваи или столбы, на гумусных остатках от которых и растет трава. Очертания этих «построек» имеют некоторое сходство с жилищами на поселении раннего бронзового века Галово II в низовье р. Ижмы [4].

Небезынтересно отметить, что в середине прошлого столетия В. Н. Латкин [5] сообщал о подземных жилищах, заполненных черепками сосудов и костями животных, которые ненцы нередко находили на берегах р. Коро-

---

[1] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV, 1951.

[2] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в бассейне р. Коротаихи. V УАС. Сыктывкар, 1967, стр. 103.

[3] Ярей — котловина выдувания песков.

[4] *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы. М., 1972, стр. 53.

[5] *В. Латкин.* Дневник путешествия на Печору. СПб., 1859, ч. 1, стр. 95, 96.

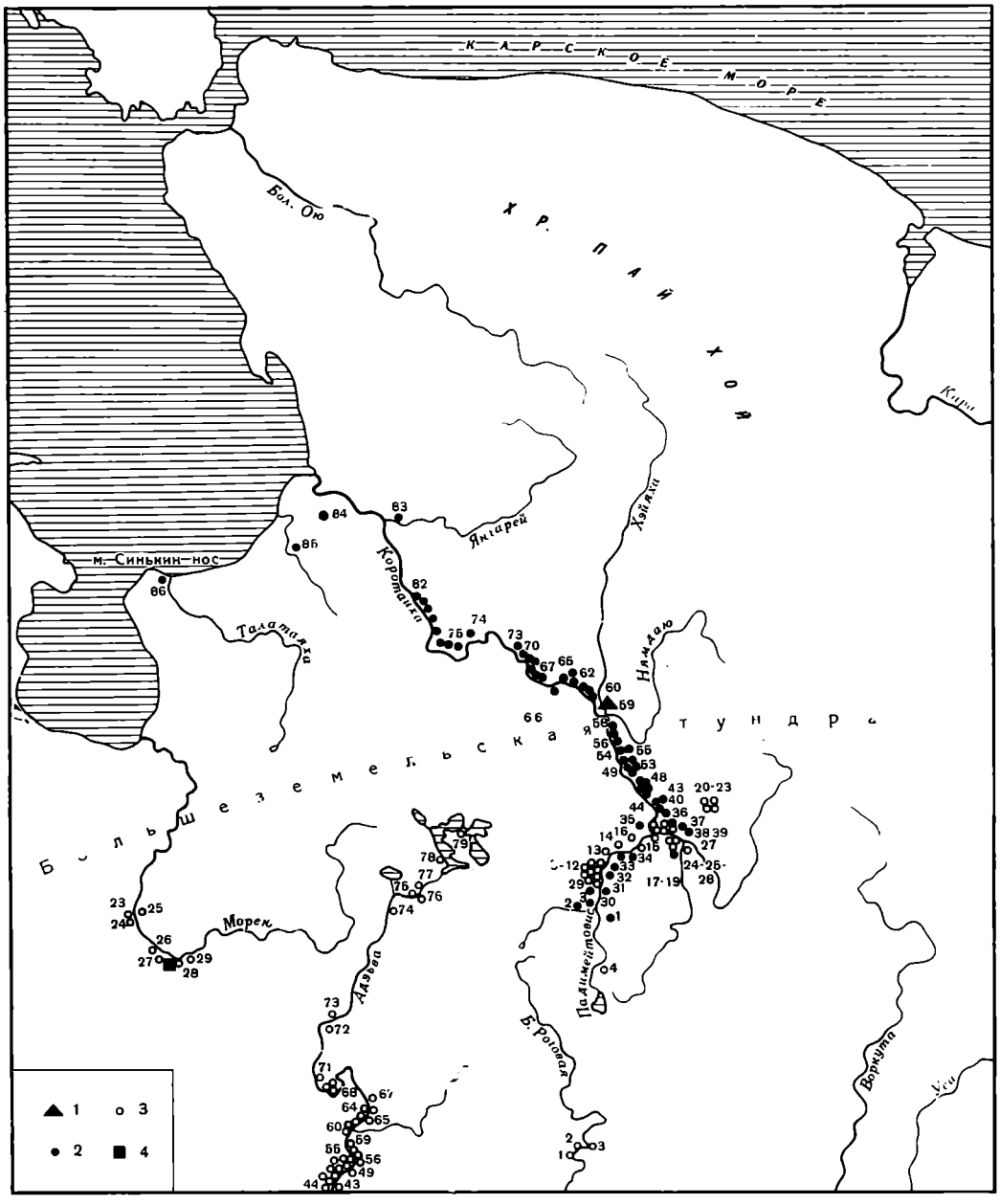


Рис. 1. Схема расположения стоянок в северо-восточной части Большеземельской тундры. *1* — Устьхейягинское поселение; *2* — стоянки первобытного человека (неописанные); *3* — стоянки первобытного человека, описанные в литературе; *4* — Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место

таихи. По сведениям М. Зоринского [6], восемь таких жилищ пещерного типа расположено на горе Сиирте-ся («Чудская гора») в 10 *км* от устья р. Коротаихи, которые, согласно ненецким преданиям, будто бы принадлежали «сиирте» — народу, древнему и неродственному ненцам.

Л. П. Лашук [7] приводит сведения путешественника А. Шренка, который по расспросным данным ненцев подробно описывает устройства этих пещер-жилищ. К сожалению, не было возможности не только произвести раскопки в этих местах, но и собрать на песках весь материал. Однако несомненно, что происхождение дерновых полос связано с деятельностью

[6] *М. Зоринский.* Чудские пещеры. Архангельские губернские ведомости. 1846, № 35.

[7] *Л. П. Лашук.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 40, 41.

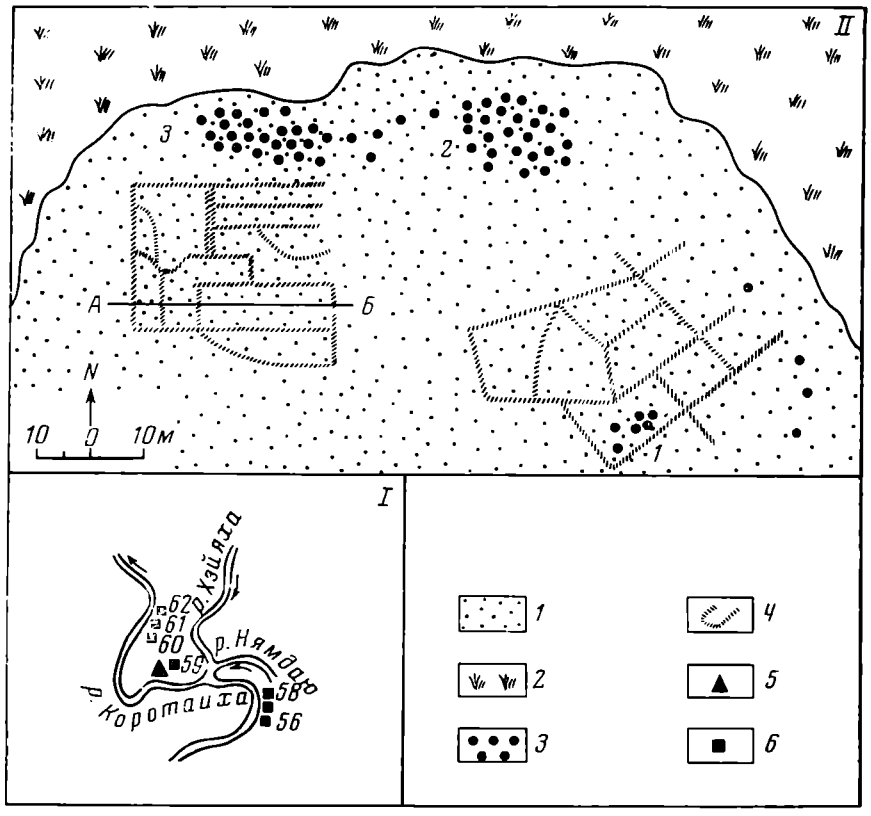


Рис. 2. I — местоположение Устьхейягинского поселения; II — план расположения землянок. *1* — развеваемые пески; *2* — задернованная часть; *3* — места сбора материала; *4* — дерн на чистых песках; *5* — поселение; *6* — стоянки

человека. Подобные объекты в Большеземельской тундре встречены впервые, несмотря на то что здесь известно около 300 стоянок древнего человека. Большое количество материала как внутри, так и вне «квадратов», на наш взгляд, подтверждает предположение о наличии здесь поселения или стоянки с богатым культурным слоем.

Следует отметить, что данное поселение является вторым в Большеземельской тундре. Первое находится у устья р. Адзьвы (стоянки 1 и 5) [8]. Кроме того, оно является самым северным из них, а потому представляет особый интерес. С одной стороны, поселение находится близ моря, с другой — сравнительно недалеко от нижнеобских (300 *км*) [9], щучьинских (250 *км*) [10] и, наконец, ямальских стоянок (350 *км*) [11].

Археологический материал Устьхейягинского поселения сосредоточен преимущественно в трех местах (см. план — рис. 2 и таблицу).

Камень. На одном из участков «землянки» собрано 215 кремниевых отщепов, три кварцитовых и 12 сланцевых. Среди отщепов оказалось два наконечника стрел, сделанные из ножевидных пластинок светло-серого кремня (рис. 3, *1*, *3*), одна проколка (рис. 3, *2*), три целых наконечника стрел — один из темно-серого кремня довольно тщательно обработан мелкой ретушью (рис. 3, *4*) и два из желтовато-серого кремня с более грубой обработкой (рис. 3, *5*, *6*); один наконечник стрелы грубой обработки из

[8] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, 54, 1954; *его же.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы. МАЕСВ. Сыктывкар, 1962.

[9] *В. Н. Чернецов.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1958.

[10] *Г. А. Чернов.* Археологические находки на р. Щучьей. КСИИМК, 40, 1951.

[11] *В. Н. Чернецов.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, 1936, 4—5; *Ю. Г. Королев, Л. П. Хлобыстин.* Иоркутинская стоянка на п-ове Ямал. КСИА АН СССР, 115, 1969.

серого кварцита (рис. 3, *7*); три обломка наконечников стрел желтого, лиловатого и серого кремня (рис. 3, *8—10*); один из них с небольшой выемкой в основании (рис. 3, *8*), другой — с включением в центральной части прозрачного кварца, из-за которого и сломался наконечник при обработке (рис. 3, *10*), а третий сломался, по-видимому, еще при первой, грубой, обработке (рис. 3, *9*). Кроме наконечников стрел оказалось четыре скребка из коричневатого и желто-серого кремня (рис. 3, *11—14*) и два обломка от наконечников копий из серого кремня, обработанные грубой ретушью (рис. 3, *15*, *16*). Из других орудий заслуживают внимания пять каменных топориков, сделанных из различных сланцев; три из них с отшлифован-

Инвентарь каменных орудий и керамики из Устьхейягинского поселения

Наименование	Пункт 1	Пункт 2	Пункт 3	Общее количество
Камень				
Наконечники стрел				
Из ножевидных пластинок	2			2
Из кремня (цельные)	3	3	5	11
» (обломки)	4	11	9	24
Из кварцита	1			1
Заготовки	1	7		8
Скребки				
Из кремня	4	7	2	13
Из кварцита			1	1
Наконечники копий				
Из кремня (обломки)	2	1	3	6
» (заготовки)			1	1
Резцы из кремня		2		2
Проколки из ножевидных пластинок	1			1
Топорики				
Из кварцевых сланцев (шлифованные)	3			3
» » (не шлифованные)	1			1
Из кремня (шлифованный)	1			1
Отбойники			1	1
Бруски		1		1
Отщепы (кремневые)	215	1130	1065	2410
» (кварцитовые)	3	14	20	37
» (сланцевые)	12	20		32
Керамика				
Общее количество черепков	50	58	630	738
Из них с орнаментом	10	23	150	183
Количество сосудов	4	19	29	52

ными рабочими краями, два без шлифовки. Первый топорик плоской формы, несколько суживающийся к спинке, сделан из серого сланца. На более широком конце его имеется довольно крутой отшлифованный участок. Небольшие следы шлифовки заметны на одном из краев топорика. От работы острый конец топорика в двух местах обломился (рис. 4, *1*). От второго топорика сохранились обломки рабочего конца. Топорик сделан из кремня, его рабочая, шлифованная часть имеет острый край (рис. 4, *2*). Третий топорик сделан из полосатого коричневато-серого кварцевого сланца. Обработан грубой ретушью. Одна сторона топорика плоская, другая слегка выпуклая. Широкий острый конец круто отшлифован. На нем имеется небольшой скол, образовавшийся при пользовании орудием (рис. 4, *3*). Четвертый топорик имеет плоскую форму, сделан из желтой кремнистой породы и обработан сколами. Рабочий конец его, по-видимому, обломан, на оставшейся части заметны следы шлифовки (рис. 4, *4*). Последний — пятый — топорик скорее представляет заготовку, так как не несет следов шлифовки. Топорик сделан из желто-серого крепкого окварцованного сланца и мог бы употребляться без шлифовки рабочего края. На более широком остром конце видны мелкие щербинки, образовавшиеся,

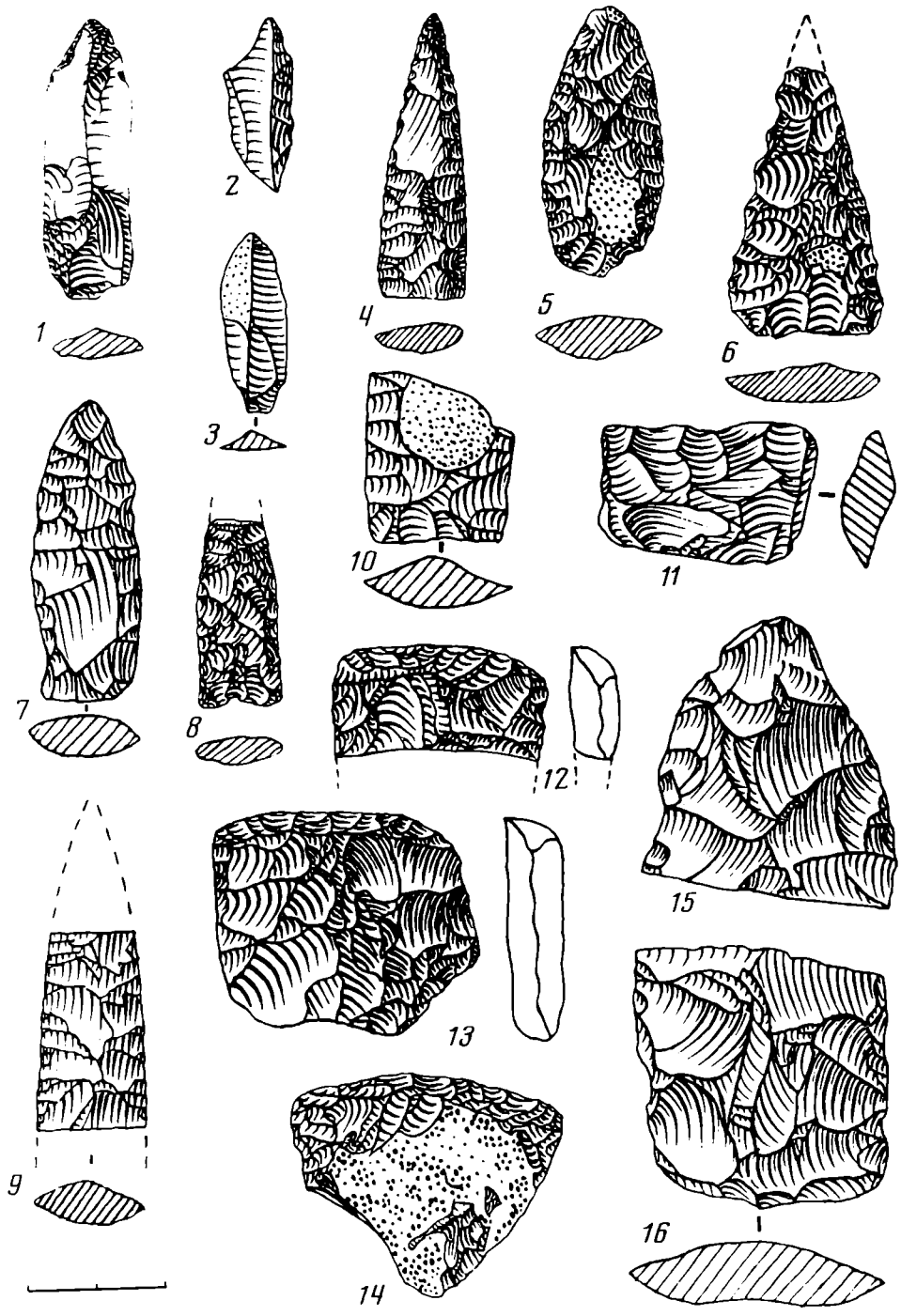


Рис. 3. Кремневые орудия с первого пункта: *1, 3* — наконечники стрел из ножевидных пластинок; *2* — проколка; *4—10* — наконечники стрел; *11—14* — скребки; *15—16* — обломки наконечников копий. (Все рисунки кремневых орудий выполнены сотрудником Коми филиала АН СССР К. С. Королевым.)

по-видимому, в процессе работы. В поперечном сечении имеет форму ромба (рис. 4, *5*). Одна его сторона ровная, гладкая по природе сланца.

Второй пункт располагался в нескольких десятках метров к северу от первого. На нем собрано значительно большее количество кремневых отщепов — 1130 шт.; из них 14 кварцитовых и 20 сланцевых, кроме того, 23 кремневых наконечника стрел и их заготовок (рис. 5, *1—21*), семь скребков (рис. 6, *1—6*), обломок наконечника копья (рис. 6, 7), два резца с об-

ломанными концами (рис. 6 *8*, *9*), точило-брусок (рис. 6, *10*) в поперечном сечении квадратной формы.

Орудия сделаны из кремня разного качества и цвета — серого, желтого, коричневатого и даже черного халцедона (рис. 5, *18*). Среди большого количества наконечников стрел только три целых (рис. 5, *1—3*). Один сделан из ножевидной пластинки (рис. 5, *1*), четыре заготовки (рис. 5, *15—21*), остальные в обломках. На большинстве обломков заметна тщательно сделанная мелкая ретушь (рис. 5, *4*, *5*, *8*, *10*). Четыре скребка из кремня хорошего качества (рис. 6, *6*). У всех скребков рабочие края затуплены. Обломанный наконечник копья сделан из желтого плохого качества кремня (рис. 6, *7*). Один из резцов сделан из голубовато-серого кремня и напоминает нож, однако его край обработан мелкой ретушью и не имеет режущего острия, противоположный конец сделан в виде скребка, самый кончик его обломан (рис. 6, *8*). Второй резец сделан из отщепа кремня хорошего качества коричневатого цвета с бурой корочкой (рис. 6, *9*). Точило из темно-серого мелкозернистого песчаника, квадратное в поперечном сечении, отшлифовано со всех четырех сторон и один конец затуплен (рис. 6, *10*).

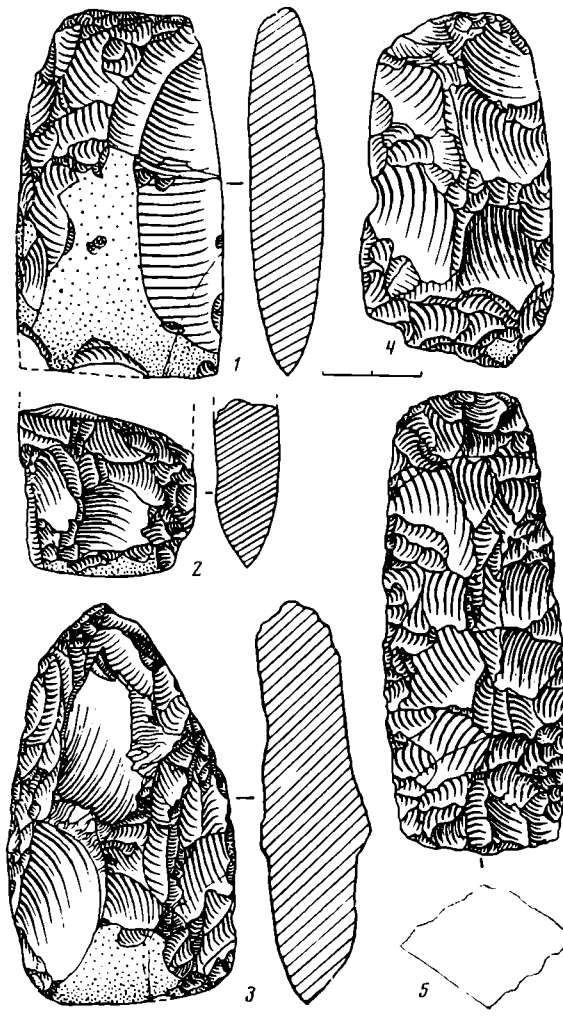


Рис. 4. Топорики из кремнистых сланцев с первого пункта

Третий пункт находится к северу от западной «землянки». Здесь собрано 1065 кремневых и 20 кварцитовых отщепов. Среди кремневых орудий 15 наконечников стрел, из них 5 целых (рис. 7, *1—5*), 10 обломанных (рис. 7, *6—13*); три обломанных наконечника копий (рис. 7, *14—16*), одна заготовка (рис. 7, *17*), три скребка (два из кремня — рис. 7, *18* и *19* и один из серого кварцита, рис. 7, *20*). Здесь же был найден отбойник — крупная галька до 13 *см* по длинной оси, продолговатой формы, удобной для работы. В двух местах на ней сохранились следы многочисленных ударов. Кремень, как и на первых двух пунктах, разноцветный и разнокачественный, есть и светло-серый халцедон (рис. 7, *6*, *13*, *18*). Материал и обработка орудий идентичны на всех трех пунктах.

Керамика. На поселении собрано большое количество (738) черепков глиняных сосудов, из них 163 с орнаментом, принадлежащих не менее чем 52 сосудам. Сохранность их плохая. В Заполярье в зоне вечной мерзлоты черепки быстро разрушаются, а лежащие на песках, ничем не прикрытые легко ломаются под копытами оленей. Несмотря на плохую сохранность черепков, все же удалось установить различие в орнаменте.

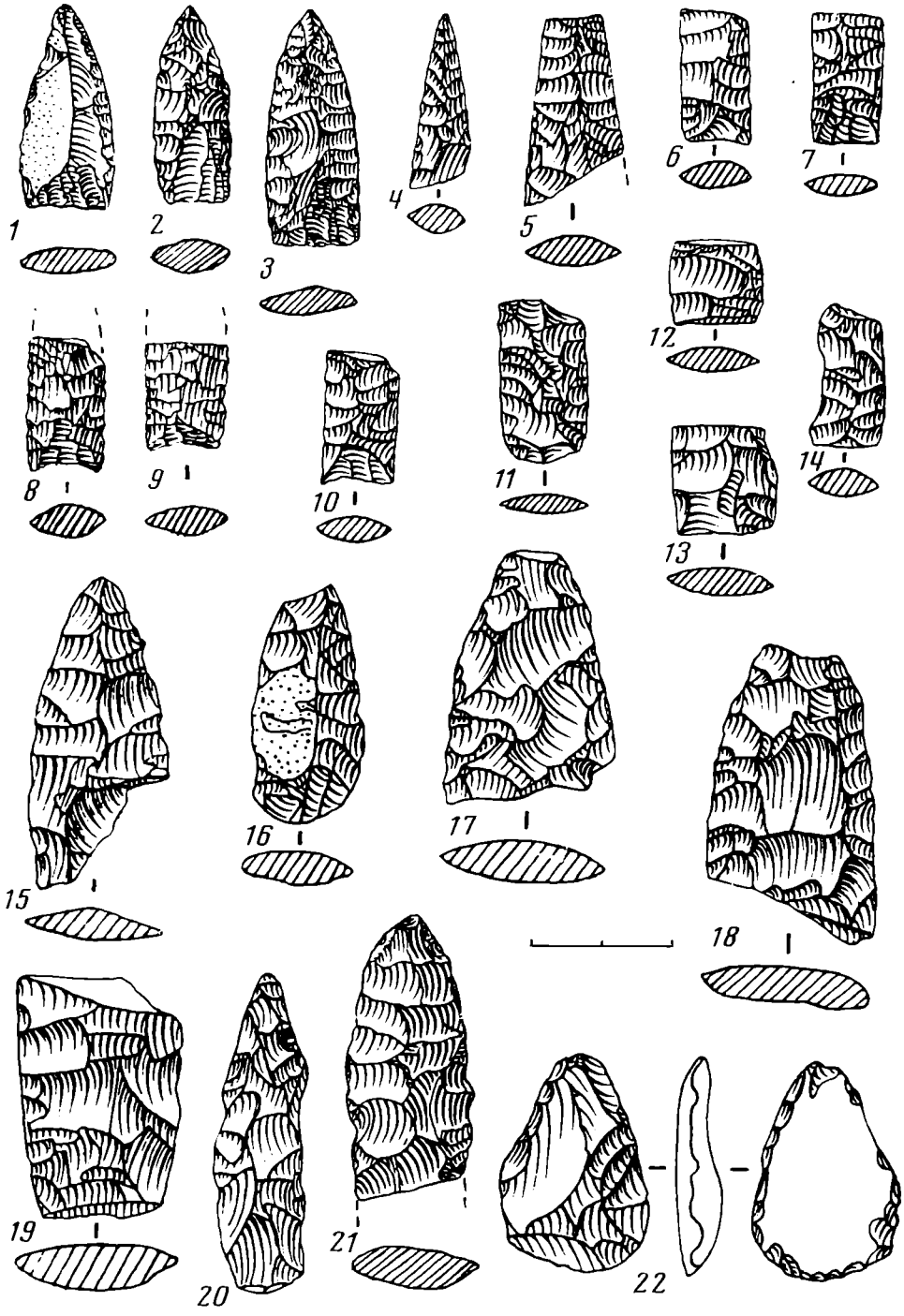


Рис. 5. Кремневые орудия со второго пункта: *1—14* — наконечники стрел; *15—21* — заготовки наконечников стрел; *22* — скребок

Сосуды орнаментировались различными штампами и ямками. Черепки со всех трех пунктов несут своеобразный, но сходный орнамент, за исключением небольшого числа более поздних.

В первом пункте собрано всего лишь 50 черепков. 10 из них с орнаментом принадлежат не менее чем четырем сосудам. Орнамент на черепках очень плохо сохранился, и только еле-еле видны оттиски гребенчатого штампа в виде квадратных зубцов или овалов (рис. 8, *1—3*). Судя по малому количеству черепков с орнаментом, сосуды украшались лишь в верх-

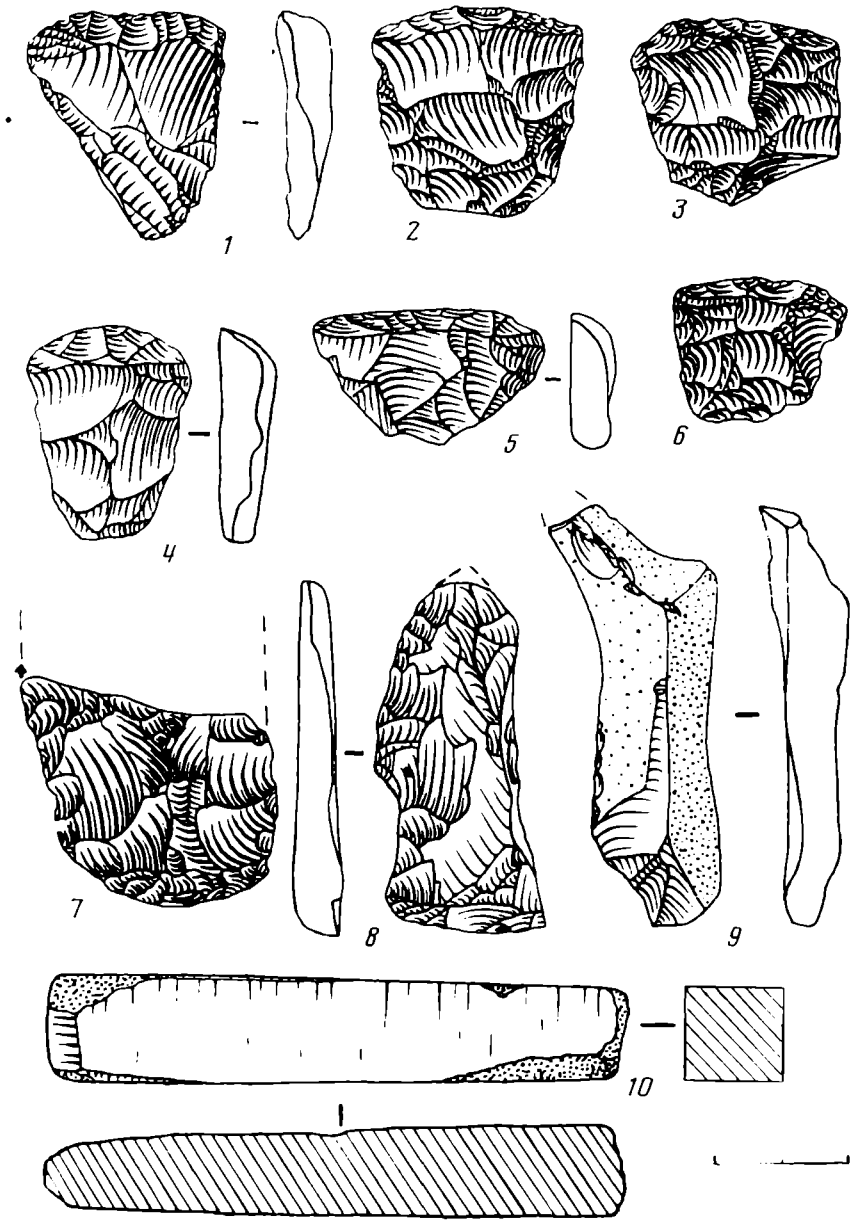


Рис. 6. Кремневые орудия со второго пункта: *1—6* — скребки; *7* — обломок от копья; *8, 9* — резцы; *10* — брусок из песчаника

ней части. Найден один обломок от венчика сосуда, орнаментированный ямками, расположенными в один ряд. На внутренней стороне черепка, против ямок, заметны бугорки с отпечатками пальцев. Венчик сосуда выше пояска ямок несколько утолщен и достигает 6 *мм*, ниже толщина черепка 3 *мм* [12]. Край сосуда слегка скошен внутрь и орнаментирован четырехзубчатым штампом. Сосуд имел в диаметре не более 25 *см*, вероятно, прямое тулово и круглое дно. Черепки от остальных сосудов (рис. 8, *2, 3*) с орнаментом относятся к верхней их части, ямки на них не сохранились. Обжиг сосудов неодинаковый, черепки имеют коричневый либо светло-коричневый цвет. В тесте некоторых черепков наблюдается примесь большого количества мелкой дресвы из дробленой кристаллической породы.

[12] Профили черепков даны на рис. 13.

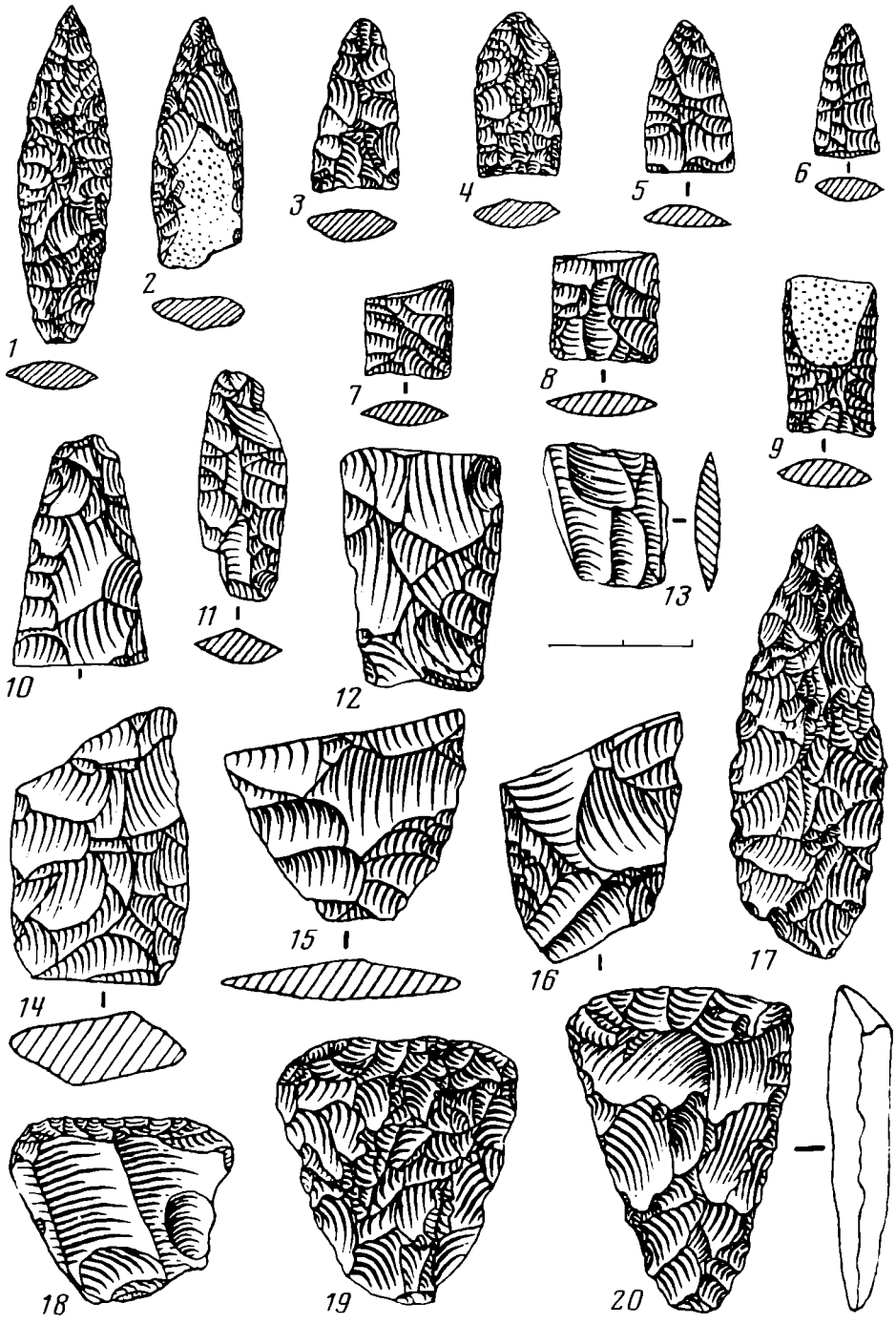


Рис. 7. Кремневые и кварцевые орудия с третьего пункта: *1—9* — наконечники стрел; *10—17* — заготовки и обломки наконечников стрел и копий; *18, 19* — скребки из кремня; *20* — скребок из кварцита

Во втором пункте собрано также небольшое количество черепков (58), из них 23 с орнаментом, эти черепки принадлежат не менее чем 19 сосудам. Все сосуды орнаментировались ямками и гребенчатым орнаментом. Гребенчатый орнамент наносился в самой верхней части сосуда и не очень низко опускался на бока, а ямки только у самого венчика. У одних сосудов ямки нанесены в один ряд (рис. 8, *4*, *6—9*), у других — в два и расположены обычно в шахматном порядке (рис. 9, *1—4*). Ямки наносились различными палочками с закругленным (рис. 8, *4—9*; рис. 9, *1*) или тупым

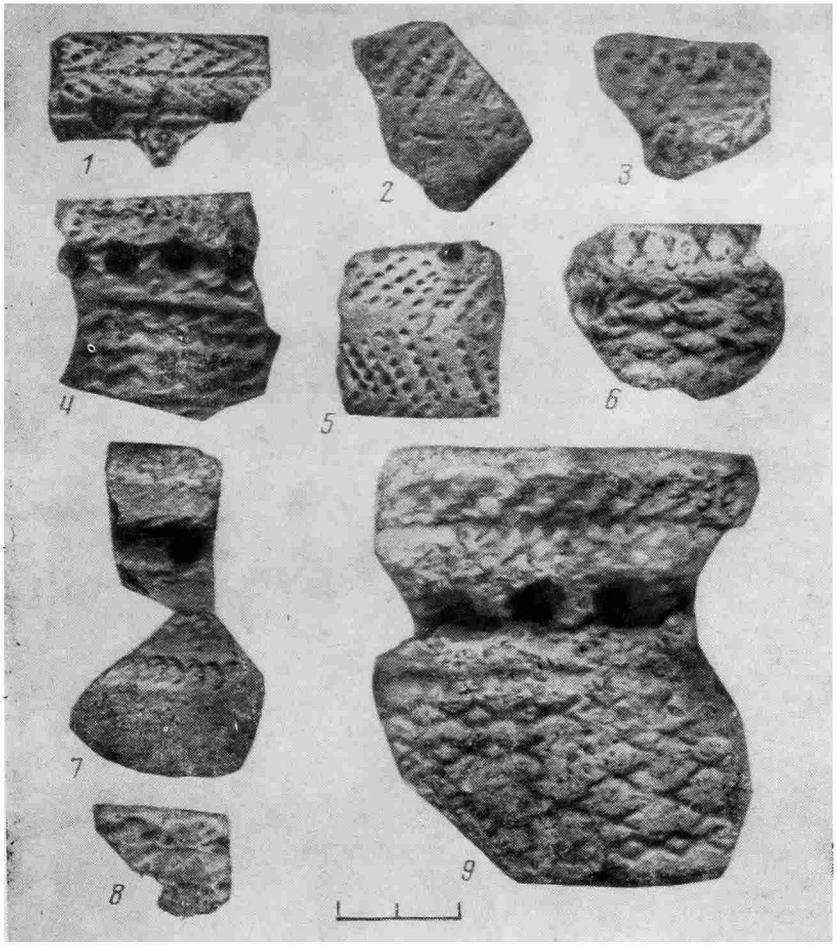


Рис. 8. *1—3* — фрагменты керамики с первого пункта; *4—9* — со второго пункта; *2—4, 8* — керамика устьхейягинского типа; *1, 5* — керамика лебяжской культуры; *6, 7, 9* — керамика раннежелезного века

концом (рис. 8, *4*; рис. 9, *2*). Вероятно, иногда ямки наносились и травой, как, например, у сосуда № 3 (рис. 9). У большинства сосудов против ямок на внутренней стороне выступают бугорки (рис. 8, *4*; рис. 9, *1—3*). На некоторых черепках сохранились отпечатки пальцев. Штампы гребенчатого орнамента довольно разнообразны, но преобладают гребенки с мелкими квадратными зубцами (рис. 8, *4, 5*; рис. 9, *6*) или продолговатые (рис. 8, *7*; рис. 9, *5, 10—12*). Оттисками крупного штампа украшены лишь два сосуда: один из них продолговатый (рис. 9, *5*), другой, трехугольный (рис. 8). Некоторые сосуды орнаментировались двумя штампами (рис. 8, *4*; 9, *1*).

Кроме зубчатых штампов сосуды орнаментировались узким угловатым штампом несколькими параллельными линиями (рис. 8, *4*) или штампом, напоминающим плавающую уточку (рис. 9, *1*) и часто несколькими слабоволнистыми параллельными линиями (рис. 9, *4, 8, 9*). Наконец, один сосуд (рис. 9, *13*) имеет ногтевой орнамент.

Сосуды имели прямое тулово с толщиной стенок от 4 до 6 *мм*, причем меньшая толщина приходилась на боковую и, по-видимому, на донную части. Судя по слабо выпуклым черепкам без орнамента, сосуды делались круглодонными. В глину добавлялась в разных количествах дресва из обожженных кристаллических пород — гранитов, так как в ней встречаются минералы кварца, полевого шпата и слюда, основных минералов

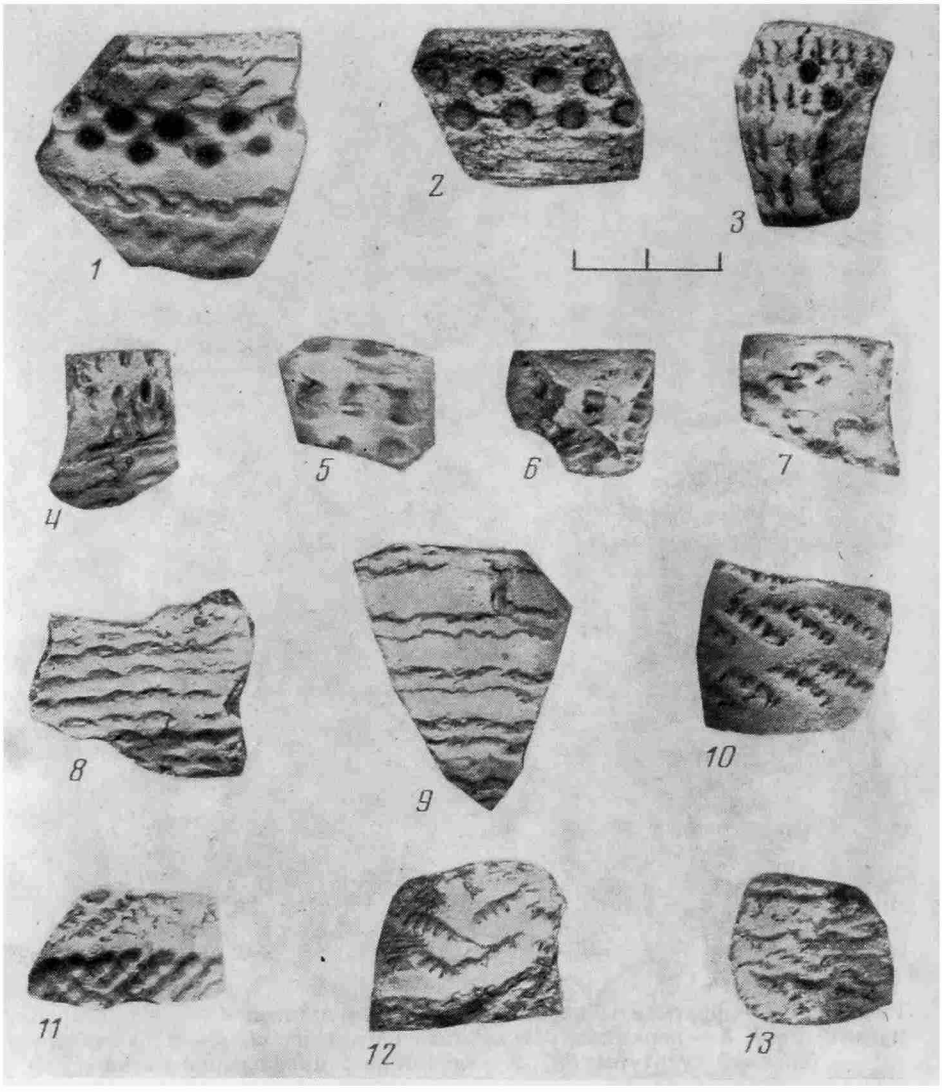


Рис. 9. Фрагменты керамики со второго пункта: *1—9, 13* — устьхейягинского типа; *10—12* — керамика лебяжской культуры

гранита. Обжиг сосудов довольно значительный, и черепки иногда имеют красновато-коричневый цвет. Размеры сосудов сравнительно небольшие, не более 25 *см* в диаметре. Один сосуд (рис. 9, *3*) имел лишь 4 *см* в диаметре и не более 4 *см* высоту, скорее всего, это был детский стаканчик. Кроме маленьких и мелких ямок сосуд украшен узкими вертикальными углублениями с очень мелкими зубчиками. На внутренней стороне сосуда, против ямок, отчетливо видны бугорки. Толщина стенок сосуда всего 3 *мм*.

В третьем пункте собрано 630 черепков, из них 130 с орнаментом, принадлежащим не менее чем 29 сосудам. Орнамент в общем сходен с орнаментом сосудов второго пункта, но в отличие от последних прослежены новые штампы. Сходство наблюдается в ямочном орнаменте; ямки также располагаются либо в один ряд (рис. 10, *1—4*), либо в два (рис. 10, *5—9*). На некоторых сосудах ямки образуют во втором ряду треугольники (рис. 9, *3*; 10, *8*, *9*). На большинстве фрагментов проследить орнамент невозможно, поскольку они слишком мелкие (рис. 10, *10—12*) или принадлежали боковой неорнаментированной части сосуда (рис. 11, *1—14*).

Как уже говорилось, в этом пункте насчитывается около 29 сосудов. На некоторых из них оттиски зубчатой гребенки с крупными (рис. 10, *1*, *5*)

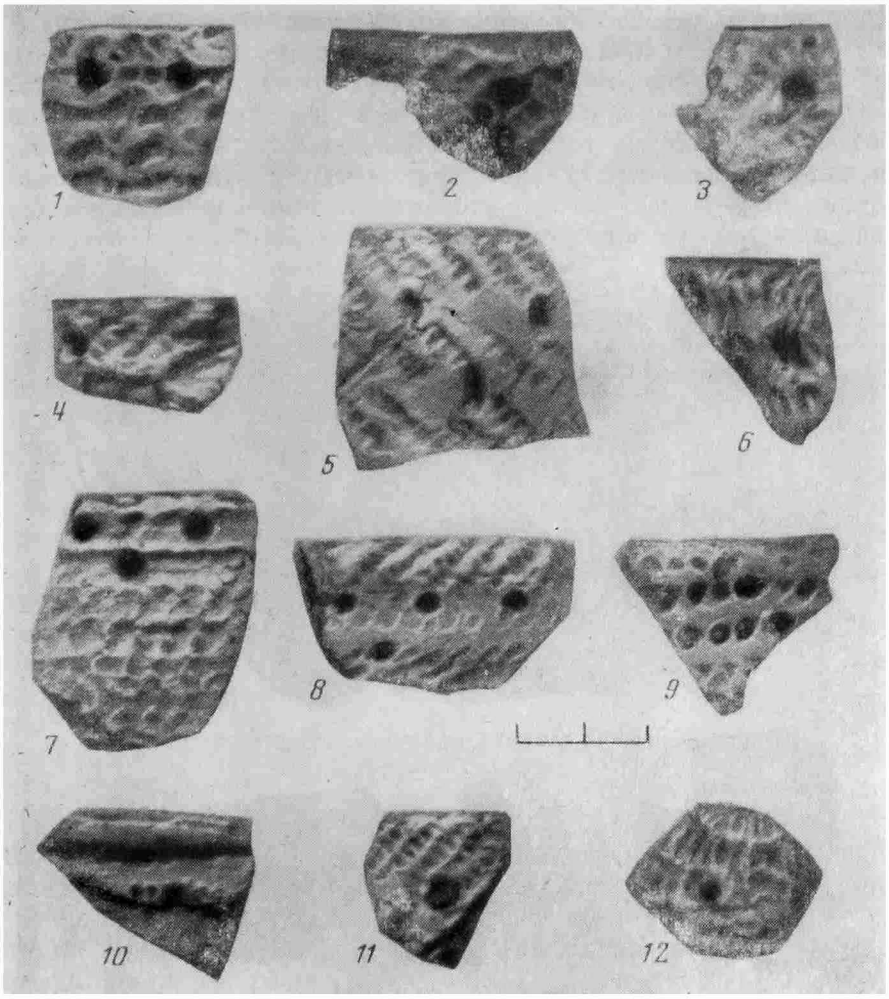


Рис. 10. Фрагменты с третьего пункта: *1—3, 5—9, 12* — керамика устьхейягинского типа; *4, 10, 11* — керамика лебяжской культуры

или более мелкими зубцами (рис. 10, *4*, *8*, *11*; 11, *14*). Почти на всех штампах зубцы не строго квадратные, а несколько продолговатые. Намечается некоторое сходство в орнаменте сосудов второго пункта (рис. 8, *4*; 9, *1*) с сосудами третьего пункта (рис. 10, *1*); у всех трех сосудов мы видим общий рисунок в виде нескольких волнисто изогнутых параллельных линий, но нанесены они различными штампами. Из новых штампов на сосудах третьего пункта следует отметить довольно часто встречающийся так называемый копытный штамп, двухпалый (рис. 10, *3*, *6*, *10*, *12*; 11, *1—4*, *13*) или трехпалый (рис. 10, *9*; 11, *5*, *6*), а также луночный орнамент, который наносился округленным концом палочки при различном нажиме (рис. 10, *2*, *7*; 11, *7*, *8*, *11*). Найден один черепок (рис. 11, *12*) с ромбическим штампом с четырьмя квадратиками внутри, не встречавшийся ранее.

По форме и размерам сосуды обоих пунктов сходны; это круглодонные сосуды с прямыми стенками толщиною 4—5 *мм* и некоторые до 6 *мм*. Только единичные сосуды имели, возможно, слабовыпуклые бока, если судить по слегка отогнутому наружу венчику (рис. 10, *11*; 11, *9*). Только у двух сосудов венчики были слегка утолщены (рис. 10, *4*, *11*). Если у сосудов второго пункта венчик был прямым или скошенным внутрь, то венчики многих сосудов третьего пункта были прямыми либо скошенными наружу (рис. 10, *1*, *4*, *5*, *7*, *8*, *11*). У большинства сосудов верхний край

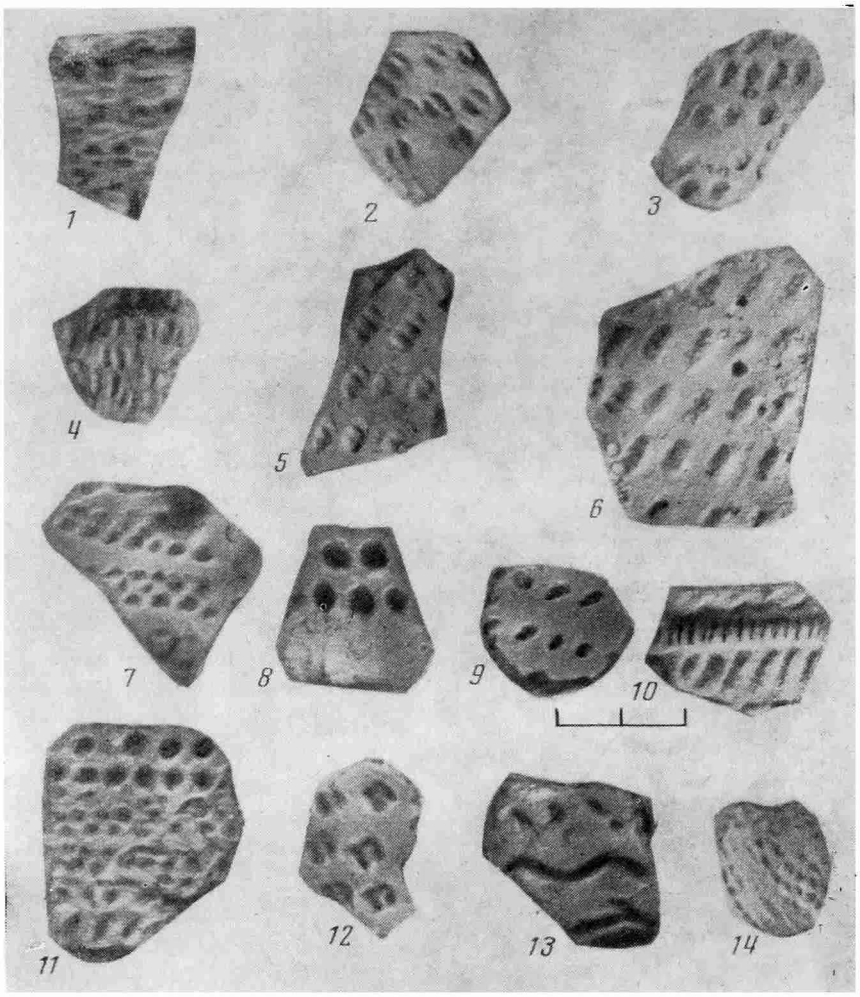


Рис. 11. Фрагменты керамики с третьего пункта устьхейягинского типа

венчика орнаментировался тем же штампом, что и весь сосуд. Только у некоторых сосудов на внутренней стороне венчика насечки наносились штампом в один ряд (рис. 10, *8*, *11*; 11, *1*).

Если судить по фрагментам керамики с третьего пункта, можно заметить, что орнамент наносился на верхней части сосуда, ниже одной трети его высоты. В нижней половине сосуды не имели орнамента, так как ни на одном изогнутом черепке, приходящемся на эту часть сосуда, не обнаруживается орнамент. В составе глины, из которой изготовлялись сосуды обоих пунктов, отличий не наблюдается. Обжиг сосудов различный: одни черепки имеют темно-серый цвет (рис. 10, *1*), другие коричневый (рис. 11, *13*).

Керамика со всех трех пунктов поселения одновременна, за исключением отдельных явно значительно более поздних черепков, которые указывают на более позднее посещение людьми этих мест. Таких черепков немного, всего от шести сосудов, но они значительно отличаются от вышеописанных орнаментом и формой. Подобного рода керамика известна на многих стоянках р. Коротаихи, а также на стоянках других рек Большеземельской тундры.

На втором пункте было собрано несколько орнаментированных фрагментов от сосудов с сильно выпуклыми боками и несколько утолщенным венчиком. По сравнению с сосудами поселения они имеют бо́льшие размеры и более толстые стенки. Два сосуда (рис. 8, *6* и *9*) были не менее

30 *см* в диаметре при толщине стенок 1 *см*. Оба сосуда близки по форме и орнаментированы, по-видимому, одним крестовым штампом.

На третьем пункте также собраны черепки позднего времени, принадлежащие трем сосудам с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 12, *1*) и одному без орнамента с плоским дном (рис. 13, *1*). На одном из сосудов, кроме ямок, сделанных тупым концом палочки и расположенных в один ряд, есть оттиски гребенчатого штампа, сильно стертые. На внутренней стороне, против ямок, намечаются слабые выпуклости, утолщение венчика

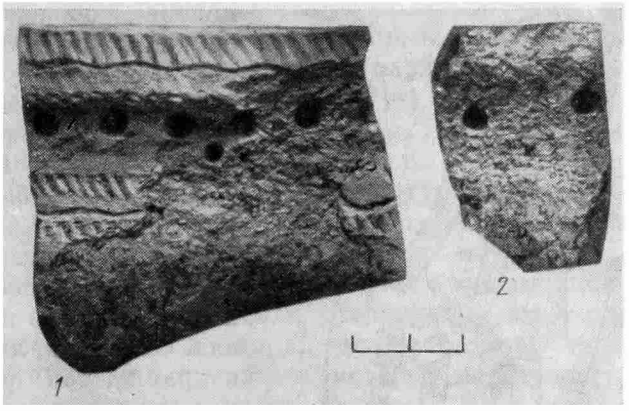


Рис. 12. Фрагменты керамики раннего железного века с третьего пункта

не наблюдается, но по верхнему краю на внутренней стороне видна как бы налепленная полоска глины. Край венчика слегка скошен наружу. Сосуд имел сильно выпуклые бока при толщине стенок 8 *мм*. Все три сосуда круглодонные, внешняя и внутренняя их поверхности несут следы заглаживания пучком травы.

Общим отличием этих сосудов от сосудов более раннего времени следует считать и качество глины. В нее примешивалось огромное количество крупных зерен дресвы из обожженных кристаллических пород, обычно гранитов.

Древнее поселение на р. Коротаихе, а также многочисленные стоянки (84) на ее берегах и притоках (рис. 1) Падимейвис и Таръю указывают, что эти места были заселены в древности в течение длительного времени. Уже при первых исследованиях верховий р. Коротаихи было ясно, что археологический материал стоянок разновозрастный [13]. Керамика имеет элементы, сходные с керамикой стоянок других рек Большеземельской тундры, которые датировались началом бронзового века и даже более ранним временем [14]. Большинство же стоянок относилось к I тысячелетию до н. э. Стоянки на р. Колве в Большеземельской тундре М. Е. Фосс относила к племенам так называемой печорской культуры и датировала их концом II и первой половиной I тысячелетия до н. э. [15]

В последние годы археологические исследования в Печорском бассейне были значительно расширены. В результате было выявлено большое количество стоянок неолитического, медно-бронзового и раннежелезного

---

[13] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV, 1951, стр. 308—324.

[14] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КПИЧП, 7, 1948, стр. 69, 71.

[15] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 145.

веков [16], а также и памятники позднепалеолитической эпохи [17]. В целом эти исследования позволили установить факт раннего заселения древним человеком Печорского бассейна, выявить несколько культур, наметить их распространение и связи с соседними районами [18].

Таким образом, обширный археологический материал Устьхейягинского поселения открывает самые широкие возможности в изучении истории распространения древних культур и, несмотря на то, что мы располагаем только подъемным материалом, некоторые выводы все же можно сделать при сравнении отдельных элементов обработки каменных орудий и керамики других стоянок Большеземельской тундры, р. Печоры и соседних с ней областей, расположенных к западу и к востоку Вычегодского и Беломорского бассейнов, низовий Приобья.

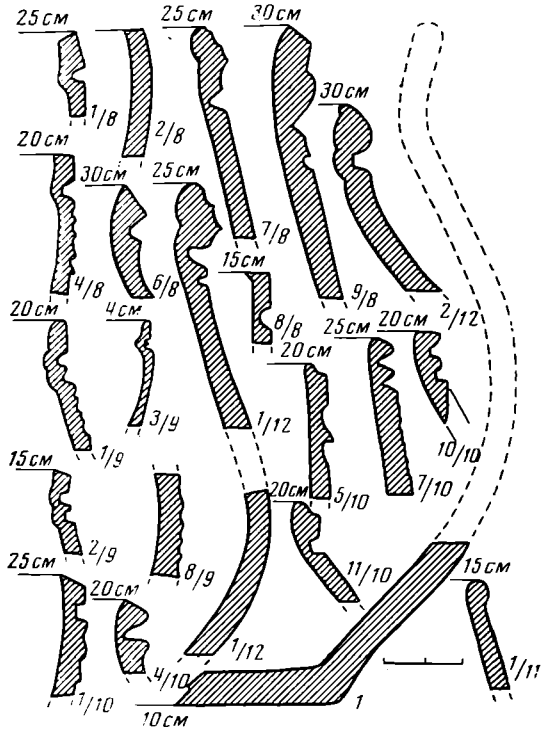


Рис. 13. Профиль черепков сосудов с устьхейягинского поселения. В числителе — номер черепка, в знаменателе — номер рисунка

Все каменные орудия Устьхейягинского поселения сделаны из довольно плохого материала. Очевидно, люди нуждались в кремне, так как поблизости нет его коренных выходов. Кремень добывался по большей части из валунов, что, кстати говоря, нами отмечалось и для других стоянок Большеземельской тундры [19]. Скребки и наконечники копий изготовлялись иногда из кварцитовых пород. Наконечники стрел изготовлялись из кремня не только плохого качества, но с явными изъянами; на рис. 3, *10*; 7, *9* даны наконечники, в кремне которых имеются участки (жеоды), заполненные мелкими кристалликами кварца, при обработке кремень в таких местах ломался. Совсем по-иному выглядят орудия стоянок близ рек, на которых имеются выходы коренных пород, содержащие кремни, как, например, на р. Ухте; эти кремневые орудия отличаются и более крупными размерами [20].

Несмотря на большое количество отщепов (2380 шт.) на Устьхейягинском поселении, изделий среди них сравнительно мало. Выделяются следующие типы орудий: наконечники стрел (44), значительно меньше ко-

[16] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Печорском бассейне. КСИИМК, 64, 1956; *его же.* Стоянки Средней Печоры. СА, 1959, 2; *его же.* Археологические памятники неолита и раннего железа. Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1959; *его же.* Уньинская пещерная стоянка в бассейне Печоры. СА, 1960, 2; *его же.* Стоянки р. Адзьвы; *его же.* Стоянки древнего человека на Усе и Средней Печоре. СА, 1964, 1; *В. И. Канивец.* Канинская пещера. М., 1964, стр. 28; *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы... *Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец.* Пещеры Печорского Урала. М., 1965.

[17] *Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев.* Стоянка Бызовская — палеолитический памятник у полярного круга. СА, 1965, 2.

[18] *Г. М. Буров.* Вычегодский край. М., 1965, рис. 29 и 31.

[19] *Г. А. Чернов.* Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, IX, 1941, стр. 101, 111; *его же.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры; *его же.* Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 96—114.

[20] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Печорском бассейне.

ний (7), скребки — 13, топорики — 5, два резца, одна проколка и один брусок. Значительное количество наконечников стрел, несомненно, указывает на то, что жители поселения занимались охотой. Несмотря на то, что не было обнаружено орудий, связанных с ловом рыбы, мы, тем не менее, считаем, что рыболовству уделялось большое внимание. Отсутствие же орудий рыболовства объясняется тем, что, видимо, они изготовлялись из костей, которые на поверхности песков быстро разрушались. Эту мысль подтверждают сохранившиеся оленьи черепа и рога, извлеченные в 1 *м* от поверхности на Хейбидя-Пэдарском жертвенном месте [21].

Наконечники стрел однообразны. Как исключение следует отметить несколько наконечников листовидной формы. В большинстве же случаев это наконечники с прямым основанием и параллельными ребрами (рис. 3, *4*, *7*; 5, *2*, *3*, *7*; 7, *5*), с небольшой выемкой (рис. 3, *6*, *8*, *10*; 5, *2*, *6*, *8*; 7, *3*, *4*, *7*) или с закругленным основанием (рис. 3, *5*; 5, *11*, *16*, *20*). Очень редки наконечники из ножевидных пластинок (рис. 3, *1*, *3*), которые встречались и на других стоянках Большеземельской тундры [22]. Обработка орудий в большинстве случаев грубая, и только некоторые из них несут вторичную мелкую ретушь, как, например, наконечники на рис. 5, *1*, рис. 7, *1*. Единичны и наконечники ланцетовидной формы с тупым основанием (рис. 7, *1*, *17*); возможно, они не относятся к культурному слою поселения, а занесены сюда в более позднее время. Следует отметить, что здесь не найдены наконечники с пильчатыми краями, которые встречались довольно часто на стоянках р. Колвы, Колвавис и Адзьвы [23]. Этот тип наконечников характерен для Беломорской культуры [24].

Скребки сделаны из отщепов, дополнительной ретушью в большинстве случаев обработан лишь рабочий край. Для поселения характерно наличие довольно большого количества топориков (5), которые, надо сказать, очень редки не только на стоянках Большеземельской тундры, но и всего Печорского бассейна. Было известно, два топорика русско-карельского типа, один найден близ г. Нарьян-Мара [25], другой — вблизи Троицко-Печорска [26] и один топорик другого типа был найден в верховьях р. Коротаихи [27]. Отметим кстати, что топорики русско-карельского типа, а также аналогичные устьхейягинским были обнаружены и на других стоянках р. Коротаихи в сборах 1961 г.

Таким образом, пока что р. Коротаиха является единственным в Большеземельской тундре пунктом, где орудия этого типа имели широкое применение. Обращает на себя внимание топорик из кремня (рис. 4, *2*) с отшлифованным рабочим концом. Подобные топорики отмечены А. Я. Брюсовым в балахнинской культуре [28], которая датируется первой половиной II тысячелетия до н. э.

По форме наконечники стрел поселения тождественны наконечникам других стоянок Большеземельской тундры. Так, наконечник с округлым основанием (рис. 3, *5*) имеет сходство с наконечником с р. Адзьвы [29]. На наконечниках со стоянок близ г. Нарьян-Мара, на р. Куе [30] и р. Колвавис [31]

[21] *Г. А. Чернов.* Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 84—88; *его же.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, 1955, стр. 291—320.

[22] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.

[23] *Г. А. Чернов.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы.

[24] *М. Е. Фосс.* Ук. соч.

[25] *Г. А. Чернов.* Стоянки в северной части Большеземельской тундры, рис. 27, *4*.

[26] *Г. А. Чернов.* Стоянки на Усе и Средней Печоре.

[27] *Г. А. Чернов.* Стоянки в восточной части Большеземельской тундры, табл. 1, *22*.

[28] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 87, 88, рис. 14, *10*, *11*.

[29] *Г. А. Чернов* Стоянки в бассейне р. Адзьвы, табл. XII, *5*.

[30] *Г. А. Чернов.* Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры, рис. 21, *10* и рис. 25, *6*.

[31] *Г. А. Чернов.* Стоянки в центральной части Большеземельской тундры, табл. IV, *45* и табл. VI, *74*.

мы отмечали ту же грубую обработку, как и на наконечнике с поселения (рис. 5, *2*). Такой же формы наконечники с плоским основанием (рис. 3, *7*; 5, *2*) встречаются на стоянках р. Ижмы [32].

Сходство наблюдается и в скребках даже такой редко встречающейся треугольной формы с прямым или слабозакругленным рабочим краем. Скребки (рис. 6, *1*; 7, *19*, *20*) известны с рек Адзьвы, Лае [33], Нижней Печоры, также с Колвы и Ижмы.

Из Канинской пещеры В. И. Канивцом указываются орудия, которые датируются медно-бронзовым веком, т. е. серединой II тысячелетия до н. э. Некоторые орудия Устьхейягинского поселения почти тождественны им. Так, например, наконечники (рис. 3, *3—7*) и скребок (рис. 6, *1*) сходны с орудиями Канинской пещеры [34].

Еще М. Е. Фосс видела сходство орудий Большеземельской тундры с орудиями западных районов, например каргопольской и беломорской культур, возраст которых ею определялся в широких пределах — конец III — середина I тысячелетия до н. э. [35]

Скребок с Мишь-Ваньской стоянки [36] немногим отличается от скребка (рис. 6, *1*) Устьхейягинского поселения. Возраст же указанной стоянки по керамике — III — начало II тысячелетия до н. э. Однако сходство каменных орудий не всегда дает уверенность в строгой их датировке, тем более что весь наш материал подъемный. Более надежной в этом отношении является керамика.

Наиболее древними для Устьхейягинского поселения следует считать сосуды с прямым или слабовыпуклым туловом с ямочным и гребенчатым орнаментом, где ямки располагаются в один или в два ряда в верхней части сосуда под венчиком. На таких сосудах во втором (нижнем) ряду ямки располагаются чаще через значительные промежутки. Создается впечатление разнообразия гребенчатого орнамента; он состоит как бы из различных штампов, не создающих определенной композиции, рисунок опускается и на тулово сосуда. Эти сосуды отличаются небрежным выполнением рисунка и небрежностью самих штампов. Даже ямки нанесены по большей части палочками с неровными концами, что хорошо видно на многих черепках (рис. 10, *1—6*, *8—12*). Тулово сосудов также небрежно украшалось неровными рядами насечек, сделанных луночным штампом (рис. 8, *3*; 10, *7*; 11, *7*, *8*, *11*). Небрежность в узоре наблюдается и на большинстве сосудов, украшенных другими штампами: зубчатым (рис. 9, *12*; 10, *5*, *6*), копытовидным (рис. 10, *6*, *12*; 11, *1—5*) или квадратной гребенкой (рис. 9, *5*; 10, *2*; 11, *12*). Неумело выполнен и самый маленький сосуд (рис. 9, *3*). Вероятно, подобная небрежность вообще характерна для стоянок этой культуры Большеземельской тундры. Таким примером могут служить сосуды со стоянок на реках Колвавис [37], Коротаихе [38], Адзьве [39] и с Мало-Соплясской на Средней Печоре [40].

На Устьхейягинском поселении встречены сосуды с орнаментом, который в последнее время стали относить к так называемой лебяжской культуре (рис. 8, *1*, *5*; 9, *10*; 10, *4*, *8*), недавно открытой, но широко рас-

---

[32] *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы. М., 1972, рис. 9, *9*, *20*, *38*; 24, *14*; 26, *25* и 27, *32*.

[33] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Печорском бассейне, рис. 44, *12*, рис. 46, *5*.

[34] *В. И. Канивец.* Канинская пещера, рис. 14, *2*, *14*; рис. 16, *18—21*; рис. 62, *1*, *2*.

[35] *М. Е. Фосс.* Ук. соч.

[36] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Печорском бассейне, рис. 44, *12*.

[37] *Г. А. Чернов.* Стоянки в центральной части Большеземельской тундры, № 64—66.

[38] *Г. А. Чернов.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры, табл. 15, *4*.

[39] *Г. А. Чернов.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы, рис. 4, *3*.

[40] *Г. А. Чернов.* Стоянки на Средней Печоре.

пространенной в Печорском бассейне и на Вычегде. Керамика лебяжской культуры подробно описана В. И. Канивцом [41]. Сосуды этой культуры были обнаружены нами и ранее в низовье Печоры [42] и на р. Адзьве [43]. Такая же керамика найдена близ г. Нарьян-Мара, на берегу Казенного озера (стоянка 12), у Пустозерска на двух стоянках — 4—6 и на р. Адзьве в двух пунктах. На Средней Печоре керамика лебяжской культуры была обнаружена на стоянках Аранецкой и Нижне-Петрушинской [44].

Позднее памятники этого типа были обнаружены В. И. Канивцом и В. Е. Лузгиным [45] в верховьях Печоры и на Средней Печоре, на реках Сотчемиоль, Велью, Лебяжская и др. Западнее Печоры стоянки той же культуры обнаружены в шести пунктах в верховьях р. Вычегды и одна на правом притоке р. Выми Г. М. Буровым [46]. В последнее время керамика лебяжской культуры была обнаружена и на стоянках р. Ижмы В. Е. Лузгиным [47], который отмечает поразительное сходство орнамента сосудов стоянки Якэ I с лебяжским. Время Якэ I он определяет поздним бронзовым веком, синхронизируя ее со стоянкой Кельчиюр II, которую следует датировать, по его мнению, третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

Стоянки лебяжской культуры близ г. Нарьян-Мара и на р. Адзьве являются пока самыми северными. И если наши выводы о наличии сосудов лебяжской культуры на Устьхейягинском поселении окажутся правильными, тогда граница ареала ее распространения продвинется далеко на северо-восток в Большеземельскую тундру, в бассейн р. Коротаихи, за 68-ю параллель. Попутно отметим, что Устьхейягинское поселение не единственное на Коротаихе, где найдена керамика лебяжской культуры. На берегах этой реки обнаружено множество стоянок, материал которых ждет тщательной обработки, хотя уже при беглом знакомстве с керамикой в орнаменте ярко выявляются элементы лебяжской культуры.

Если привлечь к датировке орнамент устьхейягинской керамики, можно заметить в нем, с одной стороны, черты более ранние, чем лебяжские, с другой — характерные для керамики Мишь-Ваньской стоянки [48]. Ямочно-гребенчатый орнамент черепков Мишь-Ваньской стоянки сходен с орнаментом волго-окской керамики с Языковской стоянки, которая датируется серединой III тысячелетия до н. э. [49] Материал Мишь-Ваньской стоянки Г. М. Буровым [50] относится к несколько более позднему времени, к III — началу II тысячелетия до н. э., а лебяжская культура датируется им медно-бронзовым веком (первой половиной II тысячелетия до н. э.). В. И. Канивец относит возраст лебяжской культуры к началу I тысячелетия до н. э., т. е. на целое тысячелетие позже [51].

Не вдаваясь в подробности этого хронологического спора, отметим, что в любом случае керамика лебяжского типа будет позже собственно устьхейягинской.

Анализ керамики показывает, что для мишь-ваньского времени характерны более крупные сосуды с ямочным или ямочно-гребенчатым орнаментом, покрывавшим бóльшую часть поверхности сосуда, а возможно,

---

[41] *В. И. Канивец.* Канинская пещера, стр. 81.

[42] *Г. А. Чернов.* Стоянки древнего человека в бассейне Печоры, рис. 22, *20—22, 27;* рис. 23, *28, 29.*

[43] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Большеземельской тундре; *его же.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы, табл. 15, *1, 4, 5;* табл. 18, *1.*

[44] *Г. А. Чернов.* Стоянки на Средней Печоре, рис. 3, *1,3;* 4, *4, 5;* 24, *36.*

[45] *В. И. Канивец, В. Е. Лузгин.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. МАЕСВ, Сыктывкар, 2, 1963.

[46] *Г. М. Буров.* Вычегодский край.

[47] *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы, рис. 23, *1—5.*

[48] *Г. А. Чернов.* Новые археологические находки в Печорском бассейне.

[49] *М. Е. Фосс.* Ук. соч.

[50] *Г. М. Буров.* Вычегодский край.

[51] *В. И. Канивец.* Канинская пещера.

и весь сосуд, имеющий круглодонную форму с прямыми толстыми стенками. Второй этап в развитии керамики, который падает на так называемое устьхейягинское время, характеризуется также ямочно-гребенчатым орнаментом, но здесь ямки явно отступают на второй план, остаются лишь только в верхней части сосуда в один — три ряда, начинаясь от самого венчика. На этих сосудах, наоборот, большее место отводится гребенчатому орнаменту, который к тому же приобретает и разнообразный рисунок в виде лунок, копыт, квадратиков и др. Эти сосуды несколько уступают по размерам сосудам предыдущего этапа, хотя имеют ту же круглодонную форму с прямыми стенками, но орнаментированы лишь в верхней части, и только некоторые из них, например сосуд со стоянки у истоков р. Колвавис [52], имеют орнаментированное тулово. Сосуды орнаментировались обычно одним каким-нибудь штампом и очень редко двумя. Сосуды, орнаментированные одним штампом, фактически не имеют какого-либо строгого рисунка, поскольку насечки штампом наносились обычно небрежно. Отдельные сосуды имели слабовыпуклое тулово, но венчик никогда не утолщался; он был либо прямым, либо срезанным наружу. Сосуды с подобным орнаментом встречены нами на р. Щучьей и датируются II тысячелетием до н. э. [53]

Третьему этапу соответствует лебяжская керамика, которая характеризуется своеобразным орнаментом, выполненным преимущественно зубчатыми штампами. Ямки наносились лишь в один ряд и иногда ставились дополнительные на значительном расстоянии друг от друга под основным рядом. Зубчатыми штампами насечки наносились уже в определенном порядке, создавая определенный рисунок. По размерам сосуды такие же, как и на предыдущем этапе, но в отличие от них часто имеют слегка утолщенный венчик. Главное отличие их от сосудов предыдущего этапа — орнамент, выполненный с большой аккуратностью.

Сосуды третьего этапа (рис. 8, *7* и *2*, *3*; рис. 12, *1*, *2*) имеют по орнаменту и форме сходство, с одной стороны, с сосудом Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [54], с другой — с сосудами, известными на 6-й стоянке р. Щучьей. Сосуды с подобным орнаментом известны также на стоянке Зеленая горка, которую В. Н. Чернецов датирует началом I тысячелетия до н. э. [55]

Мы не разделяем точку зрения В. И. Канивца [56] на то, что сосуды с крестовым штампом якобы свойственны лебяжской культуре. Сосуды с таким орнаментом на Печоре и в Большеземельской тундре очень редки, и, думается, их появление в Печорском бассейне связано с влиянием особой культуры, которая имела широкое распространение в низовьях бассейна Оби. Время распространения этой культуры в Обском бассейне, по данным В. Н. Чернецова, относится к VI—IX вв. н. э. [57]

Наша точка зрения отчасти подтверждается и исследованиями В. Е. Лузгина в бассейне р. Ижмы. В частности, он пишет: «В орнаментации обоих памятников заслуживает внимания отсутствие крестообразного штампа, украшающего в сочетании с типичными лебяжскими узорами посуду других лебяжских поселений Печоры. Вряд ли это объясняется случайностью» [58].

Ко второй половине I тысячелетия н. э. относятся и наши сосуды с крестовым орнаментом, обнаруженные во втором пункте. Сосуд на рис. 9, *6* по форме венчика очень сходен с сосудом из верхней части культурного слоя жертвенного места на р. Хэйбидя-Пэдаре [59], большинство сосудов ко-

[52] *Г. А. Чернов.* Стоянки в центральной части Большеземельской тундры.
[53] *Г. А. Чернов.* Археологические находки на р. Щучьей, рис. 26, *1—4*, *12—14*.
[54] Там же, табл. I, *1*.
[55] *В. Н. Чернецов.* Зеленая горка близ Салехарда. КСИИМК, 25, 1949.
[56] *В. И. Канивец.* Канинская пещера.
[57] *В. Н. Чернецов.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, 58, 1957.
[58] *В. Е. Лузгин.* Древние культуры Ижмы.
[59] *Г. А. Чернов.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, табл. III, *2*.

торого, а также металлические изделия датируются серединой I тысячелетия н. э. По-видимому, к этому времени следует относить сосуд с плоским дном, обнаруженный в третьем пункте Устьхейягинского поселения (рис. 13, *1*).

Таким образом, материал, собранный на Устьхейягинском поселении, позволяет сделать вывод, что это раннее поселение неоднократно заселялось и в более позднее время, что еще раз подтверждается наличием разновременных многочисленных стоянок на берегах р. Коротаихи и ее притоков Падимейтывис и Таръю.

G. A. Tchernov

ETABLISSEMENT PREHISTORIQUE D'OUSTKHEIAGHINE SUR LA RIVIERE KOROTAIKHA

Résumé

Cet article offre une description des découvertes archéologiques faites sur les bords de la Korotaïkha, lors de prospections géologiques, en 1961, dans la partie nord-est de la toundra de Bolchéziémelskoïé. Des outils de silex et des tessons de poteries d'argile ont été recueillis sur la rive droite de la Korotaïkha, un peu en aval de l'embouchure de la Kheïaghi, sur la IIIème terrasse supérieure, formée en haut de sables. Tout le matériel archéologique concentré en trois points, a été ramassé à la surface dégagée de sable. On a recueilli au total 2410 éclats de silex, 77 outils de silex, 738 fragments de poteries d'argile provenant d'au moins 52 ustensiles. Le sable a conservé la trace de bandes herbeuses rappelant par leurs contours quelques bâtiments. Ces constructions supposées et la grande quantité d'objets trouvés dans le sol font croire qu'à cet endroit il y avait un établissement. Les pièces de silex et la céramique permettent de penser que cet établissement a duré de façon permanente du IIIe millénaire au IIe millénaire av. n. ère, jusqu'à la première moitié du Ier millénaire de n. ère. Les formes des instruments de silex et le décor des poteries présentent des éléments de ressemblance avec le matériel des monuments de régions éloignées: à l'ouest, le bassin de la Vytchegda et de la Biélomor; au sud, celui de la Kama, et à l'est celui du cours inférieur de l'Obi.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

АИБУНАРСКИЙ МЕДНЫЙ РУДНИК IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА БАЛКАНАХ

(Исследования 1971, 1972 и 1974 гг.)

Медные рудники энеолитического времени в Южной Болгарии были открыты в октябре 1971 г. в результате разведок отряда Болгаро-советской археологической экспедиции [1]. Наиболее интересный из этих рудников Аи бунар, безусловно, относится к числу редчайших памятников горного дела IV тысячелетия не только в Европе, но и в других частях Старого Света. Ведь только в том же 1971 г. Б. Йованович опубликовал сведения о первых на Балканском полуострове находках нескольких обломков керамики винчанского облика и зооморфной фигурки на руднике Рудна Глава в Северо-Восточной Сербии [2], позволивших ему предположить энеолитический возраст последнего. Однако сохранившиеся на Рудной Главе остатки древних шахт были очень малы [3], мощные разработки античного и средневекового времени, хорошо документированные историческими источниками [4], делали возраст сохранившихся выработок весьма проблематичным.

В противоположность этому Аи бунар даже в момент его открытия поражал большим количеством энеолитической керамики типа Караново VI — Гумельница, найденной в разработках, роговыми орудиями и, главное, безупречно датированными огромными рудными выработками. Интерес к Аи бунару возрастал еще и потому, что в радиусе примерно 15 *км* от рудника стало известно о семи селищах, в энеолитических слоях которых нашли более 100 кусков медной окисленной руды, происходившей, как показал спектральный анализ, из выработок Ап бунара. Археологический материал, с которым связывалась найденная руда, относился в основном к культуре гумельница (Караново VI), а обнаруженные в Берекетской могиле, и особенно в поселении у Окружной больницы Старой Загоры, медные аибунарские минералы могут быть датированы еще более ранним временем, типа культуры марица (Караново V) [5].

Аи бунар находится в районе Южной Болгарии, где сосредоточено множество огромных «селищных могил», состоящих в значительной степени из напластований энеолитического возраста. Спектральные анализы руд Аи бунара и сопоставление их состава с энеолитическим металлом наметили предварительные связи с этим рудником изделий IV тысячелетия, медь

---

[1] *Е. Черних, А. Радунчева.* Старите медни рудници около гр. Стара Загора. Археология, 1, 1972.

[2] *B. Jovanović.* Metalurgija eneolitskog perioda v Jugoslavije. Beograd, 1971, s. 18—21, tabl. III.

[3] Ibid., s. 18. Например, шахты 3 и 4 имели диаметр всего от 40 до 60 *см* при длине не более 3 *м*.

[4] *O. Davies.* Roman Mines in Europe. Oxford, 1935; *B. Jovanovic.* Op. cit., s. 18.

[5] Результаты раскопок 1970—1974 гг. сотрудника старозагорского музея М. Димитрова еще не опубликованы.

которых была обогащена различными примесями — свинца, серебра, висмута и др. [6]

Аи бунар расположен в 8 *км* к северо-западу от г. Стара Загора (Южная Болгария) в слабогористой и густозалесенной местности, где окружающие вершины не превышают 500—600 *м* над уровнем моря. Рудное тело выходит на поверхность на высотах 330—400 *м* над уровнем моря.

Тип месторождения гидротермальный (жильный); характер оруденения полиметаллический, поскольку большинство его участков кроме меди обогащено свинцом, цинком и некоторыми другими элементами. Рудное тело протянулось с северо-востока на юго-запад ломаной дугой длиной почти в 1,5 *км*, пересекая три невысокие горы или холма: Хасанов (Асанов) трап, Малка Тумба и Чаирлышката усойна. Во многих местах руда выходит на поверхность в виде окисленных медных минералов — малахита и более редкого азурита.

Оруденение представлено, как правило, в виде относительно узких жил шириной 0,5—5 *м*. На некоторых участках параллельные жилы, сливаясь, образуют довольно мощные линзы шириной до 10—15 *м*. Рудовмещающие породы — преимущественно известняки, мергели и, гораздо реже, доломиты.

Первые геологические работы на Аи бунаре были проведены местным промышленником Иваном Азмановым в 1934—1935 гг. Однако И. Азманов обнаружил на Аи бунаре лишь следы древних работ и посчитал их «римскими» [7]. Здесь он собрал довольно большую коллекцию древних предметов, ныне, к сожалению, в значительной степени утраченных. Сведения о его находках в печать не попали.

Регулярные геологические исследования Аи бунара, начатые в 1956 и 1959—1961 гг., привели к заключению о бесперспективности аибунарского рудопроявления. Может быть, поэтому сведения об Аи бунаре не попали даже в справочную геологическую литературу [8]. Первые сообщения об Аи бунаре в печати появились лишь в 1972 г. [9], если не считать очень беглого упоминания в книге Г. Конярова о безымянном рудопроявлении в этом районе [10].

В 1971 г. разведка установила на Аи бунаре наличие как минимум шести древних выработок (№ 1—6). Древнейшие из них датировались энеолитическим возрастом. Находки в выработке № 4 керамики позднебронзового («гальштатского») времени оценивались тогда как свидетельство эксплуатации рудника в конце II тысячелетия до н. э. [11] Раскопками 1972 г. последний вывод был опровергнут.

В результате исследований 1972 и 1974 гг. мы располагаем сведениями об 11 древних выработках, разбросанных по всей длине рудного тела. Эту цифру, однако, нельзя считать окончательной, поскольку следы древних разработок на поверхности прослеживаются весьма слабо.

Топография разработок отражена на рис. 1. Шесть выработок (№ 1, 2, 7—10) обнаружены на склонах горы Хасанов трап, три (№ 3, 4 и 11) — на холме Малка Тумба и, наконец, разработки № 5 и 6 расположены на

---

[6] Близкая по составу медь отмечена не только в болгарских памятниках, но и среди Карбунского клада из Молдавии (*Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 53—57, 115, 116, табл. V).

[7] Так он писал о них в своих дневниках, сохранившихся у вдовы его брата З. Азмановой.

[8] *Й. Йовчев.* Полезни изкопаеми на НР България. София, 1961.

[9] *Е. Н. Черних, А. Радунчева.* Ук. соч.; *Е. Н. Черных.* О древних медных рудниках Болгарии. Тез. докл. на сессии и пленумах ОИН и ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, стр. 56—58; *Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных.* Болгаро-советская экспедиция в 1971 г. АО—1971, М., 1972; *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время. М., 1972, стр. 132—134; *его же.* Аи бунар — древнейший рудник Европы. «Наука и жизнь», 1974, № 3.

[10] *Г. Коняров.* Принос към историята на рударството и металургията в България. София, 1953, стр. 16.

[11] *Е. Черних, А. Радунчева.* Ук. соч., стр. 64, обр. 5, 6.

северном склоне горы Чаирлышката усойна [12]. Ниже (табл. 1) приводятся сведения о форме и размерах выработок.

Почти все древние разработки имеют вид узких, щелевидных карьеров. Их облик прежде всего обусловливался формой рудного тела. При линзовидных расширениях жил карьеры могли достигать 10 *м* и более ширины, но в маломощных жильных ответвлениях они сужались до 0,5—0,7 *м*.

Раскопы и траншеи достигли дна лишь в самых неглубоких частях карьеров — на уровне 2 — максимум 4 *м*. По данным геологов, глубина юго-западной части карьера № 3 достигала не менее 15 *м*. В древней раз-

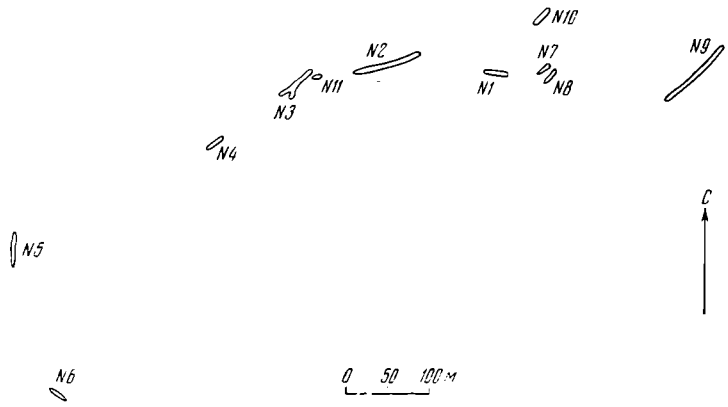


Рис. 1. Расположение основных выработок на руднике Аи бунар

работке № 2 шахта Азманова прошла вглубь на 18—20 *м*, но дна карьера, как и в предыдущем случае, достигнуто не было.

В октябре-ноябре 1972 г. на выработках № 2—4 Аи бунара отряд Болгаро-советской экспедиции произвел раскопки.

Выработка № 4 расположена близ самой вершины холма Малка Тумба. Во время разведок здесь было собрано наибольшее количество энеолитической и позднебронзовой керамики [13]. Характер заполнения верхней части выработки (темно-бурый или черный культурный слой) и находки глиняной обмазки позволили предположить, что в карьере было устроено древнее жилище. В связи с этим здесь заложили раскоп общей площадью 225 $м^2$, покрывавший следы выработки и прилегающую к нему поверхность холма (рис. 2).

Выработка № 4 — одна из самых небольших на Аи бунаре. Раскопанная часть представлена цепью из двух карьеровидных и одной шахтообразной выемок [14], обозначенных нами 4, *а*, 4, *б* и 4, *в* (рис. 2 и 3). Выемки приходились на небольшие линзы медной минерализации, чередующиеся с участками, обогащенными окислами железа (лимонитизированные жилы). Ожелезненные участки жил древние горняки оставляли нетронутыми (рис. 3 и 4).

Выемка 4, *а* — самая маленькая в этой цепи. Раскоп затронул северо-восточный конец выемки. Максимальные размеры вскрытой части: длина 2,5 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 1 *м*.

Выемка 4, *б* — наиболее значительная (рис. 2—4). Максимальные размеры по верху: длина 12 *м*, ширина 2,5 *м*, глубина не менее 6 *м*. Выемка была расчищена до глубины 5 *м*. Стальной щуп, забитый еще на 1 *м*, дна также не достиг.

[12] Первоначально нумерация разработок отражала порядок, в котором они были обнаружены и описаны; в результате работ 1974 г. нумерация несколько изменилась в связи с уточнением взаимного расположения отдельных карьеров.

[13] *Е. Черних, А. Радунчева.* Ук. соч., стр. 64, 65, обр. 4—6.

[14] Эта цифра не окончательная. Новые выемки могут быть, вероятно, открыты при расширении раскопа в северо-восточном направлении.

Выемка 4, *в* своей формой напоминает небольшую шахту длиной 4 *м*, шириной 2 *м*, глубиной 3,3 *м*.

Самой интересной здесь, бесспорно, является выработка 4, *б*. Она отличалась от прочих не только большими размерами, но и устройством в ней жилища эпохи поздней бронзы. Ниже жилища, в слое энеолитических отвалов, открыто захоронение двух человек.

Стратиграфия выемки 4, *б* следующая (рис. 2): 0—20 *см* — почвенный темно-бурый или коричневатый слой, сплошь пронизанный корнями деревьев и кустарников; сильная примесь дробленого известняка — выброса из геологической канавы; 20—220 *см* — черный или темно-бурый слой,

Таблица 1

Форма и размеры древних выработок Ан бунара

№ выработки	Форма выработки	Длина, *м*	Средняя ширина, *м*	Максимальная глубина (не менее), *м*	Степень и характер современных повреждений
1	Карьер или шахта	25–30	5–6	4–5	Средняя; шахта Азманова
2	Карьер	~80	5–10	18–20	Незначительная; шахта Азманова
3	»	50–80	3–10	13–15	Незначительная; геологические канавы
4	Шахта малая, карьер	20–25	1–2	6	То же
5	Карьер	40–50?	3–5	?	»
6	»	25–30	3–8	4–5	»
7	»	18–20	3–5	2–4	»
8	»	15–20	3	1–2	»
9	»	~110	4–6	3–3,5	»
10	»	20–30?	4–6	?	»
11	»	10–15	2–3	?	»

достаточно сильно пронизанный корнями деревьев и кустарников; заметная примесь дробленого известняка древних отвалов; на уровне 50—60 *см* пересекается каменной вымосткой промежуточного пола позднебронзового жилища; 220—260 *см* — темно-серый или коричневатый слой, сильно насыщенный известняковым щебнем; 260—315 *см* — каменная кладка над парным погребением, само погребение и каменная вымостка дна могилы; 315—500 *см* — светло-серый или светло-коричневый слой отвалов из известнякового щебня с примесью медных минералов.

Культурный слой жилища имеет мощность не менее 2 *м* (глубина 20—220 *см*). Он сильно насыщен керамикой позднебронзового времени и кусками глиняной обожженной обмазки с четкими следами деревянных прутьев на них. Слой четко оконтуривается почти вертикальными скальными стенками выработки 4, *б*. По мере удаления от разработки керамика встречается все реже и реже и практически ограничивается полосой в 2—2,5 *м*. Общий цвет и характер слоя вне выработки отличается также сильно: на поверхности скал лежит коричневатая тонкая почва мощностью примерно 5—15 *см*, фактически лишенная находок.

Слой жилища четко делится на два горизонта каменной выкладкой промежуточного пола (рис. 2). Эта вымостка выполнена довольно небрежно из камней различного размера на уровне 60—120 *см* от дневной поверхности (ее уровень понижается в юго-западной части).

Наиболее насыщенным находками является слой на уровне 20—40 *см* глубины. Ниже (вплоть до промежуточного пола) находок несколько меньше. Здесь же обнаружены половинка круглой просверленной камен-

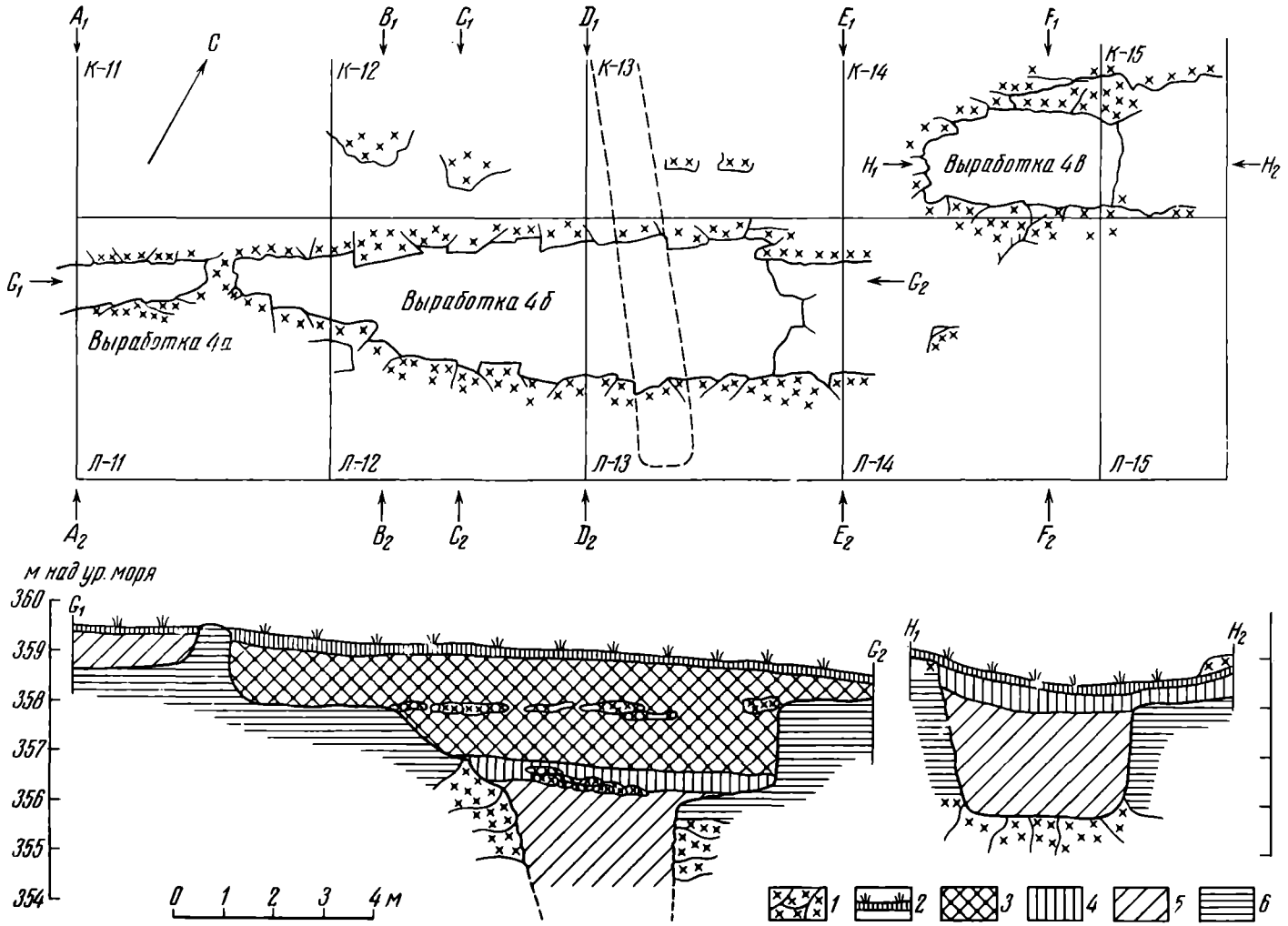


Рис. 2. План раскопа и стратиграфия отложений в выработках № 4 *а*, *б* и *в*: 1 — известняки и доломиты; 2 — почвенный слой; 3 — культурный слой жилища; 4 — темно-серый или коричневатый слой, насыщенный щебнем; 5 — отвал «пустой» породы; 6 — лимонитизированная (ожелезненная) жила

ной булавы (рис. 5, *18*) и незначительное количество обломков керамики энеолитического возраста.

Ниже промежуточного пола выработка и, соответственно, жилище заметно уменьшаются как в продольном, так и поперечном сечениях. В нижнем горизонте жилища попрежнему часто встречается керамика позднебронзового типа. Однако доля обломков сосудов энеолитического времени возрастает по мере углубления слоев.

Примерно на уровне 220 *см* слой заполнения выработки становится заметно светлее и резко меняется соотношение между энеолитической и позднебронзовой керамикой. Пласт 220—260 *см* содержал лишь единичные обломки сосудов эпохи поздней бронзы при заметном преобладании керамики IV тысячелетия. Поэтому можно считать, что пол нижнего горизонта жилища, по всей вероятности, был устроен приблизительно на глубине 2,2 *м* от верхних краев выработки.

Форма жилища и его конструкция, видимо, претерпели изменения на уровне верхнего горизонта. Первоначально это было целиком углубленное в выработку жилище типа землянки. Его скальные стены, вероятно для утепления, были обложены прутьями и обмазаны глиной, которая затем обжигалась. Однако это остается лишь предположением, поскольку на скальных стенках выработки следов обмазки не сохранилось. С течением времени жилище заполнялось отложениями, и его оби-

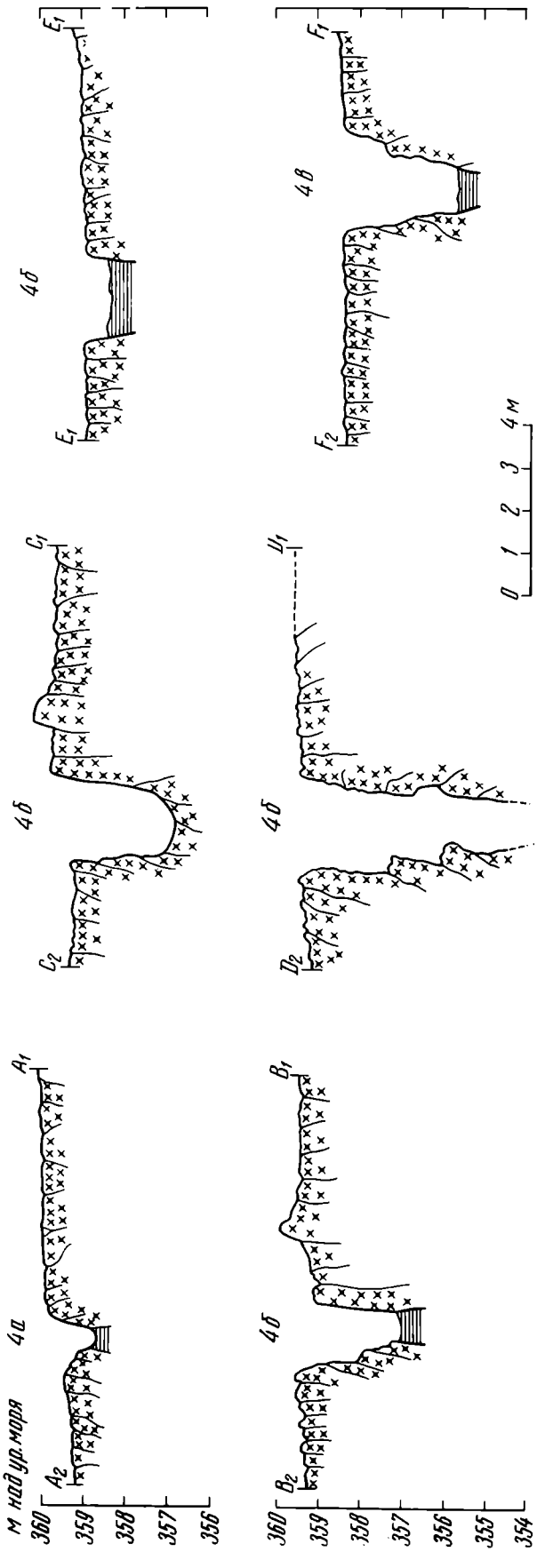


Рис. 3. Разрезы выработок № 4 *а*, *б* и *в*. Условные обозначения см. на рис. 2

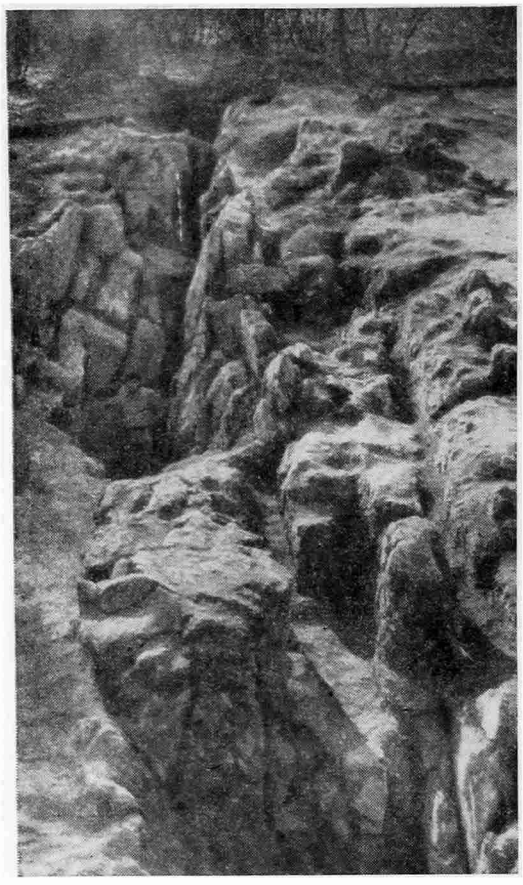


Рис. 4. Выработка № 4. Вид с северо-востока

татели, вероятно, должны были воздвигать какие-то наземные стенки, сооруженные либо из дерева, либо из поставленных на ребро известняковых плит. Перестройку жилища следует связывать с верхним горизонтом, когда была сооружена каменная вымостка пола. Следов очагов или иных отопительных сооружений внутри жилища не замечено.

Форма сосудов и особенно покрывавший их орнамент (рис. 5, *1—17*) не оставляют сомнений в датировке и культурной принадлежности жилища в разработке 4, *б*. Такая керамика весьма обычна для позднебронзовых («гальштатских») памятников Южной Болгарии типа поселений Пшеничево[15], Раскопаница-Маноле[16] и др. Датировка их, видимо, может колебаться в пределах последней четверти II тысячелетия до н. э. (согласно некоторым аналогиям из Трои VII*b*2) — первой четверти I тысячелетия до н. э.[17]

Под жилищем сохранился верхний слой гумусированных рудных отвалов энеолитического времени. Несколько позднебронзовых черепков, найденных в этом слое, попали сюда, вероятно, из жилища. Керамика IV тысячелетия здесь заметно преобладала. Под слоем гумусированных отвалов была обнаружена довольно беспорядочная кладка различных по размеру камней.

Кладка перекрывала останки двух покойников. Дно могилы оказалось наклонным: головы покойников лежали на уровне 260 *см* от верхнего края выработки, а ноги — на уровне 300 *см*. Сама разработка на уровне погребений довольно сильно сужается до ширины 1—1,5 *м*.

Кладка почти полностью перекрывала покойников; только их головы и стопы не закладывались камнями. Дно могилы вымостили камнями также довольно беспорядочно.

Покойники лежали в этой выработке-могиле головами на запад-юго-запад (рис. 6). Северный костяк принадлежал очень крупному мужчине среднего возраста (около 40 лет). Труп был положен на спину, но вместе с тем как бы обращен к соседнему. Правая рука неестественно сильно выгнута в локте и вывернута в плече кверху, так что кисть его руки оказалась у лица соседа. Правая нога у покойника была отсечена по колено и положена в могилу позднее поверх камня над бедренными частями ног второго покойника (рис. 6). Второй (южный) костяк, вероятно, принадлежал женщине, но также достаточно крупной. Ее положили в могилу

[15] *M. Čičikova.* Nouvelles données sur la culture Thrace de l'epoque du Hallstatt en Bulgarie du Sud. Thracia. Serdicae, 1972, p. 79—100.

[16] *P. Detev.* Données archéologiques de la continuite de la culture du tell Razkopanitza pres du village Manole, departament de Plovdiv. Studia Balcanica, 5. Sofia, 1971, p. 93—105.

[17] *D. P. Dimitrov.* Troia VIIb2 und die thrakischen und mösischen Stämme auf dem Balkan. Studia Balcanica, 5. Sofia, 1971, S. 75—78.

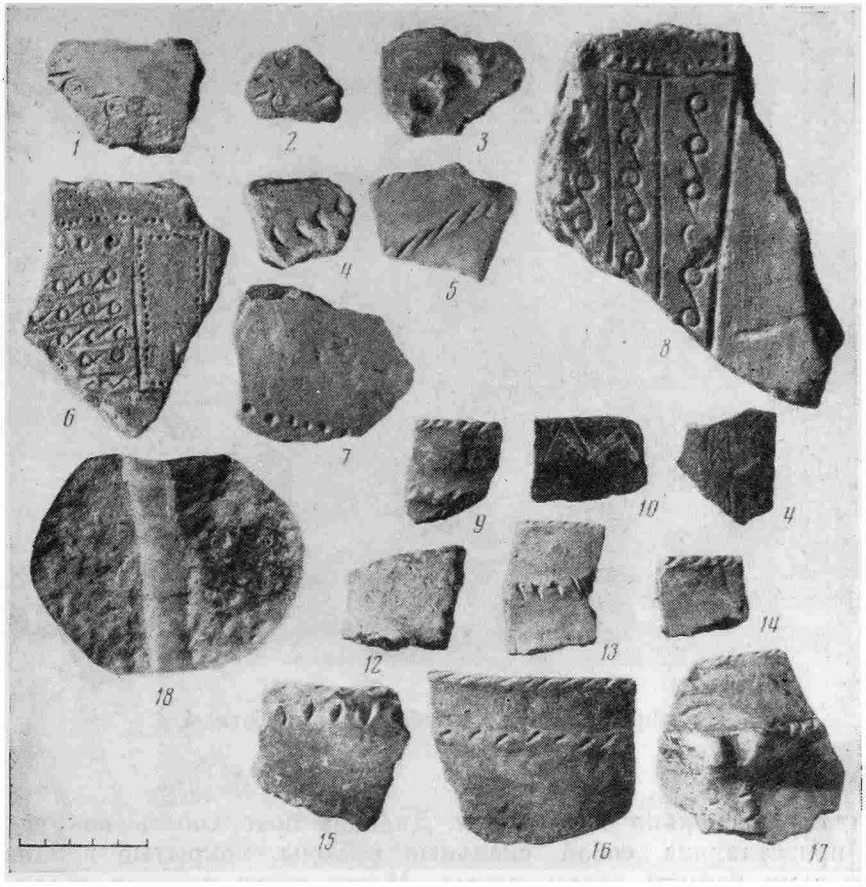


Рис. 5. Керамика (*1—17*) и обломок каменной булавы (*18*) из жилища эпохи поздней бронзы в выработке 4, *б*

вслед за мужчиной на левый бок лицом к соседу. Руки слабо согнуты в локтях, ноги вытянуты. Погребального инвентаря при покойных не оказалось. Лишь в области черепа лежало несколько обломков сосудов энеолитического времени.

С большой долей уверенности эти погребения можно относить к энеолитической эпохе. Это определяется резким преобладанием керамики IV тысячелетия в слое над могильной кладкой, наличием энеолитических черепков при самих покойниках и полным отсутствием позднебронзовой керамики рядом с погребенными и под ними. От могильной кладки и ниже, вплоть до 5-метровой глубины, обнаружена только керамика медного века.

Выработка № 3 (рис. 7—11) располагается примерно в 70—100 *м* к северо-востоку от четвертой. Она была заложена в древности на обогащенном продолжении рудной зоны между выработками № 4 и 2. Форма выработки причудлива (рис. 7), что определялось рядом близко подходивших друг к другу рудных жил с богатой медной минерализацией.

Юго-западный конец выработки отмечен обвалом огромных каменных блоков (рис. 9), рухнувших в древний карьер. Под блоками на глубине 6—7 *м* отчетливо заметен щебень древнего отвала, заполнявшего разработку. Это одна из самых больших и мощных выработок. Ее длина не менее 50 *м*, а если учитывать и юго-восточное ответвление, то 80 *м*.

Расчистка выработки № 3 велась на участке 18—32 *м*[18]. Раскоп в связи с этим повторял форму самого карьера (рис. 7 и 10), имел длину 14 *м*,

[18] За начало выработки условно принимается крайняя юго-западная скала, нависавшая над карьером (рис. 7 и 9). Однако нельзя исключать продолжение выработки в юго-западном направлении в виде штольни.

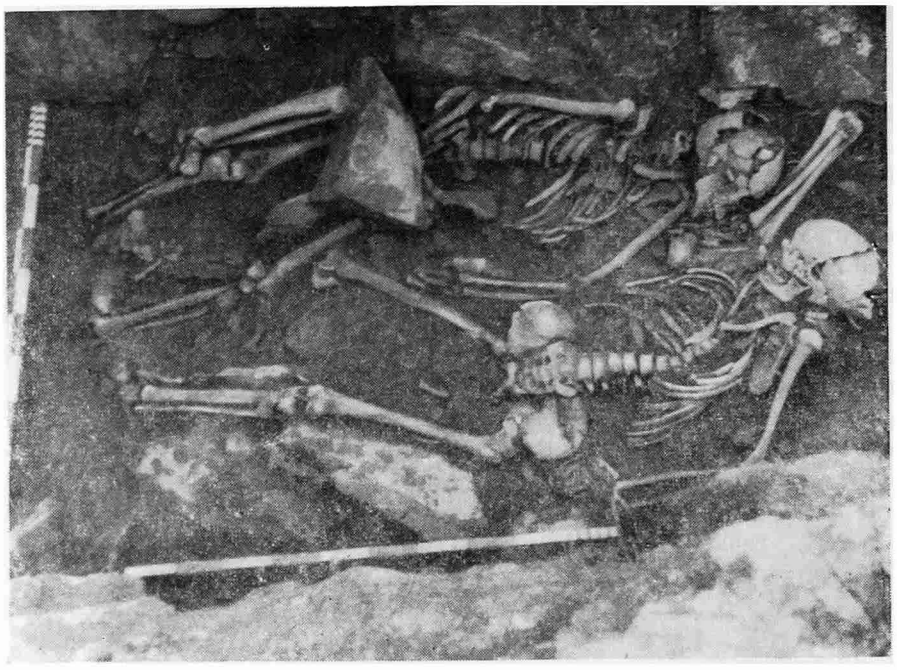


Рис. 6. Парное погребение в выработке 4, *б*

а в ширину несколько больше 6 *м*. Дневная поверхность вокруг разработки представляла собой скальные выходы, покрытые в западинах, сравнительно тонким слоем почвы. Место густо поросло лесом и кустами.

Стратиграфия отложений (рис. 7 и 8) на раскопанной части выработки:

1) почвенный слой черного или темно-бурого цвета, слабо насыщенный камнями, сплошь пронизанный мощными корневищами деревьев и кустарников; мощность 10—15 *см*;

2) подпочвенный слой бурого или темно-бурого цвета, сплошь пронизанный корневищами. Насыщенность камнями и крупными каменными глыбами, обвалившимися со стенок карьера, заметно бо́льшая, чем в почвенном слое. Мощность подпочвенного слоя различна: до 1 *м* — на 18-м *м* выработки; 60—80 *см* — на 25-м *м*, а на 29-м *м* разработки слой совершенно выклинивается;

3) черный слой мощностью 20—30 *см* (иногда до 40—50 *см*), состоящий из щебня, перемешанного с древесным углем и золой;

4) слой «пустой» породы — древнего отвала, серого или коричневато-серого цвета с большой примесью рассеянных минералов меди — малахита и азурита. Мощность его точно не известна, но, видимо, он заполняет разработку до самого дна, если судить по полностью раскопанным частям карьера на участке 29—32 *м*.

Археологические находки (керамика и костяные орудия) встречались только в двух нижних слоях — черном, углистом, и сером отвале «пустой» породы. Подпочвенный и почвенный слои образовались уже после того, как рудник был оставлен древними горняками.

Отвал пустой породы заполнил карьер, безусловно уже после того, как рудокопы выработали здесь минерализованные жилы. При этом горняки либо отваливали «пустую» породу на отработанные части выработки, либо вся разработка была засыпана, когда карьер был отработан полностью. Углистозолистый слой поверх отвалов связан со следами обитания горняков Ак бунара поверх отвалов в засыпанных разработках. Об этом недвусмысленно говорят следы кострищ поверх отвалов и значительные

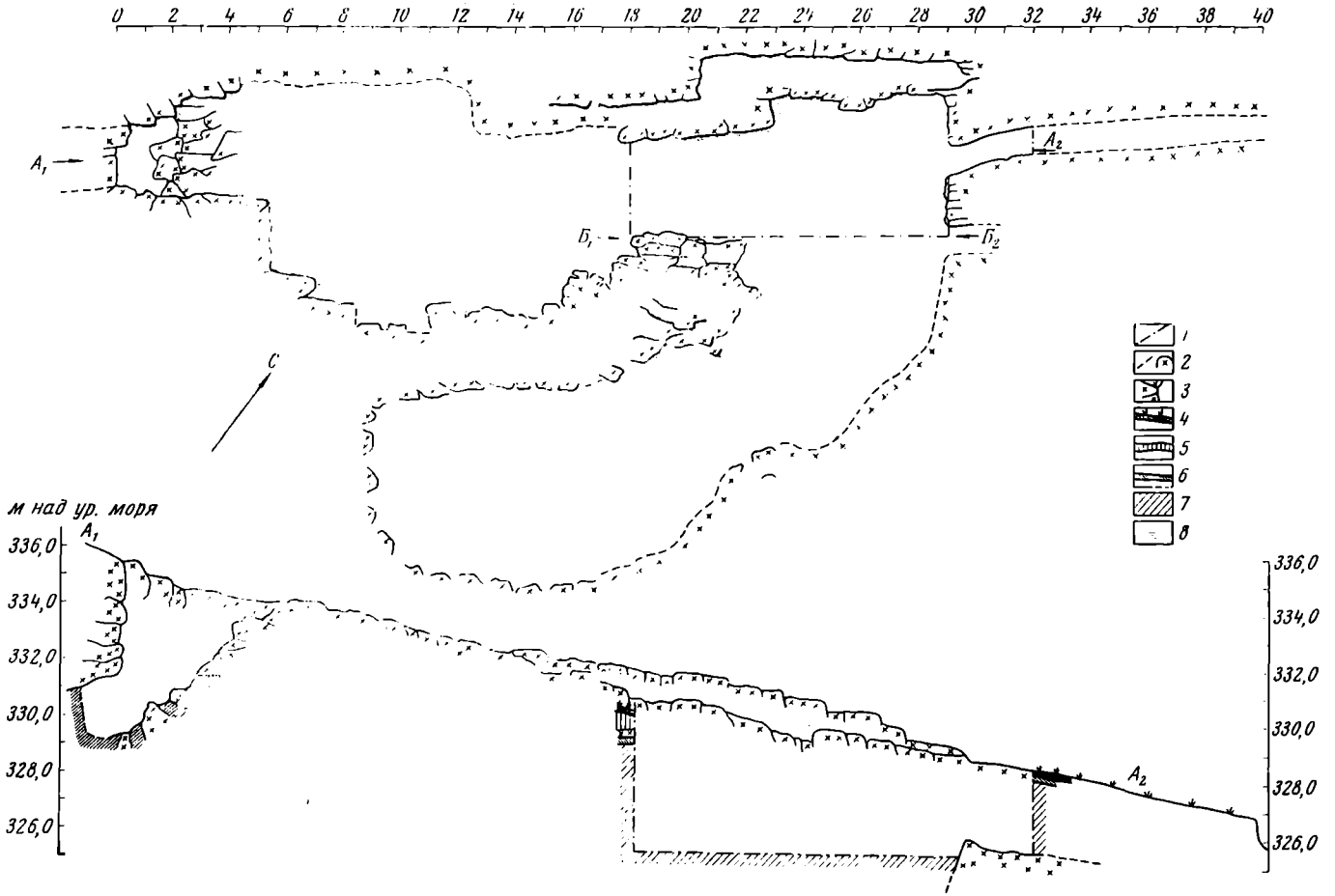


Рис. 7. Выработка № 3. План (вверху) и продольный разрез по линии A_1—A_2: *1* — границы раскопа; *2* — предполагаемые границы выработки; *3* — известняки и доломиты; *4* — почвенный слой; *5* — подпочвенный слой; *6* — зольно-углистый слой со щебнем; *7* — отвал «пустой» породы; *8* — лимонитизированная (ожелезненная) жила

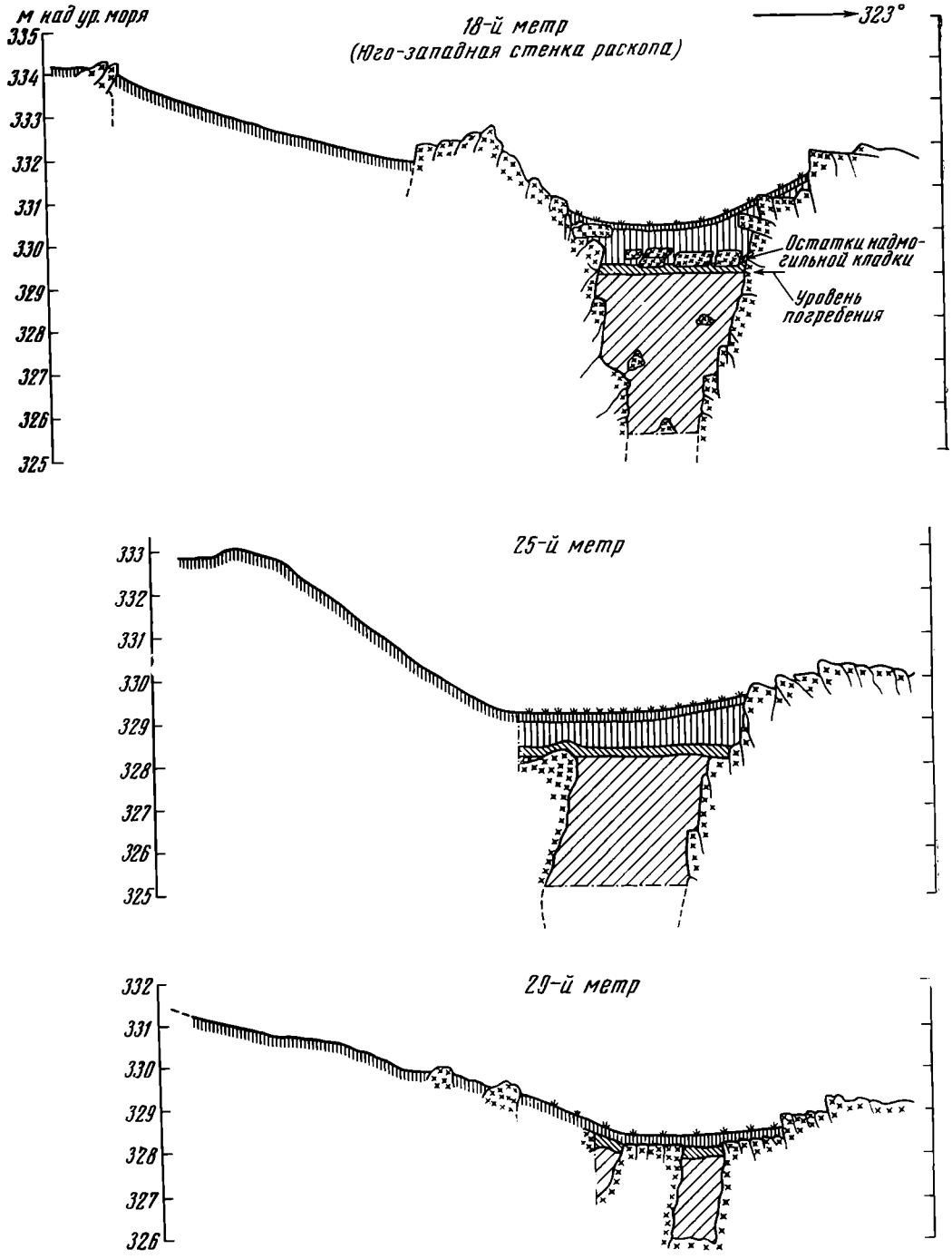


Рис. 8. Выработка № 3. Стратиграфия отложений и разрезы

Условные обозначения см. на рис. 7

скопления энеолитической керамики в слое. Почти невозможно сказать, были ли здесь сооружены какие-то временные жилища. Во всяком случае следы их отсутствуют.

С периодом образования углистого слоя связано и погребение на 19-м *м* выработки № 3 (рис. 11). Костяк лежал на самой границе между черным, углистым, слоем и серым отвалом (рис. 8). Покойник был, по-видимому, помещен в очень мелкую яму глубиной 20—30 *см* и обложен сверху ог-

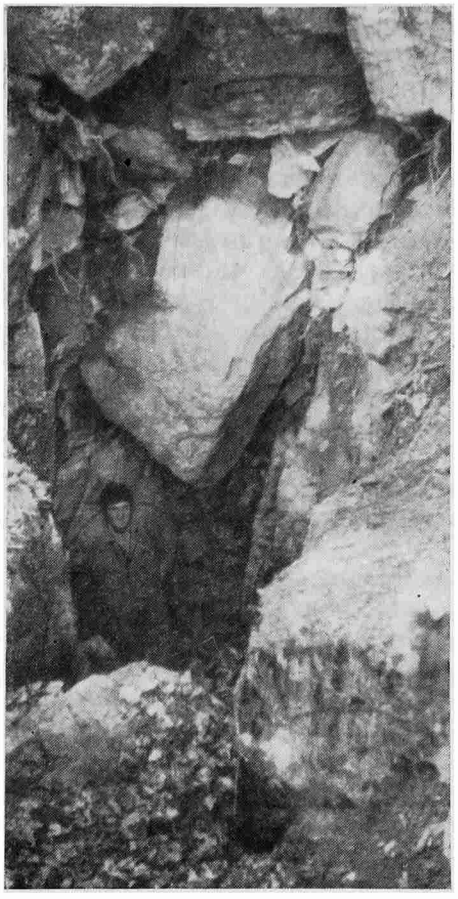


Рис. 9. Юго-западный край выработки № 3

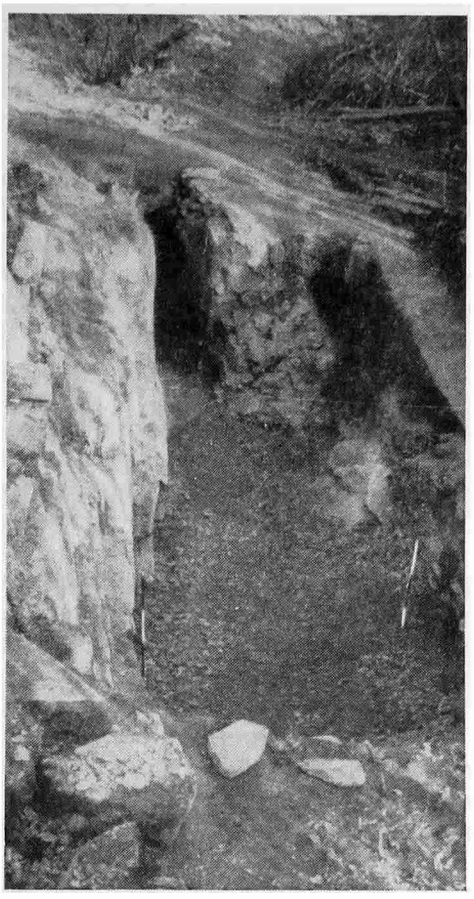


Рис. 10. Выработка № 3. Общий вид раскопа с юго-запада

ромными каменными плитами, взятыми тут же из стенок карьера. Погребение было обнаружено случайно, когда из профиля раскопа на 19-м *м* вывалилась надмогильная плита. Обвал нарушил кости ног покойного.

Погребение мужчины было совершено на спине, головой на запад. Правая рука сильно согнута в локте, и ее кисть находилась около плеча. Голова была повернута вправо. Кости ног, разрушенные вывалившейся каменной плитой, были, вероятно, слабо согнуты в коленях и упали направо. Последнее установлено по следам костного тлена, сохранившегося на камнях. Большая концентрация рудных минералов (малахита) вокруг костяка и заметная окрашенность костяка (особенно его правой половины) в зеленый цвет заставляют предположить специальную подсыпку в могилу толченого малахита. Сверху покойника засыпали тонким слоем черной, углистой, земли и мелких камушков, а затем обложили крупными, тяжелыми плитами известняка[19]. Голову покойника поместили в особую нишу, образованную рядом плит, отчего череп сохранился нераздавленным. Другие же кости, вообще отличавшиеся плохой сохранностью, были расплющены тяжестью каменных надмогильных плит.

Вещей при покойнике не обнаружено. Однако вряд ли можно сомневаться в энеолитическом возрасте погребения. Обряд захоронения в выработке № 3 Аи бунара не отличается от того, что можно наблюдать в

[19] Часть этой кладки сохранилась в профиле раскопа на 18-м *м* вымостки (рис. 8).

ряде энеолитических некрополей Болгарии[20]. Отсутствие перекопов в подпочвенном слое выше могильной кладки также служит свидетельством одновременности погребения и углистого слоя, безупречно датированного энеолитическим временем.

Дна выработки удалось достичь лишь на одном участке. Самым мелким — всего 2,2 *м* — здесь оказалось северное ответвление разработки, расчищенное на отрезке с 29-го до 32-го *м* (рис. 7 и 8). Здесь медная жила

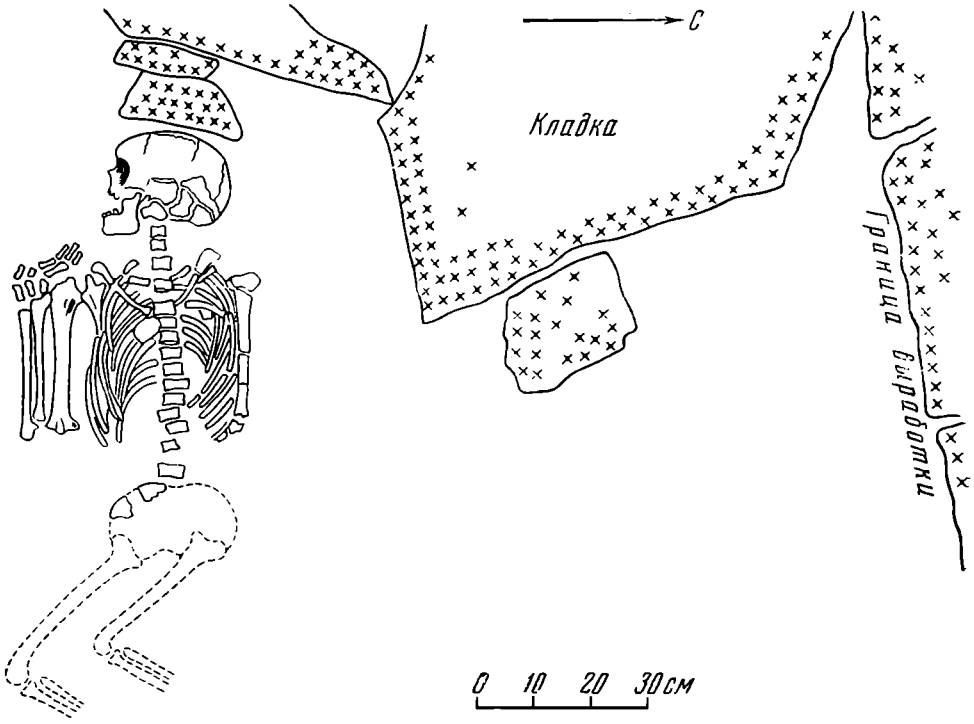


Рис. 11. Выработка № 3. Погребение на 19-м метре

оказалась полностью выработанной. При выходе из ответвления в центральную часть дно выработки № 3 круто падает вниз (рис. 7). На участке 18-го *м* раскоп углубился минимум до 6 *м*, а при отсчете глубины по южной стенке выработки дно раскопа достигает 7 *м* (рис. 8).

Из выработки № 3 происходит наибольшее количество археологических находок. Здесь собрана значительная коллекция обломков сосудов энеолитического возраста. Из этой же разработки извлекли около 15 обломков роговых инструментов горняков IV тысячелетия до н.э. Все находки сделаны в углистой прослойке, перекрывавшей отвалы, и в самих отвалах. Керамика и другие находки позднебронзового времени здесь отсутствуют.

Выработка № 2 является самой нижней из разработок, разведанных на южном склоне горы Хасанов трап. Она отстоит к северо-востоку от третьей примерно на 150 *м* и отделена от нее руслом сухого ручья.

Согласно нашим прежним представлениям, сложившимся в результате разведки 1971 г., выработка № 2 представляла собой шахту. Рабочие, расчищавшие ее вместе с И. Азмановым в 1934—1935 гг., показали, что она была пройдена до глубины 18—20 *м*, после чего работы были приостановлены из-за боязни обвалов и затопления.

К моменту раскопок выработка № 2 характеризовалась следующими внешними признаками: округлая яма диаметром до 5,5 *м* и максималь-

[20] Например, могильники Варненского округа (см. *Х. Т. Симеонова.* Късноенеолитният некропол край град Девня — Варненско. Известия на народния музей Варна, т. VII (XXII), стр. 3—40).

ной глубиной до 4 *м*; с севера яму ограждали скальные выходы, а с южной стороны ее окружал полукольцом мощный вал отвалов. В 1972 и 1974 гг. вокруг выработки был расчищен лес, стало видно, что она продолжается к северо-востоку и, вероятно, уходит под шоссе. Общая ее длина достигает приблизительно 80 *м*. Наряду с выработкой № 3 это один из самых длинных и глубоких карьеров Аи бунара. И. Азманов впустил свою разведывательную шахту в древний карьер, что подтвердилось рекогносцировочными раскопками отвалов выработки № 2.

Для выяснения характера и статиграфии отвалов второй разработки была заложена траншея размером 10×2,5 *м*, разрезавшая перпендикулярно отвалы в направлении ССВ—ЮЮЗ. Траншея достигала максимальной глубины 4,5 *м* и своим северным краем обнажала границу древней разработки.

Датировка ее энеолитическим временем не вызывает сомнений. Значительное количество керамики IV тысячелетия, происходящее из древнего отвала, и отсутствие здесь каких-либо иных археологических материалов исключают вероятность эксплуатации этого участка рудника в позднейшее время.

Коллекция находок энеолитического времени на Аи бунаре, собранная в результате разведок и раскопок, состоит из керамики, роговых и медных орудий горняков. Наиболее многочисленными из находок являются обломки керамической посуды. Ее типы повсеместно встречаются на многочисленных памятниках культуры гумельница (Караново VI), широко распространенной по Южной и Северной Болгарии.

Известно, что керамика этой культуры делится на два основных вида: парадную — тщательно обработанную, часто тонкостенную и залощенную, а также грубую кухонную — толстостенную, где лощением покрывались в основном верхние части сосудов и их внутренние поверхности. Парадная посуда нередко покрывалась сложными узорами, выполненными с помощью графитового раствора. Кухонные горшки и их крышки украшались разнообразными косыми и вертикальными валиками с защипами и насечками. Постоянны и другие виды орнамента: резной, грубый «барботинный», налепы и т. д. [21]

Все отмеченные виды керамики и ее орнаментации встречены и на Аи бунаре (рис. 12). Нет сомнения в том, что аибунарские горняки принадлежали населению типа культуры Караново VI.

Статистической обработки форм сосудов и видов орнамента провести пока что не удалось. Но даже предварительные наблюдения позволяют прийти к ряду интересных заключений. Во-первых, в разработках Аи бунара резко преобладала кухонная грубая керамика. Прекрасно отделанные сосуды парадных форм, украшенные графитным орнаментом, попадались и здесь, но намного реже, чем в любом другом поселении гумельницкой культуры этого района. Во-вторых, здесь очень невелик процент мисок. Заметно превалируют закрытые горшки с выраженным горлом (рис. 12) или без него. По всей вероятности, такое соотношение обусловлено малым количеством парадной керамики, среди которой, как правило, преобладают миски или же уплощенные сосуды. В-третьих, на Аи бунаре (в выработке № 3) было найдено несколько сосудов с небольшими ручками по тулову (рис. 12, *2—4*), которые Х. Симеонова (Вайсова) относит к характерным видам позднего этапа В культуры гумельница [22].

Глиняное тесто с постоянной примесью песка и, видимо, мелко истолченной дресвы отличается хорошим обжигом. Цвет поверхности темно-серый или серый. Существенных различий в форме и орнаментации сосудов из раскопанных разработок № 2—4 пока не отмечено.

---

[21] *H. Vajsova.* Einige Fragen über die Chronologie der Gumelniţa-Kultur. Studijne zvesti, 17. Nitra, 1969, S. 481—494, Abb. 2, 7—12.

[22] *H. Vajsova.* Op. cit., S. 489, 493, Abb. 12.

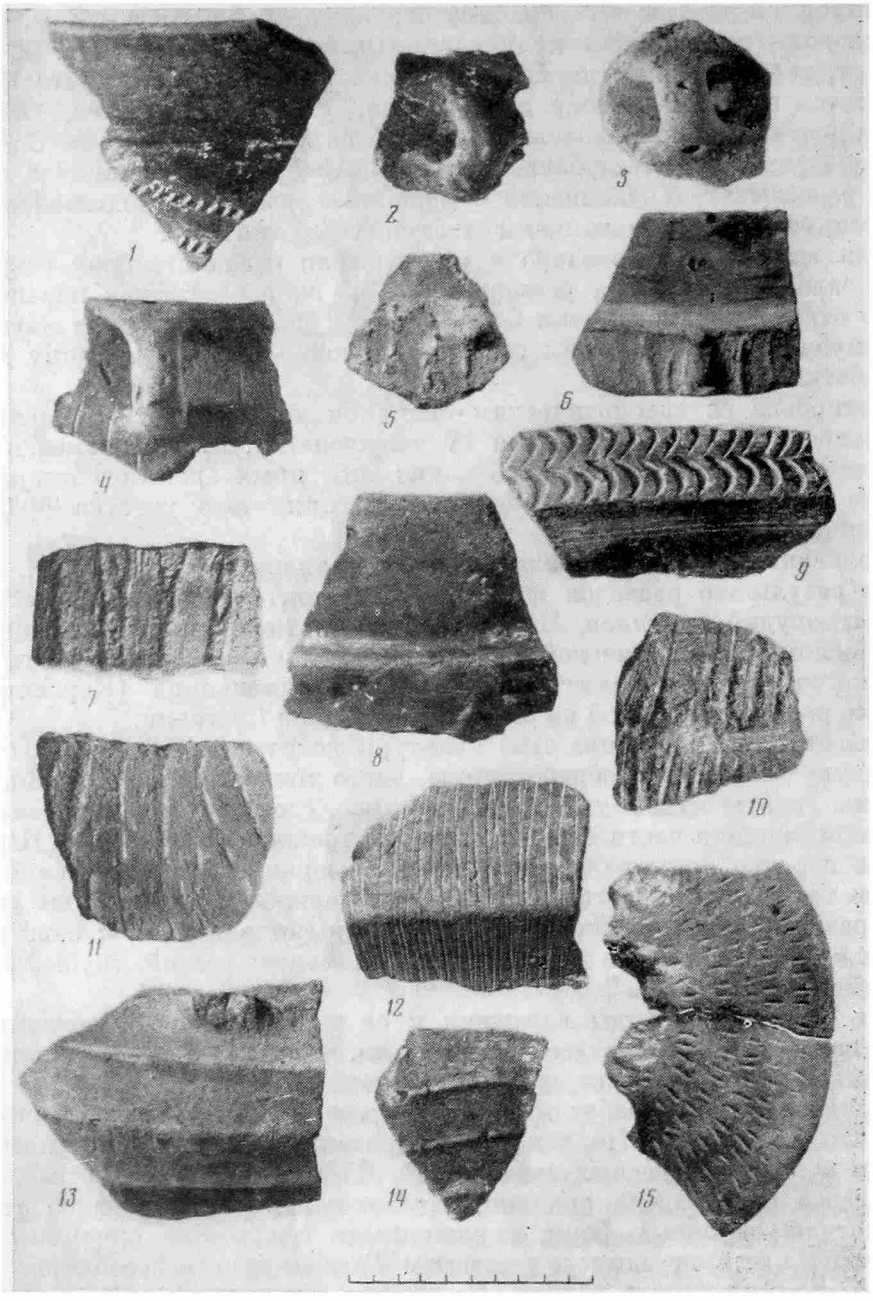


Рис. 12. Энеолитическая керамика из выработок № 2—4

Роговые орудия представлены более чем 20 обломками. Два обломка из коллекции И. Азманова уже были опубликованы. Эти инструменты являлись основными орудиями горняков Аи бунара, с помощью которых и проводились разработки рудных жил. В большинстве случаев сохранились обломанные концы роговых инструментов (рис. 13, *1—5*), служивших, вероятно, своеобразными клиньями для расшатывания плит известняка, оконтуривавших рудную жилу. Найдено также несколько обушных частей этих инструментов с остатками втулки для насадки орудия на рукоять. Отмечаются две разновидности втулки: круглая и четырехгранная, прямоугольная (рис. 13, *6*).

Одно из интереснейших орудий из этой серии представляет собой втульчатую муфту, где в специальном глубоком гнезде на конце орудия,

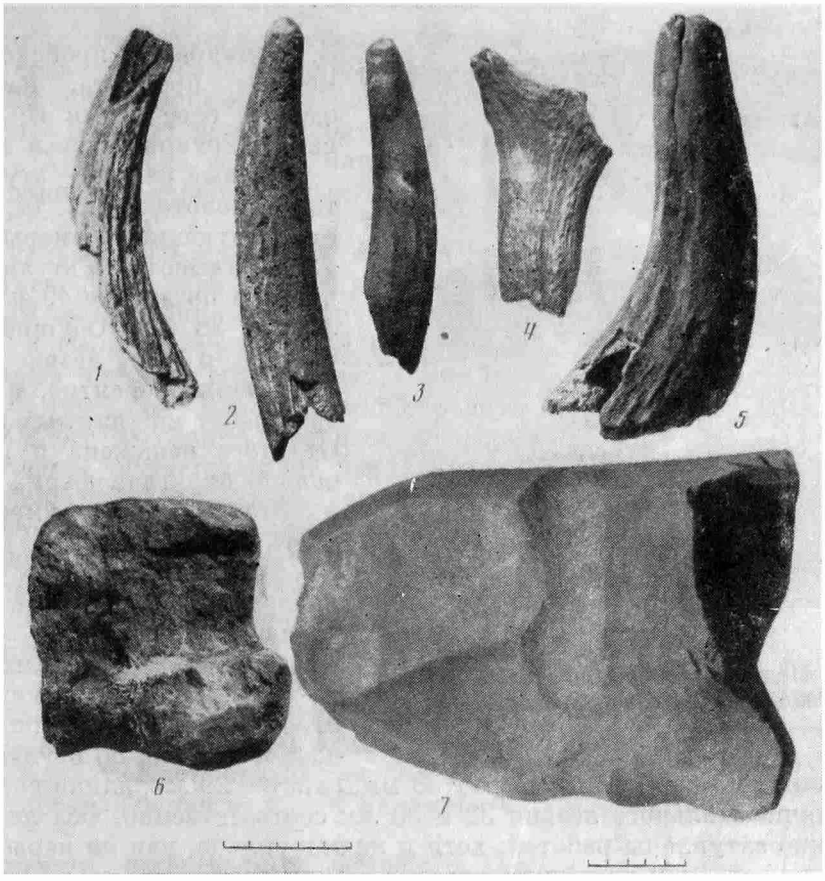


Рис. 13. Обломки роговых инструментов (*1—6*) из выработок № 2—4. Каменный молоток (*7*), найденный близ выработки № 3

видимо, крепился массивный медный клин, какие часто встречаются среди энеолитического металла Балкан и Карпат [23].

Роговые орудия отличались легкостью, большой прочностью и достаточной эластичностью. Именно поэтому они пользовались явным предпочтением у древнейших горняков. Легкость орудия являлась вместе с тем и препятствием: ведь таким инструментом невозможно было раскалывать или расщеплять мощные каменные плиты. Вероятно, по обуху орудия должны были ударять чем-то более тяжелым, типа каменного молота, чтобы роговой клин глубже проникал в трещины. Однако ни одного (!) обломка каменного орудия при раскопках самих карьеров найдено не было. Каменные орудия в связи с хрупкостью для непосредственных разработок горных пород, вероятно, не применялись.

Орудия из камня чаще всего употреблялись для так называемого сухого обогащения руд, т. е. выкалывания медных минералов из «пустой» породы. В 1974 г. в 30 *м* от южного конца выработки № 3 Аи бунара был найден крупный молот (рис. 13, 7), изготовленный из метаморфизованного коричневатого песчаника. Размеры молота: длина 24 *см*, ширина 13 *см*, высота 17,5 *см*. Приблизительно посредине орудия техникой точечного удара был проделан мелкий желобок для привязывания молота к рукоятп. Концы молота (особенно его обушная часть) в результате работы сильно сбиты.

Металлические орудия, были, разумеется, предпочтительнее всего при работах такого рода. Видимо, из выработки № 1 Аи бунара (по сведениям

---

[23] *Е. Ч[illegible]ных.* Аи бунар — древнейший рудник Европы, стр. 144.

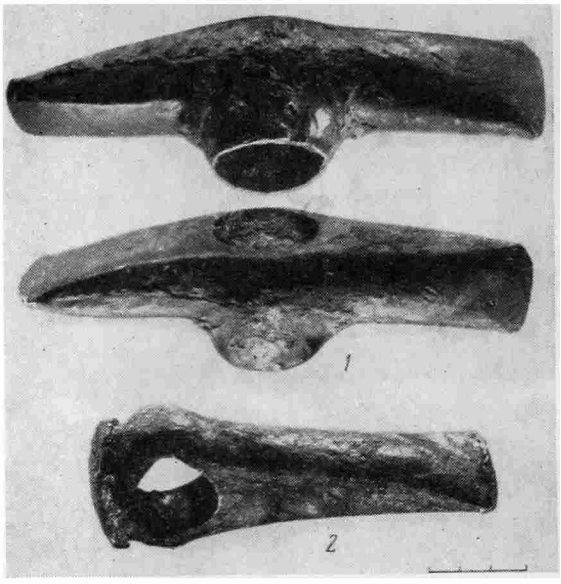


Рис. 14. Медные топор-кирка (1, *а* и *б*) и топор-молоток (*2*) из выработки № 1 (?)

З. Азмановой) происходят два медных предмета, найденных здесь в свое время И. Азмановым и хранившихся в его доме.

Первый из них — втульчатый топор-молоток (рис. 14, *2*) имеет следующие размеры: длина 128 *мм*, высота по втулке 26 *мм*, ширина по втулке 49 *мм*, длина лезвия 38 *мм*. Обушная часть орудия и его лезвие сильно сплющены, вероятно, в результате работ на тяжелых породах. От этого искажена и первоначально округлая форма втулки.

Второе орудие уместно назвать топором-киркой (рис. 14, 1 *а*, *б*), хотя подобные типы в литературе именуют и крестообразными мотыгами (топорами), и топорами-теслами, и кирко-мотыгами. Его размеры: длина 168 *мм*, высота по втулке 43 *мм*, ширина по втулке 49 *мм*, внутренний диаметр втулки сверху 30 мм, снизу — 29 *мм*, длина вертикального и горизонтального лезвия 32 и 30 *мм* соответственно. Оба лезвия топора также затуплены работой, хотя и не так сильно, как на первом.

Судя по остаткам литейных швов, сохранившихся по бокам топора-кирки, и по его верхней поверхности, можно предположить, что орудие было отлито. Однако способ отливки путем визуальных наблюдений установить затруднительно.

Химический состав меди обоих предметов приводится в табл. 2.

Топор-молоток относится к широко распространенному в балкано-карпатском регионе виду орудий. Установить его тип более определенно трудно из-за деформации обуха. Однако намечающийся легкий скос верхней поверхности обушной части как будто позволяет условно сближать орудие с типом Видра, распространенным преимущественно в Северной Болгарии, а также в Южной Румынии и отчасти в Трансильвании [24]. Форма литого топора-кирки также, безусловно, говорит о принадлежности его к продукции энеолитических очагов Балкано-Карпатья. Однако тип орудия весьма своеобразен, и точных аналогий ему неизвестно. Наибольшую морфологическую близость аибунарской находке обнаруживают топоры-кирки типа Тыргу-Окна, намеченного А. Вулпе [25]. Распространены они преимущественно в Трансильвании и на территории Болгарии до сих пор не встречены.

Химический состав руд Аи бунара изучен довольно подробно в Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР. Со всех выработок рудника было проанализировано 300 проб. Гистограммы распределения концентраций основных примесей к руде приведены на рис. 15. Анализы позволяют безусловно относить месторождение к типу полиметаллических, обогащенных кроме меди цинком (преимущественно в целых долях процента) и свинцом (преимущественно в десятых и целых долях процента). До уровня значительных поднимаются во многих образцах содержания мышьяка, серебра, висмута, никеля и некоторых других элементов.

---

[24] *A. Vulpe.* Inceputurile metalurgiei aramei în Spatiul Carpato-Dunărean. SCIV, 24, 2, 1973, s. 225. fig. 3.

[25] Ibid., fig. 2, 18, S. 228.

Вариации состава по различным участкам рудного тела также значительны. К наиболее обогащенным примесям относятся руды из наиболее мощных центральных выработок № 2 и 3. Химически гораздо чище образцы руд, собранные в периферийных выработках № 6 и 9.

Зафиксированные вариации состава руд по участкам Ай бунара позволили прийти к некоторым заключениям относительно конкретных источников медных минералов, обнаруженных в окрестных энеолитических поселках. Химическая характеристика образцов руд с каждого из селищ в ряде случаев довольно точно соответствовала составу руд только одной-двух выработок. Так, например в разработке № 3 скорее всего добыты медные минералы, найденные при раскопках Азмашки могилы (29 образцов), поселения у Окружной Старозагорской больницы (30 образцов) и из Чаталки (12 образцов). С выработкой № 2 прямо связывается руда с Берекетской могилы (33 образца) и пос. у Старозагорских минеральных бань (13 образцов). Следовательно, выработки № 2 и 3 эксплуатировались как во время Караново V, так и IV [26].

Возникают естественные вопросы: для каких целей понадобились обитателям поселков эти минералы и можно ли расценивать эти находки как свидетельство занятия металлургией на поселениях? На последний вопрос, видимо, следует дать отрицательный ответ, хотя ранее некоторые исследователи предполагали именно этот вариант. Керамические ступки, иногда наполненные измельченным в мельчайший порошок чисто отобранным синим азуритом, почему-то расценивали как плавильные тигли [27]. Визуальное обследование этих и многих других энеолитических «тиглей» привело автора к выводу, что они могли использоваться лишь для растирания минералов и разведения в них краски. Ступки отличались исключительно толстыми донными частями стенок и очень малой емкостью (несколько кубических сантиметров). Они никогда не имели следов от высокотемпературных воздействий и связанной с ними ошлаковки поверхности, обычной для керамики, использовавшейся при пирометаллургических операциях. Можно предположить, что зеленые и синие камни (малахит и азурит) использовали в окрестных сели-

Таблица 2

Результаты спектрального анализа меди орудий из Ай бунара

Предмет	Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
Топор-кирка	12 686	Основа	0,0007	0,002	—	0,001	0,002	—	0,25	0,001	0,004	—	—	—
Топор-молоток	12 687	»	0,001	0,02	—	0,003	0,05	—	—	0,03	0,004	—	0,01	0,001

[26] *Е. Черных.* Ай бунар — древнейший рудник Европы, стр. 144; здесь следует учитывать изменение нумерации карьеров.

[27] *Г. Коняров.* Ук. соч., стр. 9—12, рис. 3, 4.

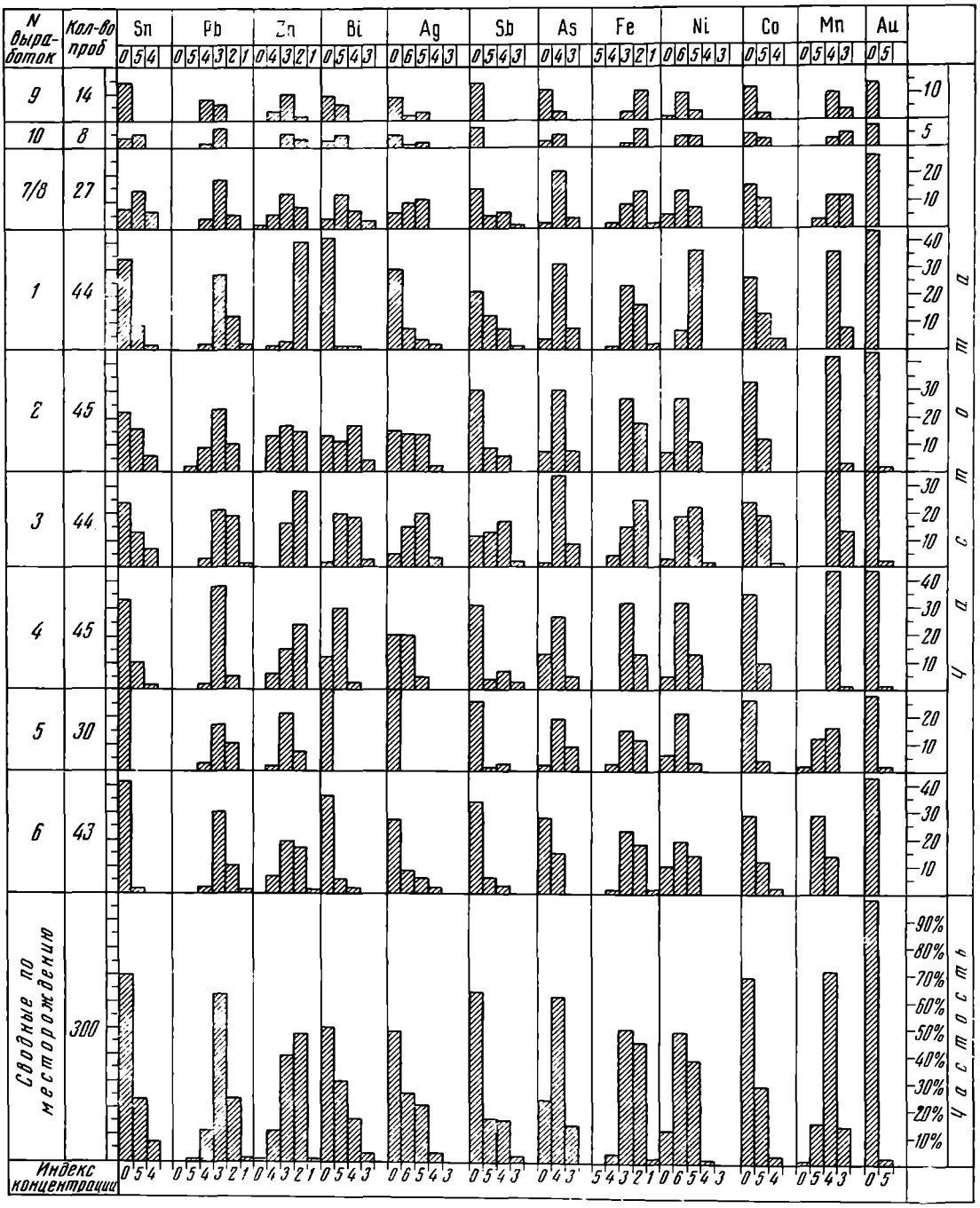


Рис. 15. Гистограммы распределения концентраций некоторых примесей в руде Ан бунара (%): *0* — не обнаружено; *6* — 0,0001—0,001; *5* — 0,001—0,01; *4* — 0,01—0,1; *3* — 0,1—1; *2* — 1—10; *1* — 10—30

щах преимущественно для приготовления минеральных красок. Вероятно, ее могли применять для окрашивания тела, тканей, дерева или иных органических материалов, которые до наших дней не сохранились. На керамике и обмазанных глиной стенах или полах домов следов таких красок не обнаружено.

Остатков, безусловно документирующих металлургическое производство на селищах,— шлаков или следов плавильных печей — до сих пор при раскопках или разведках не находили.

Настоящая статья носит публикационный характер, и постановка общих вопросов не может входить в ее задачу, тем более что исследование Ай бунара и связанных с ним горно-металлургических проблем энеолита Балкано-Карпатья только началось. Вряд ли даже предварительные заключения по этим проблемам мы сможем аргументировать в достаточной степени. Однако некоторые из аспектов будущих исследований мы проиллюстрируем здесь хотя бы вкратце.

Уже сейчас ясно, что открытие айбунарского рудника может совершенно изменить прежние взгляды на древнейшую историю горного дела и металлургии меди в Балкано-Карпатском регионе. Ведь до самого последнего времени фактически господствовали мнения, что в этом районе медные орудия выделывались преимущественно из самородной меди путем ковки [28]. Тем самым и наличие собственной металлургии по сути дела ставилось под сомнение или даже исключалось вовсе. Весьма типичны в этой связи размышления К. Ренфрю в его последней, весьма интересной статье об автономии балканского медного века [29]. Даже для него, отстаивающего независимый характер европейской металлургии, факт преобладания в Балкано-Карпатье орудий из чистой самородной меди представлялся бесспорным. Правда, он не отвергает вероятность рудников IV тысячелетия и собственной металлургии Балкан. Но ссылаясь при этом лишь на частное сообщение и мнение Г. Коглена [30], он как бы подчеркивает удивительную скудость или полное отсутствие источников по этой проблеме.

Еще более показательны, пожалуй, взгляды А. Хартмана и Э. Зангмайстера (Штутгартская историко-металлургическая группа), высказанные ими в 1972 г. [31] Первая медь, согласно мнению авторов, завозилась на Балканы из Передней и Малой Азии в виде готовых орудий и здесь переделывалась в соответствии со вкусами местных жителей. Не исключается также и собственное горное дело на базе рудников близ Ниша (?) и в Карпатах.

Выработки на Ай бунаре поистине громадны. Общая длина всех 11 карьеров достигает почти полукилометра. Подобные или же близкие по мощности разработок рудники встречались нам на территории Болгарии, но датировались они античным или средневековым временем. Следовательно, горное дело существовало в энеолитических культурах Балкан (по крайней мере у населения типа Караново VI — Гумельница) и находилось оно, даже по самым скромным оценкам, на удивительно высоком техническом и организационном уровне.

Есть определенные основания полагать, что уже в IV тысячелетии горняки могли представлять собой профессионально выделившуюся группу. Ее члены работали на Ай бунаре, жили в поселке, построенном на месте заваленных разработок, хоронили здесь же своих умерших и погибших. Вряд ли горняки были жителями окрестных селищ: в противном случае они не оставили бы на руднике таких явных и достаточно мощных следов обитания. Селищные «могилы» и «открытые» селища находились рядом — в 2—5 *км* от разработок. Вряд ли были какие-нибудь препятствия для ежедневных посещений рудника с этих мест обитания.

Невозможно исключить и того, что уже в энеолите Балкан горное дело оказалось отделенным от металлургии. Вероятность такой гипотезы обусловливается двумя обстоятельствами. Во-первых, тщательные поиски экспедицией медеплавилен в окрестностях рудника радиусом в несколько

---

[28] *E. Sangmeister.* The Copper of the Cemetery. Results of spectroanalytical investigations (*I. Bognar-Kutzian.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar-Basatanya. Budapest, 1963), p. 559; *B. Jovanovič.* Op. cit., S. 22.

[29] *C. Renfrew.* The Autonomy of the South-East European Copper Age. PPS for 1969, XXXV (1970).

[30] Ibid., p. 30.

[31] *A. Hartmann, E. Sangmeister.* The Study of Prehistoric Metallurgy. Angewandte Chemie, vol. 11, 1972, № 7, p. 624.

километров до сих пор не привели к находкам. Видимо, руда из Аи бунара транспортировалась отсюда на достаточно отдаленное расстояние, где из нее и выплавлялась медь (эти гипотетические медеплавильни еще предстоит найти). Во-вторых, из окрестных селищ сейчас известно множество медных орудий, химический состав металла которых в значительном большинстве случаев определенно не соответствовал геохимии аибунарских руд. Последний факт резко контрастирует с тем, что практически все рудные образцы, найденные в этих же поселках, происходят исключительно с Аи бунара. Руду местным жителям доставляли аибунарские горняки. Металл обитатели этих селищ получали, вероятно, из тех металлургических очагов, где медь выплавляли не только из руд Аи бунара, но и из других, пока что неизвестных нам рудников IV тысячелетия.

Орудия, отлитые или откованные из аибунарской меди, распространяются и в Южной, и в Северной Болгарии; доходят они и до юго-запада СССР (триполье А—В, Карбуна). Объяснение широты этого ареала аибунарского металла также, видимо, следует искать в системе организации горного, металлургического и металлообрабатывающего производств IV тысячелетия и в их пока что гипотетической обособленности друг от друга.

Привлекает к себе пристальное внимание и то, что Аи бунар находился на юго-восточной периферии Балкано-Карпатской металлургической провинции эпохи энеолита (так я склонен называть группу родственных металлургических очагов IV тысячелетия в этом регионе). Центр провинции, лежащий на Среднем Дунае, Тисе и в Трансильвании, и ее периферийные части прекрасно очерчиваются на картах распространения втульчатых топоров-молотков и крестообразных топоров-кирок, составленных Ю. Дрихаусом [32] и особенно Ф. Шубертом [33]. Так возникает еще один интересный вопрос: о взаимоотношении и связи гумельницкого металлургического очага с центральными очагами провинции.

Следует также учесть, что Аи бунар, хотя и центральный, но далеко не единственный древний медный рудник так называемой фракийской группы месторождений на юге Болгарии. Есть все основания полагать, что рудные разработки IV тысячелетия до н. э. были на месторождениях и рудопроявлениях на Хриштене близ самой Азмашки могилы, на Ракитнице (Аламур баир) в 20 *км* западнее Аи бунара, на Тымнянке — примерно в 3—4 *км* западнее рудника. Разведками 1974 г. в отвале, заполнявшем древнюю выработку № 1 Тымнянки, вскрыты останки погребения двух человек, сопровождавшегося глиняным кувшином ранне- или среднебронзового века. Следовательно, по крайней мере с этого времени медный рудник у Тымнянки уже не эксплуатировался. Предпочтительная же дата этих разработок — также энеолит. В 60—70 *км* к востоку от Аи бунара у с. Прохорово Сливенского округа экспедиция также обнаружила большой медный рудник с керамикой времени Караново V—VI.

Таким образом, в этой части Фракии бесспорно существовал мощный горно-металлургический центр — древнейший из известных ныне в Европе,— металл которого расходился в основном по юго-восточным районам Балкано-Карпатской металлургической провинции эпохи энеолита (Караново VI — Гумельница — Триполье А—В).

---

[32] *J. Driehaus.* Zur Datierung und Herkunft donauländischer Axttypen der frühen Kupferzeit. A G, 1952, 1/3, S. 1—7.

[33] *F. Schubert.* Zu den südosteuropäischen Kupferäxten. Germania, 43, Hft 2, 1965.

E. N. Tchernykh

AÏ-BOUNAR, UNE MINE DE CUIVRE DU IVe MILLENAIRE AVANT NOTRE ERE DANS LES BALKANS
(fouilles de 1971, 1972 et 1974)

Résumé

Aï-bounar et d'autres mines de cuivre énéolithiques de Bulgarie ont été découvertes en 1971, à la suite des prospections effectuées par la mission archéologique bolgaro-soviétique. En 1972 on a procédé à des fouilles dans la mine d'Aï-bounar. Celle-ci est remarquable par les énormes dimensions des exploitations du IVe millénaire av. n. ère. Toutes les tailles peuvent être datées par la grande quantité des poteries ramassées dans les déblais, attribuées à la culture de Karanovo VI-Goumelnitza. En tout on a répéré II exploitations, constituées de galeries longues de 20 à 100 m, profondes de 10 à 20 m, et larges de I à 10 m. La longueur totale des galeries atteint 400 500 m. Toutes les galeries d'exploitation sont remplies de déblais anciens contenant des poteries et des fragments des outils des mineurs de l'antiquité. Au-dessus des déblais on remarque une couche dorée assez épaisse, trace d'habitation des ouvriers. Dans les galeries N°N°3 et 4 on a découvert les inhumations de trois hommes, pratiquées dans les déblais et recouvertes d'un lit de pierres. La mine d'Aï-bounar a fourni deux outils de cuivre: une hache-marteau et une hache-pic.

Dans la galerie N°4, à la surface des déblais énéolithiques, avait été installée une habitation à la fin de l'Age du Bronze (fin du IIe mill. av. n. è.). Mais ses occupants ne se livraient pasà l'exploitation de la mine.

La mine d'Aï-bounar est un monument unique de la plus ancienne industrie minière en Europe.

А. Д. ПРЯХИН

О ПОСЕЛЕНИЯХ АБАШЕВСКОЙ ОБЩНОСТИ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Выявление и изучение в Среднем Поволжье большой группы курганных могильников, послуживших основой для выделения абашевской культуры, ставит вопрос и о поселениях этой культуры в указанном районе. Первым этот вопрос еще в 40-х годах поднял П. Н. Третьяков. Но те небольшие коллекции с поселений поздней бронзы, которыми он располагал, не позволили ему полностью отождествить их с абашевской культурой [1]. П. Н. Третьяков предполагал, что дальнейшее изучение поселений эпохи бронзы на территории Чувашии должно разрешить вопрос о поселениях абашевской культуры в этом районе. Но результаты раскопок последующего времени не позволили утвердительно решить данный вопрос. Н. Ф. Калинин попытался связать с населением абашевской культуры семь селищ на территории Татарии [2]. Дополнительные же полевые работы А. Х. Халикова не подтвердили такого предположения [3]. Большими раскопками изучались поселения поздней бронзы в районе расположения «классических» могильников абашевской культуры в конце 50-х — начале 60-х годов Чувашской археологической экспедицией. Некоторые из них А.П. Смирнов и В. Ф. Каховский отнесли к абашевской культуре: Криуши, Яндашево, Шоркино, Янымово, Янмурзино [4]. Кроме них А. П. Смирнов отнес к абашевской культуре поселения типа Хула-Сючь. Менее определенно о возможности отождествления с населением абашевской культуры поселений в Чувашском Поволжье говорят Н. В. Трубникова и Л. П. Матвеева [5]. А. Х. Халиков рассмотрел вопрос о возможности отождествления с абашевской культурой поселений Чувашского Поволжья и высказал вполне обоснованные возражения на этот счет [6]. Поселения типа Хула-Сючь он выделил в отдельный этап балановской культуры, поселения Тохмеево и Шоркино отнес к переходному периоду от атли-касин-

---

[1] *П. Н. Третьяков.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 38.

[2] *Н. Ф. Калинин.* Экспедиция по западным районам Татарской АССР. КСИИМК, XLIV, 1952.

[3] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган. «Труды Марийской археологической экспедиции», III, Йошкар-Ола, 1966, стр. 33.

[4] *А. П. Смирнов.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 49—66; *его же.* Археологические исследования в Чувашии в 1958—1961 годах. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Уч. зап. Чув. НИИ, XXV, Чебоксары, 1964, стр. 12—17; *В. Ф. Каховский.* Поселения эпохи бронзы в Чувашии. СА, 1962, 1; его же. Итоги работы IV (III) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 годы. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Уч. зап. Чув.НИИ, XXV, Чебоксары, 1964.

[5] *Н. В. Трубникова.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год. «Вопросы археологии и истории Чувашии». Уч. зап. Чув. НИИ, XIX, Чебоксары, 1960, стр. 48; *Л. П. Матвеева.* Поселение эпохи бронзы в Чувашии. СА, 1962, 4, стр. 218.

[6] *А. Х. Халиков и Е. А. Халикова.* Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963, стр. 262, 264; *А. Х. Халиков, Г. Е. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган, стр. 33.

ского к ош-пандинскому этапу той же культуры, поселения на Криушской дюне и Яндашево — к приказанской культуре, а поселение у д. Янмурзино — к срубной культуре. Возражения А. Х. Халикова кажутся еще более убедительными теперь, когда в южных районах лесного Поволжья стали известны бесспорные поселения абашевской культуры. Заметим, что против отнесения к абашевской культуре керамики с поселений Яндашево, Тохмеево, Шоркино возразил и К. В. Сальников [7]. На основании находки на многослойном поселении на Криушской дюне фрагмента керамики с желобчатым и волнистым орнаментом и спирального серебряного колечка абашевского типа он счел возможным говорить о выделении там слоя абашевской культуры [8]. Сразу же укажем, что о слое абашевской культуры на этой дюне говорить не приходится. Мы знакомились с коллекциями раскопок поселений Тохмеево, Шоркино I, Яндашево, Криушинское, Янымово и также не считаем возможным отнести керамику с указанных поселений к бесспорно абашевской. Только единичные фрагменты керамики с этих памятников можно с некоторыми оговорками предположительно считать абашевскими, например на Криушинской дюне.

В районе расположения основной группы изученных абашевских могильников лесного Поволжья сейчас, следовательно, практически не известны поселки этого населения, если не считать единичных находок с Криушинской дюны. Но из сказанного не следует, что в Среднем Поволжье абашевских поселений нет совершенно. Они известны в южной, особенно юго-западной, части лесной зоны Среднего Поволжья, где одновременные им могильники пока почти не изучены. А. Х. Халиков на карте расположения абашевских памятников в Среднем Поволжье приводит два поселения (Красный Восток и Бозяковское) [9]. Кроме того, под пунктом 48, который не расшифрован, приводится еще одно местонахождение абашевской керамики.

Из этих поселений лучше изучено поселение Красный Восток, откуда А. Х. Халиков опубликовал четыре обломка от сосудов абашевской культуры [10]. Поселение находится на мысу правого берега Мокши у пос. Красный Восток вблизи г. Наровчата Пензенской области. Поселение исследовалось Антропологической комплексной экспедицией (АКЭ) МГУ, затем под руководством М. Е. Фосс, А. Е. Алихановой, М. Ф. Жиганова, М. Р. Полесских [11]. Мы ознакомились с коллекцией материалов с поселения в Пензенском областном и Мордовском республиканском краеведческих музеях. Среди материалов с поселения разных культур эпохи бронзы и периода раннего железного века имеется коллекция абашевской керамики. Каких-либо четких сведений об условиях ее залегания на поселении нет. Возможно, к абашевскому поселку здесь могут быть отнесены и некоторые кремневые орудия труда. Но достоверно выделить их не представляется возможным. К абашевскому времени относятся обломки примерно от 30 сосудов. Наиболее многочисленны колоколовидные горшки (рис. 1, *1—3*). Среди них есть и горшки большого диаметра. В коллекции есть горшки, имеющие отогнутый округлый венчик (рис. 1, *4*), и горшки с прямо расположенным венчиком (рис. 1, *5*, *6*). Всего лишь одним обломком венчика представлен баночный сосуд с массивным верхом (рис. 1, *7*). В двух экземплярах встречены колоколовидные банки (рис. 1, *8*). Есть банки с отогнутым венчиком (рис. 1, *9*) и сужающиеся кверху банки (рис. 1, *10*). В двух экземплярах здесь представлены большие колоколо-

---

[7] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 18.

[8] *Он же.* Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI, 1954, стр. 86; *его же.* Очерки древней истории..., стр. 18.

[9] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган, стр. 32, рис. 10.

[10] Там же, стр. 29, рис. 9.

[11] *М. Р. Полесских.* Археологические памятники Пензенской области. Тр. Пензенского краеведческого музея, VII, Пенза, 1970, стр. 93.

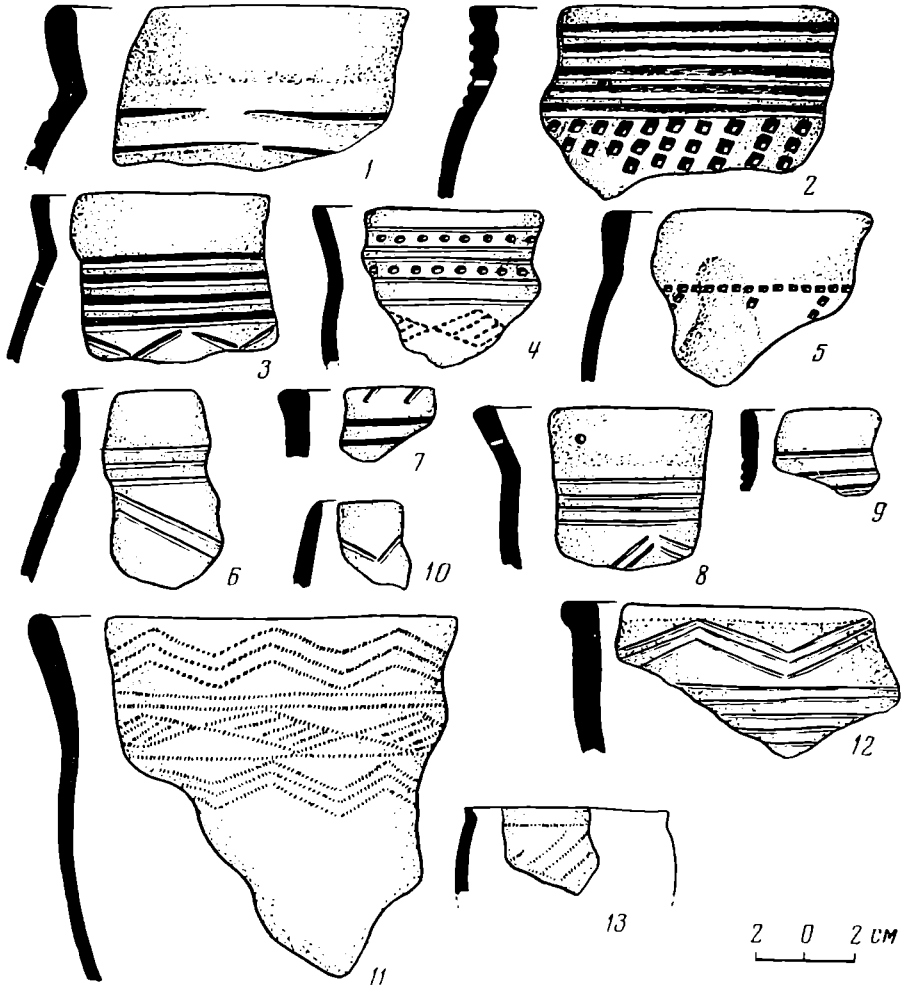


Рис. 1. Керамика с поселения Красный Восток

видные чаши (рис. 1, *11*) и миски (рис. 1, *12*); есть чашки (рис. 1, *13*). Днища сосудов разных типов: только одно округлое, значительно больше уплощенных днищ, более всего плоских.

В украшении сосудов чаще всего преобладают горизонтальные прочерченные линии, которые иногда сочетаются с боковыми рядами вдавлений крупнозубчатого штампа или насечек (характерно для абашева Дона) или с горизонтальными рядами округлых ямок (характерно для абашева лесного Поволжья). Иногда горизонтальные прочерченные линии сочетаются с прочерченным зигзагом. Другие украшения сосудов встречаются значительно реже. Всего лишь в одном случае украшен верхний срез венчика, также в одном случае украшена и внутренняя сторона венчика. На абашевской керамике с поселения есть расчесы или залощенность поверхностей. Более половины ее в тесте имеет примесь ракушки. Говоря о керамике абашевского поселка Красный Восток, надо подчеркнуть, что на поселении есть значительная группа керамики, которая широко представлена в комплексах срубной культурно-исторической общности. При анализе она не учтена.

Если сравнить керамику с поселения Красный Восток и абашевских могильников Среднего Поволжья[12], то наряду со многими общими чертами бесспорно наблюдается и различие. Но подробное сравнение керамики

[12] *О. Н. Евтюхова.* Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964.

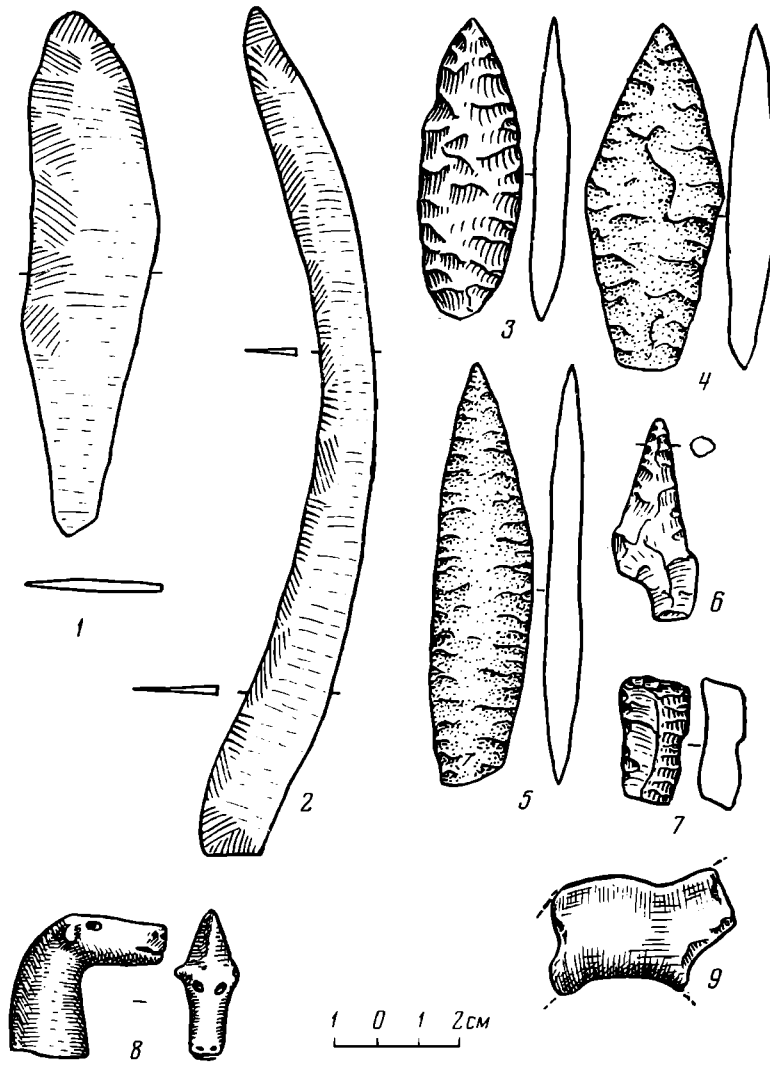


Рис. 2. Материалы с Барковского поселения
1, 8 — постройка 1 раскопа 1; *2* — обнажение, сборы, М. Р. Полесских; *3—7, 9* — культурный слой

с поселений и из курганных могильников Среднего Поволжья будет более уместным только после получения больших керамических серий с поселений.

Другое абашевское поселение известно по раскопкам Барковского поселения под Пензой, которое занимает наиболее высокую из серии дюн в пойме по правому берегу Суры. Площадь дюны нарушена карьером, полотном автодороги и многочисленными котлованами сооружений позднего времени. В 60-х годах в обнажении дюны М. Р. Полесских собрал коллекцию керамики срубной и абашевской культур и бронзовый серп (рис. 2, *2*). В 1971 г. осмотр дюны и зачистку обнажения в районе карьера произвели Б. Г. Тихонов, М. Р. Полесских и автор статьи. В 1972 г. экспедицией Воронежского университета на поселении заложено три раскопа и два шурфа общей площадью 736 *м*^{2}. Получен материал абашевского и срубного времени и единичные находки предшествующего. Культурный слой на площади поселения имеет мощность до 80 *см*. Он залегает под значительными поздними наслоениями и переотложениями. В самом слое выделяется светлая супесчаная нижняя и более темная гумусированная верхняя прослойка. Абашевский материал в целом залегает ниже материалов срубной культуры, что говорит об общем хронологическом следо-

вании поселка срубной культуры за поселком абашевской культуры. Четкая прослойка абашевского времени выявлена на наиболее высоких участках дюны (раскопы 1 и 3). На более низких участках дюны есть только слой поселка срубной культуры (раскоп 2). Абашевский материал там встречается преимущественно при зачистке материкового основания. Для уточнения стратиграфических наблюдений определенное значение имеет наличие одной основной, а кое-где и других прерывающихся прослоек пожара в культурном слое. Основная редко прерывающаяся прослойка из углей и золы отделяла, как правило, нижний слой супеси от более темной верхней прослойки. Кроме того, на отдельных участках выделялись и другие прерывающиеся угольные прослойки, залегавшие в слое супеси на разной глубине, в том числе над котлованами сооружений абашевского и срубного поселков. В целом создается впечатление о нескольких пожарах на Барковском поселении. Небольшие локальные пожары на поселении отмечены и во время существования абашевского поселка, и в последующее время. Но основной общий пожар на поселении относится уже ко времени функционирования срубного поселка. Важно заметить, что в прослойке, относящейся к этому пожару, встречены обломки абашевской керамики. Следовательно, можно говорить не только о смене абашевского поселка срубным, но и о возможном последующем возвращении сюда абашевцев уже во время существования здесь поселка срубной общности (последний пожар). Но и после этого пожара срубный поселок полностью не прекратил своего существования.

При раскопках Барковского поселения обнаружены постройки, хозяйственные ямы и отдельно расположенные столбовые ямки со следами обгоревших столбов внутри некоторых из них, относящиеся к абашевскому и срубному поселкам. Далее мы кратко характеризуем только строительные комплексы абашевского поселка. В раскопе 1 наиболее интересны две углубленные в материк постройки. Одна из них (постройка 1) жилая. В площадь раскопа она попала частично, остальная часть котлована уничтожена карьером и поздней ямой. Ее размеры по поперечнику немногим более 9 *м*, углублена она в материк на 20—30 *см*. На раскопанной площади постройки есть один очаг, шесть ям хозяйственного назначения и одна столбовая ямка с остатками обгоревшего столба в ней. Другая постройка по форме приближается к прямоугольной. Размеры котлована 6×7 *м*, глубина в материке — 15—30 *см*. На ее площади есть пять хозяйственных ям и одна столбовая ямка значительного диаметра. Особенностью заполнения котлована является наличие большого числа целых и обломков обожженных глиняных комьев и кусков глины. На площади раскопа 1 есть и отдельно расположенные хозяйственные ямы абашевского поселка.

В раскопе 2 открыт комплекс помещений, скорее всего находившийся под единым навесом, от которого сохранились столбовые ямки. Комплекс включал в себя удлиненный котлован (размером 3,2×6,5 *м*, углубленность его в материк 20—30 *см*) и две хозяйственные ямы, в одной из которых было скопление целых и обломков почти квадратных «кирпичей» из обожженьой глины. Очагов на площади, ограниченной навесом, нет. Кроме описанного комплекса отдельные обломки абашевской керамики встречены в котловане постройки 5 срубного времени и в одной из хозяйственных ям на площади постройки 1 раскопа 2, относящейся также к срубному времени. Что же касается раскопа 3, то к абашевскому поселку на его площади могут быть отнесены только отдельные хозяйственные ямы и столбовые ямки.

Все раскопанные постройки рассматриваемого абашевского поселка сравнительно невелики по площади и незначительно углублены в материк. По этим признакам они более сближаются с помещениями на территории абашевских поселков Южного Урала[13] и отличаются от большинства по-

[13] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала, стр. 19—22.

мещений на абашевских поселениях Дона, где более распространены большие по площади постройки [14].

В прослойке абашевского времени и заполнении котлованов абашевского Барковского поселка найдены изделия из бронзы, камня, кремня, кварцита, глины. Бронзовых находок две. Одна из них — однолезвийный ножсекач с пола постройки 1 раскопа 1 (рис. 2, *1*). Наиболее близкие аналогии ему — в погребении 3 кургана 1 у Молчановки [15] и нож с Терновского городища в Нижнем Поволжье [16]. С абашевским поселком скорее всего следует связать бронзовый серп из слабо изогнутой бронзовой пластины без отделенного черенка, обнаруженный М. Р. Полесских в обнажении поселения (рис. 2, *2*) [17]. Он имеет несколько выпуклую спинку, относительно слабо прогнутую лезвийную часть. Черешковый конец заострен для насадки на рукоятку. К. В. Сальников, приводя подборку подобных изделий с территории Южного Урала, включает их в разновидность пластинчатых орудий труда, характерных для абашевской культуры [18]. И как исключение он отмечает находку одного пластинчатого орудия в кургане срубной культуры у г. Аткарска в Саратовской области. Между тем нельзя не заметить, что это изделие в кургане 27 у Аткарска встречено в насыпи [19], и тем самым связать его определенно с каким-то погребением нельзя. Е. Н. Черных выделяет эти орудия как серпы-струги со слабым изгибом и относит к верхнекизильской группе [20]. К указанным К. В. Сальниковым и Е. Н. Черных находкам данного типа можно добавить серп из Новолиповских курганов, который был найден в захоронении вместе с абашевским сосудом [21], и случайную находку бронзового серпа с территории Воронежской области [22].

Среди кремневых изделий обращает на себя внимание находка ножа (рис. 2, *3*), проколки-развертки (рис. 2, *6*) и комбинированного орудия на отщепе, имеющего заработанность граней и скребковую ретушь по верху (рис. 2, *7*). Из кварцитовых изделий наиболее интересны ромбовидный наконечник дротика (рис. 2, *4*) и нож, который мог служить и наконечником (рис. 2, *5*). Но наибольший интерес представляют две поделки из глины. Одна из них — довольно реалистически выполненная головка лошади (рис. 2, *8*) — найдена на полу постройки 1 раскопа 1. Другая — обломок стилизованного изображения животного (рис. 2, *9*).

Но наибольшую группу находок составляет керамика. Всего с поселения, включая сборы М. Р. Полесских, удалось выделить части примерно от 70 сосудов абашевского типа, один из которых удалось склеить, причем у 10 из них из-за фрагментарности форму определить не удалось. Остальные по формам распределяются следующим образом. Остроребериые сосудики с ребром в нижней части тулова встречены в 2 экз. (рис. 3, *1*), большие колоколовидные горшки — 2 (рис. 3, *2*), меньшие по размерам ко-

---

[14] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, стр. 52, 53, 69, 70.

[15] *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 93, рис. 35, *5*.

[16] *А. Спицын.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея. ИАК, вып. 53, 1914, стр. 101, рис. 14.

[17] *М. Р. Полесских.* Археологические памятники Пензенской области, стр. 76, рис. 2, *10*.

[18] *К. В. Сальников.* К истории древней металлургии на Южном Урале. Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962, стр. 67—69; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала, стр. 57—59.

[19] *Н. Арзютов.* Раскопки курганов близ г. Аткарска. Отчет за 1930 г. Архив ЛОИА АН СССР, арх. № 787, ф. 2.

[20] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 63, 64, рис. 55, 1—9.

[21] *Ю. В. Деревягин.* Исследования в Саратовской области. АО—1968, М., 1969, стр. 130.

[22] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, вып. Д1-31, 1965, стр. 63, табл. 12, *6*.

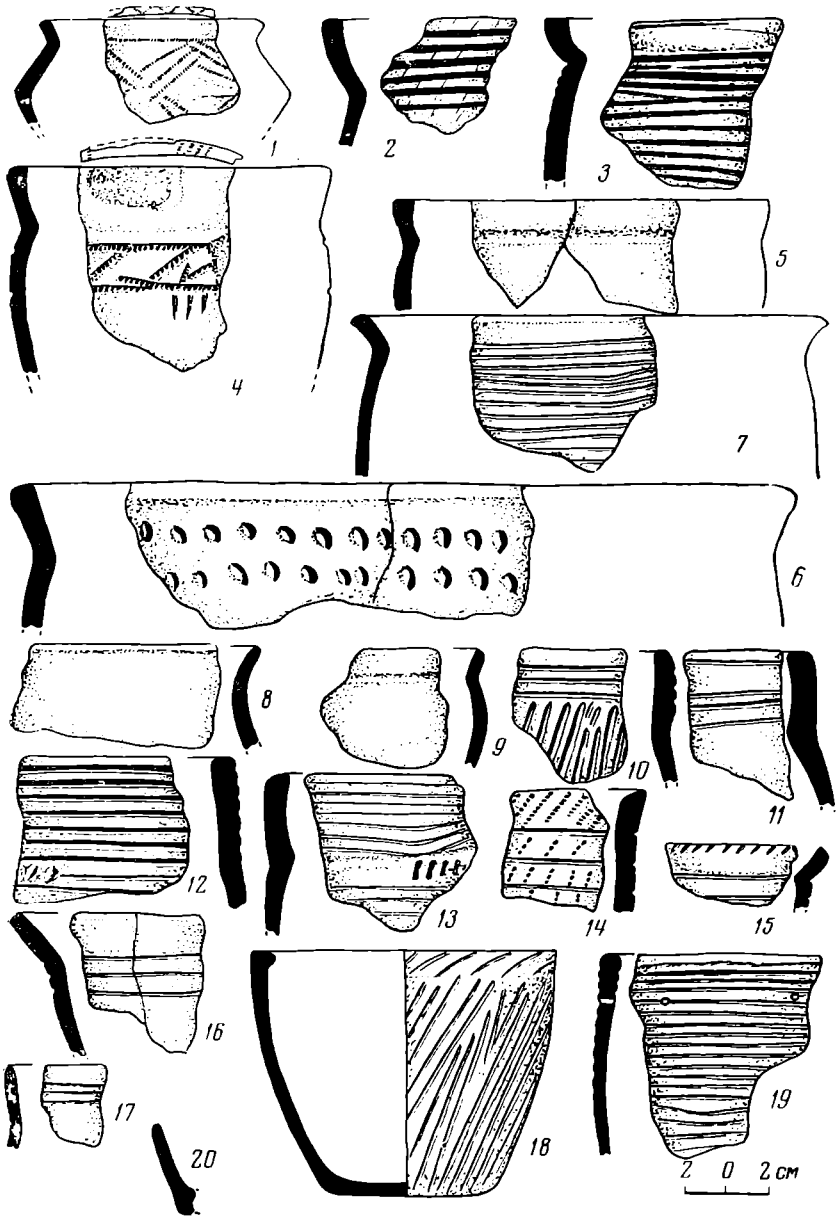


Рис. 3. Керамика с Барковского поселения

1—6, 11—16, 19—20 — культурный слой; *7, 10, 17* — постройка 1 раскопа 1; *8—9* — постройка 2 раскопа 1; *18* — обнажение, сборы М. Р. Полесских

локоловидные горшки — 8 (рис. 3, *3—6*), горшки с отогнутым венчиком — 12 (рис. 3, *7—9*), горшки с прямо расположенным венчиком — 7 (рис. 3, *10—12*), горшки с приостренным верхом и оттянутым краем — 2, большие банки с массивным верхом — 3 (рис. 3, *13*), банки с приостренным верхом и округлостью с внутренней стороны венчика — 2 (рис. 3, *14*), колоколовидные банки — 10 (рис. 3, *15*, *16*), банки с отогнутым верхом — 4 (рис. 3, *17*), сужающиеся кверху банки — 6 (рис. 3, *18*, *19*), сковородки — 1 (рис. 3, *20*). В коллекции не удалось достоверно выделить сосудов с ребристостью в верхней части, миски и чашки. Орнаментирован 21 сосуд. Орнамент, как правило, располагается только в верхней части сосудов по их внешней поверхности. Всего лишь в трех случаях орнаментирован верхний

срез венчика и в четырех орнамент есть на внутренней поверхности венчиков. В орнаментации чаще всего преобладают горизонтально прочерченные линии. Иногда они сочетаются с боковыми вдавлениями и вдавлениями зубчатого штампа. На пяти сосудах есть вдавления крупнозубчатого, а еще на четырех — мелкозубчатого штампов. Только на трех сосудах есть по одному ряду боковых вдавлений и еще на одном — два горизонтальных ряда пальцевых вдавлений. Более сложная орнаментация есть только на остроребериых сосудиках.

Днища обычно уплощенные, реже представлены плоские днища. Округлые днища зафиксированы лишь в трех случаях. Подавляющее большинство сосудов имеет в тесте примесь ракушки. Поверхности сосудов, как правило, покрыты довольно широкими, чаще упорядоченными, расчесами. Иногда поверхности подлощены.

Если сравнить керамику Барковского поселения и ранее рассмотренного поселения Красный Восток, представляется возможным сделать вывод о более ранней дате возникновения первого из них. В пользу этого свидетельствует прежде всего наличие на Барковском поселении значительного числа сосудов с массивным верхом и резко отделенным переходом к более тонким стенкам, чего почти нет на поселении Красный Восток. В керамике Барковского поселения значительно больший процент уплощенных днищ. Отметим также, что эта керамика занимает как бы промежуточное положение между керамикой ранних абашевских поселков бассейна Дона (Левобережное у плотины, нижняя часть культурного слоя Шиловского поселения [23]) и керамикой абашевских могильников правобережья Среднего Поволжья. Тем самым намечается путь движения населения с юга, сыгравшего значительную роль в сложении абашева Среднего Поволжья. Затем керамика Барковского поселения, как, впрочем, кремень и кварцит, позволяет вновь ставить вопрос о их соотношении с волосовскими древностями. В связи с этим нельзя не вспомнить мнение О. Н. Бадера об определенной роли волосовских племен в становлении лесного абашева [24].

Сведения по другим поселениям абашевской общности в Среднем Поволжье менее многочисленны. С абашевским материалом Барковского поселения смыкается материал поселения Бессоновка 1 по р. Вядя в Пензенской обл., которое было открыто М. Р. Полесским [25], а затем в 1972 г. обследовано нами. При просмотре коллекций из разведок М. Р. Полесских на территории Пензенской области нам удалось выделить еще несколько других поселений с абашевской керамикой — Усть-Уза по р. Уза, Трашкин Бугор и Матчерка 1 по р. Выша, Тезиково-Михайловское по р. Мокше [26]. Небольшая коллекция абашевской керамики есть на одном из поселений у с. Куракино при впадении р. Сердобы в р. Хопер [27]. Абашевский материал представлен на поздняковских поселениях бассейна Оки [28]. Небольшая коллекция абашевской керамики имеется с поселений срубной культуры Торфоболота 2 [29] и Русская Бектяшка [30] в Ульяновской области. Единичные обломки абашевских сосудов есть еще на нескольких поселениях срубной общности в Среднем Поволжье.

---

[23] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура в Подонье..., стр. 41—67.

[24] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 70, 71.

[25] *М. Р. Полесских.* Археологические памятники Пензенской области, стр. 113.

[26] Материалы хранятся в Пензенском областном краеведческом музее.

[27] Сборы М. Р. Полесского разных лет. Материалы хранятся в Пензенском областном краеведческом музее.

[28] *И. К. Цветкова.* Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, 2; *ее же.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. Тр. ГИМ, вып. 37, М., 1960; *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы, стр. 67.

[29] *Г. М. Буров.* Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск, 1972, стр. 12, рис. 4, *11*; Сборы Г. М. Бурова и автора 1972 г. Материалы переданы в Ульяновский областной краеведческий музей.

[30] *А. Е. Алихова.* Поселение у села Русская Бектяшка Ульяновской области. МИА, 80, 1960.

Все рассмотренные поселения не позволяют видеть в них долговременных абашевских поселков, как, например, это фиксируется в районах лесостепного Дона и в меньшей степени Южного Урала. Долговременный характер обитания обнаруживают только несколько поселений абашевской общности в тамбовском течении р. Цны (бассейн Оки), которые территориально близки к донскому бассейну (особенно поселения Перикса и Шлихтинское[31]).

Дальнейшее изучение поселений рассматриваемого района не только даст возможность выявить характер абашевских памятников промежуточной территории между донским абашевом и абашевом лесного Поволжья, но и позволит решить вопрос о происхождении абашевской культуры лесного Поволжья и ее соотношения с массивом срубных и поздняковских племен.

A. D. Priakhine

LES ETABLISSEMENTS DE LA COMMUNAUTE ABACHEVIENNE DANS LES REGIONS SUD-OUEST DE LA MOYENNE VOLGA

Résumé

Pour les principales régions de diffusion de la culture d'Abachévo sur le cours moyen de la Volga, on ne connaît jusqu'à présent que des sépultures, et c'est seulement dans des établissements à plusieurs niveaux (Kriouchinskoié, Krasny Vostok) qu'on a pu découvrir une petite quantité de céramique du type abachévien. Quant aux régions plus méridionales et occidentales du cours moyen de la Volga, la situation est différente. Ici, aux environs de la ville de Penza, dans l'établissement de Borkovskoié, en 1972, la mission de l'Université de Voronej a procédé à des fouilles dans la localité d'Abachévo. On a étudié les secteurs conservés d'habitations un peu creusées dans le sol, et des ensembles de dépendances. On a recueilli des fragments d'environ 60 poteries abachéviennes, des objets d'argile, parmi lesquels se trouvent une tête de cheval, des outils de métal, de silex et de quartz. Ces établissement se situent entre la région bien étudiée où sont concentrées les agglomérations abachéviennes de la zone steppe-forêt du Don et le territoire des sépultures abachéviennes en Tchouvachie volgienne. Leur étude a une importance primordiale pour découvrir le caractère des rapports existant entre ces deux groupes de monuments abachéviens.

---

[31] *Т. Б. Попова.* Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, 3; *А. Д. Пряхин.* Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1969 год. Архив ИА АН СССР, р-1.

В. В. ЕВДОКИМОВ

НОВЫЕ РАСКОПКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА р. ТОБОЛ

Алексеевское поселение в 30-е годы исследовано О. А. Кривцовой-Граковой[1]. В связи с разрушением памятника экспедиция Кустанайского пединститута в 1969 г. провела новые раскопки[2]. Песчаным карьером разрушены западная, северная и восточная части площадки памятника и жилище на восточной окраине (рис. 1).

Первый раскоп, площадью 420 *м*², был заложен на полуразрушенном жилище, зафиксированном по профилю в стенке карьера. Уцелевшая часть котлована камеры в плане подпрямоугольной (?) формы длиной 15 *м*, при наибольшей ширине 10 *м*, была углублена на 1,2 *м* в материковый песчаный слой (рис. 2). Два подпрямоугольных выступа — выхода длиной 3 *м*, шириной 1,5 *м* зафиксированы у южного конца котлована со стороны реки. В центральной части на полу камеры сохранилось два каменных очага в виде овальных площадок размером 0,18—0,21×0,48—0,51 *м*. В 0,5 *м* от очага 1 обнаружена хозяйственная яма 1 размером 0,6×0,3 *м*, глубиной 0,08 *м* (рис. 2). Ямы 2—5 овальной в плане формы размером 0,4—1,35×0,15—0,6 *м*, глубиной 0,08—0,3 *м* находились у западной стены. В юго-восточной части жилища находилась подковообразная в плане канавка размером 2,1×0,2—0,4 *м*, глубиной 0,07—0,15 *м*. На полу жилища зафиксировано 337 ям от столбов и 21 яма вне жилища вдоль западной стены и у входов.

Вторым раскопом, площадью 665 *м*², вскрыт котлован жилища, расположенный в 5 *м* к западу от первого (рис. 1). Котлован почти овальной формы размером 26,6×15 *м* (рис. 3). Пол жилища углублен на 1,2 *м* в материковый песок. Коридорообразный выход у южного конца выступал наружу на 4,5 *м* и имел ширину 1,8 *м*. Выход направлен в сторону реки. На полу жилища обнаружено девять каменных очагов трех разновидностей: в ямах (4), на подсыпке (3), непосредственно на полу (2). Самый большой центральный очаг VII находился на полу в передней половине камеры напротив входа и представлял собой развал камней на площадке размером 3×3,8 *м*. Остальные очаги расположены во второй половине жилища преимущественно около стен. Очаги II, IX, сходные по устройству с очагом VII, имеют размеры 0,6—0,8×1—1,2 *м*. Очаг IV овальной формы размером 0,5×1,2 *м* выложен на земляной «подушке» высотой 0,6 *м*. На подсыпке высотой 0,3 *м* выложен очаг V диаметром 0,6 *м*. У очагов I, III, VIII — 1,2 ряда камней выложены на дне овальных ям размером 0,25—0,8×0,55—1,22 *м* и глубиной 0,1 *м*. Яма очага VI подковообразной формы длиной 1,5 *м*, шириной 0,4 *м*, глубиной 0,11 *м*. Две хозяйственные ямы расположены с двух сторон у западной и восточной стен и одна у очага V (рис. 3).

---

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. 17, 1948, стр. 56—172.

[2] *В. В. Евдокимов.* К вопросу о датировке и заселении Алексеевского поселения на реке Тобол. Материалы IX научно-методической конференции преподавателей КГПИ. Кустанай, 1971, стр. 38—40.

Яма 1 имеет диаметр 1,2 *м*, глубину 0,45 *м*; ямы 2, 3 — овальной формы размером 0,3—0,7×0,7—1,2 *м*, глубиной 0,2—0,3 *м*.

Из трех зольников самый мощный располагался у входа в круглой яме диаметром 2,1 *м* и глубиной 0,9 *м*, в заполнении вместе с золой находились кости животных. Два других зольника обнаружены около западной стены. Размеры их 0,6—1,8×1,4—2,4 *м*, мощность золы, насыпанной прямо на пол,— 0,1—0,3 *м*. На полу зафиксировано 308 ям от столбов диаметром от 4 до 30 *см* и глубиной 3—46 *см*. Вне котлована ямы концентрируются у юго-западного угла (21 яма) и у северо-восточного угла (16 ям). У северо-восточного угла, снаружи зафиксирована канавка длиной до 3 *м*, шириной

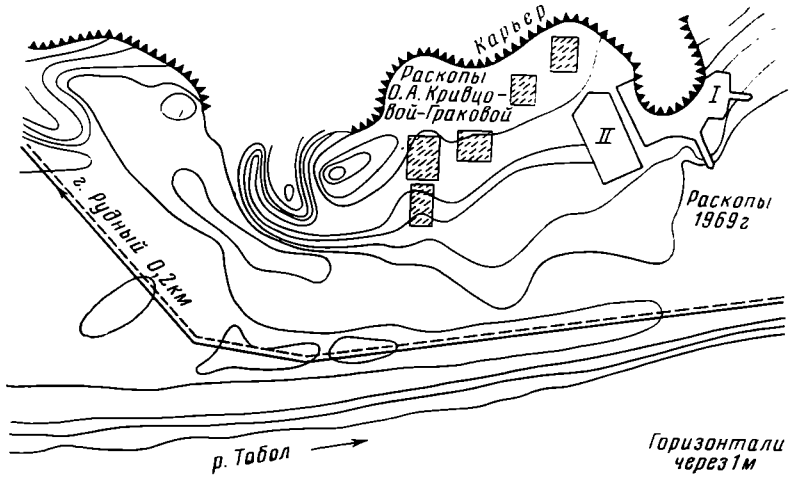


Рис. 1. План Алексеевского поселения

0,1—0,15 *м* и глубиной 0,1 *м*. Здесь же находились еще два зольника (рис. 3).

Коллекция керамики из раскопов насчитывает более 2000 фрагментов. Выделены шейки 140 горшковидных и трех баночных сосудов. Из горшковидных сосудов 129 отнесены к основному комплексу, включающему керамику жилищ. Сосуды сделаны вручную, в тесте примесь песка, шамота, ракушки, изредка талька (табл. 1). Внешняя поверхность заглаживалась довольно тщательно, но не всегда. На внутренней стороне зачастую видны следы заглаживания. Цвет поверхности серый или коричневый. Шейки прямые, вертикально стоящие или отогнутые наружу с плавным переходом к выпуклому тулову (рис. 4, *2*, *13*). Венчики трех разновидностей: округлые (рис. 4, *1*, *3*, *6*, *9*, *11*), уплощенные (рис. 4, *2*, *4*, 5, *2*), заостренные (рис. 4, *12*, 5, *6*). Более половины шеек имеют округлый венчик, около одной трети — уплощенный и небольшое количество — заостренный (табл. 1). Часть уплощенных венчиков скошена наружу (рис. 4, *2*, 5, *3*, *9*). Некоторые экземпляры имеют небольшой наплыв — закраину с внутренней стороны (рис. 5, *2*). Наружный диаметр устья сосудов 10—31 *см*. Наиболее многочисленная группа с диаметром 16—25 *см* (табл. 1). Диаметр донышек в пределах 6—25 *см*. Половины днищ имела диаметр 16—20 *см* и несколько сосудов имели днища диаметром 21—25 *см* (табл. 1) [3]. Днища по внешней линии перехода к тулову подразделяются на три разновидности:

[3] Керамика обработана по сокращенной программе. См. *В. Ф. Генинг*. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. СА, 1973, 1. стр. 114—136.

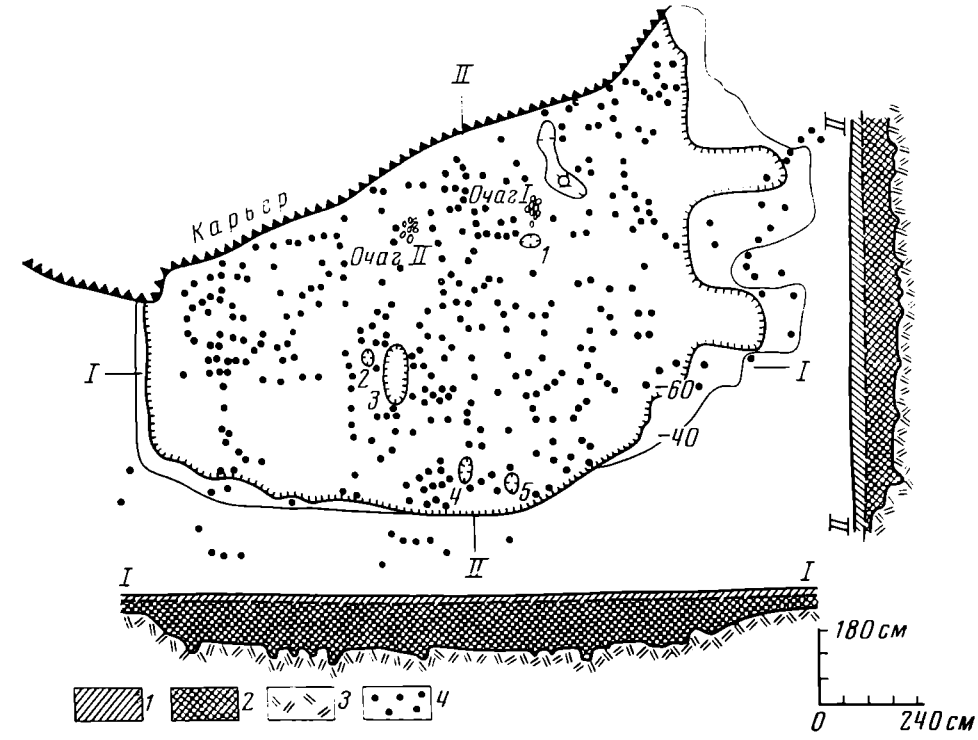


Рис. 2. План и разрезы жилища 1

1 — дерновый слой; *2* — светло-серый супесчаный слой; *3* — материковый песок; *4* — столбовые ямы

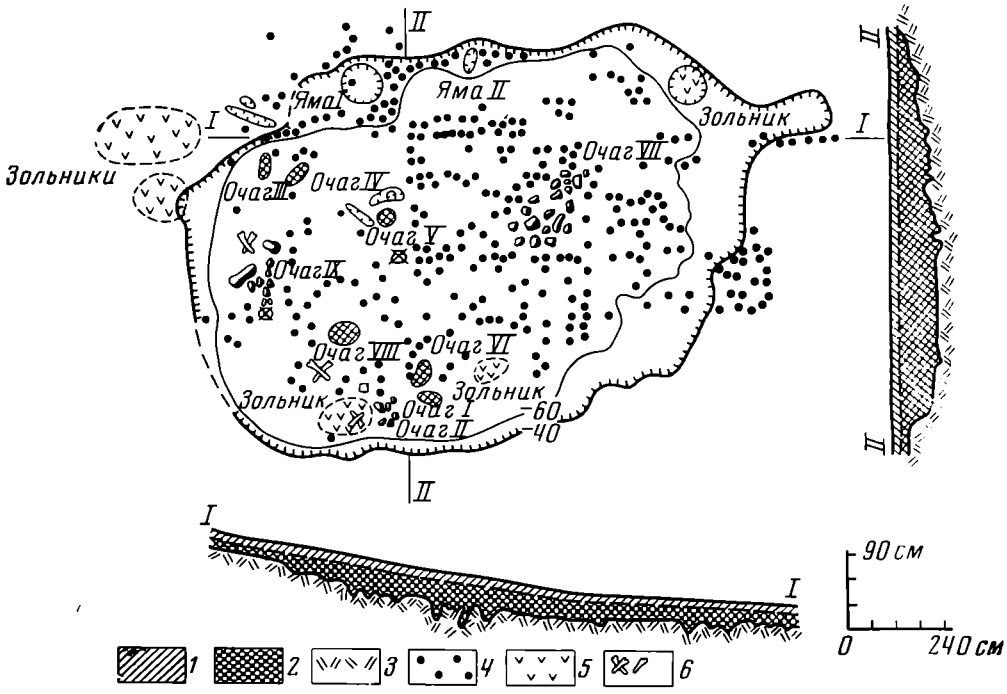


Рис. 3. План и разрезы жилища 2

1 — дерновый слой; *2* — светло-серый супесчаный слой; *3* — материковый песок; *4* — столбовые ямы; *5* — золистое заполнение; *6* — скопление костей животных

в виде тупого угла (рис. 4, *8*), прямого угла (рис. 4, *7*), с закраиной (рис. 4, *10*) и составляют соответственно 58, 28, 14%.

Сосуды орнаментировались по венчику, шейке и плечикам (табл. 1). Нет ни одного сосуда, орнаментированного в придонной части. Венчик украшался рядом коротких отрезков или ломаной линией (рис. 4, *1*, 5, *3*). Шейки орнаментированы разнообразными узорами, выполненными различными техническими приемами (табл. 2). Наиболее распространенными

Таблица 1

Суммарная характеристика шеек сосудов
(без орнаментации)

Основные показатели	1 жилище		2 жилище		Всего	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%
I. Примеси к глине						
песок	38	100	86	100	124	100
шамот	10	26,3	26	30,2	36	29
раковина	6	15,8	16	18,6	22	17,7
II. Форма венчика						
округлый	27	71,0	59	68,6	86	69,4
уплощенный	6	15,8	20	23,3	26	21,0
заостренный	5	13,2	7	8,1	12	9,6
III. Диаметр по венчику, *см*						
до 10	2	6,7	3	3,4	5	4,3
11–15	8	26,7	17	19,4	25	21,2
16–25	17	56,6	55	62,5	72	61,0
26–35	3	10	13	14,7	16	13,5
Среднеарифметическое	18,3 *см*		19,7 *см*		19,5 *см*	
IV. Степень орнаментированности						
венчика	1	2,5	5	5,7	6	4,6
шейки	14	36,8	30	34,8	44	35,4
стенок	–	–	–	–	116	6,3
Абсолютная орнаментированность	–	–	–	–		15,3
V. Насыщенность узора по шейке, %	1,35		1,6		1,52	
VI. Диаметр днища, *см*						
6–10	2	6,9	6	10	8	9
11–15	12	41,4	16	26,6	28	31,5
16–20	12	41,4	21	35	33	37
21–25	3	10,3	17	28,4	20	22,5
Среднеарифметическое	15,1 *см*		13,4 *см*		13,9 *см*	

были горизонтальные ряды «елочки» (рис. 4, *3*, *5*), семечковидные и треугольные вдавления (рис. 4, *1*, 5, *1*, *2*).

Из технических приемов нанесения элементов узора наиболее распространенным был резной, которым наносились горизонтальные линии и ряды отрезков (табл. 2). Широкое распространение получили разнообразные вдавления (рис. 5, *2*, *6*, *13–15*).

Встречаются узоры, выполненные гребенчатым штампом с крупными или средними по величине зубцами (рис. 5, *2*), жемчужины (рис. 4, *2*, 5, *9*).

Техника выполнения элементов узора характеризуется небрежностью и грубостью нанесения. Узоры по шейке располагались тремя зонами: в верхней трети, посередине и в нижней трети (табл. 3). Часть шеек орнаментирована только в верхней трети (рис. 4, *1*, *6*), часть – в средней (рис. 4, *2*, *9*, 5, *1*) и часть в нижней трети (рис. 4, *4*). Нет ни одной шейки, орнаменти-

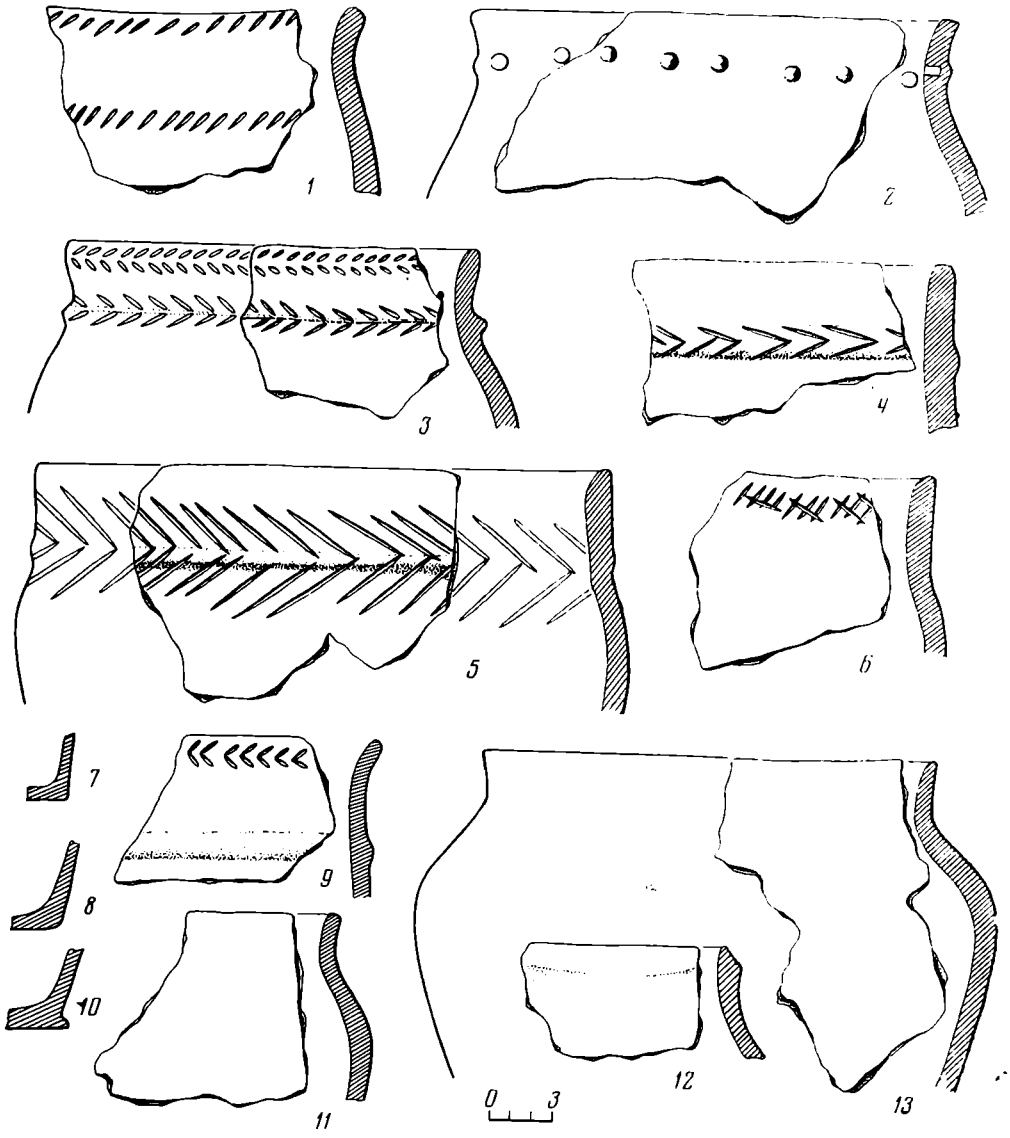


Рис. 4. Керамика Алексеевского поселения

рованной по всей поверхности,— узор занимает либо верхнюю и нижнюю зону (рис. 4, *3*), либо среднюю и нижнюю (рис. 4, *5*, 5, *4*).

На 11 сосудах (8,5%) встречается широкий приплюснутый валик (рис. 4, *4*, *5*), но лишь один имел четко выраженный треугольный разрез (рис. 4, *3*). В девяти случаях валики орнаментированы елочкой, рядом наклонных или пересекающихся отрезков (рис. 4, *3*, *4*, *5*, 5, *1*). На двух сосудах валик имел опускающиеся вниз концы (рис. 4, *4*). Два сосуда имели по прилепной ручке: одна в виде прямого валикообразного налепа, идущего от венчика вниз (рис. 5, *7*), вторая — петлевидная, расположенная под венчиком (рис. 5, *9*).

Представление о форме и орнаментации больших сосудов дает полностью восстановленный горшок высотой 32,5 *см* (рис. 5, *16*), с прямой короткой шейкой, плавно переходящей в тулово. Под венчиком идет ряд коротких отрезков, по плечикам две ломаные линии, выполненные резным элементом и треугольными вдавлениями. Фрагментарность стенок, степень орнаментированности которых составляет всего 6,3%, не позволяет восстановить узоры и композиционную схему. Орнамент наносился по верху ту-

Рис. 5. Керамика Алексеевского поселения

лова и представлен теми же элементами узора, что и на шейке. Единично встречаются вертикальный зигзаг, заштрихованные ломаные полосы, заштрихованные большие треугольники. Найдены фрагменты трех баночных, неорнаментированных сосудов (рис. 5, *4*, *15*).

Шейки четырех сосудов из жилищ (одна из первого и три — из второго) имеют аналогии с сосудами могильника, расположенного недалеко от поселения[4], и резко отличаются от основного комплекса. Один сосуд имел неорнаментированную прямую шейку с характерным алакульским уступчиком (рис. 5, *10*). Остальные шейки и пять стенок, обнаруженные в жилищах, отличаются наличием талька в тесте, хорошим обжигом, богатой орнаментацией и сплошным заполнением шейки узорами в виде каннелюр, ломаных полос, разных треугольников (рис. 5, *12*). На стенках наносились

[4] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение..., рис. 54.

Таблица 2

Взаимовстречаемость элементов узора и техника их выполнения

Элементы узора	Техника нанесения орнамента				Всего	%
	резной	вдавления	гребенка	выдавливания		
Ряд наклонных отрезков (рис. 4, *1*)	22		3		25	41,7
Горизонтальная елочка (рис. 4, *4, 5*)	7		1		8	13,3
Ряд треугольных, семечковидных вдавлений		9			9	15
Горизонтальные линии	9				9	15
Сетка (рис. 5, *4*)	3				3	5
Пересекающиеся отрезки (рис. 4, *6*)	2				2	3,3
Ромб			1		1	1,7
Ломаная линия (рис. 6, *15*)	1				1	1,7
Жемчужины (рис. 4, *2*)				2	2	3,3
Всего	44	9	5	2	60	100
%	73,4	15	8,3	3,3	100	

меандровидные фигуры и ломаные линии, выполненные гребенкой (рис. 5, *12, 13*). Семь аналогичных шеек и 11 стенок найдены вне жилища.

Вещевой материал представлен поделками из кости, глины, камня. В первом жилище найдены: галечниковое лощильце с отшлифованной боковой гранью (рис. 6, *1*), одно керамическое пряслице — кружок с отверстием посередине (рис. 6, *4*), три проколки из грифельных костей лошади, каменный курант (рис. 6, *6*) усеченно-шаровидной формы с округлой рабочей площадкой.

Находки из второго жилища во многом аналогичны: восемь лощильц (рис. 6, *2*), шесть заготовок пряслиц-кружков, две проколки. Здесь же най-

Таблица 3

Расположение орнамента по зонам на шейках сосудов

Зоны	Верхняя	Средняя	Нижняя	Из них в сочетании		Всего сосудов
				верхняя — нижняя	средняя — нижняя	
Количество	16	14	14	6	5	44
%	36,6	31,8	31,8	13	11,3	100

дено 49 игральных костей из астрагалов овцы, лежавших двумя кучками. Часть костей имеет пришлифованность одной или двух боковых граней (рис. 6, *3*). Костяная полая трубочка длиной 5,3 *см*, диаметром 1,5 *см* имеет тщательно отшлифованную, блестящую поверхность (рис. 6, *5*). Каменный пест гранатовидной формы длиной 23,5 *см* с массивной рабочей частью со следами сколов (рис. 6, *9*).

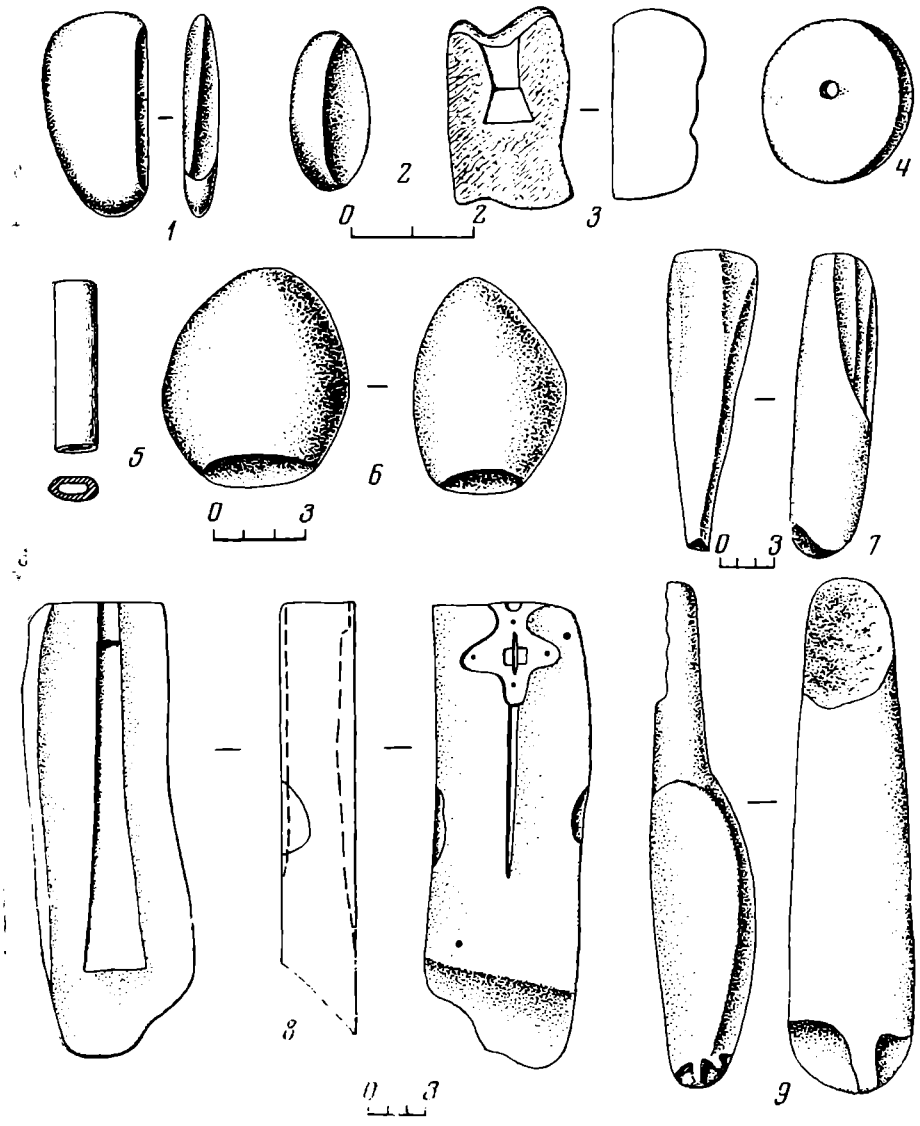


Рис. 6. Вещевой материал. *1, 2, 6, 7, 8, 9* — камень; *4* — глина; *3, 5* — кость

У входа в первое жилище была найдена литейная форма. Брусковидный камень длиной 23,5 *см*, шириной 6 *см*, толщиной 5 *см* имел на широких гранях форму для отливки тесла и булавки (рис. 6, *8*). Тесло клиновидное, с коленчатым изгибом одной из сторон, с лезвием шириной 3,5 *см*. Булавка с прямым заостренным стержнем длиной 9 *см*, диаметром 0,4 *см* имела крестообразное четырехлепестковое навершие. На концах лепестков — по точечному углублению, в центре — крестообразный паз, дававший при отливке соответствующие выпуклости. Обе формы были двухстворчатыми — для закрепления второй створки на плоскости с булавкой сделаны два углубления для штифтов и две боковые выемки для обвязывания створок, с торцевой части в формах проделаны канавки для заливки металла. Найдена трубочка длиной 2 *см*, диаметром около 1 *см*, свернутая из тонкого листа бронзы.

Анализируя комплекс керамики с поселения, О. А. Кривцова-Гракова выделила две группы, имеющие определенные отличительные признаки[5].

[5] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение..., стр. 132, 161.

Совместное залегание групп керамики послужило основанием для их синхронизации, что в свою очередь дало основание для синхронизации могильника и жертвенного места с поселением. Весь алексеевский комплекс О. А. Кривцова-Гракова датировала X—VIII вв. до н. э., относя его к позднему периоду андроновской культуры [6]. Обоснование для синхронизации разнородных комплексов исследователь видел в роли традиции при погребальном обряде, «в силу которой погребальная посуда продолжала сохранять старые, давно установившиеся формы» [7]. В связи с этим интересно высказывание автора: «Если бы материал раскопок близ пос. Алексеевского ограничивался одним могильником и жертвенным холмом, эти памятники пришлось бы отнести к средней поре развития андроновской культуры...» [8]. Таким образом, не исключалась возможность отнесения керамики могильника и жертвенного места, а вместе с ней и аналогичной ей группы керамики с поселения к более раннему периоду.

Основной комплекс керамики, полученный нами, не имеет аналогии с керамикой могильника и жертвенного места. Комплексы отличаются формой сосудов, составом глиняного теста и степенью обжига, качеством обработки поверхности, рисунком и композиционным размещением узора, а также техникой его выполнения [9]. Это достаточно хорошо фиксируется и по тем незначительным фрагментам из нашей коллекции (рис. 5, *10—12*), которые резко отличаются по серии признаков: составу глины, форме и орнаменту (см. выше). Вычленяется комплекс и планиграфически: жилища расположены не на основной площадке заселения, а на юго-восточной окраине (рис. 1). Однородность керамики, характерный набор вещевого материала, планиграфия расположения жилищ свидетельствуют о втором периоде функционирования поселения. Ко времени второго заселения мы относим часть керамики из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой, которая «имеет существенные отличия от керамики могильника и жертвенного места» [10] и находит полные аналогии с нашим комплексом.

Предложенная О. А. Кривцовой-Граковой датировка поселения X—VIII вв. до н. э. в свете новых данных может считаться обоснованной лишь для второго периода заселения. Не противоречит данной датировке и двусторонняя литейная форма тесла и булавки из наших раскопок (рис. 6, *8*). Уступчатые тесла С. С. Черников считает характерными для Восточного Казахстана и относит к алакульскому и замараевскому этапам [11]. Ю. С. Гришин датирует их карасукским временем [12]. Прямых аналогий булавке мы не находим. Булавка из Петропавловского могильника отличается формой навершия [13]. Разнообразные типы булавок из Средней Азии и Северного Кавказа не аналогичны алексеевской [14]. Отсутствие данного типа булавок и литейных форм для их изготовления на алакульских памятниках свидетельствует о более позднем времени их бытования, а отсутствие аналогий о местном, казахстанском происхождении.

Первому, раннему заселению памятника соответствует керамика поселения, имеющая сходство с керамикой могильника и жертвенного места,

---

[6] Там же, стр. 161.
[7] Там же, стр. 161.
[8] Там же, стр. 132.
[9] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение..., стр. 126—132, рис. 51—54.
[10] Там же, стр. 161.
[11] *С. С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 82, табл. XXXVI, *7*.
[12] *Ю. С. Гришин.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. САИ, ВЗ-12, М., 1971, стр. 23, табл. 11—13.
[13] *А. М. Оразбаев.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 263, рис. 30, *1*.
[14] *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, 145, 1968, стр. 82—85, рис. 8, *2—4*; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, рис. 9; *В. И. Марковин.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, рис. 43.

и соответственно могильник и жертвенное место. Новые раскопки подтвердили точку зрения ряда археологов о двукратном заселении Алексеевского поселения [15], и исследованные нами жилища относятся к позднему, второму периоду.

V. V. Evdokimov

NOUVELLES FOUILLES DANS L'ETABLISSEMENT D'ALEXEIEVO SUR LA RIVIERE TOBOL

Résumé

L'ensemble de la localité d'Alexéiévo a été étudié par O. A. Krivtsova-Grakova dans les années 30. Après avoir isolé dans cet établissement un lot de poteries, analogues à celles de la sépulture, et en se fondant sur l'unité stratigraphique de cet ensemble, l'auteur a établi la classificiation synchronique des monuments, les faisant dater du Xe s. au VIIIe s. av. n. ére. En 1969, l'auteur a dégagé deux habitations semi-souterraines à la limite sud-est de l'établissement. Dans ces habitations on a distingué trois types de foyers de pierre, des fosses-dépotoirs et des trous de pieux. On a recueilli des pilons de pierre, des racloirs, des lissoirs, des osselets pour jouer, un moule double pour fondre des gouges plates coudées, et des épingles à tête quadrilobées. On a trouvé un ensemble homogène de céramiques, sans analogie avec les poteries de la sépulture, et se distinguant par la planigraphie. Les habitations datent de la seconde période de peuplement, c.à.d. du Xe s. ou du VIIIe s. Les pièces recueillies confirment le point de vue de plusieurs archéologues sur l'existence de deux niveaux dans cet établissement.

---

[15] *А. М. Оразбаев.* Ук. соч., стр. 278; *М. Н. Комарова.* Относительная хронология памятников андроновской культуры. АСб. 5. Л., 1962, стр. 70, 71; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 348—351.

М. Ф. КОСАРЕВ, Т. М. ПОТЕМКИНА

ПОСЕЛЕНИЕ ИПКУЛЬ I

В 1972 г. Западно-Сибирская экспедиция Института археологии АН СССР вела раскопки нескольких древних поселений на оз. Ипкуль в Нижне-Тавдинском р-не Тюменской обл. Озеро входит в бассейн р. Иски и связано с ней протокой. Иска, сравнительно небольшая речка, является правым притоком Тобола; она впадает в р. Тобол несколько севернее Туры и немного южнее Тавды.

Публикуемое поселение расположено в полукилометре от дер. Ипкуль, на первой из шести дюн, идущих грядой вдоль берега озера по направлению к протоке. Дюны отделены одна от другой узкими неглубокими ложками. Все они при шурфовке дали археологический материал и условно приняты нами за самостоятельные поселения (Ипкуль I—VI). Насколько позволяют судить находки, на каждой из дюн преобладает керамика какого-нибудь определенного периода — или преимущественно развитого неолита, или позднего неолита, или ранней бронзы. К сожалению, раскопки возможны лишь на двух первых дюнах (Ипкуль I—II), так как остальные четыре заняты домами дер. Ипкуль и огородами.

Участок берега, на котором находится поселение Ипкуль I, достигает высоты 2—2,5 *м*. Когда-то здесь рос густой сосновый лес, но впоследствии он был уничтожен и пущен под пашни. Еще лет 30—40 назад дюна распахивалась, и поэтому верхний слой поселения на глубину до 25—30 *см* перемешан. Всего было вскрыто 412 $м^2$ площади памятника (рис. 1). Нивелировка поверхности поселения не показала каких-либо специфических понижений, которые можно было бы принять за остатки древних жилищ. Не были обнаружены они и в процессе раскопок — в профилях и при зачистке дна квадратов. Прослежены лишь несколько небольших овальных углублений, слегка врезанных в материк. Это, видимо, хозяйственные ямы и следы древних выворотней. Возле некоторых из них зафиксированы выбросы. Наличие этих небольших углублений и возможность их фиксации лишний раз убеждает в отсутствии жилищных ям на раскопанной площади: если бы они имелись, то были бы так же уловимы в процессе раскопок, как уловимы, скажем, хозяйственные ямы и другие прослеженные в горизонтальных зачистках и профилях нарушения древнего грунта. Видимо, древние обитатели поселения Ипкуль I жили в легких наземных жилищах типа чумов.

Основная масса находок встречена на глубине 15—35 *см* — в нижней части перепаханного слоя и в верхней части светлого песчаного грунта, ниже которого, на глубине от 45—50 *см*, залегал материковый суглинок, не содержавший находок. При зачистке «хозяйственных» ям (обычно они врезаются в материк не более чем на 20 *см*) находки или вообще не встречались или были представлены единичными черепками.

Попытки проследить вертикальную стратиграфию ни к чему не привели, так как материальные остатки разных эпох залегали вместе, в одних и тех же горизонтах. Однако наблюдаются признаки горизонтальной стратиграфии. Так, керамика бронзового века была почти вся найдена в квад-

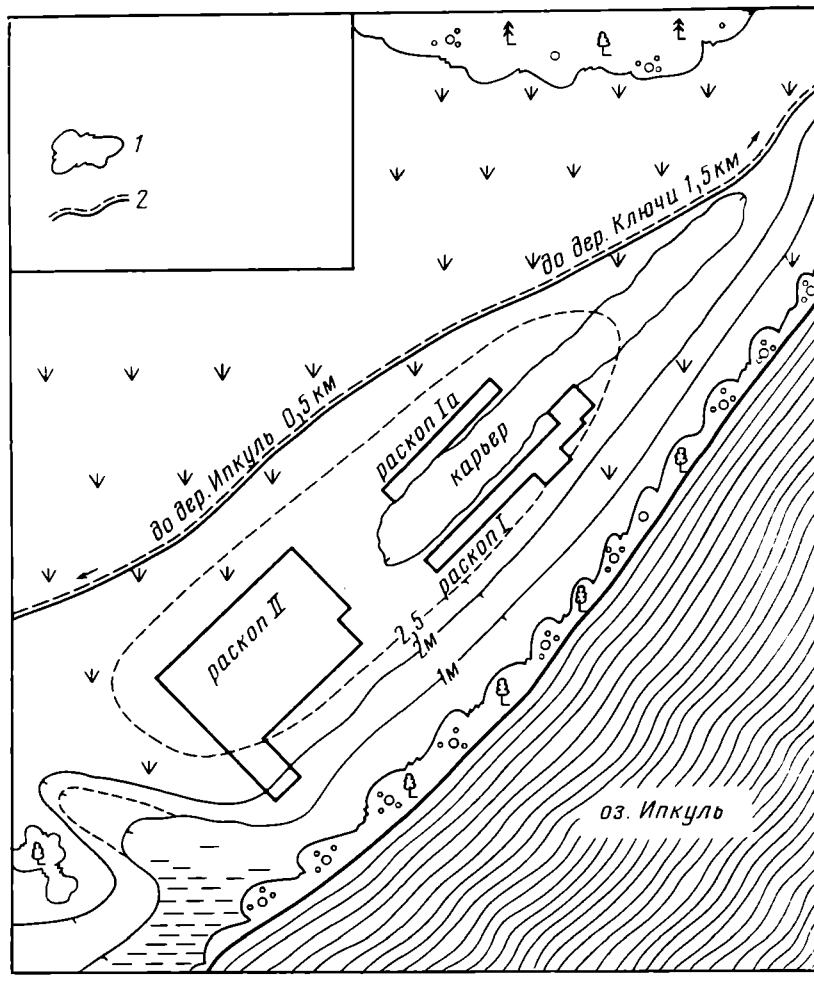


Рис. 1. Поселение Ипкуль I. План. *1* — граница облесенных участков, *2* — проселочная дорога

ратах, примыкающих к кромке берега, тогда как самая ранняя (энеолитическая) посуда залегала в основной своей массе дальше от берега и выше по склону. В этой связи интересны данные, приведенные В. Ф. Генингом по топографии озерных поселений Ишимской лесостепи. На оз. Мергень культурный слой стоянки неолитической эпохи (Пахомовская пристань III) находится на высоте от 8,5 до 4 *м* над уровнем озера, энеолитической (Пахомовская пристань II) — на высоте от 3 до 2 *м*, а поселения бронзового века (Пахомовская пристань I) — на высоте 1,5—2 *м* от современного уровня воды в озере [1]. Ссылаясь на палеопочвенные анализы, В. Ф. Генинг высказывает предположение, что разница высотных отметок в расположении поселений была связана с прогрессирующим усыханием климата в бронзовом веке и понижением уровня озер. Видимо, подобная картина имела место и на оз. Ипкуль.

Отсутствие четкой вертикальной стратиграфии — беда большинства таежных западносибирских поселений. Дело в том, что за тысячи лет, отделяющих древних обитателей этих мест от современности, здесь сменилось много поколений деревьев. Их мощные корневые системы, разрастаясь в разных направлениях, растаскивали содержимое культурного

[1] *В. Ф. Генинг.* Отчет об исследованиях в Курганской обл. в 1962 г. Архив ИА АН СССР, № 2480, стр. 154, 155.

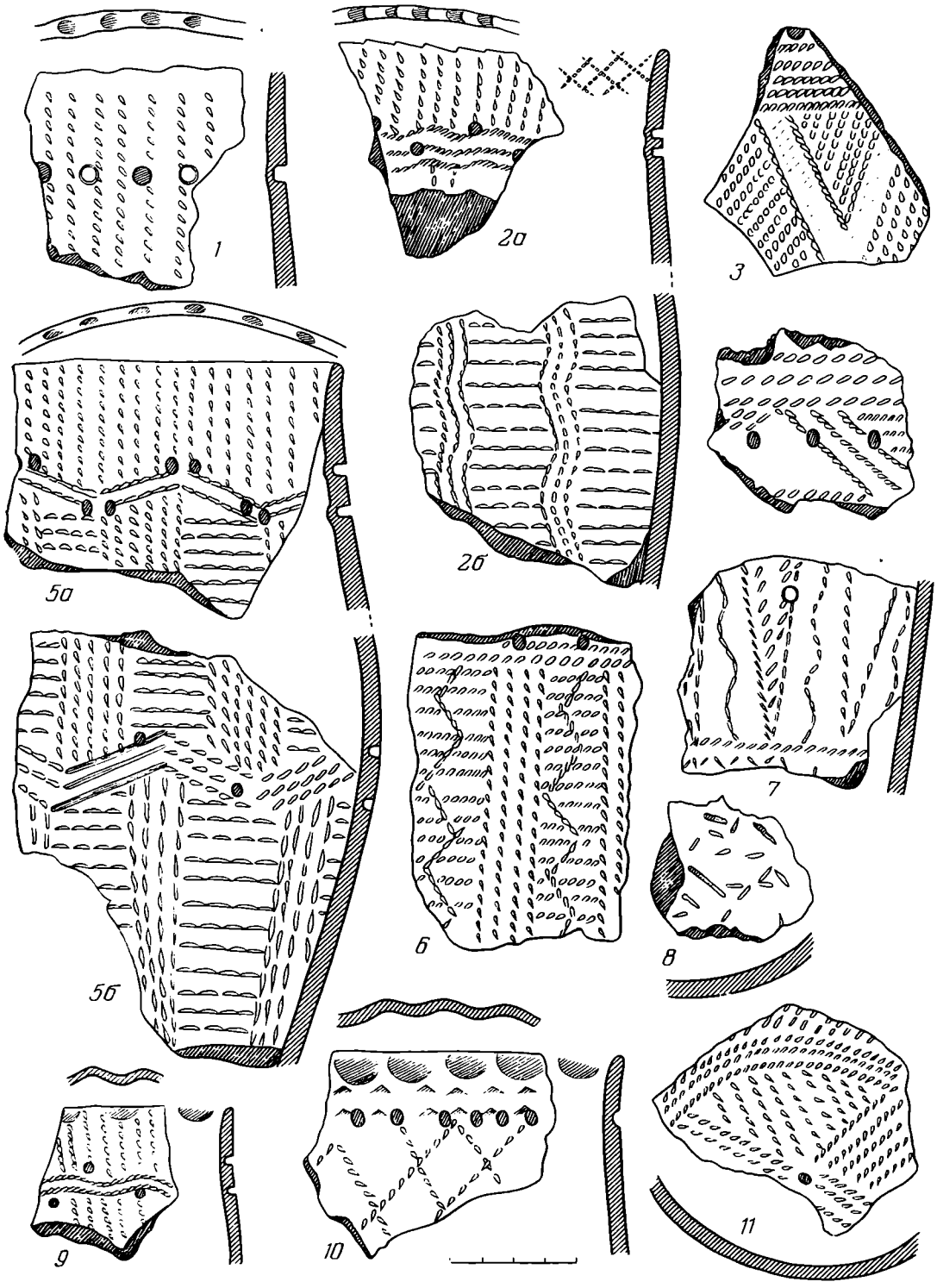


Рис. 2. Энеолитическая керамика личинского типа

слоя — поднимали вверх и вдавливали вниз обломки глиняной посуды и мелкие каменные изделия. Старые деревья, падая на землю, выворачивали корнями большие участки культурного слоя, который затем осыпался в произвольном порядке, усугубляя перемешанность слоев.

Типологически керамический материал Ипкульского I поселения можно разделить на несколько групп.

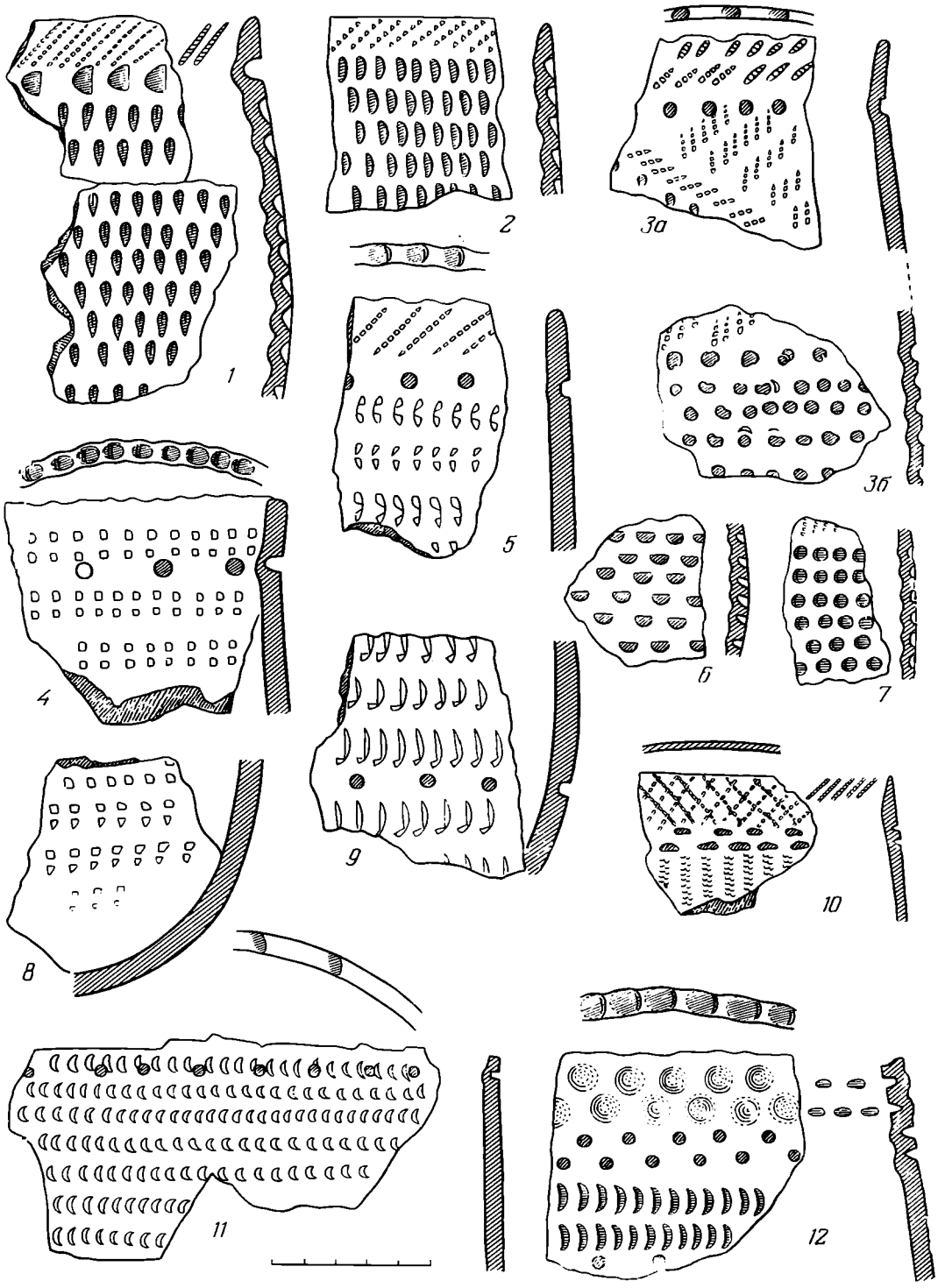


Рис. 3. Ямочная и ямочно-гребенчатая посуда эпохи раннего металла

1. Керамика липчинского типа (рис. 2), которую В. Н. Чернецов справедливо отнес к энеолитической эпохе[2]. Сосуды имеют слегка отогнутый наружу венчик и округлое дно. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность. Орнамент наносился отступающей палочкой в манере «ложного» шнура. Основные орнаментальные мотивы — псевдоплетенка, волна, зигзаги, треугольники и т. д. Характерно как вертикальное, так и гори-

[2] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 36—38.

зонтальное деление орнаментального поля. Вертикальное членение производилось обычно при помощи прямых линий, волны или зигзагов (рис. 2, *2б*, *5—7*), горизонтальное — зигзагами, волной или рядами овальных ямок (рис. 2, *2а*, *4—6*, *10*). Срез венчика нередко украшался ногтевыми вдавлениями (рис. 2, *1*, *2а*, *5а*), по верхней части сосудов иногда шли взаимопроникающие пальцевые защипы (рис. 2, *9*, *10*). Характерная особенность липчинской посуды — возрождение в ее орнаментации архаичной отступающей техники нанесения узоров, а также многих раннеэнеолитических декоративных мотивов (псевдоплетенки, волны, сплошных взаимопроникающих треугольных зон), на что в свое время обращал внимание В. Н. Чернецов [3].

По форме (круглодонность, легкая профилировка верхней части), наличию некоторых геометрических элементов в орнаменте (треугольники, зигзаги и др.) и по характерной вертикальной разбивке орнаментального поля описываемая керамика напоминает энеолитическую посуду суртандинского типа на Южном Урале [4] и, видимо, одновременна ей. Однако узоры на суртандинских сосудах наносились не отступающей палочкой, а отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа.

2. Ямочная и ямочно-гребенчатая керамика (рис. 3). По форме она напоминает липчинскую (округлое дно, очень слабо выраженная шейка). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, включая дно, и состоит обычно из однообразно чередующихся поясов ямок и отпечатков гребенки. В некоторых случаях сосуды украшались преимущественно ямочными вдавлениями; гребенчатые пояса или вообще отсутствовали, или занимали в орнаментальной композиции очень скромное место (рис. 3, *1*, *2*, *6*, *11*, *12*). Ямки бывают круглыми (рис. 3, *4*, *5*, *7—9*), каплевидными (рис. 3, *1*), полукруглыми (рис. 3, *2*, *6*), в виде полумесяца (рис. 3, *11*, *12*) и т. д. Некоторые сосуды украшались по всей поверхности горизонтальными рядами двузубого штампа («двузубца») вперемежку с поясами глубоких круглых ямок (рис. 3, *4*, *5*, *8*, *9*). На срезе венчика, как и у липчинской посуды, часто имеются ногтевые вмятины (рис. 3, *3а*, *4*, *5*, *11*). Иногда поверхность сосудов обрабатывалась по еще сырому тесту мелкой выбивкой, отчего получалась своеобразная шероховатость, напоминающая текстильный орнамент. Подобная псевдотекстильная выбивка особенно часто встречается на керамике, украшенной отпечатками двузубца. Заметим, кстати, что такая техника обработки поверхности сосудов достаточно характерна и для керамики липчинского типа, найденной на этом памятнике.

На площади раскопа керамика рассмотренной группы стратиграфически и планиграфически распределялась приблизительно так же, как посуда липчинского типа. Создается впечатление, что эти две группы керамики могут относиться к одному историко-хронологическому комплексу. Такого мнения как будто придерживался и В. Н. Чернецов. Публикуя керамику Липчинской стоянки, он поместил в одной таблице посуду обеих групп: ямочно-гребенчатую и собственно «липчинскую» [5]. В пользу их хронологической близости говорят сходная форма сосудов, обычность для той и другой групп псевдотекстильной обработки поверхности, характерность ногтевых вдавлений по срезу венчика. Однако в целом орнаментальный комплекс липчинской и ямочно-гребенчатой посуды принципиально различен, и присутствие обеих керамических групп на одном памятнике возможно отражает процесс взаимодействия в этом районе двух разных

---

[3] *В. Н. Чернецов.* Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири». Томск, 1969, стр. 116.

[4] *Г. Н. Матюшин.* К проблеме энеолита Южного Урала. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, рис. 1.

[5] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья, табл. XIV.

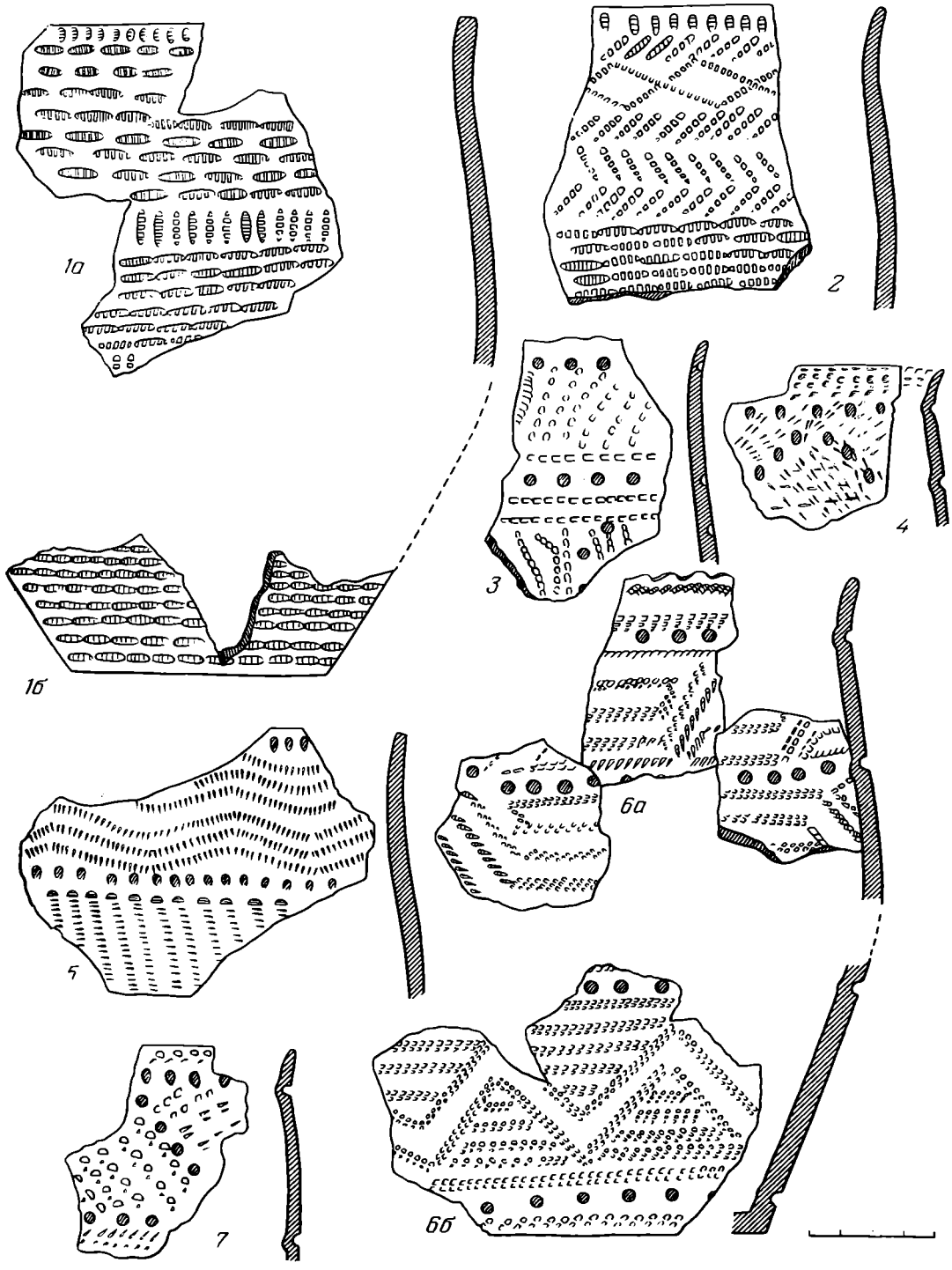


Рис. 4. Гребенчатая и гребенчато-ямочная посуда. Бронзовый век. Первый комплекс

этнических групп. Примечательно, что для поселения Ипкуль VIII (раскопки Западно-Сибирской экспедиции, 1972 г.), где ямочно-гребенчатая посуда найдена в значительном количестве, керамика липчинского типа не характерна.

3. Плоскодонная керамика с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом (рис. 4). Сосуды имеют открытую баночную форму, в орнаменте господствует гребенчатый штамп. Орнаментальное поле делилось рядами

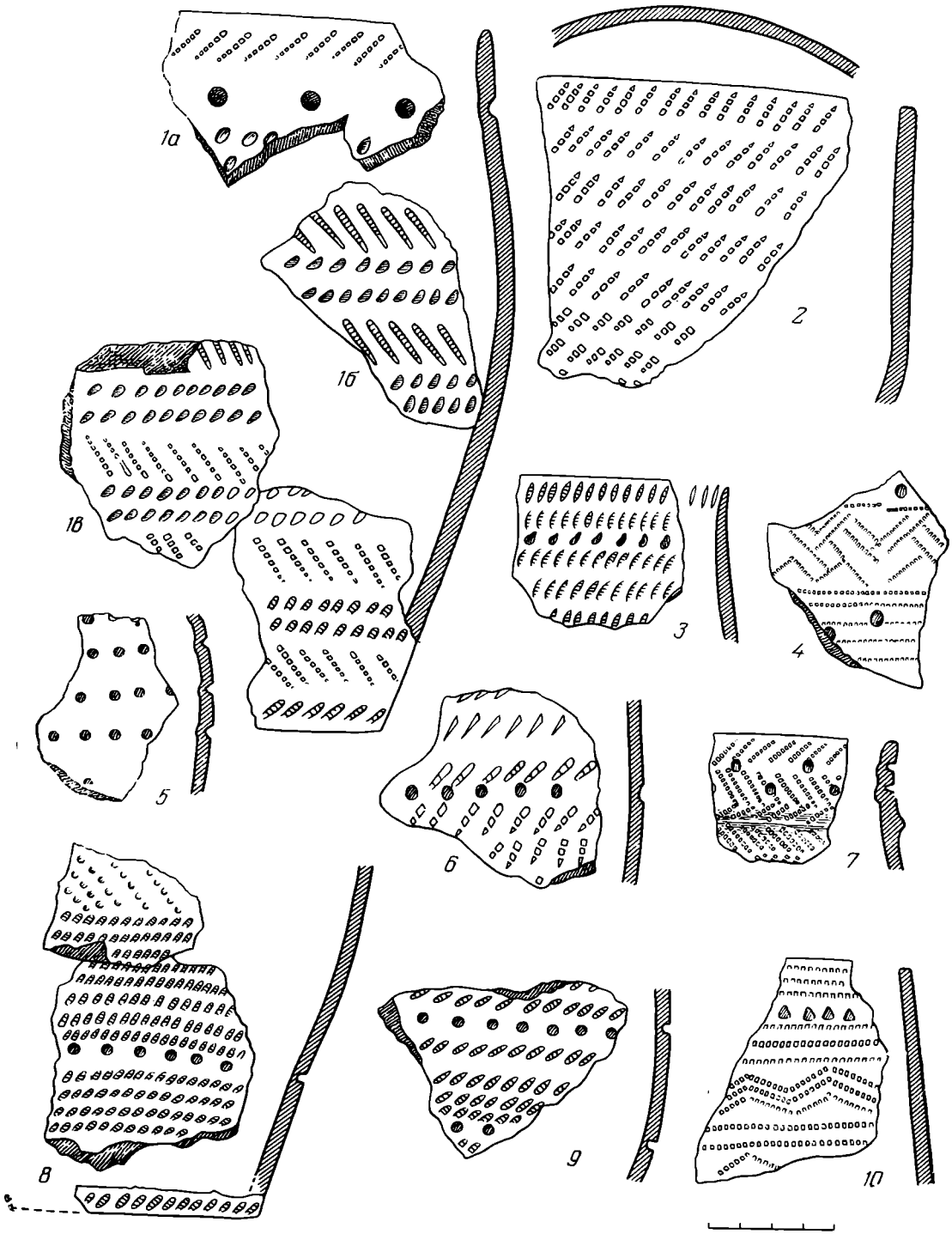


Рис. 5. Гребенчатая и гребенчато-ямочная посуда. Бронзовый век. Второй комплекс

ямок. Эта посуда по основному набору декоративных признаков (характерность гребенчатой орнаментации, деление орнаментированной поверхности рядами ямок) продолжает традиции ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики энеолитической эпохи, но в то же время содержит в своей декоративной схеме некоторые липчинские признаки, к числу которых относятся, в частности, отступающая техника нанесения узоров (рис. 4, *1б*, *3*, *6*) и присутствие волнистых линий (рис. 4, *3*, *5*). Эта посуда относится уже к эпохе бронзы, о чем свидетельствует хорошо выраженная

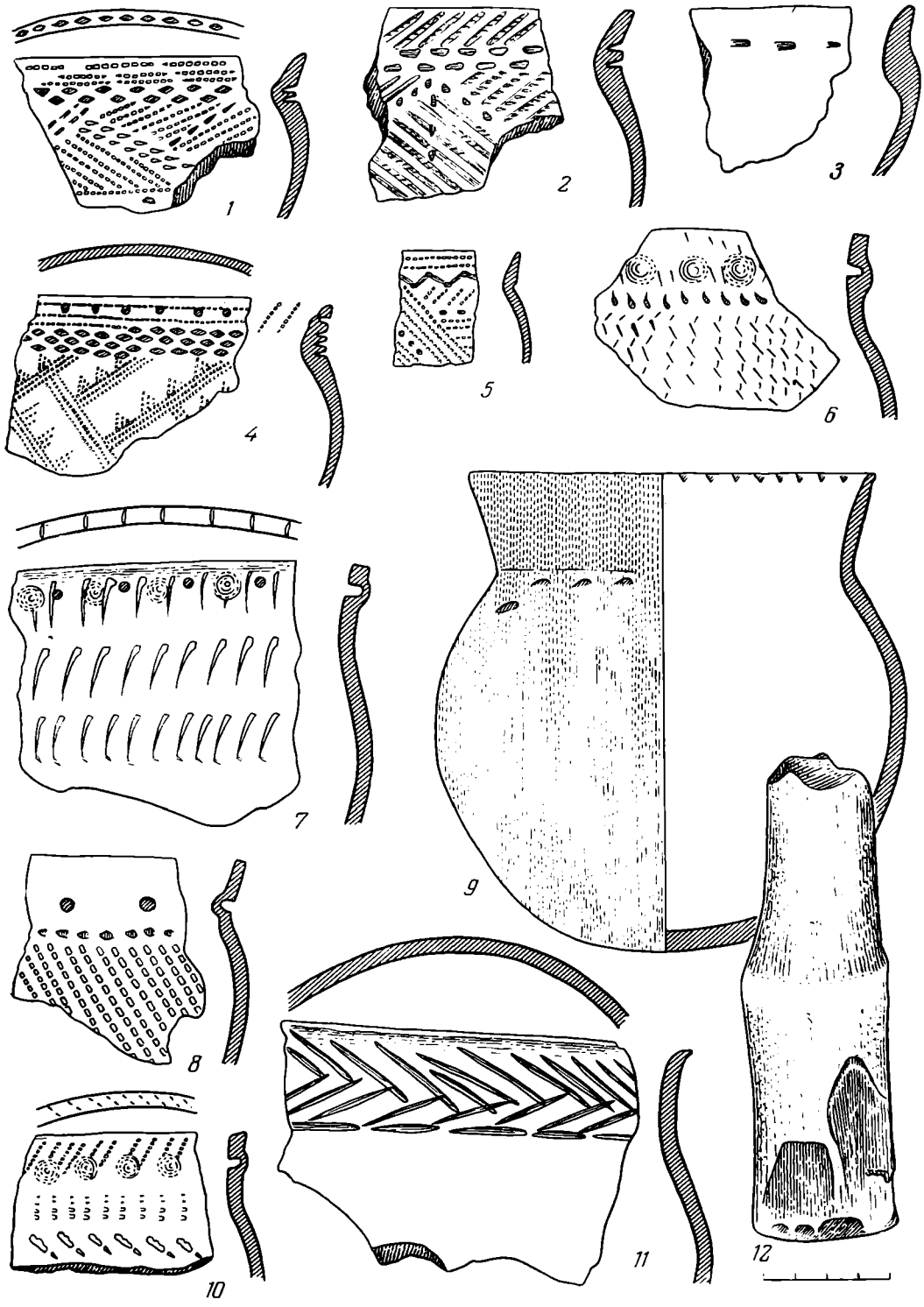


Рис. 6. Поздние материалы Ипкульского I поселения. *1—5* — гамаюнскокаменогорская эпоха; *6—12* — железный век; *12* — камень; остальное — глина

плоскодонность, а также наличие в орнаментации некоторых мотивов, сопоставимых с андроновскими (рис. 4, *6*). Сохранение же отдельных липчинских признаков, видимо, говорит о том, что керамика характеризуемой группы относится к сравнительно ранним этапам бронзового века.

4. Гребенчатая и гребенчато-ямочная посуда, напоминающая по ряду признаков керамику еловской культуры (рис. 5). Сущность орнаменталь-

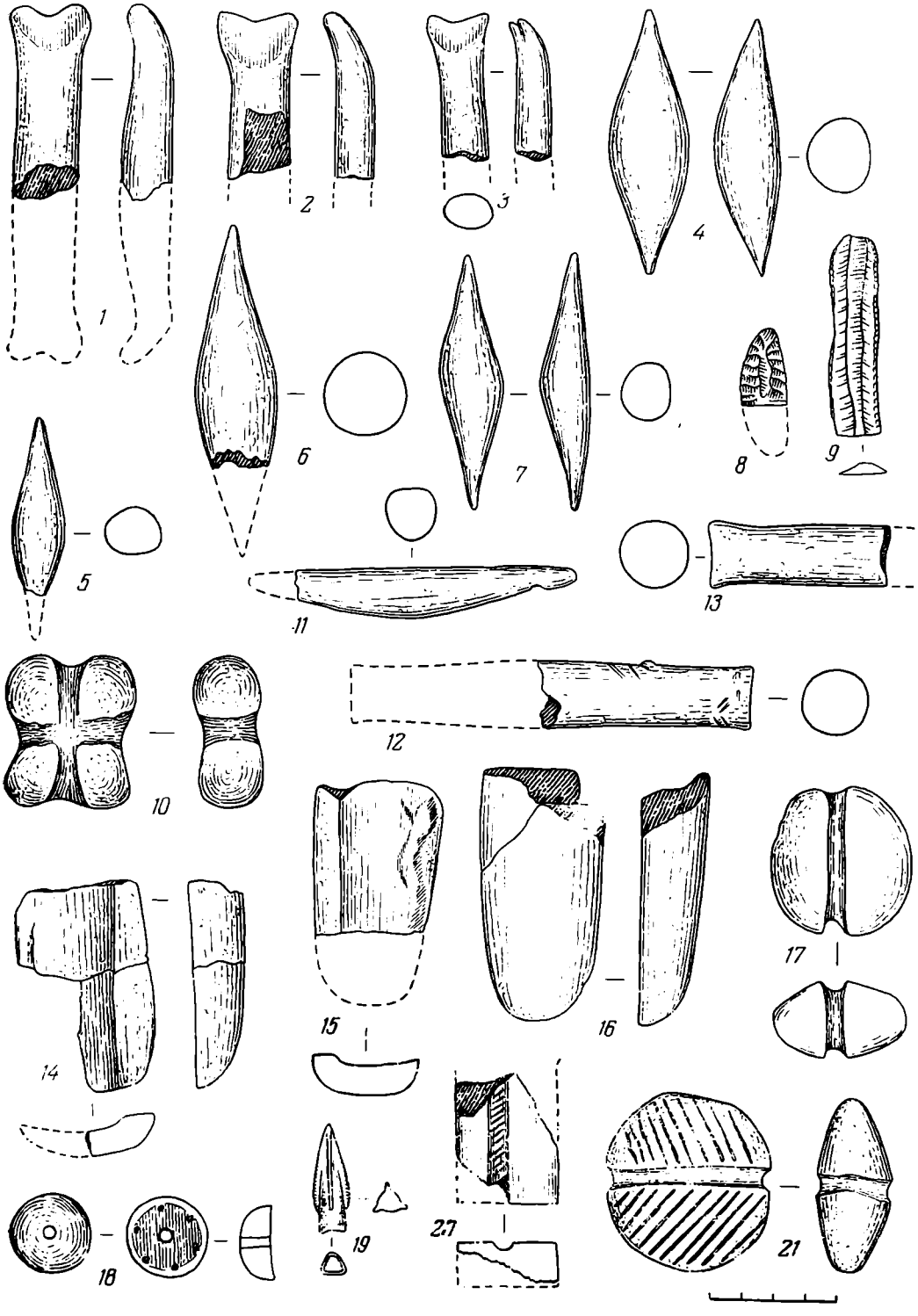


Рис. 7. Орудия. *8, 9, 20* — камень; *19* — бронза; остальное — глина

ной композиции заключается в монотонном заполнении поверхности сосуда одинаковыми поясами из наклонных отпечатков гребенки, образующих иногда горизонтальные елочные узоры. В некоторых случаях наблюдается чередование прямых и зигзаговых гребенчатых линий (рис. 5, *4*, *10*). Орнаментальное поле почти всегда делится горизонтальными рядами ямочных вдавлений. Полностью отсутствуют декоративные реликты, наблюдаемые

в орнаментах 3-й группы посуды (отступающая техника выполнения узоров, волнистые линии; см. рис. 4).

5. Керамика гамаюнско-каменогорского облика (рис. 6, *1—5*). Подобную посуду исследователи относят к самому концу бронзового века или, гораздо чаще, к переходному времени от бронзового века к железному [6]. Посуду этого типа отличают раздутое тулово и сильно отогнутый наружу венчик. Судя по характеру изогнутости нижней части тулова, днища были округлыми.

Орнамент выполнялся в основном оттисками гребенчатого штампа. Обязательно подчеркивание границы шейки и тулова рядами ромбических или овальных ямочных вдавлений. Верхняя часть тулова обычно украшалась поясом из сплошных взаимопроникающих треугольников (рис. 6, *1*, *2*, *5*). Это — очень архаичный орнамент, который был характерен в этом районе в неолите и в энеолите. Возрождение его в столь позднее время явилось, возможно, результатом возвращения в эти места древних групп населения — носителей автохтонных декоративных традиций. Как показывает материал этого времени, найденный на другой стороне озера (поселение Ипкуль VIII — в 5 *км* от рассматриваемого памятника), в орнаментации местной посуды становятся характерными и другие архаичные элементы — волнистый узор, отступающая лопаточка и др., т. е. возвращается по существу весь автохтонный орнаментальный комплекс. Из орнаментов бронзового века на керамике гамаюнско-каменогорской эпохи можно отметить некоторые, изредка встречающиеся, андроноидные геометрические элементы (рис. 6, *4*).

6. Посуда эпохи железа (рис. 6, *6—11*). Представлена сравнительно небольшим количеством фрагментов. Сосуды имеют хорошо выраженную шейку и достаточно отчетливый переход от шейки к плечикам. Орнамент наносился лишь в верхней части сосудов и состоял обычно из нескольких рядов наклонных оттисков гребенчатого или гладкого шпампов. Подобная керамика неоднократно встречалась на памятниках железного века лесостепного и южнотаежного Тоболо — Иртышья [7]. Несколько особняком стоит сосуд, найденный вместе с каменным пестом в неглубокой яме (рис. 6, *9*, *2*). Рядом с ними, в этой же яме, находилось неорнаментированное пряслице из глины. Видимо, эти три находки относятся к единому ритуальному (погребальному или жертвенному) комплексу.

Подавляющая масса орудий, найденных на Ипкуле I, сделана из глины. Каменные изделия немногочисленны. Перечислим основные категории инвентаря.

1. Обломок ножа из светло-коричневой породы (рис. 7, *8*). Имеет слегка асимметричную форму, обработан по всей поверхности довольно аккуратной ретушью.

2. Две ножевидные пластины с ретушью по краям; одна из них сделана из светлой полупрозрачной породы, напоминающей внешне халцедон (рис. 7, *9*).

3. Обломок песчаниковой плитки с продольным желобком, на дне которого нанесены частые наклонные насечки (рис. 7, *20*).

4. Глиняные пряслица: одно плоское, неорнаментированное; другое — небольшое, выпукло-вогнутой формы, с орнаментом из шести точек, расположенных вокруг отверстия на вогнутой части орудия (рис. 7, *18*). По-

---

[6] *Е. М. Берс.* Памятники и керамика гамаюнской культуры. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960; *К. В. Сальников.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 46.

[7] *В. Е. Стоянов, А. Г. Ширяев.* Селище Речкино I. ВАУ, 6. Свердловск, 1964, табл. III; *В. А. Могильников.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья в эпоху раннего железа. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, рис. 1.

добные пряслица известны на памятниках железного века Прииртышья (ранний этап саргатской культуры, IV—III вв. до н. э.) [8].

5. Обломки глиняных литейных форм (рис. 7, *14—16*). Судя по ширине створок, в них отливались орудия со сравнительно узким лезвием — скорее всего ножи.

6. Трехперый бронзовый наконечник стрелы с открытой втулкой (рис. 7, *19*). Такие наконечники бытовали в Среднем Тоболо — Иртышье на ранних этапах эпохи железа [9].

7. Удлиненные глиняные изделия с «рожками» на концах (рис. 7, *1—3*). Встречено четыре экземпляра, все в обломках. Находка на поселении Байрык IБ (в 20 *км* от оз. Ипкуль; раскопки Западно-Сибирской экспедиции, 1973 г.) скопления из более чем 20 таких предметов подтверждает мнение П. А. Дмитриева, что это были грузила для сетей или неводов [10].

8. Биконические глиняные изделия (рис. 7, *4—7*). Назначение их неясно. То обстоятельство, что они встречаются обычно вместе с орудиями рыболовческого промысла, позволяет считать их конструктивной деталью каких-то рыболовных снастей. П. А. Дмитриев интерпретировал эти находки как грузила [11].

9. Обломки керамических стержней (рис. 7, *12*, *13*). Найдено четыре экземпляра. Форма этих изделий очень стандартна, и на поселениях исследуемого района они иногда встречаются в значительном количестве. Так, на Ипкуле VIII, где площадь раскопа была почти в два раза меньше, собрано 30 керамических стержней (17 целых, остальные в обломках). П. А. Дмитриев считал эти глиняные поделки грузилами [12]. Характеризуемые изделия являются, возможно, одним из самых ранних типов глиняных грузил. Они иногда имеют на поверхности следы псевдотекстильной выбивки — такой же, как на найденной здесь энеолитической керамике. Подобная выбивка встречается и на удлиненных глиняных грузилах с «рожками». Думается, что диапазон существования описанных выше грузил охватывал в основном энеолитическую эпоху и ранние этапы бронзового века.

10. Глиняные грузила округлой формы, с желобками для привязывания (рис. 7, *10*, *17*, *21*). Найдено три целых экземпляра и один фрагмент. Такие грузила в западносибирской тайге были особенно распространены во второй половине бронзового века. Так, в Томско-Нарымском Приобье они характерны на поселениях еловской и молчановской культур [13].

Следует заметить, что на Ипкуле I, в отличие от некоторых других озерных поселений таежного Притоболья (Ипкуль VIII, Байрык IБ и др.), не встречено скоплений однотипных серий грузил, что, возможно, говорит о сравнительно небольшой роли сетевого рыболовства. Непосредственная близость Ипкульского I поселения от протоки, связывающей озеро с р. Иской (а через нее с Тоболом), позволяют предполагать, что здесь рыболовство было связано в основном с запорным и котцовым промыслами.

---

[8] *В. А. Могильников.* Ук. соч., рис. 2.

[9] *В. А. Могильников.* Ук. соч., рис. 2.

[10] *П. А. Дмитриев.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. МИА, 21, 1951, рис. 2, *9*; стр. 19.

[11] *П. А. Дмитриев.* Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, 21, 1951, рис. 7, *2*.

[12] *П. А. Дмитриев.* Ук. соч., рис. 7, *1*.

[13] *М. Ф. Косарев.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. СА, 1972, 2, рис. 2, *15*.

M. F. Kossarev, T. M. Potemkina

L'ETABLISSEMENT D'IPKOUL I

Résumé

L'établissement d'Ipkoul I est situé à environ 50 km au nord de Tioumen, sur le lac d'Ipkoul, près du village du même nom. Le lac est relié par un cours d'eau à la rivière Iska, affluent de gauche de la Tobol. Get établissement comprenait des restes de différentes époques: énéolithique, des Ages du Bronze et du Fer. La couche culturelle n'est pas stratigraphiée; cependant le relevé sur la carte des pièces trouvées sur le champ de fouilles a montré que leur répartition était soumise à certaines lois: si la poterie de l'Age du Bronze était principalement concentrée sur le territoire de l'établissement, contigu au bord même de la rive, en revanche les plus anciennes trouvailles (énéolithique) gisaient assez loin de la berge et un peu sur la hauteur. Cela est dû sans doute aux variations du niveau des eaux du lac. Outre de nombreuses poteries richement ornées, on a recueilli un grand nombre de lests de filet en argile. Parmi eux il s'en trouve de longs avec des «cornets», d'autres en forme de cigare (du début de l'Age des métaux), de biconiques (début de l'Age du Bronze), d'arrondis portant des rainures d'attache (Age du Bronze), etc. A en juger par le caractère du mobilier et d'autres signes (tels que l'absence d'habitations hivernales, souterraines ou semisouterraines), l'établissement était habité seulement dans la belle saison. La principale occupation de ses habitants était la pêche.

Б. Ю. МИХЛИН

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ЮЖНОМ ДОНБАССЕ

При охранных раскопках кург. I у с. Васильевки Старобешевского р-на Донецкой обл., проводившихся Азовским отрядом Северскодонецкой экспедиции ИА АН УССР, было открыто сарматское погр. 3, представляющее значительный интерес [1].

Курган I (высота 7,4 *м*, диаметр 55 *м*) насыпан над погребениями ямной культуры и рассматриваемое погребение было впущено в насыпь на глубину 1,7 *м* и на расстоянии 2,5 *м* к юго-востоку от центра. Абсолютная глубина от поверхности до дна могилы невелика —0,85 *м*. Контуры могилы не прослеживались, костяка в ней не оказалось, а в бровке была заметна грабительская мина. Часть погребального инвентаря сохранилась в самой могиле, в пределах вытянутого по линии восток-запад пятна растительного тлена: железный нож, несколько железных пластин с заклепками, сероглиняные кувшин и флакон, биллоновое зеркало, золотые подвески и брошь. Здесь же собраны неопределенные железные обломки, кремневый отщеп, бусы. В вырытой грабителями яме оказались отдельные человеческие кости, бусы, бронзовая фибула.

Рассмотрим эти находки. Кувшин (рис. 1, *1*) высотой 23,5 см выполнен на гончарном круге из хорошо отмученной глины, имеет плоское дно и овально-биконическое тулово. У него низкое, сужающееся к плечам горло, отогнутый край и слабо выраженный венчик. Передняя часть горла не сохранилась, и не исключено, что тут имелся слив. Почти квадратная в сечении ручка кувшина начинается чуть ниже основания горла и была прилеплена к венчику. Сероглиняные гончарные кувшины весьма близких форм известны в сарматских памятниках. В Усть-Лабинском могильнике такие сосуды без кольцевого поддона появляются не ранее второй половины I в. до н. э. [2] Один подобный кувшин известен на Дону в погребении III—II вв. до н. э. [3] Близкие, но лощеные сосуды есть в позднесарматских погребениях у с. Ново-Филипповка и совхоза «Аккермень» [4]. М. И. Вязьмитина, опубликовавшая эти сосуды, считает некоторые из них восходящими к античным образцам [5]. Характер глины васильевского кувшина также позволяет его считать изделием какой-то греческой мастерской.

Флакон (рис. 1, *2*) выполнен из серой глины и имеет веретенообразную форму. Подставка ножки сбита у самого основания, а край горла косо срезан и заглажен. Сохранившаяся высота флакона 12,2 *см*. Отсутствие венчика и подставки затрудняет его датировку, но форма корпуса, довольно грубая фактура и некоторая небрежность формовки говорят о

[1] Предварительное сообщение см. *Б. Ю. Михлин.* Погребение с золотыми украшениями в кургане у с. Васильевка. АО-1972, М., 1973, стр. 310—312.

[2] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 191.

[3] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10, 1963, стр. 30, табл. 12, *11*.

[4] *М. И. Вязьмитина.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА. М., 1952, стр. 230, табл., III, *6, 7*.

[5] Там же, стр. 230.

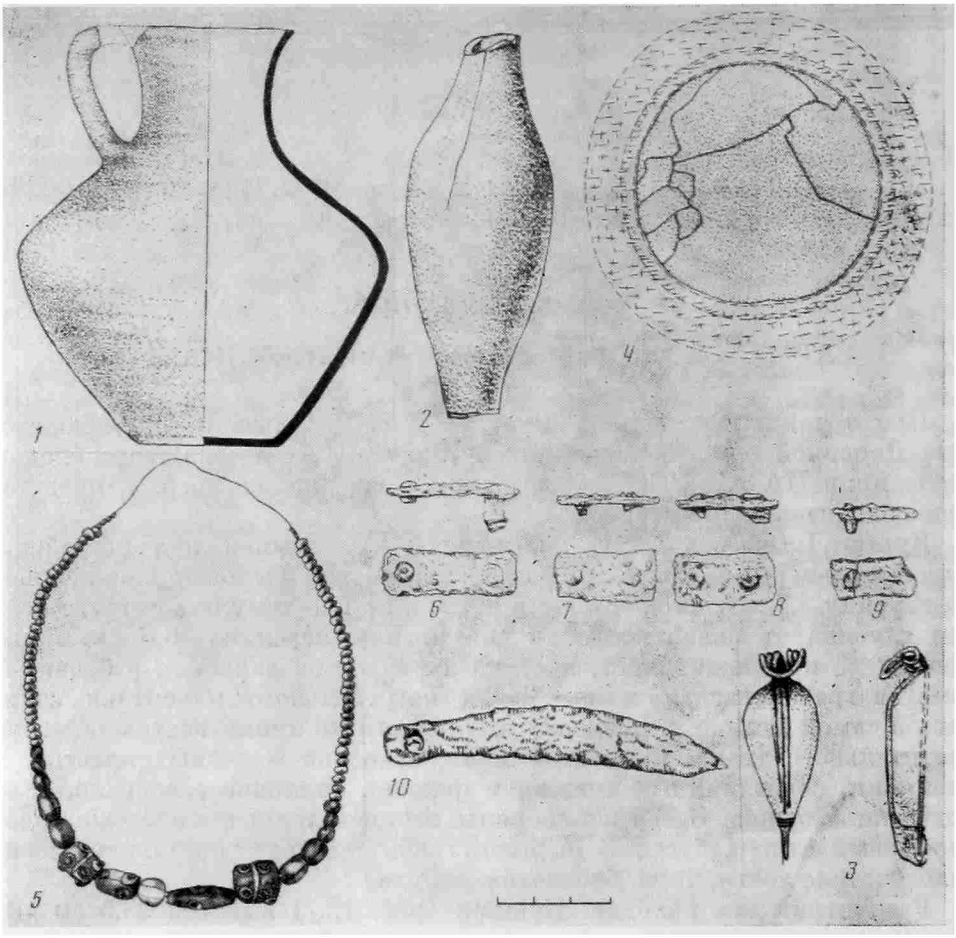


Рис. 1. *1* — кувшин, *2* — флакон, *3* — бронзовая фибула, *4* — зеркало, *5* — бусы, *6—9* — обивка шкатулки (?), *10* — нож

его близости к флаконам второй половины II в. до н. э. из закрытых комплексов афинской агоры[6]. Близкие рассматриваемому по форме и глине флаконы II в. до н. э. из боспорских городищ убедительно относятся некоторыми исследователями к изделиям местных мастерских[7]. Вероятнее всего, что и васильевский флакон вышел из какой-то боспорской мастерской.

К предметам туалета в погр. 3 относится и небольшое биллоновое зеркало (диаметр 7,7 *см*). Его диск был вставлен в деревянный корпус (рис. 1, *4*), сохранить который не удалось. В корпусе под диском были видны две пары отверстий диаметром 2—4 *мм*. Возможно, что два из них предназначались для крепления деревянной ручки, а два — для подвешивания зеркала к поясу.

Маленькие (не более 10 *см*) плоские зеркала из бронзы или биллона встречаются в погребениях прохоровской культуры и относятся к III—II вв. до н. э.[8], но наиболее характерна подобная форма для сусловского времени. Ближайшей же аналогией зеркалу из Васильевки является зер-

---

[6] *H. Thompson.* Two Centuries of Hellenistic Pottery. «Hesperia», 1934, v. III, N 4, стр. 418, 472—474.

[7] *И. Т. Кругликова.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 125, рис. 7, *1, 2*; *И. Д. Марченко.* Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА, 57, 1956, стр. 114.

[8] *М. Г. Мошкова.* Ук. соч., стр. 41.

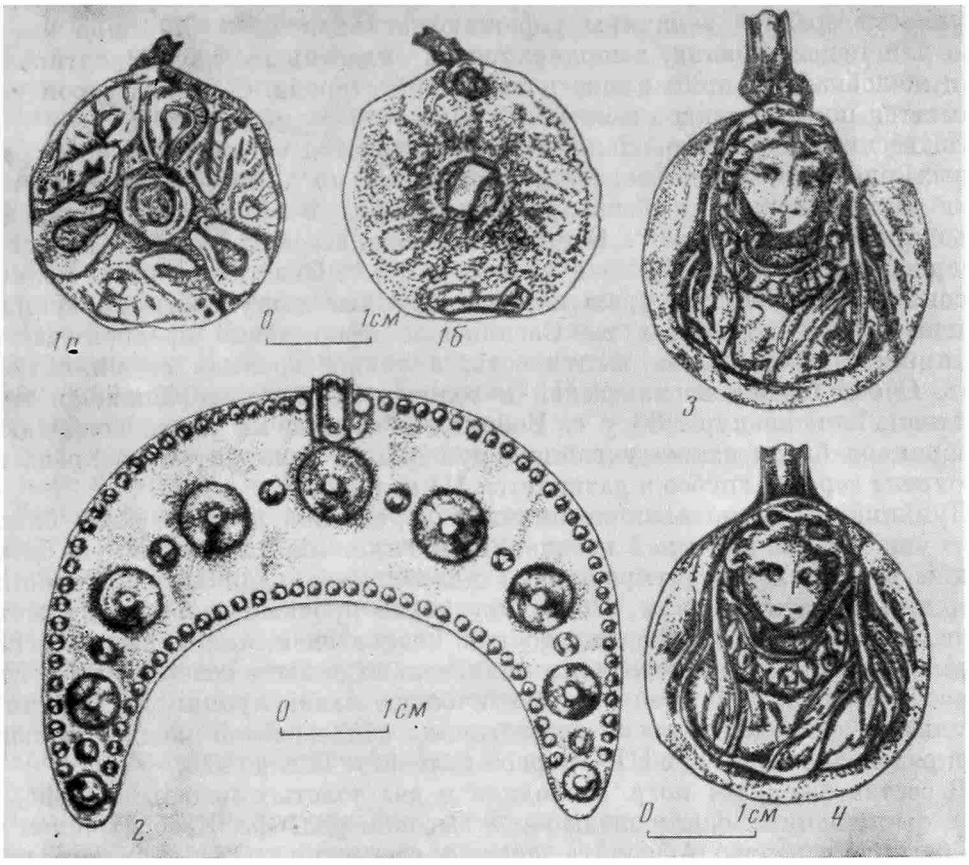


Рис. 2. Золотые украшения из погребения 3: *1* —брошь, *2* — лунница, *3—4*— медальоны

кало из кург. 12 у с. Иловатка, вставленное в подобный же деревянный корпус хорошей сохранности с двумя маленькими отверстиями под краем диска. Комплекс из кург. 12 датируется по чернолаковому флакону II в. до н. э.[9] Интересно отметить, что рассматриваемое зеркало преднамеренно разбито при совершении погребения. Этот культовый обычай хорошо известен у сарматов прохоровского и сусловского времени[10], а как признак сарматизации он отмечается и у поздних крымских скифов[11].

Три золотые подвески из погр. 3 входили, очевидно, в значительный набор украшений, подобный найденному Н. И. Веселовским в урне 3 некрополя Танаиса, где оказалось 40 золотых нашивных бляшек с погрудными изображениями Зевса, Афродиты с эротами, Афины, Артемиды, Деметры, пять медальонов с аналогичными изображениями, золотая лунница и пр.[12]

Как и в танаисском, центральное место в васильевском наборе занимает лунница (рис 2, *2*). Эта золотая пластина (ширина до 2 *см*) обведена по контуру очень мелким пунсоном, средняя ее часть заполнена иду-

---

[9] Раскопки К. Ф. Смирнова, любезно обратившего наше внимание на этот комплекс (см. *К. Ф. Смирнов*. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 269—271, рис. 24, *а-в*, 25, *4*).

[10] *Б. Н. Граков*. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, 1947, 3, стр. 104, 105.

[11] *П. Н. Шульц*. Мавзолей Неаполя скифского. М.— Л., 1953, стр. 45; *Н. Н. Погребова*. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, 96, 1961, стр. 108.

[12] ОАК за 1908 г., стр. 124, 125, рис. 178—179; *Н. И. Веселовский*. Танаис младший. Гермес, 1909, № 6, стр. 250, 251, рис. 4—6; *Т. Н. Книпович*. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 60—63, рис. 20.

щими по дуге и чередующимися крупными и мелкими выпуклостями, а выпуклости средней величины украшают ее окончания. Лунница имеет ушко для подвешивания, выполненное из пластины с двумя вертикальными желобками и припаянное к наружной стороне. С обеих сторон ушка имеется по отверстию диаметром 2 *мм*.

Подвески-лунницы довольно часто встречаются среди украшений различных эпох до средневековья включительно[13]. В скифо-сарматское время такие украшения были распространены в Северном Причерноморье почти повсеместно[14]. Ближе всех васильевской луннице подвеска из саркофага мавзолея Неаполя (I в. до н. э.)[15]. Она также имеет мелкий пунсонный орнамент по краю и более крупные выпуклости на концах. Отличает ее от лунницы из Васильевки оформление средней части, где имеется только одна выпуклость, а также крайняя ее миниатюрность. Очень близка васильевской и золотая лунница, украшавшая конский налобник из кург. 63 у с. Бобрицы. Размеры их почти совпадают, и бобрицкая бляха также украшена пунсонным орнаментом по краю, но выполнена гораздо грубее и датируется III в. до н. э.[16]

Лунница из Васильевки несомненно переделана и ранее была бляшкой — ушко припаяно к ней позднее. Возможно, она нашивалась на одежду или также служила украшением налобника и крепилась с помощью отверстий в верхней части. Поскольку такие прочные золотые предметы могли служить довольно долго, то как неапольская, так и васильевская лунницы могли быть изготовлены значительно раньше совершения погребения. Учитывая несомненную генетическую связь лунниц из Бобрицы, Васильевки и Неаполя, время изготовления васильевской следует, очевидно, определить в пределах III — первой половины II в. до н. э.

В состав ожерелья погр. 3 входили и два золотых медальона (рис. 2, *3*, *4*), выполненных одним штампом в высоком рельефе. Изображенная на них богиня, вероятно Афродита, одета в греческие одежды — хитон, пеплос. Хорошо проработаны детали изображения: виден наброшенный на голову гиматий или калиптра, локоны прически, ожерелье, голову богини украшает диадема или стефана. Ушко медальонов аналогично ушку лунницы, но припаяно с внутренней стороны. Один из медальонов в древности был поломан и починен при помощи проволоки, о чем свидетельствует ряд отверстий в верхней его части и в ушке, найденном отдельно. Подобные штампованные медальоны и нашивные бляшки с погрудными изображениями божеств встречаются среди ювелирных изделий позднего эллинизма. Помимо уже упоминавшихся золотых украшений из Танаиса, датированных Т. Н. Книпович II в. до н. э.[17], можно назвать бляшки с изображением Афродиты в стефане из погр. XIII мавзолея Неаполя (рубеж II — I вв. до н. э.)[18] и серебряный медальон из могилы 43/6 некрополя Пантикапея, где изображена Афродита с двумя эротами[19].

---

[13] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 20, 21, рис. 4; *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, рис. 47; *В. В. Кропоткин.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 44, *2*.

[14] *В. А. Ильинская.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 77, табл. XLI; *П. С. Рыков.* Раскопки курганов в урочище «Три брата». СА, I, 1936, стр. 145, 146; *П. Н. Шульц.* Ук. соч., цветная вкладка II, *8*; *Н. В. Пятышева.* Ювелирные изделия Херсонеса. М.,1956, стр. 55, рис. 16; *В. П. Бабенчиков.* Чорноріченський могильник. АП, XIII, 1963, стр. 111; *Е. І. Діамант.* Розкопки на некрополі Кошарського городища. АДУ (IV), Київ, 1972, рис. 6 на стр. 192.

[15] *Н. И. Погребова.* Ук. соч., стр. 178.

[16] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д 1-4, М., 1967, стр. 39, 96, табл. 28, *4* на стр. 163.

[17] *Т. Н. Книпович.* Ук. соч., стр. 63.

[18] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., табл. XXX, *9*, *13* и стр. 36, 37, 85; *Н. Н. Погребова.* Ук. соч., стр. 148, рис. 23, *1*, *2*.

[19] *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. ИАК, 40, 1911, стр. 87, 88, рис. 30.

Последний медальон, судя по упоминавшейся в отчете «акварельной» пелике, датируется не позднее II в до н. э.[20].

Следует отметить, что Т. Н. Книпович, датируя недвиговский комплекс, во многом исходила из близости серьги с подвеской в виде фигурки Ники с подобной, но несколько более ранней по стилю серьгой из Артюховского кургана, считая вторую половину III в. до н. э. его датой[21]. В настоящее время М. И. Максимова убедительно отнесла погребения этого кургана к середине третьей четверти II в. до н. э.[22] Теперь, очевидно, следует сдвинуть дату комплекса урны 3 Танаиса, а также и близких ему вещей, и в частности медальонов с погрудными изображениями божеств, ко времени не ранее конца II — начала I в. до н. э.

Медальоны из Васильевки близки и к известному тиритакскому штампу, отнесенному В. Ф. Гайдукевичем к концу III — началу II в. до н. э.[23], и, вероятно, изготовлены на Боспоре[24]. Попутно заметим, что, сдвигая дату недвиговских бляшек и сопоставляя ее с датой бляшек из Неаполя, следует передатировать и тиритакский штамп, также отнеся его по крайней мере к рубежу II—I вв. до н. э.

Технология штамповки бляшек обстоятельно восстановлена В. Ф. Гайдукевичем. Добавим только интересную деталь, заметную на обоих публикуемых медальонах и дополняющую картину работы ювелира. Из-за высоты рельефа изображения золотой листик после удара по штампу рвался в наиболее высокой части до верхней линии прически богини. После этого мастер внахлестку соединял концы так, что шов оказывался с левой стороны головки, а образовавшийся впереди уголок отклонялся назад. Далее, судя по хорошей заглаженности шва, бляшка вновь надевалась на штамп и производилась доработка изображения мелкими инструментами.

Сравнительно массивная фибула-брошь (рис. 2, *1*) из рассматриваемого погребения имеет круглый (диаметр 2,2 *см*) и слегка выгнутый наружу щиток. Он украшен изображениями трех головок рычащего кошачьего хищника (пантера?), выполненных в плоскостном рельефе. В центре щитка находился полый кружок. Уши животных непомерно велики, подковообразной формы, и концы их доведены почти до центрального круга. Изображения отличаются примитивизмом: черточками передана наморщенная шкура, двумя точками — ноздри, грубой нарезкой — зубы. Возможно, брошь была инкрустирована и потому так заглублены кружок и отверстия ушей. В центре внутренней стороны щитка имеется прижатая к нему петелька из плоской проволоки (рис. 2, *1б*), позволяющая считать, что эта вещь первоначально была не брошью, а пуговицей (?). При переделке петля была прижата к щитку, а к его краям были припаяны золотые приемник из плоской проволоки с загнутыми концами и «шарнир» из проволочной петли. В петлю была вставлена согнутая

---

[20] *В. Д. Блаватский.* История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 275.

[21] *Т. Н. Книпович.* Ук. соч., стр. 63, прим. 1.

[22] *М. И. Максимова.* О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3, стр. 57; *ее же.* Harald Köthmann. Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I. Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1958 (рецензия). СА, 1962, 4, стр. 252; *ее же.* Еще раз о дате Артюховского кургана. СА, 1967, 2, стр. 240—242.

[23] *В. Ф. Гайдукевич.* Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА. VI, 1940, стр. 298 сл.; *его же.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 119. рис. 14; *его же.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 44, 45, рис. 43, 44; Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 63, рис. 21*а*.

[24] Ср. *Л. П. Харко.* К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье. МИА, 96, 1961, стр. 223, 224; *Т. Н. Книпович.* Ук. соч., стр. 62. Широкая распространенность культа Афродиты на Боспоре, возможно, объясняет значительность числа блях и медальонов боспорского производства с изображениями этой богини (см. *Л. П. Харко.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, XIII, 1946. стр. 137 сл.; *А. П. Иванова.* К вопросу о культе Афродиты на Боспоре. ВДИ, 1950. 3, стр. 104).

железная проволока, и таким образом у фибулы были две иглы (сохранилась небольшая часть).

В Северном Причерноморье наиболее ранней брошью с двумя иглами и подобным приемником является брошь из Зеленского кургана, датируемая III в. до н. э.[25] Основная же масса таких брошей относится А. К. Амброзом ко II—I вв. до н. э.[26] Переделку пуговицы в фибулу следует также отнести к этому времени. Стиль изображений на щитке, уже довольно схематичных, с начинающими развиваться декоративными элементами, подтверждает такую дату[27]. Надо думать, что между изготовлением вещи, последующей переделкой и помещением ее в могилу прошло сравнительно мало времени и все три момента вряд ли выходят за пределы II—I вв. до н. э.

Еще одна фибула, бронзовая, как отмечалось выше, была найдена в грабительской мине. Фибула (рис. 1, *3*) длиной 5,7 *см* имеет слабопрофилированный пластинчатый корпус и незначительно отогнутую головку с шестивитковой пружиной и наружной тетивой. Игла и край приемника обломаны, слегка поврежден и низ ножки, но крайняя ее тонкость не позволяет предполагать тут наличие кнопки или завитка. У основания ножки перпендикулярно ей прочерчены три параллельные линии и еще три линии прочерчены вдоль корпуса.

Находка этой фибулы представляет значительный интерес, и аналогий ей мы не знаем. Характер тетивы и спинки сближает ее с некоторыми группами фибул, и особенно с фибулами, имеющими прогнутую спинку и короткий приемник. Известную близость дают фибулы с гладким корпусом и кнопкой и фибулы с завитком на конце приемника. Все три группы распространены исключительно в Северном Причерноморье, и первую А. К. Амброз датирует I в. н. э.[28] Однако часть приведенных им фибул убедительно датируется их издателями I в. до н. э. или его концом (фибулы из Казацкого, Петуховки, Неаполя[29]), и, очевидно, ограничивать датировку этой группы I в. н. э. нельзя. С двумя другими группами А. К. Амброза фибулу из Васильевки отождествлять невозможно, так как их развитие идет от малых экземпляров к крупным II—III вв. н. э., а последние даты явно не подходят нашей фибуле. Для того чтобы найти ее место в ряду прочих причерноморских фибул, следует упомянуть фибулу из могилы 15 некрополя Танаиса, сопровождавшуюся чернолаковой чашкой II в. до н. э.[30] Эта фибула была припаяна к щитку с изображением розетки, и А. К. Амброз относит ее к группе фибул с прогнутой спинкой и коротким приемником (фибулы с гладкой проволочной спинкой без щитка и с неукрашенным пластинчатым приемником)[31]. При этом он отмечает, что пружинный аппарат танаисской броши не связан с латенскими традициями и она принадлежит к какому-то малоизученному варианту фибул со щитком (греческие броши?). Возможно, к нему же восходят фибулы

---

[25] *В. В. Шкорпил.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. ИАК, 60, стр. 25, 26, рис. 8; *К. Ф. Смирнов.* Северский курган. М., 1953.

[26] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 30.

[27] *А. П. Иванова.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 118; *М. И. Артамонов.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления). ПСА. М., 1971, стр. 33. Упомянем стилистически более ранние, но несомненно близкие рассматриваемым изображения головок хищников на бляшках из Александропольского кургана III в. до н. э. (см. Древности Геродотовой Скифии. Атлас, вып. I, табл. VIII, 13; XII, *4, 5*).

[28] *А. К. Амброз.* Фибулы юга... стр. 25, 43, 45.

[29] *Н. Н. Погребова.* Ук. соч., стр. 176, табл. 8, *4* и стр. 177, табл. 26, *3*.

[30] *Д. Б. Шелов.* Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, табл. XXXIV, *7* и стр. 13, 14, 73, 74.

[31] *А. К. Амброз.* Фибулы из раскопок Танаиса. «Античные древности Подонья — Приазовья». МИА, 154, 1966, стр. 249, табл. VI, *7, 8*; *его же.* Фибулы юга... табл. IV, *6, 7*.

как с гладкой проволочной спинкой, так и с неукрашенным пластинчатым приемником, а поскольку, как отмечалось выше, их следует датировать I в. до н. э. — I в. н. э., то никакой лакуны в развитии этих фибул от ранней танаисской броши (пружинный аппарат) к более поздним образцам нет. Очевидно, васильевская фибула также восходит к игольному аппарату плохо известных греческих брошей и, как нам представляется, ее необычайно широкая листовидная спинка как бы имитирует отсутствующий щиток. В целом фибулы с проволочными и пластинчатыми дужками, восходя к одному образцу, надо думать, развиваются параллельно. Васильевская фибула должна относиться к ранним образцам и датироваться концом II—I вв. до н. э.

В погребении и грабительской мине собрано 95 различных бусин (рис. 1, *5*). Основную массу их составили небольшие позолоченные и посеребренные стеклянные бусины, среди которых выделяется несколько более крупных (3,5—4 *мм*). 10 бусин выполнены из сердолика и одна — из прозрачного стекла. Встречены также бусы из зеленой, синей и коричневой пасты, украшенные вставными глазками, причем две из них имеют выступающие глазки-налепы. Найдено и незначительное количество рубленого золоченого трубчатого бисера. Все эти бусы находят широкие аналогии в скифо-сарматском мире в диапазоне III—I вв. до н. э. Так, значительное число позолоченных бусин в прохоровских памятниках характерно для III—II в. до н. э.[32] Близкий набор бус найден и в упоминавшейся могиле II в. до н. э. некрополя Танаиса[33]. Зеленая пастовая бусина с выступающими глазками находит полную аналогию в Беляусском могильнике[34] и в мавзолее Неаполя, где датируется концом II—I вв. до н. э.[35] Следовательно, ожерелье из Васильевки не может противоречить датировке погребения концом II—I вв. до н. э.

Неясно назначение четырех железных пластин с двумя заклепками каждая (рис. 1, *6—9*). Две пластины совпадают по размерам (3×1,5 *см*), третья несколько длиннее и у́же предыдущих (4×1,3 *см*), четвертая дошла до нас в обломках. На внутренней поверхности пластин видны следы истлевшего дерева, и можно предположительно считать их обивкой шкатулки[36]. Возможно, от нее же происходят и упоминавшиеся выше железные обломки — два из них имеют вогнутую треугольную форму и могли служить обивками углов.

К широко известным образцам принадлежит железный нож (рис. 1, *10*) из погр. 3, имеющий горбатую спинку, прямое лезвие и короткий черешок, где видны следы истлевшей деревянной рукоятки. Последняя крепилась к ножу с помощью сохранившейся заклепки. Длина ножа 9,2 *см*, а ширина клинка 1,5 *см*.

Следует остановиться на небольшом кремневом отщепе, возможно относящемся еще к палеолиту. Отщеп покрыт неглубокой патиной, имеет ярко выраженный ударный бугорок, и один его край грубо ретуширован. Следов обработки после патинизации нет. Обычай положения в могилу кусков кремня, халцедона, гальки неоднократно прослеживался в сарматских погребениях[37]. По этнографическим данным можно усматривать тут веру в магические свойства этих пород[38]. Очевидно, и в рассматриваемое погребение кремень пропал в качестве такого амулета.

---

[32] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры, стр. 45.

[33] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 79.

[34] Любезное сообщение О. Д. Дашевской.

[35] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 80, табл. XXII, *15*; *Н. Н. Погребова.* Ук. соч., стр. 169, рис. 37, *7*; 23, *6*.

[36] Б. Н. Граков упоминает о девяти медных обойных пластинках от шкатулки из кург. 2 Башкирского стойла (см. *Б. Н. Граков.* Ук. соч., стр. 113).

[37] *М. Г. Мошкова.* Ук. соч., стр. 38.

[38] *Г. Ф. Чурсин.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махач-Кала, 1929, стр. 222 сл.

Анализ инвентаря погребения у с. Васильевки показывает, что в целом оно может быть датировано концом II — началом I в. до н. э. Интересно отметить элементы эллинизации погребенной (?): переделанная по греческому образцу брошь, флакон, медальоны с изображением Афродиты. При этом ряд вещей может быть отнесен к изделиям боспорских мастерских. Надо думать, что влияние Боспора и на эту часть приазовских степей было достаточно велико. Тот факт, что ближайшие аналогии медальонам и луннице из Васильевки имеются в Танаисе, позволяет еще раз проиллюстрировать роль этого центра в торговле Боспора [39] с сарматскими племенами и полагать, что боспорский импорт в Приазовье поступал именно через Танаис.

B. You. Mikhline

UNE SEPULTURE SARMATE DANS LE DONBASS MERIDIONAL

Résumé

Lors de fouilles de conservation du kourgane I, près du village de Vassilevka (district de Starobéchevskoié, région du Donetz), a été découverte une sépulture sarmate introduite, pillée dans l'antiquité. Une partie du mobilier funéraire s'est conservé dans la tombe elle-même: un pot et un flacon, une glace de billon dans un étui de bois, quelques perles de verre, un couteau de fer, des plaques de fer avec des agrafes du revêtement d'un coffret (?), un éclat de silex, des bijoux d'or (ill. 1, 1, 2, 4—10, 2). Dans la fosse pillée on a trouvé les restes d'un squelette, des perles de verre et une fibule de bronze (ill. 1, 3). Les bijoux d'or sont particulièrement dignes d'intérêt. Des médaillons à l'effigie d'Aphrodite (ill. 2, 3, 4) ressemblent à ceux de Tanaïs, de Néapolis de Scythie, et sont très proches de l'étampe bien connue de Tiritaka. Une lunule (ill. 2, 2), qui porte un ornement tracé qu poinçon, était auparavant une plaque ou bien garnissait le frontail d'un cheval, comme la lunule du kourgane 63, près du village de Bobritza. De même on a transformé une broche, qui avait servi auparavant de bouton. Cette broche, décorée de trois têtes de panthères, possédait deux épingles et portait peut-être des incrustations. L'examen du mobilier permet de faire dater cette sépulture de la fin du II—I s. av. n. ère.

---

[39] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 153 сл.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

БОГАТОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КОНЦА IV ВЕКА ИЗ УРЕКИ (Грузия)

В Грузии одной из интереснейших археологических находок является инвентарь позднеантичного погребения, открытый случайно в 1942 г. в с. Уреки, расположенном в южной части Восточного Причерноморья у устья р. Супса[1]. Как установила Н. В. Хоштариа, территория, где было обнаружено указанное погребение, представляет собой богатый могильник, откуда происходят и другие случайные находки[2]. Вещи из погребения, выявленного здесь в 1942 г., имеют особое значение, поскольку они представляют собой пока и для Уреки, и для всей позднеантичной Колхиды наиболее полный и бесспорный комплекс из одного богатого погребения, инвентарь которого почти полностью сохранился для науки. (Хранится в основном в Государственном музее Грузии и в Кутаисском музее.) Сведения об обстоятельствах находки вещей из этого погребения и их опись принадлежат покойному Д. Г. Капанадзе.

Между реками Супсой и Кучхис-Абано в невысокой гряде, тянущейся вдоль морского берега на расстоянии 200—300 *м* от берега моря, в 1942 г. при земляных работах была обнаружена на глубине 1,30 *м* вертикально расположенная амфора, под которой находился складной железный стул. Здесь же найден глиняный сосуд без ручки и разбитая стеклянная посуда. В 70 *см* к западу и на 20 *см* глубже были обнаружены золотые и серебряные изделия. Все эти вещи занимали площадь приблизительно в 2 $м^2$. После расширения и углубления ямы был обнаружен еще один глиняный горшок. Несмотря на то что костей не было обнаружено, Д. Г. Капанадзе сразу же определил находки как инвентарь погребения, которое он датировал по самой поздней монете из этого комплекса концом III—IV вв.[3]

Вещи из указанного погребения уже публиковались[4], однако степень их изученности, а также их значение и характер позволяют рассматривать их еще не один раз. В рассматриваемом погребении найдены римские монеты, древнейшие из которых были выпущены Адрианом (121—122 гг.), а самая поздняя — Тацитом (275—276 гг.)[5]. Однако датировка рассматриваемого погребения и большей части происходящих из него вещей до сих пор не была обоснована. А. М. Апакидзе датирует концом III — началом IV в. только «основную часть урекских памятников»[6]. Расплывчата дати-

[1] Фотографии вещей, изображенных на рис. 4—8, выполнены В. Е. Савиным, которому мы глубоко благодарны.

[2] *Н. В. Хоштариа.* Археологическое исследование Уреки. МАГК, I, 1955, стр. 51 сл.

[3] *Д. Г. Капанадзе.* Докладная записка о командировке в Кутаиси и Супсу, 1942 г. (рукопись в архиве отдела нумизматики ГМГ, на груз. яз.).

[4] *А. М. Апакидзе.* Археологические памятники позднеантичного периода из Уреки. Вестн. ГМГ, XIV-В, 1947; *Н. В. Хоштариа.* Ук. соч., стр. 51 сл.; *ее же.* Цихисдзири. Тбилиси, 1962, стр. 19 сл. (на груз. яз.); *Р. В. Пуцуридзе.* Позднеантичные археологические памятники Западной Грузии. МАГК, II, 1959, стр. 63 сл. (на груз. яз.).

[5] В рассматриваемом погребении содержались следующие монеты: четыре кесарийские дидрахмы Адриана, кесарийская драхма Каракаллы, денарий Септимия Севера, ауреус Тацита, золотое подражание римскому ауреусу III в. (*К. В. Голенко.* Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, 31, 76, стр. 71 ,85, 105).

[6] *А. М. Апакизде.* Ук. соч., стр. 110, 124.

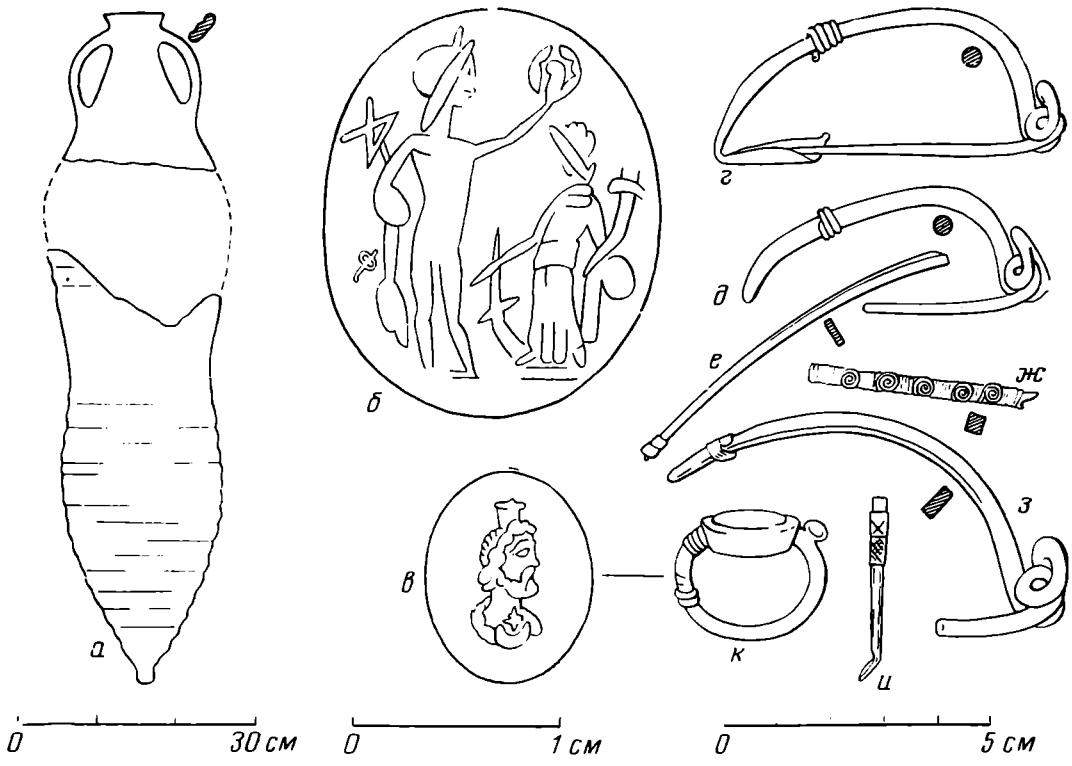


Рис. 1. Амфора, геммы и серебряные изделия (Уреки, 1942 г.)

ровка этого погребения и у. Н. В. Хоштариа. У Р. В. Путуридзе же по поводу его датировки мы находим только указание о том, что инвентарь этого погребения «вообще выглядит одновременным и должен относиться именно к концу III в.» [7].

Приступая к описанию вещей из указанного погребения, нужно оговориться, что некоторые из них мы уже не смогли найти в 1973 г. (например, горшочек без ручки и обломки стеклянной посуды).

1. Амфора (рис. 1, *а*), хранящаяся в Кутаисском музее. Относится она к тому типу красно-коричневых грубоглиняных амфор, который отличается очень вытянутой формой, легкой горизонтальной ребристостью поверхности, низким горлышком, небольшими плоскими ручками и, самое главное, наличием перехвата посредине корпуса. Среди амфор этого типа в Восточном Причерноморье намечаются и его разновидности [8], обусловленные, возможно, не только изготовлением этих амфор в различных центрах и районах, но и разновременностью их происхождения в рамках того обширного периода, которым датируется весь тип. Характерные черты той разновидности, к которой относится урекская амфора,— отсутствие у амфор плечиков (конусовидное горло является прямым продолжением верхней части корпуса), наличие небольшой шишки на донышке и отогнутая наружу верхняя часть горлышка с непрофилированным или слабопрофилированным венчиком в виде незначительного плоского наружного утолщения. Для урекской амфоры, кроме того, характерен способ прикрепления ручек к горлышку. Концы ручек имеют здесь «заклепки», которые проходят сквозь стенку горлышка и заканчиваются изнутри шляпками [9].

[7] *Р. В. Путуридзе.* Ук. соч., стр. 64.

[8] Известна, например, разновидность таких амфор, характерных только для Цебельды (горная Абхазия — см. *М. М. Трапш.* Труды, 3. Тбилиси, 1971, табл. VI, *4*, VII, *16*, XX, *4*, XXI, *2*, XXII, *1*). Другой разновидностью этого же типа являются не опубликованные пока амфоры с перехватом из Археополиса (с. Нокалакеви в Западной Грузии).

[9] Амфоры этой разновидности найдены были в Восточном Причерноморье в Бамборах и при раскопках римских крепостей в Севастополе (*Ю. Н. Воронов.* Археоло-

В Северном Причерноморье амфоры указанного типа датируются IV—VII вв.[10] Н. В. Хоштариа же, публикуя урекскую амфору, датирует ее, как и все погребение, то IV в., то «не ранее III—IV вв.», исходя в первом случае из северопричерноморских параллелей, а во втором — из неизвестных нам соображений[11]. Ссылаясь на Н. В. Хоштариа, некоторые исследователи стали относить указанные амфоры в Восточном Причерноморье исключительно к III—IV вв. Однако датировка амфор указанного типа IV и более поздними веками аргументирована; следовательно, урекская амфора не могла быть изделием III в., что существенно, поскольку среди всех рассматриваемых здесь вещей только она, как бытовой, наиболее малоценный и недолговечный предмет, должна быть близка по времени захоронению.

2. Складной железный стул (рис. 2), хранящийся в Кутаисском музее. Стул этот раньше ошибочно определялся как «складное ложе», «часть мебели», «подставка».

Включение складных металлических стульев в погребальный инвентарь — обычное явление в позднеантичную эпоху. Наиболее поздний известный нам складной стул из погребения датируется концом IV — началом V в.[12]

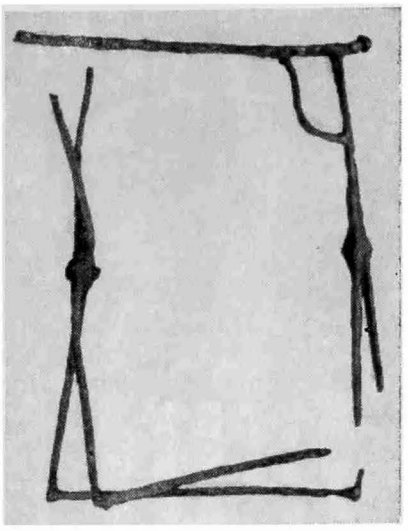


Рис. 2. Складной железный стул

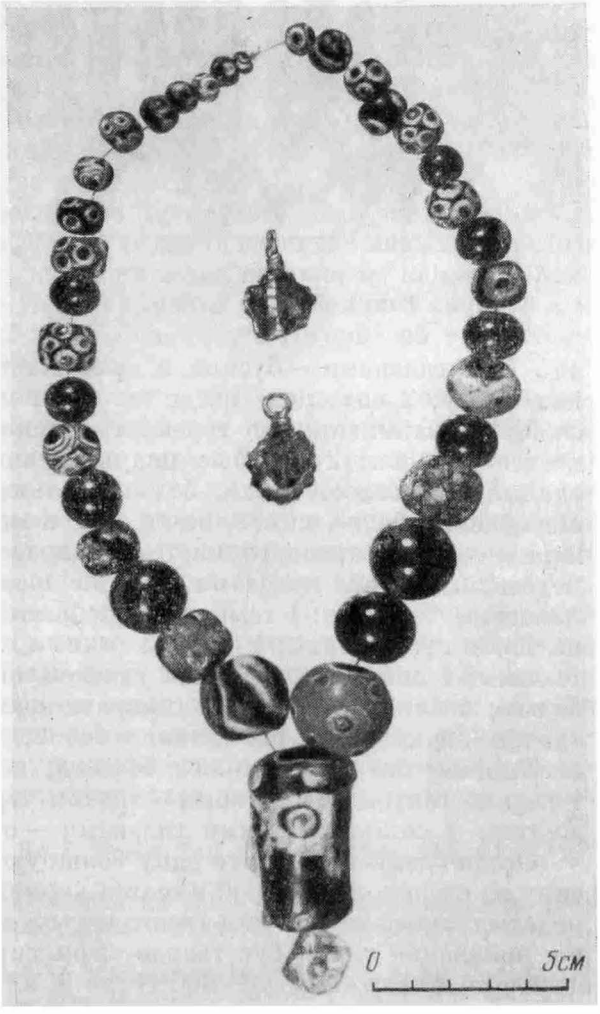


Рис. 3. Бусы и подвески

гическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XXIX, *12*, XXXI, *22*, *24*) и в Зиганисе. Среди обломков таких амфор в Зиганисе попадались также и ручки с «заклепками».

[10] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора. М., 1960, стр. 121, № 103.

[11] *Н. В. Хоштариа.* Археологическое исследование Урекп, стр. 59.

[12] *L. Matzulewitsch.* Byzantinische Antike. Berlin und Leipzig, 1929, Abb. 50, S. 123 ff.

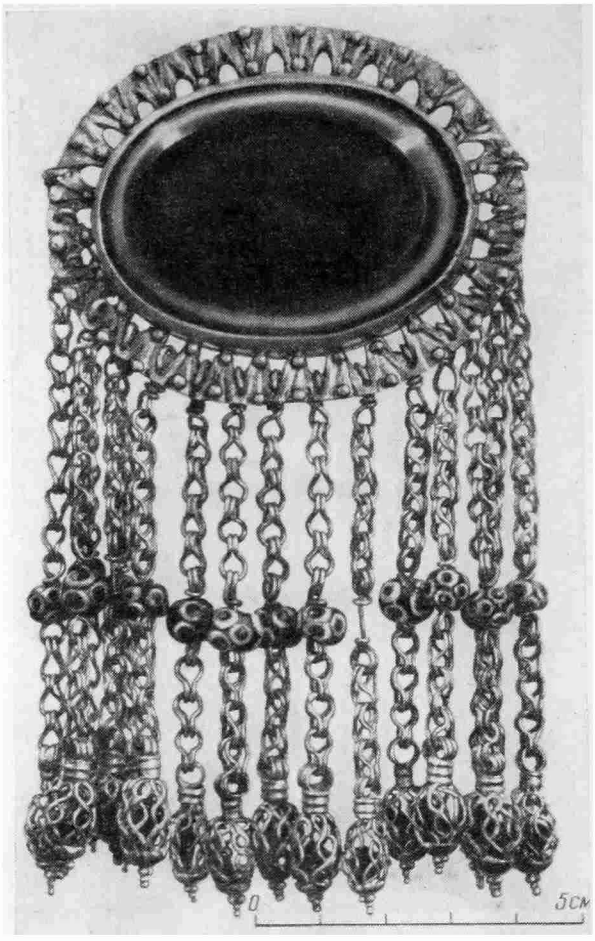


Рис. 4. Золотая брошь

Такие стулья состоят из двух прямоугольных металлических рам (в урекском стуле их размеры 54×41 *см*), соединенных посредине двумя шарнирами, позволяющими этим рамам складываться и раздвигаться. У некоторых стульев этого рода одна из двух перекладин наверху бывает иногда разомкнутой, в связи с чем верхние углы такой рамы укреплялись дополнительными деталями, придававшими углу жесткость. Урекский стул имеет и неразомкнутую раму, и угловые крепления у верхних углов, что является своеобразной чертой его конструкции.

3. Различные бусы[13]: агатовые многогранные и овальные (потрескавшиеся и в обломках); янтарные (потрескавшиеся и в обломках); сердоликовые круглые — их сохранилось 10 штук (рис. 3); хрустальная многогранная — 1; 24 круглых и округлых стеклянных полихромных бус, в которых все синие и коричневые цвета полупрозрачны, а темные, черные, белые, желтые и красные глухие (8 с глазками — бусина и зрачки одинаковые синие, каемки у зрачков белые; 2 спаянные из синих глазков — каждый зрачок имеет многослойное окаймление из троекратного перемежающихся белого и коричневого колечек; 2 голубые полупрозрачные с глазками — зрачок синий, окаймление белое, синее, белое; 2 темных с глазками — зрачок синий, окаймление белое, синее, желтое; 1 с мраморовидным узором из белого, коричневого и красного цветов; 1 красная с частично сохранившимися пересекающимися полосами, синими посредине и белыми по краям, и выпавшими глазками; 1 темная с красными глазками и темными ресничками на белом окаймлении; 1 белая с синими глазками, окаймленными белым и темным; 1 спаянная из синих глазков, окаймленных белым, коричневым, белым; 1 синяя с глазками неправильной и трехлепестковой формы — зрачки коричневые, окаймление белое; 1 желтая с синими глазками — окаймление белое; 1 темная с белыми, желтыми и красными крапинками; 1 глухая голубая с глазками — зрачок черный, окаймление желтое, черное, желтое; 1 синяя с синими глазками — окаймление белое, синее, белое).

Особо следует отметить одну большую сине-белую цилиндрическую бусину из стекла, на которой имеется карикатурное изображение четырех бородатых человеческих лиц (всего четыре носа и четыре глаза). Как известно, появление таких бус твердо зафиксировано уже в погребениях эпохи позднего гальштата (700—600 гг. до н. э.). Продолжают встречаться такие

[13] Бусы и все остальные украшения рассматриваемого погребения хранятся в ГМГ.

бусы и в погребениях эпохи Римской империи, причем чаще всего их находят в позднеримских погребениях Египта, где, как полагают, и производились такие бусы очень длительное время. Местом производства поздних бус этого рода являлась Александрия [14].

4. Большая овальная брошь с подвесками (рис. 4) — самая эффектная вещь в описываемом инвентаре. Центральная ее часть представляет собой крупную трехслойную агатовую вставку в золотой оправе. Вставка имеет профиль усеченного конуса, благодаря чему в ее высоких и покатых краях хорошо виден спереди белый промежуточный слой, расположенный между темно-коричневыми слоями. Оправу вставки окружает ажурное обрамление, являющееся наиболее характерной деталью всего украшения. Обрамление это имеет врезной рельефный «лучистый» орнамент, как бы сияние, исходящее из центра украшения и придающее кажущуюся невесомость обрамлению, вырезанному в действительности из довольно массивной золотой пластинки. С внутренней стороны у броши имеются игла и приемник, расположенные вдоль броши.

Украшения самого различного назначения (броши, детали пекторалей, медальоны, подвески, серьги) с аналогичными обрамлениями были весьма распространены в Римской империи начиная со II в. н. э. Один из лучших образцов украшений этого рода — брошь со вставкой, изображающей Люция Вера — был найден и недалеко от Уреки (в 25 *км* к югу от него) в с. Цихисдзири [15], однако вставками в таких украшениях (за исключением серег) были обычно золотые римские монеты с изображениями императоров. Декор обрамлений в украшениях такого рода ограничивается, как правило, только врезным (или, возможно, штампованным) орнаментом различных видов. На обрамление урекской броши напаяна еще и крупная зернь, а это уже редкое явление. Нам известна, в частности, пока только одна брошь с зернью на обрамлении, которая происходит из Сирии и датируется «второй половиной III в. или более поздним временем» [16], поэтому и урекскую брошь, по-видимому, также нужно датировать этим же временем и считать сирийским изделием. Следует упомянуть здесь и брошь со сходным обрамлением (на котором вместо зерни имеются вставки из камней), найденную в Карм-ал-Шейхе (возле Иерусалима) в погребении с монетой императора Константина (307—337 гг.) [17], что также говорит об употреблении брошей указанного ряда в IV в.

Необычная особенность урекской броши — ее 16 подвесок, которые в украшениях с обрамлениями описанного типа нам неизвестны (за исключением серег). Однако в украшениях иного рода подвески обычны. Особенно интересно в данном случае указать на наличие подвесок у фибул [18]. Фибулы с подвесками упоминаются в письменных источниках в качестве инсигний, раздаваемых «по старому обычаю» императорами правителям вассальных областей, в том числе и царям Лазского царства (Прокопий. О постройках. III — 1; Агафий. О царствовании Юстиниана. III — 15), существовавшего на территории Колхиды. Наличие у урекской броши подвесок позволяет полагать, что она также могла быть фибулой-инсигнией, возможно даже «самодельной», в пользу чего говорит следующее обстоятельство: обычно подвески у фибул и у других украшений (например, у серег) прикрепляются к специальным петелькам, в урекской броши для подвесок в обрамлении «варварским» способом просверлены отверстия, от которых это обрам-

---

[14] *A. Kisa.* Das Glas in Altertum. Bd I. Erster Teil, Leipzig, 1908, Abb. 20, S. 93, 94, 125, 126.

[15] *B. Pharmakowsky.* Archäologische Funde im Jahre 1907, Südrußland, AA, 1908 (1909), II, Abb. 7, Col. 161 ff.; *М. И. Максимова.* Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, стр. 100.

[16] *A. Greifenhagen.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin, 1970, S. 74; Taf. 54—6.

[17] *D. C. B.* Note on a cemetery at Karm al-Shaikh, QDAP, I. 1932, p. 7, Pl. XIV, № 2.

[18] *Н. В. Беляев.* Очерки по византийской археологии. SK, III, 1929, табл. XI, *1, 2, 4.*

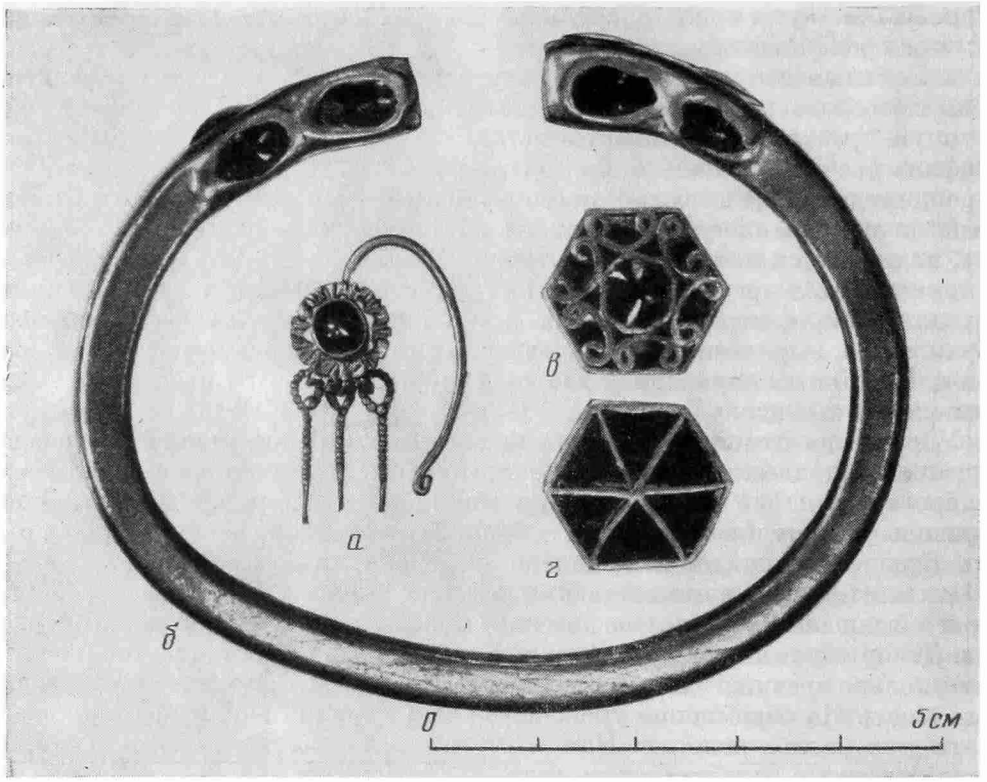


Рис. 5. Золотые украшения

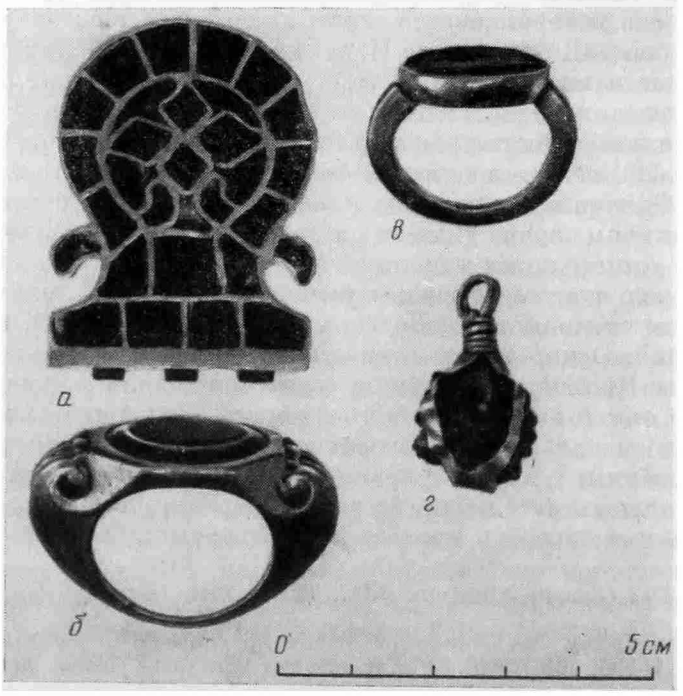


Рис. 6. Золотые украшения (Уреки: *а* – 1948 *г.*; *б*, *в*, *г* – 1942 г.)

ление пострадало. Создается впечатление, что первоначально брошь не имела подвесок. Брошь отличается многочисленностью подвесок (16 штук), у других украшений таких подвесок бывает гораздо меньше.

Подвески представляют собой изделия опытного мастера. Они являются обычными в ювелирных изделиях цепочками, у которых «сложенные пополам» звенья позволяют составить цепь, не размыкая самого звена. Посредине каждая цепочка имеет по синей бусине с бело-синими глазками. На конце же каждой цепочки висит ажурный шарик, внутри которого перекатывается камушек граната. К нижней части шариков припаяны пирамидки из крупной зерни.

5. Две золотые серьги (рис. 5, *а*), центральная часть которых представляет собой гранат в оправе. К оправам припаяны обрамления точно такого же типа, какой мы описали у броши. Серьги имеют по три проволочные подвески, которые висят уже на специальных петельках. На концах подвесок должны были находиться несохранившиеся жемчужины. Эти серьги вместе с вышеописанной брошью составляют, несомненно, один ювелирный гарнитур. Аналогичный гарнитур из броши и пары серег был обнаружен и в упомянутом погребении IV в. в Карм-ал-Шейхе.

6. Четыре одинаковые подвески (рис. 6, *г*), представляющие собой бесформенные куски превратившегося в лимонит маркезита, имевшего первоначально золотистый цвет [19]. Подвески эти снабжены золотыми петельками, прикрепленными к пересечению двух золотых полосок, которыми куски маркезита были меридиановидно «перевязаны». Подвески эти были, по-видимому, анэпиграфичными амулетами-оберегами того рода, для центральной части которых брались минералы различного происхождения; конструкция оправ оставалась обычно одинаковой [20]. Известны ожерелья, частью которых являлись подвески описываемого типа [21].

7. Обломки серебряных фибул, изображенные здесь в сложенном виде (рис. 1, *г—з*). Две наиболее восстанавливающиеся одночленные дуговидные фибулы с круглым сечением спинки и плоской ножкой (рис. 1, *г*, *д*) характерны для Западной Грузии, в частности для Абхазии [22]. Обломки (рис. 1, *е*, *з*) происходят от еще двух одночленных фибул, но с прямоугольным сечением у спинки и у остатков завязки. Пятой фибуле принадлежит квадратный в сечении обломок спинки, обмотанный проволокой с декоративными спиральками (рис. 1, *ж*). Такие фибулы, но с круглым сечением спинки были известны лишь в Абхазии, где их датируют III—V вв. [23].

8. 22 массивные многогранные золотые бусины (рис. 7, *в*). Точно такие же бусины входили в состав трех ожерелий, найденных в Арчаре и Николаево (Фракия), где эти ожерелья датируются III в. [24] У урекских бусин следует отметить наличие широких отверстий, свидетельствующих, возможно, о том, что эти бусины нанизывались первоначально не на нить, а на отрезки проволоки, как эта наблюдается у ожерелий из Фракии.

9. Золотой полый футляр для хранения амулета (рис. 7, *б*). Такие футляры были широко распространены в позднеантичную эпоху. Аналогичный футляр был подвешен к одному из ожерелий из Николаево, в состав которого входили, как уже говорилось, такие же золотые бусины, какие имелись и в рассматриваемом комплексе. Не исключено, что и здесь такие бусины с футляром (а возможно, и с описанными маркезитовыми подвесками) также могли принадлежать одному украшению.

---

[19] *А. М. Апакидзе.* Ук. соч., стр. 97, 117.

[20] *М. И. Максимова.* Амулет из Горгиппии и так называемые «шарики-подвески». СА, 1962, 2, стр. 226 сл.

[21] *M. S. Ruzer, J. Kubczak.* Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warszawa — Poznan, 1972, tabl. IX, XXII.

[22] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966, стр. 54; *М. М. Трапш.* Ук. соч., табл. XVII, *6* (Абгыдзраху, могила 37).

[23] *М. М. Трапш.* Труды, табл. XIV, *4*, XV, *16*, XVI, *11*.

[24] *Б. Филов.* Римското съкровище от Николаево. ИБАД, IV, 1913 (1915), табл. III, *3*, обр. 13, стр. 25 сл.

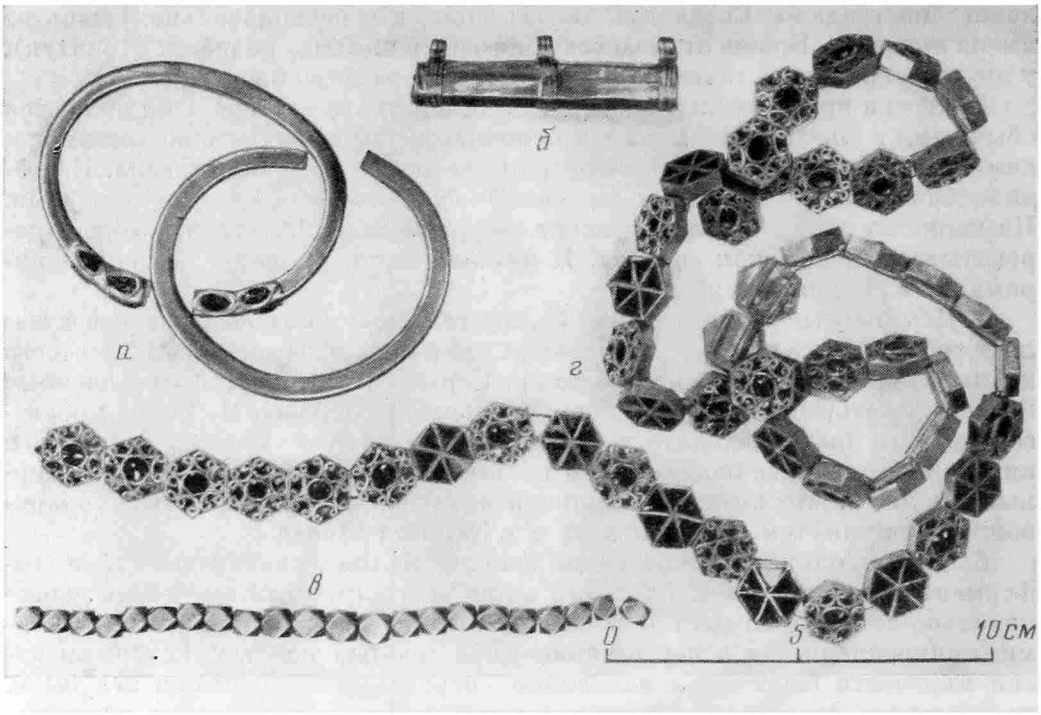


Рис. 7. Золотые украшения

10. Три перстня — два золотых и один серебряный. Вставками двух перстней являются геммы. В массивном золотом перстне (рис. 6, *в*) овальная гемма из сургучной яшмы изображает Гермеса, увенчивающего Фортуну венком. В одной руке у Фортуны рог изобилия; второй же она опирается на кормовое весло. Вырезана на гемме и греческая буква «фи». Изображения выполнены в очень небрежной и свободной манере (рис. 1, *б*), свидетельствующей, по-видимому, о массовом изготовлении изделий подобного рода. Эту гемму, имеющую аналогии (и по сюжету, и, самое главное, по манере исполнения) [25], М. Н. Лордкипанидзе датирует концом III в. и считает ее теперь местным изделием [26], однако раньше она считала эту гемму греко-римской [27], что нам представляется более обоснованным.

Гемма в серебряном перстне (рис.1, *к*) — резное николо с тщательно выполненным изображением головы Сераписа (рис. 1, *в*). М. Н. Лордкипанидзе считает эту гемму малоазийской и датирует по форме перстня III—IV вв. [28], однако аналогичные геммы могли изготовляться, по-видимому, и в начале II в. [29], что не исключает, конечно, их использования в более поздних перстнях.

Урекские перстни с геммами имеют большое сходство в своих общих формах. Они состоят из простой гладкой массивной разомкнутой шинки, между концами которой впаяна простая, овальная, крупная жуковина, имеющая форму усеченного конуса, обращенного к пальцу узкой стороной. Фр. Хенкель датирует такие перстни не III—IV вв., а IV в. и более поздним временем [30], что подтверждается в отношении серебряного перстня из

---

[25] *E. Brandt, A. Krug, W. Gercke, E. Schmidt.* Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Bd I, T. 3. München, 1972, S. 81, Taf. 243, № 2623.

[26] *М. Н. Лордкипанидзе.* Корпус памятников глиптики древней Грузии. I. Тбилиси, 1969, табл. X, *129*, стр. 139 (на груз. яз.).

[27] *М. Н. Лордкипанидзе.* Геммы ГМГ. III. Тбилиси, 1961, № 32, стр. 71.

[28] Там же, № 3, стр. 61.

[29] *E. Brandt, A. Krug, W. Gercke, E. Schmidt.* Op. cit., S. 86, Taf. 248, № 2666.

[30] *Fr. Henkel.* Die römischen Fingerringe der Rheinlande. Berlin, 1913, № 263, 272, 274, 275, 1366, S. 38 ff.

Уреки и такой деталью, как наличие у него лишь одного напаянного шарика возле жуковины (с другой стороны жуковины у перстня имелась частично утраченная спиральная обмотка из проволоки). Аналогичные перстни, но с одним шариком у жуковины известны нам лишь в Самтаврском могильнике (Восточная Грузия), где они датируются в большинстве случаев даже концом V—VI вв., хотя и допускается возможность появления здесь таких перстней уже в конце IV в.[31]. Следует отметить, что перстни иной формы, но также лишь с одним шариком возле вставки найдены были в Армазском могильнике (Восточная Грузия), где они также датируются IV в.[32]

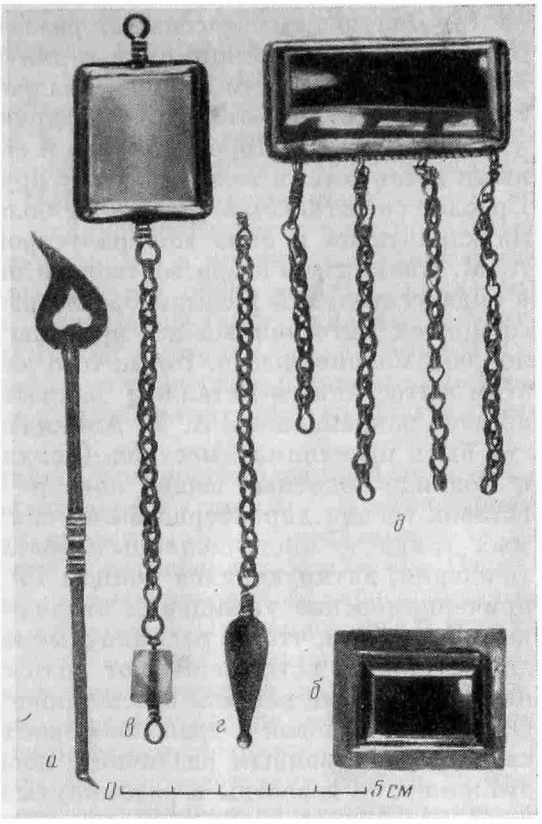


Рис. 8. Серебряные изделия

У третьего перстня из Уреки, массивного золотого (рис. 6, *б*), в качестве вставки использован трехслойный агат без изображений. Форма перстня представляет собой уникальное сочетание особенностей римских перстней самого различного типа. Намечаются и обычные для римских перстней два плечика, из которых вытянуты к щитку уже «необычным» образом две волюты, создающие, однако, характерные контуры шинок с двумя наружными утолщениями по сторонам щитка. Имеются, наконец, у этого перстня между щитком и шинкой ряды напаянных шариков (по четыре в ряду), которые встречаются обычно именно у римских перстней IV в.[33]

11. Серебряный предмет, представляющий собой тонкий стержень, на одном конце которого имелось ажурное листовидное незаточенное лезвие с искривленным (в плоскости самого лезвия) острием (рис. 8, *а*). Этот предмет считался раньше то уховерткой, то стилем, однако наличие таких «лезвий» у концов некоторых ложек[34] ясно говорит о назначении рассматриваемого предмета. Полагают, в частности, что подобными «ножами» пользовались, когда ели устриц, крабов и раков. Самое же важное в данном случае — то, что стержни и ложки с листовидными концами известны только в составе археологических комплексов, датирующихся второй половиной IV и началом V в. Точные аналогии рассматриваемой вещи были обнаружены в кладе из Кайзераугста (возле Базеля), который был зарыт между 350 и 360 гг.[35]

12. Обломок (кончик) серебряного стержня, который считался обломком уховертки и который действительно может быть таковым (рис. 1, *и*).

---

[31] *М. И. Иващенко.* Грузинские аналогии Перещепинского клада. КСИИМК, XVIII, 1947, рис. 21, стр. 58 сл.

[32] *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Мцхета. I. Тбилиси, 1958, стр. 119—121; рис. 13, *16, 20*; табл. XCVII, *4,5*.

[33] *Fr. Henkel.* Op. cit., № 272—274, 277, 461, S. 38 ff.

[34] *Л. А. Мацулевич.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 17, рис. 4; *B. Pharmakowsky.* Op. cit., Abb. 11, Col. 174 ff.

[35] *D. E. Strong.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. London, 1966, Pl. 67, p. 182, 206.

13. Два золотых массивных разомкнутых браслета (рис. 7, *а*), которые составляют, несомненно, один гарнитур, ибо оба они сделаны из одинакового дрота, имеющего сечение квадрата с закругленными углами. Браслеты, однако, отличаются друг от друга тем, что оба конца одного из них украшены с трех сторон (с боков и сверху) 12 слегка выпуклыми рубиновыми вставками, в то время как у другого браслета таких вставок нет. Браслет со вставками (рис. 5, *б*) более выразителен, так как у него весьма характерна и сама манера устройства вставок, правильно описанная А. М. Апакидзе. Гнезда вставок не напаивались на браслет, а выбивались в виде углублений в самом браслете, в результате чего вокруг углубления собирался вытесненный из середины металл, образующий четкое, выпуклое обрамление гнезда. После того как вставка была вложена в гнездо, этим вытесненным металлом захватывались ее края, благодаря чему вставка закреплялась. А. М. Апакидзе считает, что урекские браслеты могут быть изделиями «местной (колхидской) ювелирной школы»[36], однако в Колхиде подобных вещей пока не найдено. Зато описанное устройство вставок весьма характерно было, как отмечал Л. А. Мацулевич, для шейных гривн и многочисленных браслетов северопричерноморского происхождения, датирующихся концом IV — началом V в.[37]. Названные северопричерноморские украшения отличаются от урекского браслета со вставками лишь тем, что их разомкнутые концы оформлены в виде звериных головок, причем вставки играют роль глаз, бровей, ушей и ноздрей животных. Указанные вставки здесь также окружены выпуклым обрамлением[38]. Отсутствие головок у урекского браслета вряд ли можно считать в данном случае существенным различием, поскольку в Северном Причерноморье в это же время известны и разомкнутые браслеты без головок, но и без вставок[39], что представляет интерес — точно такой же вещью является второй урекский браслет. Таким образом, урекский браслет со вставками оказывается связующим звеном между перечисленными браслетами без головок и вставок и браслетами со вставками и зооморфными головками.

Приведенные сопоставления говорят о том, что урекские браслеты также имеют северопричерноморское происхождение и датируются концом IV — началом V в.

Браслеты со вставками в углублениях, окруженных выпуклым обрамлением, встречаются в Северном Причерноморье вместе с инкрустированными перегородчатыми изделиями. Таким образом, оба указанных способа применения вставок характерны для одного и того же района и времени. Известны вещи, одновременно украшенные и вставками в углублениях с обрамлением, и перегородчатой инкрустацией[40]. Об этом мы говорим здесь потому, что и в рассматриваемом комплексе браслет со вставками встречен с вещью, украшенной перегородчатой инкрустацией.

14. Золотые шестиугольные бляшки одинакового размера (d=1,8—2,0 *см*). Сохранилось их 50 штук (рис. 7, *г*). Составляли они одно уникальное украшение неясного назначения. К внутренней стороне каждой бляшки припаяно по две параллельные трубки, через которые пропускались две нити. По своей форме украшение из этих бляшек напоминает римский браслет, хранящийся в Кельнском музее и состоящий из шести одинаковых агатовых ажурных восьмиугольных бляшек[41]. Урекские бляшки имеют

[36] *А. М. Апакидзе.* Ук. соч., стр. 95 сл. и 116 сл.

[37] *Л. А. Мацулевич.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Изв. ГАИМК, 112, 1934, стр. 73.

[38] Там же, рис. 12; *А. Л. Якобсон.* Средневековый Крым. М.—Л., 1964, табл. I, *б, в.*

[39] *W. A. von Jenny, W. F. Volbach.* Germanischer Schmuck des frühen Mittelalters. Berlin, 1933, Taf. 3, *9, 10*; *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Taf. 15, *2.*

[40] *G. Mészáros.* A regoly korai népvándorláskori fejedelmi sir. AÉ, 97, 1970, 10, 11 kép.; *G. László.* L'art des nomades. Budapest, 1972, pl. 22, 23.

[41] Geschichte der Kunstgewerbes, herausgegeben von H. Th. Bossert. Bd IV. Berlin, 1930, S. 318 ff.

декор двух видов. В 17 бляшках, украшенных плоскими рубиновыми вставками, применена типичная техника перегородчатой инкрустации (рис. 5, *г*), необычная, насколько нам известно, в античных ювелирных изделиях Греции и Рима. Однако перегородчатые инкрустированные изделия изготовлялись, как известно, еще в Древнем Египте, а затем в ахеменидском Иране и, возможно, в некоторых странах, находившихся под культурным влиянием ахеменидского Ирана [42]. Интересно отметить, что на некоторых из указанных иранских инкрустированных перегородчатых украшениях имелись одновременно и такие же в принципе вставки в отдельных углублениях, окруженных выпуклыми обрамлениями, какие мы описали у урекского браслета. Такие украшения были найдены, в частности, в находившихся под влиянием Ирана районах Средней Азии и Западной Сибири, где были распространены, как известно, и явно местные изделия, украшенные только вставками в углублениях, окруженных выпуклыми обрамлениями [43].

В Средней Азии были найдены также и инкрустированные перегородчатые изделия, датирующиеся приблизительно I в. до н. э. [44] В расположенной рядом с Колхидой Иберии инкрустированные перегородчатые изделия и похожие на них вещи известны уже в погребениях конца II—III вв. н. э. [45] Но особенно большое количество инкрустированных перегородчатых изделий появляется с конца IV в. н. э. в Северном Причерноморье [46], откуда эти изделия и мода на них распространяются готами, гуннами и аланами на всю обширную территорию, захваченную «великим переселением народов», не включившую в себя, однако, Закавказья, где находится Уреки. Тем не менее именно с северопричерноморскими вещами этого рода и нужно сопоставлять в первую очередь (и в соответствии с этим датировать) указанные урекские бляшки, что обусловлено следующими обстоятельствами: а) отсутствием перегородчатых инкрустированных изделий в Колхиде в погребениях II—III вв. н. э. (Цихисдзири, Бори, Клдеети); б) уже намечающейся датировкой урекского погребения концом IV — началом V в.; в) сочетанием урекских бляшек с северопричерноморскими браслетами; г) широким использованием в урекских находках техники перегородчатой инкрустации — в Уреки было найдено (не в рассматриваемом погребении) еще два инкрустированных перегородчатых украшения [47], из которых одно, хранящееся в ГМГ, представляет собой весьма развитую форму изделий этого рода (рис. 6, *а*).

Для определения круга, к которому следует относить рассматриваемое урекское украшение, нужно учесть и «крендельный» орнамент (Pelten Ornament, glothing ornament) его остальных 33 бляшек (рис. 5, *в*). Этот орнамент был известен еще в украшениях архаической Греции [48], но особенно он распространился в поздних римских украшениях [49] и, самое глав-

---

[42] Перечисление ахеменидских инкрустированных перегородчатых изделий и литературу о них см. *Г. А. Тирацян.* Золотая пекторали из Армавира (Армения). СА, 1968, 4, стр. 193 сл. и прим. 18—25.

[43] *М. И. Артамонов.* Сокровища саков. М., 1973, рис. 6, *221, 241* (иранские украшения), *174, 180, 183* и др. (скифо-сакские украшения).

[44] *А. М. Мандельштам.* Кочевники на пути в Индию. М.— Л., 1966, табл. LVX, *6, 9*; LX, *1*, стр. 126 сл.

[45] *А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе.* Мцхета, табл. II, *2*, VI, *4*, X, *4*; *Г. Немсадзе.* Результаты работ Згудерской археологической экспедиции. Археологические экспедиции ГМГ. Тбилиси, 1969, табл. VII, *1* (на груз. яз.). А. М. Апакидзе сопоставляет урекские бляшки с рукояткой кинжала из Армази (*А. М. Апакидзе.* Археологические памятники..., стр. 120), в которой, однако, перегородок нет.

[46] *А. А. Спицын.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, 17, 1905.

[47] *Н. В. Хоштария.* Археологические исследования Уреки, стр. 55 сл.

[48] *R. A. Higgins.* Greek and Roman Jewellery. London, 1961, pl. 21.

[49] *I. Pollak.* Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten. Leipzig, 1903, № 394; *Б. Филов.* Ук. соч., обр. 8, табл. V, *1*; v. 1; *M. S. Ruxer, J. Kubczak.* Op. cit., rye. 28, *e, f, g, h.*

ное, продолжал употребляться в изделиях, найденных вместе с инкрустированными перегородчатыми изделиями на территории, захваченной «великим переселением народов» [50]. Наибольшее сходство описываемые бляшки обнаруживают с позднеантичными серьгами из Северного Причерноморья: и там, и здесь «крендели» окружают одну центральную выпуклую вставку [51].

«Крендельный» орнамент, как правило, применялся всегда в ажурных украшениях. И в урекских бляшках указанный орнамент также был ажурным, однако он «вставлен» в такие же лотки, в каких закреплялись плоские вставки и перегородки обычных инкрустированных украшений. «Крендели», кроме того, выполнены здесь из узких полосок металла, отличающихся от обычных перегородок инкрустированных изделий лишь тем, что они не доходят до донышка лотка. Указанные особенности бляшек с «кренделями», связывающие их с обычными инкрустированными перегородчатыми изделиями, обусловлены тем, что эти бляшки входили в украшение, состоящее также и из перегородчатых инкрустированных бляшек, что побудило мастера, изготовившего это украшение, сохранить общую форму и общий облик деталей, имеющих различный декор.

«Крендельный» орнамент, характерный, как говорилось, для ажурных украшений, повлиял, по-видимому, и на один вид расположения перегородок в инкрустированных украшениях. «Крендели» в таких украшениях превращаются, нам кажется, в очень похожую на «крендель» фигуру «боба», требующую крупных и компактных по очертаниям вставок. Такие «бобы» имеются, например, на щитках известных керченских браслетов, также датирующихся рубежом IV и V вв. Характерно, что и здесь «бобы» с плоскими вставками также окружают одну центральную выпуклую вставку [52].

Заканчивая рассмотрение урекского украшения из бляшек, следует снова подчеркнуть, что по своей форме оно напоминает римский браслет из Кельнского музея; орнамент же этого украшения, как говорилось, имеет греко-римское происхождение. Таким образом, особенностью этого украшения является сочетание в нем элементов «варварского» ювелирного искусства и греко-римского.

15. Группа почти целых и сильно фрагментированных серебряных украшений, отличающихся общим характером. Это крупные прямоугольные сердолики в оправах. Три таких сердолика из погребения не сохранили оправ.

У двух очень выпуклых сердоликов, имеющих профиль усеченной пирамиды, к оправам-«коробкам» напаян снаружи прямоугольный пластинчатый щиток, в центре которого вырезано отверстие для сердоликовой вставки (рис. 8, *б*). С другой, внутренней стороны обе основы оправ имели раньше детали, с помощью которых украшения прикреплялись к одежде. Сейчас от этих деталей сохранились только следы припоя в виде одной продольной полосы, не доходящей до краев основы.

От третьего украшения сохранились: три оправленных сердолика, обломки еще одной оправы, а также обрывки цепочек (из сложенных пополам звеньев) с включенными в них бусинами (12 сердоликовых многогранных уплощенных и 1 круглая янтарная). В этом украшении оправлены только края тонких, отшлифованных с обеих сторон сердоликовых пластинок. Таким образом, украшение было двусторонним. Оправы сердоликов в свою очередь окаймлены рубчатой проволокой. У двух противоположных сторон оправ имелись петельки, на которых висят обрывки це-

---

[50] *Л. Я. Самоквасов.* Основание хронологической классификации. Варшава, 1892, табл. IX, *13*; *W. A. von Jenny, W. F. Volbach.* Op. cit., Taf. 43.

[51] *К. К. Косцюшко-Валюжинич.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе. ИАК, 9, 1904, стр. 3, рис. 2; *Р. Х. Лепер.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя. ХС, II, 1927, рис. 19.

[52] *А. А. Спицын.* Ук. соч., рис. 28, стр. 123.

почек с бусинами (рис. 8, *в*). Это украшение сильно повреждено, и о его назначении трудно судить.

Отдельными самостоятельными украшениями являются еще три очень выпуклых сердолика с профилем усеченной пирамиды. Их оправы-«коробки» также обрамлены рубчатой проволокой, которая напаяна здесь с наружной стороны на выступающие края основы оправы. С оправ этих сердоликов свешиваются снизу обрывки четырех цепочек, для которых, так же как и в вышеописанной золотой броши, просверлены были в нижнем крае основы оправы отверстия (рис. 8, *д*). С внутренней стороны основы оправ этих украшений сохранились точно такие же следы припоя, как и у сердоликов в щитках.

По-видимому, фрагментами этих трех украшений являются найденные в этом же погребении обрывки цепочек, заканчивающиеся плоскими листовыми подвесками с шариками на концах. Сохранилось пять таких подвесок (рис. 8, *г*). Две цепочки с очень похожими подвесками известны нам только из погребального инвентаря 44-го захоронения в Абгыдзраху (Абхазия), где эти цепочки свешиваются с простого кольца, так что судить о том, с чем мы имеем там дело — с целым украшением или с его фрагментом,— трудно. Очень важно в данном случае то, что и погребение в Абгыдзраху датируется второй половиной IV — началом V в.[53]

Рис. 9. Стеклянная бутыль (Уреки, 1948 г.)

Таким образом, в погребении, обнаруженном в Уреки в 1942 г., оказалось значительное количество вещей, датирующихся концом IV — началом V в. С другой стороны, там имеются кроме монет, по-видимому, и вещи более древнего происхождения, позволяющие предпочесть в качестве датировки погребения скорее конец IV в., чем начало V в. Этим же временем должен датироваться вообще весь урекский могильник, что подтверждается, в частности, еще двумя более или менее датирующимися находками, происходящими из обнаруженного здесь также случайно в 1948 г. погребального инвентаря, из которого для науки сохранилась лишь незначительная часть. Этими двумя находками являются хранящиеся в Махарадзевском музее стеклянная бутыль (h=33,5 *см*), украшенная выгравированными поясками (рис. 9), и серебряное блюдо с необычным ажурным и фигурно обрезанным краем[54]. Большинство таких бутылей найдено было именно в погребениях конца IV в.[55] О времени же изготовления урекского блюда (d= =42 *см*) можно судить по его центральному медальону, на котором изображены два переплетающихся четырехугольника с «вдавленными» сторона-

---

[53] *М. М. Трапш.* Труды, стр. 219, табл. Г, *3*, XXII, *8*.

[54] *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 53 сл.; табл. XVI, *1* и XVII, *1*; о блюде см. *К. Мачабели.* Серебряное блюдо из Уреки, «Дзеглис мегобари», 29. Тбилиси, 1972, стр. 11 сл. (на груз. яз.).

[55] *C. Isings.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen — Djakarta. 1957, fig. 127, p. 157, 158.

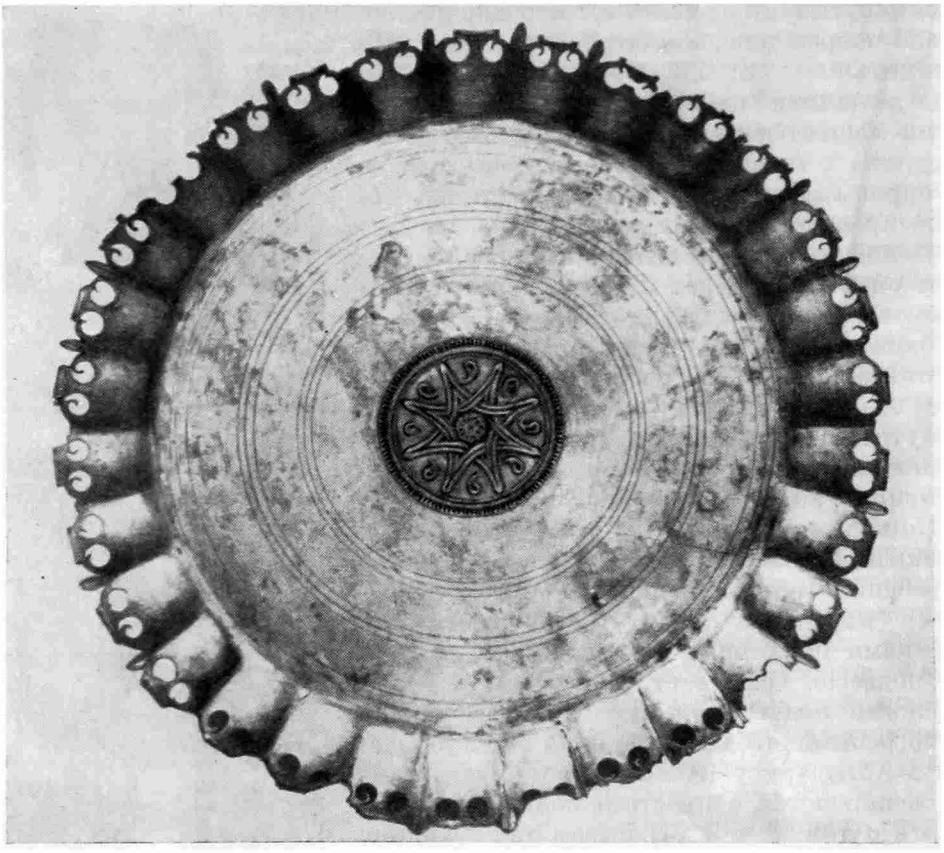


Рис. 10. Серебряное блюдо (Уреки, 1948 г.)

ми (рис. 10) [56]. Второе блюдо с таким же медальоном датируется IV в.[57] Однако следует отметить, что все остальные блюда с аналогичными по своему характеру медальонами (изображающими два переплетающихся треугольника, два переплетающихся «заостренных» овала, четырехугольник с «вдавленными» сторонами) найдены были в более богатых археологических комплексах второй половины IV — начала V в.[58]

Как уже говорилось, урекский могильник расположен в Восточном Причерноморье, племена которого, судя по сведениям Арриана (Перипл. 15), уже с начала II в. н. э. становятся вассалами Римской империи. Показательно в этом отношении местонахождение Уреки на самом берегу моря, контролируемого, а местами оккупированного Римской империей [59], что вынуждало в первую очередь именно жителей побережья признавать себя вассалами римлян, но, разумеется, в те периоды, когда последние могли осуществлять здесь политическую экспансию. В конце же IV в. позиции римлян здесь, судя по «Notitia dignitatum» [60], были даже сильнее, чем при

---

[56] По характеру же оформления своего бортика урекское блюдо напоминает нам и медную римскую миску, хранящуюся в Нейменгемском музее (*A. Mutz.* Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Basel und Stuttgart, 1972, S. 149, Abb. 426, 428) и датирующуюся IX—XI вв. бронзовую тарелку из армянского г. Ани (*Б. Аракелян.* Города и ремесла Армении в IX—XIII вв., 1. Ереван, 1958, стр. 158, табл. XV, *а* (на арм. яз.).

[57] *M. C. Ross.* A Silver Treasure from Daphne-Harbie. Archaeology, vol. 6, 1, Missouri, 1953, p. 40.

[58] *A. O. Curle, F. S. A. Scot.* The Treasure of Traprain. Glasgow, 1923, fig. 27, p. 5, 107; *J. W. Brailsford.* The Mildenhall Treasure. London, 1955, pl. 6, p. 22, 23; *D. E. Strong.* Op. cit., fig. 65, *A, B*, p. 182.

[59] *В. А. Леквинадзе.* Понтийский лимес. ВДИ, 1969, 2.

[60] Notitia dignitatum. Edidit O. Seek, Berolini, MDCCCLXXVI,Ord. XXXVIII.

Арриане. Судя по Прокопию (Война с персами, II, *15*), Лазика, т. е. прежняя Колхида, в начале VI в. обязана была только препятствовать проникновению варваров из Предкавказья через ее территорию в пределы римских владений, не платя при этом римлянам никакой дани, что свидетельствует, по-видимому, о существовании аналогичных взаимоотношений у колхских племен с римлянами и прежде. Именно политическое влияние римлян в Колхиде, ее торговые связи с римлянами, также конкретно упоминаемые Прокопием (Война с персами, II, *15*, *28*, *29*), соседство Колхиды с римлянами отражает большая часть рассмотренного погребального инвентаря, представляющего интерес и в связи с наличием в нем северопричерноморских изделий. Полагают, что распространение таких изделий и моды на них происходило из Северного Причерноморья в процессе переселений, вторжений и кочевых перемещений племен на территории, захваченной «великим переселением народов». Однако в Колхиду в IV—V вв. никто не переселялся. Таким образом, значение находок здесь северопричерноморских изделий заключается, по-видимому, только в том, что они обнаружены вне территории, на которой происходили великие переселения. Связей же Колхиды с Северным Причерноморьем было, по-видимому, вполне достаточно для того, чтобы изготовляемые там в большом количестве украшения могли бы употребляться и здесь.

Урекский могильник возник в тот период, когда в Колхиде завершался процесс подчинения лазам всех остальных племен и областей этой страны. Судя по Безымянному Автору (Перипл, 48) и Прокопию (Война с персами, II, 29), район Уреки фигурирует в V—VI вв. как территория лазов, тем не менее связывать урекский могильник непосредственно с лазами нет пока оснований, либо мы имеем здесь дело с памятником конца IV в., т. е. того времени, когда здесь могло обитать и другое племя, подчиненное, ассимилированное или разгромленное лазами в V в. Следует учитывать незаселенность этого района в начале VI в., отмечавшуюся Прокопием (Война с персами, II, 29; Война с готами, VIII, 13). Урекский могильник не может быть безоговорочно связан с лазами, поскольку бесспорно лазские погребения до сих пор еще не выявлены.

По своему местоположению урекский могильник не соответствует пометившейся у лазов с начала IV в. тенденции консолидироваться не на берегу моря, как это было во II в. (Клавдий Птоломей, Географическое руководство, V, 94), а в глубине страны, о чем свидетельствует, например, строительство лазами своей столицы — Археополиса — вдали от берега, в самом центре Колхиды[61]. Таким образом, если урекский могильник и является лазским, то он не связан с царями и группирующейся вокруг них знатью, могилы которых надо искать возле Археополиса.

Скорее по своему местонахождению урекский могильник как бы сохраняет характер более древнего, упоминавшегося здесь и датирующегося II—III вв. погребения, обнаруженного недалеко от Уреки в Цихисдзири также на берегу моря. Во всяком случае уже само местонахождение могильника на берегу моря говорит и о том, что обитатели этого района в IV в. вполне могли быть выходцами из северокавказского побережья Черного моря, откуда, как это убедительно показал М. Кисслинг, в I в. до н. э. происходило перемещение различных племен (в том числе и лазов) к югу[62], в связи с чем на побережье Колхиды были ликвидированы греческие города-колонии, а сама Колхида пришла в «большое оскудение», отмеченное Дестунисом при сопоставлении данных об этой стране, содержащихся, с одной стороны, у Страбона, а с другой — у Прокопия[63]. Таким

---

[61] *В. А. Леквинадзе.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса. СА, 1959, 3.

[62] *Kissling.* Ἡνίοχοι RE, Bd VIII, 1913, Col. 259 ff.

[63] Прокопия Кесарийского история войн с римлянами и персами (перев. Сп. Дестуниса). СПб., 1876, прим. 14 на стр. 150.

образом, говорить о том, что рассмотренный инвентарь отражает в позднеантичной Колхиде «избыток золота» [64], никак нельзя.

Рассмотренный погребальный инвентарь отражает социальную дифференциацию населения Восточного Причерноморья, о которой в письменных источниках не приводится никаких конкретных данных.

V. A. Lekvinadze

UNE RICHE SEPULTURE DE LA FIN DU IVe SIECLE A OUREKI (GEORGIE)

Résumé

En 1942, sur le littoral oriental de la mer Noire, à l'embouchure de la Soupsa, sur un terrain d'inhumation on a découvert fortuitement une riche sépulture. Dans son mobilier se trouvaient des monnaies romaines (d'Hadrien, de Caracalla, de Septime Sévère et de Tacite) et une imitation d'aureus; une amphore (ill. 1 — a), une chaise pliante en fer (ill. 2), des perles de verre (ill. 3), des bijoux d'or et d'argent (ill. 5—8). La plupart de ces objets sont de provenance romaine. Les bracelets (ill. 5— b, 7 — a) et un ornement, dont il reste 50 plaquettes (ill. 5 — b, g; 7 — g), proviennent vraisemblablement du littoral nord de la mer Noire. Les plus récents objets de la sépulture datent de la fin du IVe s., début du Ve s. C'est à la même époque qu'appartient le tombeau lui — même, ce qui est attesté par d'autres objets, également découverts par hasard dans cette sépulure (ill. 6 — a, 9, 10). Cette tombe appartient à un personnage important d'une tribu qui se trouvait dans la dépendance de l'Empire romain.

---

[64] *А. М. Апакидзе.* Ук. соч., стр. 123.

Ю. Л. ЩАПОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ МОЗАИК УСПЕНСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Истории мозаик в древней Руси посвящена значительная литература [1].

Мозаики Успенского собора Киево-Печерской Лавры близки по времени создания мозаикам Софии Киевской и Михайловского (Дмитровского) собора. Мозаикам Успенского собора не суждено было занять почетное место в истории русского искусства. Они пострадали от землетрясения 1230 г., через 10 лет татары частично разрушили собор, после чего реставрацией XVII—XVIII вв. были скрыты все мозаики, поражавшие прежде своим величием и красотой. В довершение всего в 1941 г. собор был взорван немецко-фашистскими захватчиками, и сейчас на месте собора возвышается только груда развалин [2].

Несмотря на слабую изученность, Успенский собор и вся его история стали предметом острой полемики.

Летописный свод 1073 и 1095 гг. и «Житие Феодосия», казалось бы, беспристрастно рассказывают историю взаимоотношений монастыря и князя, которая предшествовала возведению собора. Очень скупо излагается и история строительства и освящения собора: «почата бысть», «кончена бысть» [3].

Другие источники, особенно сказания «Патерика», историю закладки собора, его строительства и украшения рассказывают красочно, с бытовыми подробностями, перемежая повествование рассказами о «чудесах» и «явлениях». «Патерик» [4] и другие источники [5] приписывают грекам важную роль во всех работах; повествуют о смерти греческих мастеров «во мнишестве».

М. К. Каргер категорически оспаривает активное участие византийцев в строительстве Успенского собора. Он основывается на тексте летописного Свода Никона и «Житии Феодосия», в которых нет упоминаний о приглашении иноземных мастеров, и считает тенденциозными другие источники, где содержатся сведения о прибытии мастеров-греков, а в равной степени считает тенденциозными и научные позиции ряда историков древнерусского искусства [6], основанные на анализе этих источников.

---

[1] *В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960. В этой книге приведена и подробно проанализирована вся литература, посвященная мозаикам и древнейшей истории русского искусства. Заслуживают внимания в связи с этой темой многие работы Д. В. Айналова и главная среди них — *D. Ainalov.* Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932; *его же.* История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 155—232; *М. К. Каргер.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. «Труды Всероссийской академии художеств», М.— Л., 1947, стр. 15—50; *М. Д. Приселков.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XI веков. СПб., 1913.

[2] Подробно история Успенского собора изложена М. К. Каргером (Древний Киев, II. М.— Л., 1961, стр. 337—374). Здесь же приведена литература вопроса, критически рассмотренная автором.

[3] Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева. М.— Л., 1950, стр. 131.

[4] Патерик Киево-Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911.

[5] *А. А. Шахматов.* Житие Антония и Печерская летопись. ЖМНП, ч. CCCXVI. СПб., 1898, март, стр. 105—149.

[6] *М. Каргер.* Древний Киев, т. II, стр. 344, 345.

Уместно вспомнить, что летопись ничего не сообщает о приглашении Ярославом (для Софии) иноземных мастеров, а упоминание о мастерах-греках, приглашенных для возведения и украшения Десятинной церкви, есть. Так что отсутствие сведений еще ничего не доказывает [7].

В то же время есть еще и мало исследованные материалы, которые могут помочь решить издавна ведущийся спор о происхождении декораторов Успенского собора. Речь идет о мастерских по изготовлению стекла и смальты, открытых и исследованных В. А. Богусевичем.

В 1951 г. Лаврский отряд экспедиции «Большой Киев», руководимый В. А. Богусевичем, исследовал случайно открывшийся комплекс стеклоделательной мастерской. При раскопках обнаружены остатки двух глинобитных сооружений, условно названных горнами (горны № 1 и 2). Горны сопровождались находками нескольких тысяч кусков неиспользованной стеклянной массы, обрезков плит, заготовок смальты с остатками позолоты, деформированных обломков сосудов, кусков топкого стекла (защитного слоя золоченой смальты), обломков готовых сосудов, стекла, прикипевшего к глине, металлических слитков и т. д. [8]

Условия залегания комплекса, его стратиграфия, взаимное расположение частей, анализ сопровождающего материала и аргументация в пользу отнесения остатков мастерской к концу XI в. подробно изложены В. А. Богусевичем в специальной статье. С этой датой согласился М. К. Каргер [9], критически рассмотрев все доказательства. Позднее В. А. Богусевич дополнил исследование мастерской в Лавре сравнением с известными стеклоделательными мастерскими домонгольского времени [10].

Большой производственный комплекс в Лавре не может сравниться ни с остатками производства, открытого В. А. Богусевичем же на Подоле, ни с остатками мастерской в Михайловском Златоверхом монастыре [11], ни тем более с материалами из раскопок Хвойко, пропавшими для науки [12]. Стеклоделательная мастерская, открытая в Крушвице (Польша, XII—XIII вв.) [13], также уступает лаврской (в последнее время Е. Ольчак отказался считать эти остатки стеклоделательной мастерской [14]).

Согласно В. А. Богусевичу, в мастерской в Лавре печи были двухъярусными [15]. Стекло в них варилось при температуре 1250° в плошках со срезанным венчиком. В аналогичных горшках варилось стекло в мастерской на усадьбе бывшего Михайловского Златоверхого монастыря [16] и в других мастерских в средние века [17].

---

[7] Повесть временных лет, стр. 83.

[8] *В. А. Богусевич.* Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. КСИА АН УССР, 3, 1954. Все материалы хранятся в фондах Института археологии АН УССР (ф. Експ., № 1184). Я очень признательна руководству и сотрудникам Института археологии АН УССР за содействие моим работам, помощь и участие.

[9] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. I, стр. 405.

[10] *В. А. Богусевич.* До історії склоробного виробництва в Київській Русі. Нариси з історії техніки, вип. 4. Київ, 1957, стр. 134—144.

[11] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. I, стр. 304.

[12] *В. В. Хвойко.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; *Г. Ф. Корзухина.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956.

[13] *W. Hensel, A. Cofta.* Badania archeologiczne w kruszwicy w roku 1952. Przegląd Zachodni, № 4/5. Poznan, 1953; *A. Cofta.* Badania archeologiczne w Kruszwicy w roku 1953. Przegląd Zachodni, № 1/2. Poznań, 1954; *L. Leciejewicz.* Odkrycie wczesnośredniowiecznej huty szklanej w Kruszwicy. «Dawna Kultura», № 1, 1954; *A. Cofta.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Kruszwicy w latach 1953—1954. Sprawozdania archeologiczne, t. I. Wrocław, 1955; *J. Olczak.* Z dziéjów szklarstwa na ziemiach polskich. «Szkło i ceramika», 1957, 5; *Е. Ольчак.* Производство стеклянных перстеней на славянской территории в средние века. СА, 1959, 3.

[14] *J. Olczak.* Wytworczość szklarska na terenie Polski we wczesnym średniowieczu. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, str. 95—106.

[15] *В. А. Богусевич.* Мастерские XI в., стр. 19.

[16] *М. К. Каргер.* Ук. соч., стр. 404, рис. 93.

[17] *R. Chambon.* Esquisse de l'évolution morphologique des creusets de verrerie, de

М. А. Безбородов произвел химико-технологическое исследование стекол, найденных при горнах. Стекло, из которого были сделаны оконница и сосуды, отнесено им к группе натриево-кальциево-кремпеземных. М. А. Безбородову довелось наблюдать обломок горшка, в котором последовательно варилось стекло двух разных составов. К сожалению, это наблюдение автора не подтверждено ссылкой па номера анализов. Из описания, приведенного в книге, следует, что к стенкам горшка прилегал слой темно-зеленого стекла, второй же раз горшок использовался для варки стекла, химически менее устойчивого: верхний слой расстекловался и растрескался [18].

Древнерусские стеклоделы варили свинцово-кремнеземное стекло со щелочью или без нее [19]. Это означает, что стекло натриево-кальциево-кремнеземное в практике древнерусских стеклоделов не использовалось. Установив, что в мастерской варили стекло типа зола — известь — песок, М. А. Безбородов, к сожалению, не сделал необходимых выводов о происхождении стеклоделов. Напротив, он утверждает, что это древнерусская мастерская [20]. Это утверждение используется для доказательства по существу ошибочной идеи русского производства стеклянной посуды из такого стекла, расписанной эмалями [21]. В действительности вся эта посуда происходит с Востока или из Византии [22].

В этой связи определились задачи работы: требовалось большим числом исследований установить связь открытых составов с уже известными (в готовых изделиях и полуфабрикатах); определить, исходя из химического состава стекла, происхождение мастеров; установить взаимную связь особенностей; попытаться представить взаимоотношения мастеров и пайти место открытой мастерской в истории древнерусского стеклоделия.

В археологической лаборатории Московского университета были исследованы обломки стекол, пять стекловидных покрытий на тиглях, кирпичах и глиняной обмазке (см. Приложение).

Химический состав исследованных стекол далеко не однородный. Установлено 11 разных вариантов двух основных составов [23] (на 89 образцах). 26 раз встретилось стекло типа K — Na — Ca — Mg — Si, 25 раз — K — Pb — Si, 16 раз — K — Na — Pb — Si, 8 раз — K — Na — Mg — Ca — Si. 4 раза — K —Na — Mg — Ca — Pb — Si, 5 раз — Pb — Si, по одному разу встречены стекла типов Na — Ca — Mg — Si, K — Ca — Mg — Si, K — Ca — Mg—Pb—Si, K—Mg—Ca—Pb—Si, Pb—Ca—Mg—Si.

Опытным путем установлено, а затем теоретически обосновано, что в средние века состав стекла и место его изготовления находились в известной связи. Например, стекло типа Na — K — Ca — Si во всех вариантах можно связывать с деятельностью византийских, ближневосточных, болгарских, среднеазиатских мастерских. Стекло типа K — Pb — Si отличает изделия древнерусских мастерских. Основной состав типа K — Ca — Si употреблялся в мастерских Западной Европы с XI в.

l'antiquité à la Renaissance. «Annales du Ier Congrès des Journées Internationales du Verre». Liège, 1958, p. 115—118, fig. 24.

[18] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 122—124.

[19] *М. А. Безбородов.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969; *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.

[20] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие..., табл. 16, ан. 75, 88, стр. 155.

[21] *Б. А. Шелковников.* Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями. СА, 1965, 1, стр. 208, 216—217; *его же.* Русское художественное стекло. Л., 1969, стр. 20—40; *B. A. Shelkovnikov.* Russian Glass from 11th to 17th century. Journal of Glass Studies, vol. 8, 1966 (см. также рец. М. Декувны на эту статью Б. А. Шелковникова в журнале Archeologia Polski, t. XVI, 1969, str. 504—514).

[22] *Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская.* Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968.

[23] В дальнейшем часто будет встречаться такое условно сокращенное наименование классов стекол: Na—Ca—Si, K—Pb—Si, что соответствует химической формуле $m\ Na_2O \cdot n\ CaO \cdot p\ SiO_2$ или $m\ K_2O \cdot n\ PbO \cdot p\ SiO_2$. Результаты анализов приведены в таблицах.

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт		Sr	Ba
1	321	22	Кусок стекла	Горн № 1	507	4	4
2	321	23	Основа смальтового кубика	То же	512	—	7
3	321	24	Слой защитного покрытия	»	512	6	7
4	322	1	Смальта золоченая	»	424	—	—
5	322	2	Обломок зелепого сосуда	»	429	—	—
6	322	3	Осколок стекла	»	34	4	5
7	322	4	Смальта бесцветная	»	34	—	—
8	322	5	» синяя	»	33	4	4
9	322	6	Обломок зеленоватого стекла	»	429	—	7
10	322	7	» бесцветного сосуда	»	429	—	7
11	322	8	Осколок прозрачного стекла	Б³–Г³	856	4	4
12	322	9	Стеклянный сплав	Б³–В³–Г³	856–857	5	5
13	322	10	Смальта бесцветная	Горн № 1	763	—	7
14	322	11	» зеленоватая	То же	30	—	7
15	322	12	Осколок плоского стекла	»	193	5	7
16	322	13	Слиток стекла	»	32	—	—
17	322	14	Смальта бесцветная	»	429	—	7
18	322	15	Осколок стекла прозрачный	»	31	4	5
19	322	16	Смальта бесцветная	Горн № 2	87	4	5
20	322	24	Осколок плоского стекла	Горн № 1	32	6	—
21	323	3	Обломок желтоватого сосуда	То же	459	7	7
22	323	4	То же	»	430	7	7
23	323	5	Обломок сосуда	»	507	7	7
24	323	6	Осколок стекла	»	31	5	5
25	323	7	То же	»	36	4	6
26	323	8	Обломок сосуда		89	4	4
27	323	9	» зеленоватого		39	—	7
28	323	10	То же		567	7	7
29	323	11	Обломок сосуда с нитью		570	—	7
30	329	1	Заготовка смальты	Горн № 1	432	6	—
31	329	2	То же		б/№	5	7
32	329	3	»		»	4	6
33	329	4	»		»	5	7
34	329	5	»		»	4	5
35	329	6	»		»	5	7
36	329	7	»		»	7	7
37	329	8	»		»	5	7
38	329	9	»		»	5	6
39	329	10	Обломки смальты	Горн № 2	б/№	4	6
40	329	11	То же		»	4	5
41	329	12	»		»	7	—
42	329	13	»		»	4	8
43	329	14	»		»	4	6
44	329	15	»		»	4	5
45	329	16	»		»	4	5
46	329	17	»		»	4	4
47	329	18	»		»	—	7
48	329	19	Кусок шлака		№ 511	4	5
49	329	20	То же		№ 511	4	5
50	330	24	Сплав стекла		№ 507	4	5
51	330	1	Куски смальты	Горн № 1	507	4	—
52	330	2	То же			4	—
53	330	3	»			4	5
54	330	4	»			4	5
55	330	5	»			4	6
56	330	6	»			4	5
57	330	7	»			4	6
58	330	8	»			—	7
59	330	9	»			—	7
60	330	10	»			4	5
61	330	11	»			4	5
62	330	12	»			4	5
63	330	13	»			4	5
64	330	14	»			4	5

Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
5	3	3	2	4	7	5	4	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	2	6	5	5	—	7	5	—	4	5	5	6	7	5	—		—	5	3		
5	2	4	5	5	—	6	5	—	3	5	4	6	5	5	—	O	—	4	3		4
—	2	4	4	5	—	6	5	—	4	4	5	5	6	4	—		—	4	3		
7	4	6	5	5	—	5	4	7	4	4	3	5	4	6	7		—	4	2		
5	2	3	3	4	7	5	4	—	2	4	4	4	5	5	—	C	—	3	4		4
5	2	5	5	5	—	7	4	—	4	5	5	5	6	4	—		—	4	3		
5	4	3	3	4	4	5	4	—	2	5	4	5	6	5	—		—	3	5		
5	4	6	5	5	—	5	4	6	4	4	3	5	4	6	6		—	5	2		
5	2	7	5	5	—	7	5	—	5	5	5	6	—	6	—	H	—	5	3		
5	2	3	3	4	7	6	4	—	4	7	5	6	7	4	—			3	6		
6	6	5	3	4	—	6	4	—	6	5	5	6	7	5	—		—	4	3		
5	5	7	5	5	—	6	4	—	5	4	4	6	5	6	—	O	—	5	2		
5	4	4	5	5	7	5	4	6	4	4	3	5	4	5	7		—	4	2		
5	2	3	4	4	6	5	5	6	3	5	4	5	5	5	—		—	4	3		
5	2	7	5	6	—	7	6	—	5	5	5	6	7	5	—		—	5	3		
6	4	6	5	5	—	6	4	7	4	4	3	6	4	6	6	B	—	5	2		
5	3	3	4	4	—	6	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	4	4	6	6	5	—	2	7	5	5	6	5	—		—	3	4		4
5	2	4	5	5	—	6	6	5	3	5	3	6	4	5	7		—	4	3		
5	2	6	5	5	—	7	4	—	4	5	5	6	5	5	—	A	—	4	2		
5	2	7	5	5	—	7	5	—	5	5	5	6	—	5	—		—	5	2		
5	2	7	5	5	—	7	5	—	5	4	5	6	7	5	—		—	4	2		
5	2	5	4	4	—	7	4	—	5	5	5	5	—	4	—		7	4	3		
5	3	3	4	4	7	5	4	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
6	3	5	3	4	—	6	4	—	6	5	5	4	7	5	—		—	4	3		
5	3	4	5	5	—	5	4	6	4	4	3	5	4	5	5		7	4	2		
5	2	5	5	5	—	7	4	—	4	5	5	5	6	5	—		7	4	2		
5	2	6	5	5	—	7	4	—	5	5	5	6	7	6	—		—	5	3		
5	2	3	4	5	—	6	5	7	3	4	4	5	4	4	—		—	4	2		
5	2	3	4	5	—	6	6	7	3	4	4	5	4	4	—		—	4	2		
5	2	3	4	4	—	6	5	7	2	4	4	5	5	5	—		—	4	2		
5	2	3	4	4	—	6	5	7	3	4	4	5	5	5	—		—	4	2		
5	3	3	3	4	6	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		5	3	5		
5	2	3	5	5	—	7	6	7	3	5	4	5	5	4	—		6	4	2		
6	2	5	5	5	—	6	6	6	4	4	4	6	5	4	7		—	4	3		7
5	2	3	5	5	—	6	6	6	3	4	4	6	5	4	—		—	4	2		
5	2	3	5	5	—	5	4	6	4	4	3	5	5	4	7		—	4	3		
5	3	3	4	4	7	5	4	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	4	—	2	4	5	5	5	5	—		—	3	4		6
5	2	4	5	5	—	6	5	5	3	4	3	5	4	5	6		—	4	2		4
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		5	3	5		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	4	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	2	6	5	5	5	7	4	—	5	5	5	5	—	4	—		—	4	2		
4	4	3	3	3	7	5	4	—	5	7	5	4	—	6	—		—	3	5		
5	2	3	4	4	4	—	6	6	4	4	4	5	5	5	—		—	4	3		
5	3	3	3	4	7	6	4	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	2	3	3	4	7	5	4	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		4
5	2	3	3	4	7	5	5	—	2	4	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	2	3	3	4	7	5	4	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	4	4	6	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	5	5		
5	3	5	5	5	—	5	5	5	4	4	3	5	4	5	6		—	4	2		
5	2	5	5	5	—	5	5	6	4	4	3	5	4	4	—		—	3	3		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	5	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	5	5	5	—	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	5		

№ п/п	№ пластинки	№ спектра	Описание предмета	Паспорт	Sr	Ba
65	330	15	Куски смальты		4	4
66	330	16	»		4	5
67	330	17	»		—	7
68	330	18	»		4	6
69	331	1	Куски стекла	№ 431	7	—
70	331	2	То же		6	—
71	331	3	»		7	—
72	331	4	»		5	—
73	331	5	»		—	—
74	331	6	»		7	—
75	331	7	»		4	6
76	331	8	»		—	7
77	331	9	»		4	5
78	331	10	»		—	7
79	331	11	»		6	—
80	331	13	»		5	7
81	331	14	»		—	—
82	331	15	»		—	7
83	331	16	»		—	—
84	331	17	»		5	7
85	331	18	»	—425	4	6
86	331	19	»		4	6
87	331	20	»		4	5
88	331	21	»		4	5
89	331	22	»		4	5

В Лавре все составы, происхождение которых казалось столь определенным, встречены вместе, в одной мастерской, и сопровождают развалы обоих горнов. Следовательно, предстоит решить сложную задачу, из условий которой известно, что мастерская была создана на территории Киево-Печерского монастыря в 80-е годы XI в., что в развале мастерской встречены остатки производства смальт и стеклянной посуды, что на изготовление всех изделий шло стекло самых разных составов — при исследовании лишь небольшой части материала зарегистрировано 11 составов.

Рассмотрим подробно каждый из 11 составов.

Чаще других встречается стекло типа K — Na — Ca — Mg — Si. Из этого стекла делалась смальта (ан. 322 : 3,8; 329 : 5; 330 : 2), посуда (ан. 331 : : 22; 330 : 3, 5, 13), тонкие плоские стекла защитного покрытия (ан. 329 : : 11; 330 : 4), много осколков, обрезков, бесформенных сплавов (ан. 331 : : 18, 19, 20, 21; 330 : 1, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 24; 329 : 17; 321 : 22). Почти все стекло этой группы бесцветно с голубоватым, желтоватым или зеленоватым оттенком. Все стекла в своем составе имеют окись марганца, которая должна обесцвечивать стекло. В большинстве случаев в этом стекле загрязняющие примеси очень невелики. Стекло хорошего качества, без пузырей, непровара. Все это свидетельствует о хороших традициях в производстве стекла и изделий из него.

Мастера тщательно готовят сырье, знают технику обесцвечивания стекломассы, многие приемы ее обработки: литье, золочение, дутье, которые применялись при изготовлении золоченой смальты защитного слоя и посуды. К сожалению, осколки посуды очень невыразительны, это только стенки. Тем не менее очевидно, что это обломки сосудов уже известных нам форм, приводимых В. А. Богусевичем [24]. Интересную особенность это-

[24] *В. А. Богусевич.* Ук. соч., стр. 18, рис. 3, *2—6.*

Cr	K	Mn	Ca	Al	Co	Ni	Ti	Zn	Na	Ag	Cu	V	Sn	Mo	Bi	Si	Sb	Mg	Pb	P	Au
5	3	3	3	4	7	5	4	—	2	6	5	5	7	5	—		—	3	6		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	6	5	5	—	5	—		—	3	5		
5	3	5	5	5	—	5	4	5	5	4	3	6	4	5	6		—	5	2		
5	3	3	4	4	7	5	5	—	2	6	5	5	—	5	—		—	3	5		
5	2	3	4	5	—	6	6	5	3	5	3	5	4	4	6		—	4	2		
5	2	3	4	5	—	6	6	6	3	5	3	5	4	4	—		—	4	2		
5	2	4	4	5	—	6	6	7	3	5	4	5	4	4	—		—	4	2		
5	2	4	4	5	—	5	5	5	3	4	3	5	4	4	6		—	4	2		
5	2	7	5	5	—	7	5	—	4	4	5	5	6	4	—		—	4	2		
6	2	6	5	5	—	7	5	—	4	4	5	5	5	5	4		—	4	2		
5	3	3	4	4	4	4	4	6	2	4	3	4	4	4	6		—	3	3		6
6	2	7	5	5	—	7	4	—	5	5	5	5	6	4	—		—	4	3		
5	2	3	4	4	5	5	4	6	3	5	4	4	4	4	—		—	3	3		
5	2	6	5	5	—	7	4	—	4	5	5	6	6	4	—	O	—	4	2		
5	2	4	5	5	6	6	5	7	3	5	4	5	4	4	—		—	4	2		
4	2	3	4	4	5	5	5	6	3	4	3	5	4	5	—	C	—	3	2		5
5	2	7	5	6	—	7	6	—	4	5	5	5	6	5	—		—	5	2		
5	2	5	5	6	—	7	5	—	5	6	5	6	6	5	—	II	—	4	3		
6	2	7	5	6	—	7	6	—	4	5	5	6	5	5	—		—	5	2		
5	2	4	4	5	—	5	6	6	3	4	3	5	4	5	6	O	—	4	3		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—	B	—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		
5	3	3	3	4	7	5	5	—	2	6	5	5	7	5	—	A	—	3	5		
5	3	3	3	4	6	5	5	—	2	7	5	5	7	5	—		—	3	5		

го стекла составляет сочетание обоих щелочных элементов — натрия и калия. Оно выступает как следствие применения золы солончаковых растений [25]. Рассматриваемая особенность состава была отмечена ранее для посуды, браслетов и бус, производство которых предположительно относилось на счет греческих мастеров, осевших в Киеве [26].

Материалы из стеклоделательной мастерской подтверждают первоначальную гипотезу в части определения места производства. Действительно, K—Na—Ca—Mg—Si-стекло изготавливалось в одной из киевских мастерских. Мастера, работавшие в этой мастерской, пользовались привозным сырьем и могли быть греками, однако для окончательного решения вопроса нужно рассмотреть дополнительные материалы.

25 образцов (из 88) — смальта (ан. 321:23; 322:1, 4; 329:7, 9), со-

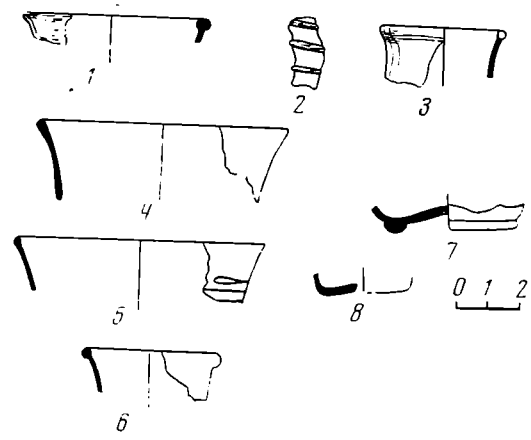


Рис. 1. Фрагменты стеклянной посуды из раскопок в мастерской в Киево-Печерской Лавре

[25] *J. L. Szczapowa.* Zasady interpretacji analiz składu szkieł zabytkowych. Archeologia Polski, t. XVIII, z. 1, str. 22—28.

[26] *Ю. Л. Щапова.* Древнерусские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений XI—XII вв. ВВ, XIX, стр. 65—75.

суды (ан. 322:7; 323:3, 4, 5, 8, 10, 11), осколки и слитки стекла (ан. 322:13; 323:6; 329:18, 20; 330:8, 17; 331:6, 8, 10, 11, 14, 15, 16) — имели совсем иной состав: это калиево-свинцово-кремнеземное стекло, то самое, которое отличает изделия древнерусских, в основном киевских, мастерских домонгольского времени [27].

Осколки стеклянных сосудов, несмотря на то что это только стенки, достаточно выразительны. По всей вероятности, эти сосуды имели форму широко открытых кубков. Венчики этих кубков имеют резкий профиль внутри и снаружи (рис. 1, *1*), стенки украшены накладными нитями, иногда фиолетовыми или бирюзовыми, а иногда одноцветными с телом сосуда (рис. 1, *2*).

Фрагмент одного сосуда из калиево-свинцово-кремнеземного стекла заслуживает специального внимания (рис. 1, *3* — № 39, ан. 323 : 9). Это венчик полузакрытого сосуда с желтым валиком. Зеленое стекло сосуда из Лавры окрашено окисью меди, валик — из желтого непрозрачного стекла. Аналогичный по форме сосуд был найден в Новгороде [28]. Абсолютное типологическое сходство обоих сосудов породило предположение, что они изготовлены в мастерской в Лавре. Однако хронологический разрыв находок в полстолетия, отмечавшийся ранее, неожиданно дополнился различием в составе стекла [29]. Утверждение, что оба сорта стекла изготавливались в мастерской в Лавре, нужно снять, оставив предположение о киевском происхождении всей группы сосудов условно названного нами киево-греческого производства.

Калиево-свинцово-кремнеземное стекло русского производства, даже неокрашенное, имеет желтоватый оттенок, иногда очень яркий. В эти стекла никогда не вводилось никаких обесцвечивателей, которые могли бы нейтрализовать красящие свойства окиси свинца. Вся масса стекол этого состава из лаврской мастерской подчиняется общему правилу, только в двух стеклах этой группы (ан. 329 : 9, 18) присутствует окись марганца. Возможно, это попытка использовать окись марганца как обесцвечиватель или брак производства фиолетового стекла. Сейчас эти обломки имеют зеленоватый оттенок. Сырье, использовавшееся для изготовления стекла K — Pb — Si, всегда хорошо очищено, о чем свидетельствует небольшое содержание микропримесей.

Итак, если признавать взаимную связь составов стекла и происхождения мастеров, то изложенное выше приводит к заключению, что у открытых в Лавре горнов работали разные мастера. Одни мастера были русскими, а другие иноземцами.

Поскольку принято такое решение, уместно сравнить и выявить особенности обоих составов.

«Греческое» стекло (Na—K—Ca—Mg—Si) относится к группе стекол из тройной шихты, в основе изготовления которых лежит схема: зола — известь — песок. В этом стекле постоянно (во всех исследованных образцах без исключения) присутствует окись марганца, играющая роль физического обесцвечивателя. Введением окиси марганца мастера добивались нейтрализации красящих свойств хрома, железа, титана, присутствующих в сырье в окисном состоянии.

Древнерусское калиево-свинцово-кремнеземное стекло относится также к группе стекол из тройной шихты, это стекло принадлежит к типу хрусталей. В древнерусских неокрашенных стеклах практически никогда не встречаются обесцвечиватели, которые могли бы нейтрализовать красящие свойства свинца, железа, хрома, титана.

---

[27] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие...; *его же.* Химия и технология древних и средневековых стекол; *Ю. Л. Щапова.* Стекло Киевской Руси.

[28] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные изделия древнего Новгорода..., стр. 124, рис. 8, 9; *ее же.* Древнерусские изделия из стекла..., стр. 62, 63, рис. 1, 2.

[29] Новгородский сосуд изготовлен из натриево-калиево-кальциево-магниево-кремнеземного стекла (ан. 102; 5, 15).

Если сопоставить свойства основного химического состава рассматриваемых стекол, то окажется, что сходства между ними не так много:

Элемент	Группа
Na K Ca Mg Si Mn	Первая
K Si Pb	Вторая

Общих признаков в обоих случаях лишь два, коэффициент связи между группами 0,22. Если происхождение Si связано с использованием песка, который неограниченно можно получать на месте, в ближайших окрестностях Киева, то происхождение калия — разное. Калий в одних стеклах генетически связан с золой растений континентальных, а в других — солончаковых пород, которая была источником щелочного сырья для стекол первой группы. Это сырье надо было везти в Киев. Несмотря на формальное сходство части признаков, основные составы по существу принципиально разные, и это весьма существенно.

Перед нами стоит задача разделить на такие же группы все остальные стекла, составы которых не занимают крайних позиций и в которых традиции производства не столь ярко выражены.

16 раз встречено стекло, состав которого должен быть отнесен к группе натриево-калиево-свинцово-кремнеземных стекол — Na — K — Pb — Si (ан. 321 : 24; 322 : 12, 24; 329 : 1—4, 6, 8, 12; 331 : 1—5, 17).

Часть стекол (ан. 321 : 24; 322 : 24; 329 : 12; 331 : 3—5, 17) от основного состава русских стекол отличается лишь тем, что вместо одного калия в них комбинация щелочей — Na и K, вместо поташа использована привозная зола. Ни в одном таком стекле нет марганца, это обстоятельство увеличивает сходство рассматриваемых стекол с русскими. Окончательно утверждает эту связь использование стекла Na — K — Pb — Si без марганца при изготовлении золоченой смальты (инв. № 512): основная масса смальтового кубика сделана из стекла типично русского (K — Pb — Si, ан. 321 : 23), а слой стекла, покрывавший золотую фольгу,— из стекла Na — K—Pb—Si.

В составе девяти других стекол (ан. 322 : 12; 329 : 1—4, 6, 8; 331 : 1, 2) присутствует окись марганца, которая выступает в качестве обесцвечивателя в плоском стекле (ан. 322 : 12), заготовках смальты (329 : 1—4, 6, 8), кусках стекла (331 : 1, 2). От составов русских стекол рассматриваемые отличаются наличием окисей натрия и марганца, именно они усиливают связь этой части стекол со стеклами греческими.

Таким образом, группа стекол одинакового основного состава с учетом дополнительных признаков может быть расчленена. Этот факт как нельзя более утверждает необходимость и значение сведений о химическом составе древних стекол. Замечательно, что стекло этого состава (в обоих вариантах) встречается не только в виде изделий или отходов производства, но и в виде больших глыб стекла, составляющих брак самой стекломассы. Объем таких глыб нередко более 500 $см^3$, чаще 300—200 $см^3$ и менее. Стекло коричневого, серо-коричневого, грязно-серого цвета в мелких осколках удивительно напоминает кремневые отщепы. Возможно, что в силу нарушений технологического режима большая порция стекла ушла в брак. Судя по количеству брака, подобные нарушения не были редкостью; к сожалению, характер самих нарушений определить довольно трудно.

Достаточно часто (7 раз на 88 наблюдений) встречается стекло типа K — Na — Mg — Ca — Si, которое от наиболее распространенного стекла «греческого типа» отличает иное соотношение Mg и Ca. Новое соотношение может быть следствием использования иного сорта щелочноземельного (известкового) сырья. Исследованные обломки принадлежат смальтовым кубикам (ан. 322 : 15, 16), тонким листикам защитного стекла (ан. 323 : 7), иногда с позолотой (ан. 329 : 13), и обрезкам стекла (ан. 329 : 10, 14, 15; 330 : 18). Использование нового стекла не повлекло в этом случае, как и в ряде подобных, заметных изменений декоративных свойств стекла. Оно

по-прежнему прозрачное, чистое, за счет окиси марганца, и блестящее. На поверхности некоторых образцов следы радужной побежалости.

Пять раз встретилось стекло свинцово-кремнеземное. В коллекции собрано довольно много обломков открытых воронкообразных зеленых сосудов (рис. 1, *4—6*) и сосудов с плоским дном (рис. 1, *7—8*). Исследован состав лишь меньшей части находок (ан. 322 : 2, 6, 10, 11, 14). Это очень небольшие обломки венчиков с резко отогнутым наружу валиком и легкой припухлостью края с внутренней стороны. Иногда на стенках — валики, одинаковые по цвету с самим сосудом. Сосуды по форме и декору очень близки древнерусской посуде калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Следует помнить, что свинцово-кремнеземное стекло очень редко употреблялось на изготовление посуды, один сосуд найден в Киеве [30], другой — в Новгороде [31] в 20-м ярусе, датируемом началом XII в. (1116—1134). В других городах посуда этого типа практически не встречается.

Замечательно, что неиспользованные куски зеленой и желтой смальты в комплексе мастерской встречаются гораздо реже, чем куски и обрезки отливок под золоченую смальту. По всей вероятности, большая часть отходов производства глухих цветных смальт утилизировалась при изготовлении мелких украшений: вставок в перстни, бус, самих перстней.

Свинцово-кремнеземное стекло было первым, которое древнерусские мастера освоили производством в начале XI в. Из этого стекла делались мелкие украшения, затем его стали использовать в качестве глазурей на керамике, поливных плитках, еще позднее стеклоделы Новгорода, Полоцка и Смоленска стали делать из них браслеты.

Четыре раза встретилось стекло, состав которого совмещает в себе признаки обеих основных групп. Это Na — K — Mg — Ca — Pb — Si-стекло, содержащее марганец (ан. 322 : 3; 331 : 7, 9, 13). Последнее обстоятельство позволяет относить эти стекла скорее к группе греческих, чем древнерусских.

Кроме того, встречены еще пять стекол пяти разных составов.

1. Стекло Na — Ca — Mg — Si (ан. 322 : 5) — классический пример стекла, сваренного из смеси соды, извести и песка. Стекло окрашено окисью кобальта в синий цвет, а предварительно обесцвечено окисью марганца. Аналогичные по составу смальты употреблялись в Софии Киевской и Константинопольской [32], такого же состава смальта найдена при разборе руин Успенского собора. Это стекло в виде готовых мозаичных кубиков могло быть привезено из Византии, подобно тому как мозаику везли на Русь и в другие страны [33].

2. Стекло K — Ca — Mg — Si (ан. 322 : 8) — прозрачный осколок, содержащий в своем составе окись марганца. Подобный класс стекол изготавливался в это же самое время в западноевропейских стеклоделательных мастерских с XI в. Однако нет никаких оснований сближать киевские и западноевропейские стекла между собой, тем более что последние характеризует стабильная окись фосфора, которого нет в стекле киевском.

3. Стекло K — Mg — Ca — Pb — Si (ан. 330 : 9) по составу отличается от типичного древнерусского наличием щелочных земель. Как обычно в древнерусском стекле, в этом тоже нет обесцвечивающей окиси марганца.

4. Стекло типа K — Ca — Mg — Pb — Si (329 : 5) отличается от вышеописанного другим видом известкового сырья.

5. Стекло типа Pb — Ca — Mg — Si (ан. 322 : 9) отличается от обычных свинцово-кремнеземных стекол наличием щелочноземельных соединений.

---

[30] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие..., табл. 31, ан. 155, стр. 223.

[31] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные изделия древнего Новгорода..., стр. 131, рис. 9; Приложение 2, ан. 97 : 9.

[32] *B. Neumann.* Antike Gläser. Zeitschrift für angewante Chemie, 1925, an. № 68.

[33] *J. Philippe.* Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970. p. 26—28.

Произвольно взятую выборку можно рассматривать как часть генеральной совокупности, последней нужно считать весь комплекс находок. Совершенно очевидно, что выборка очень мала и возможные колебания (доверительные интервалы) полученных результатов достаточно широки. Тем не менее этим объемом исследований можно ограничиться, устанавливая самую общую характеристику комплекса.

Из приведенных анализов следует, что все химические составы стекол можно разделить на две группы, в каждой из которых образцы обладают определенным комплексом признаков, позволяющим отделить стекло древнерусское от стекол, с ними не сходных.

Группа древнерусских стекол составлена из стекол следующих типов: K — Pb — Si — 25 экз., K — Na — Pb — Si — 7, K — Mg — Ca — Pb — Si — 1, K — Ca — Mg — Pb — Si — 1 экз., итого 34 образца, что составляет 38,5% от общего числа, а в доверительных интервалах это 27—48, т. е. четверть, но не более половины всех изделий в мастерской Лавры изготавливались из стекол русских составов и, следовательно, русскими мастерами.

Сюда же, видимо, следует отнести еще шесть свинцово-кремнеземных стекол, которые сами составляют около 7%, а в доверительных интервалах 3—14, т. е. смальта из свинцово-кремнеземного стекла составляла заметную часть в общей композиции.

Почти 53% исследованного материала составляют стекла, в основе изготовления которых лежит так называемый античный рецепт: это стекла Na — Ca — Mg — Si — 1 экз., K — Na — Ca — Mg — Si — 26, K — Na — Mg — Ca — Si — 8; K — Na — Pb — Si — 9, K — Ca — Mg — Si — 1 экз., итого 45 образцов (пределы колебаний доли этих стекол 43—63). Иными словами, от половины до двух третей всех стекол в мастерской изготовлено по «античному» рецепту мастерами-греками.

Сейчас уместно проверить, греки ли это, поскольку стекла такого состава изготавливались не только греками, но и болгарами, а также другими народами, населявшими мусульманский Восток и Среднюю Азию.

Две последние области нужно исключить, поскольку мастера должны быть православными христианами. Круг поисков с учетом этого условия сужается. Можно назвать лишь две страны, которые были достаточно близки к Руси и где храмы украшались мозаиками. Это Византия и Болгария. Связь Печерского монастыря с Константинополем, Афоном и тесно связанной с ним Болгарией несомненна [34]. Что касается стекла, то основной состав византийских и болгарских стекол почти одинаков. Вместе с тем в последних есть известная специфика — повышенное содержание окиси марганца [35]. В стеклах Лавры этого признака нет. Правда, указанная специфика не всегда выражена, и среди болгарских стекол есть образцы, в которых марганца немного. Однако высокое содержание марганца в исследуемых стеклах Лавры не замечено ни разу. Именно это обстоятельство и позволяет сближать их скорее со стеклами византийскими, чем болгарскими.

Оказывается, что производство мозаик для Успенского собора в Лавре осуществляли разные мастера: греки и собственно русские. Какая связь существовала между мастерами, сказать трудно. Остатки тигля, в котором расстекловавшееся стекло составляет верхний слой, могли бы свидетельствовать о последовательной смене греческих мастеров русскими. Это очень красноречивое свидетельство, но оно единственное, и в этом его

---

[34] История русского искусства, т. 1. М., 1953, стр. 202.

[35] *М. А. Безбарадау и М. Р. Марынау.* Хіміка-тэхналагічнае даследаванне шкла з старажой набалгарскіх сталіц Пліскі и Прэслава (IX—XIII ст. ст.). Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя фізіка-тэхничных навук. Минск, 1958, 4, стр. 79; *М. Безбородов и М. Маринов.* Върху състава на древнобългарска стъкла от Плиска и Преслав (IX—XIII вв.). Известия на Химическия институт, т. VII. София, 1959, стр. 15—18; *М. А. Безбородов.* Химия и технология древних и средневековых стекол, Приложение, ан. № 473, 474, 478, 495, 503, 591.

существенный недостаток. В силу этого о последовательной смене одних мастеров другими говорить нельзя.

Выше было показано, что целая серия стекол, так называемых античных, содержит в своем составе окись свинца. Окись свинца встречается в виде составной части во многих стеклах I тысячелетия. Это, как правило, ближневосточные окрашенные (желтые, красные, зеленые) полупрозрачные или непрозрачные стекла и эмали. Здесь же неокрашенное и прозрачное стекло — сразу два отклонения от правила, так как в прозрачных стеклах этого рецепта свинец никогда не встречается. Введение свинца изменило некоторые декоративные и технологические свойства. Стекло стало более ярким, блестящим, более плавким и «длинным» (дольше сохраняет пластичность, т. е. его можно дольше подвергать обработке). Два последних качества не имели серьезного значения при наличии хороших горнов и квалифицированных мастеров. Улучшение же декоративных качеств смальты, несомненно, могло привлечь внимание главного декоратора-мозаичиста. Иначе трудно объяснить громадные количества такого стекла, ушедшего в брак. Возможно, что мастера-греки упорно добивались лучших результатов.

Мысль ввести окись свинца в основной состав могла быть подсказана мастеру-греку мастером-русским, поскольку именно со щелочным свинцовым стеклом последний постоянно имел дело.

К 80-м годам XI в. древнерусское стеклоделие развилось настолько, что стало самостоятельным и заметным явлением в жизни Киевского государства. Продукция киевских стеклоделов — бусы, посуда, оконное стекло — стала к этому времени хорошо известна на Руси. И греки, что представляется естественным, обратились к помощи киевских стеклоделов. Контакт был достаточно тесным и взаимным. Известные греческие заимствования из технологии древнерусских стеклоделов отмечены выше.

Древнерусские мастера проводили многократные опыты использования греческой рецептуры стекловарения, правильнее сказать, использования сырья, на котором работали греки: извести, золы. Только в результате таких опытов могли появиться стекла типов

$$K - Na - Pb - Si,\ K - Mg - Ca - Si,\ K - Mg - Ca - Pb - Si,$$
$$K - Ca - Mg - Pb - Si.$$

Введение щелочных земель в стекло K—Pb—Si никак его не улучшало и лишь составляло дополнительные затруднения. Видимо, поэтому так редко встречаются стекла типа $K - Pb - Si$, содержащие щелочные земли (окиси кальция и магния).

Столь же малозначащим оказалось и применение «греческой» золы: опытов по ее использованию было достаточно много, а практический результат невелик.

Греческие стеклоделы, не скрывая основных технологических приемов стекловарения, к тому же давно известных, значительную часть своих знаний держали все-таки в секрете. Это касается прежде всего техники обесцвечивания стекломассы. Нет ни одного изделия из стекла $K - Pb - Si$, в котором окись марганца использовалась бы как обесцвечиватель. Упоминавшиеся выше опыты (ан. 329 : 9,18) оказались безуспешными: вместо бесцветного и прозрачного получилось мутное серое стекло, мало подходящее для дела. Еще один пример, характеризующий греко-русские контакты,— это история получения синего стекла. Русским стеклоделам практически неизвестной осталась окись кобальта, которую греки постоянно употребляли как краситель.

Таким образом, несмотря на тесные контакты, стеклоделы Руси и Византии остаются самостоятельными, верными своим производственным традициям.

Материалы, приводимые выше, говорят о многом. Прежде всего о том, что Успенский собор был украшен мозаикой, изготовленной в мастерской

расположенной рядом, где одновременно или последовательно работали греки и древнерусские мастера. Участие последних было заметным, значительным и важным. Если при отделке Софии Киевской древнерусские мастера выполняли малозначащие или маловажные участки общей мозаичной композиции (Севастийские мученики, орнаменты) [36], то спустя 30 лет, при отделке Успенского собора, они уже играли иную роль: древнерусские мастера варили не только простейшее, свинцово-кремнеземное стекло, но и более сложное, калиево-свинцово-кремнеземное, и делали из него золоченую смальту. Факт красноречивый и свидетельствует он о том, что к этому времени киевские стеклоделы стали опытными мастерами, их продукция приобрела достаточную известность, популярность и распространение. В среде древнерусских стеклоделов греческие мастера нашли себе необходимую и вполне квалифицированную помощь.

Представляется бесспорным, что в качестве главных мастеров-декораторов в Успенском соборе, так же как и в Софии [37], выступали греки. Они привезли с собой не только высокое мастерство, умение и готовую смальту, но и необходимые сырьевые материалы (золу, красители, главным образом окись кобальта), которых в Киеве нельзя было найти. В связи с этим вполне правдоподобно выглядит сказание «Патерика» «об украшении святой Богородицы», правда, лишь в части, где рассказывается о прибытии мастеров.

«Патерик» рассказывает, что прибыли четыре мастера, а один купец привез мозаику. Возможно, что было именно так. На месте совсем вблизи от Успенского собора были построены горны. Можно думать, что сначала один, а затем и второй в то время, когда работы шли полным ходом.

Четыре мастера [38], среди которых был главный художник, мозаичист и смальтовар [39], пригласили себе в помощь киевских стеклоделов. Первое время последние, видимо, только помогали, а затем им поручили самостоятельные работы. В таких условиях допускались (в пределах возможного) колебания соотношений основных составляющих в стекле. Подобные факты наблюдались ранее при исследовании мозаик Софии Киевской [40]; такие же факты открыло изучение мозаик Михайловского собора в Киеве.

Небезынтересно заметить, что варьирование основного состава было устойчиво на протяжении всего XI в. (София, Успенский и Михайловский соборы). Вся эта масса материала используется мастерами, выполняющими пусть огромный, но один комплекс работ. Вся необходимая масса смальты изготавливается в пределах одной мастерской, это важно помнить, так как все это характеризует определенным образом организацию производства смальты. Вполне вероятно, что все это вместе непосредственно зависит от технологии производства стекла. Стекло варилось в небольших горшках в горнах, куда одновременно помещалось несколько горшков. Уже на стадии подготовки шихты возникала возможность разных неточностей, опытов, нередко смелых и часто неудачных. Из этого следует один, но очень существенный вывод для современного исследователя древнего стеклоделия: абсолютное подобие химических составов стеклянных изделий может быть чистой случайностью, а вывод об одинаковом происхождении таких изделий — ошибкой. Такой вывод должен быть подкреплен другими доказательствами.

Материалы стеклоделательной мастерской в Лавре характеризуют главным образом производство золоченой смальты. Цветная смальта (вернее,

---

[36] *В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской, стр. 153; *В. И. Левицкая.* О некоторых вопросах производства набора мозаик Киевской Софии. ВВ, XV, 170—184.

[37] *В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской.

[38] Патерик..., стр. 5. Именно на четыре операции, согласно «Эдикту» Диоклетиана, распадался весь производственный процесс изготовления мозаик. Такая разумная специализация удержалась и в средние века, но прямых свидетельств на этот счет нет (*В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской, стр. 152, 153).

[39] К нашему списку нужно прибавить грунтовщика.

[40] *М. А. Безбородов.* Стеклоделие..., табл. 16.

окрашенная) производилась здесь, по-видимому, в небольших количествах (отходов цветных смальт совсем мало). Может быть, синюю, серую, розовую смальту могли привезти из Византии. Потребность в этой смальте не так велика, как в золоченой, которой выложен весь фон.

Смальта красная, желтая, зеленая с успехом могла быть приготовлена киевскими стеклоделами в своих собственных мастерских. Деятельность русских мастеров ограничивалась главным образом сферой приготовления декоративного материала, однако это не исключает и доли участия в выведении набора. Именно так было в Софии [41] несколькими десятилетиями ранее, именно так, но в значительно больших масштабах было в Михайловском (Дмитровском) соборе десятилетия спустя.

Оказывается, что в истории создания мозаик трех киевских соборов — Софийского, Успенского, Михайловского (Дмитровского) — много общего. И вместе с тем только мозаики Успенья были скрыты позднейшей росписью. В чем причина? Что произошло с мозаиками? Возможно, что часть мозаичной живописи оказалась утраченной, а в сохранившейся части, видимо, был неустранимый дефект. Напомним, что часть золоченой смальты — это калиево-свинцово-кремнеземное стекло, склонное к расстекловыванию. Возможно, что кубики стекла K — Pb — Si лежали вперемешку с теми, которые были изготовлены из стекла Na — K — Ca — Mg — Si, последние не расстекловываются. За прошедшие с момента постройки собора 600 лет кубики из стекла K — Pb — Si расстекловались, потрескались, местами утратили фактуру и вся мозаичная картина потеряла прежний вид. Может быть, именно поэтому реставраторы в XVII в. решили заштукатурить все стены и заново их расписать.

Так в общих чертах можно представить себе характер и итог греко-киевского сотрудничества и судьбу мозаик Успенского собора.

Iou. L. Chtchapova

DE NOUVEAUX DETAILS POUR CONTRIBUER A L'HISTOIRE DES MOSAIQUES DE LA CATHEDRALE OUSPENSKI A KIEV

Résumé

A Kiev, sur le territoire de la Lavra, non loin de la cathédrale de la Dormition de la Vierge (Ouspenski), on a dégagé les restes d'un atelier pour la fabrication du verre et du smalt. V. A. Bogousévitch, qui a fouillé en premier cet atelier, rapporte ses vestiges à l'époque des travaux de décoration intérieure de la cathédrale. Nous avons analysé la composition du verre de produits finis et de déchets de fabrication. Les différences dans la composition du verre sont tellement grandes qu'on peut les comprendre seulement si on admet que les mêmes fours étaient utilisés par des artisans appartenant à différentes écoles de verrerie. Certains artisans observaient les principes byzantins, et d'autres les traditions anciennes russes. La mosaïque d'or constituait une grande partie de la décoration de la cathédrale. Cette mosaïque avait été faite par des verriers russes avec du verre à base de potasse, de plomb et de silice, susceptible de craquelures et qui a terni avec le temps. A la fin du XVIIe siècle, la vieille mosaïque russe fut recouverte d'un enduit et de peintures.

---

[41] *В. Н. Лазарев*. Ук. соч., стр. 156, 157.

И. К. ЛАБУТИНА, О. А. КОНДРАТЬЕВА

ПЛАСТИНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КЕНТАВРА И ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЖИВОТНОГО ИЗ РАСКОПОК ВО ПСКОВЕ

При раскопках в Пскове в 1972 г. в пределах стены 1309 г. были найдены две плотно прилегавшие одна к другой роговые пластины с изображениями на лицевых сторонах [1].

Стратиграфическая дата находки — XII век. Пластины одинаковы по форме и размерам. Контур пластин напоминает кувшин с круглыми дном и туловом и узким, расширяющимся вверх горлом. Плоские ушки с круглыми отверстиями дополняют это впечатление, напоминая ручки сосуда (рис. 1, 2). Цвет пластин средний между рыжевато-желтым и светло-коричневым.

Внутренние стороны пластин сохранили следы первоначального выравнивания ножом и последующей обработки, оставившей малозаметные параллельные полосы в поперечном волокнам направлении. На внешних сторонах пластин этих следов не сохранилось, так как они были заполированы. Пластины имеют трещины и несколько деформированы, что особенно заметно у перехвата «горловины», где обе они слегка выгнуты наружу (рис. 2, *в*).

На лицевых сторонах пластин четко выделяется контур шва, размещавшегося вдоль края в 0,25—0,45 *см* от него. Вдоль верхнего среза обеих пластин шва не было. Отверстия для шва просверливались в заранее вырезанном неглубоком канале со скошенными стенками, намечавшем линию прохождения шва и служившем для заглубления нити в промежутках между отверстиями (рис. 1). Отверстия по мере углубления сужаются и пробивают пластины наклонно, с выходом в боковую грань (тачной шов). Лишь возле ушек шов прямой. Отверстия для шва в торцовом крае пластин проходят по такому же капалу, что и на лицевой стороне.

Наличие шва позволяет считать пластины составными частями комбинированного изделия. Учитывая сложную профилировку пластин, можно предполагать, что рог в этом изделии комбинировался с мягким материалом: кожей или тканью. На внутренних сторонах пластин прослеживаются рыжевато-коричневые пятна, напоминающие остатки кожи.

Ушки служили для подвешивания и, возможно, стягивания. Скорее всего, несохранившееся изделие было футляром или кошельком с двумя лицевыми сторонами. Точных аналогий ему не имеется. Кошельки грушевидной формы, стягивающиеся шнурками, приближаются по форме к рассматриваемому изделию [2]. Несколько напоминает по форме нашу находку

---

[1] Раскоп во дворе дома № 6 по Набережной р. Великой; пласт 18, кв. 26. См. *И. К. Лабутина*. Охранные раскопки в Пскове. АО—1972. М., 1973. В настоящее время хранятся в фондах ПИХАМЗ (8251/1334).

[2] *С. А. Изюмова*. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 218, рис. 11, *10*; *Е. И. Оятева*. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. АСбГЭ,4, 1962, стр. 92, рис. 10, *12*, стр. 93. Некоторые кошельки мордовских могильников по форме напоминают контур пластин из Пскова (*В. П. Левашева*. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. Тр. ГИМ, 33, 1959, стр. 44, рис. 3). Приносим благодарность С. А. Изюмовой за консультацию.

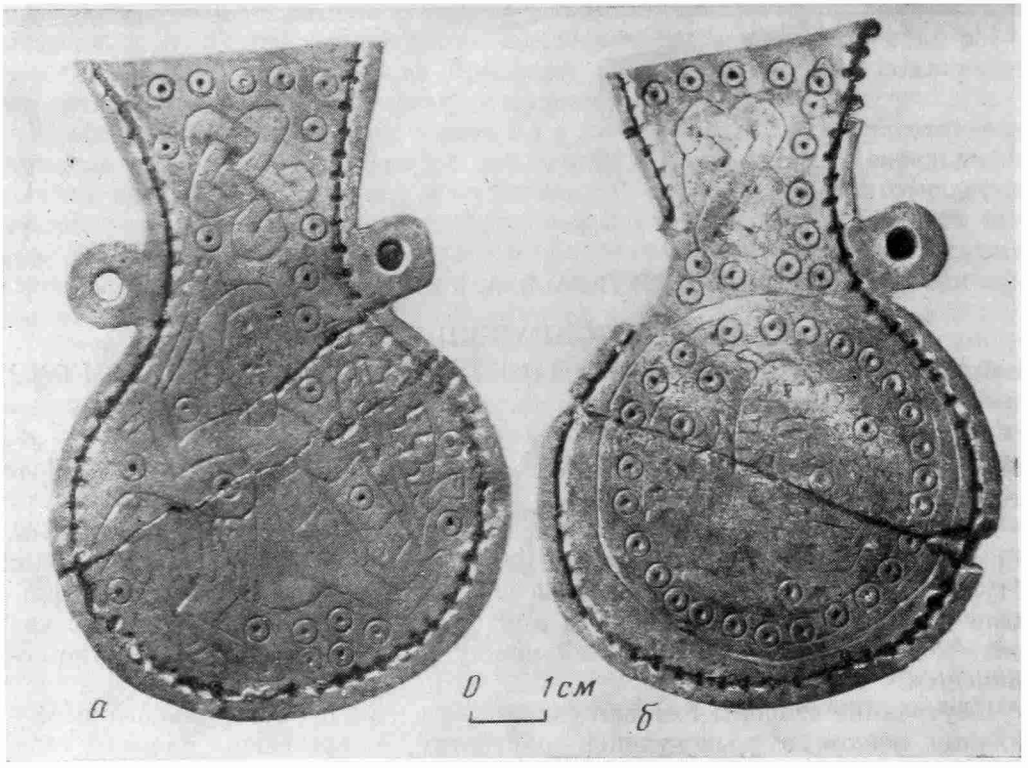


Рис. 1. Пластины из Пскова:
а — с изображением кентавра; *б* — с изображением фантастического зверя

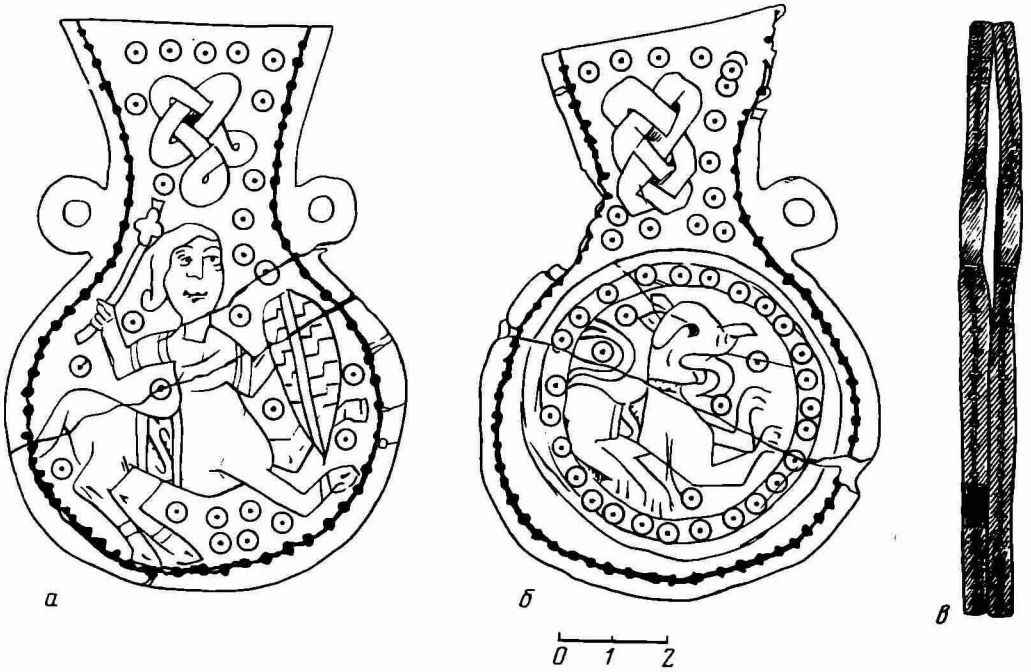


Рис. 2. Пластины из Пскова:
а — с изображением кентавра; *б* — с изображением фантастического зверя; *в* — совмещенные пластины (вид сбоку). Рис. С. П. Михайлова

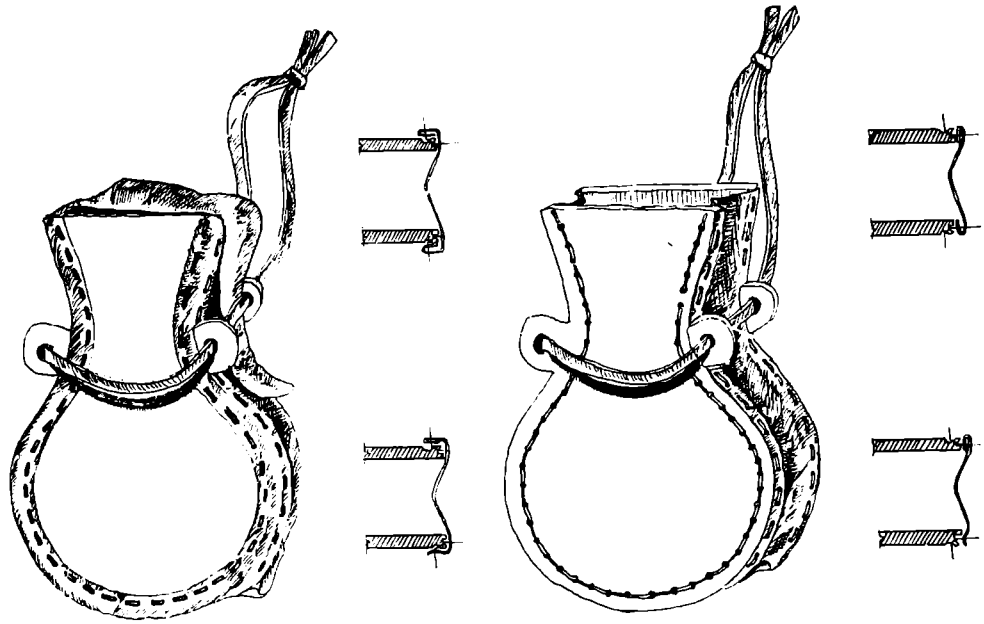


Рис. 3. Варианты реконструкции находки из Пскова. Схема соединения пластин с мягким материалом

уплощенная серебряная масленка конца XIII в. из Новгорода [3], но она гораздо грубее и проще по очертаниям. Близок по форме кошельку-футляру из Пскова кожаный кошелек в виде узкогорлой сумочки из погребения начала XIII в. в Подмосковье [4]. Тачной шов, прослеживаемый на пластинах, широко применялся при изготовлении средневековых русских кожаных изделий, в том числе и кошельков.

При реконструкции футляра (или кошелька) из Пскова возможно несколько вариантов соединения кожи (ткани) с роговыми пластинами. Разница в цвете основного поля пластин и их края позволяет предполагать, что край был прикрыт налегавшей на него кожей (тканью).

Два варианта реконструкции предлагается на рис. 3 [5]. Любая ширина полосы кожи (ткани) между пластинами (но не менее 1,5—2 *см*) позволяет скрепить части футляра. Кожаный (?) шнурок продевался в отверстия ушек, сшивался или завязывался так, что футляр можно было носить на груди или поясе. Не исключено, что пластины могли иметь изнутри кожаную прокладку, которая крепилась с помощью того же шва по краю пластин.

Наибольший интерес вызывают изображения на лицевых сторонах пластин. Они выполнены в технике гравировки и плоскорельефной резьбы по заполированной поверхности. Композиции на пластинах имеют общие черты: сочетание изображения фантастического существа с орнаментом — плетенкой и циркульными кружками; расположение основного изображения — фантастического существа — в круге, образуемом контурами «тулова» пластины; постановка фигур — слева направо; размещение на свободных участках поля кружков циркульного орнамента, помещение мотива плетенки в верхней части пластины, на одной оси с центральным изображением.

---

[3] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 160.

[4] *Р. Л. Розенфельдт.* Раскопки подмосковных курганов. АО — 1971. М., 1972, стр. 90, 91.

[5] Благодарим Е. И. Оятеву за консультацию и участие в обсуждении вариантов реконструкции.

Разница состоит в том, что изображение на одной из пластин (рис. 1, *б*, 2, *б*) выгравировано небрежнее. Эта же пластина имеет и большую стертость поверхности, что вызвано, вероятно, постоянным трением, которое испытывала эта часть изделия. Возможно, именно эта сторона была внутренней, обращенной к одежде.

Пластина с изображением кентавра (рис. 1, *а*, 2, *а*). Центральная часть пластины занята фигурой кентавра, двигающегося вправо. Нижняя половина тела кентавра показана в профиль, верхняя, человеческая,— грудь, плечи, руки — en face, с небольшим поворотом в сторону движения, направо; лицо в $^3/_4$. В левой руке кентавра щит миндалевидной формы, украшенный зигзагообразными линиями и пересекающей их посередине вертикальной полосой из двух линий. В правой руке кентавра булава, поднятая над головой. Ее рукоять немного изогнута — результат стремления резчика разместить изображение на ограниченном пространстве.

Лицо кентавра безбородое, волосы (передается лишь контур прически), не доходя до плеч, образуют завиток. Рот узкий, намеченный одной линией, со слегка приподнятыми концами и серединой, нос с рельефным вырезом ноздрей, глаза обращены в сторону движения, брови отмечены дугами. Объемность в передаче продолговатого овала лица достигается несколькими штрихами у глаз. По границе шеи и подбородка проходит косая трещина.

На кентавре рубаха с четырехугольным вырезом и двумя поперечными полосами на плечах. Нижний край рубахи не отмечен. На конской части тела — пояс-подпруга в виде поперечной полосы с каймой с двух сторон и с S-видным завитком ветчатого узора посередине. Нижние конечности завершаются копытами, над которыми прослеживается бинтовка в виде узких полос. Передняя пара ног приподнята в движении галопа, задние ноги поставлены одна возле другой. Конец хвоста не показан, он «уходит» за линию шва.

Орнаментальные мотивы композиционно подчинены основному изображению. Это, во-первых, циркульный орнамент, выполненный двузубцем. Диаметр кружков 0,36—0,38 *см*. Пять из них образуют ряд, параллельный верхнему краю пластины, остальные разбросаны между частями тела кентавра. Плетенка изолирована от основного изображения и занимает небольшой участок верхней части пластины.

Гравировка и плоскорельефная резьба произведены резцом (местами, возможно, ножом и иглой) таким образом, что линии и выбранные места получились неглубокими. Следы вторичной работы резцом почти не прослеживаются.

Пластина с изображением фантастического зверя (рис. 1, *б*, 2, *б*). Изображение фантастического зверя помещено в круглый медальон в центральной части пластины. Очертания медальона должны были по замыслу повторять контур широкой части пластины, но проведенные от руки, они оказались неровными. Смещение медальона вправо было вызвано, по-видимому, стремлением разместить центральное изображение симметрично вертикальной оси пластины. Окружность медальона выполнена в виде двух полос. Внешняя полоса — без орнамента, внутренняя заполнена «глазками» циркульного орнамента, расположенными в ряд на расстоянии 0,3 *см* и менее друг от друга. Орнамент выполнен тем же двузубым циркулем, что использовался при орнаментации первой пластины.

В медальоне помещено профильное изображение животного, обращенного направо. Передняя часть морды животного вытянута, особенно удлинен нос, несколько заостренный на конце. Под носом — брыли, подчеркнутые двумя вертикальными штрихами. Пасть раскрыта, из нее высовывается широкий, загибающийся к шее язык. Оскал подчеркнут вертикальной скобкой у пасти. Глаз показан углубленной точкой, от которой линия глазницы продолжалась в виде дуги на загривок. На затылке — небольшие стоячие уши.

Голова животного поднята, на шее — ошейник в виде узкой полоски, украшенной «бегунком».

Спина животного выгнута, туловище перехвачено поясом в виде вертикальной полосы с каймой с одной стороны и орнаментальным S-видным завитком. Лапы, особенно задние, показаны обобщенно, без передачи деталей. Все четыре лапы завершаются когтями. Передние лапы подняты, задние служат опорой. Длинный хвост, изгибаясь над спиной, «уходит» за рамку изображения. На конце он раздваивается. Изображение зверя сопровождается пятью глазками циркульного орнамента, расположенными по обеим сторонам хвоста, между передними лапами и головой, между передними и задними конечностями. Под верхним срезом пластины — пять глазков, размещенных в ряд, ниже — плетенка в обрамлении циркульного орнамента. Здесь прослеживается одноленточное плетение; членения петель на целые не наблюдается. Плетенка второй пластины отличается также тем, что на поворотах плетение здесь по большой части не круглится, а изламывается, образуя прямой или тупой угол.

Сравнение кентавра псковской пластины с близкими по времени изображениями XI — первой половины XIII в. позволяет расширить наши представления об иконографии этого фантастического существа.

Изображений кентавров в древнерусском искусстве до середины XIII в. немного. Они выполнены из различного материала и происходят из разных областей Руси. Это деревянная резная колонна из Новгорода с кентавром в круге (XI в., 40—80-е годы) [6], два кентавра — белокаменные рельефы Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.) [7], кентавр на серебряном браслете-наруче из Тверского клада 1906 г. (70-е годы XII в.— 1240 г.) [8], кентавры — белокаменные рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) [9]. Всего по этим подсчетам известно семь изображений кентавра (кроме псковского) [10].

Главное различие в иконографии этой небольшой группы с общим сюжетом — в изображении «звериной» части тела. Известные изображения кентавров [11] можно подразделить на копытные и кентавры, мягколапые, барсоподобные (или львообразные) [12], иногда с лошадиным хвостом [13]. Кентавры копытные представлены двумя рельефами Дмитриевского собора, рельефом Георгиевского собора и кентавром на пластине из Пскова. Остальные кентавры — мягколапые, с когтями.

---

[6] *А. В. Арциховский.* Колонна из новгородских раскопок. ВМГУ, 1954, 4; *Б. А. Колчин.* Новгородские древности. Резное дерево. САИ, Е1-55. М., 1971, стр. 24.

[7] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Древней Руси. XII век. М., 1969, стр. 10, илл. 3, стр. 315, илл. 194.

[8] *Б. А. Рыбаков.* Прикладное искусство и скульптура. ИКДР, II. М.— Л., 1951, стр. 432, рис. 215, *1*; *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 27—29, 147, 148.

[9] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польский. М., 1964, стр. XXVIII, *а, б*, рис. 6, 9.

[10] Еще одно изображение кентавра — бронзовая пластинчатая фигурка из Старой Ладоги (ГЭ, ОИПК, Старая Ладога 2081/33) — сходно по многим чертам с владимиро-суздальскими рельефами, но не привлекается здесь, так как не датировано (из случайных находок 1911 г.). Приносим благодарность О. И. Давидан, указавшей на аналогию.

[11] Подобное подразделение прослеживается для рассматриваемого периода и в византийском, и в западноевропейском искусстве, где кентавры с конским туловищем обычны, но встречаются и кентавры с когтистыми лапами (*В. Н. Лазарев.* История византийской живописи, II. М., 1947, табл. 144, 207; *J. Weitzmann-Fiedler.* Romanische Bronzeschalen mit mythologischen Darstellungen. Ihre Beziehungen zur mittelalterlichen Schulliteratur und ihre Zweckbestimmung. ZfK, Bd XI, Heft 1—2, Berlin, 1957, Abb. 7, S. 7, 8; *Z. Kádár.* L'influence des peuples cavaliers nomades sur la formation des representations medievales de centaures. AAH, т. II. Budapest, 1952, fig. 1; *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е1-57. М., 1966, табл. 25, *2*).

[12] *А. В. Арциховский.* Ук. соч.; *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 114.

[13] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, табл. XXVIII, *б*, рис. 6.

Сравнение остальных деталей изображений показывает, что «копытные» и «мягколапые», при разнице в трактовке конечностей, имеют общие черты (расположение в профиль звериной части тела, сходство в деталях рубахи с манжетами и полосами на плечах, безбородое, за исключением кентавра с южного портала Георгиевского собора, лицо). Наряду с ними имеются повторяющиеся детали, встречающиеся в изображениях лишь некоторых кентавров разных групп (заяц в руке, булава, головной убор, определенные постановка конечностей и поворот головы).

Разница в изобразительной трактовке кентавра в древнерусском искусстве домонгольского периода объясняется, по-видимому, неоформившейся иконографией образа, что вызывало появление разных изображений, зависевших от кругозора и воображения мастеров и заказчиков. И все же именно в XII—XIII вв. образ кентавра приобретает некоторые устойчивые черты, унаследованные русским изобразительным искусством последующего периода.

На кентавре из Пскова нет никакого головного убора. Одежда его не имеет подробно разработанных деталей. Также без головного убора и деталировки одежды изображен кентавр на наруче из Тверского клада. Псковское изображение имеет следующие особенности: 1) поворот головы от направления движения на $^3/_4$ к «зрителю»; 2) наличие щита в левой руке; 3) подпруга (пояс) на конской части тела, украшенная S-образным завитком стилизованного растительного орнамента; 4) бинтовка в виде полос над копытами.

Композиционно фигура решена очень сходно с фигурами всадников, известными в живописи, скульптуре, торевтике и сфрагистике XI—XIII вв. Это наблюдение касается в первую очередь поворота человеческой части фигуры и лица кентавра.

Что касается позы конской части тела, то близких аналогий ей для рассматриваемого времени в композициях с всадниками не так уж много. В основном они встречаются в изображениях, вписанных в круг [14]. Но в отличие от изображения кентавра копыта передних поднятых ног этих коней всегда опущены (на пластине из Пскова они обращены вперед); бинтовка лошадиных ног отсутствует.

Моделировка лица кентавра имеет сходство с моделировкой лиц на ряде других предметов прикладного искусства [15].

Атрибуты, сопровождающие изображение кентавра на псковской пластине, находят себе аналогии в изобразительном искусстве и археологических находках XI—XIII вв.

Булава как атрибут кентавра не называется ни в античной, ни в средневековой литературе, хотя ряд сюжетов не исключает возможности подобного художественного воплощения [16]. Кентавры с булавами известны помимо русских памятников на игральных шашках XII в. западноевропейского происхождения [17].

Навершие булавы у кентавра на псковской пластине трехчастное, сквозное (верхний конец рукояти выходит наружу), причем средняя часть навершия значительно выступает относительно двух других, оформляющих вход и выход из сквозной втулки и плотно прилегающих к древку. Выступы средней части закругляются, образуя овал, несколько заостренный с левой стороны. Подобного изображения булавы в памятниках XII—XIII вв. нет. Навершия булав с выступом втулки у входного (ниж-

---

[14] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Древней Руси, стр. 249, илл. 152; *В. Л. Янин.* Актовые печати Древней Руси X—XV веков, т. I. М., 1970, табл. 19, *62—212*; *В. П. Даркевич.* Путями средневековых мастеров. М., 1972, стр. 61.

[15] Например, на новгородском гребне XIII в.— *Б. А. Колчин.* Ук. соч., табл. 36, *3*.

[16] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 114.

[17] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе, стр. 16, табл. 25, *2*.

него) и выходного отверстий и центральной частью, снабженной шипами, особенно характерны для XII—XIII вв. [18]

Булава на пластине ближе всего тем из разновидностей булав типов I, III и IV (по А. Н. Кирпичникову), которые имели заметно выступающие по длине рукояти концы втулки [19]. Датировка археологических находок таких булав не противоречит стратиграфической дате пластины (XII в.). Образцом для изображения на пластине могли послужить и одновременные и несколько более ранние реально существовавшие булавы.

Щит кентавра миндалевидной формы имеет немало аналогий в одновременных памятниках. Такие щиты широко употреблялись в Европе с XI в. и преобладают в изображениях домонгольского периода [20]. Отсутствие умбона на щите как будто бы говорит за отнесение его к типу миндалевидных щитов без умбонов, распространившихся с конца XII в. [21], но пропорции щита — скорее за более раннюю датировку. В сфрагистических памятниках середины XII в. миндалевидные щиты также изображались без умбонов [22]. Внешняя отделка щита кентавра не находит себе точной аналогии. Разделение щита вертикальной полосой встречается и в миниатюрах Радзивилловской летописи [23]. Если в нашем случае эта деталь оформления не несет чисто декоративной нагрузки, то, очевидно, может изображать долевой желоб, который служил для перегиба щита и был вместилищем для руки воина в целях более быстрого маневрирования щитом. Такого рода желоб свойствен так называемым павезам — щитам, относящимся ко второй половине XIV—XV вв. В таком случае появление долевого желоба может быть отнесено на 150 лет раньше, чем это принято в литературе [24].

Сочетание таких видов вооружения (булава и щит) в памятниках искусства и погребениях домонгольской Руси до сих пор не встречалось.

Подпруга кентавра — своеобразная черта псковского изображения, неизвестная в иконографии кентавра домонгольских памятников. S-видный завиток орнамента на подпруге имеет дополнительную «разделку» в верхней части и поперечные штришки посередине. Аналогии этому виду стилизованного растительного орнамента находим в домонгольских памятниках прикладного искусства [25], книжной орнаментации [26], фресковой живописи (в том числе орнаменте из композиции «Успение богоматери» в росписи Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове 1138—1156 гг.) [27], скульптуре [28]. Подобный мотив растительного орнамента известен и в ряде более поздних памятников XIII—XIV вв., но в домонгольских памятниках он не встречается ранее XII в.

Сравнение иконографии кентавра, атрибутов, постановки фигуры, орнамента седла на пластине с другими памятниками позволяет сделать

---

[18] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие. Вып. 2, САИ, Е1-36. М.— Л., 1966, стр. 49, рис. 10, III, IV; табл. XXIV, *1—3*, табл. XXVII, *1—5*, XXIX, *2, 3.*

[19] Там же, стр. 130, 131, табл. XXVI, *5*, XXIX, *1*, XXVII, *6, 7.*

[20] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие, вып. 3, САИ, Е1-36. Л., 1971, стр. 37, 38.

[21] Там же.

[22] *В. Л. Янин.* Ук. соч., т. I, табл. 49, *144, 145, 152, 157.*

[23] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие, вып. 3, рис. 33.

[24] *V. Denkstein.* Pavézy českého typu III. Sbornik Národniho muzea v Praze, řada A — historie — svazek XIX, 1965, čislo 1—5. Приносим благодарность А. Н. Кирпичникову за консультацию.

[25] *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971, стр. 42, илл. 45; *Г. Н. Бочаров.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, илл. 4, 22, 28; *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады в зарубежных собраниях. КСИА АН СССР, 129, 1972, стр. 29, рис. 10; *ее же.* Русские клады IX—XIII веков, табл. XXIX, *15.*

[26] *М. К. Каргер.* Живопись. ИКДР, II, стр. 384, рис. 180; *В. Н. Щепкин.* Болонская псалтырь. ИРЯ, II, вып. 4. СПб., 1906, стр. 32, цинкогр. V, *4, 7, 11.*

[27] *В. Н. Лазарев.* Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М., 1973, илл. 191, 202, 253; ИРИ, II. М., 1954, стр. 89.

[28] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, табл. Ха.

заключение, что изображение могло быть создано в середине или второй половине XII в., что не противоречит стратиграфической дате.

Многие детали в изображении на второй пластине находят себе аналогии в изображениях фантастических животных в древнерусском искусстве XII—XIII вв. В книжной миниатюре этого времени часто изображали собак или фантастических животных с головами, похожими на собачьи (например, в Юрьевском евангелии 1120—1123 гг.[29], болгарском Октоихе XIII в.[30], Музейном Евангелии XII—XIII вв.[31] и особенно Евангелии Лотыша, датируемом 1270 г., но с чертами архаики в украшении рукописи[32]). Исследователь Евангелия Лотыша О. С. Попова считает, что фигура собаки — чисто новгородский элемент тератологии[33]. Именно в книжной миниатюре мы находим сочетание таких атрибутов, сопровождающих изображение животных, как ошейник и подпруга (пояс)[34]. Даже орнамент и «покрой» подпруги у «собак» в инициалах Евангелия Лотыша и животного псковской пластины совпадают[35].

Сходная моделировка морды — у льва на одном из рисунков на полях Типографского Устава, датируемых XII в.[36] Не исключено, что эта рукопись, поступившая в XVII в. в Москву из Пскова, могла быть написана в Пскове[37].

Среди скульптурных рельефов древнерусского времени есть некоторые, сближающиеся с псковским фантастическим животным по моделировке фигуры и позе. Это в первую очередь рельефы из церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире[38]. Но столь близкого совпадения иконографии, какое наблюдается при сравнении с книжной миниатюрой, владимирские рельефы с изображениями волков (барсов) не дают.

Что касается атрибутов животного, то подпруга его, сходная с подпругой кентавра, как отмечалось, находит аналогии в книжной миниатюре, а ошейник часто встречается в древнерусских изображениях как реальных, так и фантастических животных[39]. Есть примеры украшения его бегунком[40].

Применение циркульного орнамента в оформлении фона центрального изображения пластины — один из ранних примеров художественного приема, известного по ряду других предметов прикладного искусства Древней Руси и Западной Европы. На накладных пластинах из Новгорода XIII—XIV вв. такую же роль играют круглые сквозные отверстия — как, например, в пластинах с изображением драконов[41]. На каменной форме для отливки створчатого браслета, найденной при раскопках в Пскове в 1969 г., изображение зверя кошачьей породы также сопровождается «глазками»,

---

[29] *В. В. Стасов.* Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. IV, *19*.

[30] Там же, табл. VIII, *8*.

[31] *Г. Н. Бочаров.* Ук. соч., илл. 80.

[32] *О. С. Попова.* Новгородская рукопись 1270 года. ЗОР ГБИЛ, 25. М., 1962, рис. 2, 8, 12, 14, 16—18.

[33] *О. С. Попова.* Ук. соч., стр. 208, 214.

[34] Октоих XIII в.— *В. В. Стасов.* Ук. соч., табл. VIII, *8*; Евангелие Лотыша — *О. С. Попова.* Ук. соч., рис. 8, 16.

[35] *О. С. Попова.* Ук. соч., рис. 14, 16.

[36] *Г. И. Вздорнов.* Рисунки на полях Типографского Устава. ДРИ. Рукописная книга. М., 1972, стр. 99.

[37] Возражения Г. И. Вздорнова против возможности создания рукописи в Пскове (Ук. соч., стр. 92) не представляются убедительными. Рост числа монастырей и церквей, находки берестяных грамот XII в. делают эту возможность вполне реальной.

[38] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Древней Руси, стр. 157, илл. 100, 101, стр. 274—276.

[39] *М. К. Каргер.* Живопись, ИКДР, т. II, стр. 360, рис. 161; *В. Бутовский.* История русского орнамента с X по XV ст., I. М., 1970, табл. XXI; *М. В. Алпатов.* Всеобщая история искусств. М., 1955, стр. 59. Встречается также в рельефах церкви Покрова на Нерли, Дмитриевского собора во Владимире, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, произведениях прикладного искусства.

[40] *И. М. Бибикова.* Монументальная декоративная резьба по дереву. РДИ, I, 1962, рис. 31.

[41] *Г. Н. Бочаров.* Ук. соч., илл. 92, 93.

выделяющими отдельные части тела животного (рис. 4) [42]. Подобный прием встречается в лиможских изделиях 20—30-х годов XIII в. [43]

Плетенка на пластинах придает изделию нарядность. В сочетании плетения с основным изображением имеется сходство с некоторыми серебряными браслетами [44]. Правда, в нашем случае плетенка расположена над основным изображением, а на браслетах наблюдается обратная взаимосвязь.

Плетенка на пластине с изображением кентавра не имеет точных аналогий, хотя ей близки плетеночный узор из двух овалов, расположенных косым крестом, встречающийся в памятниках прикладного искусства [45], и деталь инициала XIV в. со своеобразным изгибом петли [46].

Плетенка на другой пластине по плотности и характеру плетения напоминает орнамент некоторых восточных глаголических рукописей XI в. [47] Однако в рукописях она двухленточная, выступы петель скруглены. Примеры одноленточного плетения дают новгородские рукописи и предметы прикладного искусства XII—XIII вв. [48] Но в них плетение не столь плотное и чаще с выпущенными концами [49]. Изломы петель плетенки в книжной миниатюре считаются чертой скорее новгородской, чем болгарской [50].

Рис. 4. Фрагмент каменной литейной формы для отливки створчатого браслета из раскопок в Пскове

Разобщенность плетения и изображения фантастических животных говорит о создании пластин до периода сложения новгородской тератологии, начало которого относится к третьей четверти XIII в., а расцвет — к XIV—XV вв. [51]

Размещение основных изображений пластин в круговой рамке перекликается с многочисленными примерами изображения птицы и зверя в круге в русском искусстве домонгольского периода [52].

Резчик XII в., изготовлявший пластины, был хорошо знаком с художественными достижениями своего времени, и в частности с новгородской и, возможно, южнославянской книжной миниатюрой.

Сочетание в одном предмете изображений двух фантастических существ, вероятно, не было случайным. В русском прикладном искусстве более позднего периода кентавр иногда появляется в сопровождении фантастических птиц и животных, в том числе зверей с когтистыми лапами,

---

[42] $\frac{\text{ПИХАМЗ-5952}}{224}$; находка датируется концом XIV—XV вв.

[43] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе, стр. 12, табл. 22, *3*.

[44] *Б. А. Рыбаков.* Русалии и бог Симаргл-Переплут. СА, 1967, 2, стр. 108, рис. 10; стр. 111, рис. 14; стр. 116, рис. 18.

[45] *А. С. Спицын.* Курганы Санктпетербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского, МАР, 20. СПб., 1896, табл. XIII, *13*.

[46] *А. В. Арциховский.* Одежда. ИКДР, I. М.— Л., 1948, стр. 247, рис. 157.

[47] *В. В. Стасов.* Ук. соч., табл. CVII, *3, 12*; CVIII, *2*.

[48] *Г. Н. Бочаров.* Ук. соч., илл. 6, 8, 75.

[49] *О. С. Попова.* Ук. соч., рис. 12 и др.

[50] Там же, стр. 206, 207.

[51] Там же, стр. 196, 197, 297.

[52] *И. И. Плешанова.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид. ДРИ, Художественная культура Пскова. М., 1968, стр. 216.

как, например, на изразцах церкви Георгия со Взвоза в Пскове (1494 г.) [53]. В этой связи небезынтересно указание «Притчи царя Соломона о царе Китоврасе», где говорится, что последний «во дни царствует над людми, а в нощи обращашеся зверем Китоврасом и царствует над зверми» [54]. Быть может, зверь с собачьей мордой с псковской пластины и был представителем этого сказочного звериного царства Китовраса.

Все литературные произведения, в которых выступает Китоврас, дошли до нас в списках XIV—XVII—XVIII вв. [55], т. е. гораздо более поздних, чем домонгольские памятники искусства с изображением этого же героя. Наличие изображений Китовраса в домонгольских памятниках, а также и рассматриваемая находка подкрепляют предположение о знакомстве Киевской Руси с апокрифами о Соломоне и Китоврасе [56].

Что касается внешней характеристики образа, то названные апокрифы крайне скупы на детали и ограничиваются лишь упоминанием о том, что Китоврас был крылат [57] и с наступлением ночи превращался в зверя [58]. Более определенная характеристика кентавра (онокентавра) дается в «Физиологе» (по списку XIV в.): «...пол его есть чѣловека, а пол осляте» [59]. Сходное определение, восходящее к античной традиции, дано в сборнике последней четверти XV — начала XVI в.: «...ему же от пупа человеку быти, долнее же конь...» [60]. Как видим, литературная основа внешней характеристики Китовраса дает возможность судить о нем как о существе сказочном — по ряду памятников, наполовину человеке, наполовину коне. Таким он представлен и на псковской пластине.

Что касается атрибутов кентавра, то они не определяются литературными памятниками и различны в разных изображениях XII—XIII вв.

Кентавр — Китоврас псковской пластины — воин, сильный и решительный. Булава в его правой руке — не только оружие, но, возможно, и символ власти.

Несомненный интерес вызывает вопрос о связи псковской находки с более поздними изображениями кентавров в памятниках средневековой Руси. Для периода после XIII в. (XIV—XVII вв.) известно гораздо больше изображений кентавра, чем в домонгольское время.

Наиболее раннее из них — кентавр на одной из пластин Васильевских врат новгородского Софийского собора (1336 г.) [61]. Это также кентавры на монетах тверского князя Ивана Михайловича (1357—1425) [62], на «печати Феликса» из раскопок в Новгороде [63], на зеленых изразцах церкви Георгия со Взвоза (1494 г.) [64], на новгородских и псковских хоросах XV—XVI вв. [65],

---

[53] Памятники древнерусского зодчества. Псков — Л., 1968, табл. 17.

[54] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, стр. 59—61.

[55] Один из древнейших списков «Повести о Китоврасе» имеет псковское происхождение — *А. Н. Веселовский.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 212.

[56] История русской литературы, т. I. М.— Л,. 1941, стр. 75; *Г. К. Вагнер.* Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III. ТОДРЛ, XXIV, стр. 77.

[57] Памятники старинной русской литературы, вып. 3, стр. 52.

[58] Там же, стр. 59—61.

[59] *А. Карнеев.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, стр. 242, 143.

[60] *И. М. Кудрявцев.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию. ЗОР ГБИЛ, вып. 25. М., 1962, стр. 273.

[61] *В. Н. Лазарев.* Васильевские врата 1336 г. СА, XVIII, 1953, стр. 426, рис. 27.

[62] *И. Г. Спасский.* Русская монетная система. Л., 1970, стр. 91.

[63] *В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X — XV вв., т. II. М., 1970, стр. 219, табл. 35—701.

[64] *И. И. Плешанова.* Псковские архитектурные керамические пояса. СА, 1963, 2, стр. 211, 212, рис. 2 (точнее изображение передается фотографией — Памятники древнерусского зодчества. Псков, табл. 17).

[65] *А. П. Окладников.* Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, XIII, 1950, рис. 11, 12.

на псковских колоколах XVI в. [66], на красных рамочных изразцах XVII в. из Москвы [67], а также на штампах гончаров [68]. Из Пскова происходят два перстня с изображением кентавра [69]. Кентавры изображены на целой серии бронзовых зеркал XVII—XIX вв. из Сибири [70].

Совершенно новой, хотя и не всеобщей, чертой в иконографии кентавра в поздних памятниках является снабжение его крыльями, что говорит о связи с литературной основой образа.

Большинство поздних изображений кентавра представляют наполовину коня, хотя есть и «мягколапые» кентавры (изразцы церкви Георгия со Взвоза). Некоторые черты поздних изображений восходят только к кентавру псковской пластины (форма и орнаментация подпруги кентавра на Васильевских вратах, перевязка ног кентавра над копытами и введение розеток в поле вокруг изображения и между частями тела на зеркалах XVII в. с острова Фаддея и с низовьев Оби [71]). Булава и щит как атрибуты кентавров на некоторых новгородских и псковских хоросах и зеркалах из Сибири также восходят к традиции, представленной кентавром псковской пластины. Естественно считать, что кентавр, запечатленный на роговой пластине из Пскова,— одно из многих подобных изображений этого фантастического существа, распространенных в XII в. в Новгородской земле. Иконография кентавров, известных по памятникам XIV—XVII вв. новгородского и псковского происхождения, восходит, следовательно, к домонгольскому периоду и складывалась на той же территории.

Фантастический зверь типа изображенного на второй роговой пластине не находит себе точного повторения в более поздних памятниках, хотя тератологический орнамент повгородских рукописей и многие предметы прикладного искусства Новгорода и Пскова дают близкие примеры [72]. Некоторые сходные элементы изображения находим в русской вышивке XIX в. [73]

Сюжет и детали изображений на пластинах (атрибутика, одежда, моделировка тела, орнамент, композиция) так активно перекликаются с разными областями древнерусского искусства (прикладное искусство, скульптура, фреска, книжная миниатюра), что принадлежность находки к кругу изделий прикладного искусства Руси сомнений не вызывает.

Из сказанного выше следует также, что есть все основания считать, что изделие могло быть создано если не в Пскове, то где-то в пределах Новгородской земли. Изображение кентавра на пластине — одно из древнейших в русском искусстве, предшествовавшее во времени или одновременное рельефам Дмитриевского собора во Владимире.

Находка в Пскове расширяет наши представления о круге фантастических образов древнерусских искусства и литературы и позволяет живее и ярче представить духовный мир художника и горожанина XII в.

---

[66] *И. И. Плешанова.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид, стр. 210.

[67] *Р. Л. Розенфельдт.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, Е1-39, табл. 20(9), 21(19) — на последней таблице — Полкан.

[68] *Г. П. Латышева, М. Г. Рабинович.* Москва и Московский край в прошлом. М., 1973, стр. 165.

[69] *Ф. Ушаков.* По поводу псковских древних печатей. Тр. ОРСА, кн. V. СПб., 1901, стр. 313, рис. 5, 7.

[70] *А. П. Окладников.* Ук. соч.

[71] Там же, рис. 1, 4.

[72] *Г. П. Гроздилов.* Раскопки древнего Пскова (1954—1956 гг.). АСб. ГЭ, 4, стр. 68, рис. 54 (17); *И. К. Лабутина.* Раскопки у здания пединститута в Пскове. АО — 1973, М., 1974, стр. 16; *И. Г. Спасский.* Ук. соч., стр. 94; *И. И. Плешанова.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид, стр. 209, 211, 213, 215.

[73] *Н. Н. Иванова, Т. Б. Митлянская, Л. К. Розова.* Музей народного искусства М., 1972, стр. 59.

I. K. Laboutina, O. A. Kondratieva

PLAQUES REPRESENTANT LE CENTAURE ET UN ANIMAL FABULEUX TROUVEES DANS LES FOUILLES DE PSKOV

Résumé

On a découvert près de Pskov, en 1972, deux plaques de corne, sur lesquelles étaient représentés des êtres fantastiques (ill. 1, 2); elles constituaient la face d'un étui (ou d'une bourse) (ill. 3). La date stratigraphique de la trouvaille (le XIIe s.) est confirmée par l'étude des figures représentées sur ces plaques, en particulier la représentation d'un centaure et des attributs qui l'accompagnent, ainsi que de l'ornement. L'objet a pu être fait au milieu ou dans la seconde moitié du XIIe s. Le centaure de cette plaque est la huitième représentation exactement datée de cet être fantastique dans l'art russe de l'époque prémongole. L'animal fabuleux figuré sur l'autre plaque présente des analogies avec les miniatures des manuscrits et la sculpture de la Russie ancienne. On peut confronter la figure du centaure avec le personnage de Kitovras, ce qui est un argument de plus en faveur de l'opinion suivant laquelle la Russie de Kiev aurait connu les apocryphes sur l'histoire de Salomon et de Kitovras. Cette représentation de centaure sur la plaque est l'une des premières dans l'art russe ancien. Il y a lieu de croire que l'objet étudié a été fait à Pskov ou en un autre lieu des possessions de Novgorod.

П. А. РАППОПОРТ

СОБОР ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ НА КЛОВКЕ В СМОЛЕНСКЕ

Наиболее ранние сведения о существовании в Смоленске Троицкого монастыря содержатся в документе 1506 г., где он упомянут среди «общинных» монастырей [1]. Позднее Троицкий монастырь оказался тесно связанным с бурными событиями польско-русской борьбы за Смоленск в первой половине XVII в. В 1609 г. русские воеводы М. Шеин и П. Горчаков доносили царю, что польские войска, «пришед под Смоленеск, стали в Троетцком и в Спаском... и в Духовском монастырех» [2]. Известно о Троицком монастыре и из польских источников этого времени. Так, он упоминается как пригородный монастырь в «дневнике Самуила Бельского» (1609 г.) [3]. По-видимому, монастырь сильно пострадал во время осады, поскольку в записи иезуитов, сделанной в 1617 г., указано: «...четыре монастыря находятся за стенами крепости: от них остались только стены храмов. Первый — Спасителя на горе. Второй — Св. Троицы...» [4]. Во время осады Смоленска русскими войсками в 1633 г. вокруг монастыря располагался «обоз Прозоровского», т. е. база той части русской армии, которая осаждала Смоленск с запада [5]. Когда воевода Прозоровский снял неудавшуюся осаду и отошел на соединение с основными силами русской армии, он «зажег и взорвал порохом» церковь св. Троицы [6]. На гравюре В. Гондиуса, исполненной по рисункам с натуры Иоанна Плейтнера, сделанным в 1634 г., собор Троицкого монастыря у устья речки Кловки изображен уже в виде здания, лишенного сводов [7]. После этой катастрофы постройки монастыря, видимо, более не восстанавливались, а территория была передана Троицкому монастырю, обосновавшемуся на новом месте, в центральной части города. В документе 1680 г. эта земля названа уже «пустошью Кловкой» [8].

К началу XIX в. у устья Кловки сохранялись лишь «следы фундамента» Троицкого монастыря [9]. М. Полесский-Щепилло, первый историк, начавший археологические раскопки памятников смоленского зодчества,

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1. СПб., 1846, стр. 370, № 224.

[2] Акты исторические, т. 2. СПб., 1841, стр. 318, № 266.

[3] Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским, т. 3. М., 1848, стр. 6 и 18.

[4] Погодные записки Смоленских иезуитов. Смоленская старина. Вып. 3, ч. 2. Смоленск, 1916, стр. 27.

[5] См. чертеж осады Смоленска, исполненный в 1633 г. Чертеж приложен к книге — Biblioteka ordynacyi Krasińskich, t. 13, Warszawa, 1895.

[6] Об этом писал, например, в письме брату участник войны Ян Москоржевский в сентябре 1633 г. (там же, стр. 42).

[7] Материалы Военно-ученого архива. Картографические материалы. Вып. 2. СПб., 1904, стр. 48. Под номером 67 «русская церковь св. Троицы», изображенная в ограде лагеря Прозоровского.

[8] Смоленская старина. Вып. I, ч. 2. Смоленск, 1911, стр. 43.

[9] Взгляд на достопримечательные здания в городе Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. «Отечественные записки», сентябрь 1826 г. № 77, стр. 315.

отметил, что «к важным же историческим остаткам монастыря Троицкого... рука археолога еще не прикасалась» [10].

По вопросу о том, к какому времени относится церковь Троицкого монастыря, мнения историков расходились. С. П. Писарев считал, что церковь построена в XV—XVI вв., и ссылался при этом на то, что она сложена из позднего, брусчатого кирпича [11]. В противовес этому И. И. Орловский отметил, что по типу кирпича церковь несомненно относится к XII—XIII вв. [12] Оба историка достаточно хорошо знали древние смоленские памятники, чтобы не спутать кирпичную кладку XII—XIII вв. с кладкой XV—XVI вв. Очевидно, С. П. Писарев видел не ту постройку, которую рассматривал И. И. Орловский. Следует отметить, что И. И. Орловский находился в более выгодном положении, так как присутствовал при каких-то небольших любительских раскопках. Он писал, что развалины монастыря «еще не исследованы научно, а только любительски и то немного и недавно (1907—1908 гг.)» [13]. Здание церкви было все же вскрыто настолько, что И. И. Орловский смог отметить наличие столбов и трех алтарных апсид. Перед храмом, к западу и «немного вправо к берегу Днепра» он видел постройку литовского времени. Впрочем, окончательно вопрос о дате древнего храма так и не был решен. Поэтому П. Цветков справедливо писал: «Только научно поставленное исследование остатков могло бы показать, какой древности главная часть монастыря и что в нем является позднейшею пристройкой» [14]. Вплоть до начала XX в. на площадке древнего монастыря стоял дом, принадлежавший городскому Троицкому монастырю [15]. После разрушения этого дома здесь ничего больше не строили. В настоящее время на территории монастыря возвышаются три всхолмления: западное и восточное примыкают к краю береговой надпойменной террасы Днепра, а среднее всхолмление, самое большое по площади, расположено чуть дальше от берега.

В 1964 г. была проведена археологическая разведка на западном всхолмлении, а в 1972 г.— на восточном. Всхолмления были прорезаны траншеями. Выяснилось, что оба всхолмления представляют собой остатки построек, относящихся к XV—XVI вв. Вероятно, это были хозяйственные сооружения Троицкого монастыря. Вместе с тем находки в траншеях кусков плинфы и прослоек плинфяного щебня свидетельствовали о наличии неподалеку руин более древнего здания. Стало ясно, что под средним, наиболее крупным всхолмлением лежат остатки собора Троицкого монастыря — постройки домонгольского времени. Раскопки собора были начаты в 1972 г. Здание храма сохранилось на высоту около 1 *м*, причем стены его почти не были испорчены ямами или погребениями. Очень хорошо была выявлена профилировка пучковых пилястр (рис. 1). Учитывая относительно хорошую сохранность памятника, решено было вскрывать его не целиком, а лишь наполовину, к северу от продольной оси, чтобы меньше нарушить древние кладки. Этим обеспечивалась возможность в будущем вновь и полностью вскрыть весь храм для его консервации и экспонирования. В 1973 г. раскопки северной половины храма были завершены и руины вновь тщательно засыпаны.

Собор Троицкого монастыря представлял собой большой храм, очень близкий по своей композиционной схеме смоленской церкви архангела

---

[10] *М. Полесский-Щепилло.* Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины и восточном предместьи г. Смоленска. Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 год. Смоленск, стр. 37.

[11] *С. П. Писарев.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, стр. 25.

[12] *И. Орловский.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. Смоленская старина. Вып. I. Смоленск, 1909, стр. 237, прим. 4.

[13] Там же, стр. 237.

[14] Указатель церковных древностей г. Смоленска. Смоленск, 1912, стр. 88.

[15] Дом и сарай здесь стояли еще в 1911 г. См. Архив Ленингр. отд. ИА АН СССР, ф. 1. д. 18—в за 1888 г., л. 60.

Михаила (так называемой Свирской церкви). Несмотря на то что храм был раскопан только наполовину, явная симметрия его плановой схемы не вызывает сомнений (рис. 2). При раскопках были вскрыты оба плечика центральной апсиды, что позволяет точно определить ширину подкупольного пространства, а следовательно, полностью реконструировать весь план здания (рис. 3, *А*).

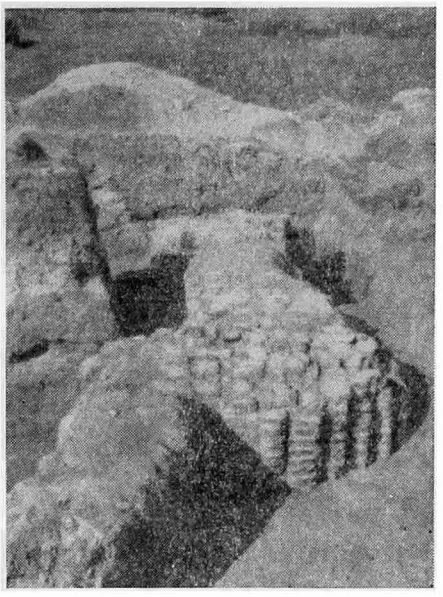


Рис. 1. Собор Троицкого монастыря на Кловке. Раскопки северного притвора

Разбивка плана раскопанного здания не вполне геометрически правильна и имеет некоторые неточности и искривления. Особенно заметна скошенность западного притвора и поворот пучковой пилястры северо-восточного угла здания. На схеме реконструкции часть этих деформаций опущена. Собор четырехстолпный, с большой полукруглой центральной апсидой и боковыми апсидами, имеющими снаружи прямоугольные очертания. К основному объему с трех сторон примыкают притворы, полностью открытые вовнутрь храма. Северный притвор (и, очевидно, также и южный) имеет самостоятельную маленькую апсиду. Основное здание храма (без притворов) имеет длину 20,0 *м*, ширину 15,25 *м*. Вместе с притворами длина храма 25,5 *м*, ширина 26,7 *м*. Длина подкупольного пространства 5,54 *м*, ширина 4,75 *м*. Северный притвор храма почти квадратный; его внутренние размеры сторон — около 4,2 *м*. Толщина стен здания колеблется в основном от 1,5 до 1,6 *м*, но на некоторых участках составляет всего 1,4 *м* (северная стена притвора) и даже 1,36 *м* (северная стена храма на участке восточнее притвора). Толщина стенки центральной апсиды 1,20—1,35 *м*, а стенки апсиды северного притвора — 0,92 *м*. Столбы храма квадратные, со сторонами 1,75—1,85 *м*, с очень небольшими впадинами-закрестиями (размером всего 18—20 *см*), придающими столбам крестообразную форму. Ориентация продольной оси храма — по азимуту 78°.

Стены сложены из кирпичей-плинфы. Кирпичи хорошей формовки и нормального обжига. В изломе они слегка слоисты, кирпично-красного цвета, без посторонних включений. Толщина кирпичей от 3,5 до 4,5 *см*, ширина от 19,0 до 20,5 *см* (изредка меньше, до 18 *см*), длина 26,5—27,0 *см*. Кроме обычных кирпичей встречаются три типа лекальных кирпичей: 1) обычные по размеру кирпичи с одним скругленным углом (т. е. четверть круга); 2) более узкие кирпичи, шириной около 15 *см*, с плоскоскругленным торцом, используемые для выкладки полуколонок; 3) трапециевидные. Раствор в кладке известковый, прочный, розоватый. Он включает довольно крупный песок (типа мелкого гравия), крупные и мелкие кусочки битого кирпича. Есть включения кусочков серого шлака и небольшое количество угольков.

Кладка порядовая. Горизонтальные швы примерно равны толщине кирпичей. Наружняя и внутренняя поверхности стен выложены из цельных кирпичей, а толща стен между ними — из битых кирпичей, но с соблюдением горизонтальных швов. На поверхность стен выходят, как правило, короткие торцы кирпичей, т. е. тычки, хотя встречаются участки, где ряд кирпичей на довольно значительном протяжении выходит на фасад длинными сторонами, т. е. ложками. В целом кладка аккуратная, хотя в нижних частях стен она местами несколько менее правильная. Раствор на

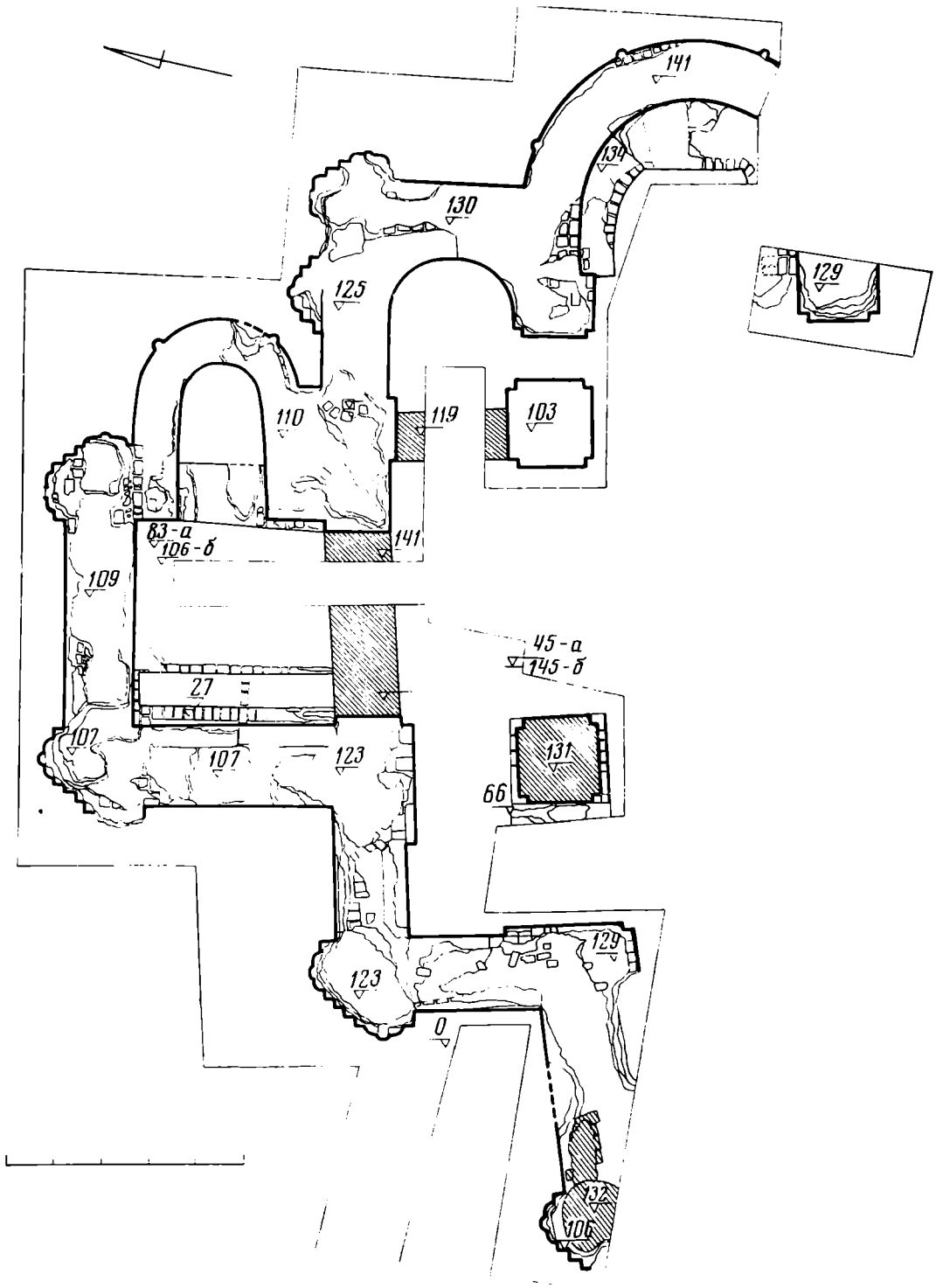


Рис. 2. Собор Троицкого монастыря на Кловке. План (по итогам раскопок 1972—1973 гг.). Цифры — высота в *см* от уровня древней поверхности земли в районе северо-западного угла здания. *а* — уровень древнего пола; *б* — уровень пола после реконструкции

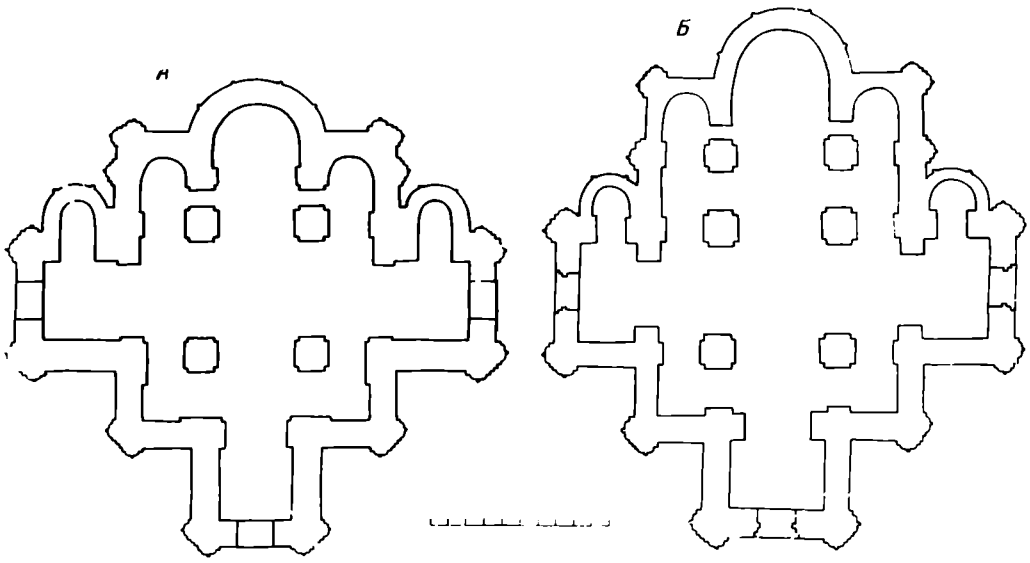


Рис. 3. *А* — план собора Троицкого монастыря (реконструкция); *Б* — план церкви архангела Михаила

наружной поверхности стен слегка затерт, но, как правило, не имеет специальной подрезки швов. Встречаются, однако, участки, где швы подрезаны наискось кверху, т. е. раствор несколько отступает вглубь от поверхности каждого верхнего кирпича. Встречаются также швы, имеющие округло-вогнутую форму. На торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки, причем можно отметить, что одинаковые знаки большей частью применяются в кладке одного и того же участка здания. Так, в кладке северного притвора многократно повторяется «княжеский знак» в виде двузубца (рис. 4).

Вся схема плана раскопанного здания не оставляет сомнений в полной одновременности его замысла и выполнения. Тем не менее в нескольких местах между различными участками кладки имеются швы. Отмечено, что центральная апсида храма в нижних 10 рядах кладки построена без перевязи с основным объемом здания. Перевязка кирпичной кладки начинается здесь лишь с 11-го ряда.

В основании стен, приблизительно в уровне древней поверхности земли, имеется кирпичная вымостка. Нижний ряд этой вымостки, лежащий непосредственно на фундаменте, сложен большей частью из кусков кирпичей без раствора, а выше идет несколько рядов кирпичной кладки на растворе. Толщина вымостки на разных участках здания неодинакова. Так, под северо-западным и северо-восточным углами храма вымостка имеет три ряда кирпичной кладки, а под северо-западным, подкупольным столбом — шесть рядов. Вымостка под апсидой северного притвора состоит из четырех рядов, а под второй с востока пилястрой северной стены храма — всего из одного ряда кладки. В большинстве случаев вымостка несколько шире стен и поэтому выступает наружу примерно на 30—50 *см*. Однако на некоторых участках вымостка неточно совпадает с положением и формой вышележащих стен и пилястр. Так, например, вымостка под северо-западным углом храма имеет прямоугольное расширение, не отвечающее форме сложнопрофилированных пилястр, а под северо-восточным углом не только повторяет всю профилировку пилястр, но имеет еще более сложный рисунок, чем сами пилястры (рис. 5 и 6). Кроме того, вымостка под основаниями пилястр часто расположена не вполне точно под пилястрами. Очевидно, после того как была выполнена вымостка, производилась новая разбивка плана здания, иногда в некоторых деталях не совпадавшая с первоначальным планом.

Рис. 4. Знак на кирпиче

Фундаменты собора прорезают гумусный слой древней поверхности толщиной 15—20 *см*, местами до 40 *см*. В нем встречаются редкие фрагменты керамики XII в. Ниже залегает материковый песок.

Фундаменты состоят из булыжников, лежащих без связующего раствора. Размер камней — около 10 *см*, изредка крупнее. Фундаменты стен и столбов имеют глубину около 1 *м*, но под апсидой северного притвора глубина фундамента всего 0,4 *м*. По ширине фундаменты большей частью приблизительно равны ширине вышележащих стен, хотя кое-где как ширина, так и положение фундаментов неточно отвечают стоящим на них частям здания. Помимо фундаментов, лежащих под стенами и столбами, в нескольких местах обнаружены ленточные фундаменты, проходившие под полом храма. Такие фундаменты отмечены поперек апсиды северного притвора (по линии восточной стены притвора), поперек проема, ведущего из храма в северный притвор (по линии северной стены основного объема храма), а также от северо-восточного подкупольного столба к северной стене и от северо-западного столба к западной стене храма. Поверх этих ленточных фундаментов лежали кирпичные вымостки, имевшие различную толщину — от одного до восьми рядов кирпичной кладки на растворе.

Внутри здания поверх древнего уровня земли всюду лежит мощный слой песчаной подсыпки, достигающий местами толщины более 1 *м*. В этом слое подсыпки встречаются нерегулярные прослойки глины и гумуса, а в верхней части — тонкая прослойка более светлого песка. Еще выше кое-где сохранилась тонкая прослойка пластичной красной глины, очевидно отмечающая уровень древнего пола храма. Как выяснилось, этот уровень пола не был строго горизонтален; к северу он немного понижался, причем разница отметок в средней и северной частях достигала почти 30 *см*. Пол находился примерно на 1,0—1,1, *м* выше поверхности земли вне здания. Этим объясняется отсутствие основания портала в раскопанной северной стенке северного притвора. Кирпичная кладка этой стены сохранилась до высоты 1,1 *м* от древнего уровня земли, а основание портала, видимо, начиналось выше. Несомненно, что к порталам храма должны были вести лестницы, остатки которых, к сожалению, не сохранились. О том, что стены храма снаружи первоначально не были присыпаны землей, свидетельствует наличие на некоторых участках самого низа стен остатков наружной известковой обмазки, а также выбоины, имеющиеся на нижних частях стен; такие повреждения поверхности не могли иметь места, если бы стены изначала были прикрыты земляной подсыпкой.

Покрытие древнего пола нигде не сохранилось. В раскопках найдены лишь куски поливных плиток пола, относящиеся к двум различным наборам. Плитки первого типа (квадратные —14×14 *см*, толщиной около 3 *см*) встречались главным образом при раскопках северного притвора. Тесто плиток плотное, розово-красного цвета у поверхности и темно-серого внутри. Края плиток вертикальные или слегка скошенные. К этому же набору относятся треугольные плитки (основание треугольника 16 *см*, высота около 7 *см*). Все плитки, как квадратные, так и треугольные, покрыты одноцветной поливой — зеленого, желтого или оливково-черного цвета. Плиток другого типа найдено всего несколько фрагментов. Это

были уголки, т. е. узкие плитки (шириной 3,2—3,3 *см*), имеющие поворот под прямым углом. Толщина их 2,0—2,4 *см*. Тесто плиток точно такое же, как плиток первого набора, края также вертикальные или слегка скошенные. Полива зеленая или черная, но в обоих случаях на гладком поле размещены желтые кружки диаметром 1,5—1,8 *см*. Есть обломок с желтой поливой и зелеными кружками. Из двух таких уголков собиралась квадратная рамка, имеющая наружные стороны несколько меньше 12 *см*, с квадратным отверстием размером 5,6×5,6 *см*. Отверстие это заполнялось квадратной плиткой. Была найдена одна такая плитка, покрытая желтой поливой.

В центральной апсиде сохранилось основание скамьи для клира. Скамья имеет ширину от 0,5 до 0,7 *м*, а в средней части расширяется, образуя площадку — видимо, основание кресла игумена. Скамья сложена из кирпичей на растворе. При раскопках было обнаружено четыре ряда кирпичной кладки скамьи, но первоначально она была несколько выше. Пол центральной апсиды был вымощен двумя рядами кирпичей на растворе, а под полом лежит слой раствора толщиной до 8 *см*. Этот кирпичный пол апсиды был расположен в уровне пола остальных частей храма.

Здание собора было первоначально построено без аркосольных ниш. Однако вскоре после постройки в стенах были вырублены ниши для погребений. Так, в западной стене северного притвора была вырублена длинная ниша, перегороженная затем стенкой на две части. Стенка сложена в один ряд кирпичей на глине. Ширина ниши около 50 *см*, а длина каждой из образовавшихся, таким образом, двух ниш — по 1,9 *м*. Рядом с нишами в полу притвора были сделаны две гробницы со стенками, сложенными из кирпичей на глине. Размер каждой гробницы 0,6×1,9 *м*. Земляное дно этих гробниц лежит на 12 *см* ниже пола ниш, вырубленных в стене, и примерно на 70 *см* ниже уровня древнего пола. Ко времени раскопок кирпичные стенки гробниц поднимались на высоту до 85 *см*, т. е. несколько выше древнего пола. Кирпичи, из которых сложены стенки гробниц и стенка между нишами, вырубленными в стене притвора, имеют размер 3,2—3,5×18,5×26 *см*. Судя по этим размерам кирпича, погребения были сделаны немного позже постройки храма. В кирпичных гробницах при раскопках были найдены сильно потревоженные мужские скелеты без вещей.

Другая ниша для погребений была вырублена в северной стене западного притвора. Ниша была застроена стенкой в один кирпич, а по наружную сторону этой стенки имелись остатки другого захоронения, сделанного ниже уровня пола. Эти погребения оказались сильно разрушенными.

Следует отметить, что при раскопках почти не встречались остатки штукатурки с фресками, но при расчистке погребальных ниш в северном и западном притворах было найдено много обломков штукатурки с фресковой росписью. Там же найден один гвоздь с широкой шляпкой, по-видимому, для крепления штукатурки с росписью. Очевидно, храм в целом не был расписан, но погребения в его притворах были украшены фресковой живописью. Фресковая роспись исполнена по штукатурке двух типов: 1) серой грубой штукатурке с песком и включениями кусочков камня и кирпича (толщина слоя штукатурки разная — от 1 до 7 *см*); 2) белой однородной штукатурке без включений песка (толщина не более 5 *см*). Встречаются обломки, где роспись исполнена на тонком слое белой штукатурки, лежащем поверх слоя серой штукатурки. Содержание росписи — в основном фоны и фрагменты орнамента, хотя найдены и части фигур (например, пальцы рук некрупной фигуры). Краски нанесены ровным тонким слоем, видимо по сырой штукатурке, но есть и прописки, выполненные по сухому грунту.

Снаружи на нижней части храма в нескольких местах найдены остатки штукатурной обмазки кремового цвета.

При раскопках найдено очень мало фрагментов верхних частей здания. У северной стены северного притвора обнаружен небольшой кусок листового свинца, видимо от кровли. Толщина листа около 0,5 *см*. Найден также обломок сосуда черного теста с неровной внутренней поверхностью, по-видимому голосник.

Раскопки собора Троицкого монастыря показали, что храм этот еще в древности испытал какую-то катастрофу, при которой его верхние части обрушились. После этого храм был восстановлен. При восстановлении

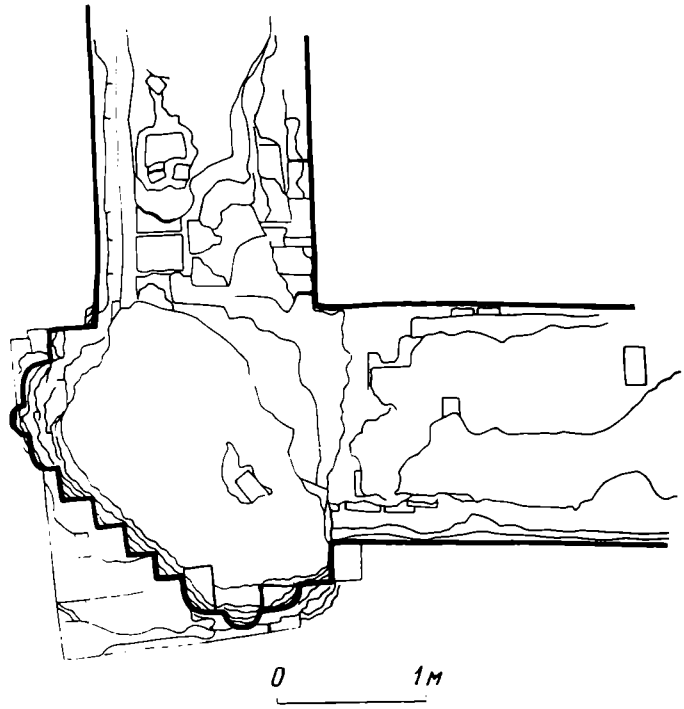


Рис. 5. Северо-западный угол храма

здания были полностью переложены подкупольные столбы. Северо-восточный столб сохранил лишь несколько нижних рядов древней кладки, а северо-западный столб переложен до основания, хотя стоит на древней кирпичной вымостке. Формат кирпичей, из которых сложены при реконструкции столбы, 7,0—8,0×12,5—13,9×27,0—28,5 *см*. Раствор известковый, светло-серый. При перестройке был почти целиком переложен и западный притвор, стены которого сохранили древнюю кладку на высоту не более 1 *м*, а выше сложены из брусчатого кирпича. На углу западного притвора при этом была возведена какая-то круглая конструкция, быть может столб диаметром около 1,5 *м*.

Кроме этих капитальных перестроек, внутри собора были возведены дополнительные стенки: 1) отделившая северный притвор от основного помещения и 2) соединившая северо-восточный столб с северной стеной и тем самым выделившая северную апсиду в отдельное помещение. Стенки эти сложены из кирпичей, имеющих размер 7,5—8,0×12,0—13,0×28,0—30,0 *см*, т. е. неточно совпадающих с кирпичами, использованными при перестройке столбов. Таким образом, постройка внутренних стенок, видимо, не совпадает по времени с капитальной реконструкцией всего здания.

При перестройке столбов и постройке новых стенок в подсыпке древнего пола были отрыты траншеи, что хорошо видно на разрезах. После этого поверх древнего пола была сделана песчаная подсыпка, поднявшая уровень пола примерно на 30 *см* выше первоначального. В районе северо-

западного подкупольного столба в этом слое подсыпки были обнаружены два небольших блока древней кладки, видимо, упавшие сверху при обрушении здания и продавившие древний пол. При реконструкции храма эти блоки не были убраны, а лишь засыпаны слоем нового пола. Новый уровень поверхности пола повсюду носит следы пожара — углистую прослойку, очевидно связанную с взрывом и пожаром здания в 1633 г.

Покрытие нового пола нигде не сохранилось, но в раскопках найдены поливные плитки, вероятно покрывавшие этот пол. Плитки большие, напоминающие квадратные кирпичи, покрытые поливой. Их размер 20×20 *см* при толщине около 4 *см*. Тесто насквозь красное, слегка раковистое в изломе. Края плиток вертикальные, очень четко формованные. Полива ярко-зеленая или желтая, причем желтый цвет незаглушенный. Датировка этих плиток неясна, но вероятнее, что они относятся ко времени реконструкции храма, а не к первоначальному этапу строительства.

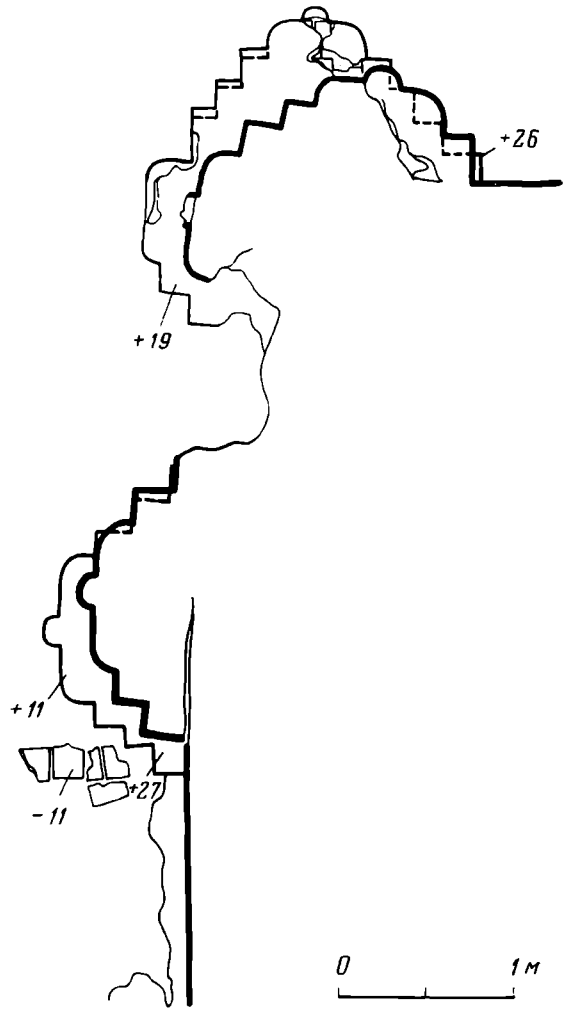


Рис. 6. Северо-восточный угол храма

При реконструкции храма очень существенные работы были проведены снаружи здания, в результате чего значительно повысился уровень земли вокруг него. Поверх материкового грунта вокруг собора всюду лежит темный гумусный слой древней поверхности почвы. Близ стен здания кое-где видны тонкие прослойки (не более 4 *см*) чистого песка, выброшенного при отрывании фундамента. Над этими прослойками виден тонкий слой серого гумуса, образовавшегося за время существования собора до его реконструкции. Во время реконструкции вокруг собора насыпали мощный слой мелко битого древнего кирпича и раствора. Очевидно, что для этой цели разбили и измельчили рухнувшие части древнего храма. Уровень земли вокруг храма был поднят почти на 1 *м*, а общий объем сделанной насыпи — около 1 тыс. $м^3$. Учитывая, что в составе этой щебеночной насыпи 0,6 составляет чистый кирпичный бой, получим объем использованного для этой цели кирпича — около 600 $м^3$, или примерно 300 тыс. штук древних кирпичей. При всей неточности и условности такого подсчета ясно, что при реконструкции была заменена новой кладкой очень значительная часть здания. Видимо, когда в 1633 г. воевода Прозоровский взорвал Троицкий собор, вся верхняя часть этого собора была уже не первоначальной, а созданной при реконструкции.

Следует отметить, что при реконструкции строители пытались сохранить архитектурные формы древнего храма, для чего изготовляли лекальные кирпичи такого же профиля, как кирпичи для древних тонких полу-

колонок. Эти кирпичи отличаются от древних своим тестом и толщиной (8 *см*). На наружных стенах храма выше уровня щебеночной подсыпки имеются многочисленные куски серой штукатурной обмазки. О том, что эта обмазка была исполнена после реконструкции, свидетельствует утолщение слоя обмазки как раз к границе щебеночного слоя, т. е. к уровню земли после реконструкции. В одном случае обмазка заходила даже на щебеночный слой, образуя на нем заливку. При раскопках были найдены два кусочка свинцовых палочек, имеющих профиль, напоминающий современный двутавровый прокат,— остатки переплета оконных витражей. Вероятно, витражи относятся ко времени реконструкции храма или же к какому-то более раннему этапу его переоборудования, но вряд ли их можно считать современными первоначальному строительству.

К какому же времени можно отнести строительство собора Троицкого монастыря и его реконструкцию? Строительство здания может быть датировано с достаточно большой точностью: храм был построен в годы, очень близкие ко времени строительства церкви архангела Михаила. Связь между этими двумя зданиями не вызывает сомнений. Здесь почти целиком совпадают как общая композиционная схема, так и многие размеры, архитектурные формы, детали строительной техники. Зодчие Троицкого собора явно пытались несколько видоизменить схему Михайловской церкви, придав ей еще большую остроту композиции и пойдя, при этом, даже на частичное нарушение логики конструкции. Классически ясная и логичная схема смоленской церкви архангела Михаила была заимствована смоленскими зодчими из архитектуры соседней Полоцкой земли. Ближайшим образцом здесь был, видимо, храм на детинце в Полоцке, раскопанный в 1966—1967 гг.[16] В архитектуре Смоленска данный тип храма появился внезапно, не имея подготовительных форм и традиций развития. В полоцком же зодчестве истоки этой композиции прослеживаются уже с первой половины XII в. Так, например, прообраз такой схемы можно видеть в соборе Бельчицкого монастыря, где, как и в смоленской Михайловской церкви, имеются три притвора, а подкупольный квадрат перенесен на одно членение к западу[17].

Очевидно, таким образом, что зодчие собора Троицкого монастыря на Кловке отталкивались в своих исканиях от уже созданного памятника — Михайловской церкви, усложняя и разрабатывая ее структуру. Поэтому Троицкий собор по времени своего построения должен быть поставлен сразу же после Михайловской церкви, т. е. в 90-е годы XII в.

Реконструкция храма, судя по формату кирпича и характеру кладки переложенных подкупольных столбов, была осуществлена в XV или XVI в. Поверх щебеночного слоя, созданного при реконструкции вокруг храма, успел нарасти достаточно толстый (15—20 *см*) слой гумуса, прикрытый развалом здания, связанным с событиями 1633 г. Следовательно, до этих событий здание функционировало длительное время. Поэтому вряд ли возможно относить реконструкцию к концу XVI в., ко времени строительства смоленских крепостных стен. К тому же форматы кирпичей смоленской крепости и переложенных столбов собора на Кловке не совпадают. Гораздо вероятнее, что верхняя часть собора рухнула раньше, еще в XV в., а реконструкция была осуществлена после перехода Смоленска в руки московского правительства, т. е. в начале XVI в. Надо полагать, что возвращенному в состав Русского государства Смоленску в это время должны были оказывать особое внимание и, конечно, в первую очередь восстанавливать «идеологические опоры» власти Москвы — православные монастыри.

Раскопки собора Троицкого монастыря позволили определить не толь-

[16] *М. К. Каргер.* К истории полоцкого зодчества XII в. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 202.

[17] *Н. Н. Воронин.* Бельчицкие руины. Архитектурное наследство, 6. М., 1956, стр. 15.

Рис. 7. Профилировка восточного угла северного притвора

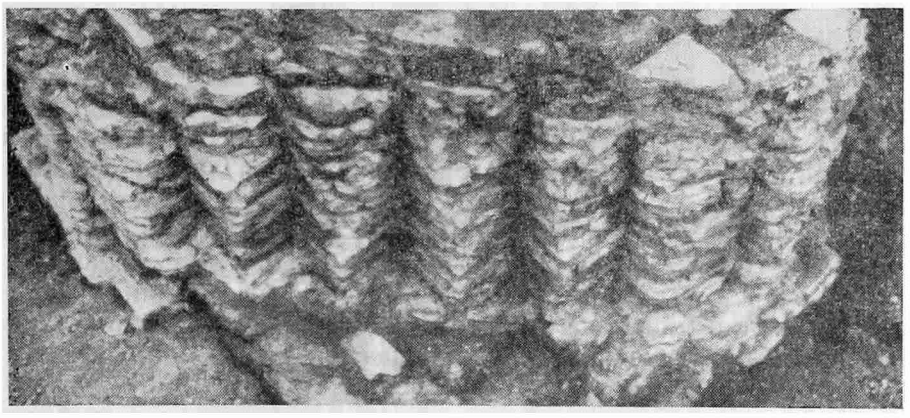


Рис. 8. Профилировка северо-западного угла здания

ко план здания, но и многие черты его декоративного убранства. Одна из наиболее характерных особенностей храма — профилировка его пилястр, которая придает зданию особую остроту и выразительность. Сложнопрофилированные пучковые пилястры выложены с применением лекальных кирпичей (рис. 7 и 8). Узкие кирпичи с уплощенно-полукруглым торцом использовались для выкладки тонких полуколонок в середине каждой пучковой пилястры. Следующий уступ — скругленная лопатка — выкладывался с помощью четвертькружных кирпичей. Остальные уступы прямоугольные, сложенные из обычных кирпичей. Такая система профилировки почти полностью совпадает с профилировкой Михайловской церкви, но несколько сложнее. Так, в Михайловской церкви в угловых пилястрах западных углов (как в основном здании, так и в притворах) между двумя смежными пилястрами введен еще один уступ, а в Троицком соборе — два уступа. В восточном углу северного притвора Михайловской церкви между пилястрами нет дополнительного уступа, а в Троицком соборе такой уступ имеется. Вторая с востока пилястра северной стены в Михайловской церкви имеет всего одно прямоугольное членение, а в Троицком соборе — два. Таким образом, в соборе Троицкого монастыря почти все пучковые пилястры на одно членение сложнее, чем в церкви архангела Михаила. В этом отношении профилировка Троицкого собора сближается, хотя и не вполне точно совпадает, с профилировкой новгородской Пятницкой церкви. Несомненно, что это не случайное сходство. То, что новгородская Пятницкая церковь была возведена под руководством смолен-

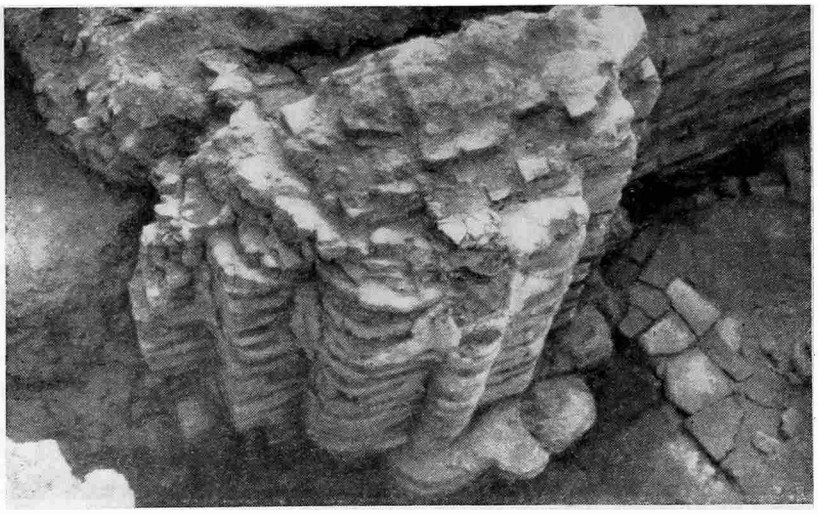


Рис. 9. Вторая с востока пилястра северной стены

ского зодчего, не вызывает сомнений [18]. Близость плановой схемы и общей композиции новгородской Пятницкой и смоленской Михайловской церквей отмечали многие исследователи. Раскопки собора Троицкого монастыря на Кловке дают, однако, основания утверждать, что при строительстве Пятницкого храма в Новгороде ориентировались не только на Михайловскую церковь, но и на более широкий круг смоленских памятников, важное место среди которых занимал собор Троицкого монастыря.

Остается не вполне ясным, какова была первоначальная фактура фасадов Троицкого собора. Раскопки показали, что в нижней части стен здесь сохранились остатки обмазки, сделанной еще до реконструкции здания. Между тем в Михайловской церкви декоративная разработка фасадов, включающая широкую полосу, имитирующую кладку «со скрытым рядом», безусловно, свидетельствует, что поверхность стен первоначально не была рассчитана на покрытие обмазкой. Стилистическая и композиционная близость Михайловского и Троицкого храмов дает основания полагать, что и характер разработки фасадов в них был одинаков. Вероятно, обмазка на стенах Троицкого собора относится ко времени одного из ремонтов, а первоначально фасады собора, так же как и Михайловской церкви, не были покрыты обмазкой.

Основное отличие Троицкого собора от Михайловской церкви — сокращение восточной части (рис. 3). Сокращение это настолько значительно, что пришлось полностью отбросить восточную пару столбов, на которую в Михайловской церкви опирается восточная стена здания. Чтобы при таком сокращении основного объема придать композиции еще большую остроту, зодчие сузили притворы. Это, естественно, повлекло за собой общее сужение здания и уменьшение ширины центральной апсиды. Однако зодчие не рискнули уменьшить диаметр барабана и купола, справедливо полагая, что в таком случае храм станет менее величественным. Поэтому, уменьшив ширину подкупольного пространства, они в то же время сохранили его длину, равную размерам подкупольного пространства Михайловской церкви. Переход от вытянутого подкупольного пространства к круглому барабану был, вероятно, осуществлен с помощью дополнительной арки, как это сделано, например, в киевской Кирилловской церкви [19].

---

[18] Архитектура Новгорода в свете последних исследований. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 211 (автор раздела — Г. М. Штендер).

[19] *Н. В. Холостенко.* Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве. Памятники культуры, 2. М., 1960, стр. 16.

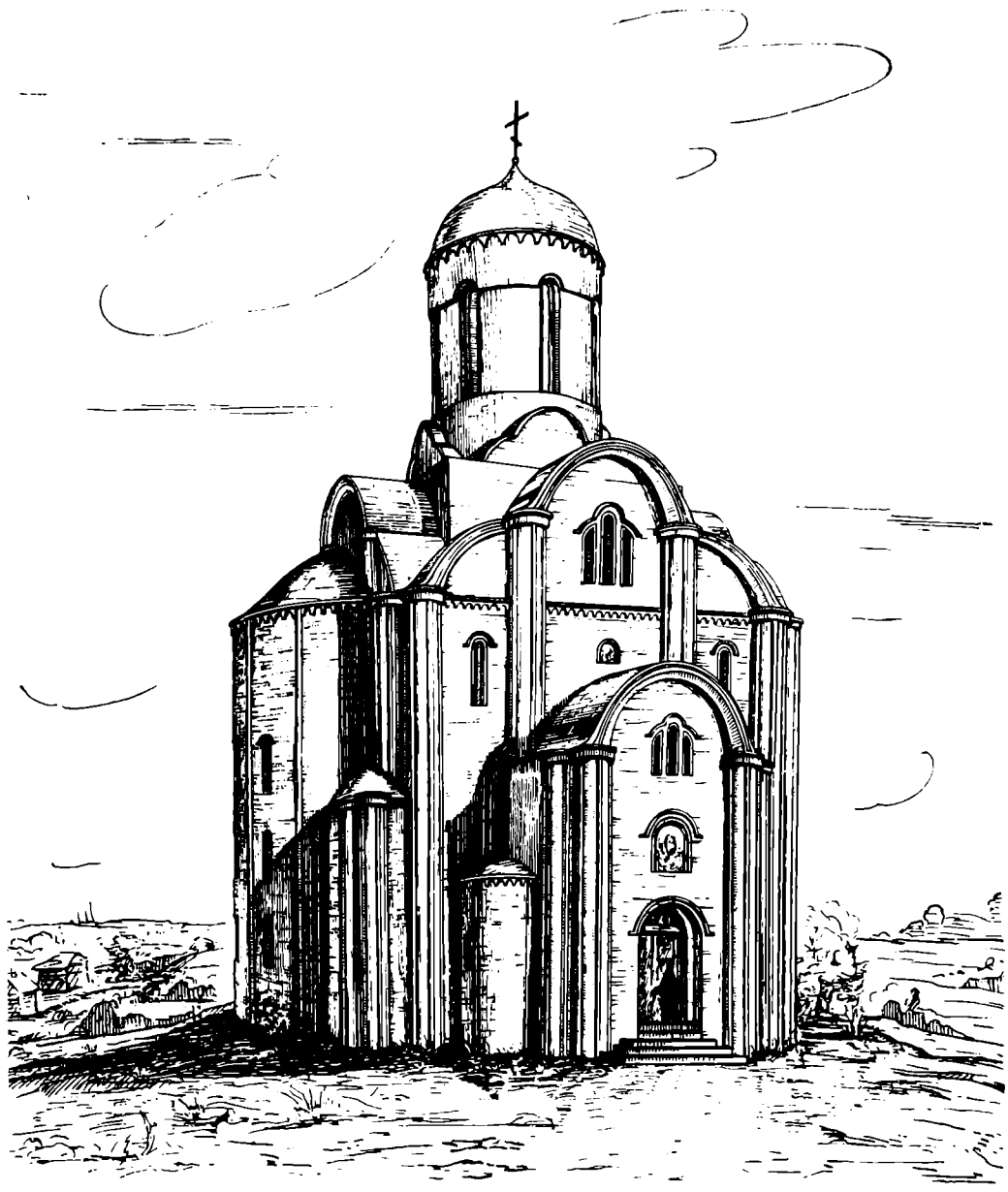


Рис. 10. Собор Троицкого монастыря. Реконструкция автора. Рисунок Т. Е. Трошкиной

В результате совмещения таких противоречивших друг другу требований получился памятник, в котором не совпадают внутренние и наружные членения: на северном и южном фасадах храма ширина членения, определяемого размером притвора, значительно меньше расстояния между подкупольными столбами.

В процессе возведения здания зодчие, по-видимому, несколько раз меняли план строительства. Так, заложив фундамент и выведя над ним кирпичную вымостку, они наметили в этой вымостке чрезвычайно сложную и измельченную профилировку пилястр, которую затем, при возведении стен, несколько упростили (хотя и в упрощенном варианте она более сложная, чем в Михайловской церкви). Кроме того, возводя стены, зодчие отбросили намеченную в вымостке вторую с востока пилястру северной стены (и, вероятно, симметричную ей пилястру южной стены). Очевидно, зодчих смущало несовпадение наружных и внутренних членений храма и они решили совместить их, выведя наружную пилястру северной стены в соот-

ветствии с восточной парой столбов. В таком случае пришлось бы перенести восточную стену основного объема на восточную стену здания, т. е. на заплечики боковых апсид, а сами эти апсиды снаружи полностью ликвидировать. Вторая с востока пилястра при этом действительно оказывалась излишней. В процессе строительства, очевидно, стало ясно, что такое решение осуществить нельзя, поскольку пилястры, соответствующие восточной паре столбов, не совпадали бы с угловыми пилястрами притвора. А такое несовпадение пилястр основного объема и притворов нарушило бы логику построения фасада и было бы значительно большим грехом, чем невидимое зрителю несовпадение наружных и внутренних членений. Поэтому промежуточное решение было отброшено и зодчие вернулись к первоначальному варианту. Вторую с востока пилястру возвели (не точно на основании, а сдвинув ее на 20 *см* к востоку) без перевязи со стеной. Конечно, на какой-то высоте пилястра должна была быть перевязана, иначе она вообще отставала бы от стены. Когда при разрушении здания стена несколько вспучилась и наклонилась, щель между стеной и пилястрой выявилась особенно наглядно (рис. 9). Конечно, очень возможно, что зодчие в процессе строительства и не испытывали подобных колебаний, а временное отсутствие одной из пилястр объясняется простой ошибкой, исправленной в ходе работ. И все же вероятность подобных изменений замысла композиции очень велика.

То обстоятельство, что нижняя часть Троицкого собора сохранилась полностью со всей профилировкой, а также наличие такой близкой аналогии, как церковь архангела Михаила, позволяют сделать попытку графической реконструкции первоначального облика Троицкого храма (рис. 10). Ширина Троицкой и Михайловской церквей, так же как и длина их основного объема (не учитывая апсид), различается всего на 0,5 *м*. При такой незначительной разнице размеров и при одинаковом диаметре барабана купола высоты основного объема здания и храма в целом в этих памятниках должны были почти полностью совпадать. В то же время притворы Троицкого собора должны были быть ниже притворов Михайловской церкви, поскольку иначе, при разной ширине, они имели бы совершенно иные пропорции. Постановка главы Троицкого храма должна была не совпадать с членениями северного и южного фасадов, как это обусловлено расстановкой подкупольных столбов. Размещение оконных проемов и элементов декоративного убранства может быть условно взято по аналогии с Михайловской церковью.

Собор Троицкого монастыря на Кловке, безусловно, один из наиболее выдающихся памятников древнего смоленского зодчества. Открытие и изучение этого памятника дает чрезвычайно ценные сведения для характеристики смоленской архитектурной школы, ее развития и той роли, которую сыграла эта школа в истории зодчества других Русских земель.

P. A. Rappoport

LA CATHEDRALE DU MONASTERE DE LA TRINITE A KLOVKA (Smolensk)

Résumé

En 1972—1973, à Smolensk, des fouilles ont été effectuées dans les ruines de la cathédrale du monastère de la Trinité. Cet édifice avait été construit dans les années 90 du XIIe siècle, et était un des plus remarquables monuments de l'ancienne architecture locale. L'étude des restes de la cathédrale fournit des renseignements importants permettant de dégager les traits caractéristiques de l'architecture de l'école de Smolensk à la fin du XIIe s. et dans le premier tiers du XIIIe s., ainsi que le rôle joué par cette école dans le développement de l'architecture russe ancienne.

Заметки

С. В. КУЗЬМИНЫХ, В. С. ПАТРУШЕВ

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ИЗ АКОЗИНО

В 1972 г. были продолжены исследования Марийской археологической экспедиции в пределах Горномарийского правобережья.

Значительные стационарные работы проводились на Акозинском поселении[1], которое уже подвергалось ранее раскопкам Р. В. Чубаровой[2] и А. Х. Халикова[3]. Прежние раскопки не выявили никаких объектов, кроме пятен прокаленной земли. В 1972 г. на поселении были выявлены остатки наземного деревянного жилища[4].

Значительный керамический комплекс жилища существенно не меняет характеристику керамики поселения, данную А. Х. Халиковым[5]. Датировка Акозинского поселения предложена исследователем в пределах XIII—XII вв. до н. э. Она основывается на наличии выразительных черт керамики Хвалынского периода срубной культуры и памятников типа Поздняковской стоянки в керамическом комплексе поселения[6]. Этой дате, очевидно, не противоречит крупный обломок глиняной литейной формы серого цвета для отливки наконечников копий (рис. 1, *1*). Он обнаружен в заполнении юго-западного угла жилища, в слое пестрого суглинка с обильным включением обломков керамики, костей и камней. На сохранившейся рабочей поверхности формы видна часть пера (длина 5 *см*, наибольшая ширина 1,7 *см*) и часть стержня пера округлой формы (восстановленный диаметр 1,5 *см*). Патина зеленовато-сероватого оттенка свидетельст-

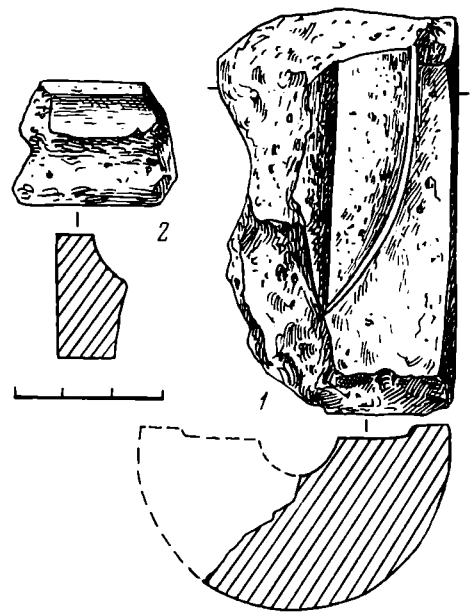


Рис. 1. Обломки литейных форм с Акозинского поселения

[1] *В. С. Патрушев, С. В. Кузьминых.* Марийская экспедиция. АО — 1972, М., 1973, стр. 183, 184.

[2] *Р. В. Чубарова.* Археологическая экспедиция МарНИИ, 1952 г. Уч. зап. МарНИИ, т. V. Йошкар-Ола, 1953, стр. 286, 287.

[3] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МАЭ, Йошкар-Ола, 1960, стр. 167—173.

[4] *В. С. Патрушев, С. В. Кузьминых.* Ук. соч.

[5] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 167—172.

[6] Там же, стр. 169, 171.

вует об использовании формы для бронзового литья. Отливаемый в форме наконечник копья, очевидно, относится к типу втульчатых с круглым или округлым стержнем в пределах сейминского хронологического горизонта (XIV—XII вв. до н. э.) [7]. Длина втулки и пера, к сожалению, трудно восстановима, ширина же пера 5,5—5,7 *см*. Но после проковки она могла стать и несколько большей. Следов литника на форме нет. Он, очевидно, был в ее втульчатой части. Полукруглое сечение одной створки формы (круглое у обеих) не находит себе полной аналогии. Наиболее близко сечение некоторых каменных форм для отливки наконечников дротиков и копий из Ростовкинского могильника [8]. Кроме описанного обломка в слое поселения был найден еще один невыразительный обломок глиняной литейной формы (рис. 1, *2*).

[7] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970, табл. Г.

[8] *В. И. Матюшенко, Г. В. Ложникова.* Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966—1969 гг. (Предварительное сообщение). Сб. «Из истории Сибири», вып. II. Полевые работы 1969 г. Томск, 1969, табл. 9, *1—2*; 10, *1*.

И. Б. ВАСИЛЬЕВ

ДУВАНЕЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В БАШКИРИИ

Памятникам позднего бронзового века Прикамья в целом и Башкирии, в частности, посвящена довольно большая литература [1]. Однако на историю, происхождение, культурную принадлежность их носителей имеются различные, а иногда и противоположные точки зрения. Созданию единого взгляда на историю Прикамья в прединаньинское время мешает недостаточное количество полностью опубликованных памятников. Со всей территории Среднего и Нижнего Прикамья, прилегающих районов Среднего Поволжья и Южного Приуралья монографически изданы лишь Луговское II [2], Ананьинское [3], Гулькинское [4], Курган [5], Кумысское [6], Касьяновское [7], Ерзовское [8], Бойцовское II [9] поселения. Остальные памятники опубликованы в работах сводного характера, не дающих полного представления о материальной культуре оставившего их населения.

[1] *А. В. Збруева.* Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, 1957, 2; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков.* Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом. СА, 1957, 3; *В. П. Денисов.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. УЗ ПГУ, 148. Пермь, 1968; *В. Ф. Генинг и Н. И. Совцова.* О западносибирском компоненте в сложении ананьинской общности. УЗ ПГУ, 148. Пермь, 1968.

[2] *А. В. Збруева.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960, стр. 22—29.

[3] *А. В. Збруева.* История расселения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 193—198.

[4] *Она же.* Памятники эпохи поздней бронзы..., стр. 45—67.

[5] *Г. Р. Ишмуратова.* Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган; УЗ ПГУ, 148. Пермь, 1967; *П. Н. Старостин.* Жилища поселения Курган. Там же.

[6] *В. Ф. Генинг, П. Н. Старостин.* Кумысские стоянка и могильник. Отчеты НКАЭ, вып. 1. М., 1972.

[7] *А. В. Збруева.* Стоянка имени М. И. Касьянова. БАС, Уфа, 1959; *А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии. В сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 103—112.

[8] *В. П. Денисов.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы. В сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 29—34.

[9] *О. Н. Бадер.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. Отчеты К(В)АЭ, вып. 2. М., 1961, стр. 136—164.

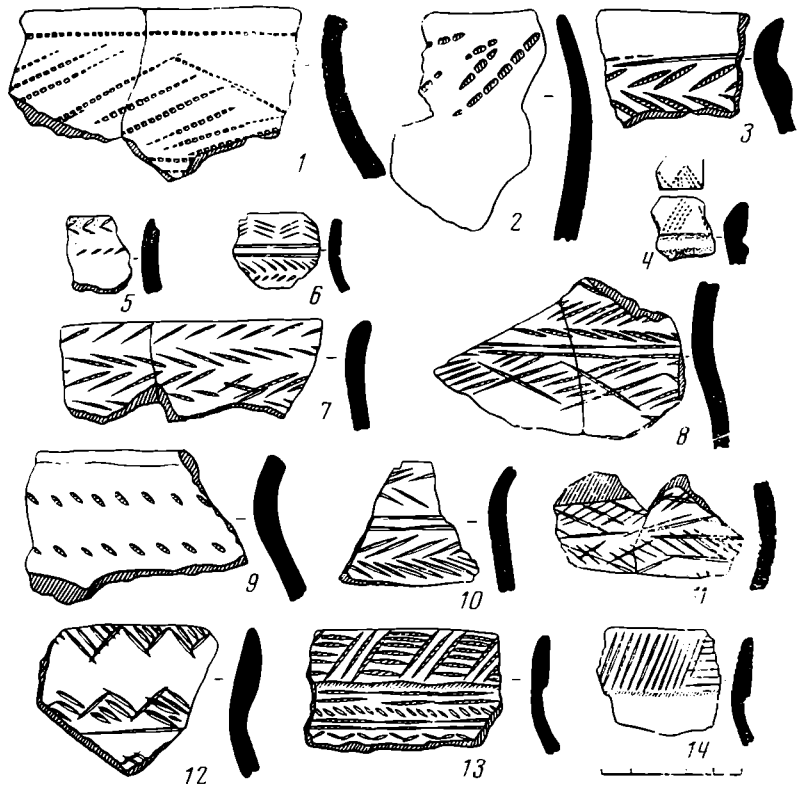


Рис. 1. Керамика с Дуванейского поселения

В данной работе публикуется один из памятников позднего бронзового века, исследованный в последние годы в Башкирии.

Поселение находится на правом берегу р. Белой в 1,5 *км* к югу от дер. Удельно-Дуваней и в 1 *км* к северу от дер. Ильинское Благовещенского района БАССР. Оно расположено на удобной для поселения ровной площадке 200×30 *м*, защищенной от восточных и северных ветров высокими всхолмлениями коренного берега р. Белой. Территория поселения хорошо задернована, не распахивается и лишь в южной части прорезана небольшим ручьем.

Памятник частично разрушен, так как берег реки активно подмывается в половодье. При обследовании его весной 1970 г. на бичевнике были обнаружены крупные куски недавно обвалившегося культурного слоя с находками.

Поселение открыто в 1958 г. А. П. Шокуровым [10]. В 1965 г. по заданию К. В. Сальникова его посетил и прошурфовал А. Х. Пшеничнюк. В 1966 г. Г. И. Матвеевой на памятнике был заложен раскоп площадью 70 $м^2$. В 1970 г. автором с членами школьного археологического кружка при Башкирском университете была вскрыта площадь 80 $м^2$.

Стратиграфия поселения очень проста: 0—20 *см* — дерновый слой почти без находок, 20—70 — темно-серый гумус, насыщенный культурными остатками, ниже — коричневая глина. Никаких жилых или хозяйственных сооружений не обнаружено, лишь в северной части раскопа вскрыта небольшая яма круглой формы диаметром 0,8 *м*, глубиной 0,25 *м* от уровня материка. В ней найдено четыре фрагмента сосуда, три кремневых отще-

[10] *А. П. Шокуров.* Отчет за 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1724, стр. 65; *его же.* Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик. В сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 149, № 189.

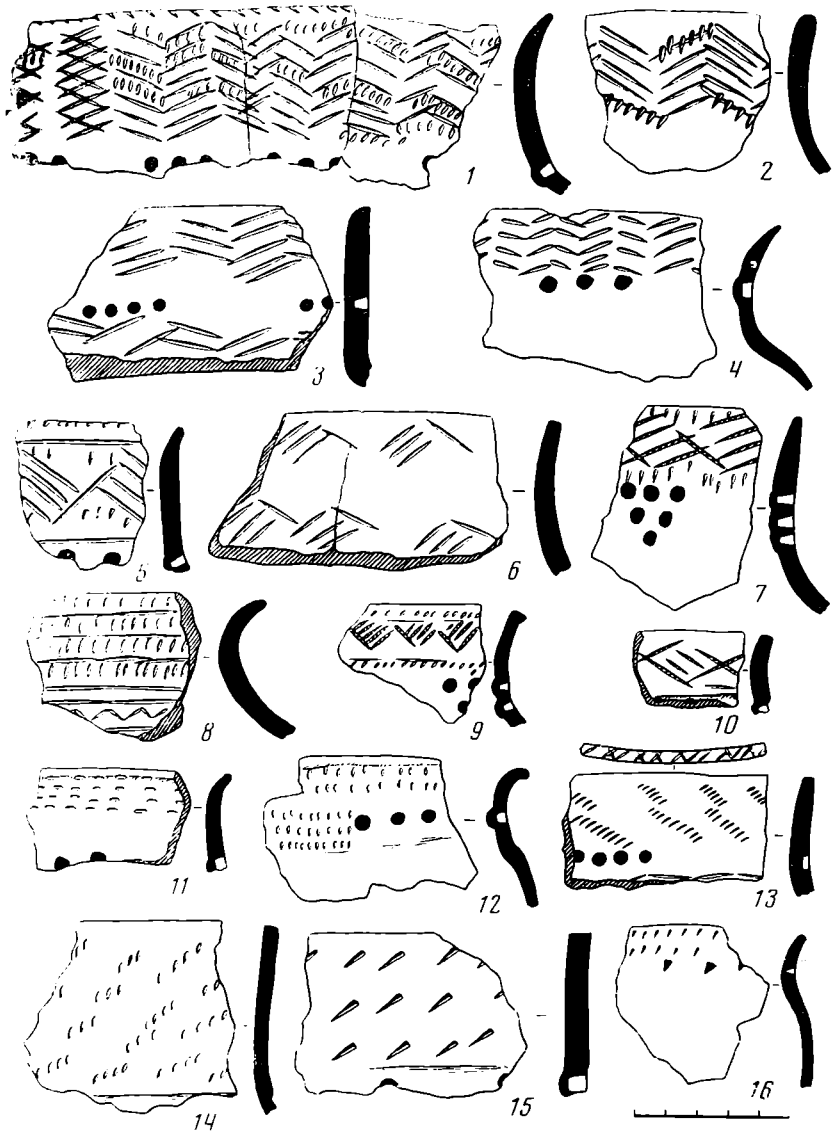


Рис. 2. Керамика с поселения

па, несколько костей животных и угольков. В культурном слое поселения встречены фрагменты сосудов (рис. 1—3), кремневые орудия и отщепы (рис. 4, *4—13*), обломки костяных предметов (рис. 4, *1—3*), две половинки глиняной литейной формы (рис. 5), кости животных, чешуя и кости рыб. Всего на памятнике собрано около 1000 фрагментов керамики, кремневых и костяных изделий.

Керамику можно разделить на несколько групп.

К первой относятся фрагменты 10 сосудов срубной культуры (рис. 1, *1—3*). Это шесть горшковидных и четыре баночных толстостенных плоскодонных сосуда серого и желтого цвета, с примесью шамота и песка в глине. Керамика прочная, хорошо обожжена. Один горшок на шейке имеет округлый в сечении валик (рис. 1, *3*). Орнамент состоит из насечек и крупно-зубчатого штампа, нанесенного в виде заштрихованных треугольников, горизонтальных и наклонных линий, елочки.

Ко второй группе принадлежат фрагменты 20 черкаскульских сосудов (рис. 1, *5—11*; рис. 3, *2*). Они имеют серый и желтый цвет, примесь толченой раковины в глине. Обжиг слабый, керамика хрупкая, легко крошится. Форма сосудов горшковидная, с плавным переходом слабо отогну-

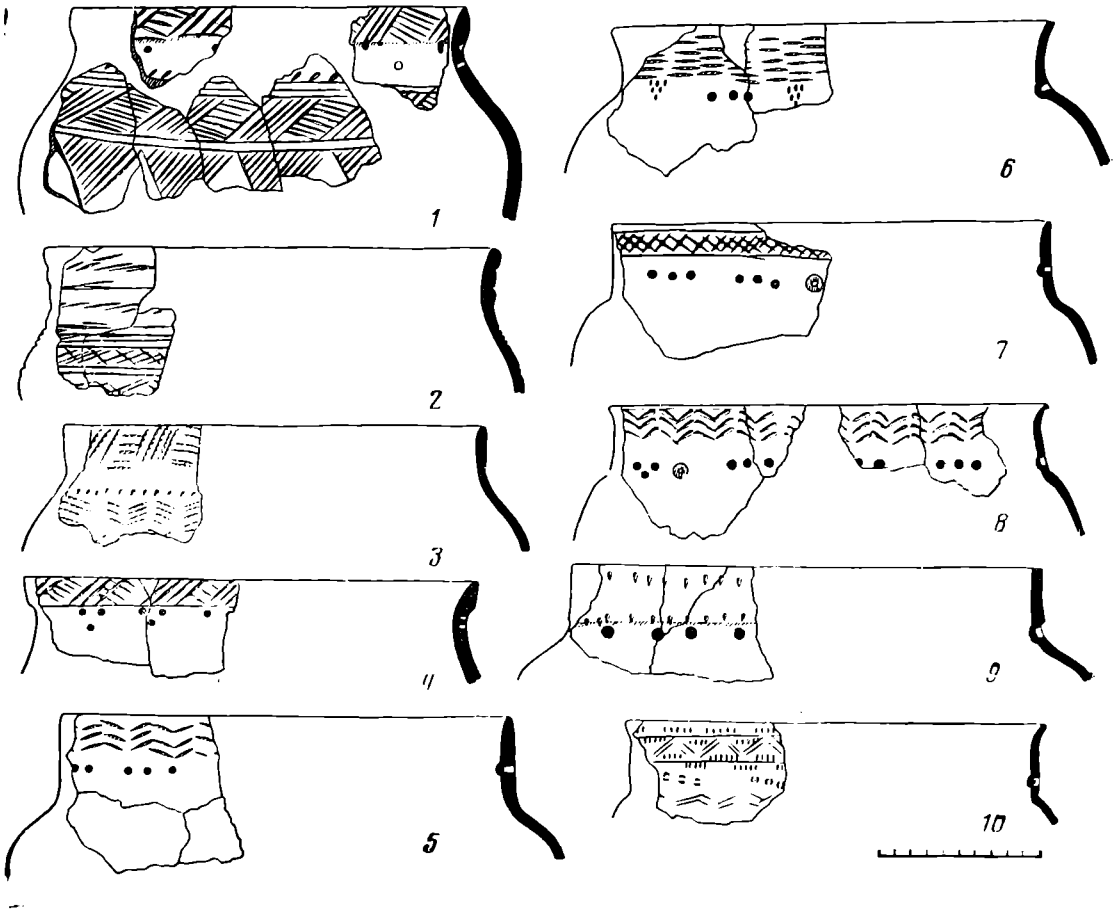


Рис. 3. Реконструкции верхней части сосудов

того наружу венчика в раздутое тулово. Валиков на шейках горшков нет. Один сосуд имеет сильно скошенный наружу венчик (рис. 1, *5*). Найдены фрагменты трех или четырех днищ с небольшими закраинами, которые, судя по фактуре и примеси раковины, принадлежат сосудам этой группы. Орнамент покрывает шейку и плечики горшков. Он нанесен мелкозубчатым штампом или резьбой в виде горизонтальной елочки (рис. 1, *6*, *7*, *10*), наклонных или перекрещивающихся отпечатков, разделенных горизонтальными линиями (рис. 3, *2*), рядов насечек (рис. 1, *5*, *9*), заштрихованных ромбов (рис. 1, *8*), меандра из лесенки (рис. 1, *11*).

Основная часть керамики (около 100 сосудов) относится к третьей группе (рис. 2; 3, *5—10*). Это горшки с прямым или отогнутым наружу венчиком, высокой шейкой, резким переходом к сильно раздутому тулову. 10 сосудов на шейке имеют воротнички ананьинского типа (рис. 2, *10—12*; рис. 3, *9*). Цвет серый, желтый, коричневатый, в глине — примесь толченой раковины. Керамика более плотная и прочная, чем фрагменты сосудов предыдущей группы. На переходе шейки в тулово или немного выше все сосуды, за редким исключением, имеют поясок из ямок, группирующихся по 3—4 шт., или расположенных треугольником вершиной вниз. Глубокие наколы образуют на внутренней стороне сосуда выпуклины. Орнаментирована только шейка сосудов, на плечики орнамент не спускается. Он нанесен мелкозубчатым или гладким штампом и концом палочки. Орнаментальные мотивы следующие: насечки, нанесенные группами, рядами или в беспорядке — 35 сосудов (рис. 2, *11—16*; 3, *9*), горизонтальный зигзаг — 37 сосудов (иногда в сочетании с насечками) (рис. 2, *5*, *8*, *10*), сетка — пять сосудов (рис. 3, *7*), заштрихованные треугольники — один сосуд

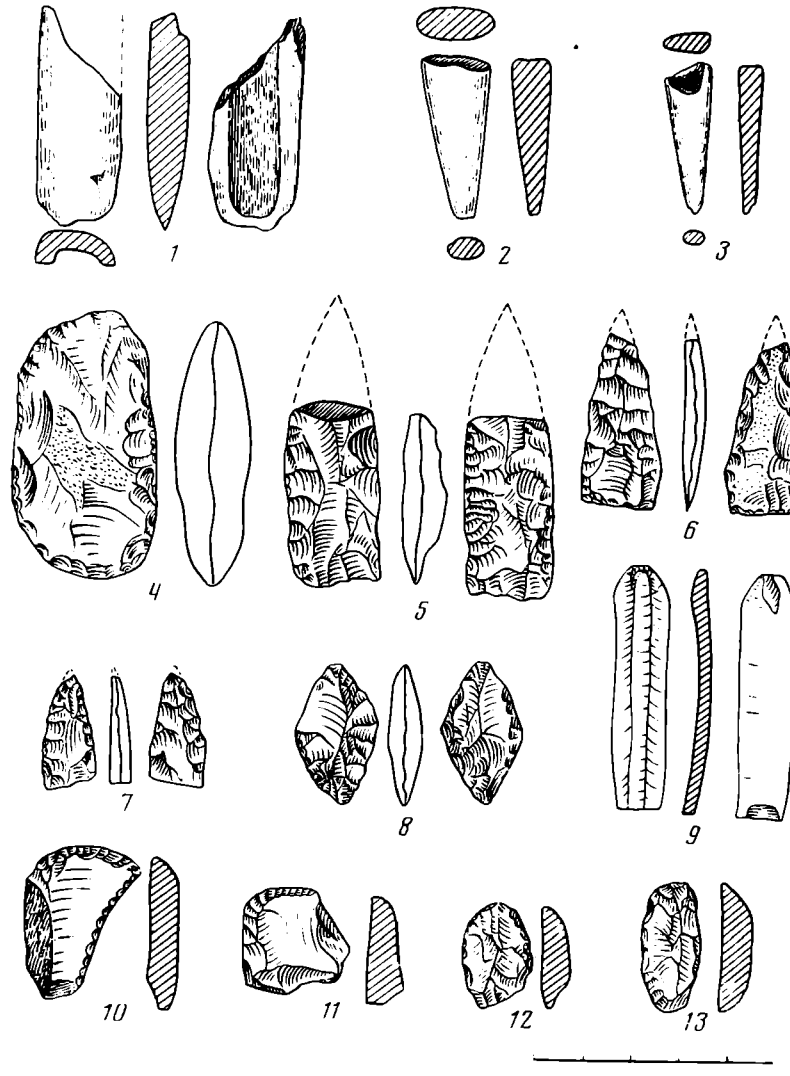


Рис. 4. Костяные (*1—3*) и кремневые (*4—13*) изделия

(рис. 2, *9*), горизонтальные отпечатки штампа с насечками между ними или спускающимися вниз в форме треугольников — два сосуда (рис. 2, *8*; 3, *6*).

Своеобразны шесть сосудов, имеющих на шейке небольшой утолщенный воротник (рис. 1, *12—14*; 3, *1*, *3*, *4*). Некоторые элементы — ямки, расположенные треугольником (рис. 3, *4*), флажковый орнамент (рис. 1, *12*; 3, *4*) — сближают ее с керамикой третьей группы, а плавная профилировка, орнаментация не только венчика, но и плечиков сосудов характерны для керамики второй, черкаскульской группы.

Выделяется фрагмент одного небольшого абашевского сосудика (рис. 1, *4*). Он имеет светло-коричневый цвет, примесь шамота в глине. На внутренней стороне шейки находится ребро. Орнамент покрывает внешнюю и внутреннюю поверхность сосуда. Он состоит из горизонтальных желобков и мелкозубчатого зигзага на внешней стороне и заштрихованных треугольников на внутренней.

Кроме описанной выше керамики на памятнике собрана небольшая коллекция обломков сосудов эпохи раннего средневековья.

Кремневые изделия с поселения представлены одним грубым рубящим орудием (рис. 4, *4*), тремя наконечниками стрел вытянутой треугольной формы с обломанными остриями (рис. 4, *5—7*), одним наконечником стре-

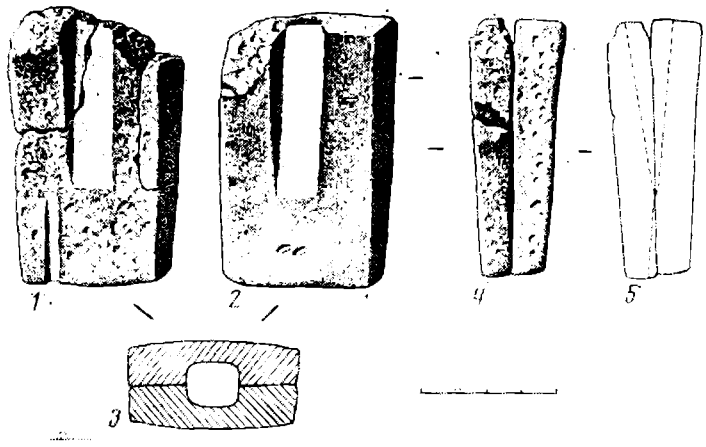


Рис. 5. Глиняная литейная форма

лы ромбической формы (рис. 4, *8*), четырьмя скребками, изготовленными на отщепах (рис. 4, *11—13*), одной длинной правильной ножевидной пластиной (рис. 4, *9*). Кроме этого найдены 32 куска кремня и 70 отщепов без следов обработки. Кремень, из которого сделаны предметы грязно-серого цвета, плохого качества. Техника изготовления орудий низкая, ретушь грубая, неаккуратная.

Из костяных изделий найден обломок предмета с дугообразным рабочим краем (рис. 4, *1*) и обломки двух острий или шильев (рис. 4, *2*, *3*).

Наиболее интересной находкой с памятника являются две половины литейной формы (рис. 5). Они изготовлены из глины с примесью шамота и растительных остатков, после выгорания которых на поверхности и в изломе видны пустоты. Цвет формы коричневый. Длина ее 8,5—9 *см*, ширина 4,5—5 *см*, толщина каждой половины от 0,8 до 1,5 *см*. На рабочей части видны следы воздействия высокой температуры, свидетельствующие, что форма использовалась. Применялась она для отливки продолговатого клиновидного орудия длиной 5,4 *см*, шириной 1,5 *см*. С противоположной стороны от отверстия, в которое производилась заливка металла, имеется небольшой желобок. Он не соединяется с полостью формы и, видимо, служил для ее разъединения после отливки.

Керамика первой группы с поселения характерна для памятников срубной культуры. Интересен факт находки ее на правом берегу р. Белой, тогда как основные памятники этой культуры расположены на ее левом берегу [11]. Видимо, небольшие группы населения срубной культуры переходили р. Белую и заселяли ее правый берег. Несколько срубных поселений на правобережье нижнего течения р. Белой были открыты А. П. Шокуровым [12]. Раскопки их, к сожалению, не производились, и неясно, что они собой представляют — небольшие стоянки или долговременные поселения с богатым культурным слоем?

Вторая группа керамики близка материалам черкаскульских поселений Башкирии [13] и Зауралья [14].

Основная, третья, группа фрагментов сосудов с поселения полностью аналогична керамике памятников позднего бронзового века Башкирии, объединенных К. В. Сальниковым в культуру курмантау. Большая часть их

---

[11] *К. В. Сальников.* Ук. соч., стр. 150, рис. 17.

[12] *А. П. Шокуров.* Материалы к археологической карте..., № 22, 27, 35, 48, 72, 127, 191.

[13] *К. В. Сальников.* Ук. соч., стр. 366, рис. 59.

[14] *Он же.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6. Свердловск, 1964, стр. 15, рис. 4; стр. 16, рис. 5; *В. С. Стоколос.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, стр. 61, рис. 22; стр. 62, рис. 23.

относится к финалу бронзового века и смыкается с материалами раннеананьинских поселений. Раскопки Дуванейского поселения из-за небольшого количества черкаскульской керамики ничего не говорят о хронологическом соотношении черкаскульского и курмантауского населения. Однако исследование Бирского поселения [15] показало, что на этом памятнике черкаскульское население предшествовало курмантаускому. Возможно, и на Дуванейском поселении находки разных групп керамики в одном слое являются результатом не сосуществования, а механического смешения материала, хотя окончательно этот вопрос можно решить только после широких раскопок памятника. В 1971 г. в низовьях р. Белой В. А. Ивановым и автором исследована Старо-Янзигитовская стоянка, давшая материал, с одной стороны, близкий черкаскульской керамике, с другой — предананьинской керамике курмантау. Видимо, эта стоянка является связующим звеном между черкаскульскими и курмантаускими памятниками.

Керамика третьей группы Дуванейского населения и остальных памятников выделенной К. В. Сальниковым культуры курмантау близка и часто полностью аналогична материалам предананьинских памятников Прикамья — Ананьинского [16], Атабаевского [17], Гулькинского [18], Казанского [19], Ерзовского [20], Заюрчимского [21], Бойцовского [22] и др. Об этом уже писали А. В. Збруева, А. Х. Халиков, В. П. Денисов и другие исследователи. Признает это и сам К. В. Сальников, включая в культуру курмантау Маклашевский могильник, расположенный далеко на западе, на Волге [23], и говоря о близости памятников культуры курмантау материалам Луговской II, Гулькинской, Ананьинской стоянок, поселений ерзовского типа [24]. Некоторые различия в курмантауских, ерзовских, луговских, позднеприказанских группах памятников не столь велики, чтобы можно было выделять отдельные культуры, и, по-видимому, все они относятся к единой предананьинской культуре с несколькими вариантами.

---

[15] *И. Б. Васильев, В. С. Горбунов.* Бирское поселение. СА, 1975, 3.

[16] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья..., стр. 195, табл. XXXV.

[17] *Н. А. Прокошев.* Памятники эпохи бронзы в устье р. Камы. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 20.

[18] *А. В. Збруева.* Памятники эпохи поздней бронзы..., стр. 62, рис. 24; стр. 63, рис. 25.

[19] *Н. Ф. Калинин.* Казанская стоянка. Историко-археологический сборник. М., 1948, стр. 184, рис. 4.

[20] *В. П. Денисов.* К истории населения..., стр. 33, рис. 2, *1—3.*

[21] *Он же.* Культура поздней бронзы..., стр. 36, рис. 2, *2—3.*

[22] *О. Н. Бадер.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. Отчеты К(В)АЭ, вып. 2. М., 1961, стр. 152, рис. 32; стр. 161, рис. 33.

[23] *К. В. Сальников.* Ук. соч., стр. 383.

[24] Там же, стр. 378.

В. А. ПЕТРЕНКО

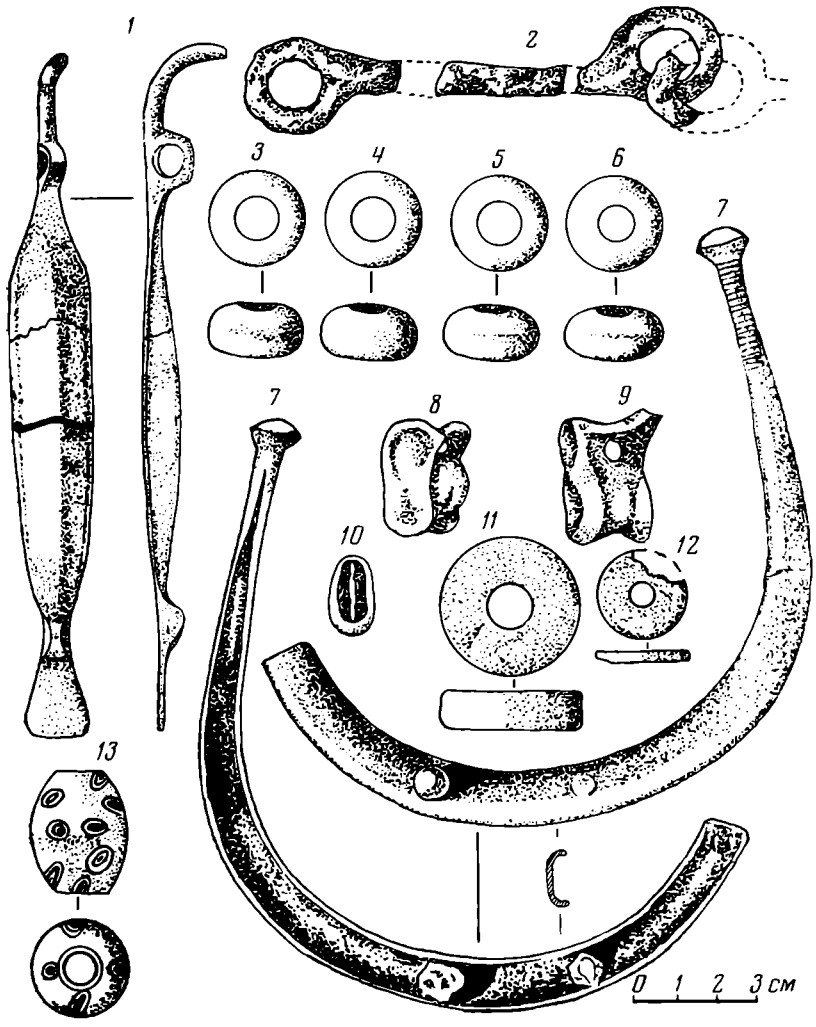
КЛАД КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК ВТОРОГО ХАНКАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА
(Чечено-Ингушетия)

Раскопки второго Ханкальского городища — интересного памятника скифо-сарматского времени — начаты в 1968 г. [1] и продолжаются ныне [2]. В первом же (разведочном) раскопе, заложенном у края рва, опоясывающего укрепленную часть обширного поселения, на глубине 0,3 *м* от днев-

---

[1] *В. Б. Виноградов.* Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии. АО—1968, М., 1969, стр. 86.

[2] *В. Д. Байбик, В. Б. Виноградов.* Заметки о культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии. АЭС, III. Грозный, 1969, стр. 82—86; *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Раскопки второго Ханкальского городища. АО — 1970, М., 1971.



Комплекс находок из раскопок второго Ханкальского городища

ной поверхности, был обнаружен выразительный набор вещей (всего 13 предметов), лежавших компактно [3]. Этот комплекс находок определен руководителем раскопок В. Б. Виноградовым как клад конского снаряжения [4].

Он состоит из четырех бронзовых массивных бусин-привесок с широким сквозным центральным отверстием (рис. 1, *3—6*), фрагментированных железных кольчатых удил (рис. 1, *2*), двух просверленных астрагалов (рис. 1, *8—9*), раковины-каури, двух плоскоцилиндрических просверленных посредине каменных привесок, крупной бочонковидной бусины из белой пасты с синими «глазками» (рис. 1, *10—13*) и двух бронзовых предметов. Один из них (рис. 1, *1*) имеет на конце петлю и крюк. Второй (рис. 1, *7*) плавно изогнут, утоньшается к сохранившемуся (одному из двух) концу, украшенному поперечными насечками и биконическим «шариком». В сечении предмет сегментовиден, внутренность полая. Внешняя

стр. 113—115; *В. Б. Виноградов.* Через хребты веков. Грозный, 1970, стр. 30—37; *В. А. Петренко, В. Б. Виноградов.* Отчет о раскопках 2-го Ханкальского городища в 1971 г. Хранится в архиве ИА АН СССР.

[3] *В. Б. Виноградов.* Отчет о раскопках за 1968 г. в Чечено-Ингушетии. Хранится в архиве ЧИНИИ ИЯЛ за № 148, стр. 146.

[4] Глубоко признателен В. Б. Виноградову за предоставленную возможность опубликовать данный комплекс вещей.

сторона имеет выступ в виде шарика и след от другого, очевидно такого же, причем оба образовывали «головки» штифтов, оплывших железом.

Весь набор в целом, и особенно два последних из описанных его компонентов, необычен и даже уникален для Северного Кавказа. Поиски аналогий им уводят далеко на север и северо-запад.

Железные кольчатые удила типа тех, что представлены в ханкальском комплексе, широко распространены территориально (Приднепровье, Подонье, Поволжье, Северный Кавказ и т. д.) и хронологически (V в. до н. э.— III в. н. э.). Они, как и раковины-каури, нейтральные в хронологическом отношении каменные подвески и сверленые астрагалы, глазчатая бусина, подобная обычным в древностях скифо-сарматского времени, не позволяют сколько-нибудь точно датировать комплекс.

Несколько определеннее бронзовые массивные бусины-привески: образцы (хотя и нетождественные) им известны в памятниках IV—III вв. до н. э. правобережья Среднего Приднепровья, где они трактуются как привески конской узды [5].

Наиболее важны в кладе бронзовые предметы. Первый из них сопоставляется с многочисленными конскими налобниками, представленными в древностях на Среднем Дону. Бронзовые, железные, серебряные, они датируются там IV—II вв. до н. э. [6] Согласно типологии П. Д. Либерова, ханкальский налобник, в котором изначальный зооморфный сюжет оформления (фигура птицы?) лишь слабо угадывается в контуре пластины, а крючок (первоначально голова птицы) приобретает вид гладкого изогнутого стержня, должен быть датирован III—II вв. до н. э. [7] Точных аналогий наш налобник не имеет, но морфологически он близок серебряным налобникам из так называемых кладов Клименковского и Антиповского [8].

Клименковский и Антиповский комплексы обычно датировались II в. до н. э. Недавно были приведены веские доказательства в пользу возможности удревнения их и эти клады отнесены ко времени не позднее рубежа III—II вв. до н. э. [9]

В этой связи особенно интересен не имеющий прямых аналогий второй бронзовый предмет из ханкальского клада. Он проявляет очевидное сходство с теми деталями конской уздечки, которые определены В. Г. Петренко как «луновидные бляхи-пряжки». В памятниках правобережья Среднего Приднепровья таковые датируются второй половиной V—III вв. до н. э. (Райгород, Берестняги, Журовка) [10]. Эти предметы сближаются с ханкальскими серповидной формой, наличием штифтов с шариками, а также тем, что все они при помощи двух железных заклепок крепились к какой-то мягкой основе. Вместе с тем ханкальский предмет заметно отступает от «луновидных» форм приднепровских блях второй половины V в. н. э. Наличие на его концах биконических утолщений — распространенный прием оформления многих предметов уздечного набора в IV—III вв. до н. э. [11]

Таким образом, большинство из предметов клада датируется в довольно широком диапазоне: V—II вв. до н. э. Однако сочетание их в одном комплексе и некоторые детали оформления ряда из них, отмеченные выше,

---

[5] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1—4, М., 1967, табл. 27, рис. 57.

[6] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, Д1—31, М., 1965, табл. 22, рис. 10, 24; табл. 23, рис. 5, 35; табл. 26, рис. 3.

[7] *П. Д. Либеров.* Савроматы ли сирматы? Сб. «Население Среднего Дона в скифское время». М., 1969, стр. 32.

[8] *И. И. Гущина.* Случайная находка в Воронежской области. СА, 1961, 2, стр. 241 сл.; *И. В. Яценко.* Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 42, 43.

[9] *П. Д. Либеров.* Савроматы ли сирматы?, стр. 33.

[10] *В. Г. Петренко.* Ук. соч., табл. 25, рис. 2, 4, 6; табл. 29, рис. 15.

[11] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону, табл. 22, рис. 1, *24*; табл. 23, рис. 4, *33*; табл. 24, рис. 63 и др.; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 2, *12*; *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1—10, М., 1963, табл. 21, *4*.

позволяют предполагать, что клад в культурном слое второго Ханкальского городища был зарыт в III — начале II в. до н. э. Этому не противоречит характер керамики из слоя находки: она сохраняет еще скифоидный облик (лепная, пестрого обжига, украшенная налепными щипковыми валиками) [12]. Косвенным, но, на наш взгляд, существенным доводом в пользу такого хронологического определения служит и факт использования городища под могильник с IV—III вв. до н. э. [13]

Публикуемые материалы дополняют слабоизученную картину взаимоотношений между аборигенами Северного Кавказа — обитателями второго Ханкальского городища и населением южнорусской степи и лесостепи накануне установления сарматской гегемонии на Предкавказских равнинах [14].

---

[12] *В. Б. Виноградов.* Отчет о раскопках в 1968 году в Чечено-Ингушетии. Хранится в ЧИНИИ ИЯЛ, № 148.

[13] *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Раскопки второго Ханкальского городища, стр. 114.

[14] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, стр. 31сл.

Е. П. КАЗАКОВ

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ ЧИШМИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1973 г. учителем М. Г. Таймасовым в Казань было сообщено о разрушении при строительных работах в дер. Чишме Актанышского района ТАССР древнего захоронения и присланы вещи: фрагмент лепного сосуда (типа рис. 2, *22*), бронзовые подвески (рис. 2, *10*, *13*), обрывок цепочки и три серебряные накладки (рис. 2, *2—4*).

Нами проведено обследование памятника. Расположен он на мысу коренной террасы, возвышающейся на 15 *м* над поймой левого берега р. Сюнь — левого притока р. Белой. Площадь памятника застроена. Судя по отсутствию погребений в прорытых бульдозером силосных траншеях, могильник имеет небольшую территорию. Нами расчищено два захоронения.

Внешние признаки захоронений не прослеживаются. Стратиграфия, фиксируемая в обнажениях и бульдозерных траншеях, проста: до глубины 50—60 *см* идет слой чернозема, ниже — слой суглинка и глины.

Погребение 1 (рис. 1, I). Очертания могилы в слое сероватого чернозема не прослеживаются. На глубине 50 *см* погребение. Западная часть его разрушена столбовой ямой. Здесь расчищены лежащие в беспорядке обломки трубчатых костей, фрагменты пропитанного окисью бронзы черепа человека, разбитый сосуд (рис. 2, *22*), стеклянные шаровидные бусины — две синие и одна зеленая (рис. 2, *1*), нанизанные на скрученный из двух жил шнур, серебряные подвески (рис. 2, *6*, *7*), накладки (рис. 2, *2* — 3 экз.; рис. 2, *3* — 2 экз.), бронзовые обломок височной подвески (рис. 2, *9*), привеска в виде высокой узкой трапеции (рис. 2, *14*), фрагмент украшения (рис. 2, *5*), разбитая сердцевидная подвеска (типа рис. 2, *13*), железная пряжка (рис. 2, *8*), фрагменты одежды из овчины и шкуры пушного зверя, обрывки шнура, скрученного из двух жил, обрывки кожи и холста от пояса и длинные черные человеческие волосы. Из этой же ямы, по словам местных жителей, происходят и перечисленные выше вещи, присланные в Казань.

Остальная часть захоронения не потревожена. Расчищено два скелета. Судя по оставшимся in situ костям, скелет взрослого человека, ориентированный головой на запад с небольшим (14°) отклонением к югу, лежал вытянуто на спине. Руки слегка согнуты в локтях и уложены кистями на

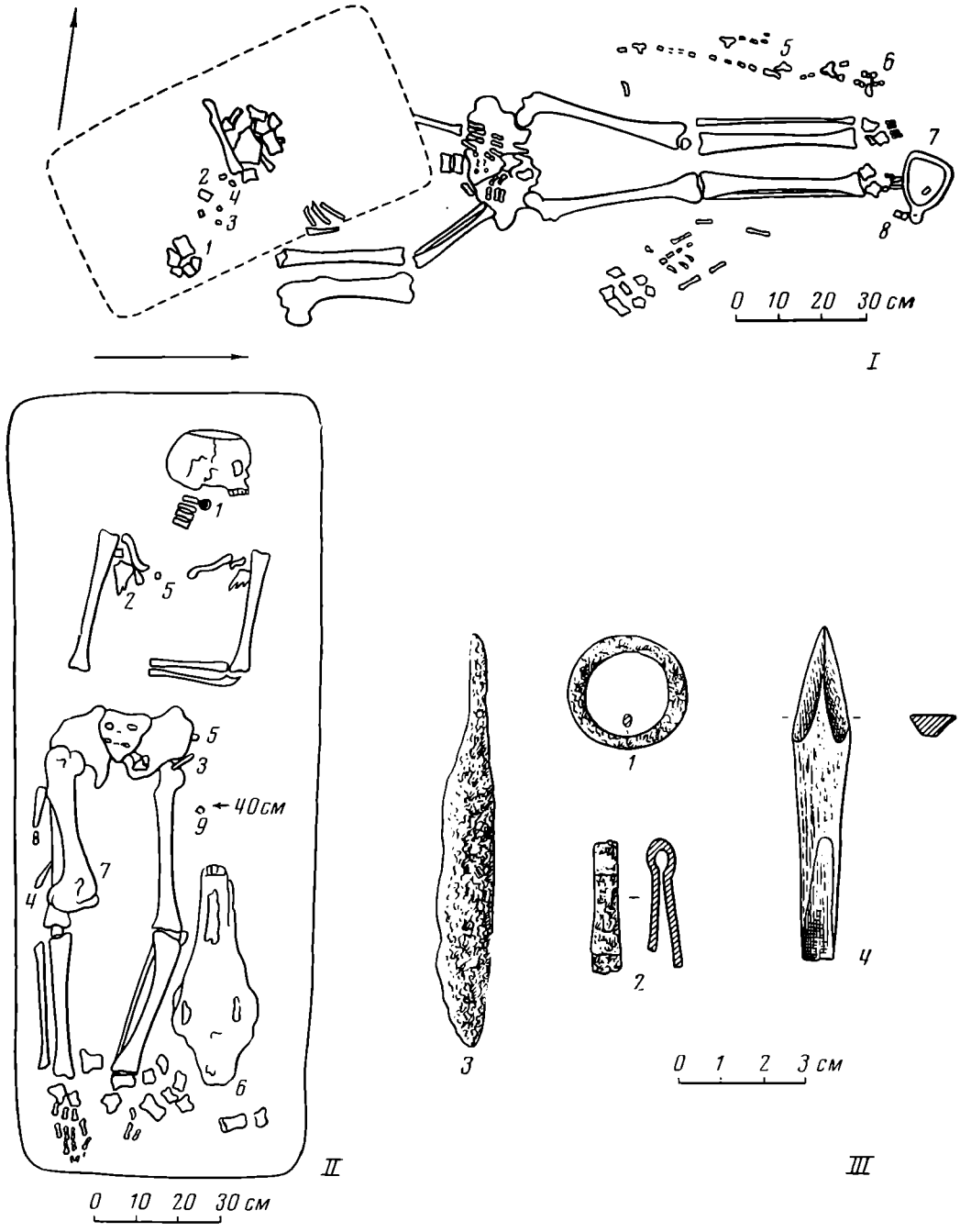


Рис. 1. I. План погр. 1: *1* — сосуд, *2* — обрывки ткани, меха, *3* — накладки поясного набора, *4* — украшения из цветного металла, *5* — остатки уздечного набора, *6* — удила, *7* — стремя, *8* — наконечник ремня. II. План погр. 2: *1* — кольцо, *2* — пинцет, *3* — нож, *4* — наконечник стрелы, *5* — кремешки, *6* — череп и кости ног лошади, *7* — бедренная кость лошади, *8* — неопределенная кость животного, *9* — фрагмент керамики. III. Вещи из погр. 2: *1* — кольцо, *2* — пинцет, *3* — нож, *4* — стрела

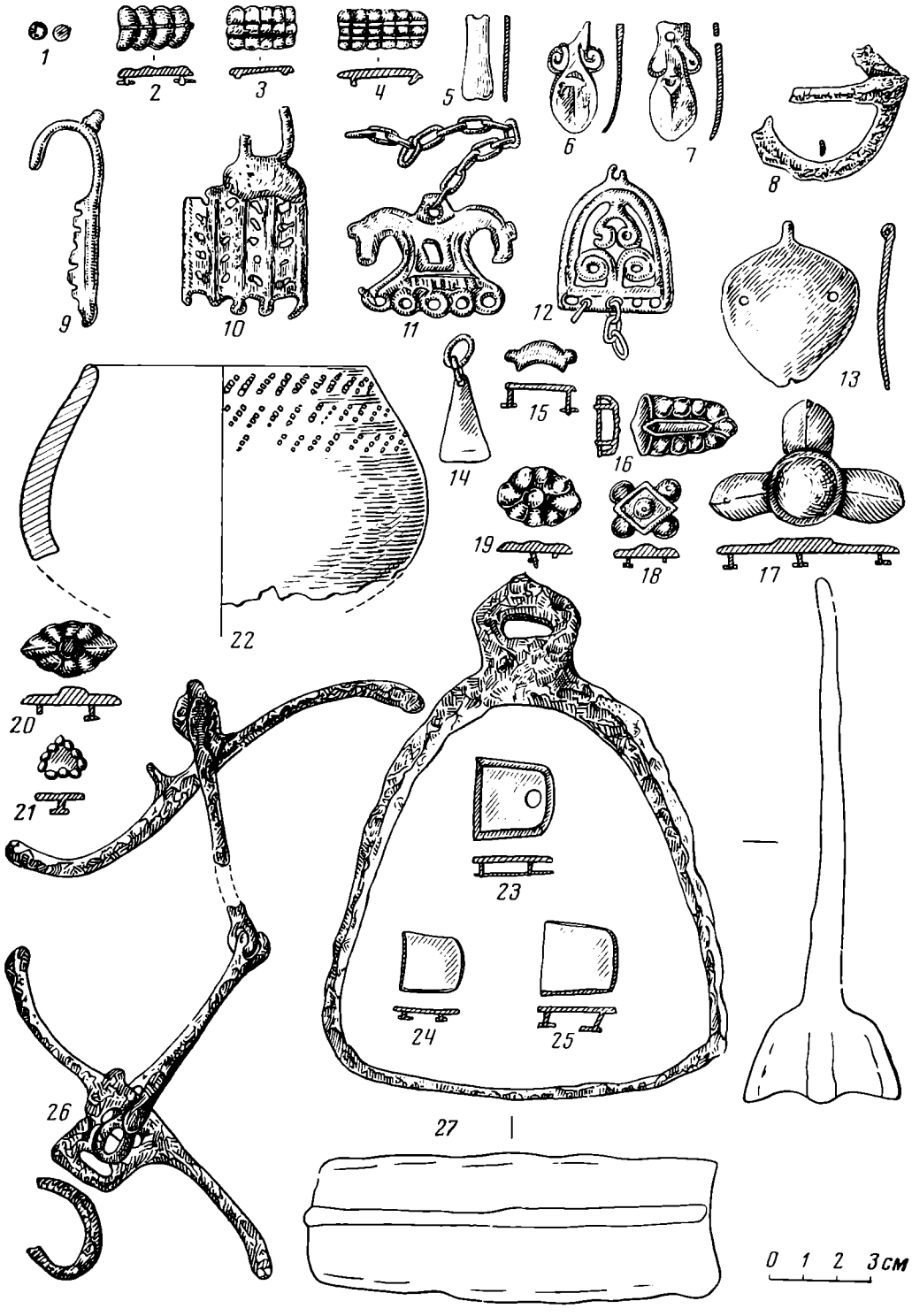


Рис. 2. Вещевой инвентарь из погр. 1: *1* — бусина, *2—4* — накладки поясного набора, *5* — обломок украшения, *6*, *7* — подвески, *8* — пряжка, *9*, *10* — височные подвески, *11*, *12* — нагрудные украшения, *13*, *14* — подвески, *15—21* — предметы уздечного набора, *22* — сосуд, *23—25* — наконечники ремней, *26* — удила, *27* — стремя. *1* — стекло, *8*, *26*, *27* — железо, *22* — керамика, остальное — цветной металл

таз. Справа от правой плечевой кости погребенного находилась бедренная кость лошади. Слева вдоль левой ноги расчищены остатки ременной уздечки с серебряными соединительными бляхами (рис. 2, *17* — 6 экз.), накладками (рис. 2, *15* — 2 экз.; рис. 2, *18* — 15 экз.; рис. 2, *19* — 1 экз.; рис. 2, *20* — 7 экз.; рис. 2, *21* — 3 экз.), наконечниками ремней (рис. 2, *16* — 3 экз.; рис. 2, *23* — 2 экз.; рис. 2, *24* — 1 экз.) и железными удилами (рис. 2, *26*). У ступни правой ноги железное стремя (рис. 2, *27*) и около его петли бронзовый наконечник с остатками ремня (рис. 2, *25*). Справа от правой ноги находился плохо сохранившийся детский костяк, лежащий вытянуто, на спине, головой на юго-запад.

Погребение 2 (рис. 1, II). Очертания могильной ямы в виде слабо заметного темного пятна размером 190×75—68 *см*, вытянутого строго по линии восток — запад, появились на глубине 40 *см*. На этой же глубине в центральной части могилы найден фрагмент лепной керамики темно-серого цвета с примесью песка в тесте. В слое, переходном от чернозема к суглинку, на глубине 60 *см* погребение. Костяк взрослого человека, ориентированный головой на запад, лежал вытянуто, на спине. Череп повернут на левый бок, левая рука согнута в локте под прямым углом, лучевые кости ее находились на животе. Левая нога несколько согнута в колене.

Погребенный, видимо, погиб насильственной смертью. Нижняя челюсть, позвонки (кроме шейных), ребра, кости правой руки ниже локтя и кисть левой руки отсутствуют. Верхняя часть черепа срезана, очевидно мечом или саблей. Слева от ног погребенного расчищен череп лошади, уложенный черепной крышкой вверх, ориентированный на запад. К востоку от черепа фаланги четырех ног лошади. На правой бедренной кости человека лежала бедренная лошадиная кость. Здесь же неопределенная косточка животного и костяной наконечник стрелы (рис. 1, III, *4*) и кремень. У шейных позвонков железное кольцо (рис. 1, III, *1*), а у правой ключицы — плохо сохранившийся железный пинцет (рис. 1, III, *2*) и кремень.

Обряд Чишминского могильника, судя по двум изученным погребениям, фиксируется довольно четко. Погребенные лежат неглубоко. Не исключено, что они находились под курганными насыпями, хотя в настоящее время следы их не прослеживаются. Умершие клались вытянуто, на спине, головой на запад, в сопровождении костей коня и конской сбруи. В женском погр. 1 украшения, поясной набор были положены в изголовье, скорее всего справа у черепа.

Н. М. Постниковой было проведено определение черепов. Череп из захоронения 1, принадлежащий женщине в возрасте около 30 лет, относится к уральскому антропологическому типу. К этому же типу, хотя и с большей примесью монголоидности, принадлежит мужской брахикранный череп (возраст 28—30 лет) из погр. 2.

Элементы погребального обряда могильника находят аналогии в Башкирии — захоронении 1 кургана 12 Хусаиновского могильника, где пояс был положен на правой стороне погребенного [1]; в одном из погребений Мрясимовского могильника X в., где череп и кости ног лошади находились слева от ног умершего [2].

Такая черта обряда, как положение головы и костей ног лошади в ногах погребенного, фиксируется в памятниках ранней Волжской Булгарии VIII—X вв. (хотя в комплексах там присутствуют и метакарпальные кости). Наибольшее совпадение в расположении костей лошади с Чишминским могильником наблюдается в Танкеевском могильнике [3].

---

[1] *Н. А. Мажитов.* Отчет об археологических исследованиях в 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3261а, рис. 168, 169.

[2] *Н. А. Мажитов.* Отчет об археологических исследованиях в 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2648а, рис. 49.

[3] *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника. АЭТ, 1. Казань, 1971, стр. 82—86.

Значительное сходство в обряде чишминские погребения обнаруживают с погребениями и погребальным обрядом венгерских памятников X в. Там голова и ноги лошади также клались в большинстве случаев слева от ног погребенных. Большая группа венгерских захоронений, как и чишминское погр. 1, сопровождалась только конским снаряжением без костей лошади. В богатом женском погребении у Коронцо-Бабота, например, сбруя лежала слева у ног костяка, а бронзовые бубенчики и ожерелье зафиксированы на правой стороне груди [4].

Довольно своеобразен вещевой материал могильника. Лепной круглодонный, черный от покрывавшего его слоя сажи сосуд из погр. 1 (рис. 2, *22*) имеет примесь раковины в тесте. Венчик закруглен, шейка выражена слабо, стенки в верхней половине наклонены внутрь. Наибольший диаметр сосуда расположен в нижней половине тулова. По верхней части тулова орнамент из трех горизонтальных рядов коротких косо поставленных отпечатков зубчатого штампа. Аналогии такой посуде выявляются в Каранаевском могильнике IX—X вв. [5]

Серебряные накладки поясного набора подпрямоугольной формы с разделенной на части поперечными и продольными выемчатыми линиями внешней поверхностью (рис. 2, *2—4*) крепились на кожаном поясе. Последний с внутренней стороны был продолжен подогнутой и прошитой по краям жилами лентой холщовой материи. Ширина пояса 1,7 *см*. Две серебряные фигурные подвески-накладки (рис. 2, *6*, *7*) видимо, являются поздним вариантом одного из типов широко распространенных еще в VII в. биякорьковых накладок.

Интерес представляют бронзовые шумящие подвески могильника с коньковым (рис. 2, *11*) и арочным (рис. 2, *12*) щитками. Первая из них близка к подобной подвеске из погр. 3 Барсова городка, датируемой Л. А. Голубевой IX—X вв. [6] Вторая имеет аналогии в памятниках Верхней Камы, Марийской АССР, Татарской АССР, Башкирии и также датируется IX—X вв. [7] Исходные типы этих вещей следует искать в верхнекамских районах, откуда они широко распространились в сопредельных областях.

Бронзовые височные подвески могильника с пластинчатой ажурной нижней частью (рис. 2, *9*, *10*) находят параллели в Хусаиновском могильнике, датированном Н. А. Мажитовым VIII—IX вв. [8]

Бронзовые сердцевидные пластинчатые подвески с ушком (рис. 2, *13*), употреблявшиеся в качестве женских украшений, имеют аналогии в Старо-Халиловском могильнике [9].

Остальные вещи, найденные в изголовье костяка в погр. 1 (железная пряжка с круглой рамкой (рис. 2, *8*), бусы (рис. 2, *1*), бронзовая цепочка), широко распространены. В целом они не противоречат датировке IX—X вв.

Металлические поделки узды составляют набор, характерный для кочевого и полукочевого населения этого времени на громадной территории от Паннонии до Саяно-Алтая. В Чишминском могильнике они крепились на кожаный ремень шириной 1,7—2 *см*. С внутренней стороны ремень имел берестяную прокладку.

---

[4] *Чанад Балинт.* Погребения с конями у венгров в IX—X вв. В сб. «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1972, стр. 177—179.

[5] *Н. А. Мажитов.* Отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2889а, рис. 22 и др.

[6] *Л. А. Голубева.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3, стр. 88, рис. 7, 14.

[7] *А. Х. Халиков, Е. А. Безухова.* Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, стр. 31, рис. 24, *2*; *Е. П. Казаков.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. АЭТ, 1. Казань, 1971, стр. 114, табл. XV, *7*; *В. А. Оборин.* Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье. ВАУ, 2. Свердловск, 1962, стр. 98, рис. 41, *5*; *Г. А. Архипов.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, стр. 66—68.

[8] *Н. А. Мажитов.* Отчет об археологических исследованиях в 1966 г. рис. 171, *1*.

[9] *Н. А. Мажитов.* Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II. Уфа, 1964, стр. 155, рис. 3, *22*.

В набор входят шесть серебряных литых блях для соединения трех ремней (рис. 2, *17*), восемь штампованных округлых позолоченных накладок с восемью полушарными выступами по краю и таким же выступом в центре (рис. 2, *19*, *20*), 15 штампованных накладок с изображением ромба, имеющего по всем сторонам округлые выступы (рис. 2, *18*), три штампованных наконечника ремня с выступами по краю лицевой поверхности и с бронзовой пластинкой, закрывающей внутреннюю часть пряжек (рис. 2, *16*), один малый (рис. 2, *24*) и два более крупных (рис. 2, *23*) пластинчатых наконечника ремней. Последние на месте шляпок штифтов имеют бронзовые пластинки, прижимающие ремни. В состав украшений узды входят также две фигурные бронзовые накладки из серебра (рис. 2, *6*, *7*) и три подтреугольные накладки из серебра (рис. 2, *21*).

Бляхи для соединения ремней, округлые и фигурные накладки узды (рис. 2, *15*, *17*, *19*, *20*) аналогичны подобным изделиям из Хусаиновского могильника [10]. Некоторые накладки по форме и орнаментации обнаруживают определенное сходство с бляшками уздечного набора X в. из Киева [11]. Округлые накладки с выпуклинами (рис. 2, *19*) находят также параллели среди находок из Западной Украины [12]. Широкое распространение получили подтреугольные накладки (рис. 2, *21*), датирующиеся IX—X вв.

Удила с восьмеркообразными приемными кольцами и с S-видными псалиями, имеющими в центральной части подпрямоугольные пластины с отверстиями (рис. 2, *26*), наибольшее распространение получили в VII—IX вв. [13]

Стремя высокоарочного контура с несколько закругленной широкой подножкой с выделяющимся центральным прутом (рис. 2, *27*) можно датировать VIII—XI вв. [14] Найденный рядом со стременем пластинчатый наконечник ремня (рис. 2, *25*), так же как и подобные наконечники от узды (рис. 2, *23*, *24*), ввиду широкого хронологического и территориального распространения датировать трудно.

Небогатый материал из погр. 2 (рис. 1, III) также имеет широкий, как хронологический, так и территориальный диапазон бытования.

В целом, судя по приведенным аналогиям, Чишминский могильник можно датировать IX—X вв. Он оставлен одной из этнических групп, имеющих ряд сходных черт в культуре с населением Башкирии и ранней Волжской Болгарии.

---

[10] *Н. А. Мажитов.* Отчет об археологических исследованиях в 1966 г..., рис. 171; рис. 174, *6*; рис. 175, *5*.

[11] *А. Н. Кирпичников.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, Е1-36. Л., 1973, стр. 27, рис. 11.

[12] *N. Fettich.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937, Taf. CXXXIV, *46*.

[13] *А. Н. Кирпичников.* Ук. соч., стр. 12, 13; *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1965, табл. IX, *7*.

[14] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 14.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА НА НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА

В 1910 г. на некрополе Херсонеса, расположенном на западном берегу Карантинной бухты, Р. Х. Лепер открыл могилу, описанную им в дневнике так: «Мог. № 133, костяк в верхнем слое головой на восток, левая рука вдоль туловища, правая на тазу; с левой стороны меч (3876), стрелы (3877—3878), 2 ножа (3879); обломки железные и бронзовые (колчана?); полоски, 15 скобок (7 осталось), 3 кольца (3882—3884); железная большая фибула (3880), железные обломки (3881). В нижнем слое костяки

в беспорядке, 3 черепа (2 очень низколобые, от 3-го задняя часть). 1 монета [Maxim]ianus (3885)» [1].

В полевой описи инвентаря из могилы № 133 значатся 12 наконечников стрел, из них 7 «након. стрел широких» и 5 «након. стрел узких: a. плоский (1); b. четырехгранные (2); c. трехгранная (1); d. неопр. (1)» [2].

В фондах Херсонесского музея хранятся всего девять наконечников стрел (рис. 1, *б*). Все они железные, черешковые, четыре из них плоские

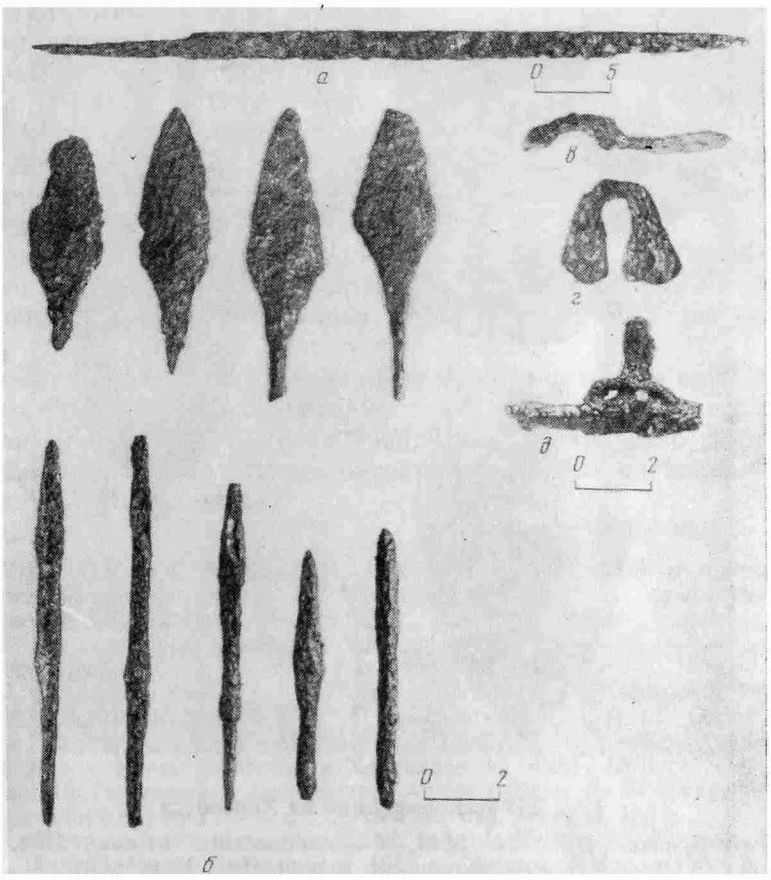


Рис. 1. Оружие из погребения русского воина:
а — боевой нож, *б* — наконечники стрел, *в*, *г* — скобы от колчана (ножен), *д* — застежка

(наибольшая длина 8,5 *см*), остальные граненые — один трехгранный и четыре четырехгранных (наибольшая длина 11 *см*). «Меч», обозначенный в дневнике и описи [3], на самом деле не меч, а длинный боевой нож (длина с черенком 46,5 *см*, наибольшая ширина лезвия 2,1 *см*) (рис. 1, *а*). Две уцелевшие скобы [4] (рис. 1, *в*, *г*) и три утерянных кольца [5] являются деталями колчана и, возможно, ножен. «Обломки железные и бронзовые от колчана (?)» утрачены, но, судя по рисункам в дневнике и описи [6], это действительно фрагменты оковки колчана. Кроме того, сохранилась желез-

[1] *Р. Х. Лепер.* Дневник за 1910 г. Архив ХМ, д. 72, л. 29.
[2] *Он же.* Опись древностей 1910 г. Архив ХМ, д. 103, л. 61, № 3877—3878.
[3] Там же, л. 61, № 3876.
[4] Одна из них (рис. 1, *в*) в описи названа фибулой. *Р. Х. Лепер.* Опись древностей 1910 г., д. 103, л. 61, № 3881.
[5] Там же, л. 62, № 3884.
[6] Там же, л. 62, № 3882, 3883; *Р. Х. Лепер.* Дневник за 1910 г., д. 72, л. 29.

ная застежка, в петлю которой продето кольцо (фрагментировано) [7] (рис. 1, *д*).

Итак, боевой нож, колчан с 12 стрелами и два, вероятно небольших, ножа (не сохранились) [8] составляют часть боевого комплекта легковооруженного воина.

Погребение необычно для средневекового Херсонеса. Во-первых, на некрополе города нет ни одного средневекового погребения с оружием (тем

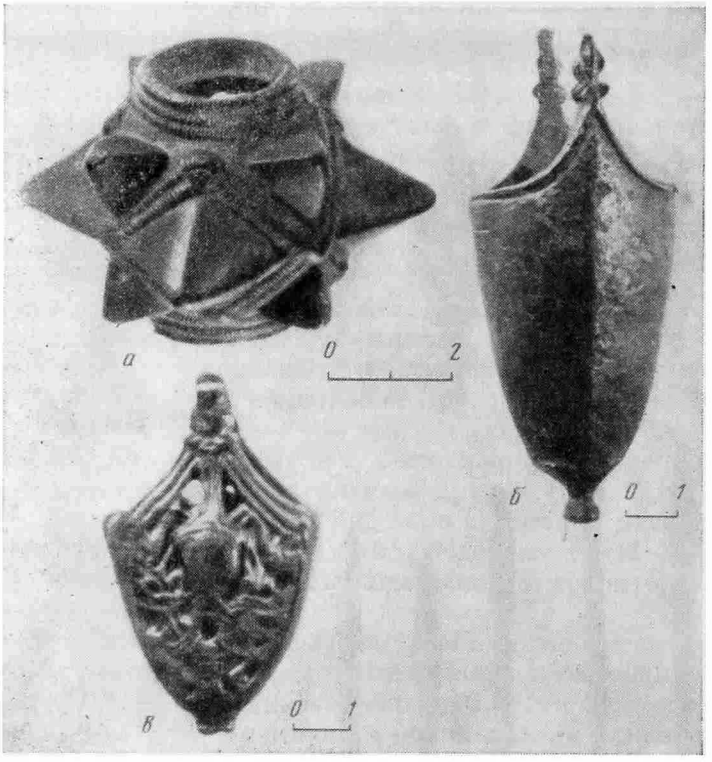


Рис. 2. Русское оружие из Херсонеса:
а — булава. Инв. № 5518, *б* — наконечник ножен. Инв. № 4458/1, *в* — наконечник ножен. Инв. № 4458/3

более с комплектом оружия — это единственное). Во-вторых, одиночные античные могилы не использовались для захоронений в средневековое время [9]. В данном случае могила X—IV вв. [10] была вторично использована. Очевидно, захоронение производилось в неблагоприятных условиях и его необходимо было совершить быстро [11]. По всей видимости, погребенный был из войска, воюющего с Херсоном,— кочевнического или русского. Признаков, характерных только для кочевников, в инвентаре могилы нет. Набор плоских и граненых черешковых наконечников стрел и детали колчана в равной степени типичные для всех воинов IX—X вв., как кочевников, так и русских [12]. Единственным предметом, дающим нам право связы-

[7] В описи и дневнике названа фибулой. Там же, л. 29; *Он же*. Опись древностей 1910 г., д. 103, л. 61, № 3880.

[8] В описи сказано: «Железные ножи (2) узкие». Там же, л. 61, № 3879.

[9] Только в семейных склепах Херсонеса хоронили, начиная с поздней античности и кончая X—XI вв.

[10] В нижнем погребении монета Максимиана III.

[11] В районе Карантинной бухты грунт скалистый и могилу надо было не рыть, а вырубать в скале.

[12] *М. К. Каргер*. Древний Киев. I. М.— Л., 1958, стр. 153, рис. 18; стр. 184—185, рис. 32; стр. 186, рис. 34, табл. XXV (погребения 86, 113, 114). Особенно близок материал из погр. 113; *А. Ф. Медведев*. Русское метательное оружие. Лук и стрелы, са-

вать это погребение с Русью, является длинный боевой нож, имеющий по форме и размерам абсолютное сходство с древнерусскими боевыми ножами — скрамасаксами, которые, по мнению А. Н. Кирпичникова, в X в. уже архаичны, а в XI в., очевидно, исчезают совсем [13].

Таким образом, все аналогии не заходят за пределы X в. Не является ли погребенный на некрополе Херсонеса воином, входившим в русскую дружину и погибшим у стен Корсуня во время осады города князем Владимиром? Он был захоронен вооруженным, согласно обряду, уже исчезнувшему в Херсонесе к этому времени.

Следует сказать, что нож при погребенном воине не единственная находка характерного русского оружия X в. на территории средневекового Херсонеса. В 1903 и 1905 гг. [14] (рис. 2, *б*, *в*) в южном и в 1951 г. в северном [15] районах херсонесского городища найдены три наконечника ножен русского типа, относимых Г. Ф. Корзухиной к концу X — началу XI в. [16] Можно предполагать, что и эти вещи оказались в Херсонесе в связи с походом князя Владимира на Корсунь.

К более позднему времени относится бронзовая литая двенадцатишипная булава (рис. 2, *а*) русского происхождения, найденная в 1910 г. в северо-восточном районе Херсонеса в доме XIII—XIV вв., сгоревшем в пожаре [17].

Со времени публикации двух работ [18], посвященных проблеме русско-корсунских связей, устанавливаемых по археологическому материалу, в собрании Херсонесского музея увеличилось количество вещей русского происхождения, которые в целом не меняют выводов, сделанных Г. Ф. Корзухиной и А. Л. Якобсоном.

мострелы VIII—XIV вв. САИ, Е1-36. М., 1966, стр. 127, табл. 7; *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. XII—XIII; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 158, 159.

[13] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие. САИ, Е1-36, М.— Л., 1966, стр. 72, рис. 17 на стр. 70.

[14] *К. К. Косцюшко-Валюжинич.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. ИАК, вып. 16. СПб., 1905, стр. 75 (инв. № 4458/1); *его же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. ИАК, вып. 25. СПб., 1907, стр. 138 (инв. № 4458/3).

[15] *Г. Д. Белов.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1945—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 227, рис. 19 (хранится в Эрмитаже). Аналогичные: *Г. Ф. Корзухина.* Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950, стр. 67, табл. I, 44.

[16] *Г. Ф. Корзухина.* Ук. соч., стр. 65, 66, табл. I, 26; стр. 67, 68, табл. I, 48.

[17] *Р. Х. Лепер.* Опись древностей 1910 г. Архив ХМ, д. 103, л. 58, № 3625 (инв. № 5518). Аналогичные: *А. Н. Кирпичников.* Ук. соч., стр. 52, тип. IV, табл. XXVII, 4.

[18] *Г. Ф. Корзухина.* О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ, XIV, 1958, стр. 129 сл.; *А. Л. Якобсон.* К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). Там же, стр. 116 сл.

В. А. БУРОВ

«МУЖ ДОБРЪ ЕСИФЪ ДАВЫДОВИЧ»

Вероятность отождествления людей, упоминаемых в берестяных грамотах, с людьми, упоминаемыми в летописях и архивных документах, как отмечает А. В. Арциховский, ничтожно мала. В Новгороде за 500 лет жили и умерли сотни тысяч человек.

Подавляющее большинство писем, подчеркивает А. В. Арциховский, адресовано людям, которые в историю не вошли [1]. Поэтому вполне понятен тот интерес, который вызывает каждая новая грамота, содержащая

---

[1] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.) М., 1958, стр. 8. Далее *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* НГБ (1955).

имя, реально сопоставимое с летописным известием. Таких имен известно пока очень мало. Письма на бересте, найденные во время раскопок в Новгороде, донесли до нас автографы представителей знатного боярского рода Мишиничей-Онцифоровичей [2], имена посадника Андрея Ивановича [3], священника Анания Курицкого [4], возможно, посадника Мирошки Нездинича [5]. К их громким именам мы можем добавить еще одно, более скромное,— Есиф Давыдович.

Этот человек упоминается в Новгородской первой летописи под 1342 г.: «Того же лета загореся в Новегороде на Даньславли улици, и погоре по берегу до гребли, а в гору до святых 40 и до святых Кузмы Дамиана, а церкви 3 гореша: святыи Никола и святыи Яковъ каменая, ту и сторожь сгоре, и муж добръ сгоре Есифъ Давыдович» [6].

Еще в прошлом столетии авторы указателя к первым восьми томам Полного собрания русских летописей — А. Ф. Бычков и Н. П. Барсуков —

Грамоты усадьбы Б (12–8-й ярусы)

Ярус	№ грамоты	Имя адресата	Имя автора	Краткое содержание
	62	–	–	Отрывок без толкований
	63	–	–	То же
12	65	Есиф Давыдович	Матвей	Просьба прислать попоны, мешки...
	148	«Господин» Прокопий	Иев	О денежных операциях
	149	–	–	Отрывок без толкований
	51	–	–	То же
11	67	«Господин» Василий, жена Василия	Яков	О семейных делах
	138	–	Сильвестр	Ростовщическая записка
	142	Онфим	Есиф	Письмо о тяжбе из-за села
	48	–	–	Отрывок без толкований
	137	–	–	О бессудной грамоте
10	140	«Господин» Семен	Марк	Просьба быть свидетелем об уплате серебра Давыду
	144	Косарик	Есиф	Приказ взять у Тимофея сигов
	145	–	–	Отрывок без толкований
	146	Матфей	Давыд	Сохранился заголовок
	31	«Господин»	–	Текст феодального обязательства
9	92	–	–	Перечень рыбаков
	93	Микула. Куцей	–	Начало приказа. Не дописан
9–8	5	Матфей	Давыд, Есиф	Просьба постоять за «сироту»
8	132	–	–	Отрывок без толкований

Примечание. Таблица составлена на основе публикаций грамот А. В. Арциховским («Новгородские грамоты на бересте») и сводного плана находок берестяных грамот на Неревском раскопе, составленного В. Л. Яниным в книге «Я послал тебе бересту».

отождествили Есифа Давыдовича со сгоревшим церковным сторожем [7]. Впоследствии эта ошибка перешла на страницы современного академиче-

[2] *В. Л. Янин.* Заметки о новгородских берестяных грамотах. СА, 1965, 4, стр. 104—123.

[3] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957). М., 1963; грамота № 310, стр. 142—144.

[4] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 151.

[5] *В. Л. Янин, Б. А. Колчин, Б. Д. Ершевский, А. С. Хорошев.* Новгородская экспедиция. АО — 1973, М., 1974, стр. 36.

[6] Новгородская первая летопись (далее НПЛ). М.— Л., 1950, стр. 355.

[7] Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, изданных Археографическою комиссиею. Отдел первый. СПб., 1898, стр. 457.

ского издания Новгородской первой летописи [8]. Однако фраза «муж добрый», указывающая на высокое социальное положение Есифа Давыдовича, а также сам строй предложения («... и сторожь сгоре, и муж... сгоре...») заставляют нас прийти к выводу, что речь идет о двух разных людях: стороже и знатном новгородце Есифе Давыдовиче. Важно также отметить, что подробное описание района пожара 1342 г. содержит данные о местожительстве Есифа. Пожар охватил Неревский конец от рва детинца («гребли») до Даньславлей улицы, которая расположена к северу от кремля после Яневой, Щерковой, Розважи, Кузьмодемьянской, Холопьей, Борковой, Романовой улиц [9]. Он прошел в основном берегом Волхова, но захватил церкви святого Николая и святого Якова, 40 святых, Кузьмы и Демьяна.

Таким образом, пламя огня полукольцом очертило тот район, население которого имело связь с названными церквами. Где-то между Даньславлей улицей и детинцем в первой половине XIV столетия и жил «муж добръ Есифъ Давыдович». Неревский раскоп (1951—1962 гг.), вскрывший значительную часть средневекового Новгорода, пришелся как раз на эту территорию. Вот почему археологи имели реальные шансы обнаружить усадьбу Есифа Давыдовича. И действительно, на одном из городских участков, огороженных частоколом на перекрестке Великой и Холопьей улиц (усадьба Б), в слоях конца XIII — первой половины XIV в. были встречены грамоты, связанные с именем Есифа. Одна из них имела заголовок: «Ко Есифу ко Давидову» (грамота № 65: 12-й ярус, 1281—1299 гг.) [10]. В трех других посланиях значилось только имя Есифа: № 142 — 11-й ярус (1299—1313 гг.); № 144 — 10-й ярус (1313—1340 гг.); № 5 — 9-й ярус (1340—1369 гг.) (таблица).

Как видно из приведенных дендрохронологических дат ярусов, грамоты Есифа датируются 1281—1369 гг. Такой большой хронологический диапазон (88 лет) объясняется, с одной стороны, широтой датировок грамот в ярусах, с другой — перекопами, нарушающими стратиграфию залегания писем на бересте. О случаях перекопов в литературе писали неоднократно [11]. Опираясь на данные летописи и стратиграфию берестяных посланий усадьбы Б, мы можем внести уточнение в датировку комплекса грамот Есифа Давыдовича. Верхнюю дату писем Есифа определяет 1342 год (пожар в Неревском конце), что не противоречит дате последней грамоты Есифа № 5 (1340—1369 гг.). В определении нижнего хронологического рубежа важное место отводится грамоте № 65. Как отмечалось выше, письмо датируется 1281—1299 гг. Однако точным подтверждением этой даты береста № 65 не располагает: она не имеет четких палеографических признаков, и ее можно отнести как к последней четверти XIII в. (12-й ярус), так и к первой четверти XIV в. (11-й ярус). Отнести грамоту ко времени 12-го яруса только потому, что она найдена в его слоях, у нас нет оснований, так как из того же яруса происходит письмо, адресованное «господину Прокопию» (№ 148), а в последующем 11-м ярусе встречены послание № 67 «господину Василию», ростовщическая записка некоего Сильвестра (№ 138) вместе с берестой Есифа (№ 142) (таблица). Разнородность грамот 12—11-го ярусов, чередование писем Есифа с грамотами других лиц говорит о перекопах в данных слоях. Принимая во внимание этот факт, а также то, что в последующих 10—9-м ярусах найдены только грамоты Есифа, мы склонны выделить 11-й ярус (1299—1313 гг.) в качестве рубежа,

---

[8] ПНЛ, стр. 587. Указатель составил И. П. Доронин.

[9] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964. Вклейка, стр. 268. Ср. *Н. Н. Муравьев.* Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей. М., 1826. См. план (вклейка).

[10] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952). М., 1954, стр. 65, 66.

[11] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту, стр. 140—142; *А. В. Куза, А. А. Медынцева.* Заметки о берестяных грамотах. НЭ, XI, М., 1974, стр. 216.

со времени которого на усадьбе Б живет Есиф Давыдович, и отнести грамоту № 65 ко времени 11-го яруса.

Несколько слов о всем комплексе писем Есифа. Мы включаем в него не только названные четыре послания, но и все остальные восемь писем на бересте из 10—9-го ярусов усадьбы Б. Письма в основном сохранились в отрывках и не донесли имена их адресатов и авторов. Однако нахождение грамот в слоях, которые достоверно связаны с владельцем усадьбы Б Есифом, заставляет нас включить восемь документов в комплекс его грамот. Важно также отметить, что в 8-м ярусе на усадьбе не зарегистрировано берестяных писем, за исключением одного неразборчивого отрывка (таблица). Наличие «бесписьменного периода» в 8-м ярусе исключает тем самым возможность попадания грамот нового хозяина усадьбы Б (после смерти Есифа) из слоев 8-го яруса в 9-й. Это еще один аргумент в пользу того, что все письма 10—9-го ярусов связаны с Есифом Давыдовичем. Следует также отметить, что подобный метод успешно применен В. Л. Яниным при характеристике переписки Онцифоровичей [12]. Всего комплекс грамот, связанных с данным именем, насчитывает 12 свитков: № 65, 142 — 11-й ярус; № 48, 137, 140, 144, 145, 146 — 10-й ярус; № 5, 31, 92, 93 — 9-й ярус. Таким образом, археология предоставляет возможность раздвинуть узкие рамки летописи и пополнить наши знания об одном из знатных новгородцев первой половины XIV в., «муже добром» Есифе Давыдовиче, упомянутом в летописи.

Обзор грамот Есифа начнем с одной из самых ранних (№ 65). Береста № 65 содержит просьбу некоего Матвея:

«Поклно от Матвия ко Есифу ко Давидову. Вывези ми 2 медведна да веретиша, да попонь. А к ...» На обороте тем же почерком написано: «Ажь водя по 3 рубля продаи, али не водя — нь продаи» [13].

Мы склонны трактовать эту бересту как просьбу Матвея Есифу Давыдовичу прислать мешки и попоны. Возможно, он знает и отца Есифа, поэтому в письме и обращается «ко Есифу ко Давидову».

Л. В. Черепнин отождествляет термин «водя» со словом «свод», а слову «продаи» он придает значение «привлеки к уголовной ответственности, заставь уплатить продажу». Отсюда исследователь приходит к заключению, что слово «вывези» означает не покупку вещи, а возврат ее по окончании «свода». В итоге грамота № 65 трактуется им следующим образом. «Свод» (т. е. особого рода расследование, при котором каждый человек, подозреваемый в воровстве, должен был указать, у кого он купил спорное имущество) вышел за пределы города, где жил Матвей. В связи с этим Матвей поручил дальнейшее ведение дела Есифу. Согласно ст. 31 «Русской правды», Есиф должен идти по «своду» до третьего ответчика, который и должен возместить истцу стоимость пропавшего имущества. Л. В. Черепнин указывает, что, по «Русской правде», «продажа» составляет три гривны, и автор берестяной грамоты № 65 пишет: «по 3 рубля продай». Цифры сходятся [14]. Мы не наблюдаем смысловых противоречий в подобной трактовке. Но основа ее — замена значений слов «продай», «водя» — вызывает некоторые сомнения и настораживает. Мы полагаем, что письмо № 65 все же представляет переписку двух знакомых (близких) людей — Матвея и Есифа. Термин «продай», на наш взгляд, не нуждается в его переосмыслении, а слово «водя», которое исследователи пытались переводить как «торгуясь» [15], «хлопоча» [16], наконец, «свод» [17], этимологически связано

---

[12] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. М., 1965.

[13] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952). М., 1954, стр. 65, 66.

[14] *Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 58—60.

[15] *Д. С. Лихачев.* Рец.: А. В. Арциховский. НГБ (1952), СА, XXVII, 1957, стр. 329.

[16] *Л. П. Жуковская.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 71.

[17] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 60.

с глаголом «водиться» (быть в наличии). Тогда все письмо следует рассматривать как просьбу Матвея прислать мешки, попоны и еще что-то (к сожалению, конец грамоты оторван). Об этом последнем и говорится на обороте: если водится, то продай по 3 рубля, если нет, то не надо.

Грамота № 142 дает нам представление о некоторых хозяйственных заботах Есифа. Приводим ее текст в переводе А. В. Арциховского: «От Есифа к Онфиму. Если пришлет от Марка к тебе людей Олекса или к жене моей, отвечай ему так: как ты, Марк, договорился со мною, я выеду к тебе на Петров день (29 июня) и осмотрю свое село, а ты снимешь свою рожь, а я отдам тебе проценты, а основной капитал отдан. А если я пришлю сошники, тогда вы им дайте моих голубых коней, с людьми дайте, не запрягая в сохи. А если он не возьмет, пустите их в стадо перед людьми. Пусть он начинает тяжбу, а не я, я сам с ним сговорюсь» [18].

А. В. Арциховский грамоту не комментирует. Комментарии Б. Б. Кафенгауза [19] и Л. В. Черепнина [20] схожи между собой. Исследователи полагают, что здесь речь идет о борьбе за перераспределение феодальной земельной собственности, о закладе села, о займе под залог земли. Нам представляется, что подобная трактовка письма № 142 приемлема. Необходимо лишь внести некоторые уточнения, касающиеся личности Марка, Олексы, Онфима, Есифа.

Есиф, несомненно, владелец усадьбы Б. Он находится где-то за пределами города и посылает письмо домой Онфиму или своей жене, живущей в Новгороде на усадьбе. Онфим, по-видимому его сын или брат, во всяком случае не управляющий, так как грамота начинается со слова «приказ», употреблявшегося для предписания служебного, семейного, частнохозяйственного характера [21]. Перед нами же переписка равных: «От Есифа к Онфиму». Фраза «...если пришлет от Марка... людей Олекса» говорит в пользу того, что Олекса подчинен Марку. Скорее всего он является управляющим Марка и, выполняя его поручение, присылает к Онфиму людей. Марк, как и Есиф,— землевладелец. Конфликт идет по линии Марк — Есиф из-за села. Итак, из грамоты № 142 следует, что Есиф — владелец одного из сел Новгородской земли, достаточно крупный феодал, которому помимо земли принадлежит табун лошадей, упомянутый в письме. На эту черту хозяйства Есифа обращает внимание П. И. Засурцев [22].

Берестяное письмо № 140 снова упоминает Марка, теперь уже в качестве автора грамоты, которую он написал Семену с просьбой подтвердить, что он, Марк, заплатил серебро Давыду: «Господину Сьмену Марко целомо бьет. Упомни, цто есмь платилъ серебро перьдо тобою Давыду. А тогды улицане поминале» [23]. Л. В. Черепнин считает, что Семен нужен Марку как свидетель уплаты им долга Давыду. Очевидно, тот возбудил или хочет возбудить против Марка иск [24]. Добавим, что Давыд, очевидно, отец Есифа, а грамоту на усадьбу Б принес Семен, решивший выполнить просьбу Марка. Неоднократные связи усадьбы Б с Марком, зафиксированные берестяными посланиями, по всей видимости, объясняются тем, что Есиф и Марк — соседи по владениям и живут на одной улице. Отсюда становятся понятны истоки конфликта Марка и Есифа из-за села, объясняется также, о каких уличанах говорится в бересте. Б. Б. Кафенгауз подчеркивает, что для понимания грамоты № 140 надо обратиться к Новгородской судной грамоте, где говорится о правах улицы (как определенной самоуправляю-

---

[18] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* НГБ (1955). М., 1958, стр. 21.
[19] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах. История СССР, 1960, 1, стр. 173.
[20] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 120, 121.
[21] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 22.
[22] *П. И. Засурцев.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, стр. 167.
[23] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955). М., 1958, стр. 16.
[24] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 325.

щейся единицы) защищать проживающих там и являющихся членами данной уличной организации лиц на суде [25].

Грамота № 31 снова имеет отношение к хозяйству мужа доброго Есифа Давыдовича. Она дошла в отрывке, уцелел лишь конец: «...дину своему много целомъ бью о сироте, тобе, осподине, и потомъ приходя куньницею на годъ» [26].

А. В. Арциховский трактует ее как феодальное обязательство. Вслед за челобитьем и клятвой верности, пишет он, идет обязательство вассала приходить раз в год и приносить с собой в виде оброка куницу. Вассал, видимо, был небогатым крестьянином [27]. Л. В. Черепнин видит в этом берестяном свитке челобитье феодалу «о сироте», т. е. о крестьянине. Трудно сказать, замечает он, что явилось поводом для челобитья. Может быть, «сирота» вновь порядился на участок земли и при этом определяются его повинности. Но возможно, речь идет о крестьянине-старожильце, недовольном феодальным произволом и поставившем вопрос о документальном закреплении своих обязанностей в отношении феодала (конкретно ставится вопрос о «даре», взимавшемся сверх оброка) [28]. Мы не беремся комментировать сам текст документа, а также соглашаться или отвергать чье-либо мнение.

Береста № 31 слишком отрывочна для ее четкого толкования. Письмо № 137, найденное в 10-м ярусе (1313—1340 гг.), содержит самое раннее упоминание бессудной грамоты на бересте: «...(н)а судъ и не ста Филипець... (пос)лахомъ грамоту бесудну... (м)олодьжиимъ пожнею по...» [29].

Из этого отрывка следует, что некто Филипец вел тяжбу о пожне (покосе). Несомненно, его противником мог быть только Есиф. Филипец не пошел в суд, что дало возможность Есифу получить от судей документ, обвиняющий своего противника. Для нас эта береста ценна тем, что она указывает на предмет раздора между неким Филипцом и Есифом — пожню. Из чего становится известно, что Есиф владеет и покосами. Вспомним табун лошадей, упоминаемый в послании № 142.

Грамота № 92, обнаруженная среди прочих грамот владельца усадьбы Б, датирующихся первой половиной XIV в., проливает свет еще на одну черту хозяйства Есифа: «...на Спехове на Стефана лосось. На шюрине егоо лосо. На Сидоре лосъсъ. На брате егос лсосъ. На Фларе 28,12. На Заяце 4 беле. На Лавре 2 лососи. На Олферье 9 лососеи. На Суике 9 лосо. Оу Петра 13 лососи. На Стуковиць 2 лососи. На Миките 4 лососи. На Сидоре 2 лососи...» [30]. Мнения по поводу этой грамоты разнообразны. А. В. Арциховский полагает, что автором ее является купец-рыбник, который торговал лососиной и скупал у рыболовов товар [31]. Б. Б. Кафенгауз [32] и В. Л. Янин [33] склонны видеть здесь запись не товара, а оброка, уплачиваемого зависимыми крестьянами господину рыбой и частично белками. В. Л. Янин подсчитывает приблизительно вес рыбы (около 360 *кг*) и высказывает предположение, что часть лососей феодал продавал на рынке. Л. В. Черепнин считает, что в бересте № 92 больше данных в пользу записи сделок рыботорговца и независимо от трактовки она характеризует развитые товарные отношения или через крестьянское, или через барское хозяйство [34]. Присоединяясь к заключению Л. В. Черепнина, мы отметим, что в любом случае Есиф имел отношение к торговле рыбой.

---

[25] *Б. Б. Кафенгауз.* Ук. соч., стр. 173.
[26] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952). М., 1954, стр. 32, 33.
[27] Там же, стр. 33.
[28] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 242, 243.
[29] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955). М., 1958, стр. 10, 11. Ср. *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 343.
[30] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954). М., 1958, стр. 16.
[31] Там же, стр. 18, 19.
[32] *Б. Б. Кафенгауз.* Ук. соч., стр. 171—173.
[33] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту, стр. 148, 149.
[34] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 276.

Сохранилось несколько распоряжений по хозяйству.

Грамота № 144: «Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сиговъ о 3 рубля, а роко на ростово...» [35]. В переводе А. В. Арциховского письмо звучит так: «Приказ Косарику от Есифа. Возьми у Тимофея 50 сигов рубля на три. А срок до рождества». Иными словами, Косарик должен взять у Тимофея рыбу в кредит сроком до рождественского праздника [36]. Имеются и другие толкования грамоты [37].

Приказ № 93 не дописан: «Се приказъ о Микули Куцееви о ме...» [38]. Однако манера письма, начертание букв — все говорит об абсолютном тождестве почерков обоих приказов. Следовательно, письмо № 93 написал также Есиф, причем писал на самой усадьбе Б, но не закончил и выбросил.

Письма № 146 и № 5 адресованы Матфею: одно написано Давыдом, другое — Давыдом и Есифом. Давыд — несомненно отец, так как его имя стоит по старшинству перед именем Есифа. Приведем текст.

Грамота № 5: «Поклонъ от Давыда и отъ Есифа къ Матфею [39]. Постои за нашего сироту, молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамоте; не дасть на него» [40]. В основу прочтения этого письма надо положить комментарий грамоты № 5, предложенный Л. В. Черепниным: крестьянин («сирота») Есифа или Давыда и Есифа находится под судом. Ему, вероятно, предъявлено обвинение кем-то со стороны, поэтому происходит «сместный суд». Владелец (Есиф) или владельцы (Есиф и Давыд) крестьянина обращаются к Матфею (вероятно, тиуну, ими выделенному) с предписанием защитить интересы их «сироты», т. е. по существу интересы своей вотчины (ибо защитником другой стороны выступает второй тиун, участвующий в «сместном суде» [41]). Таким образом, Матфей, согласно взглядам Л. В. Черепнина,— приказчик при хозяйстве Есифа и Давыда. Но тогда и грамоту № 146, адресованную Матфею от Давыда, следует рассматривать как хозяйственное поручение, имеющее отношение к куме. «Поклоно от Давыда къ Матфию. Куме не изм...» [42].

Знакомство с комплексом берестяных грамот «мужа доброго» Есифа Давыдовича позволило уточнить летописное известие о богатом новгородце первой половины XIV в. Из грамот стало известно, что это весьма состоятельный феодал, имеющий в подчинении слуг; он владелец сел, табунов лошадей, покосов, не пренебрегающий и рыбной торговлей. Однако ценность писем, адресаты которых известны по летописи, заключается не только в этом. Они подтверждают надежность летописного повествования (в частности, Новгородской первой летописи), а также дают возможность проверить точность археологических датировок.

---

[35] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955). М., 1958, стр. 22, 23.

[36] Там же, стр. 24.

[37] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 273—275; *А. В. Куза, А. А. Медынцева.* Ук. соч., стр. 226.

[38] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954). М., 1958, стр. 19.

[39] *В. И. Борковский.* Драгоценные памятники русской письменности. Вопросы языкознания, 1952, 3, стр. 135.

[40] *А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951). М., 1953, стр. 34.

[41] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 144—146.

[42] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955). М., 1958, стр. 25.

Г. Н. ИВАНОВА

РЕЙНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ВО ПСКОВЕ

При раскопках во Пскове у здания педагогического института в 1968 и 1973 гг. были найдены два фрагмента керамики западноевропейского происхождения[1], один из которых (рис. 1, *а*) привлек внимание наличием сюжетного изображения.

Находка представляет собой фрагмент стенки сосуда с блестящей светло-коричневой поверхностью (в изломе глина серого цвета и напоми-

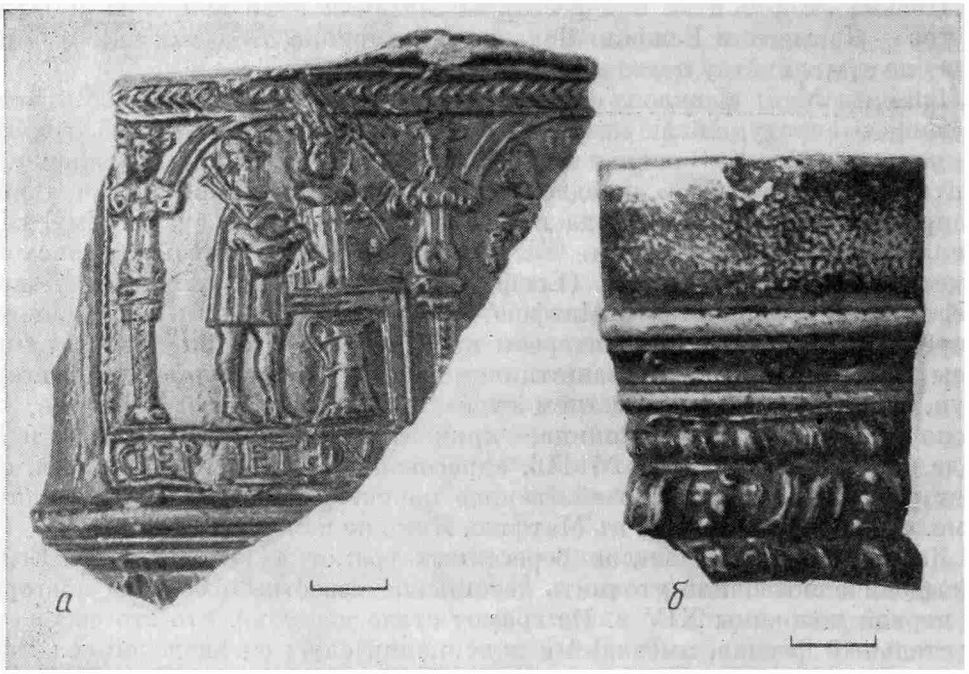


Рис. 1. Фрагменты рейнской керамики из раскопок в Пскове:
а — находка 1968 г.; *б* — находка 1973 г.

нает камень) и рельефным изображением архитектурной арки, под аркой — двух музыкантов. Под этим изображением сохранилась часть надписи из латинских букв.

Наша находка — фрагмент цилиндрической части тулова сосуда (ср. рис. 1, *а* и 2) — немецкой пивной кружки из так называемой каменной массы (Steinzeug). Общими признаками нашего фрагмента и немецких пивных кружек из коллекции Государственного Эрмитажа являются: блестящая коричневая поверхность, характер художественного оформления (рельеф) и хорошо спекшееся тесто глины, напоминающее камень. По месту происхождения глины такая керамика получила название рейнской.

Производство изделий из «каменной массы» началось на Рейне еще в XIII столетии. Во второй половине XV в. их стали покрывать соляной глазурью, введенной почти одновременно в Кельне, Зигбурге и Ререне[2].

---

[1] Хранятся в Псковском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике (находка 1968 г.— ПИХАМЗ 5689/106, 1973 г.— ПИХАМЗ 8567/16).

[2] *Б. А. Шелковников.* Рейнская керамика из раскопок в Дманиси. ВГМГ, т. XVI-В, Тбилиси, 1950.

Рис. 2. Пивная кружка из коллекции Отдела западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа $\left(\frac{\text{ОК}}{2404}\right)$

Глазурью покрывали готовую глиняную посуду. Обычно по окраске посуды можно определить мастерские, где она изготовлена[3]. Для изделий Зигбурга характерен светлый, почти белый черепок, для Ререна — темно-коричневый, для Кельна и Фрехена — серый[4].

---

[3] *V. Trummal.* Archeologilised kaevamised Tartu linnusel Eesti NSV Ajaloo küsimusi III, t. 161, Tartu, 1969.

[4] *Б. А. Шелковников.* Ук. соч.

Очень вероятно, что рассматриваемый фрагмент принадлежал сосуду, изготовленному в Ререне [5].

Для украшения тулова пивных кружек брались сюжеты, заимствованные из библии и мифологии, но чаще всего — с гравюр «малых немецких мастеров» [6]. Сюжет, часть которого представлена на нашем фрагменте, вероятно, взят с одной из гравюр Ганса Зебальта Бехама (1500—1550 гг.) — «Крестьянская свадьба» [7]. С аналогичного изображения неподвижно стоящих музыкантов начинается декоративный поясок на тулове пивной кружки из коллекции Государственного Эрмитажа. Буквы, которые видны на нашем фрагменте, совпадают с началом надписи на кружке из коллекции Государственного Эрмитажа: DER HET...

Стратиграфическая дата находки — XVI — начало XVII в. На сосуде из коллекции Государственного Эрмитажа (рис. 2) стоит дата изготовления — 1583 г. Следовательно, цифры 1 и 5, которые видны в верхнем правом углу рассматриваемого фрагмента (рис. 1, *а*), по аналогии следует принять за первые две цифры даты изготовления сосуда. Принимая во внимание годы жизни Г. З. Бехама, можно предположить, что изготовление кружки, которой принадлежал наш фрагмент с указанным выше сюжетом, в первой половине XVI в. было маловероятным. По аналогии с пивной кружкой из коллекции Государственного Эрмитажа датируем данную находку второй половиной XVI в.

Из прирейнских ремесленных центров эти сосуды вывозились в Северную и Восточную Европу [8].

Находки рейнской керамики являются вещественным свидетельством торговых связей Пскова.

---

[5] Mettlacher Museum. Deutsches Steinzeug bis zum Ende des 18 Jahrhunderts (beschrieben von F. Jaennicke), 1884, S. 29. Приношу благодарность научному сотруднику Государственного Эрмитажа О. Э. Михайловой за консультацию.

[6] Ibid., S. 30.

[7] *В. М. Невежина.* Нюрнбергские граверы XVI в. М., 1929, стр. 18.

[8] *V. Trummal.* Archeologilised kaevamised Tartu vanalinna territooriumil. Eesti NSV ajaloo kü simusi, VI, Tartu, 1970.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XIII—XIV ВВ. В ФЕРГАНЕ

На Дальверзинском поселении эпохи поздней бронзы возле сел. Аим в Восточной Фергане в 1971 г. нами открыто впускное погребение. Оно обнаружено в раскопе X при расчистке оборонительной стены, окружавшей восточную часть поселения бронзового века. Костяк залегал в культурном слое на глубине 80 *см* от поверхности. Контуры могильной ямы не удалось проследить. Погребенный положен вытянуто на спине, головой на север с небольшим отклонением к западу. Правая рука вытянута вдоль тела, а кости левой руки потревожены и сдвинуты. Ноги вытянуты. Череп находился не на месте, а лежал вместе с нижней челюстью и первыми позвонками на левой половине таза, черепной коробкой вверх и лицевой частью — на северо-запад (рис. 1). На позвонках никаких следов не сохранилось и неизвестно, в какое время голова была отделена от тела, при захоронении или позднее. Справа у плеча были положены части туши молодого барана — лопатка, кости задней ноги и ребра. На лопатке лежал железный нож. Между костями барана и плечом находился железный наконечник стрелы. Слева у плеча обнаружен обломанный черешок второго наконечника. Возле таза, в том месте, где должна была находиться левая кость, найден разрушенный железный предмет — по всей вероят-

ности, кресало. Здесь же возле черепа обнаружен обломок костяной накладки на лук.

На Дальверзине кроме рассматриваемого погребения в разные годы были выявлены еще три впускных захоронения: на южном участке цитадели в раскопе VII и на северной оборонительной стене в раскопе XI. Эти костяки также лежали вытянуто на спине, головой на север, но без вещей, и поэтому невозможно было определить их дату. Все впускные погребения Дальверзина располагаются на развалинах укреплений бронзового века, которые, очевидно, лучше всего сохранились к моменту захоронения и представляли в то время наиболее возвышенные участки на холме. Кроме этого, в южной части поселения на месте современного кладбища еще в 1961 г. местные жители открыли древнюю могилу, от инвентаря которой сохранились только железные стремена и псалий. На основании этих находок можно полагать, что здесь находилось погребение тюркского времени VI—VIII в.[1]

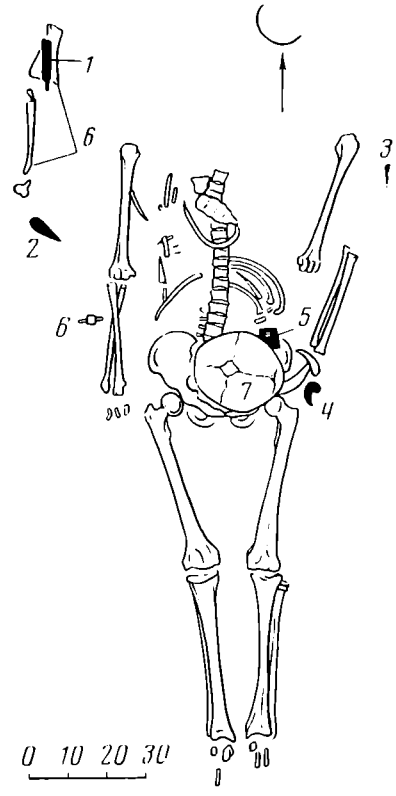


Рис. 1. Дальверзин. Впускное погребение: *1* — нож; *2* — наконечник стрелы; *3* — черешок наконечника стрелы; *4* — кресало; *5*— костяная накладка (*1* — *4* — железо); *6* — кости барана; *7*—череп

В опубликованной нами ранее заметке восточное дальверзинское погребение было предположительно также датировано тюркским периодом[2]. Однако изучение находок после их очистки позволило уточнить эту датировку. В этой связи наибольший интерес представляет железный плоский наконечник стрелы с черешком общей длиной 10,6 *см*, черешок — 3,8 *см* (рис. 2, *б*). Он относится к типу B-IX, по классификации наконечников стрел поздних кочевников Г. А. Федорова-Давыдова[3]. Железный нож (типа I, по Федорову-Давыдову) с прямым лезвием и уступом при переходе обушка к черешку и выступом на противоположной стороне в месте перехода лезвия к черешку, длиною 15 *см* (рис. 2, *в*). Железное кресало (типа БI, по Федорову-Давыдову) однолезвийное, «калачевидное» с треугольным выступом с внутренней стороны. Один конец у него обломан, длина 6,8 *см* (рис. 2, *г*). Обломок костяной, прямоугольной, слегка сужающейся кверху накладки на лук, длина сохранившейся части 5 *см*, ширина 2,8 *см* (рис. 2, *а*).

Все эти предметы, за исключением наконечника стрелы, широко распространены во времени и не могут служить основанием для точной датировки. Указанный тип наконечника характерен для памятников монгольского периода в Восточной Европе. Сходен он также по форме и размерам с находками в курганах Казахстана[4] и в Халчаянском впускном

---

[1] *Ю. А. Заднепровский.* Тюркские памятники в Фергане. СА, 1967, 1, стр. 270.

[2] *Ю. А. Заднепровский.* Поселение Дальверзин. АО — 1971. М., 1972, стр. 512.

[3] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 27.

[4] *А. Х. Маргулан.* Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры. ТИИАЭ АН КазССР, 7, 1959, рис. 5, *3*; *А. Г. Максимова.* Погребение воина XIV века. Вестн. АН КазССР, 1965, 5, табл. III, *3*, *4*; *М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева.* Погребение кипчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, рис. 2, *2*.

погребении в Южном Узбекистане [5], которые хорошо датируются монетами начала XIV в. [6] (рис. 3).

В отличие от казахстанских и узбекистанских погребений, содержавших богатый и разнообразный инвентарь, включая монеты, дальверзинское погребение принадлежало рядовому воину.

Состав погребального инвентаря и особенности погребального обряда (вытянутое положение на спине в грунтовой яме, северная ориентация,

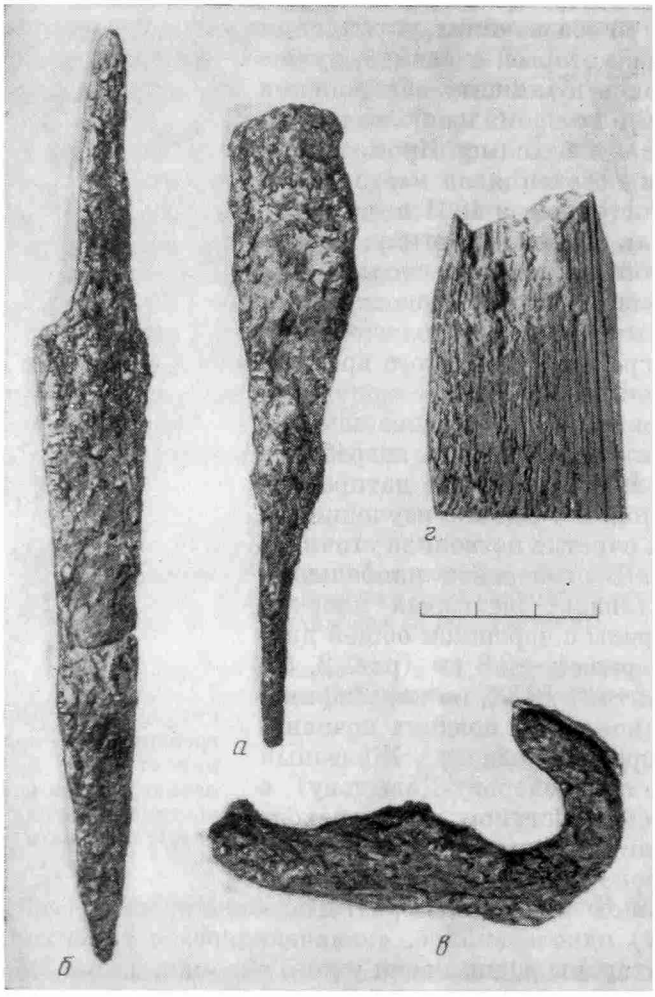


Рис. 2. Дальверзин. Вещи из погребения: *г* — костяная накладка; *а* — наконечник стрелы; *б* — нож; *в* — кресало

наличие костей барана — остатков ритуальной пищи) позволяют все же отнести дальверзинское захоронение к кругу памятников поздних кочевников, широко распространенных в степях Восточной Европы, северо-восточного Казахстана и известных также в Средней Азии. Интересно, что халчаянское погребение, как и описанное нами дальверзинское захоронение, произведено на развалинах древних поселений и, бесспорно, было оставлено пришлым кочевым населением. Погребенный в Халчаяне, по заключению исследователя, «принадлежал к монгольской или, во всяком

[5] *Г. А. Пугаченкова.* Погребение монгольского времени в Халчаяне. СА, 1967, 2, рис. 1.

[6] *М. Е. Массон.* К вопросу об изучении языческих курганных погребений. Вестн. АН КазССР, 1965, 1, стр. 82—84.

случае, монголизированной среде». Сходные по обряду погребения обнаружены также в Пскентском могильнике в Ташкентском оазисе. В грунтовых могилах костяки лежали вытянуто на спине головой на север в гробах-колодах. Среди разнообразного сопровождающего покойников инвентаря найдены монеты начала XIV в.[7] Эти пскентские погребения, за исключением гроба-колоды, очень близки Халчаяну[8].

Таким образом, на территории равнинной Средней Азии погребения поздних кочевников были обнаружены только в Ташкентском оазисе и Южном Узбекистане. К ним теперь можно добавить Фергану. В этих трех пунктах выявлены единичные могилы, несколько различающиеся по деталям обряда. Объединяет их прежде всего наличие погребального инвентаря. По этому признаку рассматриваемые памятники резко отличаются от синхронных погребений Средней Азии, совершенных по мусульманскому обряду. Отличаются они также и от погребения воина в долине р. Кашка-Дарья, заниженная датировка которого (IX—X вв.[9]) вызвала справедливое возражение[10]. Если обратиться к сравнению с более изученными памятниками Восточной Европы, то в разработанной Г. А. Федоровым-Давыдовым типологии могил поздних кочевников среднеазиатские погребения находят соответствие только с типом ДІ. К этому типу отнесены курганы с простыми грунтовыми могилами, с северной ориентацией погребенных и без костей коня. Памятники типа ДІ в Восточной Европе характерны главным образом для IV периода, датируемого XIII—XIV вв.[11] Подобные курганы появляются в восточных районах Казахстана в более раннее время, еще в X—XI вв., и достаточно обоснованно их отождествляют с кимако-кипчакскими племенами[12]. Казахстанские погребения этого типа, датируемые монетами XIV в., в литературе обычно связывают с кипчаками[13]. Обращает на себя внимание и имеет особое значение сходство погребального обряда Халчаянского погребения с Тасмолинским в Центральном Казахстане (положение скелета, вытянутого на спине, головой на север, с разведенными ногами, и положение в ногах принадлежностей седельного на-

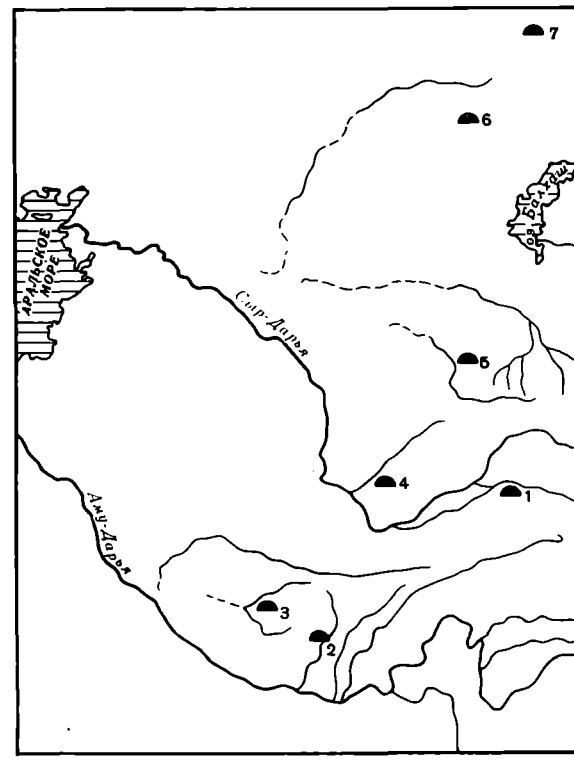


Рис. 3. Схема распространения в Средней Азии погребений XIII—XIV вв.: *1* — Дальверзин; *2* — Халчаян; *3* — Кыз-тепе в долине р. Кашка-Дарья; *4* — Пскент; *5* — Королевка в Джамбульской обл.; *6* — Жартас в долине р. Нура; *7* — Тасмола

[7] *М. Е. Массон.* Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 25.

[8] *Г. А. Пугаченкова.* Ук. соч., стр. 257.

[9] *С. К. Кабанов.* Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья. СА, 1963, 3.

[10] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 15, прим. 32.

[11] Там же.

[12] *Ф. Х. Арсланова.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.) Сб. «Новое в археологии Казахстана», 1968.

[13] *М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева.* Ук. соч.

бора). В этих могилах найдены одинаковые по форме железные стремена с широкой подножкой и узким отверстием в верхней дужке и одинаковые крупные плоские наконечники стрел, а также монеты начала XIV в.[14] Халчаянское погребение также сходно, за исключением ориентировки, с кипчакским захоронением в кургане в Джамбульской области [15]. В обоих случаях встречены близкие по типу стремена, сходные по форме орнаментированная бляха и серебряная чаша, а также монеты начала XIV в. Такое близкое сходство дает нам основание высказать более определенное заключение об этнической принадлежности кочевника, погребенного в Халчаяне, и отнести его к кипчакам. Вполне вероятно, что Пскентские и Дальверзинское погребения могут быть определены также. В пользу этого говорит сходство последнего с Тасмолинским по положению костяка, ориентации, нахождению ритуальной пищи: мяса барана у правого плеча, а железного кресала — у левой кисти. Совпадение перечисленных особенностей обряда вряд ли может быть случайным.

Среднеазиатские памятники времени поздних кочевников весьма малочисленны, и поэтому в настоящее время определить конкретную этническую принадлежность их можно только предположительно. Но оно не противоречит историческим фактам, указывающим на важную роль кочевого населения дешты-кипчакского происхождения. Известно, что кипчаки оказали существенное влияние на сложение современных тюркоязычных народов Средней Азии [16], а именно казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, что засвидетельствовано данными языкознания [17] и этнографии [18]. Однако достоверные сведения о появлении и пребывании этих племен в отдельных районах Средней Азии, и в частности в Фергане, отсутствуют в источниках. Что касается Ферганы, то Н. А. Аристов полагал, что кипчаки и найманы пришли сюда главным образом в XVI в. в составе отрядов шейбанидов, оговаривая возможность проникновения найманов еще в XIII в. [19]

Все эти вопросы могут быть положительно решены только после накопления материалов по поздним кочевникам, очень важному и археологически мало изученному периоду в истории тюркоязычных народов Средней Азии.

---

[14] *М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева.* Ук. соч.

[15] *А. Г. Максимова.* Ук. соч., табл. I, *1, 12*; II, *1*; III, *3, 7, 9*.

[16] Народы Средней Азии и Казахстана (в серии «Народы мира»), I. М., 1962, стр. 88, 169, 170; Очерки истории Каракалпакской АССР, т. I. Нукус, 1964.

[17] *Н. А. Баскаков.* Тюркские языки. М., 1960.

[18] *Ш. И. Иногамов.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1955; *Я. Р. Винников.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. ТКАЭЭ, т. I. М., 1956; *С. М. Абрамзон.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

[19] *Н. А. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов. Живая старина. СПб., 1894, вып. III—IV, стр. 432, 433.

А. К. СТАНЮКОВИЧ, А. Г. АТАВИН

ПРОСТЕЙШИЙ ПОЛЕВОЙ ЗОНД ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК

В археологических разведках поселений очень важным бывает не только установление наличия культурного слоя, но и выяснение его границ и предварительное изучение стратиграфии памятника. Для этого иногда применяется полевой бур [1], однако он не получил широкого распростране-

---

[1] *Д. А. Авдусин.* Полевая археология СССР. М., 1972, стр. 64.

ния в разведочной практике. Описываемый в настоящей работе полевой зонд позволяет производить как поиски культурного слоя, так и изучение его стратиграфии без раскопок памятника. Конструкция зонда заимствована из геологической практики. Зонд представляет собой стальную цилиндрическую штангу длиной 1 *м* и диаметром 1,8 *см*, заостренную с нижнего конца под углом 30° (рис. 1). На половине длины зонда фрезеруется канавка квадратного сечения со стороной 0,8 *см*. Верхний конец зонда имеет резьбу, на которую навинчивается 30-сантиметровый съем-

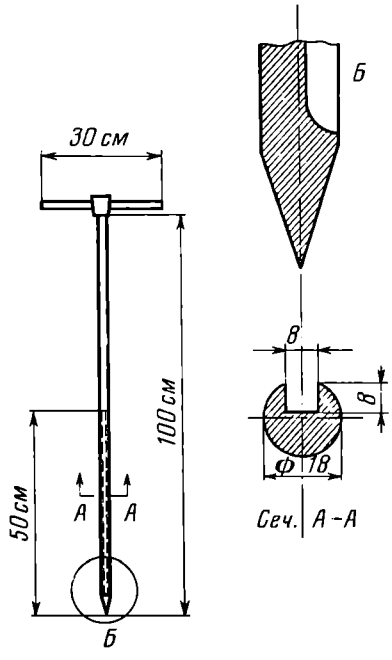


Рис. 1

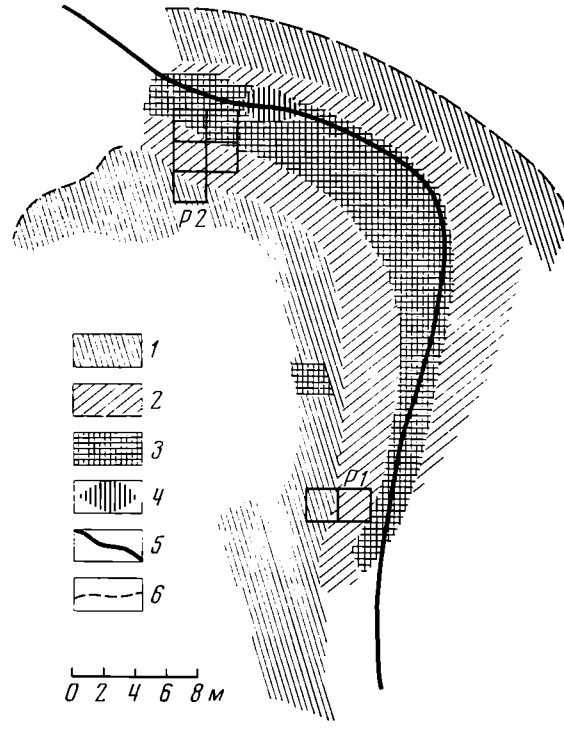


Рис. 2

Рис. 1. Конструкция полевого зонда

Рис. 2. Схематический план древнерусского селища близ г. Одинцово Московской обл. Условные обозначения: *1* — мощность культурного слоя 0—30 *см*, *2*—31—60, *3*—61—90, *4* — более 90 *см*, *5* — условная граница берегового склона, *6* — граница культурного слоя

ный вороток или дополнительная штанга. Такая конструкция позволяет изготовить зонд практически в любой механической мастерской за 1,5—2 часа, что делает его применение весьма доступным. Зонд втыкается (но не ввинчивается) в землю. При этом заостренный конец зонда обминает грунт вдоль штанги, образуя плотный канал. Канавка остается пока не заполненной. Потом с помощью воротка зонд прокручивается 4—5 раз. Острая кромка канавки срезает грунт со стенок канала, и канавка заполняется. Затем с помощью воротка зонд извлекается из земли, причем в канавке остаются зафиксированными все характерные, отличающиеся по цвету и текстуре прослойки культурного слоя, в том числе граница материка. Мощность прослоек измеряется линейкой. Если культурный слой мощнее 50 см, то зонд снова втыкается в тот же канал уже на всю длину. Если и этого недостаточно, то применяется дополнительная штанга. После каждого замера канавка очищается от грунта. В случае нахождения в культурном слое остатков каменных, деревянных и других сооружений, сквозь которые зонд проникнуть не может, он используется в качестве щупа для выяснения контуров сооружений. К сожалению, область при-

менения зонда ограничена небольшой глубиной, на которой можно производить работу без большой затраты сил (в рыхлом грунте до 1,5—2 *м*). Опыт авторов показывает, что применение зонда наиболее эффективно на памятниках лесной полосы Европейской части СССР, в основном на городищах и селищах раннего железного века и средневековья, обладающих четко выраженным, но сравнительно тонким культурным слоем. На рис. 2 приведены результаты зондирования культурного слоя древнерусского селища XII—XIII вв., открытого в июне 1974 г. близ г. Одинцово Московской обл. Работа проводилась экспедицией Музея истории и реконструкции г. Москвы, руководимой А. Г. Векслером[2] при участии сотрудника музея Н. Г. Синьковского. Культурный слой селища зондировался вдоль основных осей площадки селища через каждые 2 *м*. Ошибка измерений, как впоследствии показали раскопки, не превышала ±3 *см*. На схематическом плане селища условной штриховкой показаны зоны с различной мощностью культурного слоя и определены его границы.

Зонд применялся также при поисках других памятников и в процессе раскопок для предварительного изучения нижележащих пластов и материка.

К безусловным достоинствам зонда следует отнести прежде всего то, что он не портит памятник; кроме того, его портативность и малый вес, что позволяет брать зонд с собой в длительные пешие разведочные маршруты.

---

[2] *А. Г. Векслер, А. К. Станюкович, А. Г. Атавин, О. М. Данилова.* Археологические исследования в Подмосковье. АО — 1974. М., 1975. Авторы пользуются случаем выразить благодарность А. Г. Векслеру за предоставленную возможность опубликовать план селища.

Критика и библиография

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАТУФИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Обзор литературы)

Проблема происхождения натуфийской культуры не является частным вопросом переднеазиатской археологии. Значение ее определяется тем, что натуфийцы одними из первых в мире осуществили переход к производящему хозяйству. Ясно поэтому, что изучение начальных стадий этого процесса невозможно без четкого представления о том, являются ли натуфийцы пришельцами, хозяйство которых уже было затронуто новыми явлениями, либо в их лице мы имеем потомков местного населения, постепенно изменявшего характер своей экономики под воздействием ряда объективных факторов. К настоящему времени по этому поводу сложилось два мнения. Более старое гласит о том, что натуфийская культура сложилась на местной верхнепалеолитической основе через очень специфический комплекс Кебары. Сторонники этой точки зрения всегда подчеркивали неясность конкретной картины перехода от кебары к натуфу, поскольку кебаранская индустрия будто бы сильно отличается от натуфийской [1]. Второе мнение появилось совсем недавно в связи с исследованием новых кебаранских памятников (рис. 1). Оно заключается в том, что нижний натуф и развитая кебара — одновременные взаимовлияющие культуры. Вопрос о происхождении натуфийской культуры не ставится; она появляется как бы внезапно в области распространения кебаранских памятников [2].

Таким образом, рассматриваемая проблема находится сейчас в таком состоянии, что многие ученые предпочитают ее вообще не касаться [3]. Совершенно ясно, что ответ может быть получен только путем тщательного анализа кебаранских материалов и рассмотрения взаимоотношений между кебарой и натуфом. Однако ни одной работы такого рода автору неизвестно. В данной статье делается попытка заполнить этот пробел.

Впервые кебаранская индустрия была открыта Ф. Тюрвилль-Питром в 1931 г. при раскопках в пещере Мугарет-эль-Кебара, которая и дала название этой оригинальной культуре [4]. Позже сходные материалы удалось найти еще в двух местах. Это эль-Хиам, стоянка под скальным выступом, и открытый лагерь на холме у дер. Кефар-Виткин. Работы на обоих памятниках велись еще в 1933 г., однако результаты их были опубликованы лишь после второй мировой войны [5]. В послевоенный же период кеба-

[1] *R. Neuville.* La paléolithique et le mésolithique du desert de Judée. Paris, 1951, p. 119; *K. Kenyon.* Archaeology in the Holy Land. London, 1960, p. 36; *В. М. Массон.* К вопросу о мезолите Передней Азии. МИА, 126, М., 1966, стр. 165.

[2] *M. W. Prausnitz.* A study in terminology: the Kebaran, the Natufian and the Tahunian. IEJ, 1966, v. 16, № 3, 4, p. 223—226.

[3] См., например, *J. Perrot.* Palestine — Syria — Cilicia. Courses toward Urban Life. N. Y., 1962; *E. Anati.* Palestine before the Hebrews. London, 1963; J. Mellaart. Earliest civilizations of the Near East. London, 1965.

[4] *F. Turville-Petre.* Excavations in the Mugharet-el-Kebara. JRAI, 1932, v. LXII, p. 276.

[5] *R. Neuville.* Le paléolithique et le mésolithique...; *M. Stekelis.* Le gisement mésolithique du Kefar Vitkin. L'Anthropologie, 1968, t. 72, № 3, 4. Еще один важный памятник был раскопан в конце 30-х годов, См. *J. d'A. Waechter and V. M. Seton Williams.* The excavations at Wadi Dhobai 1937—1938 and the Dhobanian industry. JPOS, 1938, t. XVIII. К сожалению, автору не удалось ознакомиться с этой работой.

ранские орудия были зафиксированы на стоянке под скальным выступом Ксар-Акил (Ливан) [6], в пещере III Джабруда (Сирия) [7], на открытой стоянке Бикфая III, расположенной недалеко от Ксар-Акила [8]. Еще позже были исследованы такие интересные памятники, как стоянка под скальным выступом Мадамаг в Иордании [9], пещеры Ирак-эль-Баруд [10] и Хайоним [11] и открытая стоянка Эйн-Гуев [12] в Палестине.

Открытие кебаранских орудий сразу же поставило вопрос о взаимоотношениях кебары и натуфа. Поскольку кебаранский слой в пещере Кебара лежал ниже натуфийского и давал несколько иные находки, его исследователь Ф. Тюрвилль-Питр констатировал, что это мезолитический слой, более ранний, чем натуф, содержащий микролиты, значительно отличающиеся от натуфийских [13]. Этот вывод был сделан в начале 30-х годов, когда натуфийская культура еще только начинала изучаться, а кебаранские орудия были известны только на одном памятнике. Однако, поскольку еще долгое время после этого кебаранские памятники оставались плохо изученными, этот вывод укрепился в науке и стал в значительной степени традиционным. Тщательный анализ взаимосвязи между кебарой и натуфом с привлечением данных не только пещеры Кебара, но и других памятников часто подменялся простой ссылкой на картину, полученную именно в пещере Кебара, что нисколько не способствовало скорейшему решению рассматриваемой проблемы.

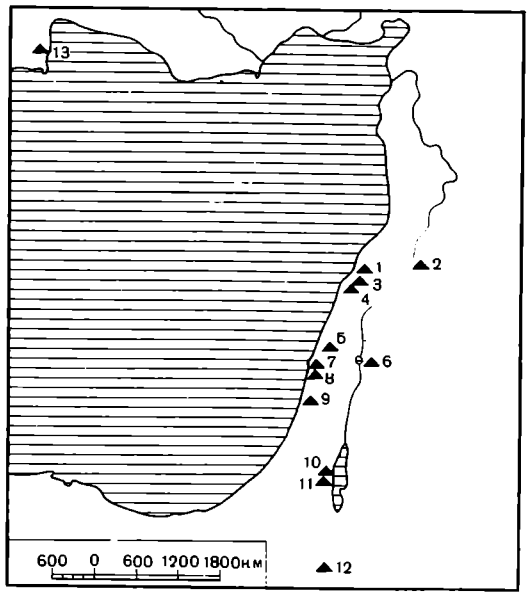


Рис. 1. Распространение кебаранских стоянок в Восточном Средиземноморье. *1* — Джайта III, *2* — Джабруд, *3* — Бикфая III, *4* — Пески, стоянка 8 II, *5* — Хайоним, *6* — Эйн-Гуев, *7* — Ирак-эль-Баруд, *8* — Кебара, *9* — Кефар-Виткин, *10* — Тор-Абу-Сиф, *11* — эль-Хиам, *12* — Мадамаг, *13* — Белбаши

Описанные Ф. Тюрвилль-Питром архаические микролиты Кебары представляли собой длинные узкие пластинки с краевой притупливающей ретушью, которые, как теперь выясняется, носят в зачаточной форме черты позднейших более развитых кебаранских орудий. В пещере Кебара эти типы еще не имели четкого оформления, что затрудняло их классификацию [14]. Лишь позже привлечение материалов с таких памятников, как например, Кефар-Виткин и Ирак-эль-Баруд, позволило выделить несколько типов кебаранских пластинок [15]. Наиболее четкая их классификация дана в последней рабо-

---

[6] *I. F. Ewing.* Preliminary note on the excavations at the paleolithic site of Ksar' Akil, Republic of Lebanon. Antiquity, 1947, v. XXI, № 83.

[7] *A. Rust.* Die Höhlenfunde von Jabrud. Neumünster, 1950; *J. d'A. Waechter.* The excavation of Jabrud and its relation to the prehistory of Palestine and Syria. University of London. Institute of Archaeology. Eighth Annual Report. London, 1952.

[8] *L. Copeland and P. J. Wescombe.* Inventory of Stone Age sites in Lebanon. MUSJ, 1965, t. 41, p. 76.

[9] *D. Kirkbride.* A kebaran rock-shelter in Wady Madamagh near Petra. Man, 1958, t. 58.

[10] *M. Stekelis.* Iraq-el-Baroud, nouvelle grotte prehistorique au Mount Carmel. BRCI. Section G, 1961, v. 10.

[11] *O. Bar-Yosef and E. Tchernov.* Archaeological finds and the fossil faunas of natufian and microlithic industries at Hayonim cave. IJZ, 1966, v. 15.

[12] *M. Stekelis et O. Bar-Yosef.* Un habitat du paléolithique supérieur à Ein Guev. L'Anthropologie, 1965, t. 69, № 1, 2.

[13] *F. Turville-Petre.* Op. cit., p. 276.

[14] Ср. определения их Ф. Тюрвилль-Питром (*F. Turville-Petre.* Op. cit., p. 276) и Р. Невиллем (*R. Neuville.* La prehistorique de Palestine. RB, 1934, t. 43, p. 251).

[15] *M. W. Prausnitz.* Op. cit., p. 222; *M. Stekelis.* Irag-el-Baroud..., p. 308.

те М. Штекелиса. Негеометрические микролиты он делит на четыре группы. К первой относятся пластинки с выгнутым или вогнутым ретушированным краем и пластинки с противолежащей ретушью, ко второй — орудия на сечениях пластинок с притупливающей ретушью (сечения бывают выпуклые, вогнутые, но чаще всего косые), к третьей — острия микрошательперрон и микрограветт и, наконец, к четвертой — остальные пластинки. Кроме того, выделяется несколько типов геометрических микролитов: сегменты, разносторонние треугольники, трапеции (сечения пластинок с тремя ретушированными сторонами) и прямоугольники (ретушированные сечения пластинок с прямыми углами) [16]. Именно эта классификация легла в основу настоящей статьи.

Орудия больших и средних размеров, как кебаранские, так и натуфийские, сохраняют верхнепалеолитические традиции (обычные на поздних ступенях верхнего палеолита Восточного Средиземноморья скребки, резцы, острия и ретушированные пластины и отщепы). Однако уже на кебаранских памятниках микролиты, как правило, составляют 30—40% всех орудий.

В 30-е годы XX в. было выяснено, что натуфийская индустрия отличается от кебаранской главным образом появлением вкладышей жатвенных ножей, сверл, микрорезцов, но основным характерным ее признаком было огромное преобладание геометрических микролитов не только над негеометрическими, но и над всеми другими типами орудий; доминирующим типом геометрических микролитов являлись сегменты с приостряющей встречной ретушью [17]. Все эти характеристики натуфа, наиболее полно представленные в эль-Ваде, не давали в то время повода говорить о прямых генетических связях кебары и натуфа. Это было тем труднее сделать, что наиболее распространенная схема развития натуфийской культуры, предложенная Р. Невиллем [18], которая отличалась полным отсутствием какого-либо регионального подхода и была построена в основном на сравнении данных однослойных памятников, страдала большими недостатками. Так, в свое время нижний натуфийский слой эль-Хиама (слой B_2) был отнесен к натуфу 2, куда были включены также и материалы террасы Тор-Абу-Сиф. Правда, при этом Р. Невилль не мог обойти молчанием тот факт, что на обоих памятниках отмечались сильно выраженные кебаранские традиции; поэтому он считал, что в натуфе 2 происходит временный возврат к последним [19]. Однако теперь, когда после повторных раскопок в эль-Хиаме удалось установить наличие здесь прямой генетической связи между кебаранскими и натуфийскими слоями [20], и Тор-Абу-Сиф и эль-Хиам B_2 (эль-Хиам 5, по Гонзалесу Эчегарай) можно с полной уверенностью отнести к переходной от кебары к натуфу стадии. Таким образом, в настоящее время наметилась реальная возможность подойти вплотную к решению вопроса о кебаранско-натуфийских связях.

Единственно правильный путь такого решения — изучение тенденций развития кебаранской индустрии и выяснение на этой основе наличия или отсутствия кебаранских традиций в натуфе. Оптимальные результаты такого исследования могли бы быть получены с многослойных памятников, однако, к сожалению, последних очень мало и они, как правило, недостаточно хорошо опубликованы (эль-Хиам, Хайоним, пещера III Джабруда). Серьезные трудности создает неадекватность данных с разных мезолитических памятников, что связано с различным подходом к материалам со стороны разных ученых. Именно этим объясняется отсутствие в настоящее время сколько-нибудь четкой хронологии кебаранских и натуфийских памятников.

Вместе с тем анализ всех имеющихся к сегодняшнему дню материалов позволяет сделать ряд интересных выводов. Для настоящей работы были использованы данные с таких кебаранских памятников, как Кебара С, Кефар-Виткин, Ирак-эль-Баруд, Мадамаг, эль-Хиам Д (слои 8—6, по Гонзалесу Эчегарай), Эйн-Гуев, Хайоним C_a, C_b, C_c, Джабруд (в основном небекийские слои 7, 6, 4; позднекапсийский и фалитийский слои до сих пор не вполне ясны), Бикфая III, и такие натуфийские памятники, как Ке-

---

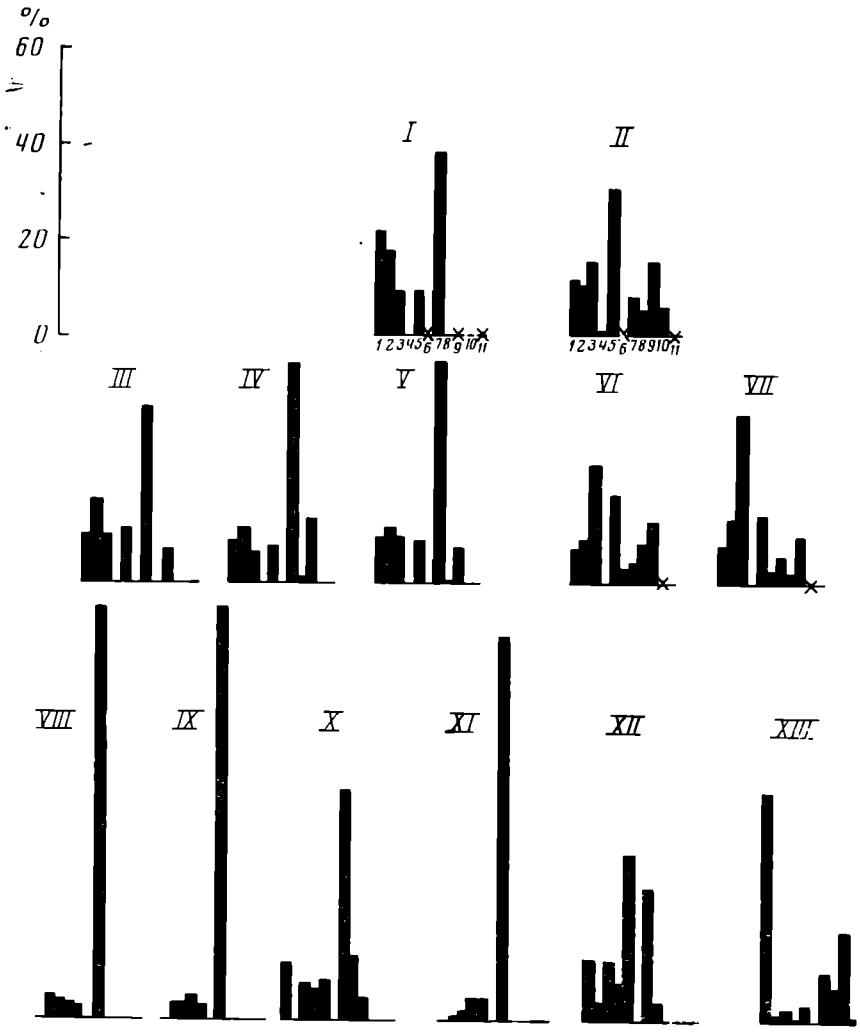
[16] *M. Stekelis.* Le gisement mésolithique..., p. 333, 335.

[17] См., например, *R. Neuville.* Le préhistorique de Palestine, p. 251—253; *D. A. E. Garrod.* The natufian culture. PBA, 1957.

[18] *R. Neuville.* Le préhistorique de Palestine.

[19] Ibid., p. 252.

[20] *J. Gonzales Echegaray.* Nouvelle fouilles à El-Khiam. RB, 1963, t. 70.



бара B, эль-Вад, Шукба, Бейда, Эль-Хиам B (слои 5—4, по Гонзалесу Эчегарай), Тор-Абу-Сиф, Эрк-эль-Амар, Эйнан, Хайоним B, Джабруд (натуфийский слой 2) Джайта III [21]. Общее соотношение типов орудий на большинстве из этих памятников показано на рис. 2, 3.

В количественном отношении эти комплексы характеризуются следующими показателями: эль-Хиам Д и B_2 дали соответственно 382 и 444 орудия. Сверла при подсчетах процентов не учитывались. О них известно только то, что их было мало. Из Тор-Абу-Сифа происходит около 800 орудий. При подсчетах процентов вкладыши жатвенных ножей были включены в группу негеометрических микролитов, а категории 5, 9, 10 не учитывались. Эрк-эль-Амар дал 416 орудий. Категории 5, 9 при подсчетах процентов не учитывались. Ирак-эль-Баруд дал 230 орудий, Кефар-Виткин — 1794 орудия. Шукба дала 1312 орудий. К сожалению, Д. Гэррод при подсчетах не отделила нуклевидных скребков от нуклеусов, что и отражено на графике. Эль-Вад B_1 и B_2 дали соответственно 4434 и 8010 орудий. При подсчетах процентов нуклевидные скребки не учитывались. Однако известно, что в обоих слоях их было много. Эйн-Гуев дал 700 орудий. При подсчетах процентов вкладыши жатвенных ножей были включены в группу ретушированных пластин, а категории 9, 11 не учитывались. Процентное соотношение орудий Эйнана дано по работе М. Ковена, где общее количество орудий не указано. Хайоним C_c дал 230 орудий, C_b— 245, C_a— 203, B (внутри) — 357, B (снаружи) — 231. При подсчетах процентов сверла учитывались. Джабруд 7 дал 299 орудий, 6—135, 5—77, 4—108, 3—161, 2—129. Неизвестно, как правило, количество тех орудий,

[21] Подробную библиографию натуфийских памятников см. в статье: *В. А. Шнирельман.* Натуфийская культура. СА, 1973, 1.

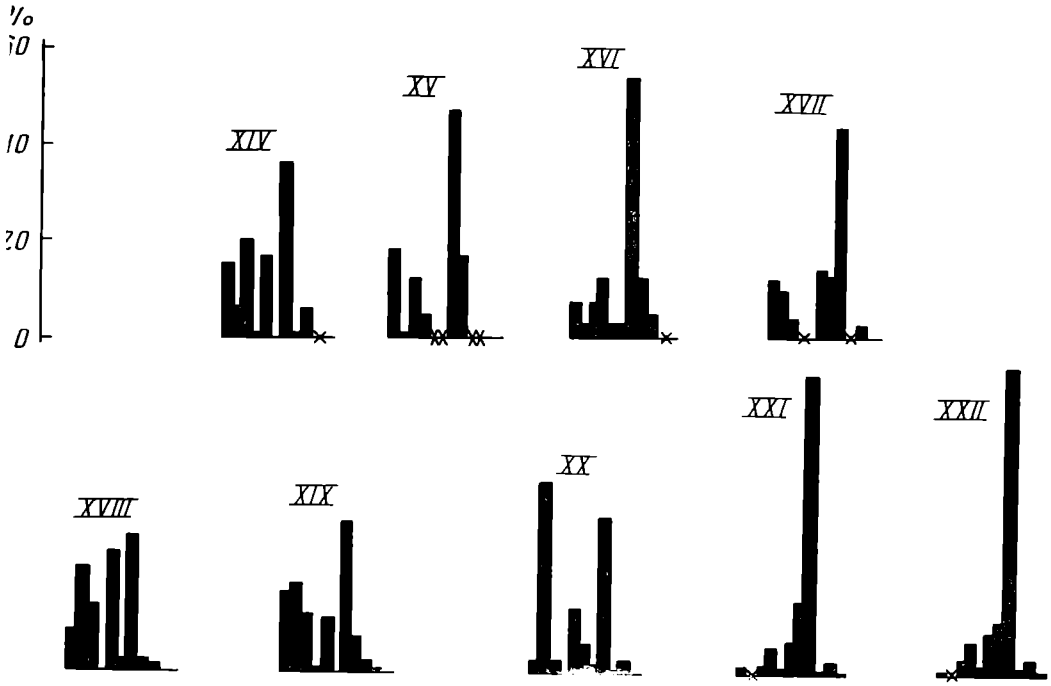


Рис. 2, 3. Соотношение типов орудий на кебаранских и натуфийских памятниках (I — Эйн-Гуев, II — Эйнан, III — Хайоним C_c, IV — Хайоним C_b, V — Хайоним C_a, VI — Хайоним B (внутри), VII — Хайоним B (снаружи), VIII — Джабруд 7, IX — Джабруд 6, X — Джабруд 5, XI — Джабруд 4, XII — Джабруд 3, XIII — Джабруд 2, XIV — эль-Хиам Д, XV — Тор-Абу-Сиф, XVI — эль-Хиам B_2, XVII — Эрк-эль-Амар, XVIII — Ирак-эль-Баруд A_2, XIX — Кефар-Виткин, XX — Шукба, XXI — эль-Вад B_2, XXII — эль-Вад B_1).
1 — низкие скребки на пластинах и отщепах; *2* — нуклевидные, высокие и массивные скребки; *3* — резцы; *4* — микрорезцы; *5* — пластины и отщепы с ретушью; *6* — вкладыши жатвенных ножей; *7* — негеометрические микролиты; *8* — геометрические микролиты; *9* — орудия с выемками и зубцами; *10* — сверла; *11* — кирки. Все графики построены единообразно. Орудия, процент которых неизвестен, отмечены косыми крестами

которые редко встречаются. Поэтому отсутствие этих сведений существенно не меняет общей картины, что делает графики сопоставимыми.

Поскольку и в кебаре и в натуфе орудия крупных и средних размеров больше всего сохраняют верхнепалеолитические черты, с них и следует начать наш анализ. Относительно многочисленной категорией орудий являются скребки, среди которых выделяются концевые и в меньшей степени боковые на пластинах и отщепах (рис. 4, *44, 12, 29, 67, 1, 30*), круглые на отщепах (рис. 4, *66*), высокие, массивные и нуклевидные (рис. 4, *22, 55*). Соотношение первых со временем меняется в пользу концевых скребков; круглые имеют тенденцию к исчезновению, на некоторых натуфийских памятниках их нет совсем. В целом же в натуфе относительное количество концевых, боковых и круглых скребков уменьшается по сравнению с кебарой. Единственное исключение составляют памятники Ливана, где небекийские слои не давали этих орудий, а в натуфе они становятся ведущими. Высокие, массивные и нуклевидные скребки на ряде памятников преобладают над остальными, на других же имеет место обратная картина. Важно отметить, что их соотношение, зафиксированное в кебаранский период, как правило, сохраняется в тех же областях и на тех же памятниках и в последующее время. Так, например, для области Кармела и для Хайонима характерно преобладание высоких, массивных и нуклевидных скребков, тогда как на ранних памятниках Иудеи, в Эйн-Гуеве и Эйнане эти типы находятся в меньшинстве по сравнению с другими. Набор резцов в мезолите довольно разнообразен: это резцы угловые, срединные, многофасеточные, клювовидные, плоские, скошенные и т. д. (рис. 4, *13, 23, 31—33, 45, 46, 56, 74*). В период кебары и при переходе от кебары к на-

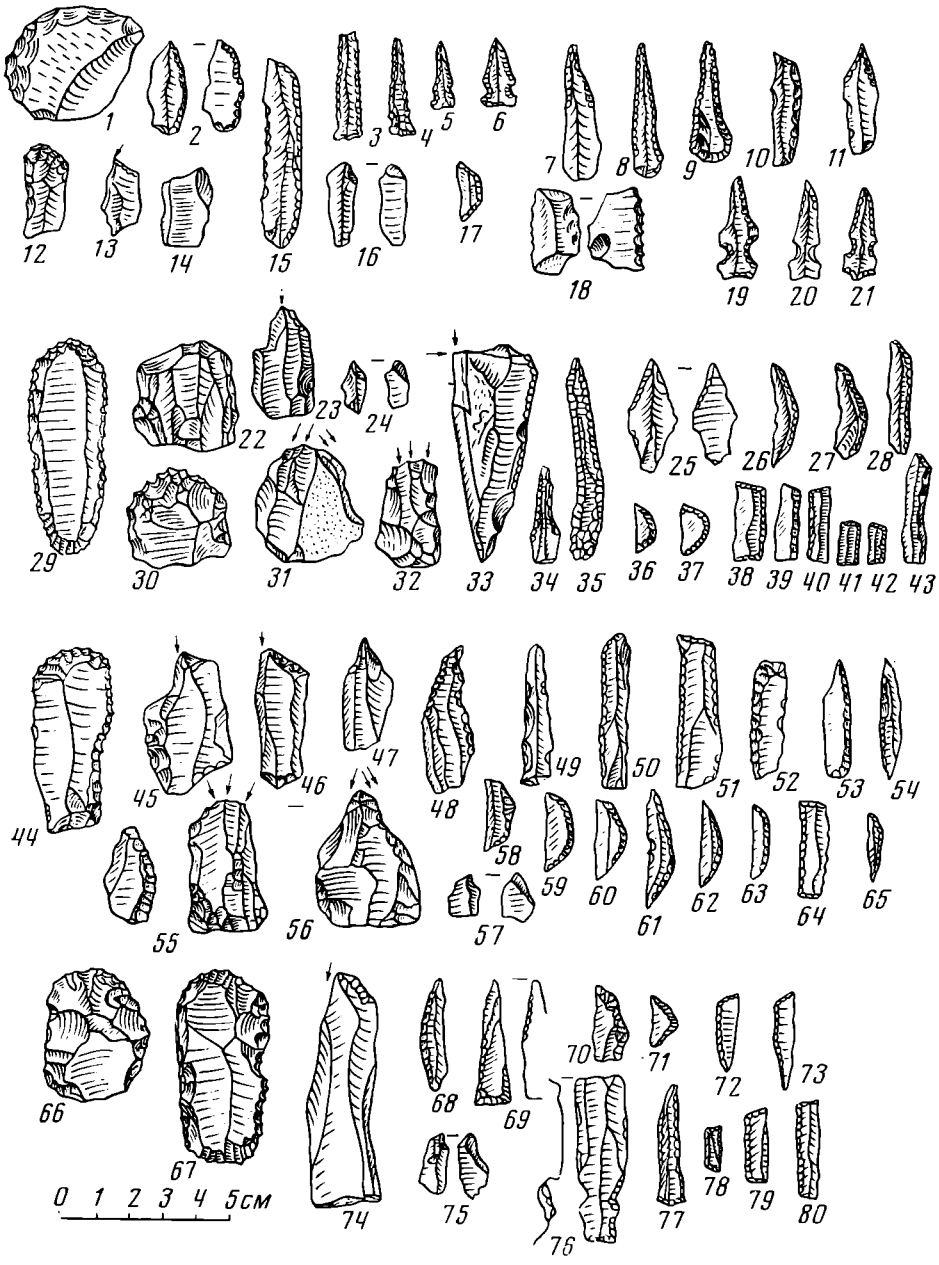


Рис. 4. Кремневые орудия эль-Хиама: *1—21* — слой 4 (натуф), *22—43* — слой 5 (натуф), *44—65* — слой 6—7 (кебара), *66—80* — слой 8 (кебара)

туфу наблюдается постепенный рост удельного веса угловых резцов. Следует отметить, что роль резцов в Северной Палестине при переходе к натуфу увеличивается, а в области Кармела и в Иудее, наоборот, уменьшается. Микрорезцы (рис. 4, *14, 16, 24, 57, 75*), как теперь выяснено, появляются не в натуфе, а в конце кебаранского периода в Иудее и в области Кармела, в Джабруде их относительно много на протяжении всего донатуфийского периода. В натуфийское время их количество в Южной Палестине увеличивается, они появляются в Северной Палестине, а в Джабруде, наоборот, почти полностью исчезают. Ретушированные пластины и отщепы обычны на всех памятниках. В области Кармела и в Иудее пластины, как правило, преобладают, приобретая со временем все большее значение в отличие от отщепов, роль которых падает. В Хайониме отмечается обратный процесс: пластин становится все меньше, а отщепов больше, причем этот процесс прослеживается через все кебаранские слои

и без всяких изменений фиксируется в натуфе. В Джабруде обработанных отщепов нет, а среди необработанных кусков преобладают пластины; лишь в натуфийском слое необработанных пластин и отщепов встречено равное количество. В целом в Северной Палестине количество обработанных пластин и отщепов со временем возрастает, а в области Кармел и в Иудее уменьшается. Пластины подразделяются на три основных типа: подпрямоугольные или прямоугольные пластины, пластины с выгнутым краем (с «арочной спинкой») и крупные острия «фалита». Порой их трудно отделить от микролитов, так как среди последних встречаются те же типы; что же касается размеров орудий, то четкой грани между крупными пластинами и пластинками провести часто бывает невозможно. Все же определенная закономерность видится в том, что крупные пластины в большинстве своем имеют неправильную форму либо относятся к разряду пластин с выгнутым притупленным краем, тогда как подпрямоугольные и трапециевидные пластины обладают тенденцией к микролитизации. К особому типу орудий А. Руст относил острия «фалита», т. е. пластины-острия длиной 4—7 *см* с притупленным краем, которые он сближал с остриями граветт [22]. За последние 20 лет эти орудия кроме Джабруда были открыты на ряде кебаранских памятников, например в Эйн-Гуеве [23] и Мадамаге [24]. В Джабруде острия «фалита» находились в слое, непосредственно предшествующем натуфу. Та же ситуация зафиксирована в Эйн-Гуеве, который с полным основанием можно считать непосредственно предшествующим натуфийскому поселению Эйнан. Мадамаг, судя по характеру микролитического инвентаря, также относится к периоду поздней («развитой») кебары. Для периода кебары характерны пластины неправильной формы и пластины с выгнутым притупленным краем, однако в Кефар-Виткине, Ирак-эль-Баруде и эль-Хиаме Д появляются пластинки правильных форм, правда из-за их мелких размеров отнесенные к микролитам. Для натуфийских памятников наиболее характерны пластины с выгнутым притупленным краем и подпрямоугольные. В период кебары на крупных и средних орудиях доминирует односторонняя краевая притупливающая ретушь, однако на подпрямоугольных пластинках ретушь располагается уже не только по одному краю, но и по одному-двум концам. Кроме того, на ряде непосредственно предшествующих натуфу памятников (например, в слое 3 Джабруда и в эль-Хиаме Д) исследователи отмечают на некоторых пластинках менее крутую ретушь, чем на других [25]. Следует, однако, подчеркнуть, что и на большинстве натуфийских памятников притупливающая ретушь на крупных и средних орудиях продолжает доминировать.

До недавнего времени считалось, что жатвенные ножи появляются только в натуфе. Вкладыши этих орудий относятся к разряду пластин и пластинок и бывают двух типов: пластины с выгнутым притупленным краем и прямоугольные пластины. Хотя точной статистики сейчас нет, доступные материалы дают право говорить о том, что первые несколько преобладают над вторыми. Ретушь располагается не только по одному краю, но порой по одному-двум концам. Чаще всего на вкладышах встречается притупливающая ретушь, гораздо реже — обратная и встречная. Последняя довольно широко распространена лишь на памятниках Кармела (Кебара В, эль-Вад В) и в Хайониме В. За последние 15 лет вкладыши жатвенных ножей были найдены на кебаранских памятниках. В Эйн-Гуеве это крупные пластины неправильной формы или с выгнутым притупленным краем. В Ирак-эль-Баруде найдены подпрямоугольные вкладыши с встречной ретушью, а в эль-Хиаме Д отмечаются пластинки, идентичные вкладышам жатвенных ножей Тор-Абу-Сифа, но не имеющие блеска. Таким образом, можно с полным правом говорить о том, что в кебаранский период появляется не только собирательство диких злаков, но и специализированный инвентарь для этого, который в процессе своего развития порождает натуфийские жатвенные орудия. В Джабруде и на синхронных ему памятниках Ливана вкладышей жатвенных ножей не найдено, в Северной Палестине их встречено немного; наибольшее распространение они, видимо, получили на юге.

---

[22] *A. Rust.* Op. cit., S. 117.
[23] *M. Stekelis, O. Bar-Josef.* Op. cit., p. 177, fig. 3, *14—20.*
[24] *D. Kirkbride.* Op. cit., fig. 2, *16.*
[25] *A. Rust.* Op. cit., S. 117; *R. Neuville.* Le paléolithique et le mésolithique..., p. 149; *J. Gonzales Echegaray.* Op. cit., p. 105.

Как уже указывалось, основные различия между кебарой и натуфом ученые до сих пор видят в как будто бы ином характере микролитов. Проверим, насколько это мнение в настоящий момент соответствует истине. Действительно, на кебаранских памятниках доминируют негеометрические формы (пластинки со скошенным концом, пластинки с притупленным краем и микроострия), тогда как в натуфе на первом месте обычно стоят геометрические (в основном сегменты). Однако последние появляются еще в кебаранский период (рис. 4, *58—62, 65, 70—73*), а первые продолжают жить в натуфе (рис. 4, *26—28*). Особенно следует подчеркнуть тот факт, что на ранненатуфийских памятниках (Хиам B_2, Тор-Абу-Сиф, Эйнан) негеометрические микролиты все еще преобладают. Лучше всего постепенная смена их геометрическими прослежена в Иудее. Так, по Гонзалесу Эчегарай, сегментов еще нет в эль-Хиаме 8, где зато есть близкие к ним треугольники (рис. 4, *70, 71*). Последние есть и в эль-Хиаме 7, где рядом с ними встречаются и первые сегменты (рис. 4, *58, 59*). В слое 6 обнаружены сегменты различных размеров (рис. 4, *60—62*); часть из них по форме близка треугольникам, часть — трапециям [26]. Встречной ретуши на этих сегментах еще нет. Она появляется лишь в ранненатуфийском слое, где процент ее незначителен [27]. Сегменты развивались также и из пластинок с притупленным выгнутым краем, которые, как писала Д. Гэррод, по сути дела являются не чем иным, как вытянутыми сегментами [28]. Что же касается возникновения встречной ретуши, то оно при ближайшем рассмотрении оказывается не столь уж внезапным. Действительно, на всех кебаранских памятниках преобладает односторонняя краевая притупливающая ретушь. Однако на большинстве из них появляются такие виды ретуши, как обратная и противолежащая, которые, несомненно, подготовили почву для появления встречной ретуши, поскольку обратная ретушь все же чаще бывает приостряющей, чем притупляющей. Интересно, что обратная и противолежащая виды ретуши в кебаранский период более всего связывались именно с пластинками с изогнутой спинкой. На позднекебаранских и ранненатуфийских памятниках встречная ретушь редка. Так, в Кефар-Виткине она есть лишь на 8% сегментов, в Тор-Абу-Сифе — на 7, в эль-Хиаме B_2 — на 14, в Щукбе — на 1%, в Эйнане она встречается очень редко. Позже она получает гораздо большее распространение: в Эрк-эль-Амаре и Хайониме — 50% сегментов, в эль-Ваде B_1—33% сегментов, а в эль-Ваде B_2 и в Бейде она преобладает на сегментах над всеми другими видами ретуши.

Геометризация микролитической индустрии, т. е. рост удельного веса геометрических микролитов, происходит в поздний период кебары — в начале натуфа. Наиболее характерно для ранней стадии этого процесса появление и относительный рост количества подпрямоугольных и трапециевидных пластинок, как показывают материалы Кефар-Виткина, эль-Хиамы и Тор-Абу-Сифа; сегментов в это время встречается еще относительно мало. Аналогичная картина встречена в Ливане на одной из развеянных стоянок (Пески: стоянка 8 II) [29] (рис. 5, *26—50*), а с некоторыми модификациями — и в слое «фалитьен» Джабруда. Исключение представляет Ирак-эль-Баруд, где подпрямоугольных форм не найдено и наиболее характерным типом геометрических микролитов являются сегменты.

Одной из закономерностей развития микролитов в небекийских слоях Джабруда, по А. Русту, было возрастание со временем количества орудий высокой формы по отношению к орудиям низкой формы [30]. К сожалению, подобная работа не проведена ни для одного памятника Палестины. Вместе с тем доступные нам материалы свидетельствуют о том, что в Южной Палестине эта закономерность не прослеживается. Так, например, ширина сегментов как в кебаранских слоях Мадамага и эль-Хиама, так и в натуфийских слоях Тор-Абу-Сифа, эль-Хиама и Бейды — величина постоянная (6—8 *мм*). Точно такую же ширину на указанных памятниках имеют и микропластинки. Лишь в Мадамаге найдены более узкие пластинки (3—5 *мм*). То же самое наблюдается и в области Кармел. Средняя ширина пластинок в Кебаре С равна 5—

---

[26] *J. Gonzales Echegaray.* Op. cit., p. 105.
[27] *R. Neuville.* Le paléolithique et le mésolithique..., p. 156, 157.
[28] *D. A. E. Garrod, D. Bate.* The stone age of Mount Carmel. Oxford, 1937, v. I, p. 30.
[29] *L. Copeland, P. J. Wescombe.* Inventory of stone age sites in Lebanon. MUSJ, 1966, t. 42, fig. LII.
[30] *A. Rust.* Op. cit., S. 137.

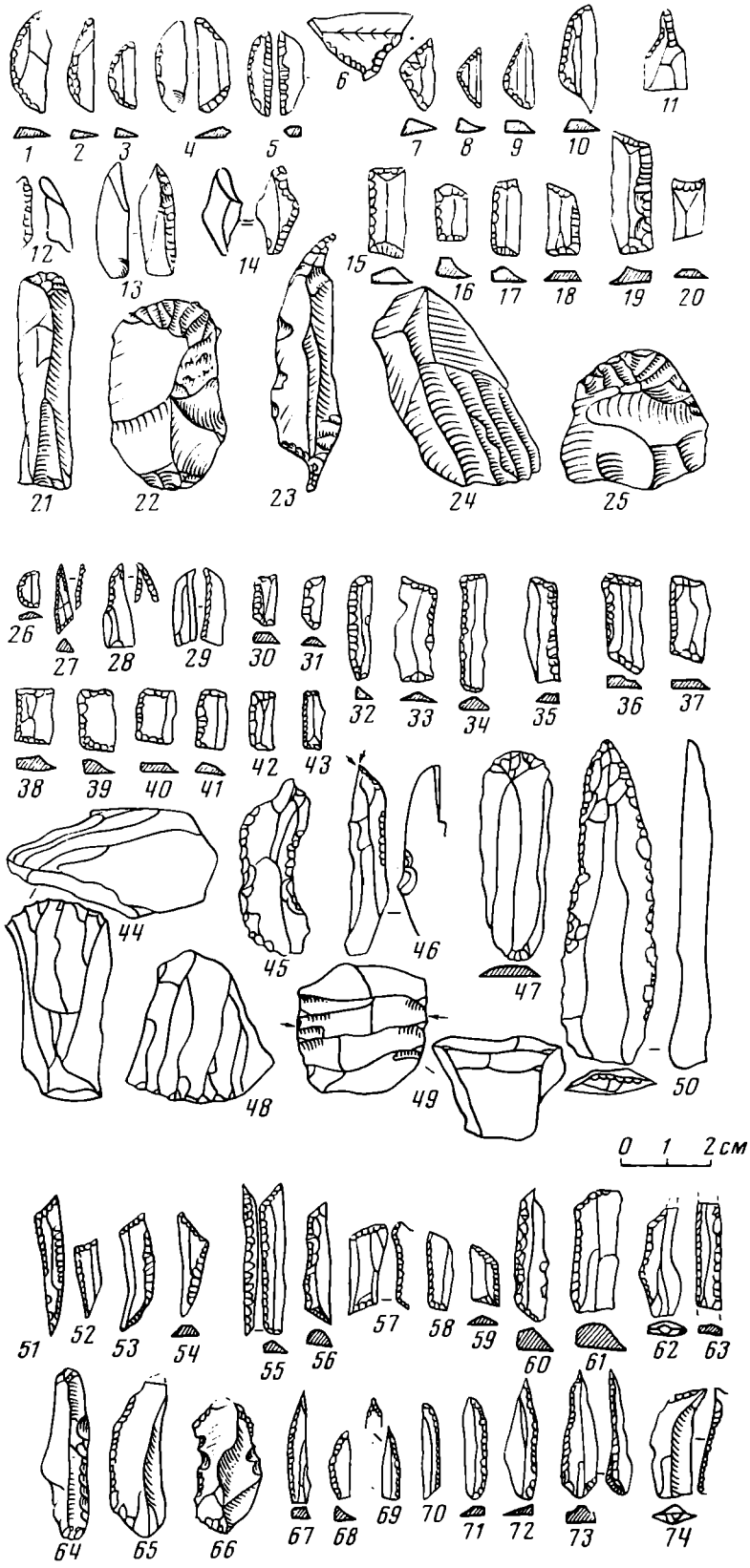


Рис. 5. Предположительная схема развития кремневых орудий на стоянках Ливана в период мезолита: *1—25* — Джайта III, *26—50* — Пески: стоянка 8 II, *51—74* — Бикфая III

6 *мм*, пластинок и сегментов в Кефар-Виткине — 4—7 *мм*, пластинок в эль-Ваде — 5—7 *мм*, сегментов в эль-Ваде — 4—9 *мм*, пластинок и сегментов в Кебаре В — 5—8 *мм*.

Орудия с выемками и зубцами (рис. 4, *76*) встречаются как на кебаранских, так и на натуфийских памятниках. Причем на юге они, по-видимому, несколько более редки, чем на севере. В Джабруде в донатуфийских слоях они полностью отсутствовали, а натуфе появляются сразу в большом количестве.

Сверла зарождаются в кебаранский период (Кефар-Виткин, эль-Хиам Д, Эйн-Гуев), причем развитие их особенно хорошо прослеживается в эль-Хиаме [31] (рис. 4, *7—9, 11, 34, 35, 47—49, 77*). На натуфийских памятниках они обычны.

Кирки, которые также относятся к типично натуфийским орудиям, найдены на кебаранской стоянке Эйн-Гуев.

Таким образом, как показывает анализ, изменение схемы Р. Невилля в соответствии с новыми данными из эль-Хиама, а также со стоянок так называемой «развитой кебары» (Кефар-Виткин, Ирак-эль-Баруд и др.), заключающееся в том, что памятники натуфа 2, по Р. Невиллю (эль-Хиам B_2, Тор-Абу-Сиф и, возможно, Шукба) переносятся на место натуфа 1, намного проясняет картину генезиса натуфийской культуры. Оказывается, что такие типично натуфийские орудия, как микрорезцы, вкладыши жатвенных ножей, сверла, кирки, геометрические микролиты, появляются на памятниках «развитой кебары», непосредственно предшествовавших натуфу. В это же время появляется обратная и противолежащая ретушь, которая, видимо, приводит на рубеже кебары — натуфа к возникновению встречной ретуши, получающей особое распространение в более поздний период. Столь же постепенно развивается и костяная индустрия. Простые костяные орудия появляются впервые в Эйн-Гуеве, они еще редки в раннем натуфе (они есть в Шукбе и Эйнане, но их нет в эль-Хиаме B_2 и Тор-Абу-Сифе). Позже они усложняются, а их роль возрастает (эль-Вад, Кебара, Эрк-эль-Амар, Хайоним).

Наиболее полно генезис натуфийских черт представлен на юге Палестины и в области Кармел [32], тогда как далее к северу о происхождении их из местных комплексов можно говорить с гораздо меньшей уверенностью. Та же картина имеет место и при анализе памятников собственно натуфийского времени: наиболее ярко натуфийские черты представлены на юге и в области Кармел, к северу в большей степени сохраняются кебаранские традиции. Так, например, на севере остается прежней, а порой даже увеличивается роль скребков и резцов, тогда как на юге она со временем падает (лишь нуклевидные скребки имеют здесь относительно широкое распространение). На юге и в области Кармел количество геометрических микролитов (в особенности сегментов) быстро возрастает, тогда как на севере общее количество микролитов несколько сокращается, причем негеометрические формы остаются не менее важными, чем геометрические. Наконец, вкладыши жатвенных ножей приобретают особенно широкое распространение именно на юге и в области Кармел. Причем в натуфе на всей территории встречаются те их формы, которые выработались на юге и в области Кармел; крупные вкладыши типа эйнгуевских в натуфе нигде не найдены. С другой стороны, ряд характерных для кебаранского времени особенностей северных памятников сохраняется порой и в натуфийский период (например, преобладание отщепов над пластинами в Хайониме).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что если в целом тенденция к геометризации имела место на всех памятниках кебаранского времени, то наиболее полно она проявилась на юге и в области Кармел, и именно там зафиксирован переход от кебаранской индустрии к натуфийской. Несомненно, процесс этот был связан с важными сдвигами в экономике.

За последние годы для ряда кебаранских памятников были получены даты 16300, 14930, 13850 гг. до н. э. (кебаранские слои Вади-Фалла) [33], 16960 г. до н. э. (Ракефет) [34],

---

[31] *J. Gonzales Echegaray.* Op. cit., p. 105—108; *R. Neuville.* Le paléolithique et la mésolithique..., p. 161—163.

[32] Переход от кебары к натуфу в области Кармел был зафиксирован при повторных раскопках в Вади-Фалла (см. *T. Noy, A. J. Legge, E. S. Higgs.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel. PPS, 1973, v. 39, p. 81—86).

[33] *T. Noy, A. J. Legge, E. S. Higgs.* Op. cit., p. 77.

[34] Ibid., p. 96.

13750 г. до н. э. (Эйн-Гуев)[35], 13870, 11220 гг. до н. э. (стоянки Негева)[36], 12150 г. до н. э. (кебаранский слой Ксар-Акила)[37]. Более ранние стоянки Негева дали даты 15560 и 14950 гг. до н. э.[38], а более поздние натуфийские — 11140, 8020, 8280, 8280 гг. до н. э.[39] Все это одиночные даты, которые обладают разной степенью достоверности. Совершенно очевидно, что кебаранский комплекс выработался в особых природных условиях и явился мерой адаптации в период климатических колебаний позднего плейстоцена. Нижней границей этого периода является начало подъема уровня моря 16 тысяч лет назад[40]. Следовательно, где-то в это время началось и формирование кебаранского комплекса, чему соответствует большая часть приведенных дат. Действительно, бытование кебаранских стоянок хорошо синхронизируется с заболачиванием прибрежной полосы в результате повышения уровня моря[41]. В отдельные моменты позднего плейстоцена человек обитал в пустынных ныне районах Негева и Синая, чего ни прежде, ни позже почти не наблюдалось[42]. Климатические колебания позднего плейстоцена заставили его видоизменить характер своей хозяйственной деятельности. Насколько эта задача была важна, свидетельствуют данные о резком падении продолжительности жизни в мезолите Восточного Средиземноморья[43]. Несомненно, верхнепалеолитическая экономика в конце плейстоцена переживала серьезный кризис, который в большей мере коснулся южных областей Леванта, где последствия климатических колебаний сказались сильнее. Здесь-то в ходе активной адаптации и сформировались специфические черты натуфийской культуры, важную роль в хозяйстве которой играло усложненное собирательство диких хлебных злаков, переросшее на известном этапе в настоящее земледелие[44]. Появление натуфийской техники на севере связано как с миграцией сюда натуфийцев, так и с их влиянием на местное родственное им кебаранское население.

В. А. Шнирельман

---

[35] Radiocarbon, 1972, v. 14, 1, p. 49.
[36] Radiocarbon, 1972, v. 14, 2, p. 484; Radiocarbon, 1973, v. 15, 2, p. 296.
[37] Radiocarbon, 1973, v. 15, 2, p. 337.
[38] Ibid., 2, p. 295.
[39] Radiocarbon, 1973, v. 15, 2, p. 295, 296.
[40] *М. И. Нейштадт.* Некоторые итоги изучения отложений голоцена. В сб. «Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода». М., 1965, стр. 113.
[41] *E. C. Saxon.* Mesolithic coastal economies in the Levant and North Africa. In: IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and Résumé of Contributions. Chicago, 1973, p. 33.
[42] *A. E. Marks.* Settlement patterns and intrasite variability in the Central Negev, Israel. American Anthropologist, 1971, v. 73, 5, p. 1239, 1240; Current research. American Antiquity, 1974, v. 39, 3, p. 505.
[43] *J. Lawrence Angel.* Palaeoecology, palaeodemography, and health. In: IX International Congress..., p. 1.
[44] *В. А. Шнирельман.* Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии. В сб. «Актуальные проблемы этнографии». М., 1973, стр. 32—34.

Christian Strahm. Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. Acta Bernesia, VI, Bern, 1971

В последние годы изучению проблемы культур шнуровой керамики уделяется большое внимание. Однако важнейшие вопросы этой проблемы (происхождение, хронология и датировка культур шнуровой керамики) еще не решены. Поэтому исследование и публикация новых памятников, а также издание обобщающих работ по отдельным культурам шнуровой керамики имеют большое значение для решения этой проблемы. В этой связи значительный интерес представляет монография Х. Штрама о культуре шнуровой керамики Швейцарии. До ее выхода в свет были известны лишь отдельные работы, в которых в той или иной мере давалась общая характеристика шнуровой керамики Швейцарии или публиковались отдельные находки. Не останавливаясь на их перечислении (они указаны в рецензируемой работе),

отметим, что работа Х. Штрама — первое монографическое исследование культуры шнуровой керамики Швейцарии. Монография Х. Штрама представляет интерес также и потому, что сторонники теории о так называемом общеевропейском горизонте шнуровой керамики рассматривают Швейцарию как один из районов распространения этого горизонта (К. Штруве), т. е. наиболее ранних комплексов шнуровой керамики.

В вводной части монографии (стр. 11—16) автор определяет задачи работы, характеризует состояние источников, дает краткую историю изучения культуры шнуровой керамики Швейцарии. Автор поставил перед собой задачу дать описание и периодизацию памятников шнуровой керамики Швейцарии, определить их место среди культур шнуровой керамики Европы, а также среди культур эпохи неолита и бронзы Швейцарии. Для этой цели он выбрал из всего материала три комплекса — поселения Цюрих-Утокей и Зуц, а также курганный могильник Шефлисдорф, которые, по мнению автора, наиболее характерны для культуры шнуровой керамики Швейцарии и отражают все этапы ее развития. Вероятно, рецензируемая работа была бы более полной и интересной, если бы Х. Штрам дал в ней анализ всех находок шнуровой керамики Швейцарии, а не ограничился лишь этими тремя комплексами.

Первая часть работы (стр. 17—78) посвящена подробному описанию поселения Утокей, расположенному на берегу озера в Цюрихе. В 1928—1929 гг. во время строительных работ здесь были обнаружены два культурных слоя поселений, разделенных стерильной прослойкой. Осмотр территории строительства, фиксацию культурных слоев и сбор археологических материалов производил хранитель Национального музея Цюриха Ф. Бланк под наблюдением Д. Виоллера. В 1962—1963 гг. У. Руоф произвел раскопки, уточнил стратиграфию и определил границы поселений. Как показали исследования, нижний слой с небольшим количеством находок относится к горгенской культуре, а верхний — к культуре шнуровой керамики. К сожалению, в монографии автор описывает лишь находки 1928—1929 гг.

В верхнем слое были обнаружены остатки бревенчатой ограды, много свай, а также лежащие бревна и доски, которые, возможно, представляют собой остатки пола дома. Собрана интересная коллекция фрагментов керамики, кремневых орудий, каменных клиновидных топоров, каменных сверленых топоров, полировальных плиток. Найдены глиняные пряслица, костяные орудия, роговые муфты, гарпуны, кольца и крючки. Значительный интерес представляют целые деревянные сосуды и их фрагменты, а также другие деревянные изделия. В состав коллекции входят также медное шило, каменные подвески, подвески из зубов животных, роговые булавки. В работе дается не только описание, но и анализ находок по категориям, сравнение их с материалами других культур шнуровой керамики, а также каталог всех находок. По его мнению, среди керамики поселения Утокей еще имеются ранние формы, но в основном вся керамика находит аналогии в материалах времени верхних одиночных погребений (Obergrabzeit) по датской хронологии. Особенно близкие аналогии керамике с поселения Утокей автор находит в керамике поселений жуцевской культуры Прибалтики и в культуре Злота. Кроме того, по мнению автора, прослеживаются многочисленные связи находок с поселения Утокей с материалами из памятников раннего бронзового века Швейцарии. Автор считает, что комплекс находок с поселения Утокей характеризует этап развития шнуровой керамики Швейцарии, относящейся ко времени верхних одиночных погребений. К этому этапу, по его мнению, относится большинство поселений шнуровой керамики Швейцарии.

Во второй части работы (стр. 79—92) дается описание и анализ находок, происходящих якобы из поселения Зуц у озера Билер. Комплекс находок из этого поселения поступил в исторический музей Берна в начале нашего века. Он состоит из 44 фрагментов керамики, из которых 35 фрагментов определенно относятся к культуре шнуровой керамики, а остальные к культуре Оверньe. Условия находки этой керамики неизвестны. Поэтому этот комплекс невозможно увязать ни с одним из поселений вокруг Зуца. Х. Штрам предполагает, что эту коллекцию керамики можно считать происходящей из раскопок в 1882 г. поселения Зуц-Рютте, так как оно имеет сходство с керамикой из раскопок этого поселения в 1884 г. Но это лишь вероятное предположение, доказательств нет. В связи с этим автор, не исключая возможности связать этот комплекс с поселением Зуц-Рютте, предлагает называть его «Зуц 1882». По мнению автора, фрагменты шнуровой керамики из этого комплекса стилистиче-

ски однородны, поэтому он может рассматриваться как единый закрытый комплекс. С этим мнением, хотя и высказанным в виде рабочей гипотезы, мы не можем согласиться. Известно, что к закрытым комплексам можно относить лишь находки из углубленных жилищ — землянок и полуземлянок, а также из погребений. Если бы даже эта керамика была документирована и происходила из культурного слоя поселения, то и в этом случае она не может рассматриваться как закрытый комплекс, ибо в культурном слое могут быть находки более раннего и более позднего времени.

В коллекции шнуровой керамики «Зуц 1882» Х. Штрам выделяет фрагменты от 10 кубков, 4 амфор и 20 горшков. Он отмечает, что среди швейцарской шнуровой керамики этот комплекс стоит изолированно и не имеет аналогий. Хронологически автор сближает его с могильником Шёфлисдорф, но считает последний несколько более поздним. По мнению автора, комплекс «Зуц 1882» может быть датирован более поздней фазой периода погребений на горизонте. Х. Штрам указывает на возможность культурных связей с Средней, Северо-Западной и Юго-Западной Германией. Амфоры и кубки этой территории, по его мнению, могут быть сближены с комплексом Зуц не только стилистически, но и хронологически.

В третьей части работы (стр. 93—125) автор рассматривает могильник Шёфлисдорф (кантон Цюрих). Могильник насчитывает 31 курган, из которых раскопано 17. Первые раскопки курганов этого могильника произвел в 1846 г. Ф. Келлер. Он раскопал пять курганов. В 1866 г. раскопки производил Х. Ангст (два кургана), а в 1909 г.— Я. Зури и Шультхеис (три кургана). В эти годы курганы копались колодцем (воронкой) и, конечно, не могли считаться полностью раскопанными. В 1909—1910 гг. Я. Хеерли вновь раскопал все (за исключением кург. 13) ранее раскапывавшиеся курганы и, кроме того, исследовал еще семь новых курганов. В 1962 г. В. Драк и А. Вильдерберг составили новый план могильника и дали новую нумерацию курганов.

Курганы были сравнительно небольшими. Диаметр их от 5—6 до 14 *м*, высота 0,5—1,5 *м*. Самым большим из них был курган 4 (диаметр 14 *м*, высота 1,5 *м*). Насыпи некоторых курганов обкладывались камнями. О погребальном обряде известно немного. По имеющимся данным, в курганах прослеживался слой золы, остатки кострищ, а иногда и каменная кладка в центре кургана. В кург. 3 обнаружен обожженный скелет, в кург. 4 — челюсть человека, а в кург. 21 — угли, зола и кости. На основании этих находок автор предполагает наличие в могильнике трупосожжений, хотя во всех остальных курганах никаких следов погребений не обнаружено, что может скорее свидетельствовать о погребении в курганах по обряду трупоположения. Зола, остатки кострищ и погребальный инвентарь находились в ямах, углубленных в материк, на древнем горизонте и в насыпи курганов (рис. 20, стр. 119). В инвентаре погребений найдены кремневые орудия (нож, пластины, скребки и отщепы кремня), каменные клиновидные топоры, три глиняных пряслица биконической формы, фрагменты керамики и целые глиняные плоскодонные сосуды, орнаментированные нарезными линиями, отпечатками шнура, перевитого шнура и ямочными углублениями. Среди керамики имеются также фрагменты амфоры с четырьмя ушками на месте максимального диаметра тулова, орнаментированной отпечатками шнура и нарезными линиями.

Автор отмечает, что могильник Шёфлисдорф в швейцарской шнуровой керамике занимает особое место и является единственным представителем самостоятельной культурной группы. По способу сооружения курганов (обкладка насыпи камнями и каменная выкладка в кургане) в Швейцарии он находит параллели лишь в могильнике Зарменштроф. Однако, кроме двух невыразительных фрагментов керамики, другие находки из этого могильника неизвестны. Аналогичный способ сооружения курганов известен также в культуре кубков Юго-Западной и Западной Германии, в частности в излучине Рейна, близ Майнца. Глиняные сосуды из могильника Шёфлисдорф резко отличаются от всей остальной шнуровой керамики Швейцарии. По мнению автора, некоторые аналогии керамике могильника имеются среди керамики культуры кубков Северо-Западной Германии и Голландии, где также встречается орнамент из отпечатков перевитого шнура. В связи с этим автор считает, что могильник Шёфлисдорф может быть датирован временем верхних погребений культуры одиночных погребений.

В четвертой заключительной части монографии автор рассматривает в хронологическом порядке каждый выделенный им этап развития культуры шнуровой керамики, определяет место этой культуры среди других культур Швейцарии. В заключение автор сравнивает материалы культуры шнуровой керамики и раннего бронзового века Швейцарии.

В начале четвертой части работы автор критикует теорию об «общеевропейском (едином) горизонте» шнуровой керамики (стр. 127—135). Известно, что в последние годы эта теория получила широкое распространение. Сторонники этой теории объясняют происхождение культур шнуровой керамики от единого культурного пласта, якобы оставленного группой подвижных скотоводческих племен, расселившихся на значительной территории Европы и ассимилировавших местные племена или смешавшихся с ними.

Впервые теорию об общеевропейском горизонте топоров типа А выдвинул в 1944 г. П. Глоб в своей работе о ютландской культуре одиночных погребений [1]. Х. Штрам подробно рассматривает появление этой теории и развитие ее в работах К. Штруве, характеризует каждую из составных частей этого горизонта — топоры типа А, кубки типа А и амфоры типа А. Автор, по нашему мнению, правильно отмечает, что топоры этого типа А занимают особое место и не имеют типологической линии развития и связи с другими типами топоров, что кроме Дании топоры этого типа встречаются почти на всей территории распространения культур шнуровой керамики в памятниках позднего этапа. Кубок типа А в Дании ни разу не был найден вместе с топором типа А. Лишь в двух случаях кубки этого типа были обнаружены вместе с топорами типа В и в двух случаях с топорами типа Е. Третий компонент «общеевропейского горизонта» — амфоры типа А (по К. Штруве) — лишь в Средней Германии, по-видимому, характеризуют (по У. Фишеру) начало развития саксо-тюрингской шнуровой керамики, на всей остальной территории они найдены в комплексах, относящихся к поздним памятникам культур шнуровой керамики. Но это, по мнению автора, не исключает возможности существования амфор типа А в более раннее время и включения их как составной части в «общеевропейский горизонт». Следует также отметить, что в саксо-тюрингской шнуровой керамике амфоры типа А обычно встречаются вместе с фасетированными сверленными топорами, но ни разу не были найдены с топорами типа А.

В итоге автор приходит к выводу, что хронология и содержание «единого» горизонта вовсе не так бесспорны, как это часто кажется. Выделение этого горизонта базируется на основании немногих закрытых комплексов, которые не могут быть достаточным свидетельством его существования.

До сих пор считалось, что так называемый единый, или общеевропейский, горизонт культур шнуровой керамики кроме Дании особенно хорошо представлен в Швейцарии. Рассматривая этот вопрос, автор приходит к выводу, что типологически в Швейцарии можно выделить все элементы этого горизонта, но они не могут служить доказательством его существования, так как достоверно прослежены только лишь для позднего времени.

Автор высказывает мнение, что между всеми культурами шнуровой керамики имеется генетическая связь, поскольку во всех культурах прослеживаются общие основные формы, которые он отождествляет с понятием единого горизонта. Х. Штрам считает, что, хотя доказательства существования «общеевропейского (единого) горизонта» довольно слабы, эта теория лучше всего объясняет распространение культур шнуровой керамики.

Таким образом, доказав слабость существующих доводов в пользу теории «общеевропейского (единого) горизонта», Х. Штрам все же признает эту теорию. По нашему мнению, распространение теории об «общеевропейском горизонте» культур шнуровой керамики отвлекает ученых от поисков правильного решения проблемы происхождения и распространения этих культур. Процесс сложения культур шнуровой керамики был, по-видимому, не одновременным и более сложным, чем это представляется сторонникам вышеуказанной теории. Для успешного решения этой проблемы необходимо прежде всего разработать хронологию и датировку каждой культу-

[1] *P. V. Glob.* Studier over den jyshe Enkeltgravs kultur. Aarbøger, 1944.

ры шнуровой керамики, проследить исторические процессы, происходившие на каждой конкретной территории.

Рассматривая вопрос о происхождении культуры шнуровой керамики Швейцарии, Х. Штрам считает установленным, что в Швейцарии памятники культуры шнуровой керамики могли появиться в результате проникновения (расселения) населения из Юго-Западной Германии, где, по его мнению, имеются памятники раннего этапа культуры шнуровой керамики — так называемого общеевропейского (единого) горизонта.

Автор считает, что при условии существования единого горизонта он мог занять всю Среднюю Швейцарию и затем развиться в этап Утокей, характеризующий расцвет культуры шнуровой керамики Швейцарии. Процесс сложения памятников типа Зуц и Шёфлисдорф, выделенных автором в самостоятельные этапы, пока не определен. Х. Штрам предполагает, что могильник Шёфлисдорф мог возникнуть в результате новой, самой поздней инфильтрации культуры шнуровой керамики, так как глиняные сосуды из погребений этого могильника отличаются от всей остальной шнуровой керамики Швейцарии.

Хронологическое положение культуры шнуровой керамики Швейцарии определяется по имеющимся стратиграфическим данным, а также по отдельным импортам, происходящим главным образом из случайных находок. Стратиграфические данные (см. табл. 5) свидетельствуют о том, что культура шнуровой керамики Швейцарии моложе культуры Пфин и Горгенской культуры; она частично одновременна культуре Оверне, но в основном моложе ее и одновременна культуре колоколовидных кубков и раннему этапу раннего бронзового века, но древнее позднего этапа раннего бронзового века Швейцарии. По мнению автора, культура шнуровой керамики слилась с культурой бронзового века Швейцарии.

Представляют интерес синхронистические таблицы, в которых Х. Штрам предпринял попытку определить место культуры шнуровой керамики Швейцарии среди поздненеолитических культур и культур шнуровой керамики Европы. Однако в табл. 7, по нашему мнению, допущена неточность. Среднеднепровскую культуру он отнес ко времени верхних одиночных погребений, а фатьяновскую — к времени нижних одиночных погребений. Известно, что среднеднепровская культура складывается раньше фатьяновской и существует более длительное время, чем время, отведенное ей автором в таблице.

Следует отметить, что работа читается с большим интересом и хорошо иллюстрирована. Несмотря на то что для характеристики культуры шнуровой керамики Швейцарии были привлечены не все имеющиеся материалы, а лишь три комплекса, монография Х. Штрама, по нашему мнению, вносит определенный вклад в изучение культур шнуровой керамики Европы.

И. И. Артеменко

І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, Видавництво «Наукова думка», 1972, 179 стр., 56 рис. и 4 цветные таблицы

Работа И. С. Винокура является новым звеном в изучении археологических памятников Украины первой половины I тысячелетия н. э. В книге дается характеристика основной территории распространения памятников черняховской культуры II—V вв. н. э., во многом вызывающей споры в советской и зарубежной науке. Особое значение книга имеет для освещения памятников Подолии и Волыни, издавна привлекавших исследователей, работавших над истоками и развитием древнеславянской культуры. Уже при беглом просмотре работы читатель будет поражен массовостью материалов, составляющих основу книги. Так, итоговая карта памятников одного лишь Среднего Поднестровья включает около 300 пунктов, принадлежащих культуре полей погребений черняховского типа (стр. 33). Для сравнения приведем цифру уже известных более 20 лет назад памятников черняховского типа. На карте,

приложенной к кандидатской диссертации автора рецензии, на 1949 г. для всей Подолии удалось зафиксировать только 62 пункта, при этом в большей своей части это были поселения, представленные подъемным материалом, кроме находок из Луки-Врублевецкой, полученных раскопками под руководством С. Н. Бибикова. В книге И. С. Винокура только список памятников рубежа и первых веков нашей эры, подвергнутых раскопкам (стр. 162—166), объединяет 24 наименования. В их числе имеются широко или даже полностью исследованные черняховские поселения и могильники (Баглаи, Бакота, Иванковцы, Маркуши, Пражев, Устье, Раковец — 18 погребений, Редкодубы — 10 погребений, Ружичанка — 73 погребения и др.).

То же касается материалов Восточной Волыни, где И. С. Винокуром показано более 100 наименований (стр. 39). При этом следует заметить, что многие из показанных на картах памятников раскапывались автором книги. Наряду с поселениями здесь имеются неизвестные до работ И. С. Винокура в этих местностях, труднообнаруживаемые могильники черняховского типа (Раковец, Ружичанка, Редкодубы, Устье и др.), святилища (Ставчаны, Бакота) и клады (Бережанка). Некоторые памятники уже нашли более или менее полное отражение в печати, будучи подготовлены к публикации автором книги [1].

Однако не только собирание и подытоживающая характеристика полученного материала составляют ценность книги (первые три главы). Около половины работы уделено изучению и реконструкции мировоззрения и позитивного опыта племен II—V вв. н. э. Столь многостороннее изучение, как в рецензируемой книге, идеологии и представлений о мире черняховцев еще не предпринималось. Отдельные работы в этой области освещали вопросы частного характера, касаясь описания календаря земледельцев и скотоводов, какими являлись черняховские племена (Б. А. Рыбаков), магии и верований, семантики орнаментации и верований черняховского населения (Э. А. Сымонович). Закономерность всестороннего подхода к поставленной И. С. Винокуром проблеме вряд ли нуждается в отстаивании и защите. Предложенный в книге подход вовсе не исключает обобщающей интерпретации культуры полей погребений и собранных в работе конкретных памятников. Специальное акцентирование внимания на разработке ряда отдельных проблем при сравнительно обширных знаниях, накопленных в области изучения черняховской культуры, вполне закономерно. Так, не требуют пока повторения и разработки социально-экономические вопросы, которым посвящена специальная монография (М. Ю. Брайчевский). В достаточной степени изучен обряд погребения черняховских племен, описанный в многочисленных отдельных публикациях и книге Э. А. Рикмана и т. д. Этот правильный подход к материалу с отсылкой к соответствующим изданиям позволил И. С. Винокуру уделить достаточное внимание интересующей его проблематике (см. главы IV и V).

Таким образом, в книге И. С. Винокура могут быть выделены разделы, содержащие сравнительно обобщенные характеристики и главы аналитические.

Обратим также внимание на некоторую неравномерность в освещении отдельных районов, легко объяснимую теми материалами, которыми располагал автор книги. В результате области Поднепровья, которые названы в заголовке, не могли быть описаны столь же подробно, как Среднее Поднестровье и правобережные районы бассейна р. Припяти. На наш взгляд, в названии книги следовало бы указать, что исследуются история и культура Подолии и Волыни, а не Днестро-Днепровского междуречья, тем более что в качестве аналогий И. С. Винокур привлекает и находки из Молдавии, с Левобережья Днепра и т. д.

Одной из спорных проблем, противоречиво решаемых в критикуемой книге, но не основной в данной работе, является вопрос о соответствии культуры и этноса. И. С. Винокур небезосновательно утверждает «монолитность» и славянскую принадлежность черняховских памятников для рассматриваемых им основных районов распространения культуры в лесостепи между Днепром и Днестром. Сочетание сла-

---

[1] *І. С. Винокур.* Старожитності східної Волині першої половини І тисячоліття н. е. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету. Серія археологічна. Вип. 1, VIII, Чернівці, 1960, стр. 5—130; *И. С. Винокур.* Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы. МИА, 116, 1964, стр. 176—195; *его же.* Языческие изваяния Среднего Поднестровья. МИА, 139, 1967, стр. 136—143 и другие работы.

вянских и черняховских элементов на отдельных черняховских памятниках, этнографические наблюдения над славянской культурой и сходные явления в изучаемых областях Подолии, сходство идеологических представлений ранее и позже жившего населения привлекаются весьма успешно для доказательств славянства черняховских племен. В то же время И. С. Винокур говорит о разноэтничности черняховского населения, в особенности в областях, удаленных от основной территории распространения культуры полей погребений черняховского типа (рис. 10). Смешивается вопрос о значении субстрата и господстве ассимилирующего этноса, допускается противопоставление культуры этносу. Коль скоро археологическая наука на настоящем уровне знаний призвана и пытается реконструировать историю древних племен и вопросы их этногенеза, то это возможно, только если признавать соответствие единой по всем основным показателям культуры этносу. Такой подход советских ученых должен быть решительно отмежеван от псевдонаучных построений школы Г. Коссины. Последний и его последователи основывались на частных проявлениях культур для заключения об их родстве, нередко доказываемом в угоду узконационалистическим интересам. На настоящем уровне знаний для памятников I тысячелетия н. э. могут быть получены всесторонние характеристики, содержащие сведения о поселениях, обряде погребения, керамике, орнаментации, связях населения и пр. При этом могут быть привлечены данные других, смежных с археологией, наук для выяснения этнического лица изучаемых племен. Голословные утверждения И. С. Винокуром вслед за признанием в основном славянства черняховской культуры, ее полиэтничности со ссылками на П. Н. Третьякова удовлетворить не могут. Оговоримся, что мы не исключаем моментов ассимиляции черняховскими — славянскими племенами других народов, смешением с ними, но утверждаем, что такое смешение сразу же получает отражение в археологических комплексах, отчетливо нами прослеженное, например, на материалах Причерноморья [2]. И. С. Винокуру следовало бы более четко сказать, на чем он основывает утверждения о черняховской культуре как о «материальном выражении разных по своему этническому происхождению племен...» (стр. 8), несмотря на ограниченный объем книги (около 15 п. л.).

Работа И. С. Винокура содержит ряд более частных недостатков. Среди них краткость характеристик зарубинецкой и сарматской культур, игнорирование вопроса о позднескифском влиянии на формирование черняховской культуры и возможном их посредничестве в передаче реминисценций кельтских элементов культуры.

Более развернуто следовало бы коснуться затронутого в книге вопроса о существовании у черняховских племен рабства. Так ли обязательно развитое гончарное и железоделательное производства и мельничные сооружения должны свидетельствовать о применении рабского труда, как сказано на стр. 152?

В истории исследований черняховских памятников никак нельзя было пройти мимо работ С. С. Гамченко (1909 и 1913 гг.) в Подолии, в частности, нельзя было не упомянуть его раскопки в Даниловой Балке, продолженные Э. А. Сымоновичем в 1949 г. Эти исследования легли в основу классификационного деления погребений с трупоположениями, распределенными на две группы по господствующей ориентации и другим признакам [3].

Спорно утверждение И. С. Винокура о том, что переход от наземных, иногда крупных по своим размерам домов в полуземляночным жилищам знаменует собой переход от патриархальной семьи к соседской территориальной общине (стр. 6), состоящей из индивидуальных семей. Строительство и использование тех и других построек могло быть обусловлено в равной мере колебаниями климата и сменами его циклов, а также разным назначением сооружений. Специализация черняховских

---

[2] *Э. А. Сымонович.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, 1967, стр. 235.

[3] *С. С. Гамченко.* Археологические исследования 1909 г. в Подолье (рукопись). Архив ЛОИА, 85а/1909 и дневники и материалы из папок № 15 и 16 за 1909 и 1913 гг. Архив ИА АН УССР, ф-3, О-1, 15/1; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 178; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 167. Публикация материалов С. С. Гамченко и новых, добытых раскопками 1949 г. произведена в статье: *Э. А. Сымонович.* Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 62—70.

построек прочно зафиксирована. Отмечены постройки производственного, общественного назначения, хранилища типа сараев и сосуществование на одном поселении наземных и углубленных в землю построек.

Мы не согласны с И. С. Винокуром в отношении его демографических подсчетов (пять человек на 1 *км*², стр. 41). Наши расчеты на материалах Журавского поселения и окружающего его региона подтверждают бóльшую правильность выводов М. Ю. Брайчевского о плотности черняховского населения 10 чел. на 1 *км*². Ошибка И. С. Винокура кроется в выборе для подсчетов средних показателей размеров черняховских поселений и признании в среднем лишь 100 человек жителей для каждого черняховского памятника. Сам же И. С. Винокур отмечает существование ряда огромных по тем временам селищ культуры полей погребений. В выделенной им же группе «больших поселений» называются поселения протяженностью 2 *км* и более (Колинковцы, Вороновица, Оринин, Кочубеевка и т. д., стр. 49). При обособленном подсчете числа жителей больших, средних и малых черняховских поселений цифры, показывающие число жителей на 1 *км*², очевидно, изменились бы в сторону увеличения.

При подходе к исследованию религиозных представлений местного населения и при сопоставлении черняховских каменных изваяний со сведениями о пантеоне божеств эпохи Киевской Руси было необходимо подробно рассмотреть атрибуты, присущие специализированным богам, и тогда только проводить те или иные параллели черняховским идолам (стр. 120). Это было бы особенно важно для понимания того, на чем основывает автор книги отнесение каждого циркульного кружка и несомкнутого круга в орнаменте к символу солнца, зигзага — к символам воды, тогда как такой знак в равной степени может быть сочтен символом небесного огня — молнии и воде как ее производному. Может быть, нашло бы обоснование отнесение грибообразных подвесок к числу антропоморфных и т. п. (стр. 137—140).

Затрудняют чтение книги некоторые ссылки на работу того или другого автора без указания страниц.

Все приведенные недостатки книги не могут уменьшить значения проделанной И. С. Винокуром работы. Кроме упомянутых в начале рецензии положительных моментов необходимо назвать интересные и новые опыты сопоставления, например, сведений об истории готов и ограниченном их значении для местных племен Западной Европы (стр. 145—148), тогда как роль Причерноморья и римских провинций не оспаривается.

Собрание в книге воедино всех образцов черняховской монументальной пластики и сопоставление ее с кругом древностей славян типа збручского идола — большая заслуга И. С. Винокура.

Яркие параллели с данными, почерпнутыми из этнографической литературы, и привлечение аналогий черняховским памятникам в раскопках раннеславянских древностей свидетельствуют о вкладе в славянский этногенез черняховского населения (домостроительство, ориентировка построек по странам света, использование славянами ритуальных глиняных «хлебцев» и т. д.).

В работе правильно отмечена гораздо бóльшая территория, занятая зарубинецкими древностями, памятниками которых заняты области и в среднем течении Южного Буга (раскопки в с. Рахны П. И. Хавлюка [4]) и в Среднем Поднестровье. Тем самым опровергается необоснованное сужение территории этой культуры, показанное в Своде археологических источников, составленном Ю. В. Кухаренко (1964 г.) [5].

Для иллюстрирования книги привлечено много новых находок, вводимых таким образом в научный оборот (материалы Ружичанского, Редкодубовского, Устьинского могильников и т. п.), хотя качество некоторых иллюстраций оставляет желать лучшего. Может быть, впоследствии потребуют уточнения карты культур, показанные на рис. 1 и 10.

---

[4] *П. І. Хавлюк.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. Археологія, 4, Київ, 1971, стр. 84—95.

[5] *Ю. В. Кухаренко.* Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, 1964, стр. 9, рис. 1.

Книга И. С. Винокура вместе с монографией В. Д. Барана и посмертной публикацией работы В. П. Петрова, также изданных в 1972 г.[6], обогащает советское славяноведение, проясняет разные стороны культуры и территориальные особенности и связи черняховских племен, показывая их вклад в последующий период развития местного населения.

Э. А. Сымонович

---

[6] *В. Д. Баран.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; *В. П. Петров.* Етногенез слов'ян. Київ, 1972.

* * *

Каждая новая работа, посвященная черняховской культуре, неизменно вызывает живой интерес и надежду, что в этой работе хоть в какой-то мере будет продвинуто решение некоторых спорных вопросов, связанных с этой культурой. Книга И. С. Винокура ни в коей мере не оправдывает этой надежды. Хотя автор и подчеркивает, что его работа носит историко-этнографический и историко-культурный аспект (стр. 11), но фактически он почти в равной степени касается всех проблем черняховской культуры и излагает свою точку зрения на них или чаще присоединяется к уже ранее высказанным положениям. Но ни один из затронутых в книге вопросов серьезно не аргументирован, и автор даже не делает попыток в этом направлении.

Территориальные рамки работы ограничены междуречьем Днестра и Днепра, хотя это вряд ли правомерно, так как этот район ничем не выделен среди черняховского ареала. И. С. Винокур считает, что здесь происходило формирование черняховской культуры (стр. 36, рис. 10), но на каком основании обрисована эта «территория формирования», в книге не сказано. Утверждение, что в лесостепных областях между Днестром и Днепром было наиболее густое население и что черняховская культура выступает здесь как единое целое, тогда как остальные части ее ареала являлись лишь периферией, освоенной при постепенном расширении культуры (стр. 35—36), требует доказательства. Оно было бы правильным, если бы автор доказал, что на «территории формирования» существовали более ранние черняховские памятники, а на «периферии» они датировались бы позднейшим временем. Но для этого нужно сделать относительную датировку памятников и, следовательно, предварительно разработать типологию материала и его корреляцию. Типологии материала в книге нет вообще.

Пытаясь выделить локальные варианты на территории распространения черняховской культуры, И. С. Винокур упоминает некоторые формы сосудов, связанных, по его мнению, с традициями местных культур,— зарубинецкой, пшеворской и гето-фракийской (стр. 67—69). Он утверждает, что эти формы распространены лишь по периферии черняховского массива (Волынь, Верхнее и Нижнее Поднестровье), из-за чего там и появляются локальные особенности. Основная территория черняховских племен оказывается будто бы монолитной и, следовательно, на ней не прослеживаются традиции этих культур, что совершенно не верно. Для выделения локальных особенностей в культуре опять-таки необходимо было сделать типологию керамики и составить подробную карту распространения ее типов, а также и других элементов культуры. Без такой предварительной работы все рассуждения о локальных вариантах не имеют никакого значения.

Черняховская культура, по мнению автора, сложилась на основе зарубинецкой и впитала в себя элементы пшеворской, сарматской и фракийской культур (стр. 36—37). Детального сопоставления всех сторон материальной культуры зарубинецких и черняховских племен, что совершенно необходимо для доказательства их генетических связей, в работе не дается. Территорию распространения зарубинецкой культуры автор коренным образом видоизменяет вопреки всем существующим работам других исследователей. Так, на карте (рис. 1, стр. 20) территория зарубинецкой культуры показана от Среднего Днепра до Днестра и не включает не только области Верхнего Поднепровья и Подесенья, но и бассейн Припяти. Зато ареал за-

рубинецкой культуры расширен далеко на юго-запад. Это сделано на основании нескольких памятников, открытых на Южном Буге и Днестре, которые хорошо датируются по многочисленным вещевым находкам первыми веками нашей эры, но культурная принадлежность которых пока еще не определена. Керамика, найденная на этих памятниках (стр. 25, рис. 4), не относится к зарубинецкой [1]. Лишь некоторые формы мисок, налепные валики и шишечки, обряд трупосожжения как таковой могут быть сопоставлены с зарубинецкой культурой, но все эти элементы имеют широкое распространение и недостаточны для определения культурной принадлежности памятников. Таким образом, данных для отнесения этих еще мало исследованных памятников к зарубинецкой культуре пока нет. Но И. С. Винокур и не доказывает этого. Он ограничивается замечанием, что эти памятники «належать, на нашу думку, до зарубинецької культури» (стр. 20) и дает краткую характеристику зарубинецкой культуры, основываясь лишь на материалах Среднего Поднепровья. Но даже такой произвольно расширенный в работе ареал зарубинецкой культуры не совпадает с «территорией формирования» черняховской культуры, которая простирается значительно южнее (карты на рис. 1 и 10), что уже само по себе опровергает тезис автора о сложении черняховской культуры на зарубинецкой основе.

В книге отмечается пшеворский, фракийский и сарматский вклады при сложении черняховской культуры, но никаких конкретных данных для этого не приводится. Автор упоминает несколько сарматских памятников, известных в черняховском ареале, но не касается вопроса о том, к какому времени они относятся и какое влияние оказала сарматская культура на черняховскую. Из текста книги следует, что, по мнению автора, у черняховцев под сарматским воздействием распространился обряд трупоположения (стр. 32), но в таком случае сарматский компонент должен был быть очень сильным и сказаться на многих сторонах материальной культуры.

В различных частях книги И. С. Винокур неоднократно подчеркивает, что он считает черняховскую культуру многоэтничной, но фактически из всего изложения вытекает, что основным ядром населения в междуречье Днестра и Днепра являлись раннеславянские племена (стр. 161). Это следует из того, что на этой территории черняховская культура представлена монолитной, и в ней не выделяются не только разноэтнические компоненты, но даже не ощущаются никакие чужеродные элементы других культур. Славянская принадлежность черняховской культуры основывается в книге на трех моментах: 1) происхождении на основе раннеславянской зарубинецкой культуры; 2) связи черняховской культуры со славянскими памятниками VI—VII вв.; 3) сведениях письменных источников о славянах в первых веках нашей эры. Как уже говорилось, сложение черняховской культуры на зарубинецкой основе в книге не доказано, и утверждать это преждевременно. Кроме того, точка зрения П. Н. Третьякова о славянской принадлежности зарубинецких памятников, не является общепринятой. Веские доводы против славянства зарубинецких племен приведены В. В. Седовым [2] и нельзя в научной работе при решении этого вопроса ссылаться только на мнение одного исследователя, как это делает И. С. Винокур (стр. 21), не остановившись на системе его доказательств и не подкрепив славянскую атрибуцию зарубинцев дополнительными доводами.

Утверждение автора о том, что в целом туманные и отрывочные сведения письменных источников о племенах Сарматии дают возможность более или менее четко классифицировать этническую принадлежность археологических материалов рубежа и первых столетий нашей эры на землях Юго-Восточной Европы (стр. 19), представляется совершенно необоснованным.

---

[1] *Б. А. Тимощук, И. С. Винокур.* Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА АН СССР, 90, 1962, стр. 75, рис. 16, *2*; *П. І. Хавлюк.* Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. Археологія, 1971, 4, стр. 84—95.

[2] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 38—47. К точке зрения В. В. Седова присоединился М. И. Артамонов (Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами и процесс заселения Среднего и Верхнего Поднепровья. СА, 1974, 1, стр. 246, 247).

Вопрос о связи черняховской культуры с более поздними славянскими памятниками на той же территории требует специального рассмотрения. И. С. Винокур и в данной работе, и в ряде статей приводит сведения о находках черняховской керамики на поселениях второй половины I тысячелетия (Бакота, Устье, Городок, Глубокое, Волосов, Грабовец). Он рассматривает эти памятники как связующее звено между черняховской и раннеславянской культурами, в котором прослеживается процесс развития и трансформации культуры. Но все эти памятники расположены в районе, густо заселенном и в первой и во второй половине I тысячелетия, и совместные находки разновременных вещей на них вполне естественны. Часть этих поселений явно двуслойная — Бакота, Глубокое; на них есть слои начала и третьей четверти I тысячелетия, и поэтому к их материалу надо относится с особенной осторожностью. Другие памятники — Устье, Городок — содержат славянские материалы, которые в целом могут датироваться не ранее VII в. и, следовательно, не могут свидетельствовать о связи с черняховской культурой. Но даже если на этой территории и существовал хронологический стык между черняховскими и славянскими памятниками и они какое-то время функционировали совместно, то это еще не доказывает их генетической связи. Для обоснования такой связи нужно было бы провести детальное типологическое сравнение материала и проследить его постепенное развитие и изменение. И. С. Винокур ничего не говорит о культурной принадлежности памятников третьей четверти I тысячелетия, хотя в них вполне возможна примесь материала типа Пеньковки, который может иметь типологическую связь с лепной черняховской посудой.

И. С. Винокур считает, что в хозяйстве и социально-экономическом укладе населения VI—VII вв. продолжается развитие черняховских традиций, что нашло выражение в дальнейшей эволюции техники пашенного земледелия и железоделательного производства (стр. 34). Но на деле пока нет никаких находок сельскохозяйственных орудий VI—VII вв., свидетельствующих о распространении пашенного земледелия в это время. О господстве пашенного земледелия можно говорить лишь применительно к концу I тысячелетия, и о существовании непрерывной традиции с черняховского времени никаких данных нет [3]. Изучение железоделательного производства также не дает оснований для установления традиционных связей между черняховским и раннеславянским временем [4]. Также ничем не обосновано утверждение автора, что гончарная черняховская посуда продолжала существовать наряду с лепной раннеславянской вплоть до VI—VII вв. (стр. 34). Резко отличен от более раннего характер поселений и социальный уклад в VI—VII вв., когда существовали небольшие поселки, оставленные, по-видимому, семейной общиной, ведущей совместное хозяйство [5]. Таким образом, внутренней, органической связи между черняховским и славянским этапом VI—VII вв. не наблюдается. Изменение в культуре нельзя объяснить только последствиями гуннского разгрома, как это делает И. С. Винокур.

Все данные, приведенные в книге для обоснования славянской принадлежности черняховской культуры: связь с зарубинецкой культурой и раннеславянскими древностями VI—VII вв., данные письменных источников — остались не разработанными и не доказывают славянства хотя бы части черняховских племен.

Время существования черняховской культуры И. С. Винокур определяет II—V вв., отбрасывая ее узкую датировку III—IV вв. на том основании, что узкая дата не дает «ні історичної перспективи, ні ретроспективи» (стр. 14), т. е. она не соответствует концепции автора с связях черняховской культуры с зарубинецкой и с памятниками VI—VII вв. Никакой попытки обоснования широкой датировки и рассмотрения комплексов с ранними вещами в книге не проведено. Если признать, что

---

[3] *А. В. Чернецов.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий. СА, 1972, 3, стр. 147.

[4] *Г. А. Вознесенская.* Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 124—128; *ее же.* Обработка железа у племен черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 34—38.

[5] *И. П. Русанова.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ, вып. Е1—25, М., 1973, стр. 23.

черняховская культура существовала около 400 лет, как считает автор, то за это время она неизбежно должна была претерпеть ряд изменений, что должно было дать возможность разбить материал на хронологические этапы, как это сделано для пшеворской культуры. Но никакой относительной датировки памятников, для которой нужна подробная типология и корреляция материала, автор не проводит.

В разделе о историко-этнографической характеристике черняховских племен автор приводит демографические подсчеты, в результате которых он приходит к выводу, что в черняховское время в междуречье Днестра и Днепра проживало не более 1—1,5 млн. человек (стр. 36—41). Основа этих подсчетов — произвольно взятые данные, предлагаемые в качестве средних — 20 жилищ и 100—120 человек на одно поселение, затем, учитывая неодновременность жизни на поселениях, численность населения почему-то уменьшена в два раза. По-видимому, эти выводы не имеют реального значения. В этом же разделе дается популярный очерк о хозяйственной деятельности черняховского населения, которое занималось земледелием и скотоводством, описывается домостроительство, подчеркивается развитие железоделательного и гончарного ремесла, распространение импортных вещей, говорится об одежде черняховцев. Все эти описания не дают никаких новых сведений о жизни черняховского населения и много раз приводились в других работах.

Говоря о мировоззрении черняховцев, И. С. Винокур исходит из того, что им были известны достижения научной мысли античного мира, в частности географические знания и представление о шарообразности Земли (стр. 79), что не может быть научно аргументировано. Приводя данные Б. А. Рыбакова о земледельческом языческом календаре, автор ничего нового не добавляет к ним так же, как и при рассуждении о языческих представлениях населения. Ощущается явный недостаток материала у автора при утверждении, что черняховцам были известны элементы математических знаний, что у них существовали начатки письменности и медицины.

Касаясь социальных отношений черняховского населения, И. С. Винокур приходит к выводу, что здесь начался процесс классообразования. Существование рабства обосновывается лишь тем, что при размоле зерна, при обработке железа требовался тяжелый труд, что само по себе еще ничего не доказывает. Существование имущественной дифференциации населения доказывается распространением бедных и богатых погребений, хотя нигде не сказано, что автор понимает под такими погребениями и к какому периоду жизни черняховцев они относятся (стр. 150—152).

Очень интересным и новым материалом представляются каменные изваяния, которые известны уже более чем в 30 пунктах. Не всегда они связаны с черняховскими поселениями, не имеют они аналогий и в позднейшем славянском материале. Расположенные в западной части черняховского ареала, они, по-видимому, связаны с кругом центральноевропейских древностей и требуют дополнительной обработки.

Книга И. С. Винокура представляет собой общий очерк о черняховской культуре, затрагивающий многие вопросы. Основные недостатки работы порождены полной методической неразработанностью материала и в связи с этим бездоказательностью ее основных положений.

И. П. Русанова

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМИ
(в связи с опубликованием монографии Э. А. Савельевой)

Вышедшая недавно в свет книга Э. А. Савельевой [1] посвящена слабо изученному периоду в истории народа коми — X—XIV вв. Исследовательница на основе имеющихся письменных и археологических источников охарактеризовала материальную и духовную культуру перми вычегодской — непосредственных предков коми-зырян, показала ее специфику, «а также попыталась разрешить некоторые

[1] *Э. А. Савельева.* Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971.

вопросы этнической истории». Не намереваясь дать критическую оценку монографии в целом, мы коснемся ее главнейшей части, посвященной этногенезу народа коми.

После того как на Европейском Северо-Востоке была выделена ванвиздинская культура и установлены ее хронологические рамки (IV—VIII вв. н. э.) [2], вопрос о происхождении коми неразрывно связан с ванвиздином как с подосновой вымской культуры, принадлежащей предкам коми-зырян. Нашей концепции ванвиздинской культуры, Э. А. Савельева противопоставила свою, выступив против ряда положений, опубликованных в работах 1965—1967 гг. Поскольку концепция Э. А. Савельевой вызывает существенные возражения, необходимо разобраться в приводимых аргументах.

Э. А. Савельевой рассматриваются генезис ванвиздинской культуры, хронология памятников, их этническая принадлежность и судьба ванвиздинских племен.

Нами уже отмечалось, что носители ванвиздинской культуры сформировались в результате ассимиляции бичевницкими племенами гляденовского населения Верхней Вычегды, Верхней и Средней Печоры. Э. А. Савельева полностью признает, что ванвиздинская культура сложилась «на местной основе гляденовских племен и населения, оставившего памятники типа Бичевник I» (стр. 140—148). Более того, она критикует наши положения о происхождении ванвиздинской культуры, противопоставляя им... этот же тезис. Излагая их, Савельева почему-то ссылается не на монографию 1967 г., в которой выделена бичевницкая культура, а на книгу 1965 г., где создатели бичевницкой керамики, впервые найденной на нижнеобском городище близ Салехарда, еще названы (вслед за В. И. Мошинской) усть-полуйским населением. Затем Э. А. Савельева убедительно, но не оригинально доказывает разнокультурность бичевника и усть-полуя.

Последующий ход рассуждений у Савельевой, признававшей в тезисах 1965 г. [3] «влияние Зауралья» на «местную культуру гляденовского времени», таков: поскольку в Западном Приуралье известно больше бичевницких памятников, чем в бассейне Оби, «материалы керамики не свидетельствуют о переселении нижнеобского населения в Приуралье на рубеже нашей эры». Но, во-первых, не следует забывать, что бичевницкие памятники, еще недавно неизвестные в Печорском бассейне, выявлены здесь в результате сплошных маршрутных обследований, не проводившихся в Нижнем Приобье. Во-вторых, бичевницкая культура характеризуется сосудами, близкими западносибирским, что дает нам право причислить ее, независимо от особенностей ареала, к западносибирской общности. Э. А. Савельева игнорирует не только данные топонимики, но и несомненное сходство между ванвиздинскими и обскими памятниками, ссылаясь на черты различия, хотя совершенно ясно, что полного тождества между древностями разных культур, если даже они родственны, быть не может [4]. В-третьих, бичевницкая культура едва ли сформировалась по западную сторону Уральского хребта; вывести ее из местной гляденовской культуры, как это делает В. И. Канивец, невозможно из-за резкого различия в керамике [5]. Следовательно, доводы Э. А. Савельевой не могут опровергнуть мысль о приходе из Приобья на Печору и Верхнюю Вычегду некоторых групп населения, чуждого местным гляденовским племенам.

---

[2] *Г. М. Буров.* Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края. ВАУ, I. Свердловск, 1961, стр. 107; *его же.* Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Автореф. канд. дис. Сыктывкар, 1963; *В. И. Канивец.* Канинская пещера. М., 1964; *Г. М. Буров.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965, стр. 118—156, 180—193; *его же.* Древний Синдор. М., 1967, стр. 137—165, 173—179.

[3] *Э. А. Савельева и В. И. Канивец.* Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических источников. Сб. «Всесоюзная конференция по финно-угроведению». Сыктывкар, 1965, стр. 157.

[4] Это сходство подтверждено другими исследователями (*В. В. Пименов.* Вепсы. М.— Л., 1965, стр. 102; *В. А. Могильников.* К вопросу о дифференциации этнической общности обских угров в I тысячелетии н. э. СА, 1974, 2).

[5] Соглашаясь по этому вопросу с В. И. Канивцом, Э. А. Савельева впадает в противоречие: с одной стороны, одобряет вывод о двух главных компонентах ванвиздинской культуры, гляденовском и бичевницком (стр. 147), с другой — принимает гипотезу о вырастании ванвиздинской культуры из гляденовской через бичевницкую стадию (стр. 142).

Принимая нашу дату вычегодского варианта ванвиздинской культуры и не сомневаясь «в выделении ранних и поздних памятников», Э. А. Савельева, однако, считает, что «принцип относительной хронологии, основанной только на типологии керамики, не является удачным» (стр. 134). Позволим себе не согласиться с таким заключением. Конечно, хорошо, когда для определения возраста можно привлечь различные, в частности металлические, датирующие предметы. А если имеется только глиняная посуда? Как известно, археологи успешно датируют древние поселения разного возраста и по одной только керамике. Скептический вывод Э. А. Савельевой связан с новыми материалами, полученными при исследовании Тохтинского поселения на р. Яренге, притоке Нижней Вычегды. Располагая коллекцией, хранящейся в Яренгском краеведческом музее, учитывая частое украшение венчиков и плечиков веревочным орнаментом с наклоном прядей в разные стороны и присутствие елочного узора на торцах венчиков, мы в 1965 г. пришли к предположению о ранневанвиздинском возрасте Тохты, так как указанные позднегляденовские черты характерны для керамики слоя IV—V вв. на поселении Вис II в районе Синдорского озера.

В результате раскопок Э. А. Савельевой на Тохте была собрана значительная коллекция керамики, подтвердившая отмеченное в свое время различие между висской и тохтинской посудой (стр. 134—138). Для последней характерны высокий отогнутый венчик (хорошо выраженная высокая шейка), отсутствие на плечиках волнистых и подковообразных отпечатков веревочки, господство ямочного орнамента, часто встречающийся пальцево-ногтевой орнамент на торце и умеренное количество сосудов со штрихованной поверхностью. Эти важные особенности сочетаются с указанными признаками, характерными для Виса II. Следовательно, Тохтинское поселение следует включить в другую, самую позднюю (отнюдь не локальную!) группу ванвиздинских памятников, представленную поселениями Нижней и Верхней Вычегды: Зеленец, Ягкодж I (шурф 1963 г.) и Чуддинты II (раскоп III[6]), а также I Веслянским могильником. Эта группа была тоже выделена в 1965 г.[7]

Все перечисленные памятники поздневанвиздинского времени, из которых, к сожалению, значительные керамические комплексы дали только Тохта и Зеленец, характеризуются сосудами, имеющими обычно выраженную высокую шейку, благодаря чему на венчике часто умещаются две зоны орнамента. Торец часто украшен насечками, расположенными елочкой (все памятники), елочным зубчатым орнаментом (Тохта) или пыльцево-ногтевыми вдавлениями (Тохта, Зеленец). На боковой поверхности встречаются узоры из оттисков косозубого штампа (Зеленец, Ягкодж I, Тохта) и отпечатков веревочек, пряди которых имеют противоположный наклон (Тохта, Зеленец). Ямки под венчиком присутствуют в подавляющем большинстве случаев, но прочего орнамента на боковой поверхности довольно часто нет. Отмечаются оттиски дугообразного и уголкового зубчатого штампа (Тохта). В верхней части венчика снаружи иногда имеется наплыв (Зеленец) в виде грубого «воротничка». Штриховка поверхности отмечена у меньшей части посуды. Верхневычегодская керамика вылеплена из глины с примесью толченых раковин, зеленецкая и веслянская — исключительно из теста, в которое вводилась неорганическая примесь, тохтинская иногда имеет в керамической массе осколки раковин.

Находка на Тохтинском поселении поясной иксовидной бляшки второй половины I тысячелетия н. э. подтверждает позднюю дату памятника. Таким образом, новые материалы с Тохтинского поселения, уточняя время отдельного памятника, свидетельствуют о правильности в основных чертах существующей периодизации ванвиздинских поселений по керамике (первый этап — Вис II, второй — Ванвиздино и Кузьвомын, третий — Зеленец и др.). Вполне соглашаясь, что Тохта имеет поздний возраст, мы делаем ее вторым (после Виса II) опорным памятником нашей схемы, от чего последняя получает дополнительное обоснование.

---

[6] *Г. М. Буров.* Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. Тр. Коми ФАН, № 9. Сыктывкар, 1960, стр. 99, 100; *его же.* Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967, стр. 19—23, 68—70.

[7] *Г. М. Буров.* Вычегодский край, стр. 139, 143.

Третьим узловым памятником может служить I Веслянский могильник после уточнения его возраста. В 1963 г. Э. А. Савельева датировала памятник «V—VI, может быть, VII вв. н. э.» [8], в 1964 г.— IV—VI вв. «по аналогии с харинскими могильниками Прикамья» [9], в 1971 г.— VI—VII вв. (стр. 139). Во всех случаях могильник в той или иной степени удревнялся. В самом деле, пряжки с кольцевидной основой были распространены не только «в позднесарматское время» (IV—V вв.), но и во второй половине I тысячелетия н. э.[10] Эллипсоидные украшения представлены не только «в культурах первых веков нашей эры», но и в Больше-Висимском могильнике Прикамья, датированном по сасанидским и хорезмийским монетам V—VIII вв., причем в могильнике найдены и совершенно аналогичные веслянским рогатая поясная накладка, и наконечник ремня «с ручками» [11] Трубчатые пронизки-утки известны не только по раннеломоватовским памятникам, но и по Неволинскому могильнику [12], в котором, кроме того, имеют параллели рогатая накладка и наконечник ремня [13]. В. Б. Ковалевская и Ю. А. Краснов определяют время этого могильника VII—IX вв., считая «наиболее вероятным использование его» в VIII в. По мнению А. К. Амброза, «невозможно существенно расширить дату Неволина за рамки конца VII — середины или второй половины VIII в.». Выделив в развитии геральдических поясов Восточной Европы четыре этапа, он относит I Веслянский могильник к последнему из них, т. е. к «концу VII (?) и первой половине VIII в.» [14]. Ориентировочно памятник можно датировать второй половиной VII и VIII вв., как, по-видимому, и Тохтинское поселение, сходное с ним по керамике.

Если первый (висский) этап ванвиздинской культуры соответствует IV—V вв., а третий (тохтинский) совпадает со временем Тохты, очевидно, что классическое ванвиздино (кузьвомынский этап) может принадлежать VI и первой половине VII в. н. э. Три этапа культуры представляют соответственно процесс ее оформления, расцвет, когда достигает максимума обское влияние, и прекращение самостоятельного существования.

Поздневанвиздинская керамика рядом своих особенностей повторяет позднегляденовскую. Это проявляется в составе глиняного теста (вновь часто используются толченые раковины) и характере орнаментации (елочный и пальцевой орнаменты на торце, оттиски веревочки с наклоном прядей в противоположные стороны, встречающиеся и на венчике, появление косозубого штампа). От керамики таких финальногляденовских памятников, как Озъяг III и Помоздино [15], поздневанвиздинская посуда отличается главным образом выраженной шейкой и господством ямочного орнамента. Следовательно, на тохтинском этапе наблюдается изживание последствий восточного влияния. Ванвиздинская посуда сближается с гляденовской, с которой связана генетически, а также с синхронной позднеломоватовской, тоже происходящей от посуды гляденовской культуры. Естественно, что керамика тохтинского этапа имеет ряд общих черт с родановской Верхнего Прикамья и вымской X—XIV вв Вычегодского края, так как вторая происходит от позднеломоватовской, а третья формировалась в большой степени на основе тохтинской посуды. Для вымской керамики, как и для тохтинской, характерны осколки раковин в керамической массе (на раннем этапе), высокий отогнутый венчик, елочный орнамент на торце. Итак, типология керамики не только позволяет построить относительную хронологию памятников, но и показывает эволюцию ванвиздинской культуры.

[8] *Э. А. Савельева.* Средневековые могильники на р. Вымь. АЭБ, II. Уфа, 1964, стр. 240.

[9] *Э. А. Савельева.* Первый Веслянский могильник. ИФС, вып. 8. Сыктывкар, 1963, стр. 95, 96.

[10] *В. Б. Ковалевская.* К вопросу о «поломской культуре». Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969.

[11] *В. А. Оборин.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, стр. 133, рис. 2, *4, 7, 8.*

[12] *О. Н. Бадер и В. А. Оборин.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, рис. 43, *1.*

[13] *В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов.* I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. CA, 1973, 2, рис. 1, *41, 62.*

[14] *А. К. Амброз.* I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. CA, 1973, 2.

[15] *Г. М. Буров.* Археологические памятники Вычегодской долины, стр. 38—42, 62—64.

Э. А. Савельева полагает, что вымская культура древних коми-зырян сформировалась из трех основных компонентов — «местного ванвиздинского, пришлых южного и западного». По важному вопросу о том, кто дал коми-зырянам их язык, общий с языком коми-пермяков, исследовательница в разных трудах выдвигает две гипотезы, однако ни одна из них не может быть принята. В работах 1965 [16] и 1971 гг. (стр. 131—133, 157—181) подчеркивается пермская этническая принадлежность ванвиздинцев, керамика и погребальный обряд которых определили облик вымской культуры. Согласно этой точке зрения, общность языка Привычегодья и Верхнего Прикамья установилась в лебяжское или ананьинское время и тысячелетиями сохранялась до наших дней, несмотря на существенное различие культур этих областей в ванвиздинскую эпоху (какие-либо миграции I тысячелетия н. э. из области Верхней Камы на Вычегду категорически отрицаются).

В 1967 г. «носителем коми языка в Вычегодском крае» названо гипотетическое население, пришедшее с неизвестной территории (но не из Верхнего Прикамья); считается, что этот «южный пермский компонент» обусловил близость погребальных ритуалов коми-зырян X—XIV вв., с одной стороны, мери и муромы — с другой [17]. В монографии тоже ведется речь о южных пришельцах, но уже не о пермяках. Участие южного волжско-финского компонента в этногенезе коми-зырян Э. А. Савельева пытается доказать теми особенностями вымских погребений, которые сближают их с мерянскими и древнемарийскими: «сосуществование ингумации и кремации на грунтовых могильниках», «единая северная ориентировка покойников», «оборачивание покойников лубом», сходный «характер расположения вещей погребального инвентаря», «помещение в могилы медных котлов» (стр. 173—175). Однако первые три общие черты присущи и родановской культуре. Правда, трупосожжения в бассейне Вычегды встречаются значительно чаще, чем в Верхнем Прикамье, но это объясняется мощной ванвиздинской подосновой вымской культуры. Непосредственным южным соседям перми вычегодской X—XIV вв. (волжским или прибалтийским финнам, которых Э. А. Савельева необоснованно называет «лузской пермцей» [18]) обряд кремации чужд. Следовательно, связь волжских и вымских трупосожжений весьма сомнительна.

Характер размещения вещей («орудия труда и оружие обычно расположены вдоль бедер погребенного, в изголовье или ногах», посуда «стоит в изголовье или ногах», «украшения расположены так, как их носили при жизни», стр. 46, 47) ничем специфическим не отличается, и по нему вымские погребения сходны с захоронениями многих культур, в частности ломоватовской [19]. Медные котлы, поступавшие, очевидно, из Волжской Болгарии, могут указывать лишь на обменные связи древних коми.

Э. А. Савельева опирается также на сходство вымской керамики с некоторыми котлообразными сосудами ярославских курганов и древнемарийских могильников. Но она не учитывает того, что в погребениях эта посуда по количеству явно уступает плоскодонной неорнаментированной керамике волжских и прибалтийских финнов. Речь должна идти не об их «переселении» на северо-восток в конце I тысячелетия н. э., а, наоборот, о притоке в это время на Верхнюю и Среднюю Волгу вычегодско-двинского и верхнекамского населения, следы которого обнаружены в Танкеевском [20] и других могильниках волжских болгар. Ярким свидетельством против существования волжско-финского компонента является полное отсутствие в могильниках и на поселениях вымской культуры характерной для волжских финнов лепной

---

[16] *Э. А. Савельева и В. И. Канивец.* Ук. соч., стр. 157.

[17] *Э. А. Савельева.* Пермь вычегодская по археологическим материалам. Сб. «V Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 1967.

[18] Древности X—XIV вв. Прилузья (*Э. А. Савельева.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972) по всем своим особенностям, прежде всего по лепной плоскодонной неорнаментированной керамике, должны быть приписаны волжским или прибалтийским финнам. Упоминание в жалованной грамоте 1485 г. «пермяков» на Лузе еще не свидетельствует, что они обитали здесь в более раннее время.

[19] *В. Ф. Генинг.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6. Свердловск, 1964.

[20] *Е. А. Халикова.* Погребальный обряд Танкеевского могильника. Сб. «Вопросы этногенеза тюркских народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, стр. 87—92.

плоскодонной керамики. Встречается только гончарная славянская посуда, значение которой Э. А. Савельева почему-то не отмечает. А ведь это прямое указание на смешение коми с пришлым славянским населением, указание, которое соответствует данным письменных источников о раннем появлении славян на Вычегде!

О западном компоненте исследователи писали и ранее, опираясь на данные антропологии и языкознания. Убедительное же археологическое обоснование до сих пор отсутствует. Такие факты, как общность некоторых украшений или то, что «в тесте вепских сосудов, как и вымских, содержится дресва», «наблюдаются общие элементы в орнаментации», в то время как в целом посуда резко различается, ничего не доказывают. «Птичья лапка» и «отпечатки полого штампа» (стр. 170) унаследованы вымской керамикой от ванвиздинской. Прямоугольные фигуры из вертикальных зубчатых оттисков могли быть заимствованы не только у летописной веси, древних вепсов, но и у племен ванвиздинского круга, живших в Северодвинском крае (поселение Пинежское Озеро III). Что касается происхождения кремаций в срубах (стр. 168), отмечаемых в грунтовых могильниках Нижней Вычегды, то связь их с приладожскими курганами, в которых иногда встречаются трупоположения в срубах [21], проблематична, тем более что в грунтовых могильниках веси, исследованных на Сухоне, деревянные сооружения неизвестны [22]. К тому же строительство их не является этнической чертой только прибалтийских финнов. Срубы вообще характерны для времени вымской культуры, они обнаружены также в погребениях славян и варягов [23].

Веским аргументом в пользу миграции прибалтийских финнов на Вычегду могло бы служить появление у древних коми курганов, характерных для Приладожья. Ведь был же принесен курганный обряд в Верхнее Прикамье IV в. н. э. юго-восточными племенами (харинский этап ломоватовской культуры) [24]. Но курганов в Привычегодье нет. Основную роль западный компонент сыграл, очевидно, не здесь, а в слабо исследованном археологически бассейне Мезени, где среди коми наиболее ярко выражен беломорский антропологический тип.

Концепция Э. А. Савельевой о происхождении коми-зырян сразу же после ее обнародования подверглась критике в работе с комплексным охватом археологических и лингвистических источников [25]. По мнению В. А. Оборина, исследовательница «явно преувеличивает отличия и недооценивает черты сходства вымской культуры с родановской и преувеличивает роль неясных западного и юго-западного компонентов» [26]. Тезис Савельевой о том, что в формировании вымской культуры принял участие «какой-то юго-западный компонент, близкий к волжским финнам», отвергнут Л. П. Лашуком, который предполагает, что в I тысячелетии н. э. на Вычегду мигрировали верхнекамские предки коми-зырян [27]. Савельевой показаны тесные экономические связи древних коми-зырян с волжскими и прибалтийскими финнами, но ее доводы против существующей гипотезы о миграции на Вычегду и Вымь пермоязычного населения Верхней Камы в последней трети I тысячелетия н. э. не имеют доказательной силы.

Сопоставлять археологические памятники необходимо по всему комплексу признаков, но прежде всего по керамике, которая в отличие от орудий труда и украшений лишь в исключительных случаях могла служить предметом обмена и поэтому является наиболее надежным показателем степени родства между племенами. Никто не может отрицать, что глиняная посуда Вычегодского края и Верхнего Прикамья

---

[21] *С. И. Кочкуркина.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, стр. 104—149.

[22] *Л. А. Голубева.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, стр. 19.

[23] *Д. И. Блифельд.* К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья. СА, XX, 1954.

[24] *В. Ф. Генинг.* Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1955.

[25] *Г. М. Буров, Б. А. Серебренников.* Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных. Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, T. 17 (3—4). Budapest, 1967, с p. 313, 314.

[26] *В. А. Оборин.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока Европы в эпоху железа. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 165.

[27] *Л. П. Лашук.* Формирование народности коми. М., 1972, стр. 30, 32.

в VI — первой половине VII в. довольно резко различались между собой, тогда как в предшествующую ананьинско-гляденовскую эпоху здесь существовало единство материальной культуры. Еще никто не опроверг того неоспоримого факта, что наибольшее сходство вымская глиняная посуда имеет с родановской, к которой она гораздо ближе [28], чем ванвиздинская (кузьвомынского этапа) к ломоватовской.

Погребальный обряд тоже показывает этническую специфику тех или иных племен. Судя по I Веслянскому могильнику, в ванвиздинское время на Выми господствовал обряд кремации, тогда как на Верхней Каме умерших хоронили по обряду ингумации. Но к X в. положение меняется: Усть-Сысольский могильник X в. полностью, а Кичилькосьский X—XIII вв. наполовину состоит из трупоположений. Случайно ли все это, как и то, что потомки людей, создавших вымскую и родановскую культуры, говорят на диалектах одного и того же языка? Думается, что мы не можем пока отвергать возможность повторной миграционной волны из Верхнего Прикамья, которая в большой степени нейтрализовала восточный элемент в ванвиздинской культуре и восстановила единство языка у племен Верхней Камы и Вычегды. Именно под влиянием позднеломоватовского (а затем раннеродановского — лаврятского [29]) населения, постепенно проникавшего на Вычегду и Вымь (очевидно, по Сысоле и Северной Кельтме, в бассейне которой встречаются предметы родановского времени [30]), и началось обратное развитие ванвиздинской культуры, завершившееся превращением ее в вымскую.

Некоторое сходство поздневанвиздинской керамики с позднеломоватовской не подлежит сомнению. Оно отмечалось А. С. Сидоровым [31], Л. П. Лашуком [32], В. А. Обориным [33] и не отрицается Э. А. Савельевой, утверждающей, что «наибольшую близость к ломоватовским памятникам Прикамья обнаруживает Тохтинское поселение» (стр. 143). Памятником позднеломоватовско-лаврятского облика является также Усть-Сысольский могильник X в. Если поздневанвиздинские памятники сближаются с позднеломоватовскими только по керамике, то ранневымские аналогичны лаврятским также по обряду погребения (трупоположения с ориентацией умерших на север). Что касается украшений и орудий труда, то по ним вымская культура сходна с родановской не менее, чем с другими финскими культурами, но, как замечает сама Савельева, «аналогии в украшениях костюма могут быть объяснены культурными и торговыми связями» (стр. 174).

Весьма вероятно, что с притоком на Вычегду верхнекамского населения связано распространение здесь пашенного земледелия и ускоренное развитие скотоводства. Ассимиляция ванвиздинского населения позднеломоватовско-лаврятским, возможно, облегчалась тем обстоятельством, что в западной части ванвиздинского ареала население могло сохранить пермский язык скорее всего наряду с угорским. Как уже отмечалось, ассимиляция уграми пермского субстрата была достаточно четко выражена лишь на Печоре и Верхней Вычегде [34].

Г. М. Буров

---

[28] *Г. М. Буров, Б. А. Серебренников.* Ук. соч., стр. 304.

[29] *В. А. Оборин.* Некоторые проблемы изучения родановской культуры. Уч. зап. ПГУ, XI, вып. 3. Харьков, 1956.

[30] *Г. М. Буров.* Археологические памятники Вычегодской долины, стр. 89, 90.

[31] *А. С. Сидоров.* Археологические памятники Коми АССР. ИКФВГО, вып. 2. Сыктывкар, 1954, стр. 73.

[32] Очерки по истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 27.

[33] *О. Н. Бадер и В. А. Оборин.* Ук. соч., стр. 161, 162.

[34] *Г. М. Буров.* Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке, стр. 17; *его же.* Вычегодский край, стр. 189.

Хроника

3-й МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ

3-й Международный палеоэтноботанический симпозиум[1] проходил в Кракове с 6 по 11 мая 1974 г. и был более представительным, чем два предшествующих, в его работе приняло участие 11 европейских стран (более 40 человек).

Работа симпозиума проводилась по двум основным направлениям. Сначала были заслушаны доклады, подводящие итоги проделанной за последние годы работе по разработке методики определений культурных и сорных растений с различных археологических объектов, а также данным исследований разновременных субфоссильных растительных остатков. Затем демонстрировался материал, найденный при археологических раскопках памятников различных эпох, сохранившийся в виде обугленных зерен и семян культурных и сорных растений, фотографий и диапозитивов их отпечатков на керамике и глине.

Всего был прочитан 21 доклад, причем по тематике их можно разделить на три группы: 1) сообщения, касающиеся особенностей морфологии зерен и семян, собранных при археологических изысканиях, и их сравнение с современным материалом, обращалось особое внимание на специфику деформации ископаемых растительных остатков, нередко затрудняющих видовые определения; 2) сообщения, посвященные палеоэтноботаническим работам на отдельных хронологически различных археологических объектах широкого территориального диапазона, от северных районов Скандинавии (Норвегия, Финляндия) до южных районов СССР (Закавказье, Южная Туркмения); 3) сообщения по вопросам общих проблем истории земледелия и методики выделения субфоссильных остатков непосредственно из культурных слоев археологических памятников.

В первой группе сообщений интересная дискуссия развернулась вокруг проблемы происхождения многорядных ячменей. Ф. Х. Бахтеев (СССР) в своем докладе высказал мнение о том, что у двурядных и многорядных ячменей был единый предок Hordeum spontaneum C. Koch em Bacht., имеющий большое количество популяций, в связи с чем доместикация двурядных и многорядных форм могла происходить одновременно, независимо от других причин. Противоположное мнение о первичной доместикации только двурядных ячменей, а затем на более поздних ступенях многорядных в свое время было высказано Г. Хельбеком, Дж. Харланом, Д. Зохари и др. В качестве подтверждения своего основного вывода Ф. Х. Бахтеев указал на наличие в очень ранних субфоссильных материалах, относящихся к V тысячелетию до н. э. (Ирак, поселение Ярим-Тепе), так называемого бутылковидного ячменя Hordeum spontaneum v. lagunculiforme Bacht., который является прямым предком многорядных ячменей.

В этом же аспекте о раннем появлении голозерных многорядных ячменей говорилось и в очень интересном докладе М. Хопф (ФРГ), которая сообщила участникам симпозиума итоги изучения огромного по объему разновременного палеоэтноботанического материала из разных стран Европы и Азии.

В плане изучения морфологии семян особенно выделялся доклад А. Конноли (Англия). Автор произвела изучения семян родов Saxifraga и Papaver с помощью электронного микроскопа и продемонстрировала великолепные фотографии и диапозитивы эпидермиса семян различных видов указанных выше растений, показав детали их отличия.

Вторая группа докладов была наиболее многочисленной и разнообразной, слушатели познакомились с палеоэтноботаническими работами на различных археологических памятниках Норвегии, Польши, СССР, Чехословакии, ГДР, ФРГ и Италии. Среди этих сообщений как особенно интересные следует отметить доклад З. В. Янушевич (СССР), представившей огромный материал по определению культурных растений с памятников Северного Причерноморья и Крыма, от неолита до эпохи сред-

[1] Информация о 1-м Международном симпозиуме была помещена в СА, 1970, 1, информацию о 2-м симпозиуме см. СА, 1972, 4.

невековья, а также сообщения, содержащие данные для отдельных археологических памятников и групп памятников различных районов Европы,— Ю. Шультце-Мотель (ГДР), Е. Хайналовой (ЧССР), К. Е. Бере (ФРГ), У. Виллердинга (ФРГ) и др.

В третьей группе докладов, к сожалению очень малочисленной, интересным был доклад Х. Джермен (Англия). Она продемонстрировала на примере многочисленных диапозитивов работу специальной машины для отмывки палеоботанических остатков из культурных слоев археологических памятников, показала непосредственные результаты этой отмывки и дала оценку полученных данных для реконструкции истории земледелия. Вопросам значения палеоэтноботанических остатков для реконструкции истории земледелия южных районов СССР был посвящен и доклад Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко (СССР). О результатах специальных палеоботанических исследований с археологических памятников Финляндии и их значении доложил И. Васари.

Все доклады вызвали оживленную дискуссию по вопросам значения палеоэтноботанических исследований для оценки земледелия как одной из основных отраслей хозяйства древних племен, населявших Европу и Азию.

Следует отметить, что организация регулярных встреч палеоэтноботаников имеет огромное значение не только для координации работ, особенно в области методологии определений ископаемых остатков, но и для их направленности на решение вопросов общего значения, в частности: а) составления по единому принципу палеоэтноботанических карт на отдельные территории, для последующего их обобщения для Европы в целом; б) составления общеевропейской библиографии палеоэтноботанических работ (первые публикации библиографии уже имели место на страницах журнала «Культурные растения» — «Die Kulturpflanze»); в) выработки и обоснования критериев определения субфоссильных остатков отдельных наиболее важных видов для ликвидации имевшей до сих пор место некоторой несогласованности.

Решению последнего вопроса очень помогла проведенная на 3-м симпозиуме в течение двух дней демонстрация материалов, позволившая сравнить между собой обугленные и карбонизированные зерна, отпечатки зерен и их фрагментов на глине и керамике и других остатков. Просмотр материалов различной сохранности из археологических слоев разновременных памятников и разных условий захоронения позволил, например, во многом уточнить правильность определения ископаемых видов Triticum aestivum, Tr. compactum и Tr. spelta, отдельных разновидностей ячменя и других растений. Необходимо также указать, что большое место в палеоэтноботанических исследованиях в последнее время занимает изучение сорняков как одного из важных показателей характера посевов и особенностей антропогенной флоры, непосредственно сопровождавшей поселения людей.

Специальных решений относительно общего направления дальнейших исследований на данном симпозиуме принято не было, так как остались в силе решения 2-го симпозиума, для выполнения которых прошедших между совещаниями лет было недостаточно. В заключительном слове В. ван Цайст отметил, что палеоэтноботанические исследования в странах Европы за последние годы приобрели более целенаправленный характер, отличаются бóльшим хронологическим и территориальным размахом и вносят серьезные коррективы в оценку значения земледелия в палеоэкономике различных племен, начиная с самых ранних эпох.

Следующий симпозиум решено провести в 1977 г. в Федеративной Республике Германии, в г. Вильгельмсхафене.

Г. Н. Лисицына

МИНАЕВА ТАТЬЯНА МАКСИМОВНА

Скончалась Татьяна Максимовна Минаева – ученый, принадлежавший к поколению, стоявшему у колыбели советской археологии, человек сложной и трудной судьбы, большой труженик науки. Она умерла в Ставрополе после тяжелой болезни на 78-м году жизни.

Татьяна Максимовна Минаева родилась в 1896 г., в деревне Цибульники Смоленского уезда Смоленской губернии в семье стрелочника. По окончании начальной школы за блестящие успехи в ученье ее посылают в Петербургскую учительскую семинарию, где она получила среднее образование. Закончив семинарию в 1913 г., она преподает в двухклассной земской школе, а затем в женской гимназии.

В 1919 г. Татьяна Максимовна становится студенткой историко-филологического факультета Саратовского университета, который окончила в 1924 г. После окончания она остается в аспирантуре на кафедре археологии и истории искусств и одновременно работает научным сотрудником Саратовского государственного музея.

Уже тогда проявились незаурядные способности молодого археолога, исключительная тщательность, особенно в полевой работе. Интересы молодого исследователя с самого начала научной деятельности были широки – от каменного века до эпохи средневековья.

С 1929 по 1936 г. Татьяна Максимовна работает археологом и заведующим историческим отделом Сталинградского областного музея. С 1939 г. началась ее плодотворная исследовательская работа на Северном Кавказе. Около 10 лет она была заведующим историческим отделом Ставропольского краевого музея.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны, находясь в оккупированном фашистами Ставрополе, Татьяна Максимовна сохраняла коллекции краевого музея. Ей пришлось, рискуя жизнью, прятать наиболее ценные экспонаты, в их числе богатый археологический фонд и особенно привлекавшие внимание гитлеровцев произведения изобразительного искусства, собранные в музее. За спасение картин и других музейных ценностей Т. М. Минаева была награждена после окончания Великой Отечественной войны медалью.

Результатом возобновленных после войны многолетних работ в Верхнем Прикубанье стала защищенная в 1947 г. диссертация «Археологические памятники верховьев Кубани», в которой дана хронологическая характеристика памятников, убедительно доказана их этническая принадлежность аланам и успешно решен ряд исторических вопросов. В диссертации впервые раскрыта культура и история алан Северо-Западного Кавказа на фоне всего раннего средневековья Юго-Востока Европы, от Дуная до Волги. После защиты диссертации Т. М. Минаева работает в Ставропольском педагогическом институте доцентом кафедры истории, оставаясь в этой должности до ухода на пенсию. В этот период Татьяна Максимовна работала особенно плодотворно и энергично. Ею были открыты и обследованы десятки городищ, поселений и могильников в Карачаево-Черкессии, постоянно проводились ежегодные раскопки этих памятников, а также продолжались широкие разведочные работы в горах, в ставропольской степи, в Чечено-Ингушетии.

Занимаясь самыми различными проблемами археологии и древней истории Кавказа, Т. М. Минаева уделяла основное внимание изучению средневековых алан западной части Северного Кавказа и заслуженно считалась виднейшим специалистом в этой области.

По вопросам аланской истории ею написано более 20 работ – крупные статьи и монографии о городищах Гиляч и Адиюх, о поселении Узункол и др.

В те же годы она завершает исследование по истории другого средневекового народа, в течение полутора столетий (XII – начало XIII в.) населявшего Предкавказье,– половцев.

Последней работой Т. М. Минаевой было фундаментальное исследование «К истории алан Верхнего Прикубанья», вышедшее в Ставрополе в 1971 г.,– итог многих лет напряженного и самоотверженного труда исследователя. Основываясь на анализе нового вида аланских погребальных сооружений, в массовом количестве открытых ею на обширной территории горной зоны Северо-Западного Кавказа, Т. М. Минаева доказала, что аланское население в течение всего раннего средневековья в верховьях Кубани было преобладающим.

Замечательный педагог, обладавший большой эрудицией, Татьяна Максимовна десятки лет читала лекции по истории древнего мира и археологии. Многие поколения студентов сохранили память о ней на всю жизнь.

Всем, кому посчастливилось близко знать Татьяну Максимовну, хорошо известны чуткость, всегдашнее неравнодушие ко злу, бесконечная человечность, поразительная простота и скромность этого отдавшего свою жизнь науке человека.

Светлая память о ней сохранится в сердцах ее учеников и друзей, а ее работам, пользующимся заслуженным признанием в научном мире, суждена долгая жизнь.

А. В. Найденко

СТЕПАНОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ

27 января 1974 г. на 76-м году жизни скончался заслуженный деятель науки Мордовской АССР, доктор исторических наук, профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева Павел Дмитриевич Степанов.

П. Д. Степанов родился в 1898 г. в Саратове в семье рабочего-металлиста. Шестнадцатилетним юношей, окончив четырехклассное училище, он начал свою трудовую деятельность, сначала служащим Саратовской почтовой конторы, затем конторщиком Рязанско-Уральской железной дороги.

В 1925 г. П. Д. Степанов заканчивает Саратовский государственный университет, после чего работает научным сотрудником и заведующим отделом Саратовского областного краеведческого музея, ассистентом кафедры археологии и этнографии Саратовского государственного университета, доцентом кафедры истории СССР Саратовского педагогического института. Еще будучи студентом, Павел Дмитриевич проявляет большой интерес к этнографии мордовского народа, принимает активное участие в археологических экспедициях П. С. Рыкова. В 20-х — 30-х годах П. Д. Степанов публикует ряд работ, посвященных истории и культуре народов Поволжья. На основе этнографических и архивных материалов П. Д. Степанов делает вывод о том, что заселение мордвой Саратовского края началось задолго до XVII в. Изучение одежды саратовской мордвы дало возможность проследить ряд интересных вопросов этнической истории мордовского народа. П. Д. Степанов затрагивает в своих работах и вопросы истории материальной и духовной культуры других народов финно-угорской общности — марийцев, удмуртов, коми.

В начале 30-х годов по направлению Комитета Севера ВЦИК РСФСР он едет на Дальний Восток и в течение ряда лет заведует краеведческим пунктом на берегу Охотского моря.

В годы Великой Отечественной войны П. Д. Степанов находился в Советской Армии, в 1942 г. он вступает в члены Коммунистической партии Советского Союза.

Научно-педагогическая деятельность П. Д. Степанова неразрывно связана с Мордовской АССР. В 1940 г. он становится старшим научным сотрудником Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, возглавляет многочисленные археологические экспедиции. Под его руководством раскапываются такие памятники, как городище Ош-Пандо, Андреевский курган и др.

К числу значительных заслуг П. Д. Степанова относится открытие им фатьяновских поселений эпохи бронзы на территории Мордовии и Чувашии. Павел Дмитриевич дает реконструкцию фатьяновских жилищ, характеризует хозяйство и общественный строй фатьяновцев Западного Поволжья. Как отмечал тогда С. В. Киселев, открытие П. Д. Степанова «разрешает вопрос о поселениях фатьяновцев, показывая их (по крайней мере на юго-востоке их территории) оседлыми и, по-видимому, овладевшими земледелием, а не только скотоводством». Исследование фатьяновских поселений открыло новые возможности для изучения истории племен эпохи бронзы на территории всей средней полосы Европейской части страны.

Большой интерес представляют многочисленные курганы и поселения срубной культуры, раскопанные П. Д. Степановым в Западном Поволжье. В примокшанских районах Мордовской АССР им открыты поселения эпохи бронзы, которые отличаются от фатьяновских и срубных. Эти памятники выделяются им в особую примокшанскую культуру («Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши», 1955). Большая заслуга принадлежит П. Д. Степанову в области изучения городецкой культуры. Начиная с первых лет его работы в Мордовии им обследованы десятки городецких памятников. Археологические экспедиции, возглавляемые П. Д. Степановым, работали в Саратовском Поволжье, Присурье, Примокшанье и во многих других местах. Материалы многих из них опубликованы и введены в научный оборот в целом ряде печатных работ.

Итогом многолетней экспедиционной и исследовательской работы П. Д. Степанова явился труд «Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья», а также «Археологические памятники на территории Мордовии» (1969).

Трудно себе представить какую-либо обобщающую работу по древней и средневековой истории мордовского народа без упоминания исследований П. Д. Степанова. Широкий диапазон исследований Павла Дмитриевича в этой области отражен в многочисленных публикациях. Первой его крупной работой по истории Мордовии была кандидатская диссертация «История мордовского народа с древнейших времен до XVI века», защищенная в 1946 г. В его работах изучаются самые разнообразные стороны жизни мордовских племен на основе не только археологического материала, но и с умелым привлечением этнографических данных, анализом письменных источников. История мордвы рассматривается на широком историческом фоне, в тесной связи с развитием соседних племен и народов.

Большое место в трудах П. Д. Степанова занимает проблема истории хозяйства мордвы. Особенно весомый вклад внесен П. Д. Степановым в изучение этногенеза мордовского народа. Он одним из первых поставил вопрос о происхождении двух родственных мордовских народов — мокши и эрзи. Продолжая работать над этой темой, Павел Дмитриевич опубликовал работу «Древняя история мордвы — эрзи», в которой

тщательно проанализировал и обобщил все возможные источники по истории этого мордовского племени.

В полевых исследованиях П. Д. Степанов особое внимание уделял восточным районам Мордовии. Здесь им изучен ряд весьма интересных древних поселений, которые он сначала связывал с мордовскими племенами, но затем выдвинул гипотезу о принадлежности их угро-мадьярским племенам. В обобщенном виде результаты его исследований в этом районе изложены в работе «Ош-Пандо» (Саранск, 1967), ставшей докторской диссертацией.

Крупным событием в истории археологического изучения Среднего Поволжья было открытие и исследование П. Д. Степановым уникального памятника – Андреевского кургана на территории Мордовской АССР. Здесь был обнаружен могильник первых веков нашей эры, содержавший ценнейший археологический материал, который может служить эталоном для построения хронологической шкалы древностей Среднего Поволжья.

П. Д. Степановым внесен большой вклад в подготовку научных кадров Мордовии, особенно из числа молодежи коренной национальности. Работая заведующим сектором археологии и этнографии Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, профессором кафедры истории СССР Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, он вырастил немало археологов и этнографов.

Научная общественность, студенческая молодежь знали П. Д. Степанова как неутомимого труженика-исследователя. Его большая эрудиция всегда привлекала к себе научную молодежь. Все, кто знал Павла Дмитриевича Степанова, навсегда сохранят память о нем.

М. Жиганов, В. Вихляев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбГМ — Абхазский государственный музей
АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР, Київ
АЭБ — Археология и этнография Башкирии, Уфа
АЭС — Археолого-этнографический сборник
АЭТ — Археология и этнография Татарии
БАС — Башкирский археологический сборник, Уфа
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВВ — Византийский временник
ГМГ — Государственный музей Грузии
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОР ГБИЛ — Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество
ИКДР — История культуры Древней Руси
ИКО ИРГО — Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества
ИКФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИФС — Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР
К(В)АЭ — Камская (Воткинская) археологическая экспедиция
КГПИ — Кустанайский государственный педагогический институт
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАПП — Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАРНИИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
НКАЭ — Нижнекамская археологическая экспедиция
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.— Л., 1950
НПО — Научно-просветительный отдел Государственного Эрмитажа
ОИН АН СССР — Отделение исторических наук АН СССР
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПВЛ — Повесть временных лет, ч. 1—2, М.— Л., 1950
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
Тр. ОРСА — Труды отделения русской и славянской археологии
УАС — Уральское археологическое совещание
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького
ХС — Херсонесский сборник
ЧИ НИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
AA — Archäologischer Anzeiger
AAH — Acta Archaeologica, Budapest
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AR — Archeologické rozhledy
BMC — W. Wroth. Catalogue of the Coins in British Muzeum
BRCI — The Research Council of Israel. Bulletin
CAH — Cambridge Ancient History
IEJ — Israel Exploration Journal
IJZ — Israel Journal of Zoology
JPOS — Journal of Palestine Oriental Society
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute
MUSJ — Mélanges de l'Université St.— Joseph. Beyrouth.
PBA — Proceedings of the British Academy
QDAP — The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine
RB — Revue Biblique
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real — Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
SNG — Sylloge Nummorum Graecorum
SK — Seminarim Kondakovianum
TTKB — Türk Tarih Kurumu Belleten
WA — Wiadomości archeologiczne
ZfA — Zeitschrift für Archäologie
ZfK — Zeitschrift für Kunstwissenschaft

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1975 ГОД

	№	Стр.
Об актуальных задачах советской археологической науки	2	5
К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне	3	5
М. П. Абрамова. Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии	1	213
Л. И. Авилова. Культура шаровидных амфор в Польше (обзор литературы)	3	225
А. И. Айбабин. В. В. Аулих. Зимнівське городище. Київ, 1972	1	309
К. А. Акишев, К. М. Байпаков. Музей археологии Академии наук Казахской ССР	2	316
Т. И. Алексеева. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры	1	264
Играр Алиев, Ф. Л. Османов. Бассейн рек Геокчай — Гирдманчай — Ахсучай в античное время	1	188
А. К. Амброз. G. Faider-Feytmans. Les nécropoles mérovinginnes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont. 1970	2	296
И. И. Артеменко. Ch. Strahm. Die Gliederung der schnurkeramischen Kultur in der Schweiz. Acta Bernesia VI. Bern, 1971	4	293
Г. Е. Афанасьев. Поселения VI—IX вв. района Кисловодска	3	53
О. Н. Бадер. Археологи на VI Международном спелеологическом конгрессе в Чехословакии в 1973 г.	1	330
Н. О. Бадер. Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.)	4	99
И. А. Баранов. Раннесредневековая пряжка из Ялты	1	271
С. С. Березанская. Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне	2	148
В. В. Бжания, В. И. Марковин. Избранные труды М. М. Трапша	2	280
П. И. Борисковский. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», I. Л., 1971	1	296
В. А. Буров. «Муж добръ Есифъ Давыдович»	4	267
Г. М. Буров. К вопросу о происхождении коми (в связи с опубликованием монографии Э. А. Савельевой)	4	304
И. Б. Васильев, В. С. Горбунов. Бирское поселение	3	149
И. Б. Васильев. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии	4	250
В. Б. Виноградов. М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972	1	304
Ю. Г. Виноградов, Н. А. Онайко. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время	1	86
Р. Ф. Воронина. О некоторых чертах верований среднецнинской мордвы VIII—XI вв.	1	281
Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР	2	268
Т. Н. Высотская. Общественные здания Неаполя Скифского	2	48
Л. Л. Галкин. Керамические горны золотоордынского города Азака	1	252
Л. Л. Галкин. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов	3	186
М. В. Горбаневский, А. С. Фролов. Сюльгама дьяковского времени с Борисоглебского городища	2	260
А. А. Горбенко, В. А. Кореняко, В. Е. Максименко. Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка	1	286
В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии	2	254
М. В. Горелик. E. B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde, 1971	2	292
Э. Грингмут-Дальмер. Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования	2	79
В. П. Даркевич. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII—XIV века)	2	232
В. И. Дьяков. Новая археологическая коллекция с о. Итуруп (Курильские острова)	2	249
О. В. Дьякова, Э. В. Шавкунов. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян	3	158
В. В. Евдокимов. Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол	4	163
В. Л. Егоров. О времени возникновения Казани	4	80
Ю. А. Заднепровский. Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане	4	276

	№	Стр.
П. И. Засурцев, **В. Л. Янин.** Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972	3	260
Г. Н. Иванова. Рейнская керамика из раскопок во Пскове	4	274
Н. И. Игонин, А. Х. Халиков. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей	1	102
У. И. Исламов, А. Е. Матюхин. О специфической группе орудий из пещерной стоянки Мачай	3	181
Г. Р. Ишмуратова. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии	1	51
Е. П. Казаков. Погребения срубной культуры у дер. Куралово	3	194
Е. П. Казаков. Два погребения Чишминского могильника	4	259
А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына. Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении (по материалам работ 1969—1971 гг.)	1	118
Г. С. Киселев. Некоторые вопросы древней истории Центрального Судана в свете новейших археологических исследований (обзор литературы)	3	239
Л. С. Клейн. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Труды Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг., часть I). Одесса, 1970	1	297
Л. С. Клейн. J. N. Woodall. An Introduction to modern archeology. Cambridge (Mass.), 1972	3	267
Л. Г. Колесникова. Погребение воина на некрополе Херсонеса	4	264
О. А. Кондратьева. Подготовка к музеефикации памятников археологии и архитектуры в Пскове	2	306
Л. В. Копейкина. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период	2	188
В. А. Кореняко, А. А. Горбенко. Котел сарматского времени в Азовском музее	2	259
Г. Ф. Коробкова. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии)	3	8
М. Ф. Косарев. «Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1973	3	232
М. Ф. Косарев, Т. М. Потемкина. Поселение Ипкуль I	4	173
К. В. Кострин. Находки остатков нефти в археологических памятниках Северного Причерноморья	3	206
С. И. Кочкуркина. Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973	2	303
Е. Е. Кузьмина. О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V веках до н. э. М., 1973	2	287
С. В. Кузьминых, В. С. Патрушев. Литейная форма из Акозино	4	249
И. И. Кушнир. К топографии древнего Новгорода	3	176
И. Л. Кызласов. Поминальные памятники таштыкской эпохи	2	30
И. К. Лабутина, О. А. Кондратьева. Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове	4	223
В. А. Леквинадзе. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия)	4	193
Г. Н. Лисицына. 3-й Международный симпозиум по палеоэтноботанике	4	311
В. В. Мавродин, С. Н. Орлов. К вопросу об «Уставе» князя Ярослава «о мостех»	2	89
М. Г. Магомедов. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника	1	275
М. Г. Магомедов. Хазарские поселения в Дагестане	2	200
М. Г. Магомедов. Древние политические центры Хазарии	3	63
Ю. П. Манылов. Мраморные архитектурные детали из Султануиздага	3	210
А. Е. Матюхин. J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New York — Washington, 1970	1	290
Б. Ю. Михлин. Сарматское погребение в Южном Донбассе	4	185
Н. Ф. Мурыгина. Ю. К. Колосовская. Паннония в I—III веках. М., 1973	3	244
Н. Б. Немцева. Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда	3	94
В. А. Непочатых. Акинак из Хвалынска	2	258
А. Л. Никитин. Многослойное поселение Польцо	3	118
К. Л. Паавер. Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971, Budapest, 1973	2	278
Г. А. Панкрушев. Турбинская керамика на древних поселениях Карелии	3	201
В. С. Патрушев. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья	3	28
В. А. Петренко. Клад конского снаряжения из раскопок второго Ханкальского городища (Чечено-Ингушетия)	4	256
П. Р. Пичикян. Боспорские антаблементы первых веков нашей эры	1	176
И. Р. Пичикян. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. Bd. 79, 1972 (1)	3	248

	№	Стр.
Н. Г. Порфиридов. О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой каменной пластики	3	75
Т. М. Потемкина. Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол	1	35
Н. Д. Праслов. H. de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique V. II. Bas-Languedoc — Roussillon — Catalogne, Paris, 1971	2	275
Г. Н. Пронин. К вопросу о ранней дате городища у с. Супруты (по керамическим материалам)	3	44
Е. Б. Пругер. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане	2	223
А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры	2	176
А. Д. Пряхин. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья	4	154
Т. В. Равдина. Археологические замечания к нумизматическим работам	1	316
Т. В. Равдина. Древнейшие семилопастные височные кольца	3	218
А. Т. Рамишвили. Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960—1964 и 1967 гг.	1	136
А. Т. Рамишвили. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья	4	36
П. А. Раппопорт. Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске	4	235
Я. Г. Риер. Каменные топоры эпохи бронзы из Могилевского Поднепровья	3	141
А. И. Романчук, В. Е. Рудаков. Керамический комплекс IX—X веков Баклинского городища	2	217
Э. В. Ртвеладзе. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени	2	262
И. П. Русанова. І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972	4	301
А. П. Савчук. Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье	4	92
А. И. Салов. Клад III—IV вв. н. э. с Шум-речки (Анапский район)	3	172
В. И. Сарианиди. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане	2	20
В. В. Седов. W. Łosiński. Początki wczesnośredniowiecznego ocadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty, 1972	1	313
В. В. Седов. VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии	2	312
В. В. Сидоров, М. Г. Жилин. Мезолитическая стоянка Дальний остров в Подмосковье	2	244
В. В. Сидоров. Стоянки на озере Святом у Шатуры	3	107
Р. А. Симонов. О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси	3	82
Е. Н. Симонова. Городище у с. Орош в области Саболч-Сатмар	3	192
И. И. Соколов. Заметка о тверском кладе 1766 г.	3	224
А. К. Станюкович, А. Г. Атавин. Простейший полевой зонд для археологических разведок	4	280
В. Ф. Старков, Ю. Б. Сериков. Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье	2	168
П. Н. Старостин. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы	2	266
Э. А. Сымонович. Черняховские материалы из с. Ново-Александровки на Нижнем Днепре	1	203
Э. А. Сымонович. Об одной категории находок на памятниках черняховской культуры	3	213
Э. А. Сымонович. І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972	4	297
Т. Б. Томес. Новые поступления в фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР	2	315
В. П. Третьяков. Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре	2	9
В. П. Третьяков. В защиту единства волосовских древностей	4	14
Р. Г. Фахрутдинов. Еще раз о столице домонгольской Булгарии	4	71
М. Н. Федоров. К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики)	1	109
Л. В. Фирсов. Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым)	1	94
Л. В. Фирсов. Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов	2	133
Б. А. Фоломеев. Тюков городок	1	154
А. А. Формозов. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в.	1	171

	№	Стр.
А. А. Формозов. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии	4	5
Н. А. Фролова. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI	4	45
Т. А. Хлебникова. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.)	1	234
Т. А. Хлебникова. Ранний Булгар	2	120
М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Горного Алтая	1	17
М. Д. Хлобыстина. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа»	4	23
А. В. Чернецов. Древнерусские изображения кентавров	2	100
Г. А. Чернов. Устьхейягинское древнее поселение на р. Коротаихе	4	112
Е. Н. Черных. Аи-бунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах (исследования 1971—1972 гг.)	4	132
Н. Л. Членова. В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972	2	283
М. Я. Чореф. Два новых рельефа сарматского круга	1	260
А. А. Шенников. Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972	3	256
В. П. Шилов. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века	1	5
Г. В. Шишкина. Эллинистическая керамика Афрасиаба	2	60
В. А. Шнирельман. Проблема происхождения натуфийской культуры (обзор литературы)	4	283
Б. А. Шрамко. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема	1	65
М. Ф. Шур. Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972	2	300
Ю. Л. Щапова. Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве	4	209
М. Б. Щукин. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян	4	57
А. Х. Юсупов. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана	2	138
К 70-летию со дня рождения С. В. Киселева	4	88
Засурцев Петр Иванович	1	333
Монгайт Александр Львович	2	318
Евтюхова Лидия Алексеевна	3	274
Минаева Татьяна Максимовна	4	313
Степанов Павел Дмитриевич	4	314

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1975 г. Т. 18302 Подписано к печати 6/X-1975 г. Тираж 3205 экз.
Зак. 2617 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл.-печ. л. 28,0 Бум. л. 10 Уч.-изд. л. 30,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10